ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

TheBryanskStateUniversityHerald

№ 2
2012

ИСТОРИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

HISTORY / SCIENCE OF LITERATURE /LINGUISTICS

ББК74.58
В38

Вестник Брянского государственного университета. №2 (2012): История. Литературоведение. Языкознание. Брянск: РИО БГУ, 2012. 311 с.

Редакционная коллегия
А.В. Антюхов – ректор БГУ, доктор филологических наук, профессор; председатель редакционной коллегии (отв. редактор);
С.Ф. Блуменау – доктор исторических наук, профессор;
С.Я. Гехтляр – доктор филологических наук, профессор;
С.А. Кокотов – кандидат исторических наук,профессор;
С.Г. Малинников – кандидат философских наук, доцент;
С.И. Михальченко – доктор исторических наук, профессор (зам. отв. редактора);
В.Д. Мехедов – кандидат исторических наук, доцент;
В.И. Макаров – доктор филологических наук, профессор;
Г.Н. Россихина – кандидат филологических наук, профессор;
А.В. Шаравин – доктор филологических наук, профессор.

В этом выпуске Вестника Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского представлены материалы по основным направлениям исследований ученых университета в области истории, литературоведения, языкознания.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс 47075

© РИО БГУ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Анисин Ю.В.
К ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ: СБОРНИК «ВОЗРОЖДЕНИЕ» 9
Анисин Ю.В.
УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЕССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. 12
Антюхова Е.А.
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ И США, СОТРУДНИЧЕСТВО С АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 18
Антюхова Е.А.
ФРАНЦИЯ И НАТО В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: АКЦИИ И ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ, ДОГОВОРЕННОСТИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОАЛИЦИЕЙ СТРУКТУР НАТО 25
Блуменау С.Ф.
НЕПРИЯТИЕ АБСОЛЮТИЗМА ФРАНЦУЗСКИМ ОБЩЕСТВОМ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 32
Бобков В.А.
РОЛЬ ПОЛКОВНИКА Л.Н. БЕЛИЧА В ПРОИЗВОДСТВЕ АРТИЛЛЕРИИ В РОССИИ 36
Богомолова Н.Н.
«ПО ДОРОГЕ В МАНДАЛАЙ…»: ВЗГЛЯД БРИТАНСКОЙ МИССИИ НА КОЛОНИАЛЬНОГО «ДРУГОГО» 70-Е ГГ. XIX В. 40
Борисов В.И.
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В РОССИИ ОСЕНЬЮ 1917 Г. 44
Борисов В.И.
КОМИТЕТЫ БЕДНОТЫ ЮГА РОССИИ В СИСТЕМЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ(1918-1920 ГГ.) 47
Брянцев М.В.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ «КОЛЕНКОРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»: М.А.МОРОЗОВ И САМОСОЗНАНИЕ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА 50
Востриков С.В.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В АРЕАЛЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ЛИМИТРОФА 52
Востриков С.В.
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КУДА НАПРАВЛЕН ВЕКТОР ПЕРЕМЕН 57
Востриков С.В.
ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОМЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ 64
Горбачев О.В.
РОССИЙСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ В XX ВЕКЕ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА 67
Горбачева Л.О.
РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ О СУЩНОСТИ ГЕРМАНСКОГО МИЛИТАРИЗМА 71
Денисов С.И.
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ В 19ВЕКЕ. 76
Дубровский А.М.
К ОЦЕНКЕ ВЫДВИЖЕНЧЕСТВА 79
Дубровский А.М.
БОЛЬШЕВИЗМ И ТОРГОВЛЯ (1920-1930-Е ГГ.) 83
Жарких Е.В.
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ГЕРМАНИИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ 86
Жибоедов В.В.
«ЖУРНАЛ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ» – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ Н. М. ДРУЖИНИНА 89
Журина Е.Н.
Г. ГУВЕР И ВОПРОС О ПРИЗНАНИИ СССР В СВЯЗИ С ОБОСТРЕНИЕМ СИТУАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ 95
Золотов В. И.
РЫЦАРСТВО И ДЖЕНТРИ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XV ВЕКА 99
Золотов В.И.
СКВАЙРЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ АНГЛИЙСКОЙ МОНАРХИИ XV ВЕКА 103
Казакова О.Ю.
ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЮ (Г. ДЕ БОМОН «РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ») 107

Кляченков Е.А.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ И БОЛЬШЕВИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ И БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИЙ (ОКТЯБРЬ 1917 – 1924 ГГ.) 111
Косарев С.И.
“THE TIMES” И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. 118
Кузнецова О.Н.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОСТАВА ГЛАВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ В 1917 ГОДУ.....121
Ланцев С.Н.
А. Ф. КЕРЕНСКИЙ, Л. Г. КОРНИЛОВ И БРИТАНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: ОРИЕНТАЦИЯ НА ВОЕННУЮ ДИКТАТУРУ.....123
Малашенко И.В.
ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОЛЬШЕВИЗМА.....128
Мищенко Т.А.
ЖЕНЩИНЫ ИЗ СОВЕТСКИХ ФИЛЬМОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ ЭКРАН» 1960-1968 ГГ.) 132
Мороз И.А.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ТОРГОВЛИ В 50-60е ГОДЫ.....136
Нечай С.Л.
ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1816 ГОДА В США.....140
Оксамытный В.В.
ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В КОМПАРАТИВИСТСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....145
Ольховская О.В.
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НЕМЕЦКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ЦЕНТР» И ЕЕ РУКОВОДСТВО.....148
Патрушева Н.Г.
СТРУКТУРА ЦЕНЗУРНОГО ВЕДОМСТВА В ПРОЕКТЕ КОМИССИИ С.Н. УРУСОВА (1871 Г.).....152
Поляков Г.П., Шинаков Е.А
ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРЕДГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ СРЕДНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ В ПЕРИОД СЛОЖЕНИЯ, РАСЦВЕТА И КРИЗИСА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (СЕРЕДИНА X – СЕРЕДИНА XII ВВ.). (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТИСТИКО-КОМБИНАТОРНОГО АНАЛИЗА1986 ГОДА КВЕТУНЬСКОГО НЕКРОПОЛЯ).....156
Пономарева В.П.
ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ПОНИМАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХАРБИНСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА.....164
Прилуцкий В.В.
ЗАРОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ТРЕЗВОСТЬ В США И НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА «СУХОЙ ЗАКОН» 167
Ранчинский В.П.
РЕФОРМА ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОДМАНДАТНОЙ СИРИИ.....172
Ратников А.А.
У ИСТОКОВ ДИПЛОМАТИИ США: МИССИЯ ДЖЕЙМСА МОНРО ВО ФРАНЦИЮ 1794-1796ГГ. 178
Рачковская К.А.
ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ У.Г. ТАФТА 183
Трифанков Я.Ю., Трифанков Ю.Т.
ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕЗИСА КАЗАЧЕСТВА СЕВЕРЩИНЫ (БРЯНСКОГО РЕГИОНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ).....186
Трифанков Ю.Т., Гавренков А.А., Трифанков Я.Ю.
БРЯНСКИЙ ФРОНТ: 50-Я АРМИЯ. «РЕССЕТА» И «ХАЦУНЬ».....193
Устинова Ю.Н.
ВОПРОС ГЕРМАНСКОГО ЕДИНСТВА В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛОВ (1871 ГОД) 200
Федькина Н.Г.
СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЯТЬКОВСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ИМ.С. И. МАЛЬЦОВА В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ. 204
Филимонов В.Я.
КАЛУЖСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1918 Г.....208
Чувардин Г.С.
ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС «КАЗАЧЬЕЙ ГВАРДИИ» В СИСТЕМЕ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 213
Шувалов А.А.
МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОМАНДНОГО СОСТАВА РККА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....217

Щавелев А.С.
«СТАРЫЕ КНЯЗЬЯ»: КАТЕГОРИЯ ЛЕГЕНДАРНОГО ВРЕМЕНИ И ЭТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 220

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Брюханова Ю.М.
ЖЕНСТВЕННАЯ ИПОСТАСЬ КРАСОТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА 223
Ефремова Е. М.
ТИПЫ ЛИРИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В ПОЭЗИИ ЛЕОНИДА ПОПОВА В АСПЕКТЕ ЖАНРОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ 227
Николаева Е.А.
ОБРАЗНЫЙ РЯД В ЛИРИКЕ Р. ФРОСТА 230
Сарин Е.И.
БИОГРАФИЧЕСКИЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЕРЕВОДНЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ЖИТИЯХ 233
Токарева Т. Н.
ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭТИКИ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ РОМАНЕ 1930 – Х ГОДОВ («ЛЮДИ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ» А. МАЛЫШКИНА) 241

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Байдикова Е.Л.
О КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЕЙ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ 245
Белютин Р. В.
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «СПОРТ – ЭТО ВОЙНА» В НЕМЕЦКОЙ КАРТИНЕ МИРА 249
Вороничев О. Е.
О ВИДАХ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ КАЛАМБУРНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 252
Гехтляр С.Я., Пугачева О.В.
АРХИТЕКТОНИКА ТЕКСТА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ «КРОХОТОК» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА) 255
Голованевский А.Л.
СЕМАНТИКА ДВИЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ ТЮТЧЕВА 258
Горяинова Н.В.
КОГНИТИВНЫЕ СВОЙСТВА ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ Ф.И. ТЮТЧЕВА 263
Гостенина В.И., Шилина С.А.
УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТАТУСА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ) 267
Карамова А.А.
О СИСТЕМНОМ ХАРАКТЕРЕ «ЦВЕТОВОЙ» ЛЕКСИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 272
Корытко И.В.
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ КОМПОНЕНТОВ МИКРОПОЛЯ ПАССИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК) 276
Покора В.Н.
СПЕЦИФИКА ОНЛАЙН КОММУНИКАЦИИ НЕМЕЦКОГОВОРЯЩИХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ. ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД 280
Россихина М. Ю.
НЕМЕЦКИЙ БУРШЕСКИЙ ЯЗЫК В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 284
Сычёва Е.Н.
СОМАТИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ф.И. ТЮТЧЕВА И В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ФЕ) 289
Тихонова М.П.
ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ О ДЕТСТВЕ И ДЛЯ ДЕТЕЙ: ВИКТОР ДЕ ЛАПРАД 293
Чугунова С.А.
ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА КАК БАЗА ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ) 298
Шепетовская А.Л.
СТРУКТУРА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «СТРАННИЧЕСТВО» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 302

CONTENT

HISTORY

Anisin Yu.V.
TO A HISTORY OF THE JEWISH SOCIALIST LABOUR PARTY: COLLECTION "VOZROZHDENIE".....9
Anisin Yu.V.
JEWISH PARTICIPATION IN THE ACTIVITY OF POLESIE ORGANIZATIONS OF POLITICAL PARTIES IN RUSSIA AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES.....12
Antyuhova E.A.
MILITARY-POLITICAL RELATIONSHIP OF THE FIFTH REPUBLIC AND THE USA, COOPERATION WITH ENGLAND AND GERMANY IN CENTRAL ASIA.....18
Antyuhova E.A.
FRANCE AND NATO AT THE BEGINNING OF XXI CENTURY: CAMPAIGNS AND WAR OPERATIONS, AGREEMENT ON USING NATO STRUCTURES BY THE COALITION 25
Blumenau S.F.
FRENCH SOCIETY´S REJECTION OF ABSOLUTISM ON THE GREAT REVOLUTION´S EVE 32
Bobkov V.A.
CORONEL L.N. BELITCH'S ROLE IN ARTILLERY PRODUCTION IN RUSSIA.....36
Bogomolova N.N.
«ON THE WAY TO MANDALAY …»: THE LOOK OF THE BRITISH MISSION ON COLONIAL "ANOTHER".70TH OF THE XIX CENTURY. 40
Borisov V. I.
THE FOOD SITUATION AND THE RISE OF THE REVOLUTIONARY CRISIS IN RUSSIA IN AUTUMN OF 1917 44
Borisov V. I.
COMMITTEES OF THE POOR IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE SYSTEM OF THE FOOD POLICY OF SOVIET POWER DURING THE CIVIL WAR (1918-1920).....47
Bryantsev M.V.
«REPRESENTATIVES OF THE "CALICO LITERATURE": M.A.MOROZOV AND SELF-RUSSIAN MERCHANTS». 50
Vostrikov S.V.
HISTORIC FEATURES OF IDENTITY FORMATION IN THE AREA OF THE RUSSIA-BELARUS LIMITROPHUS.....52
VostrikovS.V.
HISTORICAL DESTINY OF CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: WHERE THE VECTOR OF CHANGES IS DIRECTED.....57
Vostrikov S.V.
HISTORICAL-LINGUISTICAND PSICHOMENTAL ASPECTS OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS: PASTAND PRESENT 64
Gorbachev O.V.
RUSSIAN URBANIZATION IN THE XX CENTURY AS AN INTERDISCIPLINARY PROBLEM.....67
Gorbacheva L.O.
RUSSIAN NATIONAL LIBERAL PUBLISIZM ABOUT THE ESSENCE OF GERMAN MILITARISM DURING WORLD WAR I 71
Denisov S.I.
HISTORY OF THE FORMATION OF EMERGENCY LEGISLATION IN GERMANY IN 19TH CENTURY. 76
Dubrovskii A.M.
ABOUT APPRAISAL OF VIDVIZHENTCHESTVO.....79
Dubrovskii A.M.
BOLSHEVISM AND A TRADE (1920-1930).....83
Zharkikh E.V.
FORMATION OF NATIONAL IMAGES OF GERMANY IN RUSSIAN IN SOCIETY LATE XIX - EARLY XX CENTURIES 86
Zhiboedov V.V.
THE MAGAZINE OF LAND OWNERS - N.M. DRUZHININ'S FIRST MONOGRAPH.....89
Zhurina E.N.
H. HOOVER AND THE QUESTION OF RECOGNITIONOF THE USSRDUE TO THE WORSENINGSIT-UATIONIN THE FAR EAST. 95
Zolotov V.I.
KNIGHTHOOD AND GENTRY AT FIFTEENTHCENTURY ENGLISH SOCIETY 99
Zolotov V.I.
ESQUIRES AND GENTLEMEN AT TRANSFORMING SOCIETY OF FIFTEENTH CENTURY ENGLAND.....103
Kazakova O.Y.
FRENCH LOOK TO RUSSIA (G. DE BEAUMONT «RUSSIA AND THE UNITED STATES FROM THE ECONOMIC POINT OF VIEW») 107

Klyachenkov E.A.
RELATIONS BETWEEN THE SOCIALIST OPPOSITION AND BOLSHEVIKS IN THE TERRITORY OF OREL AND BRYANSK PROVINCES (OCTOBER 1917 – 1924) 111
Kosarev S.I.
“THE TIMES” AND ITS ROLE IN THE LIFE OF ENGLAND IN THE SECOND HALF OF THE NINE-TEENTH CENTURY 118
Kuznetsova O.N.
THE ACTIVITIES OF THE SUPREME ECONOMIC COMMITTEE OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT OF THE RUSSIA IN 1917 121
Lantsev S.N.
A.F.KERENSKY, L.G. KORNILOV AND THE BRITISH POLITICAL COMMUNITY: ORIENTATION TO MILITARY DICTATORSHIP 123
Malashenko I.V.
CONSUMER COOPERATION IN BRYANSK REGION (GYBERNIA) IN THE FIRST YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY: THEORY AND PRACTICE OF BOLSHEVISM 128
Mishchenko T.A.
WOMEN FROM SOVIET FILMS (BY THE MAGAZINE "SOVIET SCREEN" 1960-1968 YEARS) 132
Moroz I.A.
PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MATERIAL-TECHNICAL BASE OF THE SOVIET TRADE IN 50-60S 136
Nechay S.L.
THE UNITED STATES PRESIDENTIAL ELECTION OF 1816 140
Oksamytnyi V.V.
LEGAL SYSTEMS IN COMPARATIVE DIMENSION: PAST AND PRESENT 145
Olhovskaya O.V.
ORGANIZATION OF THE GERMAN CATHOLIC PARTY "CENTER" AND ITS MANAGEMENT 148
Patrusheva N.G.
THE STRUCTURE OF CENSORSHIP DEPARTMENT AS DRAFTED BY S.N. URUSOV COMMISSION (1871) 152
Polyakov G.P., Shinakov E.A.
ETHNIC AND SOCIAL COMPOSITION PREDGORODSKIH POINT AVERAGE PODESENYA DURING THE ADDITION, THE RISE AND CRISIS OLD STATE (MID X - MIDDLE OF THE XII CENT.). (BASED ON MATERIALS OF STATISTICS YEAR-COMBINATORIAL ANALIZA1986 KVETUNSKOGO NECROPOLIS) 156
Ponomareva V.P.
PRINCIPLES OF LAW IN THE UNDERSTANDING OF REPRESENTATIVES OF THE HARBIN LAW SCHOOL 164
Prilutsky V.V.
ORIGIN OF MOVEMENT FOR SOBRIETY IN THE USA AND HOME FOR THE "DRY LAW" 167
Ranchinsky V.P.
REFORM OF LAND RELATIONS IN THE MANDATED SYRIA 172
Ratnikov A.A.
THE EARLY DIPLOMACY OF THE UNITED STATES: JAMES MONROE`S MISSION TO FRANCE 1794-1796 178
RachkovskayaK.A
MAKING W.H. TAFT’S PRESIDENTIAL ADMINISTRATION 183
Trifankov Ya.Yu., Trifankov Y.T.
THE PROBLEM OFTHE STUDYOF GENESISCOSSACKSSEVERSCHINY (BRYANSKREGION ANDADJACENTAREAS) 186
TrifankovYu.T, GavrenkovA.ATrifankovYa.Yu.
BRYANSK FRONT: 50TH ARMY. "RESSETA" AND "HATSUN" 193
Ustinova Y.N.
QUESTION OF THE GERMAN UNITY IN THE NATIONAL-LIBERALS POLITICS (1871) 200
Fedkina N.G.
SOCIAL SUPPORT OF FACTORY POPULATION IN THE ACTIVITY OF DYATKOV`S CHARITY INSTITUTION NAMED AFTER S. I. MALTSOV AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES 204
Filimonov V.Ya.
KALUGA SOVIET REPUBLIC (1918) 208
Chuvardin G.S.
OFFICER CORPS OF "COSSACK HOUSEHOLD TROOPS" IN THE SYSTEM OF MILITARY ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN LAST ONE THIRD OF XIX - BEGINNING OF XX OF CENTURY 213
Shuvalov A.A.
THE MATERIAL SECURITY OF COMMANDING OFFICERS RKKA DURING CIVIL WAR 217
Schavelev A.S.
«OLD PRINCES»: A LEGEND TIME CATEGORY AND ETHICAL REFERENCE POINT IN OLD RUSSIAN LITERATURE 220

SCIENCE OF LITERATURE

Bryukhanova M.
FEMALE BEAUTY IN THE POETIC PHILOSOPHY OF BORIS PASTERNAK 223
Efremova E.M.
THE TYPES OF LYRIC SUBJECTS IN LEONID POPOV'S POETRY
IN THE ASPECT OF GENRE CHARACTERISTICS.....227
Nikolaeva. E.A.
IMAGERY IN LYRICS BY R. FROST 230
Sarin E.I.
BIOGRAPHICAL AND AUTOBIOGRAPHICAL ELEMENTS
IN TRANSFERABLE OLD LIVES 233
Tokareva T.N.
ELEMENTS OF THE POETICS OF THE NOVEL OF EDUCATION
IN THE INDUSTRIAL NOVEL 1930S (" PEOPLE FROM THE BACKWOODS"
BY A. MALYSHKIN) 241

LINGUISTICS

Baydikova E.L.
ON A COMMUNICATIVE-PRAGMATIC CONTENT OF SOME MODELS
OF INTERROGATIVE SENTENCES SUSTAINABLE STRUCTURE.....245
Belyutin R.V.
«METAPHORIC MODEL 'SPORT IS WAR' IN THE GERMAN VIEW OF THE WORLD» 249
Voronichev O.Ye.
RELATING TO THE TYPES OF OCCASIONAL PUNNING SEMANTIZATION OF LEXICAL
UNITS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....252
Gehtlar S. Ya., Pugachova O. V.
TEXT ARCHITECTONICS AS A GENRE INDICATOR
(ON THE EXAMPLE OF «KROKHOTOK» BY A. I. SOLZHENITSIN).....255
Golovanevsk A.L.
SEMANTICS OF MOTION IN THE LANGUAGE OF POETRY TYUTCHEV 258
Goryainova N.V.
COGNITIVE PROPTRTIES OF A POETIK METAPHOR OF F.TYUTCHEV 263
Gostenina V.I., Shilina S.A.
THE MANAGEMENT DISCOURSE AS A FACTOR OF REGION'S STATUS FORMING
ON EXAMPLE OF BRYANSK REGION 267
Karamova A.A.
THE SYSTEMIC CHARACTER OF "COLOUR" VOCABULARY IN POLITICAL DISCOURSE 272
Korytko I.V.
ON THE FUNCTIONING OF THE PERIPHERAL COMPONENTS OF THE MICRO FIELD
'PASSIVITY' AS ILLUSTRATED IN THE WORKS OF ANTON CHEKHOV IN THE
RUSSIAN LANGUAGE AS WELL AS IN THEIR ENGLISH VERSIONS 276
Pokora V.N.
SPECIFICS ONLINE OF COMMUNICATION OF GERMAN-SPEAKING INTERNET USERS.
GENDER APPROACH 280
Rossihina M.Yu.
GERMAN STUDENT LANGUAGE IN THE LEXICOGRAPHIC SOURCES
OF THE FIRST HALF OF XIX CENTURY.....284
Sycheva E.N.
SOMATISMS IN F.I.TYUTCHEV'S POETIC TEXTS AND IN THE STRUCTURE
OF PHRASEOLOGICAL UNITS 289
Tikhonova M.P.
ON THE HISTORY OF FRENCH POETRY FOR AND ABOUT CHILDREN:
VICTOR DE LAPRADE 293
Chugunova S.A.
HUMAN BODY AS THE BASIS OF TEMPORAL SEMANTICS OF THE WORD
(ON MATERIALS IN VARIOUS LANGUAGES) 298
Shepetovskaya A.L.
THE STRUCTURE OF THE CONCEPT FIELD WANDERING IN THE RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES.....302

ИСТОРИЯ

УДК 947.083.52

К ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ: СБОРНИК «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Ю.В. Анисин

В статье анализируется содержание одного из программных документов еврейской рабочей партии – сборника «Возрождение» (1905 г.)

Ключевые слова:*Социалистическая еврейская рабочая партия, сборник «Возрождение»*

В наши дни бурно протекают процессы политизации российского общества, обостряются этнонациональные проблемы, действует множество движений и партий. В таких условиях нетрудно предсказать усиленное внимание исследователей, политиков и просто граждан страны к историческому опыту представляет сборник «Возрождение» [1]. Его выходные данные на известном нам экземпляре отсутствуют, их установил Л.Я.Дадиани: СПб., 1905 [2, с. 335, примеч. 19]. Специально подчеркнем наличие в сборнике подзаголовка, так как вышли чуть ранее два номера журнала под названием «Возрождение», выпущенные одноименной группой [3]. Которая, в свою очередь, возникла по итогам конференции «Возрождение» (1903 г.). Ее участники – представители различных течений рабочего сионистского движения, «поалей-ционисты». Документы конференции свидетельствуют о негативном отношении ееучастников к социал-демократам «господствующей нации» за, якобы, игнорирование национальной проблемы у угнетенных национальностей, неверное понимание интернационализма и грубое толкование материализма [4, с. 382 – 384.]. Конференция выработала своеобразное отношение к Бунду: солидарность за проведенную работу по развитию политического и классового самосознания масс и борьба против его программы решения еврейского вопроса. И к сионизму: борьба с его реакционной тактикой и содействие всеми силами достижению намеченных им идеалов [4, с.383]. В рядах рабочего сионистского движения царил идейный разброд, преодолеть который группе «Возрождение» не было суждено. Часть ее в начале 1905 года образовала социал-сионисткую партию. А через полгода сторонники неонародничества составили оргкомитет (это течение всреде «возрожденцев» было, пожалуй, наиболее многочисленным). Проведя подготовительную работу, оргкомитет созвал в апреле 1906 г. учредительный съезд СЕРП. В пору идейных споров и был выпущен анализируемый сборник, как еще один этап разработки идейной платформы неонародническо еврейской партии в России.

Сборник открывается большой статьей, занявшей две трети объема. Она состоит из двух глав, соответственно из трех и двух параграфов. Автором является, по нашему предположению, один из видных идеологов российского и, в частности – еврейского, народничества – Марк Борисович Ратнер Заголовок – «Наш национальный идеал и наше национальное движение». В первой главе обстоятельно рассказано о сущности «социального» и «национального», обрисовано положение евреев в России («статика» еврейской жизни) и направления развития «еврейской действительности» («динамика»). Во второй главе подробно обоснованы принципы «национально-политической автономии», показано с позиций еврейского пролетариата соотношение понятий «национальной» и «территориальной» автономий.

Авторов двух других статей в данный момент атрибутировать не представляется возможным. Публикации посвящены анализу различных течений в еврейской буржуазии – либеральных, демократических, национальных, а также социал-сионизму в рабочем движении. Поскольку эти две статьи непосредственно не отражают сущность идеологии будущих «серпистов», а лишь оттеняют отношение последних к другим течениям в еврействе, то их анализ е данной статье мы опускаем.

Рассмотрим некоторые идейные позиции, высказанные Ратнером. Отмечая тот факт, что сложность и остроту еврейского вопроса начинают понимать все более широкие круги еврейской общественности, автор сразу же указывает на невозможность понять и решить его при помощи «общих шаблонных мерок», выработанных науками об обществе. Мол,даже ортодоксальные марксисты (при этом следует ссылка на бундовский источник) понимают, что дали «слишком мало» наработок в этом вопросе. Причина, по мнению автора-«возрожденца», в том, что господствующее социал-демократическое учение сложилось в среде европейских наций – «вполне независимых, самостоятельно живущих», у которых национальный вопрос «не имел ... места» (с. 4) И только по мере распространения социалистического движения в среде пролетариата угнетенных наций «приходится» общую социал-демократическую схему «значительно видоизменять, приноравливать ее к новому, не предусмотренному ею национальному моменту, другими словами, приходится включать националь-

ный вопрос, как *основной элемент* (Выделено мной. – Ю.А.), в доктрину и программу социалистических партий» (там же). Здесь надо отметить зыбкость утверждения автора о том, что основные европейские нации не знали национальных проблем. Это, естественно, не так. Что и подтвердил сам автор, отмечая на следующей странице тот факт, что «национальная борьба играла почти на всем протяжении прошлого века и продолжает еще и теперь играть такую выдающуюся роль в истории европейских народов...». Не только эта, мягко говоря, неточность вызывает возражения. Неточна и критика отношения марксизма к национальному вопросу. К моменту написания сборника «Возрождение», кроме работ К.Маркса и Ф.Энгельса, увидели свет статьи В.И.Ленина. В.М.Чернова, С.Г.Шаумяна и других российских социалистов. Можно было познакомиться с номерами «Искры», «Революционной России» и получить, таким образом, представление о позициях российских социалистов по этому вопросу. Основоположники марксизма исходили из приоритетности классового вопроса, известно их предположение о том, что вместе с антагонизмом классов падут и враждебные отношения наций между собой. Ленин, Чернов и другие придавали решающее значение принципу равноправия народов, при его практическом осуществлении будет изжита питательная среда для этноконфликтов. Выдвижение же национального вопроса на роль основного, исходного вопроса идеологии неминуемо выводит его апологетов на путь национальной исключительности, пренебрежительного отношения к «инородцам». Что этот путь чреват длительными кровавыми конфликтами между нациями, доказывать не приходится. Таким образом, исходная идея будущих «серпистов», хотя они и клялись интересами еврейского пролетариата, стимулировала ведение национальной, а не классовой борьбы. Последняя же не может не быть интернациональной.

Обозначенная позиция весьма характерно проявилась в суждениях о природе еврейского вопроса. Он, по мнению автора анализируемой статьи, «является, бесспорно, вопросом чисто национальным», так как общий момент, выделяющий евреев страны «в данную группу» и «создающий для нее особые специальные проблемы, есть исключительно момент национальный». Думается, что и здесь автор отошел от истины, ибо история еврейского народа, история европейских государств и прошумевших на этой части света событий дает немало оснований утверждать, что классовый, политический, экономический, духовный аспекты часто ставили евреев по разные стороны «баррикад», несмотря на тщательно, умно и энергично культивируемую идею общееврейского единства.

Интересно знакомиться с рассуждениями о «социальной жизни». К общим местам добавлено, например, понятие «социальное взаимодействие автономных групп», полагаем, как подход к обоснованию разных типов автономии, прежде всего – национально-политической. Справедливо утверждение, что основные различия между национальностями, как чисто социальными образованиями, сводятся «к различию конкретных форм их социальной жизни» (с. 9). Не вызывает отторжения и данное тут же определение нации. Следующая мысль уже спорна: в человеческом сообществе народы и нации располагаются на некоей «социальной лестнице» (с. 9 – 10). С позиций нерасистского подхода любой этнос, любая нация, цивилизация самоценны, несравнимы.

Заслуживают внимания высказывания об особенностях положения еврейской нации среди других народов, об эксплуатации евреев и,вообще, – о «национальной эксплуатации», которая «происходит косвенным, скрытым образом, и поэтому не кажется столь очевидной для поверхностного взгляда» (с. 16). Не будем упрощать еще одну мысль из-за того, что у евреев отсутствуют собственные автономные социально-экономические формы жизни, складывается «ненормальность национальной жизни евреев», что, в свою очередь, определяет специфичность их экономического положения, неприспособленность и эксплуатацию евреев в сфере политической и культурной (см. с. 16 – 17). Еврейский вопрос возникает от того, что евреи «не ... являются господами своего положения», принуждены приспосабливаться к местным обстоятельствам, складывающимся независимо от них, острее это проявляется в «политически отсталых» странах, как Россия (с. 17). И далее на многих страницах изложено свое видение проблемы евреев в России, что не может не заинтересовать исследователя.

Стараясь говорить о еврейском вопросе с пролетарских позиций, автор рассматриваемой статьи пытается доказать тот факт, что пролетариат вследствие «своей сплоченности, массовидности и активности» самим своим существованием «ставит национальный вопрос в самой яркой, самой выпуклой форме и допускает только одно, определенное, радикальное его решение» (с. 23). Мол, это еврейская буржуазия из-за малочисленности и несплоченности могла незаметно проникнуть в европейскую социальную среду. А с развитием капитализации Европы «идет процесс национализации общества» (там же). Этот вывод прямо противоположен марксистскому об интернационализации всех сторон жизни народов по мере развития буржуазных отношений. Излагая далее позицию К.Каутского, автор как раз и привел положение о всемирном пролетариате, которому присущи интернациональное и классовое единство (см. с. 24), а также другие выводы, которые он не приемлет, в

частности, марксистское толкование процесса ассимиляции. В статье утверждается: именно в процессе капитализации общества выдвигается «в качестве главного творца истории исполинский колосс народных низов», под их воздействием социальная жизнь развертывается вширь и вглубь, «приобретает яркий национальный колорит», а авангард общества – пролетариат – «необходимо должен был помимо своей воли национализироваться», особенно – пролетариат угнетенных наций (с. 29 – 31). От этой позиции – прямиком к выводу о том, что интеллигенция угнетенной нации должна мириться с необходимостью выделения пролетариата своей нации в отдельную от пролетариата господствующей нации организацию. Ихотя автор назвал этот шаг «грехопадением», но твердо отстаивал право на такой «грех» (с. 31 – 32) глубоко убежденный при этом, что стоит на социалистических позициях, правда – подтравленных. Через национальные социалистические партии читаем в статье, пролетариат призван усвоить себе «национально-революционнй идеал», встать во главе национально-освободительного движения и «клеймить ассимиляционную идеологию как реакционную, антипролетарскую, антиисторическую» (с 33).

Автор статьи признавал, и совершенно справедливо, на наш взгляд, роль пролетариата господствующей нации в прекращении национального угнетения. К этой борьбе побуждают его «широко понимаемые классовые интересы», «социалистический интернационализм» (с 34). Но буржуазия, якобы этомувсячески противится, углубляет пропасть между собой и национальными группами эксплуатируемых, толкает их на конкуренцию. «И чем шире плоскость социального трения между этими группами, чем значительней область социальной борьбы. где их члены взаимно сталкиваются между собою, тем резче и решительнее должны пооводигься демаркационные линии между ними» (с.35).Особенно, считал автор, это относится к евреям, ибо живут они в недрах других социальных организмов; рабочие господствующей нации, конкурируя на рынке труда, пользуются своим привилегированным положением, резко подчеркивают национальные различия, и перед евреями встает непреодолимая преграда «в знакомой всем форме общественного антисемитизма» (там же). Таким образом, еврейский вопрос, следует вывод, «всецело коренится в отсутствии у евреев автономных национальных форм социальной жизни», в необходимости им приспосабливаться, помимо воли и интересов, к чужим социальным организмам.

Исходя из этой своей концепции, автор рассматриваемой статьи выдвинул цели и задачи еврейского пролетарского движения. Решение еврейского вопроса через «экстерриториальность», признавал он, встречает «неимоверные трудности, требует колоссальных политических и культурных сил», которых у современного еврейства нет. Чтобы они появились, «еврейский национальный организм, сам в процессе своего развития должен стать могущественной силой» (с. 37).

Выдвинута также идея «децентрализации России», так как настоящая демократическая свобода несовместима с принципами централизма, особенно в такой огромной стране, занимающей одну шестую часть земной суши, население которой представляет собой «конгломерат всевозможных национальностей самых различных социальных и культурных уровней». А посему Россия должна будет стать в будущем федерацией автономных, самоуправляющихся областей» (с. 38).

Как и неонародники русские, автор употреблял термин «революционизм» (с. 43) Но с позиций своей националистической идеологии он рассуждал об этом довольно причудливо: источником «национального революционизма еврейского пролетариата является невозможность развернуть свою энергию и мощь в дисипоре, что будет вечно толкать в сторону радикального решения национального вопроса. И именно в этом «кроется *главная движущая сила* нашего революционного национализма» (там же).

В конечном счете, обоснованы автономные формы национально-политической жизни в «смешанном разноплеменном государстве» для всех наций вообще и для еврейской – в частности (с. 47-77). Многословные рассуждения об опыте Австрии, Италии, Германии, Балканских государств приведены для того, чтобы политическая мысль России обратилась к опыту западноевропейской демократии. Постулируется наличие «определенных солидарных интересов», заставляющих нацию, разделенную глубокими классовыми противоречиями, действовать «как коллективное единство», которое в многонациональном государстве должно стать «правовым субъектом» и находиться по отношению «к государству в целом» в определенных, юридически нормированных отношениях (с. 53). Сферы компетенции государства и нации должны быть разграничены, и не по концепции «культурно-национальной автономии», где речь идет о сохранении и развитии национального языка и школы. Надо, утверждал будущий «серпист», учитывать все сферы жизни нации и защищать их на правовом уровне. А посему предложена идея особой автономии – национально-политической. Каждая нация в рамках национального государства «образует активный публично-правовой союз, то есть является носителем публичных прав властвования и публичных обязанностей. Граждане данного государства, принадлежащие к одной нации, избирают демократическим путем «национальный сейм» и «нацио-

нальное министерство». Союз «несет государственную службу, ведая все дела и интересы, связанные с индивидуальными условиями жизни и развития данной нации» (с. 58). Должны быть также правовые гарантии невмешательства «чужой воли» во внутреннюю жизнь нации.

Далее автор коснулся проблем сионизма. Исторический национальный идеал всего еврейского народа, в том числе и наиболее сознательной его части – пролетариата, «в создании автономного еврейского общества» (с. 74); За осуществление этой гигантской задачи взялась часть буржуазии, объединившаяся под флагом территориализма и сионизма. Но эта сила, посчитал автор, не поняла исторические пути к этой цели и не предложила «технические средства», которые соответствуют намеченной цели. Автор убежден, что только национально-политическая автономия и соответствующие национально-государственные институты в России, Австро-Венгрии и других странах могут способствовать выполнению сложнейшей задачи «еврейской колонизации», будут и средства для этой работы и опыт государственного управления. А сионистские учреждения, убеждал автор,– «карточные домики», бумажные организации, живущие на доброхотные подаяния. Предлагается соединить идею образования еврейского государства с понимаемым по-своему социализмом. Добиваться «великой цели» не путем буржуазного или социалистического сионизма, а опираясь на революционный социализм, при посредстве национально-политической автономии, с помощью социалистического пролетариата других наций (см. с. 117).

Несомненно, страницы сборника «Возрождение» помогут исследователю понять суть идеологии еврейских эсеров, тактику и стратегию Социалистическойеврейскойрабочейпартии.

The article analyzes the content of one of the program documents of the Jewish workers'party - a collection "*Vozrozhdenie*" (1905)
The key words: *Socialist Jewish Workers' Party, a collection " Vozrozhdenie "*

Список литературы

1. Возрождение. (Еврейский пролетариат и национальная проблема). Сборник статей. Б.м., Б.г. 119 с.
2. Дадиани Л.Я. Критика идеологии и политики социал-сионизма. М.: Мысль. 1986.
3. Можно впасть в заблуждение, встретив где-либо в тексте упоминание о «Возрождении» Например, у Ант. Савина (псевдоним А.Б. Шимановского): статья «Национальный вопрос и Партия С.– Р. В сборнике «Социалист-революционер». Вып. 3. Париж, 1911, Цитаты со ссылкой на «Возрождение», с. 140 и 141, не совпадают со сборником, взятым нами для анализа.
4. Материалы к истории еврейского рабочего движения // СЕРП. Сб. ст. П. М., 1907.

Об авторе

Анисин Ю.В. – доктор исторических наук, профессор

УДК 947.083.52

УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЕССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИНА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Ю.В. Анисин

В статье освещаются ранее не изученные вопросы участия евреев в деятельности политических партий, как общероссийских, так и национальных.
Ключевые слова: *Полесье, политические партии, евреи*

Знакомство с источниками и их анализ позволяют составить определенное представление об участии еврейского населения России в политической жизни страны. Хронологически предмет данной статьи ограничен последним десятилетием XIX в. и несколькими годами начала XX в., географически же - частью черты оседлости, так называемым «Полесьем», составлявшем в то время регион вдоль Полесской железной дороги.

Данная тема входит органически в обширное, многоаспектное научное направление «Национальные проблемы истории России». По различным вопросам участия евреев в российской общественно-политической жизни имеется весьма обширная историография, в том числе и отечественная [1]. В 30-70-е годы эта тема в трудах советских историков просматривается, но лишь опосредованно; в прямой постановке исследования по различным причинам не публиковались. Однако в серьезных изысканиях еврейский фактор никогда не игнорировался. Хотя интерпретации относящихся к этой теме процессов были чаще поверхностными, односторонними, тенденциозными, причем зачастую с

противоположных, взаимоисключающих идеологических позиций.

В последние десятилетия в России внимание к этой теме вновь акцентировалось, при сохранении плюрализма суждений и оценок. Целый ряд архивных документов по этой проблеме был проанализирован автором этих строк совместно с А.Г.Кублицким [2], а также в монографии [3], где, в частности, представлены обобщения по истории некоторых еврейских партий.

Известно, что любое население, в том числе и еврейский этнос, неоднородно в профессиональном отношении, по размеру доходов, уровню образования, способностей и, в конечном счете, по своей социальной роли. В городах и местечках черты оседлости евреи довольно отчетливо подразделялись на группы: 1] крупные купцы, а с конца 80-х гг. и фабриканты, группа по численности «наименьшая»; 2] мелкие торговцы, посредники, до 40 процентов еврейского населения; 3] ремесленники, в том числе владевшие мастерскими и использовавшие наемный труд; 4] «незначительная группа, состоящая на рабочих»; 5] еврейская нищета, кормившаяся подаянием; в конце XIX в. она составляла до 19 процентов еврейской части населения[4]. За пределами черты оседлости оказывались лишь те евреи, кто мог платить налог купца первой гильдии, окончил университет, перешел в православную веру. Таких было немного, в основном - богатые, очень богатые. Отчего официальная черносотенная пропаганда, внушавшая православным отвращение к ростовщикам, шинкарям, перекупщикам, наживавшимся на несчастье других, сравнительно легко достигала цели. Ведь население империи вне черты оседлости [а это составляло 9/10 территории России] видело жизнь лишь малой части богатой еврейской верхушки, ничего не ведая о нищете, бедности и забитости основной массы.

Начало политической активности евреев одни относят к концу XIX в. [5, с. 71], другие - к середине 80-х гг. этого же века [6, с. 35.]. Отдельные представители российских евреев включались в народническое движение еще раньше, входили в организации петрашевцев, чайковцев, землевольцев и др., среди них - известный народник, чайковец и бакунист, затем - социалист, меньшевик П.Б.Аксельрод, сын бедного еврея-корчмаря, родившийся в 1850 г. близ местечка Почел Черниговской губернии [7, с.44-45].

Массовое вхождение евреев в политические движения и партии связано, как можно предположить, с разнообразными факторами, среди них: рост рабочего и национально-освободительных движений, распространение марксизма в России, оформление политического сионизма, ослабление феодальных и религиозных устоев еврейской общины, распространение общего образования среди молодежи, оформление общероссийских и национальных партий.

Общепринятая ныне точка зрения на участие евреев в освободительном движении в 60-70-е гг. XIX в. состоит в том, что это были евреи только по рождению, напрочь порвавшие с еврейской массой и ее интересами, освоившие русскую культуру и влившиеся в русскоязычные организации, многонациональные по составу. Ситуация, как представляется, здесь много сложнее. Наряду с вышесказанным, уже в 70-е гг. имела место пропаганда социализма, непосредственно обращенная к еврейской среде. Известный народник А.И.Зунделевич издавал в то время на древнееврейском языке журнал «Haemeth» [«Правда»]. Не национальная любовь, - говорилось в нем, - побуждает нас к этому изданию, «мы не предпочитаем наш народ другим, одной нации не должно отдавать предпочтение пред другой, как одному человеку пред другим. Лишь общечеловеческая любовь и угнетение народа заставляет нас сказать ему на понятном ему языке «правду» [8]. Затем были предприняты усилия по изданию для евреев России и Галиции на разговорных языках литературы «во имя интересов самого социализма» [9, с. 27-28.]. Это сказано было тогда, когда понятия «социализм» и «национализм» воспринимались антиподами.

К середине 90-х гг. в России складываются идеологии национальных еврейских освободительных движений, базировавшиеся на концепции достижения специальных еврейских целей. Исходя из этого, можно выделить несколько видов оппозиционной активности евреев: интернационалисты, национал-социалисты, сионисты, национал-либералы, а также несколько вариаций промежуточного характера. Эти четыре основных типа социально-политических позиций в еврейской среде отмечает большинство исследователей. Полагаем, есть основания выделить и еще один немаловажный тип: проправительственная позиция, поддержка монархии, в той или иной форме засвидетельствованное законопослушание.

Разными путями приходили в лагерь охранителей царизма евреи. Крещеные пополняли собой ряды монархических партий и редакции проправительственной прессы. Разочаровавшиеся или сломленные невзгодами (в том числе - департаментом полиции) социалисты. И просто двуличные, карьеристы. Небезызвестный поп Гапон в своей книге, рассказывая о «деловых» контактах с С.В.Зубатовым, упоминал участников «свиданий» и «чаепитий». Что были лица, «игравшие видную роль в политическом движении последних двух лет» (дело было зимой 1902-1903 гг.). Среди активных сотрудников Зубатова Гапон назвал, прежде всего, Маню Вильбушевич и Генриха Шаевича - находившихся «под покровительством

Зубатова» основателей Еврейской независимой рабочей партии (НЕРП), зубатовской по существу[10].

Партия «независимцев» действовала в Минске и окрестных местечках, вполне вероятно, что отдельные ее деятели оказывали влияние и на евреев Полесья. Во всяком случае, идеи НЕРП, причудливо сочетавшие обрывки экономизма, бундовского социализма, монархизма, сионизма, можно встретить и в материалах по Полесью. И поведение отдельных выявленных лиц похоже на поступки М. Вильбушевич. Та, загоревшись идеями Зубатова, выдала полиции всех известных ей минских социал-демократов - евреев. Нашелся и в Новозыбкове, в кружке социал-демократов, человек, который под влиянием старшего брата сообщил полиции о деятельности своей организации. Это был житель города Суража Меер Абрамович Мейерович; 16 лет. Он так начал свои покаянные показания 8 февраля 1903 года: «Я состою в Новозыбковской социал-демократической рабочей группе уже полтора года». Приехал из Тулы брат (вне черты оседлости, несомненно богатый) - и узнал, что Меер - «в тайном обществе», настоятельно посоветовал выйти из него и доложить по начальству. И Меер докладывал: в сообщество вступил по наущению Шлемы Пирогова, высланного сюда под надзор полиции; группа делится по цехам - столярный, сапожный, мужских и дамских портных, цехи делятся на кружки, каждый из которых избирает представителя на сходки, для встреч с представителями из Клинцов, Гомеля; цеховые сходки редки, в городском саду; каждую субботу кружок собирается на чтения [11]. В прокламации ЦК Бунда (декабрь 1904 г.) «Чего нам не следует забывать» подчеркивалось, что буржуазия, верная себе, «объявит беспощадную войну рабочему классу без различия нации», что «еврейская буржуазия не перестает пресмыкаться» перед властями» [12]. Газета эсеров «Революционная Россия» неодобрительно писала о господах «независимцах» - зубатовцах, которые призывают рабочих на собраниях «искать поддержку у правительства в борьбе с капиталистами» [13]. Выстроенная на химере «полицейского социализма», НЕРП не могла долго существовать, и летом 1903 г. произошло ее полное крушение [14, с. 115-123.].

Наиболее массовыми в черте оседлости, в том числе и в Полесье, были организации общероссийских партий социал-демократов [эсдеки] и социал-революционеров [эсеры]. Эти партии изучались более всего. Поэтому, не вдаваясь в обширный обзор деятельности евреев в местных организациях этих партий, отметим, что наиболее значительные революционные события в регионе самым непосредственным образом связаны с этими партиями, а также с Бундом. Что, кстати, и отображено в нашей книге историко-краеведческих очерков по Новозыбковскому краю.

Авторам этих очерков удалось извлечь из архивов сведения о первой группе эсдеков в Новозыбкове [15]. По делу М.В.Стефановой, руководителя этой группы, были привлечены к ответственности 15 человек, среди них 8 - были евреями: Фрада и Фрума Гезенцвей, Фрума Брегер, братья Мендель и Израель Мошанские, Моисей Шнеерсон, Израель Брунштейн и Моисей Либензон. При обыске у последнего в Сураже было изъято нелегальных изданий 186 наименований, в том числе периодические листки и воззвания эсдеков, эсеров, бундовцев, листовки из Харькова и Тифлиса, биография П. Л.Лаврова, «Манифест Коммунистичской партии» К.Маркса и Ф.Энгельса, «Манифест» партии эсеров, брошюра Л. Мартова «Красное Знамя в России», работа Ф. Лассаля об американском социализме, сборник революционных песен на еврейском языке, прокламация «Суд над брянскими рабочими», книжка «История еврейского рабочего движения», номера «Искры», первый номер журнала «Былое» [16]. Расследование показало, что во время деятельности кружка Стефановой в город приезжал еврей из Бобруйска Велько Норкин, «очень похожий на разыскиваемого пропагандиста Виктора Львовича» [17].

В работе Полесского комитета РСДРП заметную роль играли М. К. Владимиров [Шейнфинкель], Я.Б.Нехамкин; в качестве связного большевистского центра приезжал М.М.Литвинов и др. О каждом из них имеется обширная историография. В качестве небольших, малоизвестных штрихов добавим такие. По воспоминаниям Г.Сермы, квартира Владимирова в Гомеле была «главным штабом». Из нее по всему городу расходились маленькие, чуть заметные «искорки». Они свое дело сделали: постепенно от твердынь Бунда откалывались одиночки, потом группки, и вокруг Полесского комитета собирались многочисленные сторонники из более передовых и грамотных рабочих. Одновременно приходилось вести борьбу и с эсерами. Тут было гораздо проще: бои шли в области философского идеализма и аграрной программы. В этих вопросах «т. Владимиров был неотразим» [18]. Нехамкин, местный учитель, был изобличен в принадлежности еще к группе Стефановой, стал заметной фигурой в Полесском комитете эсдеков, ездил с пропагандистскими целями по округе [19]. Под конец своей жизни, уже после 1917 г., Нехамкин стал большевиком.

Естественно, что в Полесье возникали организации еврейских партий. Действовали Бунд [полное название - Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России], Социалистическая еврейская рабочая партия [СЕРП], Сионистско-социалисгическая рабочая партия [ССРП], партия рабочих-сионистов «Поалей Цион» [ПЦ], либеральный «Союз для достижения полноправия еврейского

народа в России», разделившийся в 1907 г. на три организации - Еврейская народная группа, Сионистская партия, Еврейская народная партия. Полагаем, что на основе современных подходов к историческим исследованиям неизбежно переосмысление имеющейся незначительной историографии по этим партиям, а также приобщение к анализу источников и литературы, созданных до Октябрьской революции и после нее - в эмиграции.

Основоположником концепции чисто еврейского рабочего движения во имя собственно еврейских интересов можно считать Л.Мартова. По случаю 1 мая 1895 г. он в Вильно произнес речь «Новый поворотный пункт в еврейском рабочем движении». Стержневая мысль: «Когда русскому пролетариату придется жертвовать некоторыми из своих требований для того, чтобы добиться хоть чего-нибудь, он скорее пожертвует такими требованиями, которые касаются исключительно евреев... Вот почему... цель действующих в еврейской среде с.-д. состоит в том, чтобы создать специально еврейскую рабочую организацию, которая бы явилась руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение» [20]. Исторический парадокс состоит в том, что все последующие голы Мартов был все же интернационалистом, его популярная, многократно издаваемая нелегально брошюра «Рабочее дело в России» и многочисленные статьи о Первомае сплачивали и воспитывали многонациональный отряд трудящихся империи. Но зерна национализма, брошенные им в 1895г. на еврейскую почву, проросли и дали обильную жатву. В числе первых возникли организации Бунда, требовавшие от общероссийской социал-демократии признания за ними статуса единственных представителей еврейского пролетариата. Об этом имеется обширная литература, среди авторов - М.М.Червякова, Ю.И.Шестак, Ч.В.Панавас и др.

Еще одна идея, широко внедрившаяся в массы еврейства, заключалась в собирании рассеявшихся в диаспоре иудеев на своей родине, у горы Сион. Было бы неверно утверждать, что концепция сионизма однозначно позитивно была воспринята в «черте оседлости». Известно, что бундовские деятели, не говоря уже об эсдековских и эсеровских, указывали на националистический характер этой идеологии. В качестве примера раскроем содержание одной из листовок Бунда. В синагоге собрались бердичевские сионисты. К ним пришли бундовцы, встреченные враждебно. Выступить непрошенным гостям не дали. Оценивая этот случай, автор [или авторы] листовки писал: «Сионизм - это пустое сновидение, фантасмагория мелкой буржуазии и не связанная с интересами рабочего сословия». Далее - критика Т.Герцля. И вывод: «Ненависть одной нации к другой исчезнет, если будет положен конец нынешнему капиталистическому строю»[21]. О том, что сионисты не всегда выдерживали идейное столкновение с еврейскими эсдеками, свидетельствуют и такие строки из письма жителя Глухова [по всей видимости, близкого к сионистам] в Варшаву за 21 марта 1904 г. «жители Глухова меняют свои убеждения как перчатки, и теперь национально-культурный кружок заглох. Вместо него во главе с Гуревичем Лейбой, организовался кружок социал-демократов..»[22]. Вместе с тем отметим и тот факт, что в атмосфере бесправия и насилия идея об исходе в Палестину не могла быть отвергнутой, с надеждой воспринимались и задачи усиления «еврейского национального чувства и самосознания» - при явном ассимиляционном процессе. Однако поиск сионизмом «своего национального хозяйства», отмечали отдельные исследователи, делал его «глубоко реакционным»[23]. Мы располагаем материалами о критике «серпистами» бундовцев и сионистов, о критике сионизма бундовцами и т.д., то есть о дискуссиях между разными еврейскими партиями. Полагаем, что это - одна из самых малоизвестных страниц истории политических движений в Российской империи и она ждет своих исследователей.

Члены крупных революционно-демократических партий.- эсеры, эсдеки, бундовцы - вольно или невольно осознавали себя частью общероссийского, общеевропейского освободительного процесса. Ряд партий из России был представлен во Втором Интернационале. Местные партийные организации живо откликались на революционные и иные важные события: русско-японская воина, «кровавое воскресенье», Октябрьская [1905 г.] всероссийская стачка и царский Манифест 17 октября о «даровании свобод», погромы, теракты и т.д. В июне 1902 г., например, на улицах Чернигова полиция подобрала большое количество листовок с печатью Новозыбковской социал-демократической группы. В этих листовках описано, как 5 мая на виленского губернатора фон Валя было совершено покушение за то, что тот распорядился выпороть 26 арестованных революционеров, евреев и поляков. Эта экзекуция вызвала массовое негодование в черте оседлости. В «обидчика» стрелял Гирш Лекерт. Факт этот был описан во множестве листовок, газетных статей, осужден в резолюциях различных партий. Бунд объявил Лекерта национальным героем, «партизаном», «смелым мстителем». 11 июня он был повешен. А партии на этом печальном примере еще долго обсуждали проблемы террора как тактики политической борьбы [24]. В конце концов, и Бунд на своем V съезде отказался от террористической тактики.

В середине января 1904 г. в посаде Клинцы были разбросаны в большом количестве воззвания Новозыбковско-Клинцовской группы эсдеков. Листовки собрали жандармы, посетовав по этому слу-

чаю в донесении: «Никто из местных жителей не представил ни одного воззвания». В ночь на 9 февраля того же года в Новозыбкове и Клинцах было распространено воззвание против начавшейся русско-японской войны, выпущенное Полесским комитетом РСДРП. В Чернигове листовку «Кому нужна война» отпечатал местный социал-демократический комитет. В феврале и марте в Новозыбкове, Клинцах, других местечках распространена листовка «Для чего должен умирать русский солдат». Разошлась и эсеровская антивоенная листовка «Ко всем гражданам России». Характерное суждение, часто встречающееся в докладах губернских жандармских управлений по поводу выявляемых нелегальных листовок: «...местное христианское население отнеслось к этим воззваниям с презрением, оно уверено, что это дело рук евреев, почему замечается со стороны христиан особое озлобление против евреев» [25]. В одном из донесений со ссылкой на агентурный источник сообщалось, что воззвание разбрасывали в Чернигове еврейские мальчики 12-14 лет, числом до 40 человек, каждому было дано по несколько экземпляров воззваний. Одними из первых в России стали отмечать 1 мая еврейские организации. Наиболее широко этот день пролетарской солидарности отметили революционно-демократические партии в 1905 г. Почти в 70 населенных пунктах черты оседлости прошли маевки еврейских нелегальных организаций, причем в некоторых местах - совместно «с нееврейскими рабочими» [26]. Специальное указание на редкие совместные первомайские акции подчеркивает ненормальность тактики еврейских организаций, зараженных сионизмом: полностью отделять еврейские массы от живущих рядом тружеников других национальностей. О том, что здесь проявил себя сионизм, говорит и факт, зафиксированный в только что цитированном исследовании: в Гомеле в общих рядах, под интернационалистическими лозунгами шли социалисты-сионисты со своим - «Да здравствует сионизм!».

В том же 1905 году в феврале и августе-сентябре по Закавказью прокатились кровавые столкновения между армянами и азербайджанцами [в то время их звали: тюрки, татары]; они вошли в историю как «армяно-татарская резня». В середине февраля гомельские бундовцы организовали митинг, на который собрались более 900 человек. Ораторы сочувствовали жертвам резни, говорили «о политике национально: розни как средстве задержать начавшуюся революцию» [27]. Так националистическая по сути своей партия проявила солидарность с другими угнетенными народами.

Подведем некоторые итоги. Из вышесказанного следует, прежде всего, вывод о неисследованности в полном объеме проблемы участия евреев в социально-политических движениях, партиях России на рубеже XIX-XX вв. Тема эта, несомненно, деликатна, многопланова, с немалыми глубинными течениями, отдельные ее аспекты весьма трудны для познания в необходимом объеме. И, тем не менее, изучение ее чрезвычайно актуально как для истории, так и для современной политики и политологии.

Второе. Евреи, проживавшие в Полесье и в целом в черте оседлости, принимали участие в деятельности местных организаций общероссийских и еврейских партий всех политических спектров, а не только оппозиционных. Количественно и качественно это участие определялось разными мотивами: 1) интернационалистское мировоззрение; 2) психология иудея, обратившегося к православию (искренне или вследствие конформизма, под влиянием ассимиляторской политики властей); 3) искренняя вера в мессианизм богоизбранного народа; 4) давление религиозных авторитетов и идеологов сионизма; 5) боязливая позиция законопослушного мещанина; 6) надежда на милость русского монарха. Перечень мотивов, более частных, можно продолжить. Но при всем том, как нам представляется, важно осознать, что национальный фактор не играл основополагающей роли. И становится очевидной вся надуманность охранительных доктрин об оппозиционности (если не о сверхреволюционности!) и монолитности еврейской диаспоры в России (как и в любом ином государстве).

Третье: организационно евреи или вливались в многонациональные партийные организации, или формировали в рамках общероссийской партии еврейские секции, или оформляли собственно еврейскую партию того или иного направления. В качестве исключения назовем еврейские секции в Польской партии социалистов. И последнее. В научном исследовании возможно искусственное вычленение той или иной нации из многонационального социума (суперэтноса), что позволяет изучить, найти новые знания об историческом процессе. Однако последний в социально-политической практике не может быть разделен, он - цельный, со многими векторами взаимодействия отдельных наций, партий, социальных групп и личностей, и отсюда любую национальную проблему методологически правильно рассматривать наравне и в общем ряду со всеми другими национальными, государственными, экономическими, духовными и иными проблемами. Особенно это важно, на наш взгляд, учитывать в процессе выработки и осуществления этнополитики.

The article highlights previously unexplored questions of Jewish involvement in the activities of political parties, both nationwide and national.
The keywords: *Polesie, political parties, the Jews*

Список литературы

1. Из большого числа публикаций на эту тему укажем лишь некоторые, относящиеся к концу XIX – первой трети XX в.: Градовский А. Д. Отношения к евреям в старой и современной Руси. СПб., 1893; Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1898; Возрождение [Еврейский пролетариат и национальная проблема]. Сб. ст. СПб., 1905; Идельсон А.Д. Марксизм и еврейский вопрос. Одесса, 1906; Материалы по истории еврейского рабочего движения. Вып. I. СПб., 1906; Бухбиндер Н..А. История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925; Дейч Л. Г. Роль евреев в русском революционном движении. М.-Л., 1925; 1905 год. Еврейское рабочее движение. Сост. А.Д.Киржниц. Вступит ст. М.Рафеса. М.-Л., 1928; Революционное движение среди евреев. Сб. первый. Предисл. С. Диманштейна. М., 1930 и др.

2. Анисин Ю., Кублицкий А. Три натиска бури. Новозыбковский край в трех российских революциях. Историко-краеведческие очерки. Тула, 1991.

3. Анисин Ю.В. Национальные проблемы России в программах и тактике партий революционно-демократического лагеря. М., 1991.

4. Диманштейн С. Очерк революционного движения среди еврейских масс/1905. История революционного движения в отдельных очерках. Под ред. М.Н.Покровского. Т. 3. М., 1927. С. 114.

5. Шафаревич И.Р. Русофобия. Две дороги к одному обрыву. М., 1991. С. 71.

6. Агурский С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863-1917). Минск, 1928.

7. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Социал-демократы, 1880-1904, Вып. I /Макет; находится в Центральной научной библиотеке АН Украины, г. Киев/..

8.Цит. по: Ратнер М.Б. Эволюция национально-политической мысли в русском еврействе (С.Е.Р.П. Сб. второй. Пб., 1907. С. 27). В этой связи следует подвергнуть сомнению точность мысли В.Л.Бурцева о том, что первые еврейские революционеры были «отщепенцами», не связанными с массой еврейства (Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами; «Протоколы сионских мудрецов»- - доказанный подлог. М., 1991. С. 253).

9. Ратнер М.Б. Указ. Соч.

11.Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф.1439. OnI. Д. 64. Л. 159-159о6.

12. Там же. Ф. 442. Оп. 856. Д. 4. Л. 14.

13.Революционная Россия. 1903, 15 марта, № 20. С. 11.

14.Савинков Б. Макиавелли охранного отделения //Конец зубатовщины / Сборник статей Антонова, А.Баха, Е.Брешковской и др. Вып. I. М., 1908.

15.См.: Анисин Ю., Кублицкий А. Указ. Соч. С. 36-47 и др.

16. Государственный архив Российской Федерации /далее – ГАРФ/. ДП. 1-е Делопроизводство. 1902. Д. 553. Т. 2. Л. 7-11.

17. Там же. Л. 41-41 об.

18. 1905 год в Гомеле и Полесском районе. Гомель, 1925. С. 118.

19.ГАРФ. ДП. 00. 1904. Д. 5. Ч. 31. Л. 77-77 об.

20. Цит. По: Агурский С. Указ. Соч. С. 43-21.

21. ГАРФ. ДП. 00. 1904 г., Д. 5. Ч. 3. Л. 143-145.

22.Там же. Ч. 31. Л. 14.

23.Диманштейн С. Указ. Соч. С. 116.

24.См.: Агурский С. Указ. Соч. С. 69-74; По поведу годовщины выстрела и казни Г.Лекерта // Революционная Россия, 1903, № 25,июнь. С. 4~6.

25.ГАРФ. ДП. 00. 1904. Д. 5. Ч. 31. Л. 1-12.

26.Диманштейн С. Указ. Соч. С. 150.

27.1905 год в Гомеле и Полесском районе. С. 93.

Об авторе

Анисин Ю.В. – доктор исторических наук, профессор

УДК 930.9

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ И США, СОТРУДНИЧЕСТВО С АНГЛИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Е.А. Антюхова

В статье рассматриваются проблемы внешнеполитического курса Франции времен Пятой республики, дается анализ причин улучшения политических связей с США и обновления отношений с НАТО. На примере создания в Центрально-азиатском регионе институтов европейской безопасности с целью обеспечения на этой территории интересов европейских стран показано сотрудничество Франции, Англии и Германии в процессе формирования комплекса общих политических задач.

Ключевые слова: *Пятая республика, НАТО, иерархия интересов, принципы независимости, политика европейских государств в Центральной Азии.*

Франко-американские отношения пережили на протяжении полувековой истории Пятой республики (с 1858 г.) несколько острых кризисов. Наиболее серьезные были связаны с выходом Франции из интегрированных органов командования НАТО и ликвидацией инфраструктуры альянса на французской территории (1967 г.), признанием Шарлем де Голлем КНР (1968 г., за восемь лет до США), публичная констатация им бесперспективности американской войны во Вьетнаме, а также Ж. Шираком – англо-американское вторжение в Ирак в 2003 г.

В начале XXI века ситуация изменилась и причины выхода Франции из интегрированных структур НАТО ушли в прошлое с окончанием «холодной войны» и расколом Европы на враждебные военные блоки. Отныне военно-политическое измерение Евросоюза вписывалось в рамки НАТО. «Речь не идет о том, чтобы повернуться спиной к обороне Европы. Никакой конкуренции нет. Существует взаимодополняемость между обороной Европы и НАТО. Председательство Франции в Европейском Союзе это доказало» [1], – отмечалось в заявлении департамента информации французского правительства.

Попытки возвращения в структуру Альянса предпринимались президентом Ж. Шираком (5-й президент Франции с 1995 по 2007 гг.), но не закончились успехом. США не приняли условия передачи европейцам южного командования НАТО в Неаполе, а также не скрывали оппозиции французским планам выработки ЕС автономной от атлантических структур общей политики безопасности и обороны.

Улучшение франко-американских отношений как на двусторонней основе, так и в рамках НАТО занимает одно из ведущих положений во внешней политике Франции при администрации Николя Саркози (с 2007 г.). Уже в ходе предвыборной кампании в 2006 г. при посещении Вашингтона он выразил сожаление по поводу чрезмерно резкой формы, в которой французская дипломатия (ею тогда руководил его соперник де Вильпен) осудила американское вторжение в Ирак [2, с. 274].

Самой яркой демонстрацией франко-американского сближения стал официальный визит в США Саркози и его выступление перед членами Конгресса 7 ноября 2007 г. Президент говорил об общей истории, прославлял «американскую мечту», воспел «величие Америки». Саркози поблагодарил США за помощь «в освобождении от тирании» в 1944 г., за план Маршала, выразил восхищение американскими успехами в области создания эффективной либеральной экономики, науки и культуры. По мнению экспертов, визит прошел успешно и придал новый импульс франко-американскому сотрудничеству [3].

Саркози начал процесс улучшения отношений с США с возврата Франции в военно-штабные структуры объединенного командования НАТО и поиска взаимодействия с американцами на Ближнем и Среднем Востоке, где они оказались в наиболее сложном положении.

Возвращение в военную организацию НАТО преподносилось сторонниками реинтеграции как формальная процедура, не меняющая де-факто сложившееся полномасштабное участие страны в деятельности альянса. Франция занимает 4-ое место по финансированию НАТО, имея войска, представляющие 7% натовского контингента, участвующего в военных операциях. Это около 4650 солдат, действующих под флагом НАТО. Вместе с тем, Франция не представлена в главном командовании, и она не может влиять на стратегические решения альянса. НАТО – единственная организация, где у Франции нет возможности принимать участие и оказывать влияние [1]. Возвращение в командные структуры альянса рассматривается атлантистами как возможность вырабатывать и принимать решения, а не только подключаться к их выполнению.

По словам Саркози, «те, кто отсутствуют, всегда неправы». Французский лидер подчеркнул то, что руководство его страны должно быть там, «где вырабатываются решения и нормативы. Лучше рассчитывать на что-то заранее, чем ждать, что нас об этом уведомят. Когда мы вернемся, мы займем наше место среди объединенных крупных военных командований» [4].

Однако уверения президента насчет влияния Франции на принятие решений внутри альянса и активизации европейского оборонного строительства противников пронатовской линии не убеждают. Бывший министр иностранных дел в правительстве Л. Жоспена Юбер Ведрин считает, что сама Организация Североатлантического договора является, как минимум, морально устаревшей, а реинтеграция в военные структуры альянса не усилит, но, наоборот, ослабит международное влияние Франции [3]. Хотя и уступая в разнообразии аргументов, противники атлантического курса Саркози поднимают существенную проблему. Они указывают на возможность разрушения консенсуса французских политических элит в вопросах внешней политики, который прочно существовал на протяжении более четырёх десятилетий независимо от того, кто был хозяином Елисейского дворца. «Антинатовцы» подчеркивают, что «умеренный уровень интеграции в НАТО» устраивал не только французскую политическую элиту, к нему с пониманием относились американские и европейские партнёры. И отказ от выгодной внешнеполитической ниши, не получая взамен весомых дивидендов, считают нецелесообразным.

По вопросу возвращения в НАТО был организован почти национальный «референдум». Его итогом стало голосование в парламенте: 17 марта 2009 г. решение о реинтеграции было одобрено 329 голосами парламентариев против 238, и 19 марта президент Саркози направил официальное письмо в адрес руководства альянса с просьбой о полноформатном восстановлении участия Франции в работе НАТО, хотя в процессе голосования отмечались спорные моменты. По сути дела вопрос был поставлен не о возвращении в НАТО, а об одобрении внешней политики правительства.

Неоднозначность данного решения подтверждается данными опросов общественного мнения. По разным оценкам, позицию президента страны о реинтеграции поддержали от 52 до 58% населения, 37% выступили против этой инициативы и 5% не определились с ответом [5].

Возврат Франции в интегрированные командные структуры НАТО при Саркози происходит при соблюдении следующего алгоритма этого процесса: принципы независимости Франции в рамках НАТО, заложенные в 1966г. генералом де Голлем, остаются незыблемыми: Франция при любых обстоятельствах сохраняет полную свободу принятия решения по отправке войск для участия в военных операциях. Страна не будет направлять никакой военный контингент в постоянное распоряжение командования НАТО в мирное время. Относительно ядерного сдерживания будет сохраняться полная независимость ядерных сил Франции так же, как и Англии с целью ядерного устрашения, которое бы служило как обороне Европы, так и НАТО. Именно на основе этих принципов обновляются отношения Франции с НАТО. Первым шагом стал саммит в Страсбурге-Келе 3 и 4 апреля 2009 г., на котором возврат в интегрированную командную структуру альянса был окончательно оформлен.

США сняли свои прежние возражения против европейской оборонной идентичности и согласились предоставить Франции командование АСТ в Норфолке, необходимое для ведения совместных операций, а также создать новое командование, в котором пост его руководителя занимается в порядке очереди европейцами при сохранении регионального штаба альянса в Лиссабоне.

С конца 1990-х гг. в Центрально-азиатском регионе заметно росла активность международных институтов европейской безопасности: сначала ОБСЕ, а после 11 сентября 2001 г. – Североатлантического альянса и Евросоюза, в настоящее время являющихся значимым инструментом обеспечения интересов европейских стран в регионе. Многосторонняя компонента европейской дипломатии дополнила автономный внешнеполитический курс ведущих европейских государств, прежде всего Германии, Великобритании и Франции, которые обозначили свои интересы в Центральной Азии сразу после распада Советского Союза. По степени интенсивности политика европейских грандов в Центральной Азии вплоть до сегодняшнего дня заметно опережает действия других стран Евросоюза. От согласованной оппозиции трех стран зависит и общий курс, вырабатываемый членами ЕС. Долгое время Берлин, Лондон и Париж являлись «глазами и ушами» межправительственных органов Евросоюза в регионе, а в таких странах, как Таджикистан и Кыргызстан, остаются таковыми до сих пор.

Политика Германии, Великобритании и Франции, с одной стороны, формировалась и развивалась на основе комплекса общих интересов и целей в Центральной Азии, что обеспечивало определенную согласованность и синхронность действий, а также выдвижение совместных инициатив в рамках таких многосторонних институтов, как ОБСЕ и Евросоюз. Согласованию политики, безусловно, способствовал запуск механизма Общей внешней политики и безопасности ЕС на основе Маастрихского договора 1992 г. Однако такая радикальная инициатива «в духе Маастрихта», как предложение Германии учредить общие посольства членов ЕС в странах СНГ, одобрения в Совете ЕС тогда не получило.

Состав и иерархия интересов в комплексе общих интересов европейских стран в Центральной Азии менялись в зависимости от различных факторов. Сразу после распада СССР задачи ядерного нераспространения обеспечили повышенный интерес ядерных Великобритании и Франции, а также Германии к Казахстану, где располагались крупные, третьи в Советском Союзе по количеству боезарядов и

носителей, стратегические ядерные силы. Первые визиты министров иностранных дел трех стран в Центральную Азию – это поездки в Алма-Ату в конце 1991 г. – начале 1992 г., которые были частью усилий стран Запада по принуждению Казахстана к отказу от советского ядерного арсенала и присоединению к договору 1968 г. о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства.

В качестве стимулов и в ответ на «отзывчивость» казахстанских властей европейские страны отдавали Казахстану приоритет при решении вопросов о дипломатическом представительстве (все три страны открыли свои посольства в течение 1992 г.); развитии правовой основы отношений, двусторонних политических, экономических и военных связей; оказании экономической помощи на двусторонней основе и со стороны ЕС; поддержке вступления Казахстана в международные организации. В декабре 1994 г. Великобритания как ядерное государство в обмен на отказ от ядерного оружия предоставила Казахстану гарантии безопасности, позже то же самое сделала Франция.

После «разоружения» Казахстана интересы ведущих стран ЕС в области нераспространения в Центральной Азии ослабли, но не исчезли. В текущей дипломатии они охватывают такие вопросы, как, например, поддержка усилий «евротройки» в отношении ядерной программы Ирана; условия присоединения Великобритании и Франции к Договору 2006 г. о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии; предотвращение незаконного оборота ядерных материалов.

В течение 1994–1995 гг. на первый план в политике ведущих европейских стран в Центральной Азии, как и в целом стран Запада, постепенно выходят интересы сдерживания «неоимпериалистического» курса России на постсоветском пространстве, который, по оценкам европейских экспертов, был на руку консервативным, антидемократическим политическим силам в Москве, цементировал антизападную направленность внешнеполитического курса Москвы, отвлекал материальные ресурсы от внутренних реформ, наконец, мог спровоцировать новые конфликты в соседних регионах. Германия, Великобритания и Франция вместе с США были в авангарде стран Запада, поставивших во главу угла стратегическую задачу поддержки независимости стран Центральной Азии.

В рамках нового курса, помимо Казахстана, приоритетом становится Узбекистан, а также получают импульс отношения с Туркменистаном. В течение 1993 г. президент Узбекистана И. Каримов совершил свои первые официальные визиты в европейские столицы – в Берлин, Париж и Лондон, президент Туркменистана С. Ниязов – в Париж и Лондон. Среди ответных визитов резонансной была поездка французского президента Ф. Миттерана в Ташкент и Ашхабад в конце апреля 1994 г. По версии французского издания «Монд», целью визита было не только открыть путь для предпринимателей на рынок двух стран, но и «пролить свет на конфликты в Центральной Азии, в то время как внимание сосредоточено на Боснии; на таджикский конфликт, который грозит привести Россию к ее старым империалистическим демонам» [1].

В результате переговоров в пользу Ташкента и, в меньшей степени, Ашхабада стали пересматриваться программы экономической помощи, открывались новые посольства, развивались экономические, военные, гуманитарные связи. Вслед за этим по инициативе европейской «тройки» в течение 1995–1996 гг. активизировал связи с Узбекистаном и Туркменистаном Европейский Союз. Причем предварительные переговоры о заключении базового соглашения велись Еврокомиссией при участии послов трех стран на местах.

С тех пор задача укрепления независимости стран Центральной Азии потеряла свою особую актуальность и сугубо антироссийский подтекст. В то же время не потеряла значимость в долгосрочной перспективе задача усиления европейского направления внешней политики стран региона в целях обеспечения комплекса других интересов стран Европы. Прежде всего, дискурс укрепления независимости центрально-азиатских стран имел экономическое измерение: автономия от Москвы рассматривалась как условие эксплуатации в интересах европейских государств природных ресурсов стран Центральной Азии. Использование сырьевого потенциала стран регионов с точки зрения интересов европейских государств означает не только их бесперебойный доступ на европейский рынок, но и доходы от вложений инвестиций в разработку ресурсов, поставки оборудования и предоставления услуг в ходе добычи и транспортировки. Особый интерес стран ЕС представляют запасы нефти и газа (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан), цветных и драгоценных металлов (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан), урана (Казахстан, Узбекистан), а также импорт хлопка (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан).

Сырье абсолютно преобладает в импорте Германии, Великобритании и Франции из стран Центральной Азии. Казахстан стал крупным экспортером нефти в Германию (5 место среди поставщиков с 6,1 млн. тонн нефти в 2009 г. или 6,3% всего импорта нефти Германией; 4 место по данным за 1 полугодие 2010 г.) и Францию (4 место в 2009 г., с 6,4 млн. тонн или 9,1% всего импорта). Также за период 2007–2009 гг. из Казахстана поставлялся титан во все 3 страны, серебро - в Германию и Великобританию, медь - в Германию, уран - во Францию. Узбекистан в этот период экспортировал серебро в Великобританию, уран и хлопок - во Францию, Туркменистан, хлопок - во Францию [7, с. 52].

Ведущие страны ЕС являются конкурентами (как между собой, так и по отношению к другим европейским и иным странам) не только с точки зрения импорта сырья из стран Центральной Азии. Выросшая на нефтедолларах экономика Казахстана занимает особое место во внешнеэкономической политике трех стран и как рынок сбыта, и как место приложения инвестиций. Германия в силу преимуществ немецкой промышленности является лидером среди торговых партнеров, экспортировав на рекордные 1,9 млрд. евро в 2007 г. и столкнувшись из-за кризиса с сокращением экспорта до 1,7 млрд. в 2008 г. и 1,3 млрд. долларов в 2009 г. Французский экспорт составил 0,5 млрд. евро в 2008 г. и 0,48 млрд. в 2009 г. Позиции Великобритании как экспортера слабее – меньше 300 млн. евро ежегодно в 2008-2009 гг. [7, с. 52].

В то же время в Казахстане всегда были сильны инвестиционные позиции британских компаний, активно поддерживаемых официальным Лондоном. Основной объект их инвестиций – казахстанский нефтегазовый сектор. По данным Центробанка Казахстана, объем накопленных прямых инвестиций из Великобритании по состоянию на 30 июня составил 2,5 млрд. долларов. Накопленные прямые инвестиции немецких компаний значительно меньше – 762 млн. долларов; которые, однако, вложены в основном в несырьевые отрасли (производство стройматериалов, розничная торговля и др.), что соответствует стратегической задаче официальной Астаны диверсифицировать национальную экономику. Французские компании, за исключением нефтегазовых, долгое время занимавшие сдержанную позицию, при поддержке нового президента Н. Саркози стали одними из лидеров по объему прямых инвестиций, достигших общего объема 5,7 млрд. долларов на середину 2010 г. Основные отрасли инвестирования: нефтегазовая (участие компании «Тоталь» в освоении месторождения Кашаган), горнорудная («Арева», добыча урана), атомная, аэрокосмическая, транспорт, банковский сектор.

Конкуренция в торгово-экономической сфере не исключает объединения усилий европейских стран, и прежде всего Великобритании, Франции и Германии, для обеспечения благоприятного режима для европейских инвесторов и других европейских компаний в странах Центральной Азии. Через институты Евросоюза они пытаются влиять на принимаемое законодательство, в рамках ЕС или с помощью коллективных демаршей послов лоббируют интересы конкретных компаний, оказавшихся объектом давления со стороны государственных органов власти.

С конца 1990-х гг. приоритетом в региональной политике ведущих европейских стран в Центральной Азии становитсяборьба с наркоугрозой. На протяжении 1990-х гг. Центральная Азия стала крупным транзитным маршрутом поставок наркотиков афганского происхождения в страны Европы. По данным доклада 2006 г. Дублинской группы, тесно связанной с Евросоюзом, в 2005 г. доля афганских опиатов, поставленных на мировой рынок через Северный путь, составляла 20-24%. Ответом стран Европы стала реализация проектов поддержки силовых служб стран Центральной Азии, а также направление в посольства сотрудников МВД для координации двустороннего взаимодействия.

На 1995–1996 гг. пришелся этап активизации усилий стран ЕС по определению приоритетов борьбы с производством и распространением наркотиков в рамках строительства так называемой третьей опоры ЕС. В ходе заседания Европейского совета в середине декабря 1996 г. по инициативе французского президента Ж. Ширака и британского премьер-министра Дж. Мэйджора оказание помощи центрально-азиатским республикам через программу ТАСИС было включено в список первоочередных мер борьбы с наркотрафиком на общеевропейском уровне. Также ведущие страны ЕС являются спонсорами международных программ борьбы с наркоугрозой в Центральной Азии, реализуемых по линии ООН, Евросоюза (в последнем случае речь идет не только о средствах бюджета ЕС, но и дополнительных взносах стран ЕС) или в качестве таких региональных инициатив, как, например, Центрально-азиатский региональный информационный координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ЦАРИКЦ).

Поддержка силовых служб стран Центральной Азии стала еще более актуальной после 11 сентября 2001 г. в интересах борьбы с угрозой терроризма. Тогда же обозначился новый, не менее важный интерес – обеспечение поддержки политики стран ЕС на афганском направлении. Кроме военной базы США в узбекском Ханабаде и международной, с преобладанием американских военных, базы в киргизском Манасе, среди стран НАТО только Германия и Франция договорились о постоянной дислокации небольших подразделений своих военно-воздушных сил в узбекском Термезе и Душанбе соответственно. Великобритания с учетом позиций в Южной Азии и в зоне Персидского залива, насколько известно, никогда не ставила цель обеспечить постоянное военное присутствие в Центральной Азии.

В результате были усилены слабые «треки» в политике ведущих стран ЕС. Таджикистан, который обычно игнорировался европейскими странами, за исключением Франции, стал приоритетом региональной политики. При этом Франция внесла наибольший вклад в активизацию отношений между Душанбе и институтами Евросоюза. Новый импульс получили отношения с Узбекистаном.

Борьба с наркоугрозой, угрозой терроризма, ситуация в Афганистане – все это насущные вопросы в повестке центрально-азиатской политики Берлина, Парижа, Лондона, даже если страны НАТО выполнят свое решение о передаче до конца 2014 г. основной ответственности за безопасность в Афганистане местной армии и полиции.

Французские власти первоначально обнародовали амбициозную, сходную с немецкой программу развития связей с регионом Центральной Азии. Но как на начальном этапе формирования региональной политики, так и в дальнейшем Франция не была последовательна в своих действиях, что негативно сказывалось на результатах политики и подрывало позиции Парижа в регионе. Планы развития по всем внешнеполитическим направлениям были вскоре пересмотрены в сторону сокращения, ксередине 1993 г. был сформулирован курс па укрепление отношений с Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном как наиболее перспективными с экономической точки зрения и самыми важными в политическом плане странами региона.

Именно в этих странах были открыты посольства, а президент Ф. Миттеран в ходе визитов в течение 1993–1994 гг. лично лоббировал интересы французских компаний, прежде всего нефтегазовых «Тоталь», «Газ де Франс», «Эльф Акитен», а также французских промышленных гигантов, ориентирующихся на выполнение так называемых крупных контрактов (сооружение объектов недвижимости и инфраструктуры, поставки и наладке промышленного оборудования «под ключ»): «Буинг», «Томсон», «Текнип» и др. Развивалась правовая основа отношений Франции с тремя странами, под крупные контракты выделялись французские государственные кредиты. В результате по объему товарооборота Франция, хотя и оставалась далеко позади Германии, с 1994 г. стала уверенно обгонять Великобританию. Однако размеры инвестиций оставались незначительными из-за просчетов французских компаний в выборе месторождений. Только «Тоталь» смогла закрепиться в консорциуме по разработке Кашагана, где она в настоящее время владеет долей 16,8%. Динамика двусторонних отношений с Кыргызстаном и Таджикистаном оставалась слабой. Объемы экономической помощи Франции странам региона были меньше показателей не только немецкой, но даже британской помощи, что не позволяло закрепить позиции в регионе [7, с. 61].

Успехом французской дипломатии можно считать лишь результаты на туркменском направлении, достигнутые, в том числе за счет решения Франции, единственной из стран ЕС, выступившей спонсором резолюции 1995 г. Генеральной Ассамблеи ООН о «Постоянном нейтралитете Туркменистана», а также поддержки Парижем в случае экономической целесообразности иранского маршрута экспорта туркменского газа. В 1996 г. Франция и Туркменистан даже подписали меморандум о стратегическом партнерстве, а французские власти стали называть Ашхабад важнейшим партнером в Центральной Азии. Была создана постоянная рабочая группа по энергоресурсам. Особые выгоды сближение Франции и Туркменистана принесло компании «Буинг», вошедшей в число основных иностранных подрядчиков туркменского правительства.

Конкуренцию в Туркменистане французские нефтегазовые компании в конце 1990-х гг. проиграли американским и британским компаниям, однако, как известно, и те в итоге не смогли договориться с Ашхабадом о строительстве транскаспийского газопровода. Франко-туркменские связи пошли на спад. Рабочая группа была созвана последний раз в ноябре 1998 г. С 2000 г. французские власти стали сокращать объемы помощи. Стратегическое партнерство было в результате скомпрометировано, а дипломатические успехи растеряны, что разительно отличает непоследовательные шаги Франции от последовательных действий Германии в отношении Узбекистана даже в кризисный «постандижанский» период.

Только в конце 1990-х гг. с учетом укрепления радикального режима талибов в Афганистане и обострения военно-политической ситуации в Центральной Азии Париж признал особое значение Ташкента с точки зрения региональной безопасности. С этого времени развиваются двусторонние военные связи, укрепляются отношения между органами внутренних дел, работает межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Однако все это не позволило Франции, в отличие от Германии, добиться согласия Узбекистана на постоянное размещение контингента французских ВВС после 11 сентября 2001 г. Реакция Парижа на андижанские события была заметно более осторожной, чем британская, но в то же время более принципиальной, чем германская. Париж поддержал санкции ЕС, свернул связи в военной сфере и политические контакты на высоком уровне, но не прекратил отношения в других сферах. Объемы французской помощи после 2005 г. оказались лишь немного меньше докризисных. В результате отношения все-таки претерпели период взаимного охлаждения.

Более успешным стал поворот в политике Франции на таджикском направлении, имевший место также в конце 1990-х гг. Тогда активизировались двусторонние политические контакты, Франция взяла на себя роль проводника интересов Таджикистана в ЕС, выступая за возобновление программы «ТАСИС» в стране. После 11 сентября основной базой размещения французских военных в Центральной

Азии стал аэропорт Душанбе. Было открыто посольство Франции, стали развиваться связи между министерствами обороны и внутренних дел. Экономическая помощь выросла с начала 2000-х гг., однако продолжала значительно уступать даже британским показателям.

Двойственные результаты не всегда последовательной политики предшественников, неиспользованные возможности, конкуренция и более слабые позиции по сравнению с другими ведущими странами Евросоюза, особенно Германией, обусловили заметную активизацию Парижа в Центральной Азии после прихода Н. Саркози к власти в мае 2007 г. Дискуссии во французских официальных кругах начались еще в течение 2005 г. при Ж. Шираке, когда по поручению премьер-министра Ж.-П. Раффарена сенатор Э. де Монтескье, многие годы занимающийся странами Центральной Азии, подготовил комплексный доклад с оценками позиций Франции в регионе и предложениями по их укреплению. Однако тогда, с учетом событий в Кыргызстане и Узбекистане, время для новых инициатив оказалось неудачным. При новомпрезиденте сенатор Э. де Монтескье был назначен специальным представителем президента по Центральной Азии [7, с. 62].

Во-первых, был взят курс на укрепление позиций Франции в ведущих странах региона, прежде всего на казахстанском рынке, что было благосклонно воспринято Астаной с учетом задач экономической модернизации.

С сентября 2007 г. была организована серия встреч на высшем уровне, включая государственный визит Н. Саркози в Казахстан 6 октября 2009 г., задействованы существующие двусторонние формы и созданы новые, использованы новые дипломатические инструменты, как, например, желание Астаны быть председателем в ОБСЕ или обновить договорную базу отношений с Евросоюзом. Итогом стало подписание многочисленных контрактов, среди которых– о поставках 200 железнодорожных локомотивов компанией «Альстом», закупке 45 вертолетов ЕС-145 министерством обороны Казахстана, участии «Газ де Франс» и «Тоталь» в разработке месторождения Хволынское на севере Каспия. В 2009 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в военной, военно-технической сферах и о военном транзите.

Претерпела коррективы политика Франции на узбекском и туркменском направлениях. Начиная с 2008 г., возобновился регулярный диалог между Францией и Узбекистаном на правительственном уровне с целью восстановления «отношений доверия». Идут переговоры об интенсификации экономических связей, однако значимых решений немного, например, покупка Узбекистаном 10 самолетов А320 компании «Эрбас». В отношении Туркменистана официальный Париж нацелен, главным образом, на поддержку «Буинг» и других строительных компаний с учетом нового строительного бума в стране после прихода к власти Г. Бердымухамедова, а также обеспечение интересов нефтегазовых компаний «Тоталь» и «Газ де Франс». В феврале 2010 г. состоялся визит Г.Бердымухамедова во Францию, в ходе которого было решено учредить межправительственную комиссию по экономическому сотрудничеству по аналогии с существующими франко-казахстанской и франко-узбекской, а в ее составе – рабочую группу по энергетике. В последние годы объем заказов «Буинг» в Туркменистане значительно вырос, обеспечивая, по данным французского МИДа, около 50% всего оборота строительного подразделения компании и способствуя двукратному росту французского экспорта в Туркменистан в 2009 г. В то же время попытки президента Н.Саркози обеспечить доступ французских компаний к туркменским месторождениям пока успеха не имели.

Во-вторых, Франция стала «играть на поле Германии», больше внимания уделяя реальным проблемам стран региона и используя для этого как двустороннюю, так и многостороннюю дипломатию, особенно институты Евросоюза. Франция совместно с Германией стала координатором инициативы Евросоюза в области верховенства права для Центральной Азии, «инаугурация» которой прошла в ноябре 2008 г. в Брюсселе. В целом Париж сделал регион одним из приоритетов своего председательства и в Евросоюзе во второй половине 2008 г. Тогда под эгидой стратегии ЕС 2007 г. в отношении Центральной Азии Франция организовала также министерские Конференции по безопасности (Париж, сентябрь 2008 г.), по управлению границами и борьбе с наркоугрозой (Душанбе, октябрь 2008 г.). Совместный визит глав внешнеполитических ведомств Германии Г. Вестервелле и Франции Б. Кушнера в Ош и Бишкек в июле 2010 г. после известных событий на юге Кыргызстана (и первый визит французского министра иностранных дел вообще в истории двусторонних отношений) можно рассматривать как стремление Парижа закрепить роль Франции в координации европейской политики в Центральной Азии. Как и Великобритания, Франция является донором ЦАРИКЦ, а также занимает активную позицию в отношении деятельности ООН и ОБСЕ в регионе.

В декабре 2009 г. было открыто посольство Франции в Бишкеке, что сделало Францию второй страной ЕС после Германии, представленной во всех странах Центральный Азии. Объемы экономической помощи Франции с приходом Н. Саркози были увеличены. Кратно выросла помощь Таджикистану: 5 млн. долл. ежегодно в 2007–2009 гг. против 0,3 млн. долл. в течение 2001–2006 гг. В настоящее

время Таджикистан – единственное место дислокации французских военных в странах Центральной Азии после того, как Парижу не удалось договориться с киргизскими властями о продлении пребывания французского авиаотряда в новом Центре транзитных перевозок в киргизском Манасе. Другие приоритеты программ экономического содействия со стороны Франции – Казахстан (3,3 млн. долл. в течение 2007–2009 гг.) и Узбекистан (2,9 млн. долл.). Помощь Туркменистану незначительна и эквивалентна объему британской помощи. Двусторонняя дипломатия Франции остается слабой по сравнению с политикой Германии и Великобритании с точки зрения выделяемых экономических ресурсов. Помощь Кыргызстану держится на сравнительно низком уровне – около 1 млн. ежегодно в 2007–2009 гг. Общие объемы французской помощи по-прежнему значительно ниже британской. Судя по косвенным данным, в течение 2010 г. деятельность Французского агентства развития, главного агентства официальной французской политики развития, расширилась, однако ни регион Центральной Азии, ни отдельные страны так и не стали ее приоритетом.

Приход к власти Н. Саркози совпал по времени с обострением отношений США с Ираном. В отличие от предыдущего периода, когда Франция пыталась демонстрировать сдержанную политику в отношении Ирана, в том числе его ядерной программы, поскольку ряд французских фирм занимался поставками высокотехнологичного оборудования, используемого Ираном на ядерных объектах, Н. Саркози резко ужесточил позицию Франции в отношении «ядерного досье» Ирана, и Франция, наряду с Англией, стала последовательным партнером США. Она поддержала в Совете Безопасности ООН в 2007 г. резолюцию по усилению санкции против Ирана. Столь же решительно Франция поддержала в ООН предложение США от 3 марта 2008 г. об очередном ужесточении санкций против Ирана и 28 сентября этого же года требования Совета управляющих МАГАТЭ к Ирану выполнить свои обязанности, вытекающие из предыдущих резолюций ООН.

9 июля 2010 г. вместе с США и Англией Франция внесла в СБ ООН очередную резолюцию, требующую от Ирана прекратить ядерные исследования и ужесточить экономические санкции против Ирана. Франция готова была отказаться от поставок на свой рынок иранской нефти и прекратить торговые отношения с Ираном. С лета 2010 г. политика Франции в отношении Ирана все более ужесточилась, и 22 ноября 2011 г. Н. Саркози потребовал введения против Ирана «беспрецедентных» санкций [8].

В частности, Париж настаивает на немедленной заморозке активов Центробанка Ирана и прекращении закупок иранской нефти в ответ на содержащиеся в докладе Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) опасения по поводу ядерной программы Исламской республики.

Письма с соответствующим призывом от имени президента Франции Николя Саркози были разосланы странам-партнерам: США, Канаде, Японии, Великобритании и Германии. Также экземпляры письма были отправлены в Европейскую комиссию и Европейский совет.

«Поскольку Иран продолжает наращивать свою ядерную программу, отказывается от переговоров, обрекая тем самым свой народ на изоляцию, Франция требует введения новых санкций в беспрецедентных масштабах, чтобы убедить Иран в необходимости переговоров и отказе от ядерных исследований», – говорится в документе.

В целом в центрально-азиатской политике Германии, Великобритании и Франции отсутствуют некие особые интересы и позиции, которые бы существенно препятствовали выработке общего курса в рамках Европейского Союза. Одновременно наличие специфических интересов и разные акценты в общей структуре интересов определяют неодинаковый набор приоритетов и разные объемы выделяемых ресурсов в региональной политике Берлина, Лондона и Парижа. Среди трех стран наиболее прочные позиции в Центральной Азии сохраняет Германия, движимая комплексом внешнеполитических, экономических, военных и гуманитарных интересов. Конкуренция за казахстанский рынок и за доступ к ресурсам Туркменистана, обострившаяся между европейскими странами в последние годы, является неизбежным структурным аспектом, ослабляющим общую внешнюю деятельность ЕС, но не мешающим согласованию позиций и действий каквнутри Евросоюза, так и в других международных форматах.

Преданные гласности сайтом «Викиликс» шифрограммы из Парижа свидетельствуют, что посол США в Париже аттестовал Саркози как «самого проамериканского президента Франции за послевоенный период» [9].

Вместе с тем во Франции по-прежнему сильны позиции оппонентов атлантической позиции Саркози, которые высказывают сомнения по поводу подлинной значимости роли Франции в принятии решений НАТО. «Сможет ли она сказать свое слово при определении новой стратегии альянса, или же она будет выступать на вторых ролях?» – вопрошает директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль [10]. Такого рода сомнения присущи значительной части политической элиты Франции, опасающейся втягивания ее в сомнительного рода операции НАТО, инициируемые США.

Говоря об итоге политики Саркози на американском направлении, видный французский аналитик американских проблем Андре Каспи отмечает: «Если французы повернулись лицом к Соединенным Штатам, то еще не факт, что по другую сторону Атлантики они встретят страстное желание ответить взаимностью. Для большинства американцев Франция – всего лишь одна из стран Европы среди прочих» [10].

This article follows the problems of a foreign policy since the Fifth Republic of France, contains the analysis of the reasons of improvement of political connections with the USA and updating of the relations with NATO. Cooperation of France, England and Germany in the course of formation of a complex of the general political problems is shown by creating European security institutions in the Central Asian region for the purpose of providing of interests of the European countries in this territory.
The key words: *the fifth Republic, NATO, the hierarchy of interests, the principles of independence, the policy of the European states in Central Asia.*

Список литературы

1. Возвращение Франции в объединенное командование НАТО // http://www.ambafrance-ru.org/spip.php?article7257.
2. Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М.: Международные отношения, 2011. 319 с.
3. Внешняя политика Франции после прихода к власти Николя Саркози // http://www.finanal.ru/006/vneshnyaya-politika-frantsii-posle-prikhoda-k-vlasti-nikolya-sarkozi?page=0,5.
4. Франция, европейская безопасность и НАТО в XXI веке // http://www.ambafrance-ru.org/spip.php?article7339.
5. Взаимодействие Франции и НАТО // http://www.nato.bz/ru/france.html.
6. LeMonde. 1994. 29 avril.
7. Юн С.М. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2011. № 4.
8. Материалам телеканала РБК: Н. Саркози требует «беспрецедентных» санкций против Ирана. http://top.rbc.ru/politics/22/11/2011/626141.shtml.
9. Jacques Vergès. En Syrie, il faut défendre l'Etat actuel!// http://www.alterinfo.net/Jacques-Verges-En-Syrie-il-faut-defendre-l-Etat-actuel-_a59861.html.
10. Figaro-magazin. 2009. 6 juin.

Об авторе

Антюхова Е.А. – факультет мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

УДК 944.086

ФРАНЦИЯ И НАТО В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:АКЦИИ И ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ, ДОГОВОРЕННОСТИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОАЛИЦИЕЙ СТРУКТУР НАТО

Е.А. Антюхова

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений Франции и НАТО начала XXI века, основанные на праве атлантической солидарности, проанализированы причины изменения положения страны в альянсе. В статье рассмотрены основные военные операции НАТО, в которых Франция приняла участие. Показана ее роль в оказании политического и дипломатического давления на режимы в Алжире, Тунисе, Йемене, Сирии.
Ключевые слова: *НАТО, принципы независимости, независимость суждений, политика европейской безопасности.*

Французская Республика занимает особое и уникальное положение на европейском континенте. Это связано не только с той экономической ролью, которую играет Франция в мировой экономике, но и с той позицией, которую она занимает в мировой политике.

Насчитывая менее 1% мирового населения, она производит 5% ВВП планеты, уступая по его объему лишь США, Китаю, Японии, Германии и Великобритании. Она входит в число ведущих экономически развитых стран мира, является постоянным членом Совета Безопасности ООН, обладательницей ракетно-ядерного потенциала и активной участницей процесса европейской интеграции. В Евросоюзе республика активно лидирует в таких ключевых отраслях, как АПК, ВПК, атомная энергетика, авиакосмическая промышленность, скоростные железные дороги и туризм.

Франция является одним из членов - учредителей Атлантического союза, созданного на основании Вашингтонского договора 1949 года. Североатлантический альянс является для нее воплощением стратегических связей между Европой и американским континентом.

Политические отношения Французской республики и Североатлантического альянса на протяжении всей их истории представляли собой далеко не равномерный процесс. Для него характерны как установление устойчивых отношений, так и политическая напряженность, возникшая в период президентства Ш. де Голля, что представлено традиционной для V Республики атлантической концепцией голлизма. Пиком напряженности отношений стал выход Франции из военной структуры НАТО в 1966 году и ликвидация военных баз США на территории Франции.

Внешняя политика республики с конца 1980-х гг. отмечена печатью кризиса голлистской идентичности в том смысле, что с этого времени поставлены под вопрос внешнеполитические принципы, заложенные основателем V Республики. Независимо от того, представитель какой партии возглавлял Францию, эти принципы оставались неизменными вплоть до 1990-х гг. Они основывалась на идее величия и независимости Франции в опоре на собственное ядерное оружие, глобальный характер её внешнеполитических интересов, а также моральные притязания в духе доктрины республиканского мессианства, провозглашавшей Францию родиной и защитницей великих демократических принципов свободы, равенства и братства.

События последних двух десятилетий существенно изменили политическую ситуацию в мире, и причины выхода Франции из интегрированных структур НАТО ушли в прошлое с окончанием «холодной войны» и расколом Европы на враждебные военные блоки. Отныне военно-политическое измерение Евросоюза, вместе с тем и политические интересы Франции вписывались в рамки НАТО.

Проводя последовательную линию реинтеграции в НАТО, Франция при президентстве Ф. Миттерана начала присутствовать в Военном Комитете, при президентстве Ж. Ширака начала в нем работать как полноправный член. Кульминацией улучшения отношений стал полноправный возврат в интегрированную командную структуру альянса в 2009 году при президентстве Н. Саркози.

Вместе с тем процесс реинтеграции не затрагивает основные принципы независимости политической линии Франции. Н. Саркози подчеркивает независимость французского ядерного потенциала, независимость вооруженных сил интегрированному командованию в мирное время, свободу принятия решений о направлении войск для совместных операций.

Тем не менее, прочные позиции и бесспорные достижения на международной арене не снимают стоящих перед страной серьезных проблем. Среди них мировой финансовый кризис, проблемы Европейской зоны, участие в военных операциях по разрешению региональных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке и другие.

Сближение Франции с НАТО предполагает укрепление роли Европы в альянсе, что является неотъемлемой частью внешнеполитического курса и усиления влияния в решении международных вопросов нового тысячелетия. Давние связи, объединяющие все страны Атлантического союза, являются для Франции ценным завоеванием в противостоянии вызовам и угрозам сегодняшнего и завтрашнего дня.

Формулу взаимоотношений Франции и НАТО очень точно определил бывший министр иностранных дел правительства Л. Жоспена (1997–2002 гг.) Ю. Ведрин: «Друзья, союзники, но не приспешники» [15, p. 72]. На этой основе выстраивались отношения Франции с США, основной смысл которых сводился к тому, что Франция пользовалась правом независимости суждений по вопросам мировой политики, не порывая при этом с принципом атлантической солидарности.

Корректировка «французской исключительности» в НАТО началась уже при Ж. Шираке. Так, в 1995 г., в разгар боснийского кризиса, Франция вернулась в Военный комитет НАТО на уровне главкомов военных штабов стран-участниц. Силу французам придало провозглашение Евросоюзом в 1999г. Общей европейской политики безопасности и обороны (ОЕПБО), открывающей перспективы для достижения ЕС автономии в военно-политической сфере. Изменение характера трансатлантических отношений, а вместе с ним положения Франции в альянсе, объяснялось влиянием важнейших событий начала третьего тысячелетия, таких как 11 сентября 2001 г., военная операция против талибов в Афганистане 2002 г., война в Ираке 2003 г., расширение НАТО и ЕС 2004 г. и другие.

На 2002–2007 гг. пришелся очередной этап вхождения Франции в атлантические военные структуры. В это время она делегировала своих представителей в состав КФОР по Косову, международных сил под руководством НАТО; участвовала в совместных действиях в Афганистане, направив туда полуторатысячный контингент войск и несколько истребителей-бомбардировщиков «Мираж 2000-D». Ее военные пополнили силы быстрого реагирования альянса. Одним из самых значимых событий можно считать то, что впервые после 1966 г. французские военные в Норфолке и Монсё вошли под объединенное командование НАТО. В 2004 г. среди высших офицеров альянса насчитыва-

лось 170 французов. Едва ли эта цифра сравнима с 2805 американцами, 2212 немцами, 1216 итальянцами, 632 турками и 405 испанцами, но было очевидно, что наметилось «возвращение» Франции под единое командование альянса на региональном уровне [1, с. 114].

Рижский саммит НАТО в ноябре 2006 г. показал, как писали некоторые эксперты, что «Франция является главным плательщиком» альянса. Еще в 2005 г. она наряду с Великобританией удостоилась ранга «комплектующая нация» военно-воздушных сил НАТО. С этой целью во французской авиации было создано специальное подразделение, способное ежедневно осуществлять 250 полетов. Ее межнациональный штаб дислоцировался недалеко от Лиля. Морская авиация направила несколько кораблей-ракетоносцев в распоряжение натовских сил быстрого реагирования. Благодаря сближению с НАТО наладилось франко-американское сотрудничество в области производства военной электроники и беспилотных летательных аппаратов [16].

В марте 2005 г. французские самолеты-разведчики, оснащенные электронным оборудованием, приняли участие в военных маневрах НАТО, куда саму Францию не приглашали. В 2006 г. ситуация повторилась на маневрах в Греции, а в конце года французский воздушный контингент в Афганистане был пополнен двумя вертолетами ЕС-725, предназначенными для действий в труднодоступных районах. А в апреле-июле 2007 г. воздушным силам Франции было поручено охранять небо стран Балтии [1, с. 116]. С 2004 г. в миссии воздушной полиции стран Балтии участвовали военные 13 стран НАТО: США, Великобритании, Франции, Испании, Бельгии, Дании, Норвегии, Нидерландов, Германии, Польши, Турции, Румынии, Португалии.

Таким образом, к 2007 г. Франция не участвовала лишь в двух военно-политических структурах альянса – в Комитете по планированию обороны и Группе ядерного планирования. Следует отметить, что большинство французских граждан и политиков не имели представления о том, насколько уже вовлечена их страна в натовские военные структуры, так как сам этот факт широко не афишировался.

Политические инициативы Жака Ширака в альянсе, напротив, были широко известны не только во Франции, но и за ее пределами, как бы подтверждая «исключительность» ее взаимоотношений с НАТО. Они сопровождались усилением «надменности» Франции стремлением настоять на своем. Стана занимала осторожную позицию при обсуждении ключевых документов НАТО, касающихся глобализации в мире, взаимоотношений альянса и ЕС.

Такая позиция Франции способствовала некоторой «самоизоляции» страны в НАТО. Она отстранялась от дискуссий по таким политически важным вопросам, как будущее альянса, в более широком контексте – вопросам трансатлантических отношений. Более того, в это время неотъемлемым условием развертывания ОЕПБО считалось сохранение «особого положения» Франции в НАТО.

Пик обострения франко-натовских отношений и франко-американских отношений наступил в 2003 г. из-за резкого выступления Франции вместе с Россией и Германией против войны в Ираке. Поведение Франции вызвало у европейских стран, особенно стремящихся в ЕС и НАТО, опасение по поводу ее настойчивости в деле общей европейской политики безопасности и обороны (ОЕПБО). Они считали, что все усилия Франции направлены на то, чтобы заменить присутствие альянса в Европе на ОЕПБО и действовать против Америки.

Несмотря на резкую критику, поведение Франции не выходило за рамки принятого внешнеполитического курса. Так, еще де Голль в свое время резко осуждал США за вьетнамскую войну, и в то же время вопреки общественному мнению симпатизировал Кубе и выразил солидарность с Америкой в дни Карибского кризиса.

Вашингтон открыто делал ставку на силовое решение иракской проблемы. Безоговорочно администрацию Джорджа Буша поддержала только Великобритания, в то время как Франция и Германия считали войну наименее приемлемым выходом из кризиса. Турция, член НАТО, отказалась пропустить через свою территорию американские войска. А за США туда последовали страны, не являющиеся членами НАТО. 22 января 2002 г. президент Франции Ж.Ширак и канцлер ФРГ Г. Шредер в своих выступлениях по случаю 40-летия заключения договора, заложившего основу тесного сотрудничества между двумя странами, публично подтвердили свою враждебность военному решению иракского кризиса.

В конце января 2002 г. в «Уолл-стрит джорнал» появилось подписанное руководителями восьми европейских стран письмо, в котором они призывали поддержать жесткую линию Вашингтона по отношению к Ираку. Свои подписи под ним поставили лидеры Великобритании, Испании, Италии, Португалии, Дании, Польши, Венгрии и Чехии, то есть либо давних партнеров Парижа и Берлина по ЕС, либо стран, которые в 2004 г. стали его членами.

Очередную попытку пересмотреть положение «самоизоляции» Франции в НАТО предпринял после своего избрания в 2007 г. президент Н. Саркози. В вопросах внешней политики он предложил начать действия по трем «взаимосвязанным» направлениям: «укрепление обороноспособности Евро-

пы, обновление НАТО, обновление отношений альянса с Францией» [17].

После ряда двусторонних уступок Франции и альянса в вопросах реинтеграции на встрече в верхах НАТО в Страсбурге-Келе в апреле 2009 г. Франция официально объявила о возобновлении своего полномасштабного участия в структурах НАТО.

Миссию НАТО в Афганистане можно назвать одной из самых крупных миссий, за которые когда-либо брался Североатлантический союз. Каждое государство-член вносит вклад в эту операцию, и многие расширяют свое участие в ней. Страны НАТО также выделяют средства для экономического и политического развития Афганистана. Североатлантический союз привержен делу создания стабильного Афганистана, не служащего платформой для международной террористической деятельности. Опыт, приобретенный НАТО в Афганистане, выявил ряд принципов, которые должны фигурировать в новой Стратегической концепции, например: потребность в сплоченности Североатлантического союза, желательность объединенного командования, ценность эффективного планирования и общественной дипломатии, уместность комплексного гражданско-военного подхода и необходимость развертывать войска на стратегическом удалении в течение длительного периода [2].

В августе 2003 г. НАТО взяла на себя руководство ИСАФ (Международные силы содействия безопасности), руководство которыми ранее принадлежало ООН. С тех пор численность контингента выросла с 5000 до почти 100 000 военнослужащих из сорока шести стран, включая всех членов НАТО. Задача ИСАФ – помогать афганскому правительству в осуществлении и расширении своих властных полномочий, что должно способствовать стабилизации страны и содействовать ее мирному восстановлению и развитию. Для этих целей ИСАФ проводит военные операции, помогает в учебной подготовке и оказывает содействие Афганской национальной армии и полиции. Несмотря на то, что ИСАФ добились многого, данная операция вызвала у Североатлантического союза беспокойство в связи с ограничениями, наложенными на действия воинских контингентов, выделенных некоторыми странами НАТО, и вопросами о тактике и целях. Выполнение задачи сопровождалось также неудачами из-за инцидентов, приведших к жертвам среди гражданского населения, которые командующие НАТО обязались свести к минимуму [2].

Военный контингент Франции принимает участие в военных операциях в Афганистане против движения «Талибан» в рамках НАТО с 2001 г. Президент Франции Николя Саркози в одном из своих недавних обращений объявил о приостановлении участия в военных операциях альянса на афганской территории. В Афганистане в настоящее время находится 3800 французских солдат. Ранее предусматривалось, что французские солдаты покинут территорию Афганистана до 2014 г. Начиная с 2001 г., в Афганистане были убиты 82 французских солдата, из них 26 погибли в 2011 г.

Во внешнеполитической стратегии Саркози отношения со странами бывшего «третьего мира» занимают особое место. После распада колониальной империи Франции, восстановление подорванного престижа бывшей метрополии в новых независимых государствах и сохранение там значительных французских интересов остаются приоритетными задачами Парижа на международной арене.

В поисках решения поставленных задач правящие круги Франции использовали различные методы: создание системы двусторонних договоров об экономическом, политическом, военном сотрудничестве, финансовой и технической помощи; предоставление Евросоюзом таможенных и прочих преференций африканским и азиатским развивающимся странам (конвенция Яунде, Ломе); создание сообщества франкоязычных государств – «Франкофонии» и другие [3, с. 285].

Имели место и негласные личные связи французских финансово-промышленных групп под покровительством спецслужб и Елисейского дворца с африканскими диктаторами, занимавшими свои посты десятки лет и предоставлявшими право на эксплуатацию природных богатств своих стран, на вооружение, многомиллионные счета в офшорных банках, роскошные дворцы в бывшей метрополии. Нередко средства с этих счетов шли на финансирование предвыборных кампаний французских политиков и их партий [3, с. 285].

В международных организациях, начиная с ООН и ЮНЕСКО, Франция располагала значительным пакетом голосов представителей африканских государств, в свою очередь, учитывая их интересы в диалоге с западными державами. Это укрепляло позиции французского бизнеса и подтверждало притязания Парижа на статус державы с глобальными интересами.

В свете изменения международной обстановки Ближний Восток и особенно Африка стали полем экономического соперничества США и Китая за природные, прежде всего энергетические, ресурсы, что отодвигало на второй план бывшие колониальные державы Европы, в том числе и Францию. Преимущества Франции в бывших заморских владениях в Африке начинают обесцениваться. Все дороже обходится финансовая и военная помощь африканским диктаторским режимам.

Уже с приходом к власти Ж. Ширака началось постепенное свертывание военного присут-

ствия Франции в ряде африканских стран, где они все чаще оказывались вовлеченными в ожесточенные пограничные конфликты и межплеменные гражданские войны (Кот д'Ивуар, Чад, Демократическая Республика Конго, Руанда и т.д.). Французская дипломатия оказалась вынужденной переносить акцент с двусторонних отношений на решение проблем Африки самими африканскими государствами, а также объединенными усилиями в рамках международных организаций [3, с. 285].

Таким образом, наследство, доставшееся Саркози на афро-азиатском направлении, оказалось не менее сложным, чем на европейском или трансатлантическом.

Сразу после своего избрания в 2007 г. Саркози обратился с «братским призывом» ко всем африканским странам, которым предлагал помощь в борьбе с голодом, болезнями, бедностью и войнами.

Во внешней политике африканского направления Саркози выдвигал проект средиземноморского союза, направленного на решение трех важнейших задач: расширить доступ Франции к природным ресурсам Северной Африки и Ближнего Востока, их перспективным рынкам, взять под контроль потоки мигрантов, а также нейтрализовать угрозу дестабилизации региона исламистским экстремизмом и терроризмом [3, с. 288].

На протяжении последних десятилетий основными партнерами Франции в арабском мире, в том числе в северной части африканского побережья средиземноморья, являлись президенты Алжира, Туниса, Египта, король Марокко, так называемые «умеренные» лидеры арабских стран, занимавшие сдержанную позицию в конфликте с Израилем. Не акцентируя внимание на авторитарный характер их режимов, предшественники Саркози согласовывали направление внешней политики Франции на Ближнем востоке и в Северной Африке прежде всего с Каиром.

Тем не менее, в начале 2011 г. 30-летний режим Мубарака рухнул под ударом массовых антиправительственных демонстраций в Каире. В Париже не ожидали столь быстрого развития событий, настало время искать замену египетскому диктатору.

Несколько сложнее строились отношения Франции с лидером Ливийской Джамахирии Муамаром Каддафи, который в конце истекшего десятилетия стремился улучшить свой имидж с Западом, в том числе и с Францией, которая являлась одним из получателей ливийской нефти. Однако на рубеже 2010–2011 гг. в арабском мире начались тектонические сдвиги, приведшие к так называемой «арабской весне», которая, начавшись в Алжире и Тунисе, охватила восьмидесятимиллионный Египет, расширилась на Ливию, Йемен, Бахрейн и Иорданию и обрела характер ожесточенного противостояния между властью и оппозицией в Сирии [4].

Во все эти события оказалась включенной Франция, правда, в «революциях» одних стран она оказалась включенной вплоть до непосредственного участия, как это было в Ливии; в других – ее участие выражалось в оказании политического и дипломатического давления на режимы (Алжира, Туниса, Йемена); в-третьих, как в случае с Сирией, – Н.Саркози «играет в одном оркестре» вместе с Д. Кэмероном – премьер-министром Англии и Б. Обамой.

Анализ причин взрыва ситуации в арабском мире требует тщательного анализа демографической, экономической, социально-политической и конфессиональной ситуации. Притом в каждой отдельно взятой стране, в которой происходят народные волнения, вышеперечисленные факторы будут ранжированы по-своему. В одних на первое место выходят факторы экономического порядка, в других – религиозного, в третьих – социально-политического, и во всех мы вынуждены учитывать структуру населения, долю в его составе отдельных конфессий, молодого поколения, его политическую ориентацию. Так, например, анализ этих факторов в Алжире, с которого начался взрыв народного негодования, показывает, что конфликт между обществом и властью начался еще в 80-х гг. XX в. Уже тогда в результате стремительного роста численности населения темпы поступления на рынок труда молодых людей, в том числе и с университетскими дипломами, стали превышать темпы создания новых рабочих мест. Разрешить это противоречие при демографическом взрыве, даже при высоких темпах индустриализации, невозможно, так как в отличие от индустриализации начала XX в., требовавшей значительного количества рабочих рук, индустриализация конца XX – начала XXI вв. основана на иных, в том числе безлюдных технологиях. Не будучи востребованным рынком труда, молодое поколение ищет решение своих социальных проблем на путях политической борьбы, в том числе обращаясь к фундаментальным ценностям ислама, среди которых самыми востребованными оказались призывы к социальной справедливости, моральности и ответственности власти перед обществом, право уммы – общины мусульман менять власть в случае ее аморальности [5]. Уже в 80 – 90-х гг. XX в. в Алжире исламские фундаменталисты, используя механизмы демократии, получили возможность взять государственную власть в свои руки, но были остановлены армией. С тех пор светская власть вела необъявленную войну с исламским радикализмом. В декабре 2010 г., используя Интернет как средство политической мобильности, исламские радикалы предприняли очередное наступление на власть в связи с начавшимся про-

довольственным кризисом. Президент Алжира Абд-аль-Азиз Бутефлика сумел удержать ситуацию под контролем, в том числе благодаря моральной поддержке Запада и, прежде всего, Франции, где он до возвращения в Алжир проживал в эмиграции [6, с. 23].

По-иному развивалась ситуация в Тунисе, где вмешательство армии в жизнь общества не столь существенно как в Алжире, и где влияние исламских фундаменталистов на общество гораздо ниже. Начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис, переросший в затяжную рецессию, в продовольственный кризис, весьма болезненно ударил по интересам, прежде всего городского населения, в том числе средних слоев, терявших свой прежний социальный статус. Обострилась безработица, особенно среди выпускников вузов. Сигналом к началу крупных выступлений стало самосожжение 17 декабря 2010 г. выпускника юрфака города Сиди БуЗида, который вынужден был работать уличным торговцем. Важную роль в запуске переворота в Тунисе сыграли секретные материалы с характеристиками правящей верхушки, выложенные на сайте WikiLeaks. Президент Зин аль-Абиддин бен Али, 38 лет правивший Тунисом до кризиса, и его правительство стали сосредоточием зла, ответственными за ухудшение положения пострадавших от кризиса. Они подверглись мощному давлению улицы, начиная с 18 декабря 2010 г. Не получив поддержки армии Запада, в том числе Франции, он и его правительство вынуждены были уйти в отставку [7]. Они ушли, но проблемы остались, и вряд ли они будут решены в ближайшее время.

Основной проблемой восьмидесятимиллионного Египта была бедность подавляющего большинства населения страны, скученного на 5,5% ее территории – в долине Нила. Хосни Мубарак, занявший пост президента после убийства в октябре 1981 г. его предшественника Анвара Садата, безусловно, войдет в историю как один из самых сильных государственных деятелей арабского мира. Десятки лет он держал в узде внутренне расколотое египетское общество, боролся с исламскими радикалами и пытался расселить долину Нила путем создания вдоль ее городов-спутников. Он привлекал иностранный капитал и вывел в предыдущее десятилетие Египет в группу динамично развивавшихся стран мира. Его геополитические хитросплетения позволили Египту стать вторым после Израиля получателем помощи США. Он пользовался доверием Франции, в том числе и Н. Саркози. Как и в предыдущее время, он легко прошел последние президентские выборы 2005-го г. и, казалось, ничто не мешало ему передать власть своему сыну, которого он последние десять лет готовил к роли преемника [6, с. 27]. Однако кризис и резкий рост цен на продовольствие вывели на улицы почти двадцатимиллионного Каира, других городов миллионы полуголодных людей, и египетская армия, до этого сохранявшая верность Х. Мубараку, бывшему начальнику Генерального Штаба, заняла позицию нейтралитета, что обрекло Х. Мубарака на отставку. В создавшихся условиях Н. Саркози выступал солидарно с Государственным департаментом США, требуя отставки Х. Мубарака.

Беспорядки в соседних странах взорвали ситуацию в Ливии, где в отличие от соседних арабских стран при безработице 20 % ощущался острый дефицит рабочей силы в 2,5 млн. человек, которую Ливия ввозила из-за рубежа, в том числе из Китая. Граждане Джамахирии были относительно обеспечены, однако в приморских городах Восточной провинции, где расположено только одно месторождение нефти, ситуация была иной. Здесь нарастала численность незанятой молодёжи, которая не желала покидать приморскую зону Бенгази и Тобрука с мягким климатом и переезжать на нефтепромыслы пустынной зоны. В этом регионе на рубеже XX–XXI веков выросла прослойка этнических и культурных маргиналов, потомков тех, кто родился в середине XX в. от смешанных браков и внебрачных связей с итальянцами, англичанами, американцами, личным составом немецкого корпуса «Африка», тех, для кого пуританская мораль тарикатасеннуситов, вокруг которого в XX в. и сложилось королевство Ливия, была чужда и даже враждебна. Обделенной чинами и вниманием власти считала себя родоплеменная верхушка населения восточной провинции, в частности племени хараби – основы тарикатасеннуситов [8, с. 167]. Продовольственный кризис ухудшил положение социальных иждивенцев, других слоев, которые стихийно вышли на улицы, а когда обнаружили, что власть на первых порах растерялась, захватили арсеналы с оружием. Ситуацией решили воспользоваться традиционные получатели ливийской нефти, решившие повторить успех США в Ираке и поставить под свой контроль нефтяные поля Ливии. Инициативу взял на себя Н. Саркози, который одним из первых выступил с обвинениями М. Каддафи в нарушении прав человека [9]. Действия Саркози в отношении Ливии и лично Каддафи включали некие элементы поспешности и нервозности. Возможно, это было связано с заявлениями старшего сына М. Каддафи Сейфа аль-Исаяма, потребовавшего придать огласке документы, свидетельствовавшие о финансировании Ливией избирательной кампании Н. Саркози, когда он баллотировался на пост президента [10]. Франция также выступила последовательным инициатором принятия Совбезом ООН резолюции №1973 по Ливии [11]. Она была принята в ночь с 17 на 18 марта 2011 г., а уже вечером 19 марта вооруженные силы Франции и США приступили к операции «Рассвет одиссеи» по поражению военных

целей на территории Ливии [12]. В то время как другие страны – члены НАТО, начавшие бомбежки Ливии, вскоре отозвали свои авиагруппы, Франция приняла участие в разгроме Ливии от начала и до конца. Франция также инициировала обращение к Международному уголовному суду в Гааге выдать ордер на арест Каддафи за преступление против человечности.

Таким образом, неожиданно для части политической элиты Франции, Н.Саркози вовлек ее в политический конфликт в Ливии, последствия которого еще не получили своей должной оценки.

Столь же активно ведет себя Франция в отношении «революции» в Сирии, где президенту Башаду Асаду, с которым отношения Франции до прихода к власти Н. Саркози были относительно ровными, противостоит около десятка оппозиционных организаций, среди которых ведущей, монополизирующей право представлять интересы сирийского народа, позиционирует себя Сирийский национальный совет (СНП) во главе с Бухраном Гальюном [13]. СНП базируется на территории Турции, находится на ее содержании, и по состоянию на январь 2012 г. его численность не превышает 200-250 человек. 10 декабря 2011 г. его официально признало временное правительство, а вслед за ним и Франция. Накануне 5 октября вместе с Англией внесла в СБ ООН проект резолюции по Сирии, аналогичную резолюцию по Ливии, разрешающую военное вмешательство иностранных государств во внутренние дела Сирии. Россия и Китай заблокировали эту резолюцию, опасаясь повторения ливийского сценария [14]. Попытки Марокко, при поддержке Франции, США и Англии внести 31 января 2012 г. еще раз в СБ ООН резолюцию по Сирии также не прошла.

Западная дипломатия продолжает упорно искать легитимные возможности вмешательства в «революцию» в Сирии, и во всех этих дипломатических маневрах Франция выступает неизменным участником.

Таким образом, арабское или ближневосточное направление политики Н.Саркози наглядно свидетельствуют о его неизменной солидарности с внешнеполитическим курсом США, ставящим своей целью преобразование Ближнего Востока в управляемый, зависимый от них мир.

The article deals with the problems of NATO and France relations in the beginning of the XXI century based on the right of Atlantic solidarity. The reasons for changing its position in the alliance are also explained. The article describes the NATO's main military operations France took part in. It states the role France played in exerting political and diplomatic pressure on the regimes in Algeria, Tunis, Yemen and Syria.
The key words: *NATO, the principles of independence, independence of judgments, the policy of European security.*

Список литературы

1. КанинскаяГ.Н. ПарижиНАТО // Международнаяжизнь. 2008. № 10. С. 111-122.
2. НАТО в 2020 году: Гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_63654.htm (дата обращения: 12.03.2012).
3. Рубинский Ю. И. Франция. Время Саркози. М.: Международные отношения, 2011. 319 с.
4. URL: http: ria.ru/arabsy/ (дата обращения: 12.03.2012).
5. URL: http://www.fas.org/sgp/srs/mideast/RL33487.pdf (дата обращения: 12.03.2012).
6. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / Под ред. С. Кургиняна; Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр». М. ; Люберцы: ВИНИТИ, 2011. 288 с.
7. Лукьянов Ф.А. Девальвация легитимности // URL: http://www.globalaffairs.ru/redcol/ Devalvatciya-legitimnosti-15370 (дата обращения: 12.03.2012).
8. Егорин А.З. История Ливии XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 563 с.
9. Акции противников и сторонников режима Каддафи прошли в Ливии // РИА Новости. 2011. 16 февраля.
10. URL: htt://www/newsru.com (дата обращения: 12.03.2012).
11. URL: htt://www/prolit.ru/article/2011/03/24/unsc/print/ (дата обращения: 12.03.2012).
12. URL: htt://www /mhtml: file://F: Каддафи (дата обращения: 12.03.2012).
13. Почему Россия заблокировала резолюцию Саркози по Сирии? Новости. Русская служба «Голоса Америки». 2011. 5 октября // URL: http://www.voanews.com/russian/news/ (дата обращения: 12.03.2012).
14. URL: http://www.printthis.clickability.com/pt/cpt? (дата обращения: 12.03.2012).
15. Vedrine H. Continue l'histoire. Paris: Fayard, 2007. 50 p.
16. Géré F. La France et l'OTAN après le Sommet de Riga. URL: http:// www.atratoanalyse.org/fr/ article. php3?id _article=138 (датаобращения: 12.03.2012).
17. Discoursde N. Sarkozy: conferencedesambassadeurs 27 aout 2007. URL:http://www.elysee.fr (дата обращения: 12.03.2012).

Об авторе

Антюхова Е.А. – факультет мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

УДК 944. 034/.035

НЕПРИЯТИЕ АБСОЛЮТИЗМА ФРАНЦУЗСКИМ ОБЩЕСТВОМ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С.Ф. Блуменау

Наказы избирателей и сочинения публицистов стали зримым срезом общественного мнения во Франции непосредственно перед революцией. Обычно и те, и другие выступали за сохранение монархии, но не абсолютной, а ограниченной законами и, прежде всего, Конституцией.

***Ключевые слова**: наказы избирателей, публицистика, конституция, Генеральные штаты, законодательный орган.*

Недовольство системой управления страной отчетливо выявилось в публицистике, связанной с созывом Генеральных штатов 1789г. При этом высказывались совсем не одинаковые соображения. Разными были и источники обнародованных мыслей. Одни авторы отталкивались в критике политических реалий от традиционных правовых норм и истории. Другие, напротив, подходили к проблеме с позиций Просвещения, развивая идеи народного суверенитета, общественного договора и разделения властей. Нередко обе линии переплетались и апелляция к обычаям и кутюмам совмещалась с просветительской лексикой.

В этой связи любопытно обратиться к воззрениям трех авторов тем более, что они стали известными деятелями Учредительного собрания, – руанского адвоката Ж.- Г. Туре, этнографа, литератора и переводчика Ж.Н. Деменье, аббата Э.Ж. Сийеса. В марте появилось «Обращение добрых нормандцев к их братьям добрым французам всех провинций и сословий». Туре высказал здесь передовые мысли об организации и работе будущих Генеральных штатов. В политической сфере он готов был пренебречь сословными перегородками. Публицист предлагал избрание представителей Нации на совместных собраниях выборщиков трех сословий бальяжей. А собственно депутаты должны составить одну палату, обсуждать все вопросы сообща и голосовать не отдельно по сословиям, а поголовно [10, p.23,34-35]. Примечательно также, что в сорокапятистраничном произведении понятие «нация» употреблялось 34 раза.

Но в тексте явственно отразились и традиционалистские представления. Автор не только ссылался на исторические прецеденты трехвековой давности и кутюмы, но и отстаивал неписанную конституцию французской монархии. По его словам, «сила вещей и обычаев никогда не перестанет повелевать общественным мнением», а вышеуказанная конституция «никогда не должна погибнуть»[10,p.12]. Проблема власти во Франции решалась им отчасти в духе Старого порядка. «Суверенное могущество безраздельно коренится в персоне Его Величества». А что же народ? Автор отдавал должное величию последнего, которое уступает, однако, «верховному величию Трона». Туре заверял читателей, что опасности передачи власти нации не существует [10,p.19,31]. При всех переменах в деятельности Генеральных штатов, планируемых Туре, они оставались, скорее, органом, собирающимся периодически, а не работающим на постоянной основе, законосовещательным, а не подлинно законодательным институтом. Подобный взгляд накануне революции был родственен позициям «монархистов» во главе с Мунье – наиболее умеренной группировки «патриотического» лагеря [7,8].

Другой автор – сочинитель «Советов депутатам, которые будут представлять нацию в Генеральных штатах» Жан-Николя Деменье обладал более широким кругозором, выходил за пределы собственно французского исторического опыта. Он интересовался другими народами, их бытом, нравами, а также политической системой, особенно американской. Его волновали не столько ближайшие события, связанные с организацией работы Генеральных штатов, сколько перспективы реформирования французской монархии. Показательно, что, в отличие от Туре, важнейшую задачу, он видел в принятии Ассамблеей новой конституции. «Надо, прежде всего, дать хорошую конституцию, установить крепкие и непоколебимые основания, на которых она должна держаться» [6,p.4]. Автор решительно оспаривал прежнюю формулу политической жизни: «чего хочет король, того хочет закон». Ее должен сменить противоположный принцип: «чего хочет закон, того хочет король» [6,p.4-7]. Отталкиваясь от концепций общественного договора и разделения властей, Деменье передавал законодательные функции избранным представителям народа, оставляя за монархом руководство исполнительной вертикалью. При этом он несколько расширял будущие прерогативы короля, включая в их перечень даже установление налогов и контроль за финансовой сферой. Но сочинение писалось в момент избирательной кампании по выборам в Генеральные штаты и для того времени программа Деменье выглядела достаточно смелой.

К числу наиболее радикальных публицистов относился Э.Ж. Сийес, испытавший сильное влияние идеологии Просвещения. Его проект перестройки политической системы содержался в брошюре «Взгляд на средства осуществления полномочий, которыми будут располагать представители Франции в 1789г.» [4,с.71-87]. Автор противопоставлял здесь рационалистический подход традиции: «Мы не

найдем ничего полезного в истории». Отправляясь от теории естественных прав и нации-суверена, Сийес отвергал представление о королевском суверенитете и считал в этой связи незаконной вековую монархическую конституцию. Первоочередной задачей избранных представителей народа как раз и становилось создание конституционного акта. Генеральные штаты делались, по замыслу Сийеса, одновременно конституирующим и конституированным органом. Они должны были разработать новую конституцию и законодательствовать на этой основе. Публицист следовал идее разделения властей. На первое место выходила законодательная ветвь, а не король и исполнительная вертикаль, поскольку именно законы рассматривались аббатом как источник и гарант возрождения Франции.

Итак, разными были и теоретические посылы размышлений и конкретные планы перемен, на которых настаивали представители общественности в канун революции. Но никто не помышлял об уничтожении монархии и все сходились в решительной критике «министерского деспотизма».

В сочинении Деменье слова «министр» и «министерский» использовались 16 раз и почти всегда в отрицательном смысле. «Плохие министры», и «извращенные министры» [6,p.3,6-7] – так обычно характеризовал автор этих влиятельных агентов власти. Помимо произвола он вменял им в вину коррупционную деятельность и «подкармливание» жадных куртизанов. Исключение Деменье делал для «министра-гражданина» - Неккера, зато обрушивался на прежнее министерство, на «двух подлых злодеев» – Ломени де Бриенна и Ламуаньона, которые, по его категоричному мнению, спровоцировали народ в ряде регионов на выступления и вынудили солдат «проливать кровь граждан»[6,p.1,14,31].

Одной из «двух бед» Франции Туре также считал отнимавшее у парламентов право регистрации законов нововведение Ламуаньона [10,p.5,21]. Со своей стороны, Сийес думал над тем, как оградить будущие Генеральные штаты от министерского произвола. Во всех злоупотреблениях он обвинял министров и двор, но не короля [4,c.84].

Зримым отражением политических настроений французов являлись наказы избирателей. Известный американский историк Дж. Тэйлор дал любопытную классификацию этих «жалоб», отталкиваясь в качестве критерия от демонстрируемого ими уровня политического сознания. В разряд 1А он зачислил наказы, занятые сугубо локальными делами и не поднимавшиеся до общенациональных вопросов. Для наказов, входящих в разряд 1В, свойственно умение обобщать местные проблемы, выводить их на общефранцузский уровень. Но и их авторы не касались политических тем. В класс 1С включались уже «письма» с политическими требованиями, не ставящими, однако, под сомнение суверенитет Короны, контроль короля над законодательством и налоговой сферой.

В категорию 2 попадали наказы, настаивавшие на решающем участии Генеральных штатов в налогообложении, но не на передаче им законодательных функций. В разряде 3 оказались наказы, утверждавшие, что ни один закон не может быть принят без Ассамблеи. При этом их редакторы апеллировали больше к правовым формулам Старого порядка, чем к просветительским аргументации и лексике. К последним, напротив, склонялись «жалобы», зачисленные в класс 4. Автор ввел в таблице дополнительную рубрику, помеченную буквой Т. Сюда включались те из наказов (обычно 3 и 4 разрядов), редакторы которых на случай сопротивления двора или аристократии предлагаемым реформам планировали отказ от взимания налогов и вотирования займов[9,p.1499].

Наиболее высокий уровень политической сознательности обнаружили общегородское собрание Парижа и две ассамблеи столичных бальяжей, непосредственно избиравшие депутатов Генеральных штатов (Парижа «вне городских стен» и Парижа внутри них). Эти ассамблеи требовали передачи Собранию законодательной власти, выступая с позиций Просвещения и угрожая отказом в утверждении налогов и займов, если с ними не согласятся. Бальяжи и сенешальства прочих регионов (а автор отделял те из них, что содержали значимую долю городского населения, от других, где она была слабой) демонстрировали в своих «жалобах», в основном, уровень сознания, помеченный цифрой 3, поскольку смелые политические требования сопровождались ссылками на традиционные юридические постулаты. Высокий уровень политической зрелости характерен и для 11 наказов городов, и для 19 наказов парижских дистриктов, изученных Тейлором. А вот политический кругозор жителей приходов и бургов, зафиксированный в их «письмах», неширок. То же можно сказать и о проявившихся в наказах устремлениях членов городских корпораций, особенно состоявших из народных низов. Здесь уровень политического сознания соответствовал чаще всего разрядам 1А, 1В, 1С. Впрочем, немало первичных наказов попадало в категорию 2, мало – в третью и только от 1 до 4% – в четвертую[9,p.1512].

Подчеркивая значимость проведенного анализа и выявленных тенденций, нельзя забывать о своеобразии отдельно взятых наказов, порой выбивавшихся из общих схем. Так, наказ одного из приходов провинции Орлеанэ завершается принципиальным и смелым требованием: «Наконец, чтобы нельзя было ни устанавливать налог, ни принимать законы без согласия Нации, собравшейся на законном основании…»[1,c.22]. Документ, по меньшей мере, заслуживает зачисления в третий разряд

по методике Тейлора. Процент наказов такой категории совсем невысок и составляет лишь 1/20 рассмотренных ученым 428 «жалоб» приходов и бургов.

И, наоборот, наказ-напутствие для избранных в провинции Руэрг депутатов Генеральных штатов не «блещет» радикализмом. В 55 его статьях ставится немало серьезных вопросов. Редакторы настаивают на создании национальной конституции и периодическом созыве Генеральных штатов, но о передаче последним законодательной власти нет речи. В тексте косвенно упоминается о функциях Ассамблеи в налоговой сфере[1,с.15-20]. В целом, документ, по Тейлору, может быть отнесен по второму уровню политической сознательности, что свойственно меньшей части «писем» бальяжей и то только со слабой долей городского населения[9,p.1512].

Более интересным и политизированным оказался общегородской наказ третьего сословия Руана, в редактировании которого явно ощущалась рука уже упоминавшегося адвоката и публициста, будущего депутата Ж.-Г. Туре. Структура наказа отличалась продуманностью и рационализмом. Сначала приводились пункты предложенной конституции, затем статьи, касающиеся Генеральных и провинциальных штатов, после чего следовали рубрики «законодательство», «финансы», «торговля, промышленность, сельское хозяйство» и только в конце разделы, посвященные дворянству и духовенству.

Документ не лишен двойственности. Стремление наделить Генеральные штаты большими полномочиями сочеталось с глубоким пиитетом перед Людовиком XVI. Контроль над фискальной и – шире – денежной сферой получало Собрание. «Пусть только нации, представленной в Генеральных штатах, принадлежит право согласовывать или отсрочивать налоги, разрешать займы и создание должностей…»[5,p.597]. Эта формула дополнялась другой, запрещавшей предпринимать что-либо с деньгами без поддержки Генеральных штатов.

Но этим функции Ассамблеи не ограничивались. Уже в первой статье наказа речь шла о разделении власти между монархом и будущим Собранием. Подчеркивалось, что только первый как глава нации может управлять в соответствии с законами (sic!), а «законодательная мощь принадлежит представленной в Генеральных штатах нации совместно с королем». Другие статьи разъясняли и расширяли законодательные прерогативы депутатов. «Пусть на каждой сессии Генеральных штатов обсуждаются все предметы, касающиеся количества, природы и взимания налогов, законодательства и общего управления королевством». Принципиальное значение имела статья 33, запрещавшая публикацию каких-либо законов, даже временных, в интервалах между сессиями Собрания[5,p.597,599]. Так перекрывались возможности для исполнительной власти заниматься законотворчеством.

Вообще политические статьи занимали в наказе серьезное место. В соответствии с ними устройство, регламент и условия работы представительного органа определялись самими Генеральными штатами. В 21-ом пункте документа авторы высказывались за поголовное, а не посословное голосование в Собрании. В девятой статье оговаривалась юридическая ответственность министров за правонарушения[5,p.597-598].

Вместе с тем, в тексте зримо отразились «царистские » настроения его составителей и массы избирателей. В заключение предлагалось, объединившись с представителями других бальяжей Нормандии, а затем и всей Франции, равно, как и с делегатами двух первых сословий, «умолять Его Величество» принять от нации, как в свое время Людовик XII, имя «Отца народа». Здесь же говорилось о новом договоре «между королем Франков и его верными подданными»[5,p.602]. Показательно, что употреблялось именно последнее выражение, а не все чаще используемое общественностью понятие «граждане». В целом, по своим лексике и аргументации документ следовал традиционной юридической культуре, а не просветительским фразеологии и формулам. Поэтому правомерно отнести его к категории 3, согласно классификации Дж. Тэйлора.

От «жалобы» избирателей Руана существенно отличались, в том числе, лексикой и аргументацией наказы двух бальяжей Парижа – вне и внутри городских стен. Составители напутствия от округа столицы не выражали свои мысли просительным тоном. В наказе речь шла о глубоком уважении к «священной особе монарха», но одновременно редакторы протестовали против некоторых, вероятно, предписываемых депутатам третьего сословия форм поведения, которые унижали их достоинство и тем самым «оскорбляли бы величие нации»[3,с.86].

Бальяжное собрание потребовало регулярных созывов Генеральных штатов и поголовного голосования в Ассамблее. Оно добивалось депутатской неприкосновенности. Составители наказа предусмотрительно запрещали вооруженным силам подходить к месту будущих заседаний ближе, чем на 10 миль. Они озаботились также их ведением и предлагали избирать председателя каждые 15 дней, с чем и согласятся впоследствии депутаты.

Авторы документа решительно передавали Генеральным штатам права введения налогов, заключения займов, основания государственного банка и учреждения должностей. Они прописали систему раз-

деления властей. «Король есть единственный хранитель исполнительной власти». Но подчеркивалось, что «власть монарха ограничена законом». Составители «письма», замечали, что судебная власть по существу отлична от исполнительной. «Положение судей и судебных чиновников не должно зависеть ни от каких актов исполнительной власти, но они будут находиться в полной зависимости от законодательной власти нации». И выше в тексте наказа уже утверждалось, что законодательная власть принадлежит нации. Непосредственно выработка законов и их принятие ложились на Ассамблею. Но для законов предусматривалась и королевская санкция, с чем также согласится Учредительное собрание[3,с.89].

Можно только позавидовать предусмотрительности составителей наказа третьего сословия парижской округи, о котором уже говорилось. В тексте обозначена тема, которая вызовет жаркие споры в 1790г. Кому решать вопросы войны и мира: монарху или Собранию? Похоже, что редакторы документа склонялись к идее взаимодействия ветвей власти. «В случае оборонительной войны или вторжения неприятеля король, в качестве хранителя исполнительной власти, как можно скорее примет меры для обеспечения защиты государства, в этом случае, равно как и в случае объявления королем войны, Генеральные штаты соберутся до истечения двух месяцев от начала военных действий»[3,с.90]. Отсюда – заключаем, что для представлений авторов характерно сочетание дальновидности и смелости.

Особенностью текстов, подготовленных двумя парижскими бальяжными собраниями, являлось включение в каждый из них части, озаглавленной «Декларация прав». Здесь составители предвещали ближайшее будущее. Некоторые пункты этих наказов с определенной корректировкой формулировок, не менявшей, впрочем, смысла, вошли в виде статей в «Декларацию прав человека и гражданина», принятую через несколько месяцев. Но важно и другое. Обнародуя свой вариант «Декларации», авторы наказов отталкивались от раздумий философов, от передовых просветительских концептов. В наказе бальяжа Парижа внутри городских стен ясно отражалась идея народного суверенитета. «Вся власть исходит от нации и должна осуществляться лишь на благо нации»[2,с.240]. В наказе бальяжа Парижа вне городских стен среди прочего подчеркивалось, что «только одна нация, представляющая собой конституционную власть, сможет осуществить или передать соответствующим представителям право исправлять, улучшать и изменять конституцию, которая будет разработана на предстоящих Генеральных штатах»[2,с.238]. Приведенные отрывки – свидетельство радикализма рассмотренных наказов, правомерно включенных Дж.Тейлором в четвертый разряд, обнаруживающий наиболее высокую степень политической зрелости.

Таким образом, наказы избирателей, как и сочинения публицистов содержали разные предложения относительно реформирования политической системы Франции. Наказы бальяжей часто настаивали на передаче налогообложения и выработки законов Генеральным штатам. Наибольшей смелостью и радикализмом отличались наказы бальяжных ассамблей Парижа внутри и вне городских стен.

Electors' mandates and journalists' works became an evident section of public opinion in France straight before the Revolution. As a rule both sides stood for maintenance of the monarchy, not absolute, but restricted by laws and Constitution, first of all.
***The key words**: elections' mandates, journalism, constitution, States-General, legislative body.*

Списоклитературы

1. Документы истории Великой Французской революции. Т. 1. М.,1990.
2. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1.Книга 1. М., 1976.
3. Сборник документов по истории нового времени стран Европы и Америки (1640-1870). Составитель Юровская Е.Е. М., 1990.
4. Тырсенко А.В. Эммануэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М., 2005.
5. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série (1787-1799). T. 5. P., 1859.
6. Demeunier J.-N. Avis aux deputés qui doivent représenter la Nation dans I'Assemblée des États Généraux. P., 1789.
7. Egret J. La Révolution des Notables: Mounier et les Monarchiens. P., 1989.
8. Griffhts R. Je centre perdu:Malouet et les "monarchiens" dans la Révoluion Française.Grenoble, 1988.
9. Taylor G. Les cahiers de 1789: Aspects révolutionnaires et non-révolutionnaires//Annales. Économies. Sociétés. Civilisations. 1973, №6.
10. Thouret J. –G. Avis des bons normands à leurs frères tous les bons François de toutes les provinces et de tous les Orders. Sur l'envoi des Lettres de Convocation aux États Généraux. P. Mars 1789.

Об авторе

Блуменау С.Ф. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, blumenausf @ mail. ru.

УДК 623.5

РОЛЬ ПОЛКОВНИКА Л.Н. БЕЛИЧА В ПРОИЗВОДСТВЕ АРТИЛЛЕРИИ В РОССИИ.

В.А. Бобков

В публикации рассматривается карьера полковника Льва Николаевича Белича. На основе ранее малоизвестных широкому научному сообществу или вообще не введенных в научный оборот исторических источников был проведен анализ роли полковника Белича в применении и организации производства артиллерии в России, реконструируется его работа в должности руководителя одного из важнейших предприятий военного ведомства России - Брянского арсенала.
Ключевые слова: *армия, арсенал, артиллерия, война, военная промышленность.*

Полковник Лев Николаевич Белич родился в 1791 г. и происходил из небогатых дворян Киевской губернии. В формулярном списке полковника было отмечено, что он «имения не имеет» [1, оп. 2, д. 550, л. 146 об]. В результате не богатый дворянин Белич решил избрать карьеру военного и посвятить себя артиллерии, поэтому молодому человеку было необходимо специальное обучение. В конце XVIII в. подготовка офицеров для артиллерии осуществлялась в ряде военно-учебных заведений закрытого типа. Важный вклад в обучение офицеров внес 1-й кадетский корпус, созданный Высочайшим указом от 10 марта 1800 г. на основе Императорского Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса.

В течение ряда лет в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи выполняется работа, связанная с изучением роли кадетских корпусов в подготовке офицерских кадров русской армии, и прежде всего для артиллерии. В результате при анализе состава воспитанников кадетских корпусов выпушенных в полевую артиллерию, в поле зрения попал и Белич. Лев Николаевич Белич окончил (1807) 1-й кадетский корпус [2. С. 200]. Данные подтверждаются и формулярным списком Белича, где в частности было записано: «в службу вступил из 1-го кадетского корпуса подпоручиком 1807 г. ноября 15. При производстве в сей чин имел от роду 16 лет» [1, оп. 2, д. 550, л. 146 об].

Документально было установлено, что в 1812 г. Белич служил в 6-й артиллерийской бригаде подполковника Федора Михайловича Шульмана. В соответствии с приказом выпускник 1-го кадетского корпуса подпоручик Белич поступал на службу в «5-ю артиллерийскую бригаду, куда отправился 1807 декабря 13, к оной прибыл 1807 декабря25» [1, оп. 2, д. 550, л. 147]. Начало несения службы подпоручика Белича совпало с мощным водоворотом внешнеполитических событий, в которых находилась Россия. Как будет показано молодой подпоручик, в составе 5-ю артиллерийской бригады, оказался в гуще этих важных событий.

Итак, вначале XIX в. России, кроме войн в составе антифранцузской коалиции на Европейском театре противостояния, пришлось вести военные действия на северо-западе со Швецией (1808-1809 гг.)[3, с. 301].

Эта война была предопределена предшествующим ходом истории, т.к. в соответствии с Тильзитским миром 1807 г. в Европе оставались две огромные бреши в наполеоновской Континентальной блокаде Англии. На юге Европы в блокаде Британских островов не участвовали Испания и Португалия, на севере - Швеция. Чтобы склонить Швецию к Континентальной блокаде, Наполеон нуждался в помощи России. Александр I в свою очередь получал от проведения этой компании возможность захватить у Швеции Финляндию и тем самым устранить многовековую угрозу северным рубежам России.

Первоначально война проходила для России тяжело. Швеции активную помощь оказывала Англия.В мае 1808 г. на помощь шведам прибыл 14-тысячный английский корпус под командованием генерала Д. Мура. Россия со своей стороны так же должна была увеличить свой контингент в борьбе со Швецией. Вероятно, в составе контингента России, переброшенного к театру военных действий, была и 5-я артиллерийская бригада, в которой проходил службу молодой подпоручик Белич. В его формулярном списке по этому поводу была сделана следующая запись: «Был в походах: 1-ю компанию 1808 года августа с 13-го, при завоевании Финляндии» [1, оп. 2, д. 550, л. 147].

В результате аккумуляции войск решительный перелом в сторону России наметился «в сентябре 1808 года, когда были разгромлены главные силы шведов. Но и после этого война продолжалась почти год. Переломить ход боевых действий в свою пользу русской армии удалось во многом благодаря военному министру Аракчееву, который после первых же крупных неудач русских войск в Финляндии взял все обеспечение Финляндской войны на себя» [4, с. 205].

Александр I стремился склонить Густава IV к признанию включения Финляндии в состав России. Эту задачу предстояло решить компании 1809 г.

Подпоручик Белич участвовал в продолжение войны, в его формулярном списке было отмечено об этой компании следующее: «Был в походах: 2-ю в Швеции до города Умео до окончаниякомпании по 1-е сентября 1809 года» [1, оп. 2, д. 550, л. 147].Как известно5 сентября 1809 г. был заключен мир со Швецией, по которому Финляндия отходила России [4, с. 207]. После окончания войны со

Швецией 5-ю артиллерийскую бригаду, в которой служил Белич переименовывают: 6 октября 1809 г. в 21 – бригаду, а 1 марта 1811 г. в 6-ю бригаду[1, оп. 2, д. 550, л. 147].

Белич являлся участником Отечественной войны 1812 г. По этому поводу в его формулярном списке присутствует следующая отметка: был в походе «1812 года в Российских пределах против французских войск, где и находился в действительных сражениях октября 7-го и 8-го числа при реке Ушаче» [1, оп. 2, д. 550, л. 147]. Принял со своей бригадой он участие и в «преследовании неприятеля от деревни Смольны до реки Березины» и в последующем преследовании [1, оп. 2, д. 550, л. 147].

Белич был участником заграничных походов русской армии. В начале 1813 г. развивая наступление, русские подошли к Данцигу, лежащему в устье реки Вислы на побережье Балтики. По данным Н. А. Орлова, под Данцигом находился 30-тысячный русский корпус при 590 орудиях [5, с. 95]. Гарнизон Данцига составлял 10 тыс. боеспособных при общей численности 35 тыс. под командованием генерала Ж.Раппа [6, с. 368]

Русская армия двинулась дальше, но нельзя было допустить действий гарнизона Данцига в тылу наших сил, поэтому была начата осада. Белич находился, как отмечено в его формулярном списке: с «1813 года февраля с 17-го дня при блокаде Данцигской крепости». Далее в формулярном списке по характеристике этого события следует уточнение: «с открытия траншей с 22 ноября до сдачи крепости по 17-е декабря во время всей осады находился и командовал осадною батареей … по взятии Данцигапоступил в резервную армию в коей и состоял до возвращения войск в свои границы 1814 года октября по 28 число» [1, оп. 2, д. 550, л. 147].

В последующее время Белич находился в походе «1815 года с 1 дня от границ Российской чрез Царство Польское в Шлезию до города Гурау и обратно в пределы России того же года сентября по 13 –е число». [1, оп. 2, д. 550, л. 147]. После окончания наполеоновских войн последовало повышения по службе. 17 января 1817 г. Белич был повышен в звании до поручика [1, оп. 2, д. 550, л. 146 об]. В 1825 г. по воле начальства переведен в 3-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду командиром №3 легкой роты. Свои должностные обязанности Белич выполнял отлично и к 1829 г. его производят уже в подполковники.

В 1830 г. в Польше началось восстание и на его подавление 5-6 февраля (24-25 января по старому стилю) были направлены силы русской армии. В составе этих вооруженных сил присутствовал подполковник Белич, который являлся участником подавления восстания. В его формулярном списке присутствует обширная запись происходившим событиям, в частности записано, что Белич был «1831-го года по переходе границ России в пределы царства Польского для усмирения Польских мятежников. Января с 24 дня до предместья Праги» [1, оп. 2, д. 550, л. 147].

Главнокомандующим русской армией в Польше был назначен И.И. Дибич-Забалканский, а начальником полевого штаба – граф Толь. В феврале - марте 1831 г. произошли несколько неудачных для русских войск столкновений с поляками под предводительством Дверницкого. Для подавления войск под предводительством Дверницкого, Дибич выслал к Вепржу 3-й резервный кавалерийский корпус и Литовскую гренадерскую бригаду. К этим силам присоединили еще войска и передали под командование графа Толя. В составе указанных русских войск находился подполковник Белич. Из его формулярного списка следует, что он был: «С 27-го февраля по 9-е марта при усиленном движении отдельного корпуса бывшего под начальством генерал-адъютанта графа Толя с берегов Вепржа в Люблинское воеводство, чрез Пяски для преследования корпуса Дверницкого и вогнание оного в крепость Замосу и обратно до соединения к армии. При местечке Рыки марта по 23 число» [1, оп. 2, д. 550, л. 148].

В апреле-мае 1831 г. подполковник Белич находился при движении и сражениях русских войск. В частности: «С 12-го по 18 апреля при фланговом движении армии от города Седльца чрез Куфлев к Минску и обратно в окрестности Седльца. При движении сем 13 – го числа в стычке под местечком Кудьлевы. 22 апреля при усиленной рекогносцировке, произведенной от главных сил армии к Зимноводам. С 30-го апреля по 3-е мая при фланговом движении армии от Жукова чрез Калужин к Эндржееву и обратно в свои лагеря к Жукову, во время его движения. 1-го мая при преследовании мятежников находился в действительных сражениях при местечке Калушине и деревне Эндржееве и при поражении их при сем последнем месте. С 7-го по 14 мая при движении Главной армии от Жукова чрез Соколов, Гранко, Цехоновец, Высокомазовец и Пыски к Остроленке». [1, оп. 2, д. 550, л. 148].

Как известно, под Остроленкой польская армия насчитывала 40000 против 70000 русских войск и была разбита. Тем не менее, Николай I был не доволен затягиванием компании и после смерти Дибича передал командование над армией графу Толю.

Летние месяцы 1831 г. были не спокойными, что сказалось и на положении Белича, который «с 16 июня по 6 июля был в городе Ломзе на укреплениях, с 6-го по 16-е июля при усиленном движении отряда бывшего под начальством генерала-майора Герштенцвейга от города Ломзы на переправу на нижней Висле. При Осеке во время сего движения 11-го июля был в действительном сражении, при местечке Ра-

ционзе, с 18-го по 24 июля при следовании сего отряда на присоединение к армии к городу Ловичу, с 3-го августа в городе Ловиче был на укреплениях, где и находился до окончания военных действий, а потом из Царства Польского возвратился в пределы России мая 11-го дня 1832 г. с Гренадерским корпусом» [1, оп. 2, д. 550, л. 149]. Последующие годы службы подполковника Белича были относительно спокойными. В 1840 г. Белич за отличие по службе был произведен в звание полковник. С 1 января 1841 г. Белича назначают командиром батарейной № 2 батареи. Куда он «по болезни отправлен не был, и находился до 12 числа апреля 1841 г. при 3-й гренадерской бригаде». [1, оп. 2, д. 550, л. 149].

Вероятно, дальнейшее продолжение службы в строю по состоянию здоровья было не возможным и жизнедеятельность полковника Белича изменяет свое направление. Полковник Белич: «По высочайшему приказу назначен командующим Брянским арсеналом с состоянием по полевой артиллерии 1841 марта 4. Отправлен в Брянский арсенал 1841 года апреля 12 и проезду на Санкт-Петербург находился там по делам службы и по собственной надобности по 10 число мая с разрешения Его императорского Величества генерал-фельдцейхмейстера прибыл к Брянскому арсеналу 1841 мая 21» [1, оп. 2, д. 550, л. 150].

Брянский арсенал являлся одним из четырех крупнейших казенных арсеналов военного ведомства России, остальные арсеналы были расположены в Санкт-Петербурге, Киеве и Казани. В год введения новой артиллерии инспектор местных арсеналов собрал данные по всем арсеналам и пришел к выводу, что в С.-Петербургском, Киевском и Брянском арсеналах «число нижних чинов почти одинаково» [1, оп. 1, д. 341, л. 154], значительно в количественном отношении отставал Казанский арсенал. При сложении чинов, состоящих при арсеналах за 12 месяцев 1838 г., их количество выразилось в следующих цифрах: Гарнизонная № 4 рота при Казанском пороховом заводе и полурота № 5 при Казанском арсенале-2218, в Казанском арсенале-1561, в Гарнизонной № 3-й роте при Брянском арсенале-1433, в Брянском арсенале-9832, в Киевском арсенале-10009, в Санкт-Петербургском непременном и подвижном № 1 арсенале-11568 человек. Таким образом, Брянский арсенал являлся типовым предприятием отрасли.

Время начала работы Белича в должности командира Брянского арсенала во многом являлась переходным. Арсеналы в составе военного ведомства России и, конечно, Брянский арсенал в этот период времени осваивали производство новой артиллерии «образца 1838-1845 гг.»[7, с. 42]. С введением новой системы орудий в артиллерии «ковторойполовинеXIXв.гладкоствольнаяартиллерия,достигнув своегорасцвета,вместестемпереживалапоследнийэтап, т.к. возможностидальнейшегоразвитиябылиисчерпаны»[8, с. 28].

До конца 40-х годов XIX в. Брянский арсенал почти вовсе не имел механического оборудования. «Оно ограничивалось двумя сверлильными станками и 5-6 токарными, которые приводились в движение конной тягой. Работы производились почти исключительно ручным способом. Указанные выше сверлильные и токарные станки имели первобытное устройство. Такой же характер носила и работа на них. Сверление производилось при помощи насталенного "крючка", насаженного на деревянный брус.Так как при сверлении орудия направлять этот брус руками было не по силам, то на брус наваливались 3-4 человека всею тяжестью тела, упираясь ногами в пол, и таким образом держали его в определенном положении. Если крючок срывался, то эти люди обычно падали с бруса на пол. Кроме отливки и отделки медных орудий, Арсенал готовил материальную часть артиллерии — лафеты, передки, зарядные ящики, принадлежность и пр., главным образом для полевой артиллерии, а частью для осадной и крепостной» [9, с. 194-195].

Новые артиллерийские системы ввели в полевой, осадной и крепостной артиллерии. Суть изменений состояла в округлении до целого числа калибров, с орудий окончательно были сняты разнообразные украшения: фрезы, пояса и прочее, у отдельных орудий были введены одинаковые размеры цапф и цапфельных заплечиков и т.д. Перечисленные меры, как предполагалось, должны были упростить производство стволов, увеличить их огневую мощь, повысить точность стрельбы, а соответственно, упростить обеспечение артиллерийских батарей, увеличив их боевые качества.

Во время вступления полковника Белича в должность командующего Брянским арсеналом на предприятии начинают отливку орудий новых образцов, и мастера при освоении нового производства уже столкнулись со значительными трудностями. Беличу было необходимо вникнуть в технологические детали, сориентироваться в ситуации и наладить производство.

22 декабря 1841 г. при высверливании канала и обточке дульной части осадного пудового единорога № 5 отлитого в 60-м литье в дульной части оказались во многих местах раковины, их невозможно было заделать,орудие было необходимо перелить. Эта ситуация повторилась с пудовыми единорогами под №№ 6-9, 24-фунтовыми и 18-фунтовыми пушками. [1, оп. 2, д. 1322, л. 139, 154-157].

27 июля 1842 г. на Брянский арсенал для выяснения причин неудач и наблюдения за литьем орудий приезжает инспектор местных арсеналов генерал-майор Есаулов. 29 июля 1842 г. Беличу было предписано для литья осадных орудий употребить одну только красную штыковую медь и олово, не добавляя в литье старого металла от негодных орудий, вотру и пр. [1, оп. 2, д. 1322, л. 163]. При-

чину неудач в литье видели в составе металла.

В 1837-1838 гг. Брянский арсенал осматривал механик арсеналов Монье. В его отчете говорилось: «в Брянск для переливки множество старых орудий Русских и Иностранных» доставлено и «разность металлов, употребляемых для отливки этих пушек, была причиной, что многие литья, при котором употреблялись эти старые металлы без разбора были неудачны, ибо новые орудия, из них отлитые, не имели всех качеств, требуемых ныне практическими и химическими правилами» [10, оп. 3, д. 845, л. 2 об. - 3]. Монье указал на факт несовместимости металлов и становится непонятным, почему литье продолжалось старым способом, а литейные мастера не учли замечаний.

В результате: «Для избегания всяких ошибок в действительном составе металлов, складываемых в литейную печь», Монье решил устроить при Брянском арсенале химическую лабораторию. Для этого было необходимо обучить фейерверкера в лаборатории Технической школы, а когда «фейерверкер познает способ разложения всех металлов, смешение которых не совсем известно направить его в Брянский арсенал» [10, оп. 3, д. 845, л. 3 об.].

Инспектор местных арсеналов Эйлер был против устройства лаборатории в Брянске, считая, что из 600 пудов металла не каждый кусок можно подвергнуть разложению. Но артиллерийский комитет 7 июля 1837г. решил, что олово для Брянского арсенала будет уже очищенным поставляться из С.-Петербургского арсенала. Не хотелось Эйлеру и ежегодных издержек на содержание химика, лаборанта и на необходимые принадлежности. Между тем управляющий артиллерийским училищем генерал-майор Философов подсчитал, что лаборатория будет обходиться не дороже 700 руб. в год и генерал-фельдцейхмейстер в 1838г. приказал «устроить в Брянском арсенале лабораторию для химического разложения металлов» [10, оп. 3, д. 845, л. 52].

В условиях сложностей с отливкой орудий решение генерал- фельдцейхмейстера оказалось своевременным. Белич поручил Миславскому произвести в лаборатории арсенала химическое разложение неудачно отлитым пушкам: 24-фунтовой 64 литья под № 9, 24-фунтовой 11 литья под № 8 и 18-фунтовой 10 литья под № 10. Для этого взяли металл от хвостовика, вертлюжной части и излому прибыли с целью проверить, сколько в 1 грамме металла содержится олова. Работу поручили исполнить литейному мастеру Назарову [1, оп. 2, д. 1322, л. 164-164 об.].

Опыты показали, что в различных частях орудия пропорции металла были различными. Дальнейшие опыты вели при самом литье. Были отлиты три бруска, оказалось, что в первом олова – 0,1001, во втором – 0,1008, а в третьем – 0,1001 грамма, что было нормой, т.к. соотношение меди с оловом должно быть 10:1. Излом этих брусков показал, что металл ровен и хорошо вымешан[1, оп. 2, д. 1322, л. 203-203 об.].

При отливке же 18-фунтовой пушки результаты были не утешительными: в начале дула – 0,1150, в начале казенной части – 0,1008, у тарели – 0,1039. И хотя после отделки орудие соответствовало чертежам, при проведении 20 октября 1842 г. выстрелов «в конце канала произошло расширение, не допускаемое инструкцией и на поверхности казенной части» была седина [1, оп. 2, д. 1322, л. 204].

Причину неудачи усмотрели в том, что медь и олово находятся продолжительное время в расплавленном состоянии в формах, не подвергаясь вымешиванию, а поэтому образуются оловянные пятна. Расширение орудияобъясняли тем,что «порох в доброте своей весьма много улучшился, а заряды для пробы остались те же» [1, оп. 2, д. 1322, л. 206]. Эсаулов пришел к выводу, что орудия оказываются негодными из-за «дурной отливки», что это явное упущение литейных мастеров, в обязанности которых входило производство, и офицеров, заведывающих мастерскими. Эсаулов предписал «поставить кому следует на вид», а если это не поможет, орудия будут и дальше негодными от «дурного литья», виновные подвергнутся строжайшей ответственности, а мастера будут «разжалованы в рядовые» [1, оп. 2, д. 1322, л. 231-231 об.].

После определения под надзором, какого мастера производилось литье, оказалось это Мюрхед, т.е. человеческий фактор препятствовал производству новых артиллерийских орудий. В дальнейшем производство орудий на Брянском арсенале усилиями Белича было налажено. Так в 1845 г. инспектор местных арсеналов генерал-лейтенант Вальц предписал изготовленные арсеналом «по чертежам 1838 года без дельфинов» орудия, лафеты новой конструкции отправить на укомплектование одной легкой батареи «в действующую армию в Варшаву» [1, оп. 1, д. 395, л. 1-1 об.].

Беличу приходилось много работать, т.к. Брянский арсенал получал значительные наряды. Ввиду перегруженности в начале 40-х годов Брянского арсенала приходилось размещать наряды на ближайших заводах. Так, ротмистр Мальцев получает заказ на изготовление 140 экземпляров лафет с платформами, железной оковки, чугунного прибора и т.д., от арсенала были отпущены необходимые материалы. В 1842г. у Мальцева выяснили, не примет ли он на себя исправление опок и переделку болванок. В 1846 г. Людиновский завод Мальцева изготавливает металлические приборы для крепостных лафет, предположенных к отправке в Георгиевск для создания укреплений на Кавказе [1, оп. 2, д. 552, л. 3, 67; оп. 3, д. 403, л. 1-1 об.].

Обращает на себя внимание тот факт, что частным заводчикам поручается изготовление раз-

личных приборов и т.п., а не орудий.

В середине XIX в. полковник Белич оставил службу на Брянском арсенале, предположительно последним годом его работы на предприятии стал 1848 г. В целом о последних годах жизнедеятельности полковника Белича, к сожалению, сохранились обрывочные сведения.

В формулярном списке полковника Белича было так же отмечено, что он: «По выбору дворянства не служил. Российской грамоте читать и писать умеет, немецкий и французский языки, артиллерийскую и фортификационную науку знает. Холост.Ковалер орденов Святого Георгия 4 степени, Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 2-степени Императорской короною украшенным, Святой Анны 2 и 3-й степеней, Святого Станислава 2-й степени, имеет серебряную медаль в память 1812 года и Польский знак отличия за военные достоинства 3-й степени. Православный. Ранен и взят в плен не был».

Подводя итоги рассмотрения деятельностиполковника Белича можно отметить, что он проявил себя не только как хороший воин - артиллерист, но и как организатор военного производства на Брянском арсенале. В годы его руководства арсеналом предприятию удалось освоить производство новых образцов артиллерии, известных как артиллерия образца 1838-1845 гг.

The career of the coronel Lev Nikolayevich Belitch is concerned in the article. It is based on the sources, little-known or even unknown in the scientific community. They served as the basis for the analysis of the coronel Belitch's role in implementation and organization of the artillery production in Russia. His work on the position of the head of the Bryansk Arsenal – one of the most important plants of the Russian Ministry of Military – is reconstructed.
The key words: *army, arsenal, artillery, war, war industry.*

Список литературы

1. Государственный архив Брянской области. Фонд 221.
2. Крылов В.М. Кадетские корпуса и Российские кадеты. Санкт-Петербург. 1998.
3. Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М. 2002.
4. Томсинов В. Аракчеев. М. 2003.
5. Орлов Н. А. Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии: В 7 т. СПб.: ООО «Издательство«Полигон», 2003. Т.2.
6. Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. 1863. Т.1. Гл.15.
7. Войцехович С.В. Российская полевая артиллерия. 1382-1917 годы. 2008.
8. 600летотечественной артиллерии. Под ред. маршалаартиллерии Г.Е. Передельского. М. ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1986.
9. Генерал В.С. Михайлов 1875-1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 503.

Об авторе

Бобков В.А.–кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru.

УДК 94(591).03

«ПО ДОРОГЕ В МАНДАЛАЙ…»: ВЗГЛЯД БРИТАНСКОЙ МИССИИ НА КОЛОНИАЛЬНОГО «ДРУГОГО» 70-Е ГГ. XIX В.

Н.Н. Богомолова

Статья посвящена исследованию приемов осмысления инаковости бирманцев англичанами, репрезентованных в прессе Великобритании в 1870-е гг. Тема вписывается в более широкий контекст – тематику образа колониального «Другого». В центре внимания находятся особенности восприятия викторианцами бирманцев, их внешнего облика и культурных особенностей. Изучается текстовая и визуальная традиции их изображения, выявляющие эволюцию образа в данную эпоху.
Ключевые слова: *Образ, колониальный «Другой», викторианские представления, бирманцы, стереотип.*

Последняя четверть XIX в. – время серьезных успехов британской колониальной экспансии,

которое сталкивало англичан с проблемами культурного, социального, политического восприятия различных стран и народов, тех, кто представлялся «Другим». Среди прочих «Других», амбиции империи сталкивают ее строителей с миром Авского королевства или Верхней Бирмы.

История ее взаимоотношений с Великобританией к данному периоду насчитывала уже две англо-бирманских войны, в результате которых Бирма лишилась всех южных провинций и была отрезана от моря. В 1875 г. произошел инцидент, подогревший анти-бирманскую кампанию в метрополии и оказавшийся в центре внимания британской прессы: пограничный спор короля Авского королевства Миндон Мина с каренами-работорговцами[1,гл.6]. Заявив, что карены находятся под защитой британской короны, «Британское Индийское Правительство имело довольно мучительную дискуссию» с королем [2], и направило в Бирму миссию советника по среднеазиатским делам Д.Форсайта для урегулирования спора. Именно его глазами, а также глазами членов его миссии мы посмотрим на мир королевства.

Нас интересуют не только словесные, но также и визуальные характеристики восприятия, исследованные на примере журнала «TheIllustratedLondonNews», с помощью которых создается образ бирманского «Другого».

Благодаря технической революции, начавшейся в Великобритании в 1850-е гг.[3, p.16], англичанин имел гораздо больше достоверных знаний о заморских землях, чем в эпоху Великих Географических Открытий, усиливается всплеск интереса к образу колониального «другого». Как следствие, рисуемые образы отличаются большей конкретикой, реалистичностью и, без сомнений, привязаны к конкретной политической ситуации. Так, стремительное возвышение Бирмы после второй англо-бирманской войны за счет налаживания тесных экономических связей с США, Францией и Италией, перевооружения армии, подготовки инженерных кадров за рубежом, рост авторитета Бирмы среди буддистских стран, и главное, появление в стране не только формальных, но и фактических вождей нации в лице правителя Миндон Мина и его брата Кха Наунга, несли в себе угрозу ослабления влияния Великобритании[4, с.218].

Это накладывало отпечаток на восприятие бирманцев членами миссии Д.Форсайта. Объектом восприятия чужого мира стали, в первую очередь, отрицательные характеристики бирманцев: англичане соприкасались с миром «приземистых, полуобнаженных, отсталых жителей полуварварского азиатского королевства»[5], которые описывались привычным для викторианской аудитории образом: «туземцы - глуповатые, праздные люди, открытые и любезные, любящие веселье и яркие наряды. Они дружелюбны друг с другом и гостеприимны с незнакомцами. Им по душе тихая жизнь, табак и сплетни, они любят спать дни напролет, слушать дикую музыку и петь до поздней ночи»[6]. Исходя из аксиомы передовой Европы и отсталой Не-европы, репрезентация, в силу своей привычности, являлась повторением знакомого образа примитивных, цивилизационно отсталых бирманцев. Ведь в 1870-х гг. единицы подвергали сомнению тот факт, что биологическая и социальная эволюция - то есть прогресс и модернизация - это характеристики, естественноопределяющие лицоЕвропы. А Не-европа всегда остается в стагнации, в неизменности, она традиционна и отстала [7, с. 22].

Проекцией стереотипов отсталости и стагнации служит визуальный образ бирманцев – существенный аспект нашей темы, и притом наименее исследованный. Он привнес конкретизацию написанного и направлен на эмоциональное усвоение образа читательской аудиторией. В этом плане необходимо выделить те иконографические атрибуты, которые помогут осмыслить оппозицию «свои-чужие», вскрыть визуальные стереотипы изображения бирманцев и соотнести их с текстовой составляющей. На что обращали внимание члены миссии Д.Форсайта, находясь в столице королевства? В первую очередь, на внешний вид бирманцев.

Зарисовки сцен из повседневной жизни «полуварваров», портреты мужчин и женщин и даже представителей местной власти имеют общие атрибуты: босые ноги и грубая, примитивная одежда, которую часто заменяет набедренная повязка. Солдат, или, по меткому замечанию в комментарии, «вооруженных слуг»[8] нельзя было бы отличить от простых туземцев, не имей они в руках устаревшего вида мушкетов. По поводу уместности ношения обуви в Бирме у англичан вообще возник так называемый «башмачный вопрос»[рис.1]. Традиции предписывают снимать обувь в помещении и в храме, пришлось уступить, выразив недовольство отсутствием пиетета к европейскому человеку – «во дворце короля нам было велено снять обувь, что вызвало большое затруднение у английских офицеров, т.к. мы не были снабжены обувными ложечками!», - негодует м-р Винсент[9]. Взгляд на самых себя как на двигателей мирового прогресса, несущих варварским народам свет просвещения, гуманные принципы христианства глубоко укоренился в сознании нации, исключал глубокое познание европейцами бирманской культуры.

Помимо этого, непременным атрибутом каждого изображенного бирманца мужского пола является головной убор (чаунбан) – знак язычника, принадлежность к буддизму, еще в III веке распространенному здесь благодаря проповеди индийских миссионеров[рис2]. Поэтому такой визуальный

знак отличия «Другого» немедленно приобретает негативную эмоциональную окраску в комментариях к иллюстрациям. Прагматичный выводангличан о том, что волосы, подвязанные платком вокруг головы, служат хорошей защитой от палящего солнца, совершенно не умаляет того факта, что эти волосы пропитаны маслом, имеют неэстетичный вид. Постоянное повторение в вербальном тексте «длинных, масляных, собранных в хвост, напоминающих лошадиный»[10] волос позволяет сделать вывод о брезгливом отношении к такому атрибуту внешности англичан.

Женщины Авского королевства, в восприятии членов британской миссии, также «не блещут ни личным очарованием, ни тонким вкусом в одежде»[11]. Свойственная британцам тонкая ирония позволяет интерпретировать их отношение к портрету «главных жен принца Коу Ти». Это приземистого вида аборигенки, босые, но зато увешенные драгоценностями[рис 3]. Созданный образ создает комичный эффект. Здесь мы не найдем указаний на амбивалентность. Ее просто нет в силу того, что перед нами не просто чужое, перед нами отторгаемое. Представленные портреты являются собирательным, типичным образомбирманской женщины, и представляют собой крайний антипод европейской леди. Такое эмоциональное воздействие через противопоставление формирует у читателей резкий этнический стереотип.

Таким образом, созданные образы направлены, главным образом, на закрепление в национальной памяти такого стереотипного набора, как полное отсутствие гигиены, несоблюдение культуры тела, нищеты. Последнее имплицитно соотносится с восприятием бирманцев как людей невежественных, находящихся в полудиком существовании. Следовательно, и любые идеи, живущие в подобном обществе, априори представляются древними, дикими, атавистическими, нецивилизованными. В этом гости королевства могли убедиться, знакомясь с религиозными традициями туземцев.

Религия – наиболее яркий способ осознания инаковости двух культур. Как в восприятии любой колониальной культуры, представители западной системы ценностей исключают из бирманской культуры все то, что не охватывается собственной. В итоге, появляется четко фиксированная граница «своих» и «чужих». И если отношение к религиозной составляющей бирманской культуры преподносилось в ареоле таинственности, то сами культы Бирмы характеризуются просто как варварские и примитивные. Так, описание места поклонения одной из бирманских семей Гаудаме Будде «представляет прелюбопытнейшую сцену»[12], - заявляет ‘TheIllustratedLondonNews’. Журнал напрямую пишет о своем отказе считать буддизм полноценной религией, «буддистская религия – если она может таковой называться…»[12],- вставляет корреспондент, накладывает отпечаток на все последующие комментарии и описания религиозной обрядности Бирмы: «Центральное здание, окруженное более мелкими пагодами, украшено изображениями грифонов, демонов, священных павлинов, и святынями Гаудамы в бессчетном разнообразии<...>Статуи больших драконов типичны для все пагод и башен, и эти образы вместе с изображениями демонов, капюшонообразных змей и других мифических монстров их религии, являют собой необычное зрелище»[13].

Отказывая бирманской культуре в наличии некоего «духовного фактора», англичане признают ее лишенной всякой рациональности, составляющей ядро «европейских ценностей». Несмотря на то, что Бирма имеет древнюю историю, и туземные исторические хроники местностиначинаются после 79 г. до Р. Х., ей отказывают в историчности. Англичане называют историю этих земель «недостоверной, или, по меньшей мере, смутной»[14], упорно не желая придавать значения культурной значимости огромных мистических идолов, «монстров» на берегах р.Иравади – «неизвестно каким народом и в неизвестно какие незапамятные времена возведенные»[13], [рис 4].В целом, о том, что представляла собой для англичан религия королевства, можно судить по емким коротким замечаниям: буддизм называют «мифологией», почитание Гаудамы Будды воспринимается как «последняя версия этой мифологии»[12].

Рассматривая религиозную символику Верхней Бирмы, мы сталкиваемся с еще более явной нетерпимостью по отношению к «Другому». «’Белый слон’- национальная эмблема страны. Он значит для бирманцев то же, что крест для христиан или лунный серп для мусульман»[6]. Такого рода параллели, основанные на принципе абсолютной симметрии, по идее должны указывать на определенную толерантность в отношении «Другого», отмечает Лучицкая[14,с.349]. Если бы не одно но: живое воплощение символа, вид которого вызвал лишь насмешку англичан. Почитание белого слона в Бирме носит символический характер. Что сразу же противопоставляется конкретному – живому описанию слона, принадлежащего самому королю «Повелителю Небесного Слона и Хозяину многих Белых Слонов»[11]. Тем самым видна попытка снять ореол святости и почитания с непонятного. Поэтому и характеристика, данная журналом – нелицеприятна, носит гиперболистичный, оценочный характер, формируя стереотипное отношение к одной из самых почитаемых традиций этой страны: «Белый Слон – это не миф, а реальный атрибут королевского Двора в Мандалае. Только лоб, уши и глаза этой скотины действительно имеют грязно-белый оттенок, похожий на каучук, что долго пыта-

лись чистить пемзой. Остальные части туловища и конечности ничем не отличаются от характеристик других слонов»[11].

Представления англичан о религии Бирмы как о «мешанине обрядов» строились на знании того факта, что наравне с буддизмом в стране имелись иные древние культы. Несколько иллюстраций дают нам довольно яркий пример бинарной оппозиции анимизм (как низшая ступень религиозного развития)-христианство: в Бирме ритуальное заклание буйвола или быка (*либо курицы – это так называемая Малая жертва-Н.Б.*) связано с культом предков. Но читателю не предоставлена такая информация и все, что он видит– это бирманских солдат, скучающих на охране костей жертвенного буйвола, босые, грязные, с бессмысленными выражениями на лицах[рис 5]; небрежная формулировка комментария указывает на нежелание глубокого узнавания традиций чуждой культуры: «Этих животных убивают *время от времени* и приносят в жертву невидимым демонам, чье почитание здесь причудливо соединяется с буддизмом»[11]. Заданный журналом тон выбран вполне осознанно. Он говорит о нежелании менять уже созданный образ колониальной Бирмы, привнося новые экзотичные оттенки.

В целом, логика британских текстов и их визуализация заключалась в низведении сложных культурных понятий к уже знакомому и известному. Для европейца, англичанина, воспитанного на научной теории эволюционизма, колониальный «Другой» в первую очередь, это младший собрат, отставший в своем историческом развитии на непростительно большой отрезок времени. Это и накладывает отпечаток на систему мировоззренческих образов. В каждой строке, в каждой иллюстрации, в выхваченном из реальности образе главный акцент делается именно на этот факт, ставший ценностной категорией нескольких поколений британцев. Собственно говоря, британское восприятие Бирмы характеризуется преобладанием культурного влияния Великобритании и рассматривается не как самоценность, а как подтверждение ранее созданных политических и культурных клише:не исторична, чужда рациональности, невежественна и отстала.

There are some comprehension techniques of the Burmese otherness, represented in Victorian press in 1870th, that make the theme of the article. It is our theme that agrees with more general context – the subject area of The Other image. There are some peculiarities of the colonizer's perception of the Burmese, their appearance and culture that make the principal focus of our attention. Thus, we examine the textual and visual traditions of representing the Burmese 'Other' that help us to see the image's evolution in that period of British history.
The key words: *image, colonial "Other", Victorian representations, the Burmese, stereotype.*

Список литературы

1. Можейко, И. В., А. Н. Узянов. История Бирмы (краткий очерк). М., 1973.
2. The Morning Post. 1875.10 July.
3. MacKenzie, J.M. Propaganda and Empire: The Manipulation of British Public Opinion, 1880-1960. Manchester, 1988.
4. Козлова М. Г. Английское завоевание Бирмы / Ответственный редактор А. Н. Узянов. М., 1972.
5. The Illustrated London News. 1876. 14 Oct.
6. The Morning Post. 1874. 06 Dec.
7. Blaut J. M. The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. NY., 1993.
8. The Illustrated London News 1875. 23 Oct.
9. The Illustrated London News 1875. 25 Nov.
10. The Illustrated London News 1876. 23 Sept.
11. The Illustrated London News 1875. 10 July.
12. The Illustrated London News 1876. 23 Oct
13. The Illustrated London News 1876. 21 Oct.
14. Лучицкая С.И. Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. Спб., 2001.

Об авторе

Богомолова Н. Н.- аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, natalie_bogomolova@mail.ru

УДК 94(47) «1917» : 338.43

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В РОССИИ ОСЕНЬЮ 1917 Г.

В.И. Борисов

В статье анализируется продовольственное положение в хлебопроизводящих районах России, влияние продовольственного кризиса на революционную ситуацию в стране осенью 1917 г.

Ключевые слова: *мировая война, продовольственное положение, продовольственный комитет, революционная ситуация, сбор хлебов, снабжение.*

Мировая война и революционные события 1917 г. подорвали экономику России, значительно ухудшили материальные условия жизни народа. К осени во всех отраслях народного хозяйства усилился спад производства. Добыча угля в Донбассе в июле-октябре 1917 г. уменьшилась по сравнению с соответствующим периодом 1916 г. на 34%, антрацита на 12%, выплавка чугуна на металлургических заводах сократилась на 28%. На железных дорогах юга России, насчитывалось 7-9 тыс. «больных» вагонов, из их общей численности 14,5 тыс., а число «больных» паровозов превысило 1 тыс.[1].Произошло падение производства в химической, машиностроительной, текстильной и пищевой отраслях промышленности. Набирал силу продовольственный кризис.

Яркое впечатление о нарастании хозяйственной и продовольственной разрухи дает телеграмма председателя Донецкого комитета к главному комитету совета старост и рудников Новороссийского товарищества в Юзовке в октябре 1917 г., В ней говорилось: «Добыча угля продолжает стоять. Во многих городах остановились фабрики и заводы, сотни тысяч рабочих остаются без работы. Отсутствие топлива способствует нарастанию продовольственной разрухи, которая вместе с безработицей создает благоприятную почву для контрреволюции» [2].

Война поглотила 71% всей промышленной продукции, валовой объем которой составлял в 1917 г. лишь 63% от уровня 1913 г. Валовая продукция сельского хозяйства была ниже уровня 1913 г. на 12% [3, с.43-44]. Сборы хлебов упали: в 1914 г. было собрано на 4%, в 1915 – 1,2%, в 1916 г. – на 18,5%, в 1917 г. – на 16,8% хлебов меньше, чем в среднем за 1909-1913 гг. Иначе и не могло быть в условиях громадного отвлечения из деревни трудовых ресурсов, ослабившего и без того нестойкую агрокультуру: к сентябрю 1917 г. в армии находилось 15,8 млн. трудоспособных мужчин – около 9% населения страны [4, с.620-621].

Несмотря на огромные потери в сельском хозяйстве, 1917 г. был урожайным. Валовой сбор зерновых (продовольственных и кормовых) в южных хлебопроизводящих губерниях составил 1108738 тыс. пуд. Или 28,5% всего сбора в России, а с Донской областью почти 35%. Но урожай по губерниям распределялся неравномерно. Наиболее высокий урожай был в губерниях, которые традиционно производили товарный хлеб: в Области Войска Донского, в Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Таврической. Средним оказался урожай в других губерниях. И только в Черниговской губернии урожай был слабым, в результате чего даже для собственного потребления не хватало 11,3 тыс. пуд [5, с.35-37]. Излишки хлеба на юге от урожая 1917 г. исчислялись в 470 млн. пуд. Главным держателем их было зажиточное крестьянство, которое имело излишки урожаев и от предыдущих лет.

Резко снизилась заготовка продовольствия. Так, Екатеринославский губпродком выполнил в июне 56% продовольственных нарядов для населения губернии, в августе – 15%, в сентябре – лишь 13,5% [6]. Для горнозаводского населения Екатеринославской губернии в августе-сентябре 1917г. было поставлено лишь 31% наряда на муку[7], а для восточных районов Донбасса, находящихся на территории Войска Донского, еще меньше – 13%[8].

Снабжение продовольствием городов и промышленных районов все более ухудшалось. Об этом свидетельствует приводимая ниже табл. 1 об обеспечении продуктами продовольствия горнозаводского населения Донбасса и Приднепровья за период с 1 декабря 1916 г. по 1 октября 1917 г.[9]

Таблица №1

Наименование продукта	Суточная норма потребления	Заказано продовольствия (вагонов)	Получено продовольствия (вагонов)	Выполнение заказа (в %)
Мука	1½ фунта на рабочего и ¾ фунта на члена семьи	11554	7415	64,2
Масло растительное*	1/3 фунта на человека	489	245	50,0
Крупа и пшено	1/6 фунта на человека	489	227	46,6
Сахар	1/15 фунта на человека	316	330	104,6
Фураж**	–	3190	1681	52,7

*Данные об обеспечении мукой и растительным маслом горнозаводских предприятий всего Донбасса
**Данные об обеспечении крупой, пшеном, сахаром и фуражом населения Екатеринославской губернии.

Горнозаводские районы должны были снабжаться по нормам военного времени, которые были почти наполовину выше обычных, но как видно из таблицы эти нормы не выдерживались. Что касается других промышленных районов и городов России, то продовольственное положение там было еще хуже.

Весь период войны росли цены на продукты потребления, что ухудшало материальное положение рабочих и крестьян. Только твердые цены на сельскохозяйственную продукцию, введенные еще царским правительством в 1915 г. выросли в 1917 г. в 5-7 раз [10]. Одновременно повысились цены на промышленные товары. В районах Правобережья цены на предметы потребления выросли на 400%-500% [11]. В Лисичанске цены поднялись на 500-1000%, а зарплата на 200-300%. Цена одного аршина ситца выросла с 35-40 коп. до 3-4 руб., сатина с 90 коп. до 6-7 рублей и т.д. [12]

Представляет интерес сравнительный анализ роста цен с 1914 г. по сентябрь1917 г., сделанный служащими Екатеринославского банка по 20 позициям. Цены выросли: на хлеб на 415%, мясо – 750%, масло простое и коровье – 1000%, сало – 1600%, полотно простое – 1376%, ботинки (пара) – 1500% и т.п. Общий индекс цен за три года повысился до 18745%, в среднем по каждой позиции – 937% [13, с.18-19].

Резкое падение жизненного уровня трудящихся вызывало их протесты, которые все чаще принимали острые формы. Это выражалось в разгромах продовольственных управ, изгнании администрации с предприятий, а в сельской местности – в отказе крестьян сдавать продовольствие государству. Администрация рудников Славяносербского уезда, в августе 1917 г., сообщала в Петроград: «…рабочие, добывающие более 140 млн. пуд. угля в год испытывают большой недостаток хлеба и фуража. Просьба и хлопоты о помощи остались безрезультатными. За последствия в дальнейшем администрация не ручается» [14]. В сентябре 1917 г. в Горный Департамент Петрограда поступила телеграмма: «По заявлению Гришинского горнозаводского продовольственного комитета положение на рудниках угрожающее. На некоторых рудниках рабочие уже начинают испытывать голод. А на остальных запасы муки иссякнут в скором времени» [15]. События свидетельствовали о том, что продовольственный кризис усилился, а государственные органы самоустранились от решения этой жизненно важной проблемы.

Осенью 1917 г. еще более обострилась классовая борьба в деревне. Предстоящая голодная зима заставляла крестьян брать хлеб у помещиков силой. С сентября в центр поступало ежедневно более сотни телеграмм о захватах помещичьих имений, разделе инвентаря, хлеба и имущества [16]. Решение о передаче земли без выкупа крестьянам, принял Павловский земельный комитет Таганрогского округа Области Войска Донского [17]. А в октябре 1917 года комиссар Области Войска Донского просил Министерство внутренних дел России запретить деятельность земельных комитетов [18]. Комиссар Бессарабской губернии также просил ограничить или прекратить деятельность земельных комитетов и запретить крестьянам делить землю [19]. В октябре борьба за землю достигла наивысшего накала. Налицо был революционный кризис в деревне.

Продовольственная катастрофа, отражена в обзоре, составленном информационным отделом министерства продовольствия Временного правительства, где сказано, что во всех губерниях наблюдается голод, а положение на Юге России характеризовалось как угрожающее. Отмечались такие факторы: в Полтавской губернии – вольная закупка хлеба по взвинченным ценам, массовое сложение полномочий работниками продорганов; в Харьковской губернии – задержка с расчетом из-за отсутствия денег; продовольственные волнения – в Таврической и в области Войска Донского; в Херсонской и Бессарабской – повышение цен на предметы первой необходимости; во многих губерниях различные гражданские и военные организации проводят самочинные реквизиции и обыски в городе и в деревне. Общий вывод: «Процесс истощения всех продовольственных резервов все растет. Результат – голод, который надвинулся на города. Спекуляция открывает все более широкие для себя возможности, дезорганизует рынок, самогоноварение ширится представляет собой серьезную причину аварии всех планов снабжения населения хлебом» [20, С.315].

Если хлебопроизводящие губернии испытывали недостаток продовольствия в городах и промышленных центрах, то в центре и на севере России осенью 1917 г. царил настоящий голод. В Петроград в конце октября прибывало по 12 вагонов с хлебом ежесуточно, в три с лишним раза меньше потребности. Запасов хлеба в Петрограде к 25 октября оставалось на 1-2 дня. Хлебный паек был снижен до половины фунта в день на едока [21]. Голод переживали потребляющие губернии, где своего хлеба не хватало.

На голод была обречена многомиллионная российская армия. По данным главного полевого интенданта на 20 октября, Северный фронт и Петроградский военный округ были обеспечены мукой только на 5 дней, сухарями – на 4, мясом и рыбой – на 2 дня. За три последних дня октября в армии Северного фронта поступило вместо 324 вагонов хлеба - всего 15. Западный фронт имел муки на 10 дней, фуража – на 3,5 дня; на Юго-Западном фронте муки было на 6 дней, фуража - на 1 день; на Румынском фронте муки осталось на 7 дней и фуража на 3 дня [22, с.291].

После взятия Зимнего дворца в кабинете А.Ф. Керенского нашли документ, где рукой премьер-

министра было написано: «Хлеба на ½ суток!» [23]. Имелось в виду продовольственное положение в столице.

Единства в политических силах России не было. Большевики почти все действия Временного правительства и большинства политических партий в продовольственной и в других сферах, объявляли антинародным, призывали советы и массы принять их экономическую платформу выхода из кризиса. А в области продовольствия их программа сводилась в своей основе к установлению контроля за производством и распределением продуктов и товаров первой необходимости и эти лозунги имели успех у трудящихся. Такую же нетерпимость к «социалистическим экспериментам» большевиков проявляли буржуазные партии. Например, кадеты заявляли, что социалистические идеи не отвечают требованиям развития России и более того негативно относились к проектам регулирования экономики в чрезвычайных условиях войны, в том числе продовольственной политики [24]. Сложная и противоречивая раскладка сил в обществе все больше раскаляла политическую атмосферу, отрицательно сказывалась на работе экономики, что вело к дальнейшему ухудшению материального положения рабочих, широких слоев трудящихся.

Таким образом, страна испытывала острый недостаток продовольствия, что привело в большинстве районов России к голоду. Общество оказалось в положении глубокого раскола. Это несло угрозу для демократического процесса, который начался после февральской революции и вело к новым социальным потрясениям.

This article analyzes the food situation in agriculturally developed areas of Russia, the impact of the food crisis on the revolutionary situation in the country in autumn of 1917.
The key words: *World War I, the food situation, the food-committee, the revolutionary situation, collection of grain, supply.*

Список литературы литература.

1. Госархив Луганской области. Ф.4. Оп. 1. Д.13. Л.50-51.
2. Российский государственный архив (далее РГА). Ф.472. Оп.1. Д.29. Л. 164.
3. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: 1991.
4. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. В 3-х т. М.: 1990. Т.2.
5. Народное хозяйство: Орган ВСНХ. – 1918 - №3.
6. РГА. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 85. Л.111.
7. Центральный государственный исторический архив Украины (далее ЦГИАУ). Ф. 2161. Оп.1.Д.181.Л.7.
8. Там же. Д.158. Л.72.
9. Составлено по: ЦГИАУ. Ф 2161. Оп. 1. Д.146. Л.2-4. Д.181. Л.10; Горнозаводское дело. 1917. №282. С.160; Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Макеевского горного района. 1917. 26 апр.
10. Госархив Харьковской области. Ф.п-10417. Оп.4. Д.48. Л.3; Госархив Крымской автономной республики. Ф.р-2084. Оп.2. Д.16. Л.60,68; Вестник Волынского губернского комиссара Временного правительства. 1917. 6 сент. Известия Херсонского комитета спокойствия и безопасности. 1917. 16 авг.
11. Трудовая Волынь. 1917. 12окт.
12. Госархив Луганской области. Ф.п-143. Оп.2. Д14. Л.108; Донецкий пролетарий. 1917. 31дек.
13. Трибуна государственных служащих. 1918. №13. 1-7окт.
14. Госархив Луганской области. Ф.п-2. Оп.1. Д.139. Л.9.
15. Там же. Д.140. Л.97.
16. Госархив Харьковской области. Ф.п-10. Оп.1. Д.239. Л.50; Ф.10417. Оп.4. Д.16. Л.104; Ф.р-9.Оп.2.Д.2.Л.3,4; Красный архив. 1941. Т.2. С.93.
17. РГА. Ф.406. Оп.7. Д.11. Л.178-179.
18. Там же. Ф.398. Оп.2. Д.95. Л.81.
19. Центральный государственный исторический архив России (далее ЦГИАР). Ф.1291. Оп.121. Д. 121. Д.12. Л.25-26.
20. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. В 3-х.ч. М.: Л.: 1957. Ч.2.
21. Российский центр хранения современной документации. Ф.274. Оп.1. Д.28. Л.7.
22. Экономическое положение России…Ч.2; Российский государственный архив экономики. Ф.1943. Оп.1. Д.254. Л.108-109.
23. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные произведения. В 3-х.т. М.: 1963. Т.3. С.184.
24. Речь. 1917. 6 апр.

Об авторе

Борисов В. И.- профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, ValerijBjrisov@yandex.ru.

УДК 94(47) «1917/1922» : 338.43

КОМИТЕТЫ БЕДНОТЫ ЮГА РОССИИ В СИСТЕМЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1920 ГГ.)

В.И. Борисов

В центральных районах России комитеты бедноты просуществовали недолгое время (1918г.). Но в южнороссийских губерниях их формирование началось позже, и они действовали вплоть до НЭПа. В статье анализируются деятельность комитетов бедноты юга России в продовольственной сфере и их сложные отношения с Советской властью.
Ключевые слова: *заготовки хлеба, комитет бедноты, крестьяне, продовольственные комитеты, продовольственная политика.*

Для проведения продовольственной политики в деревне, Советской власти нужен был союзник. Им мог стать только беднейший крестьянин, и на него власть решила сделать ставку. Продовольственной работе на селе придавался классовый характер, как своеобразная форма идеологической борьбы. Слабое поступление хлеба в руки государства Советская власть рассматривала, как враждебную политику кулаков и городской буржуазии.

В продовольственном декрете от 9 мая 1918 г. было выдвинуто новое теоретическое положение о расслоении деревни с призывом до «всех трудящихся и имущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками». Декрет объявлял врагами народа всех, имеющих излишек хлеба и не заявивших о нем в 2 недельных срок. Нарушившие этот декрет предавались революционному суду, с угрозой конфискации хлеба, тюремным заключением, не менее 10 лет и т.п. Декрет санкционировал передачу половины реквизированного хлеба доносителям [1, с.9-10]. Поощряя классовое разложение деревни, Советская власть будила в массах крестьянства низменные чувства розни, доносительства, тайной слежки.

Логическим продолжением этого декрета стал декрет от 11 июня «Об организации деревенской бедноты». Одной из задач комбедов было оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев. Декрет устанавливал поощрение для комитетов бедноты - определенное количество хлеба изъятого у кулаков будет распределено среди бедных крестьян или бесплатно, или по половинной цене, но с одним условием - чем раньше будет взят хлеб, тем дешевле он обойдется [1, вып. V, с.57-39]. Таким образом, дело хлебозаготовок объявлялось главной задачей классовой борьбы в деревне. Началась кровавая борьба за хлеб и об этом неустанно твердила пресса, проводились агитационно-пропагандистские мероприятия, раздувавшие огонь ненависти человека к человеку.

Создание комбедов представляло собой политическую меру, направленную на раскол крестьянства. Существовал еще один существенный аспект этой проблемы. Посылаемые властью в деревню представители из города, не были знакомы с сельской жизнью, поэтому не могли квалифицированно провести учет хлеба, обнаружить его в тайниках и отсюда вытекало много ошибок в оценке запасов хлеба. Создаваемые комбеды выполняли политическую функцию - предоставляли информаторов. На беднейших крестьян можно было положиться в том, что они донесут о наличии хлеба у кулаков, обнаружат тайники, проведут учет и организуют хранение реквизированного хлеба. В результате враждебность крестьян друг к другу должна была еще шире раздуть пламя классовой борьбы в деревне. Так считали руководители Советской власти.

Но на практике вышло совсем по-другому. Комбеды стали бороться с местными советами за власть в деревне. Вопрос встал о передаче им всей полноты власти в сельской местности. В селе создалось двоевластие. Советская власть, конечно, не могла нарушить свою государственную структуру и в декабре 1918 г. ВЦИК принял решение о перевыборах в деревне, передачи всей власти советам, а комбеды должны были распуститься [2], как выполнившие на данном этапе свое предназначение.

Ликвидация комбедов означала своевременное признание поражения политики партии в деревне. Это решение было связано с тем, что крестьяне получившие землю, мечтали о возрождении своего крепкого хозяйства, становились середняками, и уже не старались заниматься разрушением деревни путем ее классового расслоения. Поэтому комбеды рано или поздно должны были выступить против некоторых мероприятий, проводимых в деревне и бедняки, в данном случае, оказались бы в меньшинстве. Но неудачный опыт с комбедами в центре не помешал повторению этого эксперимента на юге.

После освобождения южных губерний от австро-немецких захватчиков и установлением Советской власти, там стали создаваться комитеты бедноты. Как раз в это время происходила их ликвидация в центральных районах России. Массовое создание комитетов бедноты на юге (комитетов незаможних (бедных) крестьян – комнезаможей, комнезамов) началось в начале 1919 г. Их созданию способствовало историческое развитие южнороссийской деревни. Здесь более ярко проявлялась по-

ляризация богатых и бедных крестьян, поэтому комбеды оказались наиболее жизнестойкими в условиях советского и белогвардейского режимов. Именно здесь с помощью комнезаможей внедрялись в жизнь и проходили проверку многие социалистические эксперименты в аграрной и продовольственной политике (создание коллективных хозяйств, введение «пятихатников» для сбора хлеба и т.д.).

29 ноября 1918 г. рабоче-крестьянское правительство Украины опубликовало «Временное положение о рабоче-крестьянской власти на местах», согласно которому до создания сельских Советов организовывались комитеты бедноты, наделенные правами государственной власти. А 17 января 1919 г. правительство Украины утвердило положение «Об образовании волостных и сельских комитетов бедноты». Сельские комитеты бедноты избирались на сельском сходе из числа бедных крестьян в составе трех человек, а волостной комбед на съезде представителей, в количестве 5-7 человек. Главными задачами комбедов было: проведение в жизнь всех постановлений Советской власти, организация борьбы беднейшего крестьянства с кулачеством за хлеб. Комбеды по административной линии подчинялись ревкомам, а по продовольственным вопросам - продовольственным органам [3].

Роль комбедов четко обрисовывал в своем выступлении на заседании ВУЦИК комиссар по продовольствию А.Г. Шлихтер: «Добиться извлечения хлебных излишков декретом о принудительной разверстке невозможно без помощи самого крестьянина, особенно без помощи крестьянина-бедняка... Только благодаря комитетам бедноты мы можем рассчитывать, что дело извлечения хлебных излишков действительно будет доведено до конца» [4]. Комбедам юга предоставлялась, таким образом, право проведения продовольственной политики Советской власти на селе.

Первое время комбеды являлись единственной властью на селе. По мере создания советов, комбеды должны были входить в их подчинение, что было закреплено 12 мая 1919 г. в постоянном «Положении о сельских комитетах бедноты». Комбеды становились исполнительными органами сельских Советов, но им давались большие полномочия во всех сферах жизни села. В продовольственной сфере комбеды выполняли контролирующие, организаторские и карательные функции, связанные с проведением продразверстки [5, с.132-133].

Чтобы нацелить комбеды на выполнение задач, которые на них возлагались, были проведены ряд съездов на уездном и волостном уровнях. Активно прошли такие съезды в Полтавской губернии: Полтавском, Гадячском, Лохвицком и др. уездах. Принимались решения об учете хлеба, находящегося в крестьянских хозяйствах, о формах проведения продразверстки, о наделении конфискованным хлебом беднейшего крестьянства, а также политические решения об объединении бедноты для борьбы с кулачеством и даже расслоения деревни по классовому признаку. Также были отчеты о проведенной работе и о количестве реквизированного хлеба [6]. На губернском съезде Советов Харьковской губернии 146 делегатов сообщили о завершении учета хлеба, 101 делегат о том, что учет у них проводится, но еще не завершен до конца, и только 26 делегатов известили, что у них учет не производился [7, с.145.].

Весной 1919 г. в Старобельском уезде Харьковской губернии, в связи с направлением в села продотрядов, многие комбеды самостоятельно провели реквизицию хлеба. Так, в Богодуховской волости комбеды реквизировали 100 пуд. хлеба у зажиточных крестьян и весь распределили между бедняками за плату. Червленовский комбед реквизировал около 100 пуд. хлеба у кулаков и мешочников и распродал его, а деньги получили остронуждающиеся крестьяне. В Мурафекомбед по твердым ценам распределил хлеб между местными бедняками и солдатками (197 пуд. ярового и 300 пуд. озимого хлеба). Только 61 пуд. был отправлен местному продкомитету и то с условием, что этот хлеб был направлен красноармейцам, а не в города [8]. Из этих примеров видно, что комбеды реквизируя хлеб у местных богатеев, старались этим же хлебом удовлетворить внутренние нужды деревни, а не запросы Советской власти.

Но в состав многих комбедов вошли кулаки, что противоречило политике расслоения деревни. Так, из села Николаевка, Волчанского уезда Харьковской губернии корреспондент советской газеты сообщал: «...общество избрало в комбед гражданина-бедняка. А у этого бедняка есть два собственных дома, которые стоят теперь не менее 100 тыс. руб., отрубной участок в несколько десятин, он бывший лавочник и шкуродер, причем вчерашний эсер...»[9]. И такие проникновения кулачества в комбеды были массовым явлением. Видимо, это связано с тем, что все крестьяне, в том числе и бедные, старались спасти сообща разрушающееся сельское хозяйство, и политика расслоения деревни была чужда большей части крестьянства. Те же комбеды, которые принимали жесткие меры к своим односельчанам, по видимому, возглавлялись бескомпромиссными большевиками, которые не знали специфики внутренней жизни деревни. Поэтому комбеды, в своей основной массе, бойкотировали решения Советской власти и сопротивлялись продразверстке. Этому также способствовали сложная военно-политическая обстановка, связанная с наступлением Деникина, оккупация части Причерноморья интервентами, крестьянские восстания. Поэтому в 1919 г. деятельность комбедов продовольственной сферы оказалось не столь эффективной, как бы хотелось Советской власти.

Только в 1920 г. комитеты бедноты начинают играть активную роль на селе, в частности, в продовольственной деятельности, в реквизициях хлеба и скота у своих односельчан. Так, 24 июня 1920 г. комитет незаможных крестьян Курисово-Покровской волости на Одессщине принял решение о реквизиции хлеба, скота и других продуктов у восьми местных кулаков [10]. Активное участие в продразверстке принимали комбеды Луганского района в Донбассе и это было отмечено в резолюции съездов, проходившего в Луганске 5-6 сентября 1920 года [11]. Для организации общественного питания в городах Донбасса, осенью 1920 г. местные комитеты незаможных крестьян заготавливали и поставляли городам ненормированные продукты, в основном овощи для засолки, переработки, сушки, консервирования[12].

С середины 1920 г. между комбедами Юга России и Советской властью начали углубляться противоречия по вопросам аграрной и продовольственной политики, т.е. повторился процесс, который прошел в центре России 1918 г. Появились статьи в газетах, записки в вышестоящие органы о несоответствии деятельности комбедов с политикой Советской власти.

Так, орган Донецкого губкомпарта «Всероссийская кочегарка» в статье «Экзамен комнезаможам» писал, что кулаков в деревне поддерживает середняк, а они потянут за собой и бедняков и делался вывод: «Опыт прошлой продкомпании и борьбы с бандитизмом предостерегает от надежд на классовую выдержанность незаможей» [13]. В циркулярном письме Одесского губкома в уездные парткомитеты, в конце ноября 1920 г. говорилось: «Комитеты незаможних крестьян ... стали большой силой и стараются отсепарироваться от рабочего влияния... Не давать устраивать сельские и волостные республики со своими заградительными отрядами и административными распоряжениями. Идейно и политически комитеты незаможных крестьян должны понять и почувствовать, что судьбой революции руководит городской пролетариат» [14]. В этом письме отмечается отрицательное отношение деревни к городу. Город не мог предложить достаточного количества товара крестьянам в виде компенсации за хлеб. Поэтому крестьянство смотрело на город, как на нахлебника, старающегося выжать хлеб из деревни.

Комбеды, были вынуждены защищать не только бедняков, но и все село. Рушившиеся мелкотоварные хозяйства деревни заставляли крестьянство бороться за остатки крепких хозяйств, а также за свои. Это приводило к объединению всего крестьянства: кулаков, середняков, бедняков против продразверстки. Поэтому комбеды занижали количество излишков хлеба в деревне, часто просили снизить размер обязательных поставок. В конечном счете, комбеды в продовольственном деле пытались решить проблемы, возникающие в селе, самостоятельно, не допуская к этому представителей Советской власти.

Комбеды на Юге России за два года существования стали значительной силой, в отличие от центра и Советская власть не могла их долго ликвидировать и только с введением новой экономической политики, они сами по себе, ввиду изменившихся условий, прекратили свою деятельность. Количество хлеба, представленного комбедами государству, незначительно. Но деятельность комбедов показала, что крестьянству в своей основной массе оказались чужды социалистические идеи. Их сознание выросло из многовекового существования деревенской общины, с присущим ей не просто чувством коллективного мышления и круговой поруки, но и чувством причастности к единой социально-экономической общности, внутренней борьбы и естественного взаимопонимания. Поэтому надежды Советской власти на поддержку их политики беднейшими массами и организациями их в комбеды, не подтвердились, как не отвечающие интересам деревни.

In the central regions of Russia committees of the poor existed for a short period (1918). But the southern parts their formation began later and they operated until the NEP. This article analyzes the work of committees of the poor of the South of Russia in the food sector and their complex relationship with Soviet power.
The key words: *bread supplies, committees of the poor, peasantry, food- committees, food policy.*

Список литературы

1. Сборник постановлений и распоряжений общих и местных, регулирующих продовольственное дело в Москве. М.: 1918. Вып.IV. С.9-10.

2. Собрание узаконений РСФСР. 1917-1918. №86. Ст.901.

3. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. 1919. №3.

4. Центральный государственный архив высших органов государственной власти Украины (далее – ЦГАВОГВУ). Ф.340. Оп. 1. Д.568. Л.239-239 об.

5. Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (листопад 1918 – серпень 1919 рр.). Київ: Наукова думка. 1962. 566 с.

6. ЦГАВОГВУ. Ф.393. Оп.13. Д.577. Л.12-13.

7. Работа Харьковского губернского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов от 16 февраля 1919 г. Харьков: Губиздат. 1919. 204с.

8. Госархив Луганской области. Ф.р - 1169. Оп.1. Д.2. Л.99,102,108.
9. Известия (Волчанск). 1919. 4 апреля.
10 Госархив Одесской области. Ф.р - 2106. Оп.3. Д.415. Л.23.
11. Госархив Луганской области. Ф.р - 242. Оп. 1. Д.9. Л. 1.
12. Там же. Ф.р - 2253.Оп.1. Д.95. Л.19.
13. Всероссийская кочегарка. 1920. 10 октября.
14. Госархив Одесской области. Ф.п - 3.Оп.1. Д.29. Л.37.

Об авторе

Борисов В. И.- профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, ValerijBorisov@yandex.ru

УДК 94 (47) (092)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ «КОЛЕНКОРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»: М.А.МОРОЗОВ И САМОСОЗНАНИЕРУССКОГО КУПЕЧЕСТВА

М.В. Брянцев

Статья посвящена одному из представителей русского купечества конца XIX-начала XX в. М.А.Морозову, фигура которого является ярким примером возраставшего самосознания русского купечества. В статье показано, что становление самосознания русского купечества, начавшееся в конце XIX в., так и не смогло завершиться.
Ключевые слова: *М.А.Морозов, русское купечество, самосознание, культура.*

Во второй половине XIX в. в молодом поколении русских купцов происходили значительные культурные и мировоззренческие метаморфозы. Молодые люди из купеческого сословия уже по-иному смотрели на свое будущее, чем их родители. Им хотелось учиться. Самим определять свое будущее. Они тяготились той опекой, которую над ними установила традиция. Представительница московского купечества М.К.Морозова писала: «В то время (1890-е годы. — М.Б.) многие молодые люди из купечества, обладая большими средствами и получив общее широкое образование, стали стремиться выйти из рамок установленных традиций. Это бывало и раньше, но теперь становилось явлением более общим»[1, Л. 104-105]. Е.А.Андреева-Бальмонт вторила ей, отмечая, что это поколение «принадлежало к тому буржуазному обществу, которое так много сделало для просвещения и культуры в различных областях русской жизни — промышленной, просветительской и художественной»[2, с.15].

В этой среде усиливался интерес к общеобразовательной подготовке и, не случайно, многие из купеческих сыновей не только мечтали, но и стремились получить университетское образование. Эта тяга не осталась не замеченной современниками. В.М.Голицын, относившийся к купеческим притязаниям на образование весьма скептически, записал в «Дневнике» 23 сентября 1872 г. «относительно образования: сразу обнаружилась его мелочность, его поверхностность во всем, а главное его неумение трудиться, незнание своих средств и непонимание своего значения, своей роли. И вот теперь, покуда высшее сословие гоняется за химерами, ворчит и сожалеет, выдвигается медленно, но неудержимо и безостановочно, третье сословие, которое лет через тридцать захватит в свои руки все. Дай Бог!»[3, Л.30] Здесь не только скепсис, но и реальное понимание происходящих перемен, и надежда на приход людей, не уподобляющихся Ноздревыи и Обломовым, а весьма разумных и прагматичных. Людей способных изменять и меняться.

Купеческие дети проникали повсюду, особенно привлекательным становились для них интеллектуальные занятия, являвшиеся символом иного, чем купеческий образ жизни. Одним из таких типов был Михаил Абрамович Морозов (1870-1903) — представитель известнейшего московского купеческого рода, владелец канительной Тверской мануфактуры. За свою короткую жизнь Михаил Абрамович сумел сделать многое. Человек яркий и экстравагантный, он преуспел на ниве коллекционирования, общественной деятельности; был автором романов и научных работ по всеобщей истории, художественным критиком, меценатом и коллекционером[4, с.113]. Ему принадлежала блестящая коллекция русского и западного искусства, которую он завещал передать Третьяковской галерее. Сюда входили работы Врубеля, Коровина, Головина, Бенуа, Левитана, Сомова, Сурикова, Перова, Ван-Гога, Гогена, Дега, Ренуара, Моне и других крупнейших мастеров. Такое увлечение было многими непонято и расценено, как купеческое самодурство. По примеру старшего брата собирательством начинает заниматься и Иван Абрамович[5, с.107].

Закончив историко-филологический факультет Московского университета, Михаил Морозов занимался всеобщей историей и даже издал две книги под фамилией М.Юрьев: «Карл пятый и его время». (М.,

1894); и «Спорные вопросы западноевропейской исторической науки». (М., 1894). Выход в свет этих книг вызвал резко негативную реакцию интеллигентной публики, которая разразилась массой фельетонов, где автора «резко и беспощадно осудили»[6, С.III]. В газете «Новости» появился ряд публикаций под общим названием «Коленкоровая литература», где досталось всему молодому купеческому поколению за то, что они не только «одной рукой ситцы печатает на ситценабивной фабрике», но и о «Карле Пятом монографии сочиняет или на «письма шкатулки» новые взгляды устанавливает. <…> Таких борзописцев развелось у нас немало», — писал автора, прямо указывая на М.Юрьева, т.е. М.А.Морозова[7].

Эти публикации вызвали ответную реакцию у представителей купечества. Известный критик русского купечества А.И.Волкова с возмущением писала о статье Лукина в «Новостях» под названием «Коленкоровая литература», где разбиралась книга Морозова под псевдонимом «Михаил Юрьев»: «Несомненно, г. Морозов стоит быть осмеянным за свои исторические произведения, как нахал. Но зачем-же примешивать сюда производство коленкора и начинать первую статью глумлением над всеми купцами, что они двинулись в область литературы, мысли, искусства и меценатства? Неужели, по мнению, г. Лукина, эта каста купечества никогда не должна выходить из своих рамок “Темного царства”? <…>Появление таких историков и ученых, как Михаил Юрьев, имеет также свою хорошую сторону, это — стремление тщеславия и честолюбия на научный путь, но не на битье зеркал и проч., и проч.»[8, с.143]. Однако господствующим оставалось критическое отношение к попыткам представителей купеческого мира заняться интеллектуальным трудом.

Вместе с тем купечество начинало осознавать собственное значение. Шумиха вокруг работ М.А.Морозова только стимулировал самосознание этого класса. Мысль о возросшем культурном и экономическом значении купечества стала в конце XIX в. популярной. Она захватывала все более широкие круги представителей третьего сословия; пропагандировалась в купеческой периодической печати. С.И.Четвериков, представитель русского купечества, писал: «Ни одно другое сословие не выдвинуло столько творческих сил, как сословие купеческое. Особенно бросается это в глаза, если сопоставить сословие дворянское, которое, за небольшим исключением, только поставляло офицеров в гвардию и через лицей и школу правоведения “помпадуров”, из бесчисленного множества которых ни один не оставил имя, запавшее в благородную память народа»[9]. Эти мысли Четверикова перекликаются с излюбленным тезисом П.П.Рябушинского о том, что «дворянский класс давал России писателей и поэтов, насладился жизнью, но совершил великий и тяжелый грех тем, что не приблизил к культуре толщи русского народа»[10, с.85].

Нужно заметить, что публичное выступление купечества с притязаниями на лидерство на всероссийском уровне впервые проявилось уже в ходе подготовки к Нижегородской выставке 1896 г. Максим Горький в заметках и корреспонденциях с выставки немало размышлений о прошлом русского купечества, о путях и способах завоевания ими «места под солнцем», о его роли в историческом развитии России[11, с.247].

Думается, что именно такие претензии купечества и возмущали интеллигентские слои населения, которые чувствовали возросшую конкуренцию со стороны людей с деньгами. Один из критиков писал, не вполне справедливо, о зазнавшихся «буржуа», «просвещенных» Кит Китычах, для которых уже не достаточно удовлетворяется «простым самодурством “вокруг себя”. Он нахватался кое-каких знаний, а больше — наслушался, как “попочка”, кое-что затвердило по части наук и искусств, возомнил превыше всякой меры в своем деле и о своей “утонченности” и отдался диким вожделениям самодурствовать широко, во всю, наукой, над литературой, над искусством. Grattez ce gentleman et-vous trouverez “торжествующую свинью”, которой все ни почем... Это — тип не нарождающийся, а, по-видимому, уже сформировавшийся и достаточно определившийся»[12, с.198-199].

Рецензент «Новостей дня» Lolo (Л.Г.Мунштейн), посмотрев «Джельтмена» в Малом театре, рифмовал, посвятив графоману-беллетристу свое четверостишие:

«Пусть нет смазного сапога,// Одет по модной он картинке,// Но в тонком лаковом ботинке// Торчит купецкая нога»[13, с.41-42].

Примечательно, что во всех этих саркастических выступлениях отсутствует стремление анализа научной стороны сочинений; авторы мимоходом проходятся по представителям «чумазого» племени, которые вознамерились заняться исконно интеллигентским делом. Представляется, что критиков больше интересует не научная сторона, а стремление лишний раз «поставить на место» зарвавшихся представителей «смазного сапога».

Во всей этой шумихе Михаил Абрамович занимал вполне достойную позицию, которую он выразил в одном из писем: «Я слишком уважаю себя, чтоб отвечать этому фельетонисту. Да и потом, как возражать против того, что я купец, и родители мне оставили состояние — обстоятельства, которые считались критиком тяжкими преступлениями с моей стороны». Он отмечает, что не хочет доказывать, «что лучше иметь деньги, оставленные по наследству, чем растрачивать чужие, что лучше быть купцом, чем лишенным прав состояния, что лучше писать о Карле Пятом, чем фигурировать в

грязном процессе»[6, С. VII]. Думается, что Михаил Абрамович вполне прав.

Именно на рубеже веков русское купечество не просто начинало себя осознавать, но и активно стремилось к этому, делая всевозможное для этого. Купцы не просто зарабатывали, но и тратили огромные деньги на удовлетворение своих культурных потребностей, на просвещение, образование, собирательство и т.д. Такого рода деятельность явно не вписывалась в представления современников о русском купечестве и, как всякое новое явление вызывало неприятие. Вероятно, именно такие нападки на русское купечество являлись одной из попыток русской интеллигенции противопоставить себя нарождающемуся классу, который претендовал на их роль в обществе. Вместе с тем, и купечество в подобных ситуациях, вероятно, начинало осознавать свою значимость, приобретая корпоративное самосознание. Этот процесс, начавшийся в конце XIX столетия так и не смог (по разным причинам) завершится.

The article is devoted to one of the representatives of the Russian merchant class late XIX-early XX century M.A.Morozov, a figure which is a prime example of the growing consciousness of the Russian merchants. The article shows that the formation of self-Russian merchants, which began in the late XIX century and could not be completed.
The key words: *M.A.Morozov, the Russian merchant class, identity, culture.*

Список литературы

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.1956. Оп.2. Д.7.
2. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997 560 с.
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф.75. Д.3. Л.30.
4. См.: Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке… М., 1993 186 с.
5. Терновец Б.Н. Письма. Дневники. Статьи. М., 1977 378 с.
6. Юрьев М. Мои письма. (4-го декабря 1893 года —15 мая 1894 года). М., 1895 214 с.
7. Новости. 1894. №137; см. также №144.
8. Волкова А.И. Воспоминания, дневник и статьи. Н. Новгород, 1913.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Коллекция ЦГАОР СССР. Письмо С.И.Четверикова Н.И.Астрову от 28 августа 1927 г.
10. См.: Думова Н.Г. Идеология московской буржуазии и дворянства// Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX-начале XX века. Сб. научн. трудов. М., 1988. С.73-87.
11. См.: Горький М. С Всероссийской выставки. (Впечатления, наблюдения, наброски, сцены и т.д.)// Горький М. Собр. соч. в 30 тт. Т.23. М., 1953 С245-249.
12. Русская мысль. 1897. №11. С.198-199.
13. Цит. по: Бродская Г. Купец и беллетристы // Театральная жизнь.1997. №2. С.39-43.

Об авторе

Брянцев М. В.- доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского,bmwbox@mail.ru

УДК 94(367)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В АРЕАЛЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ЛИМИТРОФА

С.В. Востриков

Зарождение, оформление и эволюция отношений близкородственных славянских этносов проходили на фоне реструктуризации и переформатирования восточноевропейского региона.Здесь в XV- XVI вв. возникло два крупных государственных образования – Московия и Речь Посполита, между которыми развернулись соперничество и борьба за лидерство. Причем этноконфессиональный фактор играл крайне важную роль в этом конфликте. Именно в таких остроконфронтационных условиях происходил процесс самоидентификации русского и белорусского народов. Для Беларуси исторической альтернативой всегда была Россия. Общие культурно-цивилизационное наследие, билингвизм, этногенез, позитивная комплиментарность и сегодня создают благоприятные условия для углубления интеграции и создания трансконтинентального Единого Экономического Пространства (ЕЭП).
Ключевые слова: *идентичность, польско-литовская уния, билингвизм, комплиментарность, этноконфессиональный фактор, Московия, Ватикан,экспансия, интеграционный проект, национальные интересы, Таможенный Союз.*

Рубеж середины второго тысячелетия от Р.Х. был ознаменован целым рядом «судьбоносных» событий в жизни народов и стран Европы (включая и те, которые входят сегодня в состав Союзного

государства. – Прим.авт.). Завершение XIV века выделялось двумя знаковыми для всего славянского мира событиями. В 1380 г. объединенные силы русских под предводительством князя Дмитрия Донского нанесли поражение монгольским захватчикам под командованием Мамая: тем самым был сделан нервый шаг на пути обретения национального достоинства и развертывания освободительной борьбы русского народа за избавление от иноземного ига. Именно в огне национально-освободительного движения происходило зарождение, становление и формирование общерусского национального самосознания. Начало долгому и сложному процессу нациостроительства было положено в ходе борьбы за независимость и свободу. Как точно подметил Л.Гумилев: «Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своего княжества, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах»[4, с.164].Но лишь столетие спустя - после «великого стояния на Угре» - в 1480 г. Москва обрела реальную политическую независимость. В 1384 г. между Великим Княжеством Литовским (ВКЛ) и Польским государством была заключена Кревская уния, по условиям которой литвинский князь Ягайло (по происхождению на три четверти русский тверичанин, бывший православный князь Витебска) получал польский престол и принцессу, но обязан был перейти из православия в католичество и обратить в католичество всех литвинов (не путать с современными литовцами.- Прим.авт.). Кревская уния (за ней последовала череда других) послужила качественно новым этапом ползучей религиозно-идеологической экспансии (к тому моменту Польша стала основным оплотом Римского понтификата в Восточной Европе. – Прим.авт.), имеющей целью окатоличивание всех славян. Долговременная, изощренная и завуалированная стратегия прозелитизма отнюдь не ограничивалась одним лишь Великим княжеством Литовским, но распространялась на всю Русскую землю: так, например, еще в 1248 г. (т.е. в самый апогей золотоордынского прессинга) глава Ватикана Папа Иннокентий IV направил в Новгород двух опытнейших и хитрейших легатов с грамотой для князя Александра Невского, которая заканчивалась следующими словами: «Да будет тебе ведомо, что коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам, более того – Богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей, неусыпно радеть будем». Более двух месяцев папские агенты «обрабатывали» А.Невского, но он ответил решительным отказом (чего в реальности стоили ватиканские посулы и обещания наглядно показала печальная судьба Галицко-Волынского княжества. – Прим.авт.).

Несомненно, этноконфессиональный фактор играл чрезвычайно важную роль в жизни народов и государств восточноевропейского региона: характерен в этом смысле пример духовного подвижничества и патриотизма основателя и игумена Троице-Сергиева монастыря Сергия Радонежского, который вдохновил и благословил на битву с захватчиками князя Д.Донского. Именно тут следует искать истоки того мощного первородного «пассионарного импульса», который консолидировал этносы Среднерусской равнины и способствовал возрождению Руси. Актуализация этноконфессионального фактора еще более усилилась после 1569 г., когда в результате Люблинской унии Польши с ВКЛ была образована Речь Посполита (РП). Литовско-польская уния предполагала характер конфедерации, но на деле самостоятельность ВКЛ, где к тому моменту прежде размыто-дуалистичное самоназвание «литвины-белорусцы» трансформировался в более определенное и ясное «белорусцы» (т.е. конкретный самоэтноним народа), с самого начала оказалась усеченной. Это выражалось прежде всего в явной диспропорции поляков и литвино-белорусцев во властных структурах: первые преобладали везде. Во-вторых, языком официальным и делопроизводства в РП стал польский. В-третьих, элитой РП изощренно и профессионально была произведена, по сути, подмена национальной идентичности населения ВКЛ: для ослабления общенационального самосознания ватикано-польские манипуляторы в XVI-XVII вв. искусственно реанимировали и репродуцировали множество этнорегиональных и локально-местечковых псевдо-«идентичностей» (пенчуки, полищуки, хацюны, мозыряне, кричевцы, малороссы, заволочане, пропойские и т.п.). Главная ставка манипуляторов делалась на фрагментацию, партикуляризацию и психоперезагрузку сознания. Линия на разобщение населения ВКЛ проводилась целенаправленно, хитроумно и системно (элементы подобной деструктивной методологии применяются и сегодня. – Прим.авт.). Тем самым размывался и дробился самоэтноним «белорусцы». Термин «литвины» вообще был вытеснен из оборота и стал ассоциироваться не с национальностью, а с «автономным гражданством» ВКЛ в рамках РП. Но самая большая диверсия стратегами полонизации ВКЛ была осуществлена в духовной сфере. Религиозно-психокультурная экспансия осуществлялась исподволь, превентивно, скрытно, но масштабно и целенаправленно. Еще до образования РП на территории ВКЛ стали возникать форпосты многочисленных католических орденов – бернардинцев, францисканцев, августинцев, доминиканцев, госпитальеров. Они развернули активную деятельность, направленную на вытеснение православия из данного ареала. Брестская уния 1596 г. как бы закрепила якобы «примирение» Православной и Католической церквей на территории РП и

легитимизировала далеко идущий «инновационный проект» в лице новоизобретенной Греко-католической (т.е. «униатской») церкви, которая признала примат Ватикана. Окатоличивание населения приняло массированный и тотальный характер: из Польши хлынул поток ксендзов, «миссионеров», «пасторов»; повсеместно развернулось строительство католических костелов, монастырей, кляшторов. На этом поприще особенно преуспели члены ордена иезуитов и базилиан, которые проводили гибкую, изощренную и тщательно продуманную политику по вовлечению в свои ряды новых сторонников преимущественно через образование, просвещение, культуру. Православные братства также строили новые храмы, открывали приходы, школы, приюты. Борьба за души людей принимала нередко остроконфликтные формы (вплоть до кровопролития), испытывала общество «на разрыв». Поддавшись на преференции, «послабления» и материальные выгоды, почти вся белорусская знать (Ходкевичи, Ромейко-Гурко, Сапега, Тышкевичи, Сангушко и др.) перешла в шляхетство (позднее она столь же одномоментно стала дворянством), которое неминуемо сопрягалось с католицизмом и полонизацией. Уния означала безоговорочную духовную капитуляцию, отказ от собственной этнокофессиональной и культурно-цивилизационной идентичности в угоду импортному римско-польско-иезуитскому проекту.Отчуждение аристократии от масс способствовало отрыву «элиты» от основной части населения, обращению значительного сегмента «низов» к собственной исконной «языческой вере», «уходу в себя», вело к личностному «раздвоению» и глубокому внутреннему расколу общеста; к концу XVIII в. примерно половина населения белорусских территорий придерживалась «униатства», которое воспринималось как некая эрзац-альтернатива между Западом и Востоком. Рассматривая в целом положение в Восточной Европе в XVI – XVIII вв., видимо, можно констатировать тот факт, что польско-русское противостояние (геополитическое по своей сути) нередко облекалось в конфессионально-религиозные одежды. И это имело свою логическую подоплеку и объяснение.

Как известно, экспансионистский мегапроект Ватикана не ограничивался лишь территориями, входившими в состав РП, но подразумевал окатоличивание населения всех восточнославянских земель, десуверенизацию и полную ликвидацию государственной самостоятельности Московии. Иностранными кругами нередко инспирировались внутри России всякого рода интриги, диверсии, возмущения, смуты; поощрялись амбициозные властолюбцы, авантюристы и хаоты. Профессор И.Я.Фроянов в своем фундаментальном исследовании указывает, что нити заговоров «...не обрывались в боярских дворах, а тянулись дальше, на запад, сходясь в Ватикане, во дворцах правителей западноевропейских государств и в руководящих центрах тайных обществ стран Западной Европы. Оно и понятно, ибо Московская Русь неожиданно появившаяся в конце XV века на восточных рубежах западного мира, поразила европейцев своей мощью и пространством, приверженностью православной вере – схизме, по разумению католиков, протестантов и всевозможных сектантов»[11,с.375]. Так, например, вестфальским немцем-протестантом Генрихом Штаденом, посетившим в середине XVI в. Россию с разведывательной миссией, был подготовлен «отчет о командировке» и подробный расчет сил и средств, потребных для завоевания нашей страны (по его плану, русского царя следовало убить, православные храмы ликвидировать, а Россию расчленить на 2-3 части). По оценке Д.Н.Альшица, немецкий эмиссар «немало энергии затратил по сколачиванию коалиции против Руси, стараясь втянуть в нее Пруссию, Польшу, Ливонию, Швецию, Священную Римскую империю»[1,с.16]. Императору последней и была представлена его «докладная записка» с предложениями Г.Штадена. Папский нунций в Польше Рангони с конца XVI в. также непосредственно занимался разработкой стратегии по дезинтеграции России и присоединению её территории к РП. Реализация этого замысла на фоне русской Смуты, выразившейся в разложении и предательстве московской боярской верхушки, катастрофической внутриполитической дестабилизации, первоначально проходила сугубо келейно, в скрыто-латентной форме (закулисная дипломатия, спонсирование и вербовка агентуры, поддержка самозванцев и авантюристов), а затем в виде военного вторжения, открытой агрессии Сигизмунда III и захвате Кремля (1610 г.)[2].

Один из главных ударов польских интервентов был обрушен на Русскую Православную Церковь (РПЦ), которая в условиях безвременья и «безвождизма» играла роль основного духовного лидера, «мозгового центра» и организатора народного сопротивления. По сути, у русских, оказавшихся в состоянии безвременья и государственной катастрофы, остался лишь один общенациональный консолидирующий институт – Православная Церковь. Как свидетельствует историк А.В.Карташов: «Поляки, от 19-го до 21-го марта (1611 г.), предприняли разрушение столицы пожаром. В этом пожаре были сожжены и разрушены почти все 450 московских церквей...Те же святотатственные операции разливались и по всей средней и по всей южной России»[12, с.119]. Интервенты понимали, что самое важное – сломить духовную силу народа: поэтому морально-психологическому фактору отводилось особое место в планах завоевателей. Естественно, для русских без преодоления духовного надлома и

глубокой внутренней депрессии, пробуждения самосознания и национального чувства невозможно было противостоять оккупантам. Исследователи справедливо отмечают, что «именно горести и беды Смуты заставили русских во всех частях Московского государства осознать себя не только рязанцами или москвичами, ярославичами или тверичанами, но прежде всего русскими»[5]. Фактически в ходе Смуты произошло всеобщее самоосознание общенационального единства целей и интересов (что выразилось прежде всего в формировании народного земского ополчения во главе с гражданином К.Мининым и князем Дм.Пожарским); в огне национально-освободительной борьбы против польских оккупантов окрепло всенародное единство; патриотизм пробудил здоровые силы общества, которые одержали победу над «воровством» анархической стихии и коллаборантами-пособниками интервентов.После освобождения Кремля и избрания нового царя (1613 г.) в Московском государстве сложилась всесословная монархия. При её формировании (т.е. избрании), по сути, состоялся общенациональный консенсус между представителями различных социальных слоев, групп, сословий, этнонациональных общностей и регионов России.

Как отмечает Джеффри Хоскинг, участники Земского Собора, который избрал на царствование М.Романова, продемонстрировали способность «представить себе» русские земли объединенными, и, «воссоздать себя в качестве потенциальной нации»[13, с.63]. Энтони Смит совершенно обоснованно утверждает: «К XVII столетию определенно появилась русская этническая идентичность»[14, с.5]. Причем не только внутри правящего слоя, но и в недрах самого народа, в различных сословиях русского общества, включая «инакомыслящих» и «оппозиционные движения»: так, например, протопоп Аввакум, обращаясь к царю, акцентирует внимание монарха именно на его русской идентичности: «Ты, ведь, Михайлович, русак, а не грек». Естественно, религиозность, этническая и национальная идентичность тесно взаимосвязаны друг с другом и представляют собой единое неразрывное целое. Православие, безусловно, играло огоромную роль в становлении национального самосознания. По мнению Поля Бушковича, «русское национальное сознание» существовало уже в XVI веке (с этого времени начинает использоваться понятие «Святая Русь»). В данном контексте, вероятно, правильнее вести речь о формировании «русско-православного национального самосознания». Титул «царь всея России», предстающий в символическом виде змееборца, побеждающего дракона, появился на гербовых печатях и вошел в общепринятый обиход еще раньше – с конца XV века. Эрик Хобсбаум также называет русских среди старейших наций в Европе. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что к началу XVII века в основном сложилось структурообразующее ядро Русской нации (но процесс её формирования на этом не остановился), т.е. на решение этой задачи ушло примерно 250-300 лет. И, хотя в ходе последующей петровской модернизации как «европеизации» (т.е. западнизации) произошли деформация и глубокий раскол общества (как и при полонизации ВКЛ), который со временем только усугублялся (этот углубляющийся «разлом» в конечном итоге и привел к краху Империи в 1917 г.: что было предопределено, по компетентному мнению выдающегося отечественного филолога, слависта, компаративиста князя Н.С.Трубецкого, засильем в постпетровский период «антинациональных клик» во главе России), нация продолжала развиваться и жить своей жизнью.

Что происходило на «западном направлении»? После крушения РП, вызванного острейшими внутренними противоречиями, междоусобной борьбой и фантастической коррупцией польской шляхты, и её раздела в 1772 г., белорусские земли вошли в состав России. С этого момента процесс нациостроительства (со всеми его «минусами» и «плюсами») протекал в общем русле: русские и белорусы при разных политических режимах жили практически в едином государстве[3]. На территории бывшего ВКЛ было образовано два генерал-губернаторства: Белорусское и Литовское. Термин «белорусы» получил официальное признание на государственном уровне. Результатом «национального возрождения» в XIX в., в котором выдающуюся роль сыграла «новорожденная» интеллигенция, т.е. просветители, ученые, писатели (Я.Колас, М.Богданович, Ф.Богушевич, Е.Карский, Е.Тышкевич, Н.Малиновский, К.Калайдович, Е.Романов, Я.Лучина, И.Носович, Ю.Крачковский, Н.Улащик, А.Сементовский), стал выход длительного процесса формирования самостоятельной белорусской нации на качественно новый уровень. Де-факто и де-юре это было зафиксировано по переписи 1897 г., когда более половины (54,1%) населения шести белорусских губерний признало себя белорусами. Не следует забывать и того факта, что признание белорусской государственности на общемировом уровне состоялось еще в середине XX века, когда страна стала одним из первых членов Организации Объединенных Наций (ООН).

Историко-социологический анализ свидетельствует, что наша общая сила – в единстве. Очевидно, что углубление интеграционных процессов на евразийском пространстве открывает новые благоприятные перспективы и для активизации российско-белорусского приграничного сотрудниче-

ства. Конечно, торгово-экономические интересы и политический прагматизм в современных условиях играют приоритетную и определяющую роль в развитии межгосударственных отношений, однако было бы глубоко ошибочно преуменьшать важность нашего общего культурно-цивилизационного, психоментального и гуманитарного наследия. В нем особо важно выделить такие «скрепы-доминанты» как: 1. Двуязычие жителей приграничных регионов России и Беларуси. Подавляющее число белорусов свободно владеет русским языком, а примерно половина граждан сопредельных регионов РФ (Смоленщина, Брянщина, Псковщина) понимает разговорный белорусский язык: как свидетельствует международный опыт, билингвизм при всех обстоятельствах способствует взаимопониманию, развитию и интенсификации трансграничных коммуникаций (примеры:Франция/Швейцария; Германия/Австрия; Греция/Кипр; Великобритания/Ирландия; Финляндия/Швеция; Сербия/Черногория; Румыния/Молдова; Турция/Азербайджан; Словакия/Чехия); 2.Общий этногенез населения белорусско-российского порубежья; 3.Доминирующая укорененность православной культуры среди населения приграничных областей Союзного государства; 4.Наше богатое историко-культурное наследие; 5. Наличие родственных и межличностных связей по обе стороны границы. Как показало исследование профессора СПбГУ З.В. Сикевич, многие русские имеют родственников, друзей, знакомых в Беларуси; «среди опрошенных белорусов половина имеет родственников в России». Причем, как подчеркивает ученый-социолог, «образ белоруса в представлениях всех респондентов носит исключительно положительный характер, ни одна из выборок не включила в число модальных характеристик белоруса каких бы то ни было недостатков»[9, с.64-67]. И это, несмотря на все многолетние «старания», одиозных СМИ.

Специфика обширного пространства российско-белорусского лимитрофа, обусловленная сложным комплексом историко-политических и этнокультурных факторов, сохраняется и в настоящее время. По мнению белорусского ученого Б.И. Сидоренко, «процесс самоидентификации населения на российско-белорусском приграничье, уходящий корнями в XVI в., не закончился и поныне. Современная граница совсем не напоминает линию, разделяющую два государства, и имеет протяженную буферную зону. И сегодня на приграничье проживает близкородственное комплиментарное население без особых языковых и культурных различий. Истоки этой комплиментарности восходят к взаимодействию многих внутри- и внешнеполитических факторов, в результате которых образовались два народа – русские и белорусы. На пограничье они так и не смогли до конца разделиться и остаются более близкими друг к другу, чем к жителям центральных районов своих государств»[8,с.38]. Эта комплиментарность населения российско-белорусского порубежья (равно как и жителей огромного российско-казахстанского лимитрофа. – Прим.авт.) способна стать мощным фактором взаимного сближения, притяжения и углубления многосторонней интеграции «снизу»: от Таможенного Союза через Единое Экономическое Пространство к трансконтинентальному Евразийскому Союзу в составе России, Беларуси и Казахстана. Необходимо осознать смысл решаемых задач и масштабы происходящих перемен. Не менее важно уметь «заглянуть за горизонт», спрогнозировать варианты развития будущего. Как отмечает В.В.Путин, «...наш интеграционный проект выходит на качественно новый уровень, открывает широкие перспективы для экономического развития, создает дополнительные конкурентные преимущества. Такое объединение усилий позволит нам не просто вписаться в глобальную экономику и систему торговли, но и реально участвовать в процессе выработки решений, задающих правила игры и определяющих контуры будущего»[7]. Развивая евразийскую интеграцию, мы укрепляем тем самым основы собственной независимости, суверенитета и территориальной целостности, что имеет особое значение в условиях усложнения мироустройства, нарастания конфликтогенности и нестабильности.

«Народы, - писал выдающийся русский государственник П.А.Столыпин, - забывают иногда о своих национальных задачах. Такие народы гибнут, они превращаются в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы». Анализируя в своей книге- исследовании(«Мир без России?») ситуацию, складывающуюся на постсоветском пространстве, академик РАН Е.М.Примаков прямо указывает на экспансионистские устремления глобальных акторов в отношении стран СНГ: «В «стратегическом плане» Государственного департамента на 2007- 2012 годы говорится, что одна из задач американской политики - усилить сближение «новых демократий СНГ»[новыми демократиями в документе называются Грузия, Украина и Молдавия. – Е. П.) с европейскими и североатлантическими структурами путем оказания им «поддержки, поощрения и технических советов». Госдеп не скрывает и своего стремления распространить опыт этих «демократических стран» на остальных членов СНГ. «В других точках Евразии народы жаждут получить надежду, которую зажгли «цветные революции» 2003-2005 годов», - говорится в документе» [6, с.203]. Как видим, на новом витке развития История повторяется.

Необходимо избавиться от иллюзий и осознать, что глобальный финансово-экономический

кризис – это «…не случайность. Кризис – это оружие» [10, с.2]. Чрезвычайно важно понимать, что современный мир устроен совсем не так, как мы его себе обычно представляем. В этих условиях создание эффективного самостоятельного конкурентоспособного геоэкономического ядра в формате Единого Экономического Пространства (ЕЭП) на просторах Евразии отвечает высшим национальным интересам всех участников интеграционного процесса и формирует реальные предпосылки их общего преуспевания в глобализирующемся и жестком мире XXI века. Иногонедано.

The origin, design and evolution of relations between the Slavic ethnic groups were closely related to the background of restructuring and reformatting Eastern region. Here in XV-XVI centuries raised two major states - Muscovia and Rzecz Pospolita, which unfolded between the rivalry and the struggle for leadership.Moreover, ethnic and confessional factor played a crucial role in this conflict. It is in these circumstances extraconfrontation there was a process of self-identification of Russian and Belarusian peoples. For Belarus, the historical alternative has always been Russia. Common cultural and civilizational heritage, bilingualism, ethnogenesis, positive complementarity and today provide favorable conditions for deepening the integration and creation of a transcontinental Common Economic Space (CES).
The key words:*identity, the Polish-Lithuanian union, bilingualism, complementarity, ethnic and confessional factor, Muscovy, the Vatican, expansion, integration project, the national interest, the Customs Union.*

Список литературы

1.Альшиц Д.Н. Начальный этап истории самодержавия//Вопросы истории.1985.№9.

2.Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России.Л.: Наука,1988.245 с.

3.Белорусы.Отв.ред.Бондарчик В.К., Григорьева Р.А., Пилипченко М.Ф.М.:Наука, 1988. 546 с.

4.Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерк этнической истории. М.: Экспресс, 1992.438 с.

5.Попов Г.Х. Как Россия выходила из Смуты или надгробие Авраамия Палицына//Аргументы и факты.2003.№19.

6.Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость.М.:Российская газета,2010.254 с.

7.Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня//Известия, 3.10.2011.

8.Сидоренко Б.Н. Начало формирования белорусско-российского приграничного пространства в первой четверти XVI в.//Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации:Материалы международной научно-практической конференции.Витебск: УО «ВГУ им. П.М.Машерова», 2011.323 с.

9.Сикевич З.В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь//СОЦИС.2007.№9.

10.Стариков Н.Кризи$: Как это делается. СПб.: Питер, 2010. 304 с.

11.Фроянов И.Я. Драма русской истории. М.:Парад. 2007.952 с.

12. Цит.по: Альманах исторических сенсаций.М.:Раритет, 1993.239 с..

13. Hoosking G. Russia: People and Empire, 1552 – 1917.Camridge: Harvard Univ.Press, 1997. 875 p.

14.Smith A.D. Ethnic Identity and Territorial Nationalism in Comparative Perspective.N.Y.Colambia Univ.Press, 1995. 472 p.

Об авторе

Востриков С.В. – доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета.

УДК 930.80

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КУДА НАПРАВЛЕН ВЕКТОР ПЕРЕМЕН

С.В. Востриков

История человечества находится на переломном рубеже, где открывается выбор нескольких возможных альтернатив дальнейшего развития. Для прорыва в будущее необходимы мудрость, консолидация усилий и политической воли, дефицит которых сегодня ощущается столь остро. Начало XXI века свидетельствует о росте многообразных рисков, вызовов и конфликтогенных факторов. Процесс глобализации сопряжен с амбивалентными и крайне неоднозначными последствиями. Весьма деструктивную роль сегодня выполняют СМИ, деятельность которых зачастую способствует деградации морали, дезинформации населения и подрыву суверенитета независимых государств. Происходит деформация и перерождение демократии, дизайн которой зачастую используется для прикрытия прямой агрессии и диктата. Исторические судьбы человечества в усложняющейся перспективе XXI века представляются весьма тревожными и неопределенными.

Ключевые слова: *человеческая Цивилизация, перспективы развития, будущее, исторический рубеж, СМИ, хаос, дестабилизация, антиисторизм, разум, системные войны.*

Мировое сообщество, вступив в третье тысячелетие, настойчиво продолжает свое успешное восхождение на «зияющие высоты» «светлого будущего», за которыми открываются бездонно-радужные горизонты вселенской непредсказуемости. Дабы не впасть в алармизм и избегнуть «треклятого» катастрофизма, обратимся к анализу лишь части наиболее очевидных фактов, реальностей и тенденций, определяющих картину дня сегодняшнего, а также обозначающих некоторые черты надвигающегося будущего, от которого, как выражался О.Уайльд, «улизнуть еще никому не удавалось». История человечества стремительно приближается к точке бифуркации, за которой просматриваются контуры новой эпохи – эпохи постсовременности.

«Эры милосердия» в XXI веке не наступило. Вопреки всем псевдонаучным мифологемам как доморощенных «сказочников-новомышленцев», так и их зарубежных коллег из числа гриноописных «фантазеров-пацифистов». И не наступит впредь, ибо «мозговой трест» в лице Римского клуба (где действительно сконцентрирован мощный интеллектуальный потенциал) еще в начале 70 - гг. прошлого века, проанализировав существующие риски и опасности, разработал несколько вариативных сценариев – прогнозов дальнейшего развития человечества, отметив при этом, что шансов на благоприятный вариант немного. Спустя два десятка лет американский ученый Медоуз (один из авторов-разработчиков. – Прим. авт.) решил проверить точность прогноза: оказалось, что реальное развитие событий происходит по наихудшему сценарию. В 1992 году в Рио-де-Жанейро на «Конференции ООН по окружающей среде и развитию» (ЮНИСЕД), в которой приняло участие подавляющее большинство глав государств мира, был сделан обобщающий вывод о том, что существующий характер производства и потребления в развитых странах подрывает естественные системы, поддерживающие жизнь на Земле. Поэтому путь, пройденный ими, для других стран уже не приемлем.

Интересно в этой связи отметить, что наши «реформаторы-ваучеризаторы» ринулись именно этим бесперспективным путем, увлекая на него всю страну. Некомпетентность и алчность рыночных ультрарадикалов дорого обошлись России и ее гражданам; «все залоговые аукционы признаны аудиторами Счетной палаты «притворной сделкой», т.е. «откровенным обманом». Главным контрольным органом РФ был сделан обобщающий вывод: «в результате приватизации не получилось главного, что отличает настоящий капитализм от бандитского». Доморощенные «приватизаторы» действовали вопреки основополагающему научному принципу, который гласит: «Так будет, потому, что в пользу этого свидетельствуют объективные факты и тенденции развития». Их же «методология» исходила из примитивной логики волюнтаризма и своеволия: «Так может быть, потому что нам этого хочется». Это о них очень хорошо сказал известный американский ученый Д.Сингер, когда сравнивал такого рода «специалистов» с путешественниками, укладывающими чемодан для вояжа, который почему-то никогда не получается. Вот уж поистине: «хотели как лучше, а получилось как всегда»(между прочим, в начале 90-х гг., т.е. самой заре «прихватизации», представители западного научного сообщества выражали крайнее недоумение, непонимание и возмущение относительно того, как можно ставить «эксперименты» в таком огромном государстве на основе волюнтаристстких «прожектов», которые не проходили никакой научной экспертизы(!).Величайшая «тайна» наших «преобразователей» (как прошлых, так и нынешних) кроется в следующем: серьезной исследовательской деятельностью они практически никогда не занимались, а потому системной аналитики не понимают и подлинной науки просто боятся. Отсюда и столь пренебрежительно-снобистское отношение к роли Знания и РАН в жизни общества и государства. Серятина не способна думать масштабно: «горизонт их мышления – Чечня…» (по образному выражению академика Н.Моисеева). Печальное следствие сего: отсутствие в РФ научно обоснованной долговременной стратегии развития страны.

Начало нового века полностью подтверждает выводы, содержащиеся в «Декларации Рио». Жить на Земле становится все трудней, дискомфортней и опасней. Факты, как говорится, упрямая вещь: Балканы, Персидский залив, Палестина, Афганистан, Северная Африка, Кавказ, Прибалтика, Причерноморье, Ближний и Дальний Восток, Индостан, Центральная Азия, Украина, Фукусима, а также… Россия. Плюс к тому общемировой системный финансово-экономический кризис, который имеет явную тенденцию к пролонгированию. Возможно, поторопились в угаре «перестройки» списать в архив и такое понятие как «империализм»: не наполняется ли сегодня известный исторический термин новым содержанием? Трагизм ситуации усугубляется также и тем, что процесс глобализации носит крайне амбивалентный, разноскоростной и анизотропный характер, сопряженный с нарастанием многообразных деструктивных процессов (деградация этоса; прогрессирующее разрушение биосферы; размывание основ демократии и ее перерождение; «уплотнение» и «перегрев» геополитического про-

странства; усиление этнополитического сепаратизма; превращение «свободных» СМИ в инструмент глобальной пропаганды, средство электронного зомбирования и манипулирования общественным сознанием; распространение массовых фобий и психозов; милитаризация национальных бюджетов и нагнетание военный истерии; дегуманизация международных отношений; лавинообразное обострение проблемы неравенства в общепланетарном масштабе; составление «черных списков» и самопроизвольное навешивание ярлыков «изгоев» всем неугодным; умаление роли ООН; «новый тоталитаризм» в наиболее продвинутых странах, увеличение числа «тоталитарных сект»; рост наркомании, алкоголизма и эпидемических заболеваний в молодежной среде; «неоархаизация» общественных отношений; всеобщая унификация и стандартизация; физиологическая мутация человека; манкуртизация сознания; «обезличивание» индивида; штамповка «серятины»; утрата культурно-ценностных ориентиров и подмена их виртуальными суррогатами и паллиативами; неорасизм; цинизм и экстремизм как норма жизни). Все это формирует достаточно «многообещающий» пролог к наступившему XXI веку.

Беспристрастный анализ имеющих место процессов доказывает, что сегодня происходит как бы разрыв Истории и «осевого» времени, атомизация и аннигиляция пространства, «распадается связь времен». Каждое последующее поколение быстро становится «прошлым», морально устаревшим и ненужным: «отработанному материалу» уготована роль «отходов» на всемирной «мусорной помойке». Уже многие годы воспроизводятся безликие миллионы потребителей «массовой культуры». Одним из первых, осознав надвигающуюся опасность, забил в колокол тревоги Альберт Швейцер, который весьма критически охарактеризовал современного человека, «бредущего унылой дорогой в унылое время» [17,с.53]. В глубоко аналитичном фильме-исследовании «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма наглядно и доказательно показано куда может привести такая «дорога» (кстати говоря, вовсе не случайно этот фильм-разоблачение, побуждающий людей думать, уже многие годы старательно упрятан подальше на полки киноархива. – Прим.авт). И никакие Интернеты, глобальные «компьютерные паутины», «мобилы» и супермодерновый «Hi – Tech» положения не спасут. Напротив, они очень даже поспособствуют в порабощении человека и его превращении (посредством, например, той же сверхсовременной генной инженерии и нейролингвистического программирования) в стильно одетую «куклу» (а по существу, в марионетку, но на суперсовременной пластиково-компьютерной основе).

Важно подчеркнуть, что этот процесс «одичания человека» (а в истории человечества известны целые эпохи «откатов» и «вандализации») начался не вчера. Так, еще в 1946 г. на заседании международного Нюрнбергского трибунала бывший министр вооружения и боеприпасов «третьего рейха» (следует подчеркнуть, что «рейх» для своего времени был наиболее продвинутой «технотронной цивилизацией») Альберт Шпеер, долгое время находившийся в самом эпицентре научно-технических проблем государства, счел необходимым специально остановиться на последствиях тотального «господства техники». Он говорил о диктатуре Гитлера как о первой диктатуре «индустриального государства в эпоху современной техники».«Прежние диктатуры нуждались в квалифицированных сотрудниках для низших организаций, в лицах, которые могли думать и действовать самостоятельно.Авторитарная система в период господства техники может отказаться от них, одни только средства связи позволяют механизировать деятельность низших звеньев управления государством. Как следствие этого возникает новый тип бессловесного исполнителя приказов»[10, с. 299].

В послевоенный период процессы децивилизации развивались нарастающими темпами (в этой связи необходимо следующее замечание: автор, разделяя концептуальный подход таких ученых как Н.Данилевский, А.Тойнби, О.Шпенглер, С.Хантингтон, П.Сорокин относительно существования «множественности» различных современных цивилизаций [от 5 до 10], полагает вместе с тем возможным использовать и плодотворные идеи научной школы «русского космизма», т.е. в общепланетарном масштабе применять термин «Цивилизация», подразумевая человечество Земли как общее целое). Причем, как это ни парадоксально выглядит на первый взгляд, это происходило и продолжается параллельно с развитием «модернизации» и «научно-технической революции». Однако, в отличие от прежнего техноцентризма, делавшего упор на бессловесных «винтиков-исполнителей», пришедший ему на смену новый экономикоцентризм базируется на основе тотальной распущенности, аморализме, либертаризме и необязательности исполнения своего общественного долга, публично выдаваемых за «полное раскрепощение человека».По сути же, на магистральном пути развития «технологического прогресса» и под сурдинку о «демократиях» и «гуманизмах» индивид постепенно лишался многих своих естественных свобод, становясь во все большей степени объектом социальной инженерии, управляемых социальных экпериментов, абсолютного и всепроникающего контроля Системы.Процессы массовой деиндивидуализации и обезличивания ведут к глубинным (не всегда внешне заметным) биосоциотехногенным трансформациям, результатом которых является выведение новой «породы» двуногих. Ее основные харахтеристики и параметры очень точно сформулировал

один из самых глубоких американских мыслителей Э.Монтегю: «С виду они похожи на людей. Они одеваются, как человеческие существа, и говорят, как человеческие существа.У многих из них за плечами школа, а у иных и колледж, и они внимательны к своим женщинам и ласковы со своими детьми. И все же, хотя их и надо причислять к роду человеческому, они по сути античеловечны. Закон и порядок, политическое равенство и справедливость, разум, истина, красота, непреходящие ценности цивилизации – пустые, лишенные смысла слова для этих античеловеческих существ. Они не только не верят в эти ценности, но и считают их злом…».Монтегю нарисовал и собирательный образ «человекоподобного существа»: «Он не умеет пользоваться своим умом, для того чтобы самому критически взвешивать и оценивать факты.Главный для него девиз – «мне так хочется».Он , разумеется, страстный патриот и регулярно по каждому подходящему и даже неподходящему случаю готов размахивать американским флагом». И далее ученый подчеркивает: «Миллионы американцев уже заражены этой болезнью и передают ее вирус своим детям. И тревогу вызывает не только то, что вред причинен столь многим американцам, но и другое обстоятельство: поскольку Америка имеет огромное влияние на мировой арене, она способна испортить жизнь миллионам людей на нашей планете»[22,с.34,70].Почти полвека минуло с момента написания этих строк. И с высоты прошедшего видно, как точен был научный анализ Эшли Монтегю и сколь провидческим оказался его прогноз.

По мнению американского ученого М.Марти, тотальный культ насилия, имперский шовинизм и глобальный мессианизм получили в США квазидеологическое оформление в виде своего рода гражданской религии: «Бог здесь является богом брани, чья сила на нашей стороне, благословляет наши пушки против любого врага, даже если этот враг занимается делами, не имеющими к нам никакого отношения, или даже если он был в прошлом и может стать в будущем нашим другом.В час вражды он рассматривается как подвластный «иноземному дьяволу»[21,с.54]. Децивилизация человека в США, доведенная до своей гипертрофированной формы, и, разрастаясь подобно раковой опухоли, пожирает сегодня глобальное пространство Земли[13].Сила не тождественна здоровью. Несомненно, что Америка в настоящее время могущественнее всех в мире. Но столь же очевидно, что само американское общество глубоко больно изнутри.Последняя Империя внутренне деградирует и все больше атомизируется.Один из значительнейших мастеров современной американской прозы Гор Видал в своей работе «Почему нас ненавидят?»(которую отказывались издавать в США по цензурным соображениям) так оценивает происходящее: «Представительное правительство народа, управляемое народом и для народа, превратилось в поблекшее воспоминание. Только корпоративная Америка имеет представительство в виде конгресса и президентов, которых она оплачивает по условиям сделки, где никто не подотчетен, потому что те, кто купил правительство, купили и средства массовой информации. Теперь, когда преторианская гвардия в Пентагоне подняла бунт, мы вступаем в новую опасную фазу. И хотя мы регулярно клеймим другие государства, называя их странами-изгоями, мы сами превратились в самую большую страну-изгоя. Мы не соблюдаем договоров. Мы пренебрегаем международными судами. По собственному усмотрению мы наносим удары туда, куда пожелаем.Мы отдаем приказы Организации Объединенных Наций, но не платим членских взносов.Мы жалуемся на терроризм, но наша империя стала сегодня самым дерзким террористом.Мы бомбим, вторгаемся, подрываем другие страны. Хотя Мы, Народ Соединенных Штатов, являемся единственным источником законной власти в этой стране, мы больше не представлены в собраниях конгресса. Наш конгресс захватила корпоративная Америка и ее исполнительная власть, имперская военная машина»[3,с.144-135].Научный анализ показывает, что под личиной так называемой «демократии» кроется нечто совсем иное: гибридный урод-мутант, сочетающий в себе хорошо узнаваемые черты «имперско-коричневого» прошлого XX в. и хитроумно камуфлируемый «под демократию» оскал наступившего «звездно-полосатого» века XXI. Не случайно В.В.Путин, анализируя в 2012 г. данный процесс, использовал новый термин – «ракетно-бомбовая демократия».Выражаясь лаконичным и четким языком науки, по-видимому, будет правильным определить такого рода феномен как «демофашизм». Парадоксально, но факт: глубинная онтогенетическая взаимосвязь двух внешне несовместимых «антагонистов» совершенно закономерна. Как очень точно подметил еще в середине прошлого столетия Н.А.Бердяев, «фашизм есть один из предельных результатов демократии…»[2,с.338].

Естественно, что курс на установление глобальной единоличной гегемонии США вызывает ответную реакцию в мире в виде повсеместного усиления антиамериканизма.В этой связи достаточно сложно что-либо возразить бывшему кандидату на пост президента США П.Бьюкенену, с точки зрения которого американцы должны найти в себе «мудрость и мужество, чтобы взглянуть на себя глазами исполнителей терактов и тех, кто стоит за ними, иными словами – глазами представителей иного, в том числе исламского мира». По его мнению, в бесчеловечном акте террора 11 сентября нашла свое отражение ненависть к США как к своего рода «новому Риму», проводящему имперскую политику, навязываю-

щему свои цели, волю, ценности»[15].Вне сомнения, антигуманная, завоевательно-потребительская доктрина «фаустовской культуры» не только не является идеалом «страждущего человечества», но и заводит весь мир в духовный, экологический и нравственный тупик, оборачивается в конечном итоге тоталитаризмом (разумеется, на самой современной сетевой основе). Как отмечал А.Швейцер, «сегодня история человечества решает вопрос о возобладании гуманного или негуманного мировосприятия. И если решение это будет в пользу антигуманности, - человечество погибнет»[18,с.509].

Сегодня совокупный Запад, отрекшийся от «архаичных» идеалов гуманизма, духовности, морали, справедливости, и. вознесший на пьедестал культ силы, гедонизма, эскапизма, чистогана, сексизма, милитаризма, оказался, вследствие разрушения прежней нравственной основы, лишенным иммунитета перед мощным натиском демофашизма. Натиск этот становится все более непреодолимым, поскольку в современных условиях он подкрепляется всей мощью средств массовой информации - СМИ. Как полагает доктор технических наук Л.И.Хромов, воздействие телевидения на человека намного сильнее, чем это принято считать в рамках традиционных интерпретаций («четвертая власть»): «на самом деле TV – это первая власть». «Миром давно уже управляют не государства, а владельцы СМИ, прежде всего телевидения»[6,с.28].Аналогичной точки зрения придерживается и мэтр думающей российской журналистики В.Т.Третьяков, который, анализируя ситуацию, сложившуюся в отечественных СМИ, приходит к выводу, что «…общенациональные телеканалы в России являются политическим ядерным оружием»[14].Он утверждает, что захват и монополизация российских СМИ были осуществлены в середине 90-х гг. прошлого века в результате сговора власти с олигархией и телемафией: «Удар по полноценной свободе печати в России был нанесен именно тогда – не коммунистами, не чекистами, не силовиками, а западными и русскими либералами. Это – исторический факт»[14].Так сформировалась медиакратия в РФ.

Как известно, «микрофон в руках дикаря – орудие пропаганды». И Россия в этом плане не исключение, а лишь новое подтверждение глобального правила. По существу сегодня «мультимедийные структуры» превратились в гигантский антигуманный, бесполо-компрадорствующий клановомонопольный, но очень прибыльный и высокодоходный синдикат по манипулированию мышлением и поведением людей, где задействуется практически весь арсенал самых современных и хитроумных методов и способов психологического воздействия: завуалированная цензура; замалчивание; полуправда-полуложь; фальсификация и подтасовка фактов; загрузка суррогатами и паллиативами информации; тенденциозное сугубо-акцентированное освещение реальных событий; кодирование и зомбирование;откровенная дезинформация; изощренное мифотворчество, призванное заставить респондента поверить в «виртуальную реальность». Подобное использование СМИ, по мнению профессионалов, просто преступно. Так профессор Р. Гудин из Йельского Университета (США) в своей работе «Политика манипулирования» расценивает данный феномен как инструмент духовной власти над людьми. По существу, как он считает, манипулирование есть «хорошо организованный обман людей»[20,с.21].

Аналогичной точки зрения придерживаются и отечественные ученые. Ситуация, сложившаяся в доморощенных СМИ, дает основание группе видных российских ученых под руководством академика Г. В. Осипова сделать жесткий, но доказательный вывод о том, что «все более обнаруживается «деспотизм меньшинства» в форме господства общественного мнения, навязываемого электронными средствами информации. Средства массовой информации акцентируют внимание своих читателей, слушателей на таких низменных чувствах, как зависть, необузданные желания, страсть к наживе, нравственный вандализм. В таких условиях демократия вырождается во власть силы, главным средством решения социальных проблем становятся насильственные методы и криминализация общественных отношений приобретает тотальный характер»[12,с.308-309]. По существу электронные СМИ целенаправленно занимаются перманентным растлением общества, разрушением духовного наследия нашего народа и размыванием его национального архетипа, «Нельзя допустить, - отмечал академик Е. М. Примаков на встрече Президента Российской Федерации В. В. Путина с представителями Торгово-промышленной палаты страны, - чтобы под влиянием вакханалии шоу-бизнеса у подрастающих поколений россиян формировалось нигилистическое отношение к бесценному отечественному культурному наследию»[11].Чуждые природе «homosapiens» мутации, стимулируемые новоявленным «князем тьмы», рвущимся к общепланетарному господству, способны деформировать человека не только духовно, но и физически, и психологически. Такая трансформация, вероятно, будет сопровождаться рядом «метаисторических и богословских подмен, постепенно приводящих ко все большему умалению значения Христа, потом к полному Его развенчанию и наконец к завесе гробового безмолвия, опускаемой надо всем, что связано с Его именем»[1,с.573]. Интернет, глобальная компьютерная паутина, спутниковое телевидение, совершенные PR – технологии манипулирования будут содействовать разнузданию сексуальной стихии (сокрушительная мощь которой до сих пор в полной мере недооценивается, а между тем «базовый инстинкт» - это своего рода «динамит», заложенный в каждого из нас), возраста-

нию жажды крови, жестокости, ненасытных удовольствий и самых низменных страстей. Подтверждением тому являются и аберрации сознания, происходящие у многих внешне нормальных людей. По гипотезе выдающегося отечественного мыслителя Даниила Андреева, в дальнейшем, по мере углубления процесса децивилизации, место Бога – Отца займет Великий Инквизитор, а место Женственности – Великая Блудница. Их оргии – мистерии будут «…передаваться во все уголки земли при помощи технических ухищрений, напоминающих телевидение наших дней, но, конечно, оставивших изобретения XX века далеко за собой. Другие изобретения, которые естественно ожидать от техники XXII или XXIII века, позволят правительству осуществлять совершенный контроль над психикой каждого из жителей земного шара. Чтение мыслей на далеких расстояниях перестанет быть пугающей утопией; оно превратится в будничную научно-техническую реальность»[1,с.575].

Важно отметить, что это пророчество мыслителя, сделанное им еще в лагерной камере более полувека назад, сегодня полностью воплощается на практике. Как утверждает И.В.Бестужев-Лада, грядущие в ближайшие 30-50 лет две новые волны компьютерной революции смоют культурно-цивилизационный пласт, наработанный человечеством в предшествующие тысячелетия, приведут к созданию глобальной контркультуры и перерождению людей в киборгов, подконтрольных командам, подаваемым из единого Центра. Одновременно осуществится неслыханная фальсификация Истории: «За 50 или 70 лет постепенно истребятся все книги и памятники, свидетельствующие о том, что человечество обладало когда-то светлыми культами, высокими философскими учениями, прекрасными искусствами, возвышенными литературами, гениями – всем, что от Бога»[1,с.575].Это предвидение уже сейчас подтверждается, например, анализом директора издательства «Русский дом» М.Ненашева: «Сегодня особенно очевидна опасность регрессивного движения нации от духовности и образованности к невежеству и мракобесию»[9]. По его мнению, все дело «…в той всеобщей, точнее тотальной, навязанности, которая ныне сформировалась в российском обществе усилиями всемогущественных СМИ и прежде всего Центрального телевидения. На профессиональном языке это означает манипулирование общественным сознанием и навязывание людям определенных норм и правил жизни»[9]. Воинствующий антиисторизм сегодня правит бал. Все более острый характер приобретают деонтологические войны, «борьба за прошлое» и «приватизацию будущего». Экстраполируя дальнейшее развитие этих процессов, можно предположить, что демонизация науки, стирание исторической памяти, манкуртизация сознания и раскрепощение самых низменных инстинктов («торжество сексуальной свободы и половой демократии») приведут к глобальной вакханалии разврата, извращений и садомазохизма. Омерзение, вандализм и дикость охватят весь мир. Нельзя исключать и вырождения человечества в античеловечество, стадо двуногих, биомассу.

Подобный сценарий навеян отнюдь не настроениями пессимизма. Ученые, аналитики, эксперты рационально и объективно исследует лишь то, что имеет место в действительности (сколь бы неприглядна или жестока она ни была). По-видимому, большинству «прогрессивной общественности» и поборникам «прав человека» и невдомек, что большая часть того, о чем сказано выше, уже реализована или находится в стадии реализации. История этого процесса восходит к 1943 г., когда на Тихоокеанском испытательном полигоне (WesternTestRange) в США начали проводиться опыты над людьми с применением химических, наркотических и психотропных средств, чтобы добиться контроля над их поведением и психикой. Подобные эксперименты, разумеется, проводились в абсолютно закрытом режиме. В послевоенный период все исследования и мероприятия в данном направлении были объединены в комплексную секретную программу «Синяя птица». За ней последовали проекты «Артишок», «МК-ультра», «МК-дельта», «МК-серч». В середине 50-х гг. американскими учеными – психиатрами Г.Вульфом и Л.Хинклом было создано якобы частное «Общество исследования человеческой экологии», которое спустя полтора десятка лет трансформировалось в так называемую «Ассоциацию психологических оценок» (некий аналог существовашего в Германии 30-х годов «очень интересного» научно-исследовательского общества «Аненербе»). Их «скорбный труд» не пропал даром: уже к началу 70-х гг. был создан целый ряд препаратов для «промывания мозгов», подавления воли человека, стирания памяти, электронного программирования, генетической мутации. Опыты проводились в таких учреждениях, как нью-йоркский госпиталь Маунт-Синай, медицинский факультет Стэнфордского Университета, федеральная тюрьма в штате Атланта, исправительная колония Бордентаун, Институт психиатрии им.Аллена при Макгилском Университете (Монреаль), спеццентр в Форт-Детрике (в общей сложности к осуществлению «программы» на ее первоначальной стадии были причастны 44 Университета и колледжа, 15 фармацевтических компаний, 12 госпиталей и клиник, 3 исправительных учреждения). Интенсивная работа в этом направлении продолжается и в наше время, «вскрывая» все новые и самые глубинные пласты подсознания «человеческой биомассы». Цель далеко идущих планов «экспериментаторов» сформулировал в общем виде руководитель центра психологических исследований Мичиган-

ского Университета Д.Макконел, который определил ее как достижение такого состояния, когда можно будет комбинировать частичную потерю памяти с хитроумной системой поощрения и наказания при помощи наркотиков и гипнотического внушения. Тем самым обеспечивается установление абсолютного контроля не только над поведением, но и над сознанием людей.

Известно, что когда Великий Рим достиг зенита могущества и покорять более в тогдашней Цивилизации было некого, начался его упадок. Не является ли эскалация моральной деградации и перечеркивание всего гуманистического наследия, наработанного человечеством на протяжении столетий, предвестником (как всегда бывало в Истории) грядущего краха вселенского масштаба? Возможности остановить нарастающие деструктивные процессы у сегодняшнего мирового сообщества, как представляется, почти исчерпаны: финал человеческой Цивилизации достаточно быстро приближается. Рост человеконенавистнического потенциала, аморализма и бездуховности лишь убыстряют процесс децивилизации Цивилизации: «Вероятнее всего, людям уже не дано предотвратить глобальный, т.е. общепланетарный, кризис – дело зашло слишком далеко…»[8,с.133]. (Из возможных альтернатив, по мнению автора, следовало бы выделить три основные: 1.Реализация концепции «многополюсного мира» посредством восстановления «глобального равновесия»: контрбалансиром, уравновешивающим США в XXI в., способен стать только КНР; 2.Исчезновение заокеанской Сверхимперии вследствие самораспада и внутренней дезинтеграции (по модели СССР); 3. «Просветление» человечества и его переход в новое эволюционное состояние – ноосферу (по В.И.Вернадскому). Как полагал ученый с мировым именем, академик РАН Н.Моисеев, в результате катастрофы человечество, возможно, сохранит себя как биологический вид: «Но заплатит за это столь грандиозную цену, что его будущее уже вряд ли можно будет назвать человеческим. Впрочем, может быть, именно тогда-то, в возникшем безвременьи, и родится новая нравственность, возникнет новая шкала ценностей, изменится весь характер цивилизации»[8,с.133].

Сегодня мы являемся свидетелями того, как самоубийственное пренебрежение природой и ее законами, установленного Творцом порядка мироздания, жесткая зависимость индивида от все новых «изобретений», «высоких технологий», заманчивых соблазнов «общества потребления» приводят к тому, что человек отрекается от Человека. Он легко и бездумно покупается на многочисленные подделки, фальшивки, развлекаловки, тусовки, «виртуалки», массовое идолопоклонство и т.п. Глобальный аппарат пропаганды и электронные СМИ внушают ему, что это и есть «лучший из миров». Изощренное мифотворчество и правдоподобная ложь действуют подобно усыпляющему наркотику: человекообразные оказываются как бы в плену у мира, устроенного так, чтобы вести их от тщеславия к пресыщению, от пресыщения к скуке. Отсюда имитация культуры, снижение и обеднение ее общественной роли. Качество ценностей оказывается на уровне восприятия их потребителем.Уже сформирован этот самый тип дебильно-примитивного «человекопотребителя». Серость и неразборчивость создают питательную среду для действия принципа «убывающего плодородия» культуры, снижения духовно-нравственной планки человека. Самое же страшное, что это не осознается людьми, поскольку грандиозная мистификация осуществляется под столь привлекательным и «блескучим» лозунгом «технического прогресса». Правда же состоит в том, что мы сегодня имеем под ширмой «прогресса» совершенно тому противоположное: регрессивную метаморфозу эволюции человеческой Цивилизации. В этой связи невольно вспоминаются слова К.Э.Циолковского, который говорил: «…не признаю я и технического прогресса, если он превосходит прогресс нравственный».

Реальность Нового времени доказывает, что никакая красота (или даже «королевы красоты» всего света) не спасет мир. Ибо реально мир может спасти лишь одухотворенный и просвященный Разум, - труд мысли, - качество, которым по идее должен обладать всякий человек. Как говаривал Михайло Ломоносов: «Я не слов ловитель, а ума искатель». Очевиден уже сейчас колоссальный дефицит общепланетарного Разума, а «Антиразум» просто смертелен для Цивилизаци. Так, например, разделение человечества на «мировое гетто» (80% населения Земли) и «клуб избранных» («золотой миллиард», т.е.20%), исходя из формулы «TheWestagainsttheRest», не только усугубляет острейшую проблему глобального неравенства, означает возрождение расизма и апартеида в чистом виде, но и программирует заведомо конфронтационную парадигму развития. Так, известный американский политолог, руководитель разведывательно-аналитической корпорации «STRATFOR» Дж.Фридман, справедливо отмечая, что системные войны, ведущиеся великими державами для переформатирования международного порядка, происходят почти каждый век, прогнозирует: «Практически очевидно, что системные войны будут и в XXI веке»[16, с.314]. Но в условиях глобализации последствия их могут иметь совершенно непредсказуемый и общепланетарный характер. Поэтому автор, акцентируя внимание на лавинообразном характере процесса дестабилизации и турбулентности, и, будучи реалистом «по жизни», разделяет обоснованную тревогу известного польского писателя-философа С.Лема, выраженную им в интервью одной из германских газет: «У этого мира нет в настоящее время ни

умов, ни средств себя спасти. Господствует хаос. Мы находимся на перепутье. Направление в будущее не найдено. Возможно, нынешнее человечество должно исчезнуть, чтобы могло появиться другое»[7]. Самое интересное только начинается. Впереди – сложные времена. Но как учит История: «кто предупрежден – тот вооружен».

The history of mankind is at a critical line, which offers a choice of several possible alternatives for further development. For a breakthrough in the future for needed wisdom to consolidate efforts and political will, lack of which now feels so badly.The beginning of the XXI century shows the growth of multiple risks, challenges and conflict-factors. The process of globalization is associated with ambivalent and highly ambiguous consequences. A very destructive role do the media today, whose work often contributes to the degradation of morals, public misinformation and undermine the sovereignty of independent states. The deformation and degeneration of democracy, the design of which is often used to cover direct aggression and dictatorship. The historical destiny of mankind in the increasingly complex perspective of the XXI century seem to be very anxious and uncertain.
The key words: *human civilization, development prospects, the future, the historic milestone, the media, chaos, destabilization, antihistoricism, intelligence, system wars.*

Список литературы:

1.Андреев Д. Роза мира. М.:Мир Урании, 2001. 725 с.
2.Бердяев Н,А. Философия свободного духа. М.: Прогресс-Академия, 1994. 344 с.
3. Видал Г. Почему нас ненавидят? Пер. с англ. М.:Изд-во АСТ, 2003. 127 с.
4.Дери М. Скороть убегания. Киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ Москва, 2008. 478 с.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т.26. 725 с.
6.Информационный империализм//Российская Федерация сегодня. 2003. №14.
7.Лем С. Политики не способны бороться с хаосом//Труд, 12.08.1993.
8.Моисеев Н.Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века//Общественные науки и современность.1994.№6.
9.Ненашев М. От буквы – до духа//Российская газета, 16.10.2004.
10..Нюрнбергский процесс.М.:Воениздат, 1961.Т.7.935 с.
11.Примаков Е.М. Власть и бизнес: ответственность друг перед другом//Российская газета, 26.12.2003.
12.Реформирование России: мифы и реальность. Под ред. Г.В.Осипова.М.: Прогресс-Академия, 1994. 583 с.
13.См.: Паршев А.Почему Америка наступает. М.:ООО Изд-во АСТ: Изд-во Астрель, 2002.370 с.
14.Третьяков В.Свободны ли СМИ России?//Российская газета, 19.11.2003.
15.Цит. по: Дунаев В. За что нас ненавидят? Таким вопросом задаются сегодня в Америке//Независимая газета, 11.10.2001.
16.Фридман Дж. Следующие 10 лет. Пер. с англ. М.:Эксмо, 2011.316 с.
17. Швейцер А. Культура и этика. М.:Прогресс, 1973. 244 с.
18.Швейцер А.Благоговение перед жизнью. М.:Прогресс, 1992. 738 с.
19. Яковлева Е. Русские плюс-минус// Российская газета, 7.04.2004.
20.Goodin R.Manipulatory politics.N.Y., 1982. 187 p.
21.Marty M.Pro and Contra Book of Religious America.Waco, Texas, 1975. 154 p.
22.Montegu A. The American Way of Life. N.Y., 1967. 262 p.

Об авторе

Востриков С.В. – доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета.

УДК 930.2.003

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОМЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

С.В.Востриков

В условиях интенсификации трансграничных взаимодействий особую значимость приобретают «фоновые факторы». В контексте глобализации важно учитывать исторические и культурно-цивилизационные особенности как Запада, так и Востока. Недооценка лингвокультурного и этнопсихологического факторов способны привести к серьезным ошибкам и провалам в политике.

Ключевые слова:*Межкультурные коммуникации, исторические, лингвострановедческие, этноконфессиональные, психоментальные факторы, всемирная история.*

Изучение историко-лингвострановедческих и этносоциальных слагаемых международных коммуникаций через призму взаимодействия культур подразумевает использование комплексного подхода, включающего (наряду с собственно языковым фактором) целый ряд специальных научных методик и технологий, в т.ч. семиотики, исторической географии, диалектологии, ареальной лингвистики, изоглосс, лингвокультурологии, этнопсихологии, компаративистики, лимологии, проблематики перевода языковых единиц с национально-культурной семантикой, которые пока еще недостаточно глубоко проработаны.

Рассматривая перевод как акт двуязычной коммуникации необходимо учитывать различия истории и культур её участников. В то же время, контактирующие в переводе языки сами являются носителями национальных культур, нашедших отражение в их лексико-семантических системах и значениях отдельных единиц. Тем самым, перевод выступает как акт межкультурной коммуникации, когда осуществляется языковой контакт представителей разных культур, этносов и языков с целью передачи содержания, выраженного средствами одного языка, при помощи средств другого языка, с учетом не только сопоставляемых языков, но и культур, исторических традиций, архетипов и психоменталитетов, выраженных в этих языках. Очевидно, что если речь идет о западной культуре вообще, то здесь вопрос более или менее ясен: имеется в виду, как правило, культурная традиция, восходящая в своих истоках к греко-латинскому миру. На Востоке же такой единой культурной традиции попросту нет.

В силу этого представляется наиболее продуктивным не абстрактно-теоретическое сопоставление двух типов культур «вообще», а конкретно-предметное исследование разных типов культур, взятых в их исторической целостности. И здесь можно обнаружить чрезвычайно много интересного и познавательного. Так уже в древних эпосах различных народов мы находим специфические генетико-контактные связи и определенные типологические параллели, о чем свидетельствует сравнительное изучение «Гильгамеша», «Махабхараты», «Рамаяны», «Илиады», «Одиссеи». Позднее, на рубежах культурных зон средневековья различных лингвострановедческих ареалов сформировался целый ряд трансграничных литературных направлений. Наиболее важным и самобытным из них, как представляется, была андалусская школа – синкретическая амальгама арабских (мавританских), испанских, византийских, переднеазиатских, западноевропейских, ближневосточных и индийских элементов.

На их становление и развитие особое влияние, по экспертным оценкам, оказал санскритский сборник рассказов «Панчатантра» (III – V вв. до н.э.). В VI в. эта книга была переведена на среднеперсидский (пехлевийский) язык, в VIII в. переведена на арабский под названием «Калила и Димна», в XI в.- на греческий, в XIII в. – на латынь, с которой была уже переведена на многие европейские языки.К настоящему времени существует более 200 различных переводов на 70 языках мира. Академик С.Ф.Ольденбург заметил, что «Панчатантре» «было суждено после Библии стать одною из самых распространеных в мире книг» [4, с.41].

Как известно, формирование многих национальных культур Запада происходило в период позднего Средневековья и в эпоху Ренессанса.Однако само становление европейского Ренессанса было бы невозможным без мощного влияния Византии, без арабских посредников между Востоком и Западом и их последователей в Персии, Индии, Центральной Азии. Уже в XVII – XVIII вв. в Англии имели представление о персидской поэзии по переводам из Фирдоуси, Хафиза, Саади, Хайяма, Руми, Джами.Но английские переводчики не владели персидским языком и пользовались подстрочными переводами, зачастую далеко несовершенными, выполненными либо англоязычными индийцами, либо арабами. Так, например, Гертруда Белл, - выпускница Оксфорда, работавшая на дипломатической службе в Иране, - при переводе газелей Хафиза опускала целые мисра и даже бейты, игравшие важную роль не только в архитектонике стиха, но и в конструкции всей идеи. При этом её переводы Хафиза считаются одними из самых успешных. Причины же серьезных «упущений» в её работах, по мнению специалистов, кроются в том, что Г.Белл не была ни ориенталистом, ни исламоведом, ни психоаналитоком, а потому не прочувствовала всей глубины скрытой «высшей», «божественной» философии Хафиза, которая, в отличие от европоцентристского мировосприятия, имела полифоничную, многомерную структуру [5, с.38].

Очевидно, что переводческая компетенция определяется не только билингвальностью переводчика, но и его бикультурностью, т.е. уровнем владения как историко-культурного наследия народа-носителя языка, на который осуществляется перевод, так и того народа, на языке которого создан переводимый текст. Исходный текст для переводчика выступает не только как языковая сущность, но и в не меньшей степени как часть культуры.Таким образом, проблемы перевода не только билингвистичны, они еще и «бикультурны». Недооценка историко-лингвокультурного и этнопсихологическо-

го факторов, незнание местных традиций и специфики способны привести к досадным казусам или грубым просчетам в политике.Так британский резидент Г.Слиман в индийском княжестве Авадх (XVIII в.) пребывал в наивном заблуждении, что представители англосаксонской расы пользуются в регионе любовью и уважением. Он писал: «В самой глухой деревушке и на самой шумной улице столицы европейский джентльмен может быть уверен, что к нему отнесутся с самым почтительным уважением. И самый скромный европеец наверняка получит помощь и встретит доброе расположение, покуда не потеряет своего права на них из-за дурного поведения» [6, с.89]. Увы, Слиман питал иллюзии относительно искренности авадхцев. Дело в том, что принятый в Авадхе этикет требовал изысканнейшей, вплоть до подобострастия, вежливости к гостям, в ранг которых долгое время попадали европейцы. То, что Слиман принимал за чистосердечное расположение, было лишь следованием авадхской «церемонности» - такаллуф, в соответствии с которой неоказание помощи или гостеприимства старшему по возрасту, званию или чужестранцу расценивалось как ущерб репутации.

Олдосу Хаксли на основе богатого личного опыта (еще в 20-е гг. XXв. он предпринял большое путешествие по Индии, в ходе которого встречался с М.Ганди и М.Неру; в 1961 г. он побывал в Дели, где участвовал в торжествах, посвященных 100-летию Рабиндраната Тагора) удалось создать талантливый роман «Остров» («Island»), который, несмотря на свою утопическую направленность, выражает многие стороны современных индийских реалий, открывает духовную культуру и философию Индии. Американский писатель Гарри Снайдер в своей работе «Настоящее дело» («TheRealWork») задается вопросом: «Что же мы собираемся делать с нашей планетой? Это проблема любви, но не любви к человеку западного образца, а любви, которая распространяется на животных, на скалы, на любую грязь. Без этой любви мы даже без войны можем оказаться на непригодном для жизни месте» [7, с.4]. Выходу на подобный уровень осмысления глобальных проблем современности во многом способствовало то обстоятельство, что Г.Снайдер прекрасно знает предмет о котором пишет: он неоднократно посещал различные провинции Индии и Таиланда, в оригинале читает китайскую и японскую литературу; в общей сложности десять лет прожил в буддийских монастырях Японии, медитируя по несколько часов в день, в свое время даже принял обет монаха. В этой связи, по-видимому, будет уместным указать и на находящийся поблизости один из самых сложных в этнолингвистическом отношении регионов мира, каковым является Океания, население которой говорит более чем на 800 языках, « …причем многие из них совершенно неродственны между собой» [1, с.70].

Анализируя ошибки, встречающиеся даже у профессиональных дипломатов и мастеров перевода, можно сделать вывод, что наряду со знанием языка одним из важнейших условий предупреждения таких ошибок является знание действительности, о которой идет речь в переводном тексте, т.е. необходимы «фоновые знания», которыми располагает носитель языка. Иначе говоря, в межкультурной коммуникации понимание определяется не только языковой, но и исторической, лингвокультурной, психоментальной и этноконфессиональной компетенцией акторов. В процессе коммуникации не менее значим скрытый внеязыковой – психоисторический и этнокультурный - подтекст социолингвистической конструкции. Определенные сложности практически всегда возникают при работе с носителями «лимитрофных культур», представляющими те историко-географические регионы и субрегионы, которые неоднократно меняли свою государственную принадлежность (Лотарингия, Трансильвания, Галиция, Далмация, Силезия, Гагаузия, Каталония, Тироль, Кашмир, Валлония, Карабах, Сардиния, Косово, Аджария, Закарпатье, Ольстер, Пуэрто-Рико, Курдистан). «Наследие прошлого» неизбежно отражается (прямо или косвенно) на настоящем. Учет этоса и родной культуры адресата крайне важен и при работе с представителями как крупных национальных общностей (например, шотландцами, бенгальцами, баварцами, сикхами, фламандцами, курдами, боснийцами, ирландцами, пуштунами), так и малочисленных субэтносов (баски, кашубы, латгальцы, друзы, саамы, осетины, берберы, лемки, абхазы, белуджи, фризы, тамилы).

Сегодня, в условиях глобализации и динамично меняющегося мира, когда одновременно актуализируются как проблемы модернизации, так и самоидентификации, важно определиться с выработкой сбалансированной и гибкой этносоциальной и языковой политики. Игнорирование историко-лингвистических и культурных аспектов жизнедеятельности не только деструктивно само по себе [3], но и способно, как доказывает практика, вызвать обострение конфликтогенных факторов[2], привести к дезинтеграции, разделению и взрыву этнополитических конфронтаций.

The intensification of cross-border interactions of particular importance attaches to the "background factors". In the context of globalization, it is important to take into account the historic, cultural and civilizational identity of both the West and East. Underestimating linguacultural and ethnopsychological factors can lead to serious errors and failures in policy.
The keywords:*Cross-cultural communication, historic, linguacountry, ethnic and religious, psychomental factors, world history.*

Список литературы:

1. Бромлей Ю.В., Пучков П.И. Типология этнических процессов//Отв.ред.Б.Б.Пиотровский. Всемирная история и Восток: Сб.статей.М.: Наука, 1989. 274 с.

2.Гуревич П.С. Кризис ценностных ориентаций//Вестник аналитики.2006.№3.С.83-90.

3.Райгородский Д.Я. Писхология народов и масс. Самара: БАХРАХ-М, 2006. 524 с.

4.Цит.по: История всемирной литературы.Т.2.М.,1984.753 с.

5.Farzaad M. Hafez and his poems.L., 1953. 126 p.

6. Sleeman in Oudh.An Abridgement of W.H. Sleeman`s «A Journey through the Kingdom of Oudh».Cambridge,1971. 287 p.

7.Snyder G. The Real Work.N.Y.1980. 342 p.

Обавторе

Востриков С.В. – доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета

УДК 947 (314+316.422)

РОССИЙСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ В XX ВЕКЕ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

О.В. Горбачев

В статье рассматриваются некоторые итоги и перспективы изучения урбанизации в России в XX столетии представителями различных отраслей знания. Ставится вопрос о возможности трансдисциплинарных исследований города, позволяющих решать проблемы более высокого уровня. Констатируется, что в ходе изучения российской урбанизации серьезной эвристической ценностью обладает модернизационный подход. Характеризуются основные направления изучения российской урбанизации, получившие распространение среди социологов, демографов, географов, историков. Делается вывод о пока еще существующей разобщенности исследователей города, несмотря на очевидные возможности для трансдисциплинарного сближения.

Ключевые слова: *урбанизация в России, расселение, междисциплинарные исследования, историография, теория модернизации.*

Интерпретация российской урбанизации в XX в. как предмета междисциплинарного изучения стала сегодня вполне привычной. Этот процесс интересует представителей разных отраслей знания, в первую очередь географов, демографов, социологов, историков. Предметом интереса являются необходимость и характер урбанизации, ее специфические особенности, последствия и перспективы. По причине огромного разнообразия процессов, которые можно наблюдать в современном городе, исследователь урбанизации вынужден использовать информацию, предоставляемую различными науками. В перспективе в изучении города вполне возможен переход от междисциплинарного (или интердисциплинарного) знания к полидисциплинарному / мультидисциплинарному. Если под «междисциплинарностью» понимается главным образом заимствование теорий и методов других наук для решения внутридисциплинарных проблем, то на этапе полидисциплинарности речь идет о согласованных действиях представителей разных наук, направленных на решение одной проблемы. Конечной целью научной интеграции видится переход к трансдисциплинарности, при котором сама проблема исследования не может быть сформулирована и решена в рамках любой из сотрудничающих дисциплин [1, с. 28–29].

Среди сегодняшних специалистов по городскому развитию (на Западе, а в последнее время и в России) имеется немало приверженцев постмодернистского подхода [2]. В связи с этим возникают определенные трудности, вытекающие из специфичности постмодернистского знания и сложности сопоставления полученных результатов. В то же время следует отдавать себе отчет в том, что российская урбанизация может быть вполне адекватно оценена в контексте модерности с использованием моделей, основанных на принципах историцизма, малопопулярных у постмодернистов. Это вытекает, в частности, из незавершенности процесса урбанизации в России к началу XXI в.

Результатом заочной дискуссии представителей разных отраслей знания стало признание объективной обусловленности процесса урбанизации, его крайней интенсивности в российских условиях и, как результат, серьезных деформаций, наблюдаемых в системе расселения и облике российских городов [3]. Многие авторы при этом небезосновательно полагают, что урбанизация стала одним из главных проявлений российской модернизации. Среди основных аспектов урбанизации принято выделять поселенческий, демографический, экономический и социальный. При этом поселенческая составляющая вполне убедительно описывается схемой эволюции расселения Дж. Джиббса [4, с. 35], в основе демографической составляющей лежат категории «демографический переход» и «демографическая революция»; экономическая предполагает анализ соответствующих структурных трансформаций; социальная

рассматривает изменение образа жизни людей и формирование иного типа личности [5]. Поскольку все перечисленные изменения описываются теорией модернизации, нет ничего удивительного в том, что анализ урбанизации в рамках одного из направлений при выборе макрообъяснительного подхода чаще всего делает исследователя адептом модернизационной теории. Немаловажно, что рассматриваемые процессы роднит между собой эволюционный характер развития, универсальность проявления и возможность верификации с помощью различных исследовательских методик.

Сложившаяся общность оценок в оценке российской урбанизации не избавляет, однако, от необходимости ее дальнейшего изучения. Дело в том, что урбанизация все еще далека от завершения, а деформации в ее ходе, относящиеся преимущественно к советскому периоду, по-прежнему активно влияют на жизнь страны.

Популярная в 1960–1970-е гг. в зарубежной науке дезурбанистическая концепция (гибель города и «сельское возрождение» как итог нынешнего этапа развития) [4, с. 29] практически не отразилась на состоянии отечественных разработок. Урбанизация в России воспринимается как безальтернативный процесс. В этом едины как советские, так и постсоветские исследователи, что неудивительно с учетом огромных российских пространств и слабости коммуникаций.

Между разными поколениями специалистов наметилось совпадение еще по одному пункту: в подчеркивании особого характера урбанизации в СССР–России, правда, с противоположных позиций. Если в советские годы говорилось об особой «социалистической» урбанизации, то после распада СССР с подачи А.С. Ахиезера получила распространение идея «псевдоурбанизации» [6, с. 28]. Речь шла о несоответствии советской модели городского развития закономерностям глобальной урбанизации в силу того, что города в России «не превратились в центры инновационной деятельности либерального типа», существовали «как некоторый необходимый придаток производства, некоторая “тара” для размещения персонала» и что урбанизация «формировалась не столько на основе спонтанного развития товарно-денежных отношений, сколько на основе принудительной перекачки ресурсов государством, на основе натурального хозяйства [6, с. 28]. Проблема качества нашего городского развития, весьма убедительно сформулированная, нашла отклик у целого ряда авторов, включая А.Г.Вишневского, В.Л.Глазычева и других.

Выдвинутая в контексте цивилизационного подхода и вполне органичная для 1990-х гг., идея А.С. Ахиезера сейчас не может не вызывать вопросов. Термин «псевдоурбанизация», звучащий как диагноз, не позволяет оценить динамику и перспективы процесса. Именно поэтому в последнее время он употребляется редко, и больше под влиянием высокого научного авторитета автора [7]. Специфичность и проблемность советской урбанизации и сегодня никто не отрицает, но при этом все больше специалистов склоняются к мысли, что по мере развития модернизационного процесса в России «болезни роста» постепенно изживаются. Одним из первых это предположил А.С. Сенявский, заявив, что «в 60–80-е гг. накапливались и интегрировались социальные изменения, определившие новое общественное лицо горожанина по сравнению с предшествующими периодами» [8, с. 248]. Г.М. Лаппо и П.М. Полян полагают, что «несмотря на специфические особенности российских городов, резко отличающие их от европейских, урбанизацию в России на высоком уровне обобщения можно считать сходной по основным стадиям с мировой урбанизацией» [9]. В целом разделяющий эту точку зрения А.И. Трейвиш приводит другую мысль тех же авторов: в России «города, как подростки-акселераты, росли, не успевая созревать» [10, с. 281]. Тем не менее, подростки в конце концов взрослеют, а молодые города со временем обрастают необходимыми функциями.

В урбанистических исследованиях постсоветского периода обычно отмечается, что особый характер российской урбанизации в XX в. имел причиной гипертрофированное развитие промышленности. В этом перекосе усматриваются неверно взятые политические и идеологические ориентиры. Однако географы обращают внимание еще и на расселенческие особенности огромной страны, в которой города возникали прежде всего как опорные центры освоения прилегающей территории с изначально заданным ограниченным набором функций. Их «недоразвитие» было предопределено и монофункциональностью, и очаговой концентрацией рабочей силы [9]. Признавая убедительность этой аргументации, необходимо также заметить, что полувоенный «острожный» тип освоения, характерный для XVII–XVIII вв., примерно со второй половины XIX в. сменился чисто экономическим (или «внутренним»), направленным в первую очередь не на расширение границ, а на освоение природных ресурсов. Этот тип был преобладающим и в течение следующего, XX столетия. Недостаток государственных ресурсов замедлял рост новых городов, консервировал однобокий характер их развития. Таким образом, в советские годы получила продолжение обычная для досоветской России практика городского развития, а в вину Советской власти можно поставить лишь то, что большинство советских лидеров, убаюканное впечатляющими цифрами роста рядов рабочего класса, не видело проблемы в одностороннем характере развития новых городов.

От советского к постсоветскому периоду менялось восприятие приоритетов урбанизации и степени государственного влияния на этот процесс. В советское время за государством признавалась

исключительная роль в деле формирования сети и облика новых городских центров. Это выразилось в последовательном появлении в 1960–1980-е гг. нескольких концепций расселения, главными из которых были теория групповых систем населенных мест (ГСНМ) (В.Г. Давидович, Ф.М. Листенгурт, А.М. Лола), концепция единой системы расселения (ЕСР) (Б.С.Хорев) и теория опорного каркаса расселения (ОКР) (Г.М. Лаппо, П.М. Полян, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш). Для ранних концепций было характерно не только признание ведущей роли государственной политики в городском развитии, но и подчеркивание определяющей роли производственного фактора. В более поздних теориях ввиду очевидных трудностей с закреплением населения в районах нового освоения производственная составляющая уже не акцентировалась. Постепенно приходило и осознание невозможности сплошного освоения российской территории с помощью имевшихся в наличии ресурсов. В теоретическом плане это нашло отражение в появлении концепции опорного каркаса расселения.

Начиная с 1990-х гг., когда перестали появляться новые города и, более того, началась деградация уже имеющихся, географическая урбанистика претерпела дальнейшую эволюцию. Постепенное развитие рыночной экономики и ограничение государственного вмешательства способствовало утверждению концепции саморазвития городских систем, в том числе с использованием понятийного аппарата синергетики [11; 12]. При этом нашлось место и более сбалансированному традиционному взгляду, в соответствии с которым в процессе агломерирования (т.е. уже на достаточно высокой стадии городского развития) взаимодействуют два начала – территориальное и отраслевое (иными словами, самоорганизация дополняется внешним воздействием) [13].

Характерно, что в основе новых построений лежит теория «центральных мест» В. Кристаллера, на базе которых в свое время были созданы концепции ЕСР и ОКР. Это обстоятельство, а также то, что некоторыми авторами в последние годы упоминается модифицированная концепция ГСНМ как возможный ориентир для оценки характера развития системы расселения [13], говорит как об относительности различий между географическими концепциями, так и о солидности накопленного в советские годы теоретического багажа.

С осознанием исключительного влияния человеческого фактора на городское развитие круг урбанистических исследований постепенно расширялся, прежде всего за счет социологических и демографических работ. Их отличительной чертой стала оценка качества урбанизации с точки зрения доступности социальных благ, возможности повышения качества жизни. Именно эти критерии выдвигает, например, Ж.А. Зайончковская, говоря об урбанизации как несомненно прогрессивном процессе [5]. Приоритеты социального развития анализирует А.Г. Вишневский [14]. Социокультурный контекст российской модернизации и урбанизации изучает О.Л. Лейбович [15, с. 88–102]. С наиболее же радикальных позиций выступает Ю.Л. Пивоваров. Он считает, что «глухота» географов к идеям о первостепенной роли человека в процессе урбанизации сыграла свою роль в кризисе российского города и выдвигает «антропокультурную парадигму» российского городского развития [16, с. 112].

Вообще, в спектре сегодняшних оценок состояния российской урбанизации суждения Ю.Л. Пивоварова и Ж.А.Зайончковской выглядят наиболее жестко. Оба исследователя употребляют термин «кризис». В то же время озабоченность перспективами городского развития в той или иной мере демонстрируют все авторы. С одной стороны, требует решения проблема «недоразвитости» многих российских городов (слово «моногород» основательно прописалось в средствах массовой информации), с другой – «демографическая слабость» России (термин Ж.А. Зайончковской), свидетельствующая об исчерпании ресурсов дальнейшего городского роста. Это означает, что у большого количества появившихся в XX в. городских поселений шансы вырасти до многофункционального города невелики, и наиболее уязвимыми здесь оказываются районы, находящиеся в экстремальных климатических условиях. Ситуация хоть и тревожная, но не критическая. Нелишне вспомнить, что основное население создававшихся в советские годы городов – рабочие градообразующего предприятия, при организации которого недостаток передовых технологий компенсировали избытком рабочих рук. При неизбежной интенсификации добычи природных ресурсов, либо их переработки потребность в рабочей силе сокращается и «города-эфемеры» [9] вытесняются вахтовыми поселками, достаточно широко распространенными в странах с суровым климатом.

Более серьезная опасность кроется в запустении староосвоенных районов. Для решения этой проблемы необходимо создание новых городов, способных выступать организующими центрами для прилегающей территории, в том числе с позиций обеспечения деятельности агропредприятий, влияния на инфраструктуру и т.п. Дефицит такого рода поселений (численностью от 100 тыс. чел.) является очень значительным и оценивается в 64 города [10, с. 277].

В последние годы новую жизнь получила критикуемая прежде идея «сверхурбанизации». Примечательно, что в ее пользу высказываются и географы, и сторонники «антропокультурного» подхода. С точки зрения теоретиков пространственного развития, дальнейший рост крупных городов

будет способствовать увеличению территории городских агломераций, развитию транспортных сетей (в контексте теории ОКР), препятствовать существующей ныне инфраструктурной гегемонии Москвы [9]. Кроме того, появится возможность смягчить последствия «редукции страны до городов» (10, с. 254) и включить в зону агломерационного освоения прилегающие к ним обширные районы. С другой стороны, «сжатие и уплотнение освоенного пространства» будет способствовать обеспечению равнодоступности социальных благ, которыми располагает общество, для всего населения [5].

Нерешенной остается проблема людских ресурсов для городского роста. Молчаливо признается, что процесс иммиграции, если он будет развиваться, окажется очень болезненным с разных точек зрения [17, с. 527–532]. В то же время позитивной тенденцией последних лет склонны считать усилившееся тяготение населения к обжитым и комфортным районам. Оно оценивается как запоздавший переход от экстенсивного к интенсивному освоению пространства [5].

Один только перечень упомянутых в статье вопросов, связанных с российской урбанизацией, демонстрирует крайнюю важность темы, ее ключевое значение для понимания ближайших и отдаленных перспектив развития страны. Однако, по выражению А.И. Трейвиша, «поле почти не пахано ввиду отсутствия статистики и заказа сверху» [10, с. 280]. К примеру, проблема тех же «моногородов» осознается властями в узко политическом контексте, как боязнь очередного всплеска социальной напряженности.

С сожалением приходится признать, что сообщество отечественных урбанистов все еще остается раздробленным. Изучение процессов урбанизации в России остается уделом узкого круга исследователей, а имеющиеся направления недостаточно соотносятся с мировыми научными трендами. Можно предположить, что, по мере приобщения России к реалиям постиндустриального общества будет исчезать разобщенность как между отечественными и зарубежными исследователями, так и между представителями разных направлений в урбанистике внутри страны.

The paper discusses some results and prospects of studying urbanization in Russia in the XX century made by the representatives of various branches of knowledge. The question to argue is the possibility of transdisciplinary research, which can help to solve the problems of a higher level. It is noted that modernization theory proved its significant heuristic value in the study of Russian urbanization. The characteristic given to the main directions of Russian urbanization study presented in the works of sociologists, demographers, geographers and historians. It is concluded that dissociation of the researchers still exists, despite the obvious opportunities for transdisciplinary approach.
The key words: *urbanization in Russia, the settlement system, interdisciplinary studies, historiography, the theory of modernization.*

Список литературы

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
2. Трубина Е. Город в теории: Опыты осмысления пространства. М., 2011.
3. Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. №1; Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Т. 1. М., 1995; Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Тт. 1-2. СПб., 1999; Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX в.: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. №1; Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003; Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. М., 2009 и др.
4. Мазур Л.Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: Опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006.
5. Зайончковская Ж.А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию // Демоскоп. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html (Дата обращения: 11.03.2012).
6. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.
7. См. напр.: Карпов А.Р. Урбанизация и советский город (60-80-е гг.) // Запад–Россия–Кавказ: Межвуз. научно-теор. альманах. Вып. 2. М.,Ставрополь, 2003.
8. Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е гг. М., 1995.
9. Лаппо Г.М., Полян П.М. Результаты урбанизации в России к концу XX века // Русский Архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru/ agenda/ povestka/ evolution/ prostranstvo_goroda/results_urbanizatsii(Датаобращения: 11.03.2012).
10. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. М., 2009.
11. Шупер В.А. Синергетический подход к российской урбанизации // Синергетика. Сайт С.П.

Курдюмова. URL: http://spkurdyumov.narod.ru /ShuperSlava.htm (Дата обращения: 11.03.2012);

12. Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997.

13. Лаппо Г. Городские агломерации СССР–России: особенности динамики в XX в. // Русское экспертное обозрение URL: http: // www.rusrev.org /content /review/ default.asp?shmode =8&ida= 1924&ids= 154 (Дата обращения: 11.03.2012).

14. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

15. Социокультурный контекст отечественных модернизаций. В кн.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000.

16. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX в.: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. №1.

17. Демографическая модернизация России. 1900–2000. Под ред. А.Г.Вишневского. М., 2006.

Об авторе

Горбачев О. В.- доктор исторических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета, og_06@mail.ru

УДК 947.083.76

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ О СУЩНОСТИ ГЕРМАНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Л.О. Горбачева

Статья посвящена анализу российской национально-либеральной публицистики периода Первой мировой войны с целью определить, в чем видели истоки и как трактовали внутреннюю сущность германского милитаризма виднейшие российские философы-публицисты. Ключевая задача заключается в попытке установить, какую связь они усматривали между германским милитаризмом, достигшим высшей стадии своего развития в начале XX в. и породившим Первую мировую войну, и всей предшествующей германской культурой, одним из наиболее ярких проявлений которой они считали философию Канта. Несмотря на умеренность позиции отдельных публицистов, их голос не мог заглушить общий антигерманский пафос, характерный для национально-либеральной публицистики рассматриваемого периода, что оказало определенное влияние на формирование образа врага в лице немцев в российском массовом сознании в годы Первой мировой войны. Статья написана, прежде всего, по материалам журнала «Русская мысль», ставшего в тот период центром философско-публицистической дискуссии о войне, патриотизме, «германизме» и «славянстве», германском милитаризме.

Ключевые слова: *Первая мировая война, национально-либеральная публицистика, германизм, германский милитаризм, германская культура, национализм, феноменализм Канта.*

В советской историографии изучение менталитета находилось под негласным запретом, и потому проблемы этнических представлений и стереотипов не привлекали внимания исследователей. Но в последние два десятилетия интерес к данной проблематике заметно усилился. Период Первой мировой войны предоставляет весьма богатый материал для реконструкции образа «чужого» и особенностей и механизмов его формирования, в данном случае речь идет об образе врага в лице немцев в российском массовом сознании. Национально-либеральную публицистику периода Первой мировой войны вполне можно расценивать как один из каналов пропаганды, и следовательно, один из механизмов формирования образа врага, поскольку она характеризуется отходом на второй план аналитической функции и ангажированностью в поддержку военных действий правительства с целью их идеологического оправдания и обоснования.

Главной целью написания данной статьи является попытка установить, какую связь усматривали российские философы-публицисты между германским милитаризмом, породившим, по их мнению, Первую мировую войну, и всей предшествующей германской культурой. Непосредственно данная тема в исторической науке не получила должного освещения, но обращение к определенным ее аспектам можно найти в статье Н.Плотникова и М.Колерова «"Победить в себе внутреннего немца". Русская национально-либеральная философия войны», вошедшей в первый том трехтомного совместного проекта российских и немецких ученых «Россия и Германия в XX веке» [1]. Тему, связанную с образом Германии в российской национально-либеральной публицистике в годы Первой мировой войны, затрагивает С.В.Оболенская в монографии «Германия и немцы глазами русских (XIX век)», одна из глав которой выходит за пределы заявленных хронологических рамок и посвящена особенностями восприятия Германии и немцев российским обществом в период Первой мировой войны [2]. На определенные характерные черты и особенности германизма обращает внимание О.В. Рябов в статье «Поляки и русские в идентификационных стратеги-

ях российской пропаганды Первой мировой войны» [3]. Поскольку настоящая статья написана в основном по материалам журнала «Русская мысль», определенный интерес для нас представляет монография А.А Гапоненкова «Журнал "Русская мысль" 1907-1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст» [4]. Рассматриваемая проблематика нашла также некоторое отражение в статье А.А.Скворцова «Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в.», диссертациях Д.Е.Цыкалова «Проблема "Россия и Запад" в отечественной публицистике периода Первой мировой войны: июль 1914 – февраль 1917 г.» и А.В. Милованова «Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей (1914 – февраль 1917 г.)» [5; 6; 7].

Центром философско-публицистической дискуссии о войне и патриотизме стал издававшийся в Москве и Петербурге литературно-философский журнал «Русская мысль», одним из издателей которого после смерти в конце 1906 г. бессменного фактического редактора В.А.Гольцева стал экономист, философ и либеральный критик П.Б.Струве [4, с.19] . Смена руководства журнала в конце 1906 г. ознаменовала решительный перелом в его направленности, которая прежде отличалась эклектизмом. Струве считал приоритетным отдел публицистики, привлекая известных литераторов, философов и политиков для работы в издании. С приходом новых авторов журнал приобрел статус интеллектуального лидера русской либеральной журналистики, став органом религиозной общественности и либеральной оппозиции, в философском отношении ориентируясь на идеализм и богоискательство.

В номере «Русской мысли», вышедшем сразу после начала Первой мировой войны, было заявлено, в частности: «Мы будем стремиться в содержании журнала отражать преимущественно то, что поглощает теперь помыслы и внимание всех – великую европейскую войну, давая материал, с разных сторон освещающий переживаемый человечеством кризис» [8, с.1]. С началом войны «Русская мысль» продолжала вести свою редакционную политику в прежнем русле, одновременно заняв позицию полной поддержки действий русских войск. Помимо задачи поиска смысла войны, обязательной для интеллектуалов, в центре дискурса стояла проблема наличия или отсутствия родства между германским милитаризмом и немецкой культурой. Этот вопрос стал одним из важнейших составляющих элементов дискуссии об определении места России по отношению к западной цивилизации и нашел отражение в статьях и выступлениях ряда видных философов и публицистов, являвшихся сотрудниками «Русской мысли».

Для начала остановимся на взглядах активно сотрудничавшего с «Русской мыслью» В.Ф.Эрна, одного из организаторов Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Проблема антагонизма Востока и Запада занимала видное место в его творчестве, а разразившаяся Первая мировая война придала особую остроту размышлениям Эрна на эту тему. Откликом Эрна на начало войны явились его многочисленные статьи, собранные в сборнике «Меч и крест. Статьи о современных событиях», а также брошюра с выразительным названием «Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия» [9; 10]. Критика русским философом Западной Европы в целом теперь ограничивается в основном критикой духовных и культурных основ Германии. Своей кульминации эта критика достигла в докладе Эрна «От Канта к Круппу», с которым он выступил на публичном заседании Религиозно-философского общества памяти Вл.Соловьева 6 октября 1914 г. С.В.Оболенская обращает внимание на то, что утвердившееся еще во время Франко-прусской войны представление о внезапном превращении Германии поэтов и философов в Германию фабрикантов и солдат нашло отражение уже в красноречивом заглавии этого доклада [2, с.166]. Но следует подчеркнуть, что раньше речь шла о трансформации Германии одухотворенной в Германию милитаристическую, произошедшей в одночасье и неожиданно, тогда как Эрн считает такую трансформацию вполне закономерной, отказываясь рассматривать эти два проявления германского духа как антиподы друг друга. Эрн утверждает, что не следует разводить в разные стороны германскую культуру и германский милитаризм, и указывает на сущностное родство между ними [11, с.309] . По его мнению, глубинное самоопределение немецкой нации находит в орудиях Круппа свое самое крайне и грозное воплощение. Предтечей германского милитаризма Эрн считает Канта, а универсальной движущей силой немецкой истории – его «феноменализм» и пишет о «философичности орудий Круппа». Перенимая распространенную во второй половине XIX в. в самой Германии интерпретацию философии Канта как учения, отрицающего «объективно сущее» и сводящего последнее к «субъективным явлениям», создаваемым деятельностью человеческого рассудка, Эрн приходит к своему центральному тезису, что феноменализм Канта, как и пушки Круппа, служат одной и той же цели: уничтожению Сущего Субъектом, присваивающим себе право на мировое господство [11 , с.311]. Эрн связывает этого субъекта исключительно с «германизмом». Старый и живой Бог немцев «умер» задолго до известного высказывания Ницше. Богоубийство совершилось в глубинах немецкого духа, что впоследствии проявилось в стремлении к насильственному военному захвату всего мира, мировой гегемонии, политическому господству. Теоретическое богоубийство неизбежно приводит к стремлению к владычеству на земле, к торжеству германского духа в мире. Мораль сводится на нет, категорический императив Канта бессилен, поэтому переход к милитаризму вполне закономерен. [11, с.312].

С.Н.Булгаков, хотя и разделял тезис Эрна о феноменализме немецкой культуры, пытался выработать более взвешенную версию некой глобальной философии истории, рассматривающей войну как проявление кризиса всей европейской цивилизации. Но вряд ли его идеи можно считать более умеренными – неслучайно современники относили Булгакова наряду с Эрном, Ивановым и Розановым к наиболее радикальным представителям антигерманизма [12, с.117; 13, с.594]. По мнению Булгакова, европейская культура – законченная форма «мещанства», но именно Германия представляет собой его высшее воплощение [14, с.150]. Причины Булгаков истолковывает в церковно-историческом смысле, находя их в немецком протестантизме. В своей военной публицистике Булгаков изображает Реформацию как «очеловечивание христианства», его упрощение и приведение к уровню чисто человеческих потребностей и вкусов. Протестантизм – религия «человекобожия», в которой проявляется стремление замкнуть человека в его собственном человеческом мире, оторвать его от религиозного, молитвенного и благодатного общения с Божеством [1, с.35].

Изобретенный Булгаковым «дух посредственности» и «мещанства» сам по себе еще не содержит никакого объяснения германского милитаризма. Булгаков пытается связать его с причинами мировой войны, для этого он вынужден прибегнуть к приписыванию «германству» душевной установки «хлыстовства». [15, с.237]. Другая гипотеза Булгакова объясняет «дух германского милитаризма» натиском «внехристианской стихии германского духа», которая осознала себя в германской мифологии, а в творческом самосознаии Р.Вагнера запечатлелась в мифах «Кольца Нибелунгов». Впрочем, эта «германская воинственность» с трудом может быть соединена с тезисом о «филистерском ощущении жизни» [14, с.151]. Пробелы в аргументации заполняются у Булгакова интуицией.

В статье «Русские думы» Булгаков дает еще одну характеристику немецкому духу – по его мнению, он является наиболее полным воплощением футуризма, присущего всей современной европейской культуре, немцы – наиболее яркие представители этого духовного типа[16, с.306]. Первая мировая война, «руками германцев кощунственно посягающая на священные памятники и провозглашающая культ силы», является закономерным порождением этого футуристического духа[16, с.306].

Славянофильский антигерманизм Булгакова вызвал весьма критическую реакцию других философов, сотрудничавших с «Русской мыслью». Интересна в связи с этим позиция Н.А.Бердяева. Он требует различать национальную определенность культуры и ее значимый смысл. В схемах Эрна и Булгакова как раз и присутствует такое отождествление смысла культуры с негативной оценкой ее национальной принадлежности, которое руководствуется умозаключением, что немецкая философия – ложная, потому, что она – немецкая. Бердяев указывает на опасность такого софизма, который может привести к полному упразднению философии [1, с.39].

В статье «Религия германизма» из сборника «Судьба России», составленного из написанных до революции статей о войне и напечатанного в 1918 г., Бердяев устанавливает некий характерный «национальный тип», как это делала современная ему «этническая психология», и идет дальше – прямо говорит о «душе германства» и соответствующей ей «религии». Таким образом, нация мифологизируется в реальную личность, наделенную индивидуально-психологическими атрибутами – волей, мышлением, чувствами [17, с.367].

По Бердяеву, германец отвергает мир как что-то догматически навязанное и критически не проверенное. Он стремится воссоздать новый мир из глубин своего духа, воли и чувств. Но Бердяев считает вряд ли уместным это проявление германского духа обозначать понятием «феноменализм». Это скорее онтологизм, причем волюнтаристической направленности. Стремление немцев дисциплинировать окружающий их хаос, придать ему упорядоченность и организованность и порождает у них непомерные притязания и претензии на господство. Отсюда берет корни органическое культуртрегерство немцев. Это свидетельствует об огромной внутренней энергии, силе духа и воле немцев и в то же время объясняет истоки их воинственности, их милитаристского сознания.

Бердяев по сути эксплуатирует стойкие бытовые стереотипы восприятия Германии. «Сущностной» характеристикой немцев оказывается их «волюнтаризм» и господство «упорядочивающей воли» и в итоге фактически перенимает славянофильскую критику немцев, и от его пафоса истины и справедливости по отношению к противнику не остается и следа [17, с.369].

И.Н. Белобородова отмечает тот факт, что в публицистике периода войны, как и в российской пропаганде в целом, особое распространение получил штамп по отношению к немцам – «люди-машины», «люди-орудия» [18, с.99]. Статьи Бердяева не стали исключением в этом отношении [19, с.422]. Как утверждает Бердяев, нельзя отрицать тот факт, что германская культура на протяжении веков была пронизана присутствием духа. Но в то же время Германия пришла к самым совершенным образцам механизации и машинизации. Сами же немцы превратились в рабов этой германской машины, выброшенной, как подчеркивает Бердяев, из самых недр германского духа. Таким образом, мы снова возвращаемся к тезису о генетической связи германского милитаризма и германской культуры.

С.Л.Франк в рамках философско-политической дискуссии начала войны принадлежит к числу тех

философов, кто стремился подчеркнуто и предельно дистанцироваться от националистической ограниченности антигерманской метафизики. В работе «О поисках смысла войны» С.Л.Франк называет теорию Эрна и Булгакова ложной. Всякое оправдание войны, смысл которого сводится к разделению противоборствующих сторон на носителей абсолютного зла и абсолютного блага, заранее должно быть признано неверным [20, с.407]. Поэтому С. Франка не удовлетворяет «славянофильская концепция войны» С. Булгакова и В. Эрна. Франк критикует идею Эрна о философии Канта как духовного первоисточника того зла, воплощением которого явились орудия Круппа. Содержащаяся здесь малая доля истины, которую все же признает Франк, была искажена Эрном и возведена в ранг обобщенной философской концепции [20, с.438].

Весьма любопытным представляется замечание Франка о том, что Эрн впоследствии несколько скорректировал свою позицию о степени родства германской культуры и германского милитаризма. Франк, в частности, обращает внимание на то, что в публичной лекции, прочитанной в Петрограде 25 ноября 1914 г., Эрн наряду с основным течением «германской идеи» выделил иное направление, указав в качестве его представителей Гете и Новалиса. Этот тезис, по мнению Франка, означает радикальный пересмотр всей концепции Эрна, поскольку допускает, что германская культура не ограничивается только одним идейным течением, и немцы, наряду с представителями других народов, внесли огромный вклад в формирование общечеловеческого духа и его святынь, которые теперь оказались под угрозой. [20, с.410]. Но как мы видим, даже этот пересмотр Эрном своей концепции не оправдывает Канта и его философию, не снимает с нее ярлыка предтечи и провозвестника германского милитаризма, и такое смягчение позиции Эрна, освобождение ее от прежней категоричности, все равно не делает ее близкой Франку.

Основную линию своего понимания Германии Франк резюмировал в одной мемуарной характеристике: «В противоположность ходячим тогда обличениям Германии, я указывал на начало действенности, как на определяющий мотив немецкого духа, и на национальную укорененность кантовской идеи «категорического императива», как чувства долга, преодолевающего человеческую слабость» [21, с.254]. Смысл этого тезиса – в первую очередь, самокритический, возникший под впечатлением неудач русской армии и растущего безразличия русского общества к военному и политическому кризису. Он заключает в себе оценку общего умонастроения интеллигенции и противопоставляет ему солидарное выражение «моральной силы» немцев, их «чувства долга, отваги, хладнокровия перед лицом опасности, твердого упорства в достижении намеченной цели», независимо от содержания последней [21, с.254].

Для публицистики Франка характерно частое употребление понятия «нравственный». Это не следует понимать как признание особой моральной правоты германской позиции в войне. Очевидно, что «нравственность» понимается здесь Франком в формальном смысле «практической убежденности» или «сознания долга», которые характеризуются с точки зрения «силы» и «твердости» мотива, безразлично к его содержательному наполнению [22, с.403].

В конечном счете, его истолкование Германии по структуре мало чем отличается от рассуждений Эрна. Только националистической конструкции, объясняющей все немецкое зло феноменализмом Канта, противопоставляется здесь более взвешенная, признающая и положительные аспекты концепция, основной тезис которой: корнем немецкого национального характера понимается категорический императив Канта.

В философско-публицистической дискуссии о сущности германского милитаризма особое место занимает позиция П.Б.Струве. Анализируя причины войны, Струве выдвигает тезис, что наличие противоречий между государствами перед ее началом не являлось решающим фактором. Дипломатические усилия разных сторон были направлены на предотвращение войны. Война явилась результатом индивидуальных решений отдельных лиц, и, в частности, германского кайзера Вильгельма II при попытках реализации своей политической воли.

В противоположность большинству философских публицистов «Русской мысли», Струве отказывается видеть в событии войны реализацию некой общей схемы «германской души». Более того, при анализе мотивов политических решений он настаивает на том, что политика современной Германии представляет собой полный разрыв с традициями политической и философской мысли от наполеоновских войн до Бисмарка [23, с.6]. Струве отвергает «публицистический трафарет», основанный на убеждении, что «современная Германия есть та самая милитарная и милитаристическая Пруссия, которая объединила германские государства, что Вильгельм II – продолжатель политики Бисмарка, и что в этих традициях ключ к пониманию великой европейской войны 1914 г.». [24, с.172]

По мнению Струве, именно Германия Бисмарка, а не Германия Вильгельма, уходит своими корнями в германскую культуру и философию: «Идеализм германской философии, с ее духовным строем нашел свое воплощение в Германии Бисмарка наряду с реализмом прусской державы с ее военной дисциплиной. Но Германия Вильгельма II – совсем другое порождение. Это Германия буржуазии и буржуазной социал-демократии. Германия рафинированной культуры и откровенного культа богатства и экономической силы» [24, с.170]. Тем самым Струве утверждает, что на рубеже веков в германском обществе господствующее по-

ложение заняли иные, чем прежде, политические силы с их ценностными, идеологическими и психологическими установками, и в конечном счете именно в этом следует искать причины, приведшие к развязыванию Германией Первой мировой войны.

Таким образом, в период Первой мировой войны меняется отношение к Германии, к ее культуре и философии. Издаваемые в этот период книги, статьи в журналах, в газетах, публичные лекции на эту тему имели широкую аудиторию, часто писались на злобу дня, активно влияли на формирование общественного мнения и фактически выполняли функцию пропаганды. Русские философы-публицисты подвергли критике западноевропейскую цивилизацию и немецкую культуру как ее самое явное воплощение. Эта критика опиралась на идеи славянофилов, Ф.Достоевского, Н.Данилевского, Вл.Соловьева. Ответ на вопрос: «в чем смысл войны?» большинство философов видело, как правило, в духовно-культурных причинах, а не политических и социально-экономических. При этом позиции Эрна и Булгакова отличались особым антигерманским пафосом, опиравшимся на утверждение, что германский милитаризм – детище всей германской культуры. Несмотря на то, что Бердяев критикует славянофилов, а вместе с ними Булгакова и Эрна за их субъективизм и тенденциозность, его позиция сводится к тому же основополагающему тезису. Различие между взглядами Н. Бердяева и В. Эрна состоит в том, что Эрн видел источник агрессивности германского духа в критической философии Канта, а Бердяев – в его практической философии, в его волюнтаризме.

Позиции Франка и Струве претендуют на больший объективизм и взвешенность выводов. Но Франк, который стремился дистанцироваться от схем и построений в рамках националистической идеологии и не придавать чрезмерного значения национальному фактору, в вопросе об идейных истоках германского милитаризма в конечном счете приходит к тому же заключению, к которому пришел Бердяев: корень германского милитаризма не в феноменализме Канта, а в его «категорическом императиве». Струве же не усматривает никакой преемственности между «Германией философов и поэтов» или даже Германией Бисмарка и современной ему политикой и общественным мнением в Германии, указывая, прежде всего, на сугубо политические, а не культурно-цивилизационные причины начала Первой мировой войны.

This article deals with analysis of national liberal publicism during World War I and is aimed at defining where the most prominent Russian philosophic publicists saw the origins of German militarism and how they interpreted its inner essence. The key challenge is an attempt to determine the connection they saw between German militarism, that have reached the highest stage of its development in the early 20th century and caused World War I, and the whole previous German culture, that had its most evident manifestations in Kant's philosophy according to their point of view. Despite the fact that positions of some publicists were moderate, their voices could not muffle the general anti-German message characteristic of the national liberal publicism of the period considered, that had a definite influence on the formation of the enemy image in the person of the Germans in the Russian mass consciousness during World War I. This article is primarily based on the materials of the magazine "Russkaja Mysl" ("Russian Thought"), that became the center of philosophical and political debate about war, patriotism, "Germanism" and "Russianism", German militarism at that time.
***The key words**: World War I, the national liberal publicism, Germanism, German militarism, German culture, nationalism, Kant's phenomenalism.*

Список литературы

1. Плотников Н., Колеров М. «Победить в себе внутреннего немца». Русская национально-либеральная философия войны // Россия и Германия в XX веке. Под ред. К.Аймермахера, Г.Бордюгова, А.Фольперт. Т.1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М.: АИРО-XXI, 2010.
2. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000.
3. Рябов О.В. Поляки и русские в идентификационных стратегиях российской пропаганды Первой мировой войны // Dusza polska i rosyjska. Spojrzenie wspolczesne, pod redakcja Andrzeja de Lazari i Romana Backera. Lodz: Ibidem, 2003. S. 191-208.
4. Гапоненков А.А. Журнал «Русская мысль» 1907-1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Издательство Саратовского университета, 2004.
5. Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2001. С.216-229.
6. Цыкалов Д. Е. Проблема «Россия и Запад» в отечественной публицистике периода Первой мировой войны (июль 1914–февраль 1917 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2003.
7. Милованов А.В. Первая мировая война в восприятии российских религиозных мыслителей (1914 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 1999.
8. Русская мысль. 1914. № 8-9.
9. Эрн В.Ф. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915.
10. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915.

11. Эрн В.Ф. От Канта к Круппу // Сочинения. М., 1991.
12. Бердяев Н.А. К спорам о германской философии // Русская мысль. М., 1915, № 1, Отд. 2.
13. Письмо Е.Н.Трубецкой М.К.Морозовой 5 сент. 1914 г. // «Взыскующие града». М., 1997.
14. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание // Труды по социологии и теологии. М.: «Наука», 1999. Т.2.
15. Булгаков С.Н. Человечность против человекобожия. Историческое оправдание англо-русского сближения // Труды по социологии и теологии. М.: «Наука», 1999. Т.2.
16. Булгаков С.Н. Русские думы // Русские философы о войне. Москва-Жуковский: «Кучково поле», 2005.
17. Бердяев Н.А. Религия германизма // Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. Судьба России. М.: ООО «Издательство В.Шевчук», 2000.
18. Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект // Общественные науки и современность. 2000. №2.
19. Бердяев Н.А. Дух и машина // Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. Судьба России. М.: ООО «Издательство В.Шевчук», 2000.
20. Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне. Москва-Жуковский: «Кучково поле», 2005.
21. Франк С.Л. Биография Струве. NewYork, 1956.
22. Франк С.Л. О духовной сущности Германии // Русские философы о войне. Москва-Жуковский: «Кучково поле», 2005.
23. Струве П.Б. Крушение дела Бисмарка // Русская мысль. 1915. № 4. Отд. 3.
24. Струве П.Б. Суд истории (2) // Русская мысль. 1914. № 10 Отд. 2.

Об авторе

Горбачева Л.О. – аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН, lars134@rambler.ru

УДК 943.07

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ В 19ВЕКЕ.

С.И. Денисов

В статье рассматриваются основные этапы становления чрезвычайного законодательства в германских землях в период 19 столетия. Даётся характеристика нормативно- правовых актов. регламентировавших порядок введения и применения данного режима как в отдельных немецких землях,. так и на всей территории Германской империи в целом. Отдельное внимание уделяется вопросам применения армии для поддержания общественного порядка.
Ключевые слова: *Осадное положение, кабинетная юстиция. Прусская хартия, конституция 1871г., исключительный закон против социалистов, малое осадное положение*

Становление чрезвычайного законодательства в Германии происходит уже в первой четверти 19 века. В 1821 г. в кабинетном ордере прусского короля Фридриха Вильгельма III. закреплялась норма в соответствии с которой король оставлял за собой право вмешиваться в расследование уголовного дела, влиять на вынесение приговора. Глава государства оставлял за собой право учреждать собственные органы, которые находились в полной зависимости от него. Подобное осуществление судопроизводства при непосредственном вмешательстве монарха Ф. Меринг и назвал «скверной кабинетной юстицией».[1,с.48] На практике это выразилось в создании судов, создаваемых как для осуждения отдельных лиц, так и группы лиц. Примером тому явилась Берлинская судебная палата, созданная в 1833г. для рассмотрения дела о штурме Франкфуртской гауптвахты группой студентов поляков-эмигрантов, пытавшихся провозгласить Всегерманскую республику и созданная в1835г. «Специальная судебная палата для рассмотрения дел о преступлениях против «конституции и публичного порядка и спокойствия» [1, с.48]

В 30е годы в немецких землях принимаются ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок введения военного положения как особого правового режима,. позволяющего нормализовать чрезвычайную обстановку, выходящую из-под контроля органов государственной власти и ставящую под угрозу жизнь и безопасность жителей.

Случаи и способы использование армейских частей определяются для всех союзных государств , кроме Баварии, прусскими законами 17 августа 1835 г. и 20 марта 1837 г. . Во всех этих зако-

нах содержатся положения в соответствии с которыми войска призываются в особых обстоятельствах, при которых власть полиции бессильна, и исполняют свое дело в качестве абсолюно самостоятельного государственного органа со своим особым кругом полномочий.. Чрезвычайно характерной для Пруссии чертой является определение закона, которое гласит, что военный начальник имеет право сам приступить к усмирению народного волнения, если по искреннему своему убеждению и правильному пониманию долга службы он находит, что гражданская власть слишком медлит принять надлежащая меры .[2,с.74]..Здесь же определяются основания применения оружия, меры предупредительного характера и длительность использования военной силы.

Революционные события привели к отмене кабинетной юстиции.В постановлении «О некоторых основных принципах будущей Прусской: конституции» от 6 апреля 1848 г. отмечается , что расследование и рассмотрение всех дел о государственных преступлениях в будущем должно проводиться обычными судами и установление на основании чрезвычайных законов особой подсудности не допускается. [3]

В ст. 7 Прусской конституции от 5 декабря 1848 г. прямо указывалось на недопустимость существования в будущем чрезвычайных судов и комиссий. Франкфуртское национальное собрание как общегерманский парламент в принятой 28 марта 1849 г. конституции также запретило кабинетную юстицию. «Судебная власть, — устанавливала ст. 175 конституции, — осуществляется независимым судом. Кабинетная и министерская юстиции запрещаются. Никто не может быть изъят из ведения законного судьи. Чрезвычайные суды не допускаются».[4]

В дальнейшем. на уровне основного закона государства вводится ограничение на издание чрезвычайных законов. Конституционная хартия Пруссии 31 января 1850 г. в ст. 63 указывались основания допускающие возможность принятия таких правовых актов: «когда того требуют сохранение общественной безопасности или устранение необычного бедствия и палаты не заседают». Однако эти законы должны не противоречить конституции и быть представлены на одобрение палат в их ближайшую же сессию.[5]

Характерным примером такого законодательства являлся прусский закон от 4 июня 1851 года об осадном (военном) положении (Gesetz uber den Belagerungszusland, v. 4 Juni 1851).[6]

Осадное положение в Германии, согласно с постановлениями закона 1851 г., может быть объявлено, во 1-х, если, в случае войны, какой-либо местности угрожает или если в ней уже произошло вторжение, и во 2-х, в случае восстания, явно угрожающего общественной безопасности. Решение вопроса о наличности условий, требующих или позволяющих произвести объявление осадного положения, принадлежит исключительно императору.

Объявление совершается посредством издания императорского указа, который подписывается имперским канцлером. Указ публикуется в официальном органе и, сверх того, о нем ставятся в известность все те местности, которые объявляются на осадном положении, путем публичного прочтения указа, сопровождаемого барабанным боем и трубными звуками, ирасклейки его в общественных местах и напечатания в газетах(§3.). Длительность введения данного режима в законе чётко не регламентируется.

Объявление военного положения влечет за собой следующие последствия: Вся исполнительная власть в пределах объявленной на военном положении территории переходить в руки военного начальства.(§4) ужесточается вплоть до смертной казни, наказание за ряд тяжких преступлений. В пределах, объявленных на военном положении, областей могут быть учреждены военные суды. Юрисдикции военных судов подлежать все важнейшие преступления, совершаемые после введения этого положения в пределах, объявленных на военном положении, областей . Обжалование приговоров военных судов не допускалось, однако осуждение к смертной казни подлежало утверждению вышестоящим командованием в Германии.

Статьи конституции, гарантирующие личные и политические права жителей, регулирующие употребление вооруженной силы, - с введением осадного положения, могут быть приостановлены распоряжением военных властей. Преступные деяния определенной категории, предусмотренные §§ 8 и 9 закона, могут быть передаваемы на рассмотрение учреждаемых военных судов. [7]

4) При объявлении военного положения могут быть отменены имперские законы о неприкосновенности личности и жилищ, о свободе печати, собраний и союзов и о невмешательстве военной силы в обычную жизнь населения. В указе о введении военного положения должно быть точно указано, какие из этих законов в данном случае отменяются, в случае же отмены их специальным указом, оповещение об этом жителей должно быть исполнено таким же способом, как и извещение о введении военных судов.

Снятие осадного положения в Германии осуществляется на основании императорского указа. Вслед за ним деятельность военных судов прекращается, и подлежащие их ведению дела передаются обыкновенным судам.. Действие данного закона распространялось на всю территорию немецких земель за исключением Баварии, где действовал похожий закон .принятый в мае 1851г.

После завершения объединения Германии в имперской конституции нашли отражение вопросы применения вооруженных сил внутри страны. В конституции Германской империи 16 апреля 1871

г. в статье 66-й все правители союзных государств имеют право употреблять для полицейских целей не только их собственные вооруженные силы, но и все другие войсковые соединения имперской армии, которые дислоцируются в их областях. Право объявления чрезвычайного (военного) положения принадлежит не законодательному собранию, а императору. По статье 68 имперской конституции, император может, в случае, если что-либо угрожает общественному спокойствию в пределах союза, объявить в военном или осадном положении (в германском праве эти понятия имели равное значение) любую часть его территории. [8. с.573]

«Малым Осадным положением» назывались в Германии исключительные законы против социал-демократии, действовавшие с конца 1878 г. по сентябрь 1890 г. В 1878 г. на жизнь императора Вильгельма I было произведено два покушения. После второго покушения законопроект Бисмарка был поддержан значительным большинством, хотя и как исключительная мера. Имперский закон „Об общеопасных устремлениях социал-демократии" был принят 21 октября 1878 года.

В первой же статье разъяснялось его назначение: "Подлежат запрету общества, имеющие целью ниспровержение существующего государственного или общественного строя посредством социал-демократической или коммунистической деятельности, а также в случаях, когда деятельность во имя ниспровержения проявляется способом, опасным для общественного мира и, в особенности для дружелюбных отношений между классами". Закон давал юридическое основание для правительственных репрессий, которые вскоре и начались — в виде запретов, высылки, тюремного заключения. Репрессии коснулись тысяч людей. Участие в запрещенном обществе наказывалось штрафом в 500 марок или тюремным заключением на срок до трех месяцев. В ст. 3 было записано, что "профсоюзы не воспрещаются, но над ними учреждается чрезвычайный контроль государства". [9]

Закон 21 октября 1878 г. должен был действовать до 31 марта 1881 г., но уже в мае 1880 г. он был продлен до 1 октября 1884г., затем еще до 30 сентября 1890г. После отменыисключительного закона о социалистах действие акта 1851г не прекращалось., более того принимаются акты. предусматривающие введение военного положения в отдельных местностях. В частности для Эльзаса и Лотарингии подобный акт был принят 30мая 1892года .

Таким образом, акты чрезвычайного законодательства Германии, издаваемые на протяжении 19 века, предусматривали предоставление особых полномочий главе государства,Для них характерно ограничение (или аннулирование) гражданских, политических прав и свобод, и расширение функций карательных органов и уголовных санкций. Значительное место уделяется вопросам использования вооруженных сил для поддержания общественного порядка.Возможность вызова вооруженной силы для содействия гражданской власти при подавлении бунтов и беспорядков признается допустимой лишь в самых крайних обстоятельствах. В ряде случаев. предоставляется право определять наличие такого крайнего положения гражданской власти,

The paper examines the main stages of the emergency legislation in the German lands during the 19th century. Describes the regulations. regulating the procedure for the introduction and use of this mode in the individual German lands. and on the whole territory of the German Empire as a whole. Special attention is paid to the use of the army to maintain public order.
The key words: *The state of siege, cabinet justice. Prussian Charter, the Constitution 1871., Anti-Socialist Law, the small the state of siege*

Список литературы

1.Филимонов Б.А. О понятии чрезвычайного суда в германском праве // Вестник МГУ. Серия «Право». 1995.№ 3 С. 47—56.

2. Греков. А. Правовое положение армии в государстве. С.-Петербург, 1908 с.67-84 (Электронный ресурс) URL:http://www.voenprav.ru/doc-3810-24.htm, (дата обращения 1.03.2012)

3 ,Verordnung Sr. Majestät des Königs von Preußen Friedrich Wilhelm IV. über einige Grundlagen der künftigen Preußischen Verfassung (06.04.1848),//documentArchiv.de [Hrsg.], URL:http://www.documentArchiv.de/nzjh/preussen/1848/preussische-verfassung-grundlagen_vo.html, Stand: aktuelles Datum., http://www.verfassungen.de/de/preussen/preussen48-index.htm., (датаобращения 7.03.2012)

4. Verfassungsurkunde für den preußischen Staat. vom 5. Dezember 1848//(Электронный ресурс)URL: http://www.verfassungen.de/de/de06-66/verfassung48-i.htm, (дата обращения 9.03.2012)

5. Verfassung des deutschen Reiches vom 28. März 1849//(Электронный ресурс)URL: http://www.verfassungen.de/de/de06-66/verfassung48-i.htm, (дата обращения 9.03.2012)

6. Verfassungsurkunde für den Preußischen Staat vom 31. Januar 1850 (Электронный ресурс) URL:http://www.verfassungen.de/de/preussen/preussen50-index.htm, (дата обращения 10.03.2012)

7.Gesetz uber den Belagerungszusland, v. 4 Juni 1851 (Электронный ресурс)URL:

www.koeblergerhard.de/Fontes/StrafgesetzbuchPreussen1851.pdf., (дата обращения 10.03.2012)

8. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII - XIX вв. / Под ред. П.Н.Галанзы М.: Издательство Академия Наук СССР,1957.

9.GesetzgegendiegemeingefährlichenBestrebungenderSozialdemokratie (21.10.1878) //, documentArchiv.de [Hrsg.], URL: http://www.documentArchiv.de/ksr/soz_ges.html, (дата обращения 7.03.2012)

Об авторе

Денисов С. И. –кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 947.084.6

К ОЦЕНКЕ ВЫДВИЖЕНЧЕСТВА

А.М. Дубровский

В статье на основе архивного материала дан анализ выдвиженчества на материале истории Брянского края, показана искусственность политики выдвижения пролетарских кадров.

Ключевые слова*: выдвиженчество, политические мотивы, неподготовленные кадры, курсы по подготовке*

Выдвиженчество являлось одной из форм подготовки новой интеллигенции из рабочих и крестьян непосредственно на практической работе, впервые использованной партией большевиков в ходе создания советского государственного аппарата [1,с.36]. Выражая взгляды партийного руководства на выдвиженчество, в работе «Очередные задачи Советской власти» В.И.Ленин писал: «Организаторских талантов в "народе", т.е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть – мы. Но мы этому научимся»[2,с.193]. Как будет показано ниже, выдвиженчество охватило со временем кроме государственного аппарата и другие области деятельности.

Нередко в литературе высказывалось мнение будто выдвиженчество диктовалось хозяйственными потребностями страны, нехваткой кадров. «Полностью удовлетворить растущие потребности в специалистах, знающих администраторах и хозяйственниках, в опытных партийных и советских работниках страна в те годы не могла. Поэтому пополнение административных и хозяйственных кадров за счет выдвиженцев сохраняло свое значение и в годы довоенных пятилеток», - писали, например, авторы коллективного труда «Советская культура в реконструктивный период» [3,с.225]. Анализ архивных материалов показывают, что в развитии выдвиженчества в первую очередь (особенно в первой половине 1920-х гг. и несколько позже) играли определяющую роль политические мотивы. Партия стремилась укомплектовать государственные органы, руководящие звенья на предприятиях, учреждения культуры выходцами из рабочего класса, чтобы обеспечить проведение в жизнь своей политики, демократизировать все сферы общественной жизни, дав власть непосредственно в руки пролетариев. Такому «укомплектованию пролетарскими элементами» ЦК партии придавал важное политическое значение. Однако порой люди, намеченные в выдвиженцы, долго ожидали получения соответствующей должности, что не согласуется с представлением о дефиците кадров, который должно было удовлетворить выдвиженчество. «Некоторые товарищи состоят в резерве выдвижения по несколько лет, примерно 2-3 года, а поэтому падает интерес к выдвижению» - констатировало совещание в Брянском горкоме партии в 1927 г. [7,Л.195]. «У нас по 20 основным цехам насчитывается 200 выдвиженцев, из них 118 в резерве, а 82 находятся на практической работе», - так писал участник организации выдвижения на одном из успешных в этом отношении предприятий – «Красном Профинтерне» [4,с.41]. Следовательно, выдвиженчество развивалось, исходя из политических целей, а не из дефицита рабочих мест в хозяйственных и партийных органах. Лишь позже, с рубежа 1920-1930-х гг., с развитием хозяйственного строительства с ростом потребностей в кадрах сложился тот дефицит, на который и отвечало выдвиженчество, о чем писали исследователи этого явления, расширяя значение этого дефицита на все 1920-е гг.

В Брянской губернии активно работой по выдвижению занимался только губернский комитет партии. Другие органы власти, по словам современника, «этому вопросу уделяли крайне недостаточное внимание. Можно сказать даже больше, они своих задач в деле выдвижения, орабочения, упрощения и приближения аппарата к трудящимся массам в полной мере еще не осознали» [5,с.8]. Следовательно, по-настоящему, то есть как это представлялось Центральному Комитету партии, в 1920-е гг. в Брянской губернии выдвиженчество не развернулось. Это видно и из директив губернского ко-

митета партии, направленных местным парторганизациям в начале 1926 г. В них признавалось, что выдвиженчество являлось «одним из слабых мест в нашей партработе, … работа по выдвижению на местах идет крайне слабо. Выдвижение происходит в незначительных размерах и притом кустарно, от случая к случаю». Немного ранее на совещании выдвиженцев в 1925 г. говорилось о том, что «опыта этого выдвижения как опыта накопившегося у нас нет. Эта работа … только началась» [8,л.34]. Непонимание роли выдвижения наблюдалось не только у руководящих партийно-советских кадров губернии. Рядовые служащие советских учреждений, понимая значение профессиональной подготовки, образования, очень осторожно относились к идее выдвижения неподготовленных кадров на работу в учреждения. Так, работники губсельпрофсоюза говорили о том, что характер их работы требует специальных и опытных работников. Видимо, служащие не доверяли уровню компетентности рабочего, которого могли привлечь в качестве их сотрудника. В губсельбанке тоже осторожно говорили о том же: «У нас специфический аппарат, а губком выдвиженцев не прислал».

На совещании выдвиженцев в ноябре 1925 г. присутствовали люди, выдвинутые на такие должности как заместителя председателя уездного исполкома, заместителя заведующего уездным земотделом, заведующего уездным отделом социального обеспечения, инструктора собеса. В основном это кадры управленческого аппарата, что и соответствовало замыслу вождей партии большевиков о введении рабочих в аппарат управления, приближения государства к народу. Сами выдвиженцы признавали слабость своей общеобразовательной подготовки. Так на совещании выдвиженцев в 1925 г. один из них – Тришин, житель Севского уезда, избранный в 1925 г. в уездный исполком,- говорил: «Я был неграмотный до 20-ти летнего возраста, и только в революционное время пришлось начать учиться с трудом» [8,л.25][71].

Губком партии рекомендовал организовывать подготовительные курсы для выдвиженцев и использовать проведение учебной практики для намеченных на общественную работу при соответствующих учреждениях, проводить совещания выдвиженцев. Начать же работу нужно было с организации учета возможных выдвиженцев. Директивы губернского комитета партии дали толчок работе с выдвиженцами. И брянская городская партийная организация и крупнейшее предприятие губернии - завод «Красный Профинтерн» - провели их учет, стали созывать собрания выдвиженцев, заслушивать отчеты партийных руководителей об организации выдвиженчества и самих выдвиженцев об их работе.

На заводе «Красный Профинтерн» использовались два метода выдвижения. Первый носил массовый, порой «кампанейский» характер, второй заключался в систематическом выдвижении в порядке текущей работы. Первым методом шло выдвижение главным образом по линии административно-хозяйственной работы внутри завода. Вторым методом – по линии партийной, советской и других. Кандидатура выдвиженца обычно обсуждалась и на бюро цеховой ячейки и на широком собрании рабочих (производственном совещании цеха). Утвержденные списки передавали в заводской комитет. Этот комитет учитывал открывавшиеся на заводе места, подбирал из списков соответствующих кандидатов, согласовывал их с цеховой и общезаводской ячейкой и после этого рекомендовал их заводоуправлению для использования на новой должности [4,с.39].

Как показывает анализ источников, нередко эта работа имела формальный характер, так как она производилась не потому, что действительно губерния нуждалась в кадрах, а потому, что «сверху» шли требования по поводу развития выдвиженчества. Кандидатов на выдвижение намечали и утверждали без их ведома, не учитывая их интересов. Были случаи отказа от выдвижения. Выдвиженцы на «Красном Профинтерне» участвовали в ежемесячных технических совещаниях в цехах по вопросам выполнения программ, в общезаводских совещаниях, на которых они обменивались мнениями о ходе работы и о препятствиях, которые мешали решению текущих производственных задач. Выдвиженцы временно заменяли мастеров и другой технический персонал во время их командировок и отпусков, они проходили стажировку в той или иной области работы.

Итог работы с выдвиженцами был следующий. За 1926 г. по заводу «Красноый Профинтерн» была выдвинута 291 работница на должности крановщиц (70), слесарей (40), токарей (9), маляров (21), сверловщиц (19), шишельниц (41), литейщиц (1), учеников модельщиков-столяров (6). Судя по этим данным нужно сделать вывод о том, что выдвижение на заводе шло в рамках набора рабочих профессий, не имея отношения к формированию руководящих кадров производства, что не соответствовало целям политики развития выдвиженчества. Видимо, профессиональная и общетехническая подготовка выдвиженцев не были достаточны для того, чтобы они заняли более высокие места в системе производства. Более успешно проходило выдвижение рабочих на партийную и профсоюзную работу. За 1926 г. было выдвинуто 62 человека. На партийной работе оказались 15, на профсоюзной – 31, на советской работе – 6, на кооперативной – 10. Все они имели общее образование не ниже начальной школы или ликбеза. Примерно та же картина наблюдалась на Ленинской фабрике в Клинцах. Там за первое полугодие 1928 г. было выдвинуто 13 рабочих, причем 11 оставлено внутри предприятия, а двое – по-

лучили работу за его пределами в жилкооперации и на советской работе. Из оставшихся на фабрике 2 оказались на партработе, 9 – на административно-хозяйственной работе [6,с.48].

«Вопросу выдвижения работников в практике партработы как Городским комитетом (партии – А.Д.), а также партячейками уделяется все большее внимание, - говорилось на совещании в Брянском горкоме партии в 1927 г., - но в этом деле имеется еще целый ряд недостатков: прежде всего нарушается самое основное в выдвижении – это коллективность выдвижения. Выдвижение проводилось или персонально секретарем ячейки или в лучшем случае бюро ячейки. В настоящее время это постепенно изживается, метод выдвижения принимает более широкий коллективный характер». Были и неудачи в выдвижении – «в прошлом таковые случаи имели место очень часто, были случаи выдвижения, выдвинутые товарищи оказывались неспособными на выдвинутую работу»[7,л.194]. Порой выдвиженцев снимали с работы. Так из 10 выдвинутых на работу в кооператив 4 были сняты по разным причинам. На Ленинской фабрике в Клинцах в 1927 г. было выдвинуто 27 человек. С работой не справились 4. Они вернулись к станку. «Причины возвращения: неохват работы, слабое администрирование и нечуткое отношение к запросам масс», - так писал в журнал «Коммунар» корреспондент из Клинцов [6,с.49]. Видимо, не правильно говорить о том, что «в силу сложившихся в тот период специфических политических условий образовательный ценз не имел первенствующего значения» [3,с.225]. В целом, даже исходя из приведенных неполных данных по предприятиям Брянской губернии, можно сказать, что доля выдвиженцев, не справившихся с работой и возвращенных вследствие этого на предприятия, была довольно небольшой.

В Брянске было выдвинуто на работу вне предприятий и учреждений города:

1924 г. – 4 чел.; 1925 г. – 8 чел.; 1926 г. – 7 чел.; 1927 г. – 8 чел. Выдвинуто на

работу внутри предприятий и учреждений: 1924 г. – 3 чел.; 1925 г. – 7 чел.;

1926 г. – 6 чел.; 1927 г. – 20 чел. [7,л.195]. Как видно из этих цифровых показателей, размах выдвиженчества в первой половине 1920-х гг. был очень невелик. С 1927 г. наметился сдвиг в развитии выдвиженчества. В 1927 г. в резерве на выдвижение числилось 28 человек [7,л.198 об.-199].

За отмеченные годы движение кадров происходило следующим образом: слесарь – в заведующие клубом, слесарь - в секретари ячейки ВЛКСМ, слесарь – в председатели жилищного кооператива, слесарь – в помощники мастера, прядильщик – в сортировщики, младший милиционер – в старшие милиционеры [7,л.196 об.-197]. Таким образом, как и на заводе «Красный Профинтерн», некоторые выдвиженцы передвигались на более престижную работу внутри своего предприятия, оставаясь рабочими и не превращаясь по своему положению в служащего. Другие (большинство) оказывались на руководящей работе на уровне младшего административного персонала.

Выдвиженцы «Красного Профинтерна» жаловались на перегруженность общественной работой, на плохую оплату труда, на слабость своих теоретических познаний. Они указывали на то, что ⅔ времени в повседневной работе у них уходило на писание записок, рапортов и т.п., часа 2-3 почти ежедневно после работы приходилось заниматься бумагами [4,с.39]. Итоги деятельности по развитию выдвижения на заводе «Красный Профинтерн» особенно показательны потому, что именно на предприятиях выдвиженчество развивалось успешно, в советских учреждениях этой работе уделялось мало внимания.

По нашему мнению, важные вопросы выдвиженчества высветил эпизод с рабочим Зверевым, выдвинутым на работу в банковское дело в 1929 г. Газета «Брянский рабочий» выступила с критической статьей, в которой писала о том, что руководство Брянского отделения Государственного банка превратило рабочего в простого курьера, то есть извратило идею выдвиженчества, уклонилось от ее реализации. Таким образом, руководство было обвинено в непонимании выдвиженчества и его недооценке. В Брянском госархиве сохранилось письмо, направленное руководством Брянского отделения Госбанка в редакцию газеты с опровержением этого критического выступления. Письмо помогает понять сложившуюся ситуацию и представить себе происходившее в банке с выдвиженцем Зверевым.

«Товарищ Зверев прислан в Брянское отделение Госбанка на работу в качестве практиканта для того, чтобы в годичный срок (срок, обусловленный Правлением Госбанка) можно было бы подготовить его на занятие руководящей должности, как то: заведующего агентством, заведующего отделением банка, инспектора по фондовому делу или какой-либо ответственной должности, смотря на его развитие и охват работы» [9,л.54]. Из этой части письма следует, что Брянское отделение Госбанка не испытывало нужды в каком-либо конкретном специалисте. В силу существовавших директив о развитии выдвиженчества, а вовсе не из-за дефицита кадров, руководство отделения взяло в качестве практиканта рабочего, еще не зная, куда собственно его можно будет направить. Зверева нужно было обучить (он был принят «в качестве практиканта»), чтобы понять, «смотря на его развитие», где он может быть пригоден. «С первого дня прибытия в банк тов. Зверева последний был назначен в валютно-фондовый отдел (отдел по реализации государственных займов) в качестве инспектора, и, следовательно, ему была поручена ответственная работа в боевой (по настоящему моменту) кампа-

нии по реализации Ш займа индустриализации. На его обязанности лежит организация подписки по прикрепленным к Госбанку коллективам в числе до ста, для чего по этому поводу он выступает по коллективам с докладами по займу, организует подписку на заем и проводит всю ударную работу вплоть до момента первых взносов по подписке,» - писало в газету руководство Брянского отделения Госбанка [9,л.54]. Иными словами, Зверев был послан агитатором по сбору денег у рабочих. Это была единственная работа, на которой его можно было использовать. Проявлявший раньше на своей работе общественную активность Зверев имел навыки публичных выступлений и мог играть роль агитатора в рабочих коллективах. Должность появилась в банке именно с развитием широкой политики внутренних займов. Сбор денег шел с трудностями: это был уже третий заем, а зарплата рабочих была совсем не высокой. Вряд ли в глазах служащих банка эта работа была привлекательной, и они были рады поручить ее выдвиженцу.

На один год – с 1 августа 1929 г. по 1 августа 1930 г. была рассчитана программа практического обучения Зверева. «Для нормального хода учебы практиканта тов. Зверева в Госбанке выработана специальная программа, - писало руководство Брянского отделения, - Необходимо за весь срок (годичный) практикантства ознакомиться со структурой Отделения, работой отдельных частей аппарата» [9,л.54]. Программой была предусмотрена работа Зверева в каждом отделе в течение от 1 до 3 месяцев в зависимости от сложности труда. Кроме того, как писало руководство отделения, «для закрепления и изучения счетного дела считать необходимым прохождение на весь срок обучения специальных счетных курсов» [9,л.54]. Зверев был слаб в счете, не имея достаточного школьного образования, и его еще нужно было этому учить в течение года. Это был необходимый минимум, что ясно поняли руководители Брянского отделения Госбанка, познакомившись с присланным в банк рабочим. Они решили «считать необходимым (для выдвиженца Зверева – А.Д.) прохождение заочных банковских курсов, если это будет по силе тов. Звереву, и не исключена возможность посылки в будущем на высшие банковские курсы» [9,л.54]. Для работы в руководстве отделения Госбанка необходимы были такие знания, которыми рабочий не мог обладать, ему требовалось образование, дополнительное к тому минимальному, которое он должен был получить в течение года.Каждый раз в письме руководство банка было вынуждено оговариваться «если это будет по силе тов. Звереву», «смотря на его развитие и охват работы»; еще было не ясно, сможет ли Зверев полноценно трудиться на предложенном ему уровне. Все это заставляет задуматься, насколько экономически было оправдано содержание и использование выдвиженца, ведь Зверев на работе в банке получал зарплату большую, чем на своем производстве, о чем говорилось в цитированном письме. Не экономнее и эффективнее ли было получить профессионала, подготовленного в специальном учебном заведении, или дать возможность повысить квалификацию тому служащему, который уже давно работал в банке и прекрасно знал то, чем еще предстояло овладеть Звереву? В обоих случаях не вставал бы вопрос о способностях такого человека, так как он уже прошел бы соответствующий отбор. Способности же Зверева были еще не выявлены. Думается, что ситуация с рабочим Зверевым была типична в тех случаях, когда выдвиженец оказывался на работе, которая требовали узко специальной подготовки и более или менее высокой квалификации.

Далеко не случайно 20 октября 1930 г. Центральный комитет ВКП(б) постановил «в целях сохранения кадров квалифицированных рабочих на производстве воспретить на ближайшие два года выдвижение рабочих от станка во всякого рода управленческие аппараты» [3, с.225]. Политика развития выдвижения оборачивалась экономическими просчетами, созданием искусственного дефицита в области квалифицированных рабочих кадров. Иллюзия о том, что сами рабочие могут успешно заменить собою специалиста с соответствующим образованием начала отмирать. Выдвиженчество еще существовало в 1930-е гг., поддержанное стахановским движением, давшим кадры потенциальных руководителей, но оно потеряло свое прежнее значение в глазах партийно-государственного руководства.

The article based on archival sources follows vidvizhentchestvo in Brjansk region in 1920's.
The key words: *vidvizhentchestvo, political goals, course of studies for vidvizhentcy, level of training*

Список литературы

1.Советская интеллигенция. Словарь-справочник. М., 1987.
2. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн.собр.соч. Т.36.
3. Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941. М., 1988.
4. Денисов. Итоги годовой работы по выдвижении. На «Профинтерне» // Коммунар. 1927. №5 (7).
5. Пилипенко. Выдвижение в нашей губернии // Коммунар. 1925. № 18.
6. П.Ч. Недочеты в работе по выдвижению (Клинцы, Ленинская фабрика) // Коммунар. 1928. № 13.

7. Государственный Архив Брянской области (ГАБО). Ф.1249. Оп.1. Д.512. Л.1-214 Информационный материал о состоянии городской организации ВКП(б) и ВЛКСМ в 1929 г.

8. ГАБО. Ф.1. Оп.1. Д.1284. Л.1-128 Стенографический отчет губсовещания выдвиженцев. 1925 г.

9. ГАБО. Ф.12. Оп.1. Д.72. Письмо руководства Госбанка в редакцию газеты «Брянский рабочий» от 12 сентября 1929 г.

Об авторе

Дубровский А.М. – профессор Брянского госуниверситета. alexdubr48@mail.ru.

УДК 947.084.6

БОЛЬШЕВИЗМ И ТОРГОВЛЯ (1920-1930-Е ГГ.)

А.М. Дубровский

В статьепоказана политика большевиков по отношению к торговле, кризис этой политики и отказ от утопических представлений о судьбе торговли при социализме

Ключевые слова: *советская торговля, большевизм, политика, эволюция взглядов*

Когда оппозиционная партия оказывается у власти, её идеи и политические планы проходятпроверкуна реализм.В 1920-1930-е гг. в Советском Союзевместе с интенсивным процессом модернизациии централизации управления всеми областями жизни страны происходило преодолениеэлементов утопизма в идеологии и политике партии большевиков. Полного отказа от всех утопических идей быть не могло. Партия не могла, в частности, заявить об утопичности своей конечной цели - построения коммунизма; несбыточность этой мечты стала особенно ясноймного позже. С первых лет нахождения у власти партия была вынуждена отступить от пролетарского интернационализма ипризнать необходимость удовлетворения национально-государственных интересов СССР, ею была переосмыслена и отодвинута не неопределённое время идея мировой пролетарской революции, произошёл отказ от прежнего понимания патриотизма, государства и пр.[4, с.19-94] В числе тех представлений, которые были подвергнуты переосмыслению, оказались и представления о судьбе торговли, товарно-денежных отношений после социалистической революции. Рассмотрению этого переосмысления и посвящена настоящая работа.

До революции и прихода к власти у большевиков существовало твёрдое убеждение в том, что при построении нового общества будут уничтожены частная собственность и порождаемые ею товарно-денежные отношения. В.И.Ленин представлял себе социалистическую систему распределения не как продажу товаров, а как прямой обменпродуктов труда. Ленин понимал, что отмена денег и торговли не может произойти в один момент. Он считал, что на «первых порах» «не отменяя денег и не запрещая отдельных сделок купли-продажи отдельными семьями, мы должны прежде всего сделать обязательными, по закону, проведение всех таких сделок через потребительски-производственные коммуны» [9, с.30]. По его мысли,сосредоточив денежные потоки в руках государства, большевистской власти будет легче привести страну к бестоварному обществу. Декретом Совнаркома от 11 января 1919 г. государство полностью централизовало продовольственное снабжение, частная торговля была запрещена.

Новая власть решила ввести в экономику те порядки, которые соответствовали её представлениям о социализме. Главным из них былорганизация безденежного продуктообмена:промышленные продуктывывозились в сельские местности и отпускались тамв обмен на продовольственные продукты или сырьё, необходимые для производственных нужд промышленных предприятий. «Место торговли занимает прямое коммунистическое распределение», - полагали современники [2, с.7].С 1919 г. была введена система продразвёрстки – безвозмездного государственного сбора продуктов с крестьян. В 1920-1921 гг. продразвёрстка охватила все сырьевые культуры [2,с.25].

С начала 1920 г. торговлюстало заменять собою безденежное распределение.При предприятиях было введено бесплатноеобщественное питание. Заработная плата начала натурализоваться – превращаться в продукты, которые вместо денегв виде питания получали работники. В том же году была отменена плата за пользование городским транспортом, почтой, телеграфом, электричеством. Проводимая политика получила название политики военного коммунизма. Долгое времяв советской исторической науке держалось мнение о том, что политика военного коммунизма была вызвана условиями гражданской войны. Однако, как известно, важные меры по введению военного коммунизма были проведены в жизнь в конце 1920 г., когда гражданская война заметно затухала, и военные условия жизни стали уходить в прошлое. Значительная часть членов большевистской партии рассматривала

сложившуюся ситуацию как введение коммунизма, начало создания нового общества.

В 1921 г. в стране в основном закончилась гражданская, война; к этому же году был почти уничтожен свободный рынок[10,с.139]. В это время в Россиисложился политический кризис. Бóльшая часть населения, особенно крестьянство, сопротивлялось политике большевиков и хотело их свержения. Сельских жителей в наибольшей степени раздражала продразвёрстка.Понимая необходимость успокоения крестьянства, в 1921 г. Ленин предложил новую экономическую политику, которая предполагала возвращение к свёрнутым новой властью товарно-денежным отношениям. Теперь с крестьянского хозяйства государство брало продовольственный налог вместо прежней развёрстки. У крестьянина оставалась часть продукции его хозяйства, и он мог продавать его на свободном рынке. Позже, с установлением твёрдой валюты, налог был превращён из натурального в денежный, что также свидетельствовало о признании необходимости развития товарно-денежных отношений.

С точки зрения Ленина и партии, новая экономическая политика была временным отступлением, уступкой крестьянству. В 1921 г. государство разрешилосвободный обмен сельскохозяйственными продуктами, отменило свой декрет о национализации мелких предприятий, позволило сдавать в аренду государственные предприятия частным лицам, объявило о свободе в организации небольших частных предприятий.Население страныдовольно быстро откликнулось на этот важный поворот в деятельности партии большевиков.Началбурно возрождаться рынок. На прилавках появились продукты, которые, казалось бы, исчезли из страны.Первоначально была разрешена только мелкая частная розничная торговля сельскохозяйственными продуктами и некоторыми промышленными товарами широкого потребления.В 1922 г. ассортимент частной торговли расширился. Со второй половины 1922 г. происходит укрупнение торговли. На рынке постепенно господствующей силой становились профессиональные торговцы, имевшие дореволюционный опыт работы в торговле. К 1923 г. частные торговцыгосподствовали на розничном рынке и играли значительную роль на оптовом [18,с.47].

По разным каналам государство пыталось контролироватьторговые сделки, регистрировать торговые точки, держать под контролем торговые обороты частников. С 1923 г. оно повела на торговлю наступление. Был резко сокращён отпуск товаров частным предпринимателямсо стороны государственных организаций. Был также прекращён кредит и введены высокие налоги. В таких условиях с 1924 г. частная торговля начала сокращаться. Главным полем её деятельностистала розничная торговля.

Власть рассматривала торговлю как временное явление в новой жизни. Поэтому в 1920-е гг. при постройке новых посёлков в них не планировались здания для магазинов. Главное внимание уделялось развитию системы общественного питания в домах с коммунальными квартирами.

В начале 1924 г. началась кампания по снижению цен во всех секторах розничной торговли. Цены в розничной торговле снизились в среднем на 20%. Снижение цен привели к частичному свертыванию частной торговли. Наибольшие потери понесли частные оптовики, их закупки товаров у трестов за 1924 г.сократились почти в два раза. Резкое свёртывание частной торговли имело отрицательные последствия. Кооперативнаяи государственная торговляне могли компенсировать закрывшиеся частные торговые предприятия. В некоторых районах, особенно в деревнях, образовались «торговые пустыни», так как там не было никаких торговых пунктов. После некоторого подъёма в торговле в середине 1920-х гг. снова стал проявляться дефицит в товарах как производственного, так и потребительского назначения. Одним из источников этого дефицита было то, что в соответствии с политикой индустриализации страны власть затрачивала основные средства на развитие тяжёлой промышленности (производство средств производства), а предметы массового потребления производили ремесленники-кустари. Экономисты отмечали, что товарный голод приобрел систематически й характер с 1925-26 г. [6,с.25].

Начиная с 1925 г., стало проявляться стремление государства к свёртыванию нэпа. В 1926 г.властьвернулась к политике сокращения частного предпринимательства в области торговли. Она стала закрывать акционерные общества, так как они не занимались производительной деятельностью, а только скупали и перепродавали продукцию кустарей. Четвёртая часть этих обществ была закрыта. Пошло наступление власти на биржи. Около ста бирж было закрыто, остались биржи только в крупных городах. Были повышены налоги с частных торговых предпринимателей. Потребительская кооперация должна была занять место вытесняемых частных предпринимателей. Для них сократился отпуск товаров.

В конце 1927 г. в политике партии начался поворот по отношению к частному капиталу. Власть отказалась от дальнейшего проведения политики, известной под названием нэп. В 1928 г. вместо оптовой торговлимежду предприятиями стала внедряться государственное распределение денежно-материальных ценностей в соответствии с нормами.Важными средствами ликвидации частного предпринимательства в торговле стали налоговая политика, государственное регулирование цен, высокая плата за пользование транспортом.Частная торговля вступила в стадию распада. В частную

торговую сеть государственные органы перестали отпускать товары. В 1927-28 гг. розничная торговая сеть сократилась на 22,7% [7,с.64]. Основная часть цен становится государственной, то есть фиксированной, нерыночной.В 1928 г. была ликвидирована значительная часть акционерных обществ.В начале 1930 г. были упразднены биржи и ликвидированы ярмаркиК концу 1920-началу 1930-х гг. потребительская кооперация заняла господствующее положение на рынке.В самом начале 1930-х гг. профессиональная частная торговля перестала существовать.

С 1928 г., с началом выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны,централизованное планирование заняло лидирующее положение в советской экономической политике, которая таким путём возвращалась к принципам военного коммунизма. После 1929 г. сложился безденежный товарооборот – государственная система безналичных расчётов. Коммерческих банков не стало, существовал один Госбанк.

С середины1920-х гг. до 1932 г. общая численность предприятий розничной торговли уменьшилась в два раза. Хотяв стране открывались магазины и лавки,ларьки и палатки исчезали. В 1931 г. была прекращена торговля в Москве, в ГУМе. Крупнейшее торговое здание столицы в течение последовавших 22 лет использовалось не по назначению. Действовавшая в конце первой пятилетки розничная торговая сеть была недостаточной для обслуживания населения. Сложился кризис в области торговли и обеспечения населения необходимыми продуктами [8,с.19].

В это время стали особенно явно нарастать продовольственные трудности. Уже в 1928 г. в провинциальных центрах очереди за хлебом насчитывали до 600 человек [12,с.41]. Летом этого же года население в городах устанавливало такиеочередис вечера, чтобы утром или днем купить хлеб. В июне 1928 г. чекистские органы информировали власть о забастовках [12,с.323].

В 1928-1929гг. была созданасистема торговли по карточкам. Она должна была обеспечить каждого человека необходимым минимумом продуктов. Начавшись с хлеба, карточная система была распространена на другие дефицитные продукты – сахар, мясо, масло, чай и пр.К концу 1929 г. карточная система была распространена почти на все продовольственные, а потом и на промышленные товары, особенно одежду и обувь [5,с.20-22]. Вместо свободной купли-продажи товара происходило отоваривание, котороепроизводилосьпо «заборным документам» через закрытые распределители, закрытые рабочие кооперативы, отделы рабочего снабжения.Таким образом, в первой половине 1930-х гг. в товарообороте господствовало нормированное распределение. Понятие «торговля» потеряло смысл.

Конец 1920-х - начало 1930-х гг. было временем, когда партийно-государственная верхушка поняла, что утопические эксперименты, которые в разных областях жизни внедряли большевики,ведут к провалу. Особенно наглядно и опасно это давало себя знать в экономике. Поэтому именно в это время начал происходить крутой поворот в политике партии по отношению кряду областей жизни. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. были переломным временем в развитии внутренней торговли в СССР, в партийно-государственной политике по отношению к торговле. Руководство страной перешло от изживания торговли к поддержке её развития, к использованию товарно-денежных отношений. Еще вапреле 1929 г. в докладе на пленуме ЦК и ЦКК Сталин критиковал Бухарина и указывал на опасность «раскрепощениярынка» [13,с.44]. Корректируя свои взгляды Бухарин в начале 1930 г. писал в газете «Правда» о том, что «в общем и целом сегодня речь идет о прыжке в сторону социалистического продкутообмена, о сокращении рыночных отношений и замене их договорными отношенями между предприятиями» [1].В «Ответе товарищам свердловцам» (февраль 1930 г.) Сталин говорил озавершении нэпа, «когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через свои торговые организации» [14,с.182],то есть он не вел речь об отмирании товарно-денежных отношений. А в политическом отчете XVI съезду партии (июнь 1930 г.)Сталин уже отмечал рост товарооборота как положительный показатель [15,с.263].23 июня 1931 г. в речи на совещании хозяйственников Сталин резко выступил против уравниловки в зарплате высококвалифицированных и низкоквалифицированных рабочих [16,с.55-60], а это косвенно было связано с удовлетворением потребностей этих рабочих через торговлю. В октябре 1931 г. Пленум ЦК партии впервые поставил задачу развития советской торговли.Пленум указал на необходимость «перейти с рельсовмеханического распределения товаровна рельсы развертывания советской торговли».В решениях XVII конференции ВКП(б) (янв-фев 1932 г.)прямо говорилось о том, что «развертывание товарооборота – прежде всего розницы»укрепляет базу социалистического строительства. В начале 1932 г. был основан журнал «Советская торговля» в первом номере, в передовой статье под названием «Наши задачи» осуждались "левацкие" заскокив сторону продуктообмена, отрицание необходимости советской торговли,попытки подменить советскую торговлю механическим распределением [11,с.2].

7 января 1933 г. в докладе на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)Сталин посвятил один отдел своего выступления товарообороту между городом и деревней. Здесь он впервые заговорил о

«развертывании советской торговли». Обычно Сталин выдвигал какую-либо идею, когда она уже была апробирована, то есть прозвучала в устном выступлении, появилась в печати, стала внедряться на практике. Каждый политико-идеологический поворот вождь совершал постепенно, но так, чтобы точку в этом повороте ставило его выступление, тогда новая идея воспринималась как его идея. Так было и с идеей торговли при социализме. «Что такое советская торговля? – ставил вопрос Сталин. – Советская торговля есть торговля без капиталистов – малых и больших, торговля без спекулянтов – малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития» [17,с.203-204]. Термин «советская торговля» был узаконен. Сталин неоднократно подчеркивал, что развитие торговли не является возвратомк нэпу [17,с.203, 204]. В докладе XVII съезду (январь 1934 г.) он включил показатели торговли в особый отдел доклада.

Критикуя «левацкие» идеи об отмене торговли при социализме и проповедуя развитие товарно-денежных отношений, и Сталин и советская печать не говорили о том, что идея прямого продуктообмена, отмены торговли принадлежала Ленину, от наследия которого партия теперь отказалась.

The article analyses evolution of bolshevism views on fate of trade in socialist society.
The key words:*Soviet trade, Bolshevism, politics, the evolution of attitudes*

Список литературы

1. Бухарин Н.И. Великая реконструкция // Правда. 1930. 19 февраля.
2. Гессен С. Внутренний товарооборот в СССР за 10 лет // Вопросы торговли. 1927. №2-3.
3. Громыко Е.В., Рязанов Н.Н. Советская торговля за 15 лет. М., 1932.
4. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск, 2005.
5. Иванов Ю.М. В сталинском «раю». М., 2005.
6. Канторович В. Баланс спроса и предложении я товаров // Вопросы торговли. 1930. № 6.
7. Кафенгауз Б. Розничная торговая сеть и перспективы ее развития - Вопросы торговли. 1929. № 4.
8. Крон Ц. Вопросы продовольственного снабжения СССР // Вопросы торговли. 1929. №14
9. Ленин В.И. О принципах социалистического хозяйствования. М., 1964.
10. Лозинский В. Внутренний рынок и цены за десять лет // Вопросы торговли. 1927.№2-3.
11. Наши задачи // Советская торговля. 1932. №1.
12. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т.6. М., 2002.
13. Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) // Соч. Т.12.
14. Сталин И.В. Ответ товарищам свердловцам // Соч. Т.12.
15. Сталин И.В. Политический отчет ЦК XVI съездуВКП(б) // Соч. Т .12.
16.Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства // Соч. Т.13
17. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки // Соч. Т.13.
18.Фишгендлер А. Движущие силы обобществления товарооборота // Вопросы торговли. 1927. №1.

Об авторе

Дубровский Александр Михайлович, профессор Брянского госуниверситета. alexdubr48@mail.ru.

УДК 947.083

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ГЕРМАНИИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ВКОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Е.В. Жарких

Анализируется проблема формирования негативных представлений о Германии и немцах в русском обществе кон в конце XIX – начале XX века. Поднимаются вопросы специфики формирования национальных представлений и предубеждений (стереотип) в России.
Ключевые слова: *национальный образ, Германия, Россия, немцы, предубеждения (стереотипы)*

Проблема восприятия одного народа другим в настоящее время к своему политическому значению прибавляет и начно-методологическую составляющую. Сегодня пришло понимание, что для сохранения мира между народами необходимо их объективное и непредвзятое представление друг о

друге. Для этого необходимо понимать как возникают эти представления, как в них отражается действительность. От этого зависит позитивная негативная доминанта данных представлений.

В качестве базы для исследования процесса формирования национальных образов, без всякого сомнения, подходят российско-германские международные отношения. Роковые события XX в. - мировые войны, дважды ставили русский и немецкий народы в положение противников, что, естественно, породило множество предрассудков и предубеждений (стереотипов) с обеих сторон. Преодолению и смягчению этих предубеждений, безусловно, будет способствовать изучение истоков формирования образа Германии и немцев у русских в начале XX в., когда произошла трансформация положительного образа Германии и немцев, и впервые возник образ немца-врага.

В конце XIX – начале XX века Россия совершает крутой поворот в своей внешней политике: от традиционной вражды с Англией к соглашению с ней, что усиливает противоречия между Россией и врагом Англии – Германией. Эти изменения имели непосредственный отклик в общественном мнении России. В 1870 г., когда началась франко-прусская война и немцы уверенно шли к победе в ней, многие русские образованные современники этих событий были потрясены военными успехами немцев. И.С.Тургенев писал в 1870 г., что «…теперь немцы являются завоевателями, а к завоевателям у меня сердце не лежит» [1, с. 278]. По мнению исследователя С.В.Оболенской, такое отношение большей части русского общества к немцам прослеживается на протяжении всей франко-прусской войны 1870-1871 гг. [2, с. 192]. Возникновение новой, агрессивной Германии под эгидой Пруссии, по мнению С.В.Оболенской, стало потрясением для русской образованной общественности. Журнал «Вестник Европы» в 1873 г. подчеркивал, что объединение Германии стало ужасом для русского общества [3, с. 880].

Другой причиной нарастания напряженности, по мнению некоторых авторов [4], стало соперничество двух стран в области международной торговли. Российские власти в целом осторожно относились к иностранным предпринимателям, приезжавшим в Россию [5, с. 19]. Естественно, что в российской правительственной печати началась подготовка общественного сознания. Она вылилась в антигерманскую пропаганду в прессе. С.В.Оболенская, проанализировав публикации журнала «Русский вестник», появившиеся в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в, выявила отрицательное отношение русской общественности к Германии и немцам [6, с. 34-35].

Внутренняя политика Александра III (1881-1894 гг.), ярого сторонника особой «национальной линии» и германофоба, была направлена на прекращение тесных отношений с «колбасниками», как этот царь с юных лет неизменно именовал немцев [7, с. 107]. В 80-90-е годы проявилась общая тенденция ограничения прав некоторых национальностей, русификации национальных окраин. И все же, о политике Александра III, находившегося под сильным влиянием консервативной идеологии, нельзя говорить как о системной целенаправленной антигерманской политике. Государственный секретарь А.А.Половцов отмечал в дневнике: «Разыгрывается травля всего, против всего, что не имеет великорусского образа; немцы, поляки, финны, евреи, мусульмане объявляются врагами России» [8, с. 117].

С конца 70-х гг. XIX в. в связи с русско-турецкой войной 1877-1878 гг. и обострением восточного вопроса в российском обществе приобрели популярность панславистские идеи, поддерживаемые в правительственных кругах [10, с. 68], которые имели, в том числе, и антигерманскую направленность. Антинемецкие настроения в определенной степени влияли на положение российских немцев-переселенцев. Особенно негативное отношение правительственных кругов наблюдалось к новым поселениям немцев-колонистов. Это проявилось в ряде законодательных актов конца 80-х гг., существенно ограничивавших въезд иностранных колонистов в Юго-Западный край [11, с. 241].

По-видимому, подобное отношение властных кругов к немецким колонистам стало причиной появления антинемецких публикаций. Немцев обвиняли в том, что они остаются настоящими пруссаками, не принимают российского подданства [7, с. 212]. Стоит отметить, что, по мнению некоторых исследователей, подобные подозрения не всегда были безосновательными [12].

В итоге, в последней трети XIX в. германский вопрос становится важной социально-политической и идейной проблемой внутренней и внешней жизни России. Но поменять восприятие целой нации не такая простая задача [13, с.111]. На наш взгляд, нельзя с уверенностью говорить о прочности такого представления, полагаясь лишь на исследование общественного мнения России времен создания Германской империи и правления Александра III.

В конце XIX – начале XX вв. весь мир, включая Россию, испытывает на себе воздействие усиления Германии, ее экономики, ее вооруженных сил. В свою очередь, в рассматриваемом периоде особую важность имеет начало XX в. В ряде современных исследований утверждается, что в немецкой истории именно события XX в. наложили заметный отпечаток на восприятие Германии во всем мире, и в целом XX в. характеризуется как немецкое столетие [14, с. 218].

Стоит также выделить два вида представлений: представления о Германии и представления о са-

мих немцах. Конечно, оба образа взаимосвязаны между собой. Но враждебность к целому народу должна быть основана на чем-то большем, нежели «патриотические» высказывания о том, что немец грозит войной (как в сообщениях С.Татищева) [15], что немецкие колонисты захватывают русские земли и заставляют работать на себя «бедных» русских крестьян (как в публикациях А.А.Велицина)[16]. Нельзя утверждать, что после антинемецкой кампании конца XIX в. в сознании русских немцы стали восприниматься как враги, и к началу Первой мировой войны русское общество находилось в полной уверенности в этом. Для выяснения вопроса о том, стали ли немцы врагами в мыслях русского человека или нет, необходимо проследить эволюцию этнического образа немца до начала Первой мировой войны.

Утверждать о наличии предубеждений к немецкой нации следует только тогда, когда выясняется, что экономические и культурные взаимоотношения между странами вступили в такую фазу, когда они тормозятся предубеждениями и настороженностью, которую обычно народы испытывают к своему врагу; когда социально-экономический и культурный, этнопсихологический образ нации отягощается враждебностью и в результате этого искажается. Нельзя сказать, что подобного искажения не было в конце 80-х гг. XIX в. Об этом свидетельствуют, например, исследованные С.В.Оболенской публикации А.А.Платова (под псевдонимом А.А.Велицина), которые обличали немецких колонистов, живших в России, во всем, в чем только можно.

Действительно, в этот период в патриотических изданиях националистического толкаусиленно муссировалась тематика немцев-колонистов и их образа жизни [17]. Образ немцев, их привычки и манеры описывались с откровенным отвращением и враждебностью. В этих публикациях просматривается предвзятость, что доказывается искажением объемов привилегий колонистов перед коренным населением [18, с. 179]. Это позволило С.В.Оболенской сделать вывод о том, что русское общество находилось под влиянием враждебных стереотипов немецкой нации, вызванных к жизни опасениями перед экономическим и военно-политическим усилением Германии. С этим трудно не согласиться, т.к. нельзя отрицать, что возрастающая мощь Германии вызывала определенные опасения в сознании русских. В их умах действительно могли возникнуть подозрения о существовании враждебных планов у немцев по отношению к русским. Это могло отразиться на отношении русских к немецким колонистам, родиной которых была Германия.

Возрастание отрицательного эмоционального заряда неминуемо приводит к формированию национальных предрассудков, наполненных аффективностью и иррациональностью. В итоге, национальные предрассудки начинают выполнять регулирующую функцию в межнациональном общении. Однако в российском обществе вполне мог существовать противоречивый стереотип немецкой нации. Возможность такой ситуации доказана современными исследователями феномена национальных стереотипов [19, с. 561-562].

В результате проведенного анализа русских периодических изданий выяснилось, что в российской печати рассматриваемого периода встречается достаточно много публикаций, иным образом характеризующих общины немецких колонистов и их образ жизни. К ним, прежде всего, относится книга российского исследователя и общественного деятеля П.В.Каменского «Вопрос или недоразумение». Поводом для написания этой книги послужила необоснованная, по мнению автора, кампания в прессе и обществе против немецких колонистов [20, с, 3].

П.В.Каменский считал несправедливыми подобные обвинения. Автор высветил несоответствие между рассказами А.А.Велицина и своими наблюдениями. П.В.Каменский, проехав по тем местам, которые описал А.А.Велицин выяснил, что действительность не соответствует этим описаниям. Он нашел случаи патриотизма колонистов, отметил их стремление овладеть русским языком. Этот факт подтверждается и современными исследованиями [21, с. 38]. Хотя в некоторых областях России, таких, как Прибалтика, действительно наблюдалась тенденция к понижению уровня изучения русского языка в школах [22, с. 46].

В культурном отношении, в отношении образа жизни, мыслей и поведения немецкие колонисты всегда оставались чужаками для русских. Об этом говорит тот факт, что браки между поселенцами и местными крестьянами – это редкое исключение [21, с. 84]. Однако в хозяйственной и общественной жизни контакты между крестьянами и немецкими колонистами происходили гораздо интенсивнее.

Исследование более широкого круга публикаций вносит серьезные коррективы в представление о том, когда сформировался образ врага в сознании русского общества, и как происходила борьба двух образов: образа непонятного, но интересного, миролюбивого немца-партнера, существовавшего не одно столетие, и образа немца-врага.

Кроме того, в середине 90-х гг. XIX в. происходит некоторое смягчение национальной политики в связи с восшествием на престол Николая II. Некоторые современные исследователи утверждают, что германофобия в России, начиная с 1895 г., ослабевает [8, с. 203] .Следует учитывать, что на протяжении XIX в. между русским и германским народом не происходило сколько-нибудь серьезного международного конфликта. Лишь реальный конфликт или осознание его непосредственной близости могли стимулировать антинемецкие настроения в широких слоях образованной общественности России.

К концу XIX в. в российском образованном обществе меняется представление о Германии и немцах. Это, с одной стороны, было следствием реакции на объективные изменения, произошедшие в Германии, а с другой - результатом антинемецкой политики Александра III. Однако в этот период у русских еще не сформировалось враждебное восприятие Германии и немцев.

The problem of appearing of the negative perception of Germany and the Germans in Russian society in the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries is analyzed. The questions of the national perception and stereotypes in Russia are considered.
***The key words**: national image, Germany, Russia, the Germans, stereotypes.*

Список литературы

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. М.-Л., 1964. Т. VIII. Письма.
2. Оболенская С.В. Германский вопрос и русское общество конца XIXв.// Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998.
3. Литературное обозрение// Вестник Европы. 1873. № 10.
4. Гулишбаров С.П. Внешняя торговля в XIX в. и участие в ней России. СПб. 1998.
5. Хеллер К. Правовые рамки иностранного предпринимательства в России до 1914 г./Немецкие предприниматели в Москве. Сб. статей. М.,1993.
6. Оболенская С.В. Германия глазами русских (XIX век). М., 2000.
7. Оболенская С.В. Немцы в глазах русских XIX в.: черты общественной психологии// Вопросы истории. 1997. № 12.
8. Каппелер А. Россия - многонациональная империя. М., 1996.
9. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
10. Брюханова Е.А. Российский немцы в государственной политике России: Историко-политологический анализ. Дис. к.и.н. М., 2002.
11. Костюк М.П. Демография и география расселения немецких колонистов на Волыни в XIX – начале XX века/ Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996.
12. Неизвестная история Украины-Руси. Киев. 2001. Том II/ http:www.ukrstor.com.
13. Васильева Т.Е. Стереотипы в общественном сознании (социально-философские аспекты). М., 1983.
14. Россия и Германия: Диалог культур.IV Международные Копелевские чтения в Липецке// Новая и новейшая история. 2002. № 6.
15. Татищев С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1889, 1890
16. Велицин А. Немецкое завоевание на юге России // Русский вестник. 1890. №1, 2, 3.
17. Велицин А.А. Иностранная колонизация в России// Русский вестник. 1889, № 1, 2, 3; Он же Немецкое завоевание на юге России// Там же. 1890. №.1, 2.
18. Малиновский Л.В. Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности// История СССР. 1990. № 2.
19. Кцоева Г.У. Роль аффективного компонента этнических стереотипов в межнациональном общении/ Категории, принципы и методы психологии. М., 1983.
20. Каменский П.А. Вопрос или недоразумение. М., 1895.
21. Вашкау Н. Э. Немцы в России: история и судьба. Волгоград. 1994.
22. Чеботарева В.Г. «Русификация» немецкой школы в Прибалтийских губерниях (XIX век)// Вопросы истории. 2004. №12.

Об авторе

Жарких Е.В. – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Госуниверситет - УНПК», fspoti@rambler.ru

УДК 002.93

«ЖУРНАЛ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ» – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ Н. М. ДРУЖИНИНА

В.В. Жибоедов

Статья посвящена исследованию важнейшего исторического события XIX в. – отмене крепостного права в России в рамках деятельности «Журнала землевладельцев». Опровергаются ошибочные мнения о сугубо консервативном содержании материалов журнала, прослеживаются причины постепенного освоения и использования историком марксистской методологии, что связанно с острой критикой работы Н.М. Дружинина руководителем исторического фронта 1920 – х гг. М.Н. Покровским.
Ключевые слова: «*Журнал землевладельцев», отмена крепостного права, идейная эволюция Н.М. Дружинина,*

отзыв М.Н. Покровского.

Академик Н.М. Дружинин ученый с большим именем в исторической науке, отличавшийся разнообразием своих научных интересов. Известны его исследования в области общественно – политической мысли и революционного движения в России в XIX в., музейного дела СССР, различных исторических аспектов внутренней и внешней политики России в XIX в, но приоритет в научной деятельности историка принадлежит социально – экономическим вопросам. Первой крупной работой Дружинина по аграрной проблематике была монография «Журнал землевладельцев», появившаяся в печати в 1926 – 1927 гг. [1, с 463 – 518, 251 – 310].

1920 – е гг. оказали определяющее воздействие на научное мировоззрение историка. Начинается эволюция его взглядов, стремление соответствовать духу времени и задачам советской исторической науки. Исследование истории создания, содержания и оценки «Журнала землевладельцев» Покровским, позволяет проследить начало эволюционного пути Дружинина к марксистским методологическим позициям, что вскоре проявилось в процессе написания им кандидатской диссертации и работы над монографией «Декабрист Никита Муравьев» [2, с. 8 – 241]. Историк устанавливал непосредственную связь между формированием декабристского движения и экономическим развитием страны, что являлось упрощением исторической действительности.

В многочисленных статьях, библиографических изданиях [3, с. 26 – 41], посвященных научному творчеству ученого, можно выделить незначительное количество работ, связанных с исследованием «Журнала землевладельцев», а этот период научной деятельности историка является очень важным для понимания трансформации его взглядов в сторону марксизма. Среди них следует выделить статьи С.С. Дмитриева, В.А. Федорова, А.А. Преображенского, Б.Г. Литвака, Е.И. Дружининой.

Дмитриев в своей работе исследует творческий путь историка и показывает свое отношение только к отзыву Покровского, называя его не соответствующим содержанию монографии Дружинина: «Пристрастный критик приписал автору…внеклассовую точку зрения на помещичью программу отмены крепостного права в России…» [4, с. 14].

Большую роль в исследовании научного наследия ученого сыграли Первые Дружининские чтения, проведенные в 1990 г. В изданном сборнике докладов и сообщений преобладание сохранилось за традицией освещения научно – педагогической деятельности историка. Исследование по истории крестьянства было представлено лишь двумя выступлениями в одном из которых, Федоровым был сделан вывод о важной роли журнала «…для понимания позиций различных групп помещиков – землевладельцев в вопросе подготовки крестьянской реформы» [5, с. 23]. Преображенский, в свою очередь, обращает внимание на проведенный Дружининым глубокий анализ содержания исследуемого журнала, деятельность которого, осуществлялась в обстановке общественно – политической борьбы перед крестьянской реформой. Негативный отзыв Покровского определяется им как бездоказательные обвинения против автора [6, с. 603].

Более подробно «Журнал землевладельцев» характеризуется Литваком и Дружининой. По их мнению, историк сделал правильные умозаключения относительно экономического распада крепостного хозяйства и заинтересованности части помещиков в реформах. Именно эта «непредвзятая объективная позиция вызвала резкий отзыв М.Н. Покровского» [7, с. 350]. Тем самым они показывают, как нелегко в те времена было отстаивать свои исторические взгляды и развиваться дальше как ученому, личности и человеку.

Таким образом, слабая изученность концепции положения и роли помещиков в решении крестьянского вопроса, которая начала создаваться Дружининым и влияние на историка новых методологических установок дает возможность считать исследование этой темы необходимым.

Осенью 1921 г. Дружинин был избран научным сотрудником II разряда Института истории – это система подготовки научных кадров соответствовала современной аспирантуре. Сотрудники II разряда были обязаны вести подготовку к самостоятельной исследовательской деятельности по специальному кругу вопросов, представлять собственные доклады и устные отчеты о проделанной работе. Результатом такой работы автора и явилась его монография «Журнал землевладельцев» (1858 – 1860 гг.). Отдельные главы монографии весной 1923 г. были прочитаны мной на заседании Института истории, а через 3 года вся монография была напечатана…»[8, с. 40] - пишет в своих воспоминаниях историк.

Выступление Дружинина в Научно-историческом институте, на котором он прочел первую главу своего исследования о «Журнале землевладельцев» и сделал резюме остальной работы, нашло свое отражение в дневниках историка. «Вчера было одно из самых сильных и, может быть, решающих впечатлений моей жизни – мой первый доклад в Научно – историческом институте» [9, с. 109]. Доклад Дружинина нашел поддержку среди слушателей «Сочувствие присутствовавших было явно на моей стороне, своим толкованием, которое раздвигало вопрос до уровня большой проблемы о движущих мотивах крестьянской реформы, я заинтересовал наших русских историков. М.М. Бого-

словский наградил меня сдержанными, но лестными похвалами; по-видимому, он ожидал какого-нибудь неприятного «коммунистического» сюрприза, но убедился, что я еще не порвал с «хорошим обществом». Я очень благодарен ему за его неизменную моральную поддержку и веру в мои силы. Несколько указаний сделал С.В. Бахрушин. Один вопрос задал всеобщий историк Е.А. Косминский. Моментами наш обмен мнениями переходил в непринужденную беседу» [10, с. 109].

В своей научной деятельности Николай Михайлович испытывал большой интерес к проблемным, переходным периодам исторического процесса. Среди них, безусловно, выделяется время перехода России от феодализма к капитализму, в особенности этап кризиса феодальной формации и утверждения капиталистических отношений. Его первая крупная работа посвящена именно такому важному событию в нашей истории – отмене крепостного права, способствовавшему глубоким изменениям в социально – экономической жизни России.

«Журнал землевладельцев» был основан в 1858 г. С большими усилиями и перерывами издание журнала осуществлялось до марта 1860 г. Его основателем и редактором был Алексей Дмитриевич Желтухин, представитель дворянского рода и крупный помещик. Впоследствии он станет членом – экспертом Редакционных комиссий по подготовке проекта отмены крепостного права.

Как верно замечает Дружинин, период деятельности журнала – это время когда представители различных направлений общественно – политической мысли активно включались в процесс обсуждения проектов по отмене крепостного права, но еще не смогли выработать решений удовлетворяющих все стороны для преобразования их в догматические формы. Появление журнала не могло остаться незамеченным в периодических изданиях и научных трудах того времени.

В среде либеральной интеллигенции о нем сложилось мнение как о крепостническом органе, «который иезуитскими приемами старался похоронить великое дело освобождения» [11, с. 6]. Эта оценка связана с именем А.И. Герцена и деятельностью журнала «Колокол». Под воздействием либеральной публицистики негативную оценку деятельности журнала дает один из первых исследователей крестьянской реформы И.И. Иванюков, который в 1880 – 1881 гг. напечатал в журнале «Отечественные записки» ряд статей, составившие основу его монографии «Падение крепостного права в России», вышедшей в 1882 г. Цель своего исследования автор определил следующим образом: «Выяснить отношение правительства, дворянства и литературы – этих трех деятелей в крестьянской реформе – к преобразованию сельского быта. А для этого достаточно изложить ход реформы в ее основных чертах и отношение этих общественных элементов к самым центральным вопросам реформы, определяющим все остальное, как логическое из них следствие» [12, с. 5]. Важное место среди общественных элементов занимали представители литературы и печати – основа российской интеллигенции. Именно в этих кругах происходило активное обсуждение предстоящих реформ. «Журнал землевладельцев», с точки зрения Иванюкова, в решении крестьянского вопроса пропагандирует следующие меры: сохранение барщины, отрицание выкупа, ликвидация крестьянского землевладения и.т.д. Таким образом, по его мнению, это «единственный литературный орган, защищавший юридические институты крепостного права» [13, с. 99-101]. А. А. Корнилов указывает на сочетание в журнале различных точек зрения на отмену крепостничества «в большей части статей журнал стоял на стороне безземельного освобождения крестьян» [14, с. 207], в данном случае речь идет о взглядах дворян черноземных губерний, но наряду с ними встречаются статьи других помещиков, «стремившихся добросовестно разрешить вопрос без обиды для крестьян» [15, с. 32]. По мнению Дружинина, наиболее объективной и соответствующей действительности являлась точка зрения, высказанная исследователем аграрной тематики П. И. Лященко. По его словам, деятельность журнала «была посвящена вопросу, как ликвидировать непроизводительное крепостное хозяйство, чтобы помещик не только ничего не потерял, а может быть и выиграл» [16, с. 213]. Автор считал, что отмена крепостного права и последствия этой реформы, которые были связаны с формированием новой системы землеустройства, были только «компромиссным примирением интересов двух противоположных классов в их борьбе за землю» [17, с. 342]. Указанными работами ограничивается информация, которая была доступна Дружинину в момент написания им своей монографии.

В сравнении с другими периодическими изданиями того времени, «Журнал землевладельцев» отличался от них, а с точки зрения автора, даже значительно выигрывал в следующем аспекте: «не имея профессиональных публицистов, не обладая литературными талантами, он стоит несравненно ближе к современной экономической действительности; его статьи насыщены конкретно – жизненным содержанием и обнаруживают предварительную и долгую работу хозяйственной мысли» [18, с. 15]. Действительно, информация которую сообщали помещики, преимущественно провинциальное дворянство из центральных губерний, основывалась на их жизненном опыте, длительной практике, собственном понимании решения социально – экономических проблем.

Основным вопросом, который определял содержание журнала, было падение крепостного права и естественен тот факт, что именно вокруг него развернулась дискуссия. На основе глубокого и тщательного анализа содержания «Журнала землевладельцев» Дружинин четко определяет различия во взглядах помещиков на проблему отмены крепостного права. Автор опровергает устоявшееся мнение о том, что деятельность журнала носит консервативный характер. «Мы не находим в нем принципиальной защиты крепостного права; и за очень редкими исключениями, мы не видим на его страницах никакой идеализации патриархально – крепостного уклада жизни» [19, с. 23]. Решительное осуждение крепостничества прослеживается в статьях довольно большой группы помещиков, понимающих необходимость перемен в экономически отсталом крепостном хозяйстве. Кризисные явления все отчетливее стали себя проявлять во второй половине XIX в., что порождалось «…низким уровнем производительных сил деревни, выражавшимся в слабости материально – технической базы сельскохозяйственного производства – использовании скудного инвентаря…примитивной трехпольной системы севооборотов» [20, с. 30]. Именно поэтому активное обсуждение будущих перемен продолжалось.

По мнению Дружинина, вопрос который вызывал наименьшее количество споров, был посвящен предоставлению крестьянам гражданских прав и свобод. Разногласия возникали лишь по поводу времени, в течение которого крестьяне смогут воплощать их в жизнь. Незначительная группа помещиков выступала за постепенное дарование свобод. Но в своем большинстве поддержку получила противоположная идея, которая наиболее ярко была сформулирована редактором журнала Желтухиным: «При освобождении крестьян в смысле уничтожения личной крепостной зависимости никакой постепенности допустить невозможно» [21, с. 37].

Вопрос о выкупе усадеб – это следующий пункт реформы, который носил спорный характер и нашел свое отражение в «Журнале землевладельцев». Мнение правительства было весьма определенным: усадьбы должны быть переданы в собственность крестьян посредством выкупа в целях предотвращения их перемещений по стране и возможного возникновения проблем, связанных с их социальной адаптацией. В дворянской среде эта идея вызывала определенную оппозиционность. Ход мыслей представителей московского, рязанского, владимирского, тамбовского дворянства сводился к следующему: передача крестьянам части помещичьих угодий, нередко доходных, может привести к обесцениванию всей остальной земли, переселенческая политика в отношении крестьян не всегда выполнима и может носить для них убыточный характер. В зависимости от местных условий противники выкупа предлагали заменить его правом постоянного потомственного пользования, допускали добровольную возможность приобрести усадьбу. Противоположная точка зрения опиралась на правительственные рескрипты и разъяснения этого вопроса. Выкуп земли даст возможность прикрепить крестьянина к земле и не допустить возможность массовых передвижений крестьянства.

Автором в его первой опубликованной работе на основе внимательного исследования содержания статей «Журнала землевладельцев» показаны разнообразные мнения дворян в обсуждении основных вопросов реформы, что являлось проявлением различного уровня экономического развития губерний Европейской части России. Но в то же время видны и схожие черты, общие заключения, единые мотивы, побуждающие землевладельцев к действию. Эти идеи, по мнению Дружинина, выдвигало «…наиболее активное и вдумчивое большинство помещиков…авторы – землевладельцы намечали среднюю линию, которая при данных хозяйственных условиях обещала им максимум выгод и минимум потерь» [22, с. 78]. Общность интересов помещиков объяснялась политикой государства и их собственными устремлениями.

Работа над «Журналом землевладельцев» имела большое значение в формировании Дружинина как историка. В этом исследовании, связанном с отменой крепостного права в России, содержатся идеи, которые затем глубоко и основательно изучались автором в процессе его научной деятельности. Дружинин показал значение журнала как важного источника, связанного с реформой 19 февраля 1861 г. Исследуя взгляды помещиков по различным аспектам реформы, он следил за их аргументацией, которая отражала объективные условия экономической жизни: «мы видим, как под влиянием определенных хозяйственных впечатлений формируются мотивы и складываются идеи» [23, с. 80]. Приведенные Дружининым точки зрения отражают процесс понимания экономического распада крепостничества, что нашло отражение в предложениях по разнообразным пунктам реформы. Таким образом, всесторонне анализируя содержание журнала, автор выяснял не только взгляды помещиков на вопросы подготавливаемой реформы, но и предпосылки формирования этих взглядов.

Объективная позиция Дружинина в характеристике деятельности «Журнала землевладельцев» вызвала резкую критику со стороны руководителя исторического фронта 1920-х гг. М.Н. Покровского. 17 марта 1929 г. в газете «Правда» появилась его статья «О научно – исследовательской работе историков». В этой статье автор давал отрицательную оценку деятельности Института истории РА-

НИОН. В саркастической форме Покровский называет Дружинина готовым продуктом, так как он уже пришел к званию I разряда и имел право заниматься научной деятельностью в институте. «Когда он изготовлялся, немолчный гул,… стоял около его имени. Не без пяти минут марксист, а не без трех коммунист, можно сказать: занимается - в секции русской истории института, самой почетной секции, крестьянской реформой. Подумайте! Учителя ближе Петра I не подвигаются (речь идет о М.М. Богословском – В.В.), а тут Александр II» [24, с. 408]. Далее содержится острая критика содержательной составляющей работы. Дружинин «занимается ревизией – успокойтесь, читатель – ревизией не марксизма и ленинизма, а всего только старого либерального взгляда, что «Журнал землевладельцев» - крепостнический орган» [25, с. 408]. Приводимые цитаты из различных номеров журнала, по мнению Покровского, наполнены крепостническим духом, именно в апологии крепостнической направленности журнала он обвинял автора. Естественно, что отсутствие внимательного изучения истории хозяйства и экономики, динамики классовой борьбы, по мнению Покровского, являлось главным пробелом работы Дружинина, так как он сам видел причины реформ в экономической сфере, в движении хлебных цен, хлебной торговле, вызвавших кризис барщинного хозяйства. «На хлебном вывозе главным образом окончательно вырос и развивался русский торговый капитал» [26, с. 99]. Он расценивал крепостничество как средство эксплуатации крестьянства торговым капитализмом, а помещик рассматривался как составная часть этого капитализма, цель которого на выгодных для себя условиях изымать у крестьянина «прибавочный продукт».

Столь остро исходившая от авторитетного историка критика первого исследовательского труда Дружинина, в те годы, только начинавшего путь в науку, не остановила его. Вскоре он отправил в газету «Правда» статью «Ответ М.Н. Покровскому». В условиях доминирования концепции Михаила Николаевича в советской исторической науке 1920 – х гг. это письмо отказались публиковать.

В начале статьи, автор определяет идейно – антагонистическую направленность Покровского в оценке его работы: «он приписывает мне определенную общественно – политическую квалификацию – апологета дворянско – крепостнических поползновений дореформенного периода…дает неправильное представление о моей работе и порочит мое имя, как историка…» [27, л. 8].

Дружинин опровергает идею о том, что «Журнал землевладельцев» имеет четкое консервативное, крепостническое направление в своей деятельности, так как оно исходит из «наивного противопоставления «крепостников» - «либералам» и совершенно игнорирует руководящую роль дворянских проектов» [28, л. 9]. Истоком этого утверждения было разнообразное представительство дворянской мысли от либеральной до патриархально – консервативной и практическое стремление большей части помещиков не к сохранению крепостного права, а к его ликвидации, прежде всего, в интересах помещичьего хозяйства.

Покровским игнорируется стремление автора исследовать не только взгляды сотрудников журнала на крестьянскую реформу, но и определить условия породившие их. С его точки зрения все заключается в простом математическом подсчете статей, авторы которых выступали за и против выкупных платежей. По утверждению Дружинина то, что опровергает Покровский, он ранее сам признавал и обосновывал в своей работе. Тремя годами ранее в книге «Крестьянская реформа» Покровский писал: «Правительство всячески стесняло наиболее прогрессивные проекты – выкупа наделов в собственность крестьян, - порою даже запрещало суждения об этом, - и потому не многие высказывавшиеся в этом смысле комитеты должны были преодолеть значительное сопротивление» [29, с. 53]. Исторические факты показывают, что оппозиционным по отношению к правительству было «выкупное» течение, а не крепостническое. Именно эта идея и высказана в работе Дружинина. «Если бы Покровский потрудился прочесть мою работу, то он должен был убедиться, что открытые крепостники…свободно высказывались…цензура их не стесняла, но она очень мешала в течение всего 1858 г. проявиться выкупному течению» [30, л. 12].

Покровским умело объединяются цитаты, которые раскрывают мотивы деятельности помещиков, требовавших ограничения земельного надела. Он умалчивал тот факт, что это только одно из течений, предлагавшее свое решение этого вопроса, были и другие мнения и взгляды. «Нам думается, что такое умозаключение было бы крайне ни точным и что научный анализ требует подробного раскрытия экономических мотивов, в какую бы фразеологию – либеральную или консервативную – они не облекались» [31, л. 14] - пишет в своей статье Дружинин. Историк доказывал, что большинство выступало за «вредное влияние барщинного труда,…видели спасение и расцвет помещичьего хозяйства в поднятии сельскохозяйственной техники,… расписывались под идеей личной свободы крестьянина, так как считали «патриархальные связи» отяготительными для помещиков и тормозящими хозяйственное развитие…» [32, л. 15]. Автор показывает, что эта программа носит антикрепостническую направленность и в ее содержании отражено стремление изменить существовавший социально – экономический строй. «Руководствуясь не крестьянскими, и не «общегосударственными», а классово – помещичьими интересами, они упирались в недостаток капиталов и рабочей силы, без которых невозможно никакое капита-

листическое предприятие. Отсюда – их сомнения и попытки экономического компромисса, которые…и мешали принципиальной выдержанности руководящей линии» [33, л. 16]. Колебания в идеологических настроениях помещиков отражены в содержании журнала и в обсуждении основных аспектов реформы. Дискуссионность этого вопроса, абсолютно закономерна. Кризис феодально – крепостнической системы привел к необходимости активного и обстоятельного обсуждения вопроса реформирования страны, которое должно было способствовать утверждению капитализма в России «Именно такую позицию занимало большинство сотрудников «Журнала землевладельцев», которые вдохновлялись идеей рационального капиталистического земледелия, освобожденного от оков патриархального правового института» [34, л. 18]. Дружинин показал, что рационализаторские попытки получили наибольшее распространение в центральных районах нечерноземья.

В статье «Ответ Покровскому» Дружинин очень объективно, убедительно и строго научно, опроверг мнение своего оппонента, обратив внимание на то, что работа «Журнал землевладельцев» была первым исследованием в его программе научно – исторической подготовки. «Но автор имеет право требовать от оппонентов, чтобы они соблюдали элементарное условие всякой критики: чтобы они правильно передавали его мысли и не приписывали ему таких выводов, которые абсолютно чужды его научным и политическим воззрениям» [35, л. 22].

Появление первой работы по аграрно – крестьянской тематике повлияло на дальнейшие научные интересы Дружинина. С середины 30 – х гг. XX в. эта сфера научной деятельности заинтересовала историка и прочно вошла в его исследовательский процесс различных аспектов социально – экономической истории России. Идеи, изложенные в «Журнале землевладельцев» и статье «Ответ М.Н. Покровскому», имели для Дружинина программное значение, нацеливая его на изучение глубинных социально – экономических явлений крестьянской жизни. Вступив в полемику с Покровским, Дружинин выполнил важную задачу, которая заключалась в дальнейшем прогрессивном развитии исторической науки в нашей стране. Но в тоже время, отвергая одну историческую концепцию, Дружинин продолжает усваивать и становиться приверженцем, защитником другой идеологической составляющей понимания и оценки исторического процесса – марксизма. Подтверждением этого является вторая работа Дружинина по экономической тематике «Разложение феодально – крепостнической системы в изображении М.Н. Покровского» [36, с. 106 – 146]. Используя марксистские методы исследовательского процесса, Дружинин резко преувеличил роль классовой борьбы, как основного фактора вызывающего социальный кризис, проявлением которого будет слом феодальных социально – экономических отношений.

Следует также отметить не только большое значение первых шагов Дружинина в исторической науке, но и личную заслугу автора, который в развернутой форме, спокойно по ходу мысли, обстоятельно по содержанию дал разъяснения критике «метра» исторической науки.

Article is devoted N.M. Druzhinin' s first monography in which the author does attempt of working out of the major historical event of a XIX – th century – serfdom cancellations in Russia within the limits of illumination of activity of Magazine of land owners. The historian has shown an inaccuracy of opinions on especially conservative of materials of magazine. The reasons of gradual development and use by the historian of Marxist methodology are traced, and it has been caused by M. N. Pokrovsky's criticism.
The key words:*Magazine of land owners, serfdom cancellation, Value of the monography for Druzhinin's ideological evolution, M.N.Pokrovsky's response and reaction of the author.*

Список литературы

1. «Журнал землевладельцев» 1858 – 1860 гг. Часть I. М., 1926. С. 463 – 518. «Журнал землевладельцев» 1858 – 1860 гг. Часть II. М., 1927. С. 251 – 310.

2. Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев / Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 8 – 241.

3. Горячева Р.И., Ансерова Н.М. Материалы к библиографии ученых СССР. Николай Михайлович Дружинин. М., 1987. С. 26 – 41.

4. Дмитриев С.С. Историк Н.М. Дружинин // Социально – экономическое развитие России. М., 1986. С. 14.

5. Федоров В.А. Академик Н.М. Дружинин – историк русского крестьянства // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые Дружининские чтения. М., 1992. Часть 1. С. 23.

6. Преображенский А. А. Дружинин Николай Михайлович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 603.

7. Литвак Б.Г., Дружинина Е.И. Николай Михайлович Дружинин // Портреты историков. Время и судьбы. М – Иерусалим., 2000. Том 1. С. 350.

8. Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979. С. 40.
9. Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. М., 1996. № 10. С. 109.
10. Там же. С. 109.
11. Дружинин Н.М. Журнал землевладельцев / Избранные труды. Социально – экономическая история России. М.,1987. С. 6.
12. Иванюков И.И. Падение крепостного права в России. СПб., 1882. С. 5.
13. Там же. С. 99 – 101.
14. Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1918. Часть 2. С.207.
15. Корнилов А.А. Основные течения правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 32.
16. Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. СПб., 1908. Том 1. С. 213.
17. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Том 3. С.342.
18. Дружинин Н.М. Журнал землевладельцев / Избранные труды. Социально – экономическая история России. М.,1987. С. 15.
19. Там же. С. 23.
20. Чуркин М.К. Об особенностях аграрного кризиса в Центрально – Черноземных губерниях Европейской России и возможных путях его преодоления во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник ТГПУ. Томск., 2006. № 1. С. 30.
21. Дружинин Н.М. Журнал землевладельцев / Избранные труды. Социально – экономическая история России. М.,1987. С. 37.
22. Там же. С. 78.
23. Там же. С. 80.
24. Покровский М.Н. О научно – исследовательской работе историков / Дружинин Н. М. Избранные труды. Социально – экономическая история России. М., 1987. С. 408.
25. Там же. С. 408.
26. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967. Книга 3. С. 99.
27. Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 66. Л. 8. «Письмо в редакцию (Ответ М. Н. Покровскому)» 1929 г.
28. Там же. Л. 9.
29. Покровский М.Н. Крестьянская реформа. Харьков., 1926. С. 53.
30. Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 66. Л. 12. «Письмо в редакцию (Ответ М. Н. Покровскому)» 1929 г.
31. Там же. Л. 14.
32. Там же. Л. 15.
33. Там же. Л. 16.
34. Там же. Л. 18.
35. Там же. Л. 22.
36. Дружинин Н. М. Разложение феодально – крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского / Избранные труды. Социально – экономическая история России. М., 1987. С. 442.

Об авторе

Жибоедов В. В. – магистр социально – экономического и исторического образования, преподаватель Брянского городского лицея №1 им. А.С. Пушкина. zhib-vadim@yandex.ru,

УДК - 947.084.631+973.091.6

Г. ГУВЕР И ВОПРОС О ПРИЗНАНИИ СССР В СВЯЗИ С ОБОСТРЕНИЕМ СИТУАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Е.Н. Журина

Статья обращается к периоду конца 20-х - начала 30-х гг. 20 в., когда в связи со сменой администрации в США и осложнением положения на Дальнем Востоке имели место надежды на изменение сложившейся ситуации во взаимоотношениях СССР и США.
Ключевые слова: *президент, государственный секретарь, пакт Бриана – Келлога, экспансия, дипломатические отношения.*

В конце 1920-х гг. Соединенные Штаты Америки были единственной крупной державой, официально не признавшей СССР, хотя экономические и культурные связи между двумя странами расширялись, а в Вашингтоне находился неофициальный представитель Советского Союза Б.Е. Сквирский.

Поэтому сторонникам Советского государства предстоящая осенью 1929 г. смена администрации давала надежду на изменение отношений между двумя странами. Однако, этим надеждам не суждено было сбыться, поскольку президентом США стал кандидат от республиканцев Герберт Гувер. Как и предполагали современники, политик не стремился к сближению с СССР, а, наоборот, активизировал антисоветский курс. В официальных и неофициальных выступлениях о Советской стране он не скрывал неприятия ее государственного и общественного строя, упорно отстаивал политику непризнания. Один из деятелей Гуверовского института войны, революции и мира Г. Фишер писал: «Позиция Гувера по отношению к большевизму не требует анализа. Он боролся с ним изо всех сил» [1, p. 57].

Гувер 13 августа 1931 г. в интервью корреспонденту газеты «News» Сан-Франциско Дж. Бэрри признал, что «... цель моей жизни – уничтожить Советскую Россию» [2, p. 225]. Заявление главы Соединенных Штатов вызвало тревогу среди американского населения. Секретарь президента Л. Ричи и заместитель государственного секретаря Дж. Роджерс поспешили ответить, что Гувер не делал такого заявления. Но сам он от этих слов не отказывался, а американские исследователи подтверждали их достоверность [2, p. 225]. Признание президента Соединенных Штатов отражало официальную политику американского правительства, получившую продолжение с его приходом. Государственный секретарь Г. Стимсон также был против установления дипломатических отношений с Советским правительством. Он не выдвигал новых аргументов, а лишь ссылался на «предварительные условия» Б. Колби и Ч. Хьюза [3].

Конечно, США живо интересовались деятельностью СССР на мировой арене. Это проявилось и во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), находившейся в совместном управлении Китая и СССР, который разгорелся 27 мая 1929 г. вслед за актом агрессии со стороны Китая.

Исчерпав все средства для урегулирования конфликта мирным путем, Советское правительство в середине июля 1929 г. отозвало всех дипломатических, консульских и торговых представителей с территории Китая, прекратило железнодорожную связь между Китаем и СССР, а также предложило дипломатическим и консульским представителям Китая в Советском Союзе немедленно покинуть пределы страны.

18 июля Стимсон обратился с заявлением к представителям Китая, Англии, Франции и Японии в Вашингтоне, в котором напомнил, что СССР и Китай присоединились к пакту Бриана – Келлога, предполагавшему отказ от войны в качестве орудия национальной политики, и в связи с этим предложил передать их конфликт на разбирательство третьего государства. На следующий день, следуя «инициативе Стимсона», французский министр иностранных дел Бриан в Париже и посол Эрбетт в Москве обратились к советским представителям с официальным предложением посредничества Франции в урегулировании конфликта. Советское правительство отклонило это предложение в связи с тем, что китайские власти отказались восстановить нарушенную ими правовую базу на КВЖД. Тогда 25 июля Стимсон направил секретный меморандум правительствам Англии, Франции, Италии, Японии и Германии с предложением установить международную опеку над КВЖД. Соединенные Штаты предлагали ее «интернационализацию».

В ноябре 1929 г. созданная еще в августе Особая Дальневосточная армия во главе с В.К. Блюхером превзошла противника в районе Далайнора и Хайлара (Маньчжурия). Китайская сторона обратилась к Советскому правительству с просьбой о ликвидации конфликта и вынуждена была 1 декабря сесть за стол переговоров. А 3 декабря, уже после начала советско-китайских переговоров о мирном урегулировании, правительства США, Англии и Франции вручили Советскому правительству идентичные заявления. В них обращалось внимание на пакт Бриана – Келлога и выражалась надежда на то, что обе стороны воздержатся от враждебных мер и сочтут возможным прийти между собой к соглашению о разрешении мирными средствами всех вопросов, которые являются в настоящее время предметом конфликта между ними [4, с. 65].

Однако, пакт Бриана – Келлога, на котором основывались представления США, Англии и Франции, не давал ни одной из стран, подписавших его, функции «охранителя» пакта и права предъявлять другим государствам обвинения в его нарушении. Советское руководство через французского посла Эрбетта передало властям США 3 декабря заявление, в котором указывалось, что Америка обратилась к нему тогда, когда между Советским и Мукденским правительствами уже согласован ряд условий, и ведутся непосредственные переговоры. Советская пресса подчеркивала это [5]. «В силу этого обстоятельства,– говорилось в советском заявлении,– упомянутое обращение не может не рассматриваться как ничем не оправдываемое давление на переговоры и, следовательно, отнюдь не может считаться актом дружелюбным».В заключение выражалось удивление по поводу того, что правительство США, «которое по собственному желанию не находится ни в каких официальных отношениях с правительством Советского Союза, находит возможным обращаться к нему с советами и указаниями» [4, с. 67].

В этой связи в американской печати появились любопытные комментарии. Например, журнал «NewRepublic» вопрошал: «Как мы можем объяснить апелляцию к международным обязательствам

Советского Союза, отрицая дипломатический контакт с ним? Говоря от имени Соединенных Штатов и призывая Россию сохранить мир в Маньчжурии, Стимсон приступил к выполнению своей задачи неподготовленный и с нечистыми руками. Мы не имеем никакого права обвинять Россию в агрессии, пока не изменим наши собственные методы» [6]. Подобные статьи встречались и в других изданиях.

В основном выводы сводились к следующему: 1. Советское правительство было право, возражая против американского вмешательства в советско-китайский конфликт, особенно после того, как начались переговоры между заинтересованными сторонами; 2.США не признали СССР, а, следовательно, им нельзя было и обращаться к Советскому Союзу; 3. США не имели права вмешиваться в советско-китайский конфликт, а само их выступление явилось большой дипломатической неудачей, нанесло удар по американскому престижу; 4. США получили полезный урок и напоминание о том, что традиционная политика невмешательства в чужие дела единственно правильная [7, с. 218].

Встречались и иные мнения: 1. Выступление Соединенных Штатов было искренним и не могло не иметь места, раз происходили сражения; 2. Однако Стимсон выступил поздно и без надежной информации, когда уже начались переговоры; 3. Все, что Соединенные Штаты могут после этого сказать, это то, что их намерения были прекрасны. Выступление, однако, задержит признание СССР и может подорвать пакт [7, с. 219-223]. Но такие соображения звучали реже. В итоге выступление Стимсона не получило поддержки общественности.

Позднее Стимсон специально для печати сделал заявление, что Соединенные Штаты не будут признавать Советское правительство до тех пор, пока оно не согласится с «предварительными условиями» государственного департамента.

Советско-китайский конфликт был урегулирован. 22 декабря 1929 г. в Хабаровске был подписан протокол о ликвидации конфликта.

Американская дипломатия постепенно брала курс на более энергичное вмешательство в европейские дела. Стимсон, выступив 8 августа с речью перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке, заявил, что правительство Гувера решило отказаться от прежнего изоляционизма, который «стал устаревшим течением». Государственный секретарь подчеркнул, что «жизнь требует более тесных связей Соединенных Штатов с европейскими государствами, установления с ними более тесного контакта и системы постоянных консультаций» [8]. Но отношения с СССР сохранялись на прежнем уровне. 18 сентября 1931 г. НКИД СССР в письме в Политбюро ЦК ВКП (б), характеризуя советско-американские взаимоотношения, сделал вывод: «Враждебная СССР ориентация к настоящему времени стала преобладающей в США» [9, с. 526].

Это отмечалось в тот самый день, когда в международных делах возник новый фактор: на Дальнем Востоке началось вторжение японских вооруженных сил в Маньчжурию, и для Советского Союза возникла реальная угроза военного нападения.

Захватив в 1931–1932 гг. Маньчжурию, Япония подготовила себе удобные позиции для проникновения в Северный Китай, чтобы постепенно подчинить Китай и захватить богатейшие районы Юго-Восточной Азии и Океании. У США были здесь значительные интересы. Доля Юго-Восточной и Восточной Азии, а также всех стран Тихоокеанского бассейна в импорте США превышала долю Латинской Америки и Европы. Страны Тихоокеанского бассейна являлись для США крупнейшими источниками дефицитных видов сырья. Значительными были и инвестиции США в Азии и Океании, превышавшие величину инвестиций США в Центральной Америке и Мексике. Азия была единственным континентом, где прямые американские инвестиции в 1930-е гг. увеличивались из года в год. Во внешней торговле Китая Соединенные Штаты занимали тогда первое место.

В США полагали, что продвижение японцев к границам СССР и захват КВЖД вызовет войну между Японией и СССР, в результате которой было бы сорвано развитие нашей страны и ослаблена военная мощь главного соперника США на Дальнем Востоке – Японии, а Китай и Маньчжурия под японским господством стали бы своего рода бастионом против распространения советского влияния на Дальнем Востоке [10, p. 173].

Печать и представители правительства США пытались убедить общественность страны, что «ближайшие планы должны строиться на несомненности военного нападения Японии на Советский Союз» [11]. Газеты уверяли, что эта война могла бы позволить Америке выйти из экономического кризиса. США могли бы как нейтральная держава продавать военные материалы обеим воюющим сторонам, извлекая огромные прибыли. «NewYorkTimes» писала: «САСШ могли бы простить Японии и другие ее действия, если бы она нанесла удар коммунизму. Наступление Японии на Советский Союз может стать поворотным пунктом к лучшему в мировом экономическом положении» [11].

Но по мере дальнейшей экспансии Японии в Китае, особенно после нападения японцев на Шанхай в январе 1932 г. и создания ими в начале марта марионеточного государства Маньчжоу-Го,

провала надежд на скорую японо-советскую войну, настроения постепенно меняются.

1933 г. ознаменовался продолжением японской агрессии, причем экспансия Японии вопреки надеждам правящих кругов США оказалась направленной не на север – против СССР, а на юг. 1 января 1933 г. был занят Шаньхайгуань, в марте – провинция Жэхэ. Японские войска приблизились в Бэйпину.

Проникновение Японии вглубь Китая вело к дальнейшему обострению японо-американских противоречий. Выявился определенный кризис внешней политики Соединенных Штатов, о котором стали открыто говорить в американской прессе. Директор «Ассоциации внешней политики» Р. Бьюэлл писал о серьезных затруднениях, которые испытывали США. Он, в частности, отмечал, что «политика непризнания СССР... ослабила положение США на Дальнем Востоке» [12, с. 42]. В интервью 12 декабря 1932 г. М.М. Литвинов также подчеркивал, что возникновению «пертурбаций на Дальнем Востоке в немалой степени способствовал тот факт, что нормальные дипломатические отношения поддерживали между собой не все государства, расположенные в бассейне Тихого океана» [13]. Об этом же шла речь в международном обзоре, помещенном в то время в журнале «Nation» [14].

В США стали чаще раздаваться голоса о необходимости изменить американскую политику в отношении СССР, чтобы укрепить мир на Дальнем Востоке. Начали говорить об СССР как о крупнейшем факторе стабилизации положения в этом районе, о необходимости отбросить политику непризнания Советского Союза и пойти на сближение с ним. Некоторые конгрессмены констатировали пагубность антисоветской дальневосточной политики для самих Соединенных Штатов. Сенаторы Дж. Робинсон и К. Питтмэн отмечали, что среди аргументов за признание Советского Союза проблемы Дальнего Востока имеют большее значение, чем торговля. Ту же мысль высказывали и другие политические и военные деятели [15, p. 259]. Установление дипломатических отношений с СССР должно было способствовать выполнению задачи американской внешней политики, которая, как писал Хэлл, сводилась к тому, чтобы «помешать Японии занять главенствующие позиции на всем Дальнем Востоке» [16, p. 270].

В 1932 г. вновь установились нормальные связи между двумя крупными тихоокеанскими государствами – СССР и Китаем, которые были нарушены в 1929 г., и вопрос об установлении дипломатических отношений с нашей страной стал обсуждаться в правящих кругах США оживленней, чем ранее. Об этом ставило вопрос перед США китайское правительство, а также китайская пресса, полагая, что это дало бы возможность одернуть агрессивные круги Японии и послужить укреплению мира и безопасности [12, с. 47].

Таким образом, стремление укрепитьсвои позиции на Дальнем Востоке стало взначительной степени определять политическую заинтересованность правящих кругов США в нормализации отношений с Советским Союзом.

При этом некоторую роль, хотя и меньшую по сравнению с вышеозначенным фактором, сыграло стремление США при помощи дипломатических отношений с СССР укрепить позиции в Европе, главным образом, против Германии. Исследователи М. Сейерс и А. Кан писали, что Гитлер, обдумывая идею «германизации» Америки, хотел низвергнуть правительство Соединенных Штатов, а для управления страной назначит гаулейтера из американцев германского происхождения [17]. Еще большую опасность представляло объединение германских иянпонских сил. «NewYorkTimes» писала: «Советский Союз представляет барьер против агрессии Японии на одном континенте и Германии на другом» [18].

Стимсон склонялся к мысли, что политика непризнания стесняет действия США на международной арене, поэтому в 1932 г. он обсуждал вопрос целесообразности для США дипломатического признания СССР в Женеве с членами американской делегации на конференции поразоружению [19, p. 33]. По возвращении он поручил Дальневосточному отделу госдепартамента составить для него меморандум о выгодах и невыгодах признания СССР, получивший название «О проблеме признания Советской России в связи с дальневосточной ситуацией». Авторы меморандума нашли 4 аргумента в пользу признания, зато 9 причин в пользу отказа от него, подчеркнув, что признание усложнит американское положение на Дальнем Востоке. Вместо отношений с двумя народами – Китаем и Японией,– которые не соблюдают западную политическую мораль, они будут иметь дело с тремя – и третий может оказаться наиболее трудным [20, с. 148-149]. Соответственно, государственный департамент пришел к заключению продолжать прежнюю политику в отношении СССР.

Таким образом, ни новая администрация, ни осложнение ситуации на Дальнем Востоке, затронувшее интересы США, не привели к немедленному признанию СССР. Но это повлияло на общественное мнение, увеличив ряды сторонников Советского государства, что, в свою очередь, сказалось с приходом нового американского руководства и стало важным фактором, способствовавшим установлению дипломатических отношений между двумя странами.

The article refers to the period of the late 20s – early 30s of the 20th century, when in connection with the change of administration in the U.S. and the complication of the situation in the Far East hopes to change the situation in the relations between the USSR and the USA appeared.
***The key words**: President, Secretary of State, Kellogg - Briand Pact, expansion, diplomatic relations.*

Список литературы

1. Fisher H.H. The famine in Soviet Russia. 19191923. The operations of the American Relief Administration.NY: The Macmillan Company, 1927.612 p.
2. Williams W.A. AmericanRussian relations. 17811947.NY, Toronto: Rinehart & C°, 1952367 p.
3. NewYorkTimes, December 7, 1930.
4. Советскоамериканские отношения. 19191933. Сб. док.М.: НКИД, 1934.104 с.
5. Известия, 12 декабря 1929 г.
6. NewRepublic, December 18, 1929.
7. Советско американские отношения. Годы непризнания. 1927 1933. Сб. док. М.: МФД, 2002. 824 с.
8. ForeignAffairs. Vol. XI, №1, 1932.
9. Документы внешней политики СССР. Т.14.М.: Издво полит. литры, 1968.872 с.
10. Bose T.Ch. American Soviet relation, 1921 33. Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay, 1967. 228 p.
11. NewYorkTimes, May 15, 1932.
12. Иванов В., Леонян В. В интересах народов. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г.М.: Гос. издво полит. литры, 1957.168 с.
13. Известия, 13 декабря 1932 г.
14. Nation, December 28, 1932.
15. Tompkins P. American Russian relations in the Far East. NY: The Macmillan Company, 1949. 297 p.
16. Hull C. The memoirs of Cordell Hull. Vol. 1.NY: The Macmillan Company, 1948.1804 p.
17. Сейерс М., Канн А. Тайная война против Америки. М.: Гос. изд во иностр. лит ры, 1947. 242 с.
18. NewYorkTimes, November 21, 1933.
19. Powaski R.E. The Cold War. The United States and the Soviet Union 19171991.NY, Oxford: Oxford University Press, 1998.356 p.
20. Цветков Г.Н. Шестнадцать лет непризнания. Политика США в отношении Советского государства в 19171933 гг.Киев: Издательство Киевского университета, 1971.242 с.

Об авторе

Журина Е.Н. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, helga@cheerful.com.

УДК 942.04

РЫЦАРСТВО И ДЖЕНТРИВ АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XV ВЕКА

В И. Золотов

Рассматривается характер взаимоотношений между рыцарями и сквайрами как самыми существенными элементами джентри в сфере хозяйственных отношений. Выясняются предпочтения обеих групп в имущественных сделках, в том числе предпочтения в предмете сделки. Определяется динамика и перспективы развития этих страт джентри к середине столетия.
***Ключевые слова**: рыцари, сквайры, джентри, социальные ориентиры, эволюция.*

В переходный период, с угасанием потенциала иерархического общества, «распадом традиций политического поведения» [1, с. 218], интересно проследить место и роль в общественных процессах рыцарства, сословия, имевшего в господствующем слое после аристократии немалый потенциал влияния на политическую жизнь королевства. Ответ на поставленный вопрос не так прост. В конце XV столетия эта страта оставляет впечатление рыхлого, размытого. Источники, исходящие из среды самого сословия, весьма немногочисленны, хотя о рыцарстве писали многие, стремясь оставить в памяти современников высокий образ благородного воина и защитника.

Как представляется, подобная задача имеет какое-то решение, если посмотреть на сословие рыцарства с не совсем привычной стороны, а именно, с точки зрения их хозяйственных интересов и забот. Многочисленные грамоты королевской канцелярии, фиксирующие имущественные сделки различных групп имущих слоёв страны, дают такую возможность. Грамоты содержат интересную информацию об объектах сделок купли продажи, права владения, залога, дарения. Предметом сделки

являются участки земли, ренты, различные угодья и платежи, обязанности, иногда поместья. Все они сопровождаются указанием социального или профессионального лица участников соглашения. Приоритеты сделок, их условия, круг участников, партнёров позволяют зримо представить реальное положение и место рыцарей в английском обществе позднего средневековья.

Известно, что в английском обществе этого времени все большее место, не только в количественном, но и по социально-политическому весу занимают нетитулованные, неродовитые мелкие и средние феодалы, получившие с XV века в источниках наименование джентри. Известно, что этот слой английских дворян, венчаемый рыцарством, раньше и более последовательно, чем в других странах Европы, стал незамкнутой корпорацией, постоянно подпитываемой наиболее состоятельными представителями свободного крестьянства. Такое обстоятельство, однако, не приводило к размыванию господствующего класса, но, напротив, укрепляло его, расширяя его социальную базу, придавало сословию феодалов удивительную живучесть. Принято считать, что джентри состояли из трех элементов - рыцарей, сквайров, джентльменов. Однако такая трехчленная модель сословия сформировалась в XVI в. Источники XIV в. упоминают лишь рыцарей и сквайров. Джентльмены спорадически стали "проявляться" на социальной ткани общества в XV в. и большой роли как хозяйствующие субъекты в этом столетии не играли.

Предшествующий XIV век, как, очевидно, и следующий за ним, сохранили основной, военный смысл рыцарского звания как обозначение конного воина, все еще являвшегося главной ударной силой армии той эпохи. Но это звание с самого начала несло на себе и определенный социальный оттенок. Недвусмысленно подразумевалось, что таким воином может стать лишь обладатель соответствующего и весьма дорогостоящего снаряжения, то есть рыцарь - прежде всего, достаточно богатый человек. Именно это обстоятельство отчетливо сознавала и в первую очередь учитывала корона, с XIII в., а по мнению некоторых исследователей - и с более раннего времени, обязывая состоятельных землевладельцев принимать рыцарское звание [2, с. 84]. До XIV в. рыцарский статус как форма юридического и социального отграничения воинов-феодалов от остального общества на континенте, и в Англии в первую очередь, предполагал включение его обладателя в систему вассальной иерархии (король - барон - рыцарь) и наличие у него рыцарского феода. Но уже в XIII в. рыцарский феод перестает быть критерием рыцарского статуса, рыцарем именуются обладатели и лишь отдельных частей рыцарского феода - до 1/16 части [2, с. 84]. Обладателями рыцарского звания становятся многие королевские судьи-клирики - люди, подчас никогда не державшие в руках оружия.

В последние десятилетия XIII в. слово "рыцарь" начинает приобретать новое значение: оно становится определением для представителя господствующего класса в парламенте. В это слово вкладывается совершенно определенный социальный смысл: отныне рыцарь тот, кто своим богатством выделяется из общей массы мелких и средних феодалов. "Благородство" происхождения, как известно, играло в Англии меньшую роль, чем на континенте. Состоятельность и необязательность "благородства" означали формальное расширение социальных рамок применения данного термина. Рыцарем мог стать и могущественный магнат, и представитель зажиточного свободного крестьянства. Однако среди них особую ступень занимали рыцари в точном смысле этого слова - прошедшие специальную церемонию посвящения, "опоясанные мечом", обладатели золотых шпор, именуемые "сэр", добавляющие слово "рыцарь" к своей подписи на официальном документе. "Благородство" "опоясанных" рыцарей внешне находило выражение в их исключительном праве на герб, их преимущественном праве на вхождение в состав присяжных, в состав парламента, на выполнение ими различных ответственных и почетных королевских поручений, комиссий [3, с. 32].

С другой стороны, этот факт не мог не способствовать выделению «опоясанных» рыцарей в особую категорию, в определенной степени противостоящую прочим рыцарям, феодалам меньшего имущественного состояния. Ценз для вступления в круг "опоясанных" рыцарей на протяжении XIII-XIV вв. вырос с 20 ф.ст. до 40 ф.ст. земельного дохода в год. Впрочем, в жизни такие рыцари имели доходы до 200 и более фунтов стерлингов [2, с. 85-88]. Именно они являлись высшим слоем служилого рыцарства, ведущими министериалами магнатов, их ближайшими советниками и свитскими.

Рядом с относительно немногими процветающими рыцарскими фамилиями обитало гораздо большее число незначительных по имени и имуществу "благородных" семей, чьи состояния в самом лучшем случае заключались в одном-двух манорах. Их ряды постоянно пополнялись за счет менее удачливых потомков старых рыцарских родов и даже за счет младших сыновей из знатных семейств, не получивших достаточно наследства и ввиду этого вынужденных переходить в более низкий ранг дворянства. Совершенно естественно предположить, что членов менее состоятельных и знатных семей такой спуск на более низкую ступень социальной лестницы ставил в новую ситуацию. Многие из них, утратив по различным причинам права на родовые земли, либо сохранив небольшие остатки своих владений, уходили в магнатские свиты, занимались разбоем [2, с. 100-1-1, 106].

Не все из рыцарей вовлекались в подобную перспективу. Значительная их доля предпочитала избегать королевской службы, старалась найти себя вне магнатских свит. Королевская власть в XIV в. отказалась от попыток принудить всех, имеющих доход в 40 ф.ст. с земли, стать "опоясанным" рыцарем; штрафы, которые лицам рыцарского состояния полагалось вносить за отказ от церемонии посвящения в рыцари, было выгоднее платить, нежели нести издержки статуса [5, p. 563]. Отказавшись от “чести" быть на королевской службе, они предпочитали заниматься хозяйственной, предпринимательской деятельностью. Возможно допустить, что кроме части рыцарства, ставшей на путь служения магнатству, были среди него и те, кого можно считать объективно элементами социальной базы королевской власти.

Таким образом, количественный рост джентри, несмотря на пестроту судеб отдельных лиц, политическую ангажированность, прежде всего рыцарства, в целом сопровождался увеличением богатства и социального престижа в начала XIV в. рыцарей, позднее сквайров [3, с. 33] и джентльменов графств. Каковы их взаимоотношения, каковы приоритеты их хозяйственных (не политических) забот в противоречивом XV столетии? Место и роль каждого из них зависит от многих факторов - политических, социальных, темперамента и характера, случая.

Рыцари продолжают составлять верхушку джентри, в сделках часто фигурируют статусные, присущие только им платежи и приобретения. Только рыцари приобретают часть прав на опеку замков в Ирландии и замок с манором в Нортумберленде [6, IV, p.344; 6, I, p. 506], только у них встречаются приобретения ренты перцем, целый фунт, тмином, права на передачу пары шпор [8, III, p. 189]. Только рыцари приобретают городскую земельную собственность, на правах частной собственности, так называемый бургаж, на северо-западе Уэльса [8, IV, p.215-216]. Такой индикатор предпринимательства, как владение мельницы, ее аренда, упоминается один раз, в начале столетия [8, IV, p. 215-216]. Овчарни упоминаются вместе с вересковыми пустошами [8, II, p.34; III, p. 189], пригодными для разведения, содержания овец. Получают рыцари платежи за право выпаса свиней и другого скота, как деньгами, так и отработочными повинностями [6, IV, p.342]. Дополним этот перечень приобретением солончаков и ренты солью в Линкольншире [6, V, p. 137, 286-287]. Небезызвестный сэр Роберт Ноуллз (не путать с бакалейщиком Томасом Ноуллзом) заполучил в Лондоне держание с тремя лавками, погребами, дома новой постройки с мансардами [6, III, p.427]. К сожалению, единичность упоминания таких приобретений не позволяет сделать каких-либо обобщений.

Каковы рыцари и сквайры в роли традентов сделки? Полученные данные свидетельствуют об одинаковом уровне, схожей интенсивности хозяйственных забот обеих групп джентри (количество объектов сделок практически совпадает - 144 и 146). Однако векторы этих усилий резко расходятся. У рыцарей вал сделок наблюдается в конце XIV в. и затем идёт постоянное понижение до очень низкого уровня к концу правления Генриха VI. Такая тенденция полностью совпадает с данными сделок "рыцари-контрагенты". Рыцарство фактически прекращает хозяйственные сделки с людьми своего круга, с лицами, описанными в источнике неопределенно.

Обращает на себя внимание, что в объектах сделок у рыцарей почти отсутствуют комплексы феодального поместья. За все десятилетия их обнаружено четыре и последнее, в 30-х годах на правах собственности, что говорит о сохранении корпоративности рыцарства, корпоративного духа. Тем более, этот единственный случай приходится на передачу комплекса от сына к матери [8, III, p. 274, 375-376]. Почти сходная ситуация и в другом случае - передача брату [6, III, p. 131-132, 132; 7, I, p. 289; 6, V, p.283].

Что знаменательного имеется в отчуждении у рыцарей? Они могут уступить (на правах владения) в числе прочего розу (если новый хозяин потребует) 6, VI, p. 196; 7, I, p. 500], натуральную ренту в квартер и два бушеля ячменя [9, III, p. 394], 8 а пустоши, коттеджи и голубятни, овчарни [7, II, p. 386, 454; 8, III, p. 118]. Мельниц отчуждают немного (но больше, чем приобрели, 4 случая [6, II, p. 443; 7, II, 374; III, p.274: V, p. 259] против одного), три из них - передача во владение. Однажды передаются владельческие права на рыцарские фьефы [9, I, p. 486]. Этот перечень объектов сделок-уступок представляется в целом в рамках традиционного рыцарского статуса с некоторым уклоном в хозяйственную деятельность.

Рыцари так же мощно, как и в случае "рыцарь-реципиент" начинают век и возобновление Столетней войны не отражается на числе приобретений между рыцарями (10 и 9 случаев приобретений за первые два десятилетия). Сквайры, что является новостью, почти не уступают им (по 8 случаев в каждом из первых двух десятилетий). Но затем у рыцарей наступает резкий спад и в последующие три десятилетия их число сокращается до минимума (1, 3, 1), а в 50-е годы они исчезают. Сквайры, наоборот, наращивают их число, и среднее количество объектов сделок значительно превышает число таковых в первые два десятилетия века (15, 7, 11, 23 соответственно). По всей вероятности, рыцарство остаётся прежде всего военным сословием и Столетняя война сохраняет данную функцию. Неудачи в войне, начавшиеся для англичан в 20-е годы, задерживают воинов на материке, ограничивая возможности участия в операциях с недвижимостью. Сквайры, меньше связанные с военным промыслом, заполняют эту нишу.

И те, и другие в одинаковой мере обмениваются рентой. Сравнивая этот показатель со сделками, в которых рыцари и сквайры, по отдельности, реципиенты, видим любопытные изменения. Наблюдается разница в пользу сквайров, разница почти полуторная, сейчас - почти отсутствует. В то же время уровень отчуждения рент у рыцарей и в случае "рыцарь-реципиент", и в случае "рыцари-контрагенты" остался без изменений, у сквайров же в подобных сделках сократился с 42% до трети. Следовательно, продавцы рент, приобретенных сквайрами, чаще находятся вне сословия; рыцари же ренты у представителей иных социальных групп практически не приобретают. Возможно допустить, что внутрисословные, внутригрупповые связи джентри крепки, рыцари и сквайры остаются сплоченными социальными общностями, рыцари в большей степени, чем сквайры. О том же говорит то обстоятельство, что только рыцари в рамках своей группы осуществляют передачу рыцарских фьефов. Их передают бывшая жена рыцаря, а также дочь и наследница рыцаря, в большом числе, вместе с рентой в виде двух роз и гвоздики [6, III, p. 670; 8, I, p. 387]. Но родственниками в качестве участников соглашения не ограничиваются, встречаются передачи таких прав от рыцаря к рыцарю [9, IV, p. 68, 505].

Интересна передача права на городок Уэлхоу в Ноттингемшире, рыцарь рыцарю [8, III, p. 59; 5, VI, p. 227; V, p. 449]. Передаются права и обязанности бейлифа [6, III, p. 297]. Рыцарь рыцарю уступает все права на мельницы, рыночные и ярмарочные права [8, III, p. 491; 6, I, p. 427]. Бывшая жена рыцаря передает рыцарю, в частности, право паромной переправы вместе с паромом [7, I, p. 291]. Отец и сын из богатого семейства Пзлхэм, оба рыцари, делят часть сеньориальных прав в своих поместьях по стране [8, I, p. 117]. В передаваемых правах отсутствуют те права, которые как-то связаны с хозяйственными заботами рыцарей - только те или иные платежи.

В целом в рассмотренный период рыцарство, оставаясь, прежде всего, военным сословием, хотя и теряет это значение на последнем этапе Столетней войны, фактически «размывает» своё состояние в сквайрах, усиливая хозяйственный вес последних в джентри [4, с. 139-141; 10, p.231; 11, p. 17]. Однако к середине столетия те же сквайры начинают занимать должности, практически те же, что и у нетитулованных рыцарей в системе местного управления. Сельские джентри, возможно, начинают всё более заменять рыцарство при выборах депутатов нижней палаты парламента, делили привилегии и ответственность участия в этих структурах власти.

The paper considers character interrelation between knighthood and esquires at economic life. Partly, the author finds out preferences of both stratas by subjects of deals at propertied deals. Determined intensity and trends development both groups gentry at middle of century.
***The key words**: knights, esquires, gentry, social intents, evolution of development.*

Список литературы

1. Гриффитс Р.Э. Позднее Средневековье (1290-1485) // История Великобритании / Под ред. К.О. Моргана. М.: Весь мир, 2008.
2. Писарев Ю.И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. // Средние века. № 37. 1973.
3. Писарев Ю.И. Структура класса феодалов в Англии в период развитого феодализма // Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. М., 1984.
4. Фергюссон А.Б. Золотая осень английской рыцарственности. СПб.: Евразия, 2004.
5. Stubbs W. The Constitutional History of England. V. II. Oxford, 1883.
6. Calendar of the Close Rolls. Richard II. V. III-VI. L., 1921-1927.
7. Calendar of the Close Rolls. Henry V. V. I-II. L., 1933.
8. Calendar of the Close Rolls. Henry VI. V. I-V. L., 1933-1947.
9. Calendar of the Close Rolls. Henry IV. V. I-IV. L., 1927-1932.
10. Crowder C. England at the Close of the Middle Ages // English Society and the Government in the Fifteenth Century. L., 1967.
11. Roskell J.S. The Commons in the Parliament of 1422. Manchester, 1954.

Об авторе

Золотов В. И. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского,ta-nic@yandex.ru

УДК 942.04

СКВАЙРЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ АНГЛИЙСКОЙ МОНАРХИИ XV ВЕКА

В.И. Золотов

Рассматривается место и роль сквайров и джентльменов в социальных процессах развития английского общества на исходе средневековья. Определяются приоритеты хозяйственных интересов, разнообразие связей с различными группами имущего населения. Выясняются потенциальные возможности сквайров и джентльменов как элементов социальной базы королевской власти.

***Ключевые слова**: сквайры, джентльмены, рыцари, приоритеты хозяйственной жизни, перспективы.*

Развитие английского общества эпохи позднего средневековья с её

потрясениями и нестабильностью в королевстве сопровождалось почти невидимой для современников, но всё более заметным ростом влияния неродовитого дворянства, джентри. В составе последнего всё заметнее роль сквайров. Исследования показывают, что именно они с конца XIV века играют всё большую роль в хозяйственном развитии страны, становясь всё более значимой опорой стабильной и эффективной власти монархии. Солидная коллекция королевской канцелярии грамот, оформляющих имущественные сделки, позволяет проследить в общем виде тенденции социального развития этой группы джентри. Сделки раскрывают приоритеты хозяйственных интересов, социальные интенции сквайров и их взаимоотношения с другими группами джентри, главным образом, рыцарями, другими группами имущего населения страны.

С конца XIV в. социальная группа сквайров становится практически олицетворением целей, выполняет обязанности, которые раньше считались рыцарскими [2, p. 22]. Большой и постоянно растущей долей рыцарей графств становятся сквайры. Английское право обязывало их при обладании определённым уровнем доходов с земли принимать титул рыцаря со всеми вытекающими из этой церемонии обязательствами перед короной. Титул сквайра означал как ранг, так и военную функцию его носителя [3, p. 564]. Ранее профессиональное определение - оруженосец - превратилось в почетный титул "сквайр", свидетельствовавший о благородном происхождении и богатстве его обладателя и дававший ему право на свой герб [1, с. 34]. Его доход составляет от 20 до 40 ф.ст. доходов с земли, хотя нередко и больше. У него нет столь завидных родственных связей с магнатами, как у многих рыцарей, но он, как правило, имеет советника из клириков, уплачивая ему до 2 ф.ст. в год, двух валетов-йоменов из богатых крестьян-фригольдеров, пары пажей или просто слуг [3, p. 572]. Все ли менее богатые служилые феодалы-сквайры находились в орбите магнатского влияния, были ли другие ценности у этой части неродовитого дворянства - вопрос для понимания социального развития английского общества XV в., его судеб не лишний.

Меньший статус сквайра, возможно, объясняет большую, чем у рыцарей, долю в сделках, оформляющих право владения на земли, маноры, усадьбы и т.п., они превосходят рыцарей уже в конце предыдущего столетия почти в 3 раза (27 и 10 случаев), удельный вес их среди других сделок так же в пользу сквайров (8,8% и 14,9%). Более, чем в два раза больше сквайры получают рент, будь то владение, будь покупка (76 и 36), в процентном соотношении так же первенство сквайров (42% и 31,8%). К середине XV века их доля еще больше вырастает (68 и 15), рост более, чем в 4 раза. В процентном отношении так же сохраняется преобладание, хотя и меньшее, примерно на треть (41,5% и 23,5%), но заметное. По аналогии с купечеством, например, с бакалейщиками, можно предположить, что сквайры больше связаны с предпринимательством.

Сквайры вне конкуренции с рыцарями в приобретении комплекса феодального поместья с комплексом сеньориально-вассальных связей, 16 и 3 случая соответственно. Такие приобретения у рыцарей наблюдаются лишь в конце XIV в. У сквайров же кривая этих приобретений ровная, на протяжении всех десятилетий до середины столетия, с некоторой тенденцией к росту.

Динамика сделок по десятилетиям также дает пищу для размышлений. В десятилетие, когда возобновилась Столетняя война, число приобретений у рыцарей падает более, чем в два раза по сравнению с первым десятилетием века; у сквайров более, чем в полтора раза возрастает. Не свидетельствуют ли такие скачки цифр, что рыцари остаются, прежде всего, военным сословием? Упавшее число предметов сделок у них остается практически неизменным в последующие десятилетия, исчезая в 50-е годы. В это десятилетие зафиксирована одна сделка о переходе владельческих прав на маноры и ренту, однако не попавшая в наши подсчеты - она в пользу нерядового реципиента - рыцаря-лорду от сына и наследника леди [4, V, p. 486]. У сквайров сохраняется тот высокий уровень сделок, который сложился в 10-20-е годы. Удельный вес их у сквайров также выше.

Приобретения сквайров разнообразнее. Среди них 11 случаев связаны с мельницами, во все де-

сятилетия [5, IV, p. 290; VI, p. 104; 4, I, p.287; II. p. 114; IV, p.394-395; 6, Ii. p. 47, 62; 4, I, p. 202; II, p. 43; III, p. 99; VI, p. 41]; держания с лавками в Лондоне в районе Флит-стрит и приходе св.Бенедикта вместе с 20 ф.ст. ренты [6, I, p. 455]. В качестве залога получены права на лавки, погреба, дома с мансардами, причал с подъемным устройством в столице [4, III, p.240]. В перечне приобретений встречаются овчарни, загоны для свиней и быков, право фальдажа (исключительные права помещика на овечий навоз), залежные земли, пустоши [4, I, p. 202, 287; III, p. 99], пригодные для овцеводства. Сквайр Джон Уэлден из семейства, связанного с богатым родом Буршье, получает права владения на усадьбу в Кале [5, V, p. 237]. Один из сквайров получает права на доходы с рыцарских фьефов в Девоншире [5, IV, p. 290].

К сожалению, очень мало данных, чтобы представить обстоятельства столь значительных приобретений, как права на комплекс феодального поместья, в том числе с сеньориальными правами омажа, рельефа, опеки, судебными правами по отношению к крестьянам. В двух случаях эти права отдают вдова и некий родственник наследника рыцаря [4, IV, p. 318; III, p. 258], однажды - сын бывшего жителя Норича [4, I, 287]. Поводом к ним стали какие-то затруднения, вызванные, очевидно, утратой родственных связей. В других сделках и их мотивах таких косвенных, на уровне допущений, сведений нет [7, IV, p. 394-395; 6, II, p. 299; 4, I, p. 202; II, p. 128; IV, p. 141-142; 6, II, p. 156-157].

Таким образом, сквайры более многочисленны в земельных сделках, приобретениях прав владения, но рыцари превалируют в покупке земель, оставляя своим соседям по сословию развиваться на ниве предпринимательства, в том числе связанном и с овцеводством, возможно, переработкой шерсти (функциональное назначение мельниц остается неизвестным). Приобретение же сквайрами сеньориально-вассальных прав позволяет говорить о тенденции (устойчивой тенденции, судя по ее динамике) превращения сквайров в полноправных дворян, включения их в систему иерархических связей общества.

Каковы сквайры и рыцари в роли традентов? Сравнение данных свидетельствует об одинаковом уровне, схожей интенсивности хозяйственных забот обеих групп джентри (количество объектов сделок практически совпадает - 144 и 146). Однако векторы этих усилий резко расходятся. У рыцарей вал сделок наблюдается в конце XIV в. и затем идет постоянное понижение до очень низкого уровня к концу правления Генриха VI. Рыцарство фактически прекращает хозяйственные сделки с людьми своего круга, с лицами, описанными в источнике неопределенно.

У сквайров же тенденция обратная. Они активно контактируют в земельных сделках с лицами, описанными неопределенно. Некоторое

затухание их динамики связано, возможно, с начавшейся междоусобицей в стране. Сравнение с данными сделок "сквайры-контрагенты" показывает, что и между собой группа сквайров сохраняет высокий уровень обменов.

Обращает на себя внимание, что в объектах сделок у рыцарей почти отсутствуют комплексы феодального поместья. За все десятилетия их обнаружено четыре и последнее, в 30-х годах на правах собственности, что говорит о сохранении корпоративности рыцарства, корпоративного духа. Тем более, этот единственный случай приходится на передачу комплекса от сына к матери [4, III, p. 274]. Почти сходная ситуация и в другом случае - передача брату [5, III, p. 131-132. См. также 6, I, 289; 5, V, p. 283].

У сквайров обмен такими комплексами более живой, большая часть приходится на вторую половину нашего периода, два из них - в 40-50-е годы. Наблюдение вроде бы не в пользу сквайров, но его можно интерпретировать как их активное участие в перемещении земельной собственности. Суждение подтверждается и обезличенным составом принимающей права стороны во всех шести случаях. Об уступках представителям каких-то конкретных социопрофессиональных групп говорить не приходится. В то же время большее число сделок с таким объектом соглашения говорит о "незакрытости", хозяйственной предприимчивости этой группы джентри.

В то же время атрибуты уступок и отчуждений, совершенных сквайрами, остаются с некоторым исключением, в рамках обычных хозяйственных негоций. Среди них участок с угольным пластом в Дербишире [6, I, p. 444]; мельницы - дважды передаются в собственность и 4 раза во владение, в том числе зерновая мельница [6, II, p. 116; 4, IV, p. 31-32; V, p. 189; II, p. 28-29; V, p. 436-437]. Преобладание владельческих прав симптоматично (сдача в аренду?). Однажды сквайр уступает права на пожизненную должность смотрителя парка в Рэтленде со всеми сопутствующими правами, привилегиями и жалованием [4, V, p. 43], ренту в фунт перца (ее заполучил ректор и братия одного из монастырей, когда-то сдавшие ее в аренду) [4, III, p. 35].

Сравнительный анализ деятельности этих групп в целом общей картины не меняет. Вектор хозяйственной деятельности в этих двух стратах опять направлен в разные стороны. Сквайры как бы заменяют рыцарей в этой сфере деятельности, если иметь ввиду почти одинаковое число приобретений маноров, усадеб и т.п. и рент (47 и 43, 23 и 24 случая соответственно). Но при этом хозяйственная жизнь сквайров расцветает, рыцарей угасает, пик таковой у последних приходится на рубеж XIV-

XV веков. Сквайры уверенно заявляют о себе таким признаком статуса джентри, как обладание комплексом феодального поместья, превосходство по цифрам - в 2,5 раза. Платежи, получаемые в сделках между сквайрами, больше связаны с торговлей - таможенные пошлины в Эссексе, паундаж (портовый сбор со стоимости товара) в Нортгемптоншире [4, II, p. 94-95]. Мельницы как предмет передачи встречаются только один раз [4, VI, p. 388]. Единственный раз встречается отчуждение сыном и наследником сквайра должности смотрителя леса с манором лорду Бардольфу в Рэтленде [4, V, p. 441]. Хозяйственная деятельность в отношениях друг с другом не выходит за рамки обычного. В двух случаях приобретение комплекса сеньориальных прав косвенно свидетельствует о хозяйственной предприимчивости сквайров; помимо всего отметим, что эти права отдает вдова сквайра и сын наследник сквайра [4, III, p. 56, 262]. Затруднениями последних не преминули воспользоваться новоиспеченные лорды манора. В трех других случаях какая-то интерпретация соглашений затруднительна [7, III, p. 223; 4, I, p. 455; II, p. 94-95].

Новым следует назвать высокую долю права "представления на приход" - право лорда выдвигать своего человека на должность священника в церковь поместья (advowson). У сквайров такая прерогатива лорда фиксируется 11 раз, у рыцарей - 12, причем в XIV в. - 9 раз, оставшиеся три - в первые двадцать лет XV в. [7, I, p. 387; III, p. 137; 6, I, p. 291] Среди сквайров число упоминаний такой прерогативы характеризуется относительным ростом к середине столетия [6, I, p. 453; 4, I, p. 151, 447; II, p. 22-23; IV, p. 117, 342-343, 459; IV, 434; 6, I, p. 350]. Подобное право - дополнительный штрих к сеньориальним правам сквайров.

Таким образом, сделки сквайров и рыцарей, как контрагентов дают целый ряд свидетельств сплоченности каждой из этих групп джентри. Каждой из них соответствуют присущие им внутригрупповые отношения. У рыцарей не раз встречаются символические подтверждения внутренних связей - розы, перец, должности. Сквайры отдают предпочтение доходным статьям, в том числе связанным с торговлей.

Как складываются отношения между рыцарями и сквайрами в качестве реципиентов? Больше приобретают опять же сквайры, в два раза. Динамика приобретений по десятилетиям также в их пользу. Рыцари мало уступают сквайрам в первом десятилетии XV в., во втором уходят воевать во Францию. Если не считать спада в 30-е годы, сквайры продолжают уверенно превалировать. Для рыцарей динамика активности характеризуется затуханием.

Так же, как и в предыдущих комбинациях структурирования джентри, сквайры в абсолютных цифрах приобретают больше маноров, усадеб, хотя относительный уровень - в пользу рыцарей. Важно отметить, что перелом в числе приобретений этих объектов у сквайров обеспечен в десятилетие Азенкура (4 из 8) и 40-е годы (5 из 10). У рыцарей в 10-х годах только одно приобретение во владение. Отметим также, что у сквайров в 40-50-х годах приобретения весьма разнообразны - и маноры, и ренты, и сеньориальные права; рыцари в эти десятилетия приобретают лишь маноры. Сквайры, уступая в относительных цифрах в сфере покупки маноров, усадеб, убедительно превосходят рыцарей в приобретении комплекса сеньориально-вассальных прав [5, V, p. 243-244; 7, III, p. 278; IV, p. 201; 6, I, p. 384; 4, II, p. 106; IV, p. 208; VI, p. 41]. Единственное подобное приобретение у рыцарей весьма "нетипично", его можно рассматривать как союз рыцаря с горожанами Бостона и сквайром, бывшим клерком при дворе герцога.

Роль и значение сквайров в XV веке несомненно возрастает. Данная страта начинает теснить рыцарство с привычных позиций в хозяйственной, общественной жизни.

Идет ли процесс выделения джентльменов как последнего звена джентри, его низшего слоя? Ответ на вопрос затруднен уже потому, что многие в Англии XV в. называли себя джентльменами - чиновники, свитские, правоведы, недавние выходцы из села, втянувшиеся в хозяйственные заботы горожан. Но в нашем источнике, начиная с 40-х годов, чаще обычного упоминается "джентльмен", участвующий в земельных сделках. До сих пор эти фигуры обычно "мелькали" в сделках с движимым имуществом. Такая перемена заставляет не оставлять данную группу и проанализировать ее связи. Для сведения к минимуму вероятности исследования "джентльменов" из чиновников, свитских, юристов и т.д. отберем интересующих нас "джентльменов" по признакам, которые скорее характеризуют джентльмена как сельского лендлорда, нежели человека вышеупомянутых занятий. Такими признаками в тексте соглашения можно считать простоту содержания сделки, не отягощенного какими-то особыми условиями, более ранними решениями, теми или иными прецедентами. Кроме них, "джентльмены", вызвавшие такой интерес, не должны быть местожительством связаны с Лондоном, Кентом, Миддлсексом. Очень часто "джентльмены" отсюда были скорее чиновниками, ежедневно отправляясь на службу в магистратуры столицы и Вестминстера, нежели сельскими хозяевами. Последние могли быть чиновниками местных курий, что не меняет сути их хозяйственных интересов.

В 40-е годы подавляющее число случаев описывает таких джентльменов в качестве традентов. В 13 сделках десятилетия они лишь дважды выступает реципиентами и трижды – контрагентами [4, IV, p.63-64, 296, 301, 447; V, p. 250]. Только сквайры приобретают у них различное земельное имущество, права. В перечне приобретений - все права на манор и держание с постройками в Кенте, маноры и ренты в Йоркшире, Лейстершире, луг в Сомерсете, земли и луг в Беркшире, 40 ф.ст. ренты с земель в Чешире [4, V, p. 23, 95, 434, 277, 119-120; IV, p. 35, 160; VI, p. 55]. Рента в 40 ф.ст. достаточно велика и позволяет предположить, что под личиной "джентльмена" выступает, по крайней мере, сквайр, возможно, сделка сводится к улаживание какого-то спора тесно связанных землевладельцев (грань между группами джентри зыбка). Один случай с полем и крофтой в Миддлсексе тоже можно включить в этот список - несмотря на столичное графство, джентльмен упомянут без кавычек [4, V, p. 61]. Размеры имущества этого "чистого" джентльмена такие же, как и у вышеназванных "джентльменов", еще одно подтверждение, что последние - мелкие землевладельцы, предмет нашего внимания. В трех случаях джентльмены уступают права на манор [4, V, p. 23, 95, 434], что можно интерпретировать двояко. С одной стороны, речь идет о хозяйственной активности сквайров и по отношению к нижестоящим джентри. Однако обладание манором, ставшим отдельным предметом сделки - признак, как говорилось выше, отделяющий джентри от верхушки свободного крестьянства. Другие уступки - ренты, повинности, луга - только часть атрибутов манориального держания.

В одном случае "джентльмен" из Нортгемптоншира приобретает у сквайра-лорда (Уорвикшир) манор, возможно, в результате судебного иска [4, V, p. 63-64]. У "джентльменов"-контрагентов интересна сделка двух из них из Ярмута в Норфолкшире, которая фактически сводится к аренде рент и повинностей, движимого имущества [4, V, p. 250, 227], обмениваются и правами собственности на манор в Уилтшире [4, IV, 301].

В следующем десятилетии, уже в 50-х годах, сделок с нашими "джентльменами" насчитывается всего лишь три, но в двух - они реципиенты. В третьем предстают контрагентами, из графств Дэрам и Линкольн [4, V, p. 279-280], возможно, сделка заключена во исполнение судебного решения. Интересно, что в этом случае реципиент назван и сыном сквайра [4, VI, p. 398]. Известно, что многие мелкие лендлорды отправляли своих сыновей учиться. Получив, например, юридическое образование, младшие отпрыски считали себя джентльменами, хотя возможно он таковым и являлся, сельским мелким землевладельцем. Еще одна сделка делает "джентльмена" собственником манора [4, V, p. 329].

Как представляется, именно эти группы сословия внесли существенный вклад в изменение социальной опоры монархической власти второй половины столетия. Не имея солидных вкладов и приобретений, лишенные дворянских комплексов спеси и амбиций, они успешно осваиваются в новых условиях трансформируемого общества, связывая свою судьбу с сильной королевской властью.

The paper offers analysis position and role of esquires and gentlemen at social processes of development latemedieval English society. Determined preferences of propertied deals, divers connections with different groups population, partly, with knights. Analysed potentialities named stratas as part of social base kingship of latemiddle age.
***The key words**: esquires, gentlmen, knights, preferences propertied deals, potentialities of evolution.*

Список литературы

1. Гутнова Е.В. Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV-XV вв. // Средние века. № 46. 1983.
2. Denholm-Young N. The County Gentry in the Fifteenth Century. Oxford, 1969.
3. Stubbs W. The Constitutional History of England. V. III. Oxford, 1883.
4. Calendar of the Close Rolls. Henry VI. V. I-VI. L., 1933-1947.
5. Calendar of the Close Rolls. Richard II. V. III-VI. L., 1921-1927.
6. Calendar of the Close Rolls. Henry V. V. I-II. L., 1933.
7. Calendar of the Close Rolls. Henry IV. V. I, III, IV. L., 1927-1932.

Об авторе

Золотов В. И. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского,ta-nic@yandex.ru

УДК – 94(47).073

ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЮ (Г. ДЕ БОМОН «РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»)

О. Ю. Казакова

Статья посвящена малоизученной, не переводившейся на русский язык статье французского либерального деятеля Г. де Бомона (1802-1866). Установлено, что работа написана под влиянием его друга, классика европейской политической мысли А. де Токвиля и на базе впечатлений от их совместного путешествия по США 1830-х гг. Поэтому она может рассматриваться как попытка использования хрестоматийной концепции американской цивилизации Токвиля для интерпретации российской. Догматизм и априорная симпатия к США определили ряд концептуальных и фактологических ошибок автора, допущенных при анализе социально-экономических отношений и перспектив России, снижающих теоретическую ценность произведения, но позволяющих, тем не менее, считать его одним из интересных опытов компаративного кросс-культурного исследования.
Ключевые слова: *Г. де Бомон, А. де Токвиль, Россия, США, колонизация, демократия.*

Французский философ и социолог Алексис де Токвиль (1805–1859) занимает значительное место в истории общественно-политической мысли. В работе «Демократия в Америке» (1835–1840) он дал комплексный анализ заокеанской цивилизации, ставший хрестоматийным. Хорошо известен вывод автора о будущем мира, поделенного между США и Россией, которых он считал равновеликими антиподами [5, с.296].

Токвиль оказал огромное влияние на умы современников и потомков. Ближайшим в орбите его воздействия, самым верным другом и преданным поклонником был Гюстав де Бомон (1802-1866). Его статья «Россия и Соединенные Штаты с экономической точки зрения» (1854) [7], никогда не переводившаяся на русский язык, редко упоминается в библиографии автора, при том, что она опубликована в самом авторитетном учено-литературном издании Франции, «Журнале двух континентов» (Revuedesdeux-mondes) и может рассматриваться как развитие и конкретизация мыслей Токвиля о России и США.

Для историков Бомон всегда находился в тени своего знаменитого друга. Но с точки зрения современников его карьера сложилась блестяще: королевский прокурор при Бурбонах, оппозиционный депутат при Орлеанах, умеренный республиканец Второй республики, посол в Лондоне и Вене. Его печатные труды заслужили общественное признание и академическое кресло в Институте моральных и политических наук (1841). Однако после государственного переворота Луи Наполеона (1851) и установления империи (1852) Бомон ушел из публичной жизни. Уединившись в поместье, он вел переписку с соратниками, прежде всего, с Токвилем. В 1853 г. последний обратил внимание Бомона на книгу барона Гакстхаузена «Очерки внутренней ситуации, национальной жизни и сельских институтов в России» [9].

Германский экономист Август Гакстхаузен (1792–1866) являлся авторитетным специалистом по сельскому хозяйству. В 1842 г. его пригласили в Россию для подготовки серии публикаций, призванных улучшить ее международный имидж. В сопровождении переводчика и жандарма Гакстхаузен совершил путешествие по Центральной России, Украине, Поволжью и Кавказу. В 1847—52 гг. он опубликовал объемную работу, в которой доказывал неподготовленность страны к вольнонаемному труду и выступал за постепенную отмену крепостного права. Его произведение критиковали К. Маркс, А. Герцен, Н. Чернышевский, В. Семевский. Однако все заинтересованные читатели признавали фактологическое богатство сочинения.

В письме Токвиля Бомону читаем: «Эта книга заслуживает всеобщего, но в особенности вашего пристального внимания, ибо, порой смертельно скучная, она весьма поучительна и проливает свет на славян. ... Гакстхаузен представляет народ с пережитками крепостничества и общинной собственностью и все–таки пользующийся, хоть и отчасти, институтами и даже в некотором смысле самим духом демократических и цивилизованных времен, в которые мы живем. С одной стороны, мы видим прикрепленных к земле крестьян X века, с другой – постоянное движение по перемене мест и состояний, характеризующее американцев». При чтении книги у Токвиля возникла «естественная и неизбежная скука, от которой нельзя спастись, созерцая низы русского общества, где все столь однообразно в идеях, законах, обычаях, вплоть до малейших деталей внешнего облика предметов». «Все это производит на меня впечатление Америки, но без Просвещения и свободы, пугающего демократического общества», – заключал он [11,2, p.236–237].

Статья Г. де Бомона задумывалась как рецензия на работу немецкого экономиста, но в итоге представила его собственную, солидарную с Токвилем, позицию по поднятым проблемам. Назвав книгу, вслед за другом, скучной, но познавательной, Бомон разбирал не саму концепцию Гакстхаузе-

на, а отдельные ее положения, главным образом, тему колонизации, в которой считал себя компетентным на правах очевидца и исследователя. В то же время, это был едва ли не единственный сюжет из аграрной проблематики, позволявший провести аналогии между Россией и США.

Статья начинается с тезиса о схожести процессов территориального расширения России и США, прежде всего, по их гигантским масштабам, энергии и воле колонизаторов, необоримой жажде экспансии. Действительно, фактор постоянного прироста земель сыграл важнейшую роль в формировании исторического пути, менталитета, этноса, культуры двух народов. По словам В. О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизуется» [2,1, с. 31]. Ф. Тернер рассматривал феномены заокеанской цивилизации и демократии США как следствие движения фронтира. «Американская история вплоть до наших дней в значительной мере была историей колонизации Великого Запада», – подчеркивал он [4, с.13].

В качестве объектов сравнения Бомон выбрал долину Миссисипи и Новороссию (Северное Причерноморье), что следует признать более корректным, чем распространенное до состояния речевого штампа уподобление освоения Сибири колонизации Дальнего Запада США.

Во-первых, значительную роль в колонизации юга России, как и запада США, играла частная инициатива. Петербургские власти стимулировали миграцию в регион иностранных фермеров и русских помещиков, не могли остановить стихийное перемещение беглых крепостных и маргиналов, считались с казачьей вольницей Войска Донского. Сходство персонажей двух фронтиров нашло художественное воплощение в 1860–х гг. в образах «степных янки» писателя Г. П. Данилевского, стяжавшего литературную славу «русского Купера». В его рассказе «Пенсильванцы и каролинцы» читаем: «По всем новым вопросам тут решительно те же Соединенные Штаты Северной Америки, с которой наша молодая Украинская Новороссия имеет столько родственного» [1,17, с.25].

Во-вторых, климатические условия, плодородие почв, близость черноморских портов (и режим порто–франко в некоторых из них) способствовали складыванию в южных губерниях империи товарного земледелия, динамичному развитию рыночных отношений и аграрному прогрессу. По словам газеты «Русские ведомости», «Россию часто сравнивают с Америкой, называя ее такой же страной будущности. Укажем только на одно несомненное сходство географических условий наших южных пространств с американскими степями, раскинувшимися на запад от Миссисипи» [3].

В основу компаративного анализа Бомон положил антитезу свободы и рабства как сути социально-экономических отношений в США и России. Здесь очевиден парафраз Токвиля из «Демократии в Америке»: «В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство» [5, с.296].

При работе над статьей Бомон использовал, с одной стороны, собственный американский опыт, с другой, – полагался на постулаты либеральной политэкономии. В результате нарушалась симметрия, сопоставимость объектов изучения, а также нарастали догматизм и декларативность умозаключений автора.

В частности, прибыв на американский фронтир в 1831 г. в поисках аграрного мифа джексоновской демократии, Токвиль и Бомон нашли разбросанные хижины скваттеров, расчищавших лесные участки с целью их дальнейшей перепродажи [12, p.236]. К моменту написания статьи для «Журнала двух континентов» фронтир продвинулся далеко, сжимаясь с двух сторон под напором колонистов-эмигрантов (немцев, ирландцев) с востока и жертв калифорнийской «золотой лихорадки» с запада. Мелких фермеров безжалостно выталкивал капитализм (высокая стоимость земли, рыночная конкуренция, промышленная революция, хозяйственная специализация). Тем не менее, Бомон использовал свои впечатления двадцатилетней давности о пионерах фронтира, сравнивая их с крепостными, населявшими южнорусские губернии в середине века.

Что касается догматизма выводов автора статьи, то она очевидна из слишком вольных обобщений, упрощений, намеренно усиленного противопоставления объектов анализа. Как известно, Токвиль был слаб в экономической теории, сам Бомон приобрел некоторое представление о предмете в ходе парламентской деятельности. На заседаниях бюджетной комиссии он показал себя приверженцем либеральных экономических ценностей: свободы торговли и рынка труда, стимулирования промышленности, кредитной системы, договорных отношений между капиталистами и рабочими. В изучаемой статье Бомон опирался на главные постулаты либеральной теории – право частной собственности и принцип индивидуальной свободы. Соответственно сужалось поле зрения автора, все явления, противостоящие ценностям экономического либерализма, им предсказуемо осуждались. В частности, он не увидел пользы, рационального зерна русской крестьянской общины – ни ее социального патронажа, ни адаптативных свойств в условиях рискованного земледелия и произвола властей, ни естественно-исторического происхождения. Достойными зажигательной газетной передовицы представляются заявления Бомона о тотальном рабстве не только русского крестьянина, но и любого, желающего заняться сельским хозяйством в России.

Исходя из выбранных критериев свободы и собственности, автор сравнивал методы внутренней колонизации двух странах, разумеется, в пользу США. Пионеров фронтира Бомон именовал авантюристами и спекулянтами, а тот этап освоения, который наблюдал в Америке, считал предколонизацией, набором критической массы оседлого населения для того, чтобы правительство придало территории официальный статус. Только затем, по его мнению, начинается колонизация силами жаждущих земли выходцев из Европы. «Лучшая награда, которую можно предложить эмиграции, – это личная свобода и защита собственности в их новом отечестве: как раз то, что привлекает поселенцев в Соединенные Штаты более, чем можно ввести в России силой оружия», – писал Бомон. Он подчеркивал, что последовательное соблюдение государством либерального принципа laissez–faire (децентрализации и самоуправления) приводит в Америке к тому, что направленная к личной выгоде активность тысяч поселенцев выливается в ощутимое общественное благо, прирост национального богатства.

В его работе встречаются и очевидные ошибки. Например, при сравнении методов колонизации Бомон настаивал на их коренном различии как частных, мирных инициатив в США и военных захватов в России. Указанное им противопоставление весьма относительно. Если иметь в виду штаты Мичиган и Огайо, то Токвиль и Бомон действительно увидели здесь мирную жизнь фронтира. Если же брать в целом летопись колонизации, то она полна кровавых стычек с индейцами и мексиканцами, вплоть до регулярных войн. С другой стороны, Бомон представлял американскую колонизацию как продвижение линии фермерских хозяйств. Однако на юго–западное пограничье США распространялось плантационное рабство, отвратительное для француза. К описываемому моменту западный фронтир проходил по засушливым районам страны, где трудно было вести земледелие. Так что упоминание в тексте о «пионере с плугом», еще уместное для 1830–х гг. в «Демократии в Америке» Токвиля, к середине века являлось уже культурным мифом, сознательно, а не по неведению, воспроизводимым Бомоном. Он, как и его великий друг, стремился подчеркнуть различия процессов территориального расширения двух стран, как мирный и созидательный в первом случае, как принудительный и деструктивный – во втором. Поэтому Бомон утверждал, что Россия истребляет и закрепощает население покоряемых территорий. Между тем, очевидно, что необходимо различать внутренний колонизацию, заключающийся в освоении целины, и внешнюю имперскую экспансию, преследующую интересы государственной безопасности и расширения сферы влияния. Но даже в последнем случае местное население Польши, Молдавии, Причерноморья не уничтожалось, не депортировалось, не изгонялось. Можно предположить, что в абсолютизации автором роли военного фактора во внутренней жизни России сказалось влияние Крымской войны (1853–1856) и большое место, занимаемое в структуре рецензируемого третьего тома Гакстхаузена описанием русской армии.

По меркам «Журнала двух континентов» публикация Бомона очень небольшая и поверхностная, в ней мало аналитики и статистики. На наш взгляд, такого авторитетного и независимого издателя как Франсуа Бюлоз, основателя и бессменного редактора «Журнала двух континентов», к публикации столь легковесной работы Бомона могла побудить общественная конъюнктура (рост популярности, почти культ Токвиля в среде либеральной оппозиции Второй империи, с именем которого судьба автора была неразрывно связана) либо программный характер сочинения, так явно демонстрирующего символы веры либерализма порой в ущерб основному содержанию. Следует особо подчеркнуть, что антироссийская направленность статьи Бомона не была инспирирована властями в условиях русофобии Крымской войны, так как журнал находился в оппозиции режиму.

Работа Бомона написана в духе и по советам Токвиля, местами воспроизводит его суждения. Об этом особенно приходится сожалеть в отношении идеи французского мыслителя о российской демократии («Америки без Просвещения и свободы») в свете его теории. Согласно ей, демократизация является новейшим общественно-политическим процессом, которым захвачены США («Демократия в Америке») и в который втягивается Европа («Старый порядок и революция»). По его убеждению, при прогрессирующем уравнении условий в демократическом обществе индивидуализм (социальный факт) деградирует до эгоизма (инстинктивного состояния, морального факта), открывающего дорогу анархии и деспотизму [10, p.9,13]. В письме Бомону по поводу книги Гакстхаузена Токвиль указывал, что патриархальная Россия также пользуется, «хоть и отчасти, институтами и даже в некотором смысле самим духом демократических и цивилизованных времен, в которые мы живем». Бомон обратил внимание на русскую общину у рецензируемого Гакстхаузена [9, p.34–35], в особенности на его положительную оценку с консервативных позиций «странной демократии, считающейся нами варварской и презренной», «равенства всеобщего убожества». Вывод Бомона «русское общество не просто меня печалит, оно меня пугает» рефреном передает тревогу Токвиля.

Компаративное, скорее публицистическое, чем подлинно научное исследование Бомона практически не получило резонанса. В романе Н. Г. Чернышевского («Что делать?») имя американца Чарль-

за Бьюмона (Дмитрия Лопухова) является калькой с Шарля Бомона, его биография связана с фронтиром, в уста героя вложены мысли, с которыми автор мог работать как внешнеполитический редактор петербургских журналов [6]. Позднейших исследователей-русистов заинтересовала бомоновская гипотеза о перенаселенности русской деревни. Т. Тёмер в работе «К вопросу об отмене крепостного права в России» (1859) оспаривал ее. По его мнению, не избыток рабочих рук, а непроизводительный подневольный труд ведет к низкой урожайности, периодическому голоду в России [13, p.35–37]. То же место из Бомона выбрал Э. Фурместро для перехода к положительному отклику на отмену крепостного права Александром II [8, p.196–197]. Примечательно, что в историографии закрепилось название статьи «Русское общество и американское общество», слова, которыми, по устоявшейся традиции, были надписаны все нечетные страницы публикации «Журнала двух континентов». Хотя статья называлась «Россия и Соединенные Штаты с экономической точки зрения», в сознании современников совершенно справедливо она сохранилась как описание социальных отношений, возникающих вокруг крепостного и свободного труда. Бомон, прославившийся после аболиционистского романа «Мария или рабство в Соединенных Штатах» (1835) как борец с социальной несправедливостью, выделял именно этот аспект, несмотря на заявленную экономическую тематику публикации.

В целом, как показывает статья, экономические выкладки Бомона поверхностны и абстрактны. По сути дела в заявленной теме его интересовала проблема влияния государства на аграрное развитие двух стран, социальный эффект сложившихся систем хозяйствования. Рациональное зерно его публикации заключается в кросс–культурном компаративном исследовании, научный формат которого он, однако, не сумел выдержать.

The article is devoted to the not translated into the Russian language article of the French liberal politician, G. de Beaumont (1802-1866). It is established, that the work was written under the influence of his friend, the classic of European political thought, A. de Tocqueville, and based on the impressions of their joint travel to the USA 1830th. Therefore, it can be considered as an attempt to use a concept of the American civilization of Tocqueville for interpretation of the Russian. The dogmatism and sympathy to the USA have defined a number of conceptual and factual errors of author in the analysis of social–economic relations and prospects of Russia, which reduce the theoretical value of the work, but allowing, however, to consider it as one of interesting experiencesof comparative cross–cultural research.
The key words: *G. de Beaumont, A. de Tocqueville, Russia, the United States, colonization, democracy.*

Список литературы

1. Данилевский Г. П. Пенсильванцы и каролинцы. // Сочинения. В 24т. Изд. 8–е. СПб., 1901.
2. Ключевский В.О. Сочинения. В 8 т. М., 1956.
3. Русские ведомости. 1867. № 76.
4. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009.
5. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.
6. Эткинд А. Что делать? Видеть сны. URL: http://chaosss.info/xaoc/dream.html (дата обращения: 18.03.2012)
7. Beaumont G. de, La Russie et les États-Unis au point de vue économique. – Revue des deux mondes. T.5. 15 mars 1854. P. 1163–1182.
8. Fourmestraux E. Étude sur Alexandre II. P., 1862.
9. Haxthausen A., Études sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie. Berlin, 1853.
10. Lamberti J.–C. La notion d`individualisme chez Tocqueville. P., 1970.
11. Œuvres et correspondence inédites d`Alexis de Tocqueville 2 vol. P., 1861.
12. Smith H. Terres vierges. De l`Ouest américain considéré comme symbole et comme mythe. P., 1967.
13. Thœmer Th. Études sur la question de l'abolition du servage en Russie. P., 1859.
14. Tocqueville A. de. Œuvres completes. 12 vol. P., 1957.
15. Zimpa C. . La vision du Nouveau Monde de Chateaubriand à Beaumont: pour une étude de forme de l'exotisme. – The French Review. 1976. Vol. 49. № 6. P. 1001-1024.

Об авторе

Казакова О. Ю. – кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного университета, kazaolga@yandex.ru

УДК 94(47).084.3

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ И БОЛЬШЕВИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ И БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИЙ (ОКТЯБРЬ 1917 – 1924 ГГ.)

Е.А. Кляченков

В статье на основе материалов местных и центральных архивов рассматриваются взаимоотношения социалистической оппозиции и большевиков на территории Орловской и Брянской губерний после октября 1917 года.
Ключевые слова: *меньшевики, социалисты-революционеры, анархисты, история политических партий, репрессии.*

Крушение однопартийной политической системы более двадцати лет назад и развитие многопартийности в нашей стране вызвали особый исследовательский интерес к истории оппозиционных социалистических партий в первые годы советской власти.

Наиболее активно тема взаимоотношений социалистической оппозиции и большевиков стала разрабатываться в постсоветский период. Опубликован ряд исследований по истории социалистических партий [1], существуют публикации, в которых анализируется деятельность оппозиционных партий в различных регионах страны [2]. Вышло немало сборников документов, освещающих деятельность социалистической оппозиции в данный период [3]. Но, несмотря на наличие солидной историографии по данной теме, региональный аспект взаимоотношения социалистической оппозиции и власти коммунистов остается наименее изученным.

В данной работе мы попытались проанализировать особенности взаимоотношений оппозиционных социалистических партий и большевиков на территории Орловской и Брянской губерний после октября 1917 года.

Репрессии в отношении социалистов начались сразу после прихода большевиков к власти. Первый удар со стороны коммунистов приняла на себя оппозиционная периодическая печать. 4 ноября 1917 г. ВЦИК принял специальное постановление, в котором определил свободу слова, как меру «безусловно контрреволюционного характера» [4, с.43]. В результате уже в январе-феврале 1918 г. только в Петрограде и Москве было закрыто около 70 газет. Вместе с этим, 4 декабря В. И. Ленин подписал декрет об аресте группы эсеровских и меньшевистских лидеров [5, с.22]. Весной 1918 г. репрессиям подверглись уже бывшие союзники большевиков – анархисты, аресты которых были проведены в ряде крупных городов страны.

Нужно отметить, что если в центре в отношении социалистической оппозиции властью проводилась достаточно жесткая линия поведения, то в провинции ситуация резко отличалась. Большевики были вынуждены считаться со своими политическими оппонентами, которые зачастую имели немалый вес в местных органах власти – Советах. Так, в Совете рабочих депутатов крупного промышленного центра Орловской губернии – п. Бежица, коммунисты не имели большинства. Во вновь избранный Исполком, состоящий из 15 человек, коммунистам удалось провести лишь четырех кандидатов [6]. Неоднородным по составу был I-й Трубчевский уездный съезд Советов, открывшийся 2 января 1918 г. Съезд избрал Исполком в количестве 18 человек (9 большевиков, 8 эсеров и 1 меньшевик), председателем которого стал эсер Черкасов [7]. Орловские коммунисты разделяли властные полномочия вместе с представителями партии левых эсеров. Орловский уездный исполком, сформированный в феврале 1918 г., состоял из 12 левых эсеров и 3 большевиков [8, с.59].

Провинциальные эсеро-меньшевистские Советы подвергали действия большевиков жесткой критике. В частности, Карачевский уездный Совет осудил октябрьский переворот в Петрограде [9, с.77]. 2 января 1918 г. на заседании Брянского Совета меньшевик П. Товбин обрушился с критикой на «большевистскую авантюру», а резолюция, призывающая к «немедленному созыву Учредительного собрания» была принята большинством голосов [10, с.149]. Еще одна похожая резолюция была принята в тот же день и на заседании Бежицкого Совета рабочих депутатов. В резолюции отмечалось, что «Совет Народных Комиссаров должен сложить свои полномочия и дать отчет о своей деятельности Учредительному собранию» [11]. 9 марта 1918 г. меньшевикам удалось провести в Брянском Совете резолюцию, осуждающую принятие Брестского мира (50 голосов - за, 23 - против) [12].

Отсутствие формальной власти в руках местных большевиков не всегда мешало им проводить самостоятельную политику. Так, Бежицкий Революционный комитет, состоящий из коммунистов, левых эсеров и анархистов, произвел захват клуба заводского общественного собрания, несмотря на протесты эсеро-меньшевистского Совета рабочих депутатов [13]. Бежицкие коммунисты пытались проводить продовольственную политику, диктуемую центром, в обход решений местного Совета ра-

бочих депутатов. Так, в своем докладе от 4 августа 1918 г., большевик Фирсов отмечал следующее: «Без помощи Совета, который стоит против отправки реквизиционных продовольственных отрядов в деревню за хлебом и на борьбу с кулаками – Бежицкая организация своими силами отправила уже три отряда и четвертый формирует» [14].

В первой половине 1918 г. для большевиков Брянского уезда сложилась неблагоприятная политическая ситуация, что, очевидно, отражало картину падения популярности коммунистов в целом по стране. На заводе Арсенал большим авторитетом пользовались анархисты. Весной 1918 г. Брянская федерация анархистов наладила выпуск своего печатного органа «Вестника анархии», со страниц которого подвергалась критике политика большевиков. На первомайской демонстрации 1918 г., после речи лидера брянских анархистов Н. Бодрова, толпа собравшихся, игнорируя призывы большевиков, двинулась к местной тюрьме и освободила всех заключенных [15]. Бежицкие меньшевики и правые эсеры, имеющие большинство в местном Совете, постоянно критиковали деятельность большевистской власти. Так, 21 июля 1918 г. эсерами и меньшевиками в Бежице был организован крестьянский съезд из 50 представителей, на котором была принята резолюция с осуждением политики военного коммунизма в деревне [16]. Кроме того, велась подготовка к созыву «беспартийной рабочей конференции».

После принятия декрета ВЦИК от 14 июня 1918 г. об удалении эсеров и меньшевиков из Советов всех уровней, главным инструментом репрессий против социалистов стали чрезвычайные органы. Тем не менее, проведение данного декрета в жизнь не всегда проходило гладко. Удаление коммунистами меньшевиков и правых эсеров из Брянского Совета 29 июня 1918 г. вызвало непонимание со стороны рабочих. Так, 12 июля 1918 г. представителем от группы беспартийных было внесено предложение о включении в состав членов Совета меньшевиков и правых эсеров, на что председатель Совета заявил, что правые эсеры и меньшевики, как не признающие Советской власти, на заседание Совета допущены быть не могут. В знак протеста, беспартийные покинули заседание Совета [17, с.212]. Еще более показателен пример с разгоном оппозиционного эсеро-меньшевистского Бежицкого Совета, инициатором которого стала Москва. Бежицкие коммунисты вместе с Брянским уездным бюро большевиков, напротив, считали силовую акцию преждевременной и опасной затеей. «Всякое выступление в данный момент вооруженной силы против Бежицкого Совета, - говорилось в принятой резолюции от 5 августа 1918 г., - является гибельным для Завода и для только что начинающегося перелома в настроениях рабочих» [19]. Несмотря на нежелание местных коммунистов идти на вооруженную конфронтацию со своими политическими оппонентами, в начале августа 1918 г. в Брянск прибыл отряд ВЧК во главе с И. А. Визнером, который приступил к операции по обезоруживанию Брянска и Бежицы от антисоветских элементов [18, с.287, 288]. Разгон Бежицкого Совета 17 августа 1918 г., силами ВЧК и Орловских частей красноармейцев, вызвал осуждение со стороны местных рабочих, собравшихся в тот же день на митинг протеста. В принятой на митинге резолюции рабочие требовали: «…немедленного удаления красноармейского отряда, восстановления прежнего Совета, освобождения типографии и освобождения некоторых арестованных» [20]. И нужно отметить, местные коммунисты не могли не считаться с влиянием оппозиционных партий, поэтому в состав нового Революционного Совета так же были включены меньшевики и левые эсеры. Но уже в сентябре 1918 г., под давлением Брянского уездного бюро, бежицкие коммунисты приняли решение исключить из Совета всех меньшевиков и правых эсеров, а 20 сентября распустили местный комитет последних [21].

В ночь на 1 сентября 1918 г. коммунисты разоружили Брянскую федерацию анархистов, которая пользовалась большим влиянием на рабочих местного Арсенала. После этих событий, Брянский Исполком принял следующую резолюцию: «…Мы не боремся с анархизмом. Мы боремся с анархо-бандитскими выступлениями. И пусть знают те, кто осмеливается террору посягать на существующую власть, что за каждую голову Советского работника будут истреблены сотни голов буржуазии и её агентов» [22]. Данная резолюция, как справедливо отмечает М. В. Брянцев, явно указывает на то, что местные большевики не столько испугались выступления анархистов, которого, как такового и не было, сколько воспользовались покушением на Ленина и убийством Урицкого для того, чтобы подавить своих противников, обладавших значительным вооружением, и являвшихся угрозой для местной власти [17, с.223, 224].

Летом 1918 г. произошел окончательный разрыв большевиков с их бывшими союзниками по правительственной коалиции левыми эсерами. Популярность левых эсеров росла на фоне сокращения численности местных организаций РКП (б), состав которых, как отмечает Л.М. Спирин, летом 1918 г. по сравнению с первыми месяцами Советской власти, сократилась почти наполовину [23, с.124]. После убийства немецкого посла Мирбаха 6 июля 1918 г. и вооруженных столкновений в Москве, начались гонения на партию левых социалистов-революционеров.

Реакция местных левых социалистов-революционеров на события 6 июля в Москве была раз-

личной. Так, Брянский комитет ПЛСР на заседании горсовета 12 июля вынес резолюцию следующего характера: «Вполне одобряя приговор, вынесенный ЦИК Графу Мирбаху, и считая основания, по коим таковой был вынесен, вполне достаточными, Брянская организация партии левых социалистов-революционеров считает приведение его в исполнение в данный политический момент…глубоко несвоевременным, и могущим повести за собою…печальные последствия». На том же заседании, лидер брянских левых эсеров А. Петрищев заявил: «мы будем в оппозиции в Советах, но с оружием в руках мы не должны выступать на улицу против большевиков» [24]. Таким образом, высказав свою лояльность большевикам и осудив деятельность своего ЦК, местные левые эсеры продолжили работу в Совете. Однако не везде действия левых эсеров были аналогичными. На заседании Карачевского Исполкома 8 июля 1918 г. была принята антибольшевистская резолюция: «Карачевский Исполком протестует всеми силами против насилия, учиненного партией коммунистов над представителями уезда, принадлежащими партии левых эсеров, а так же протестует против всей тактики коммунистов на V съезде Советов. Настроение всего уезда за поддержку левых эсеров» [25]. Только во второй половине июля большевикам удалось провести большинство своих сторонников в Карачевский Совет.

Большой поддержкой левые эсеры заручились на III Орловском губернском съезде Советов. Как сообщала газета «Орловские Известия», представитель местных левых эсеров Хохлов заявил, что «орловские левые социалисты-революционеры против выступления своих московских собратьев и что они будут настаивать на перевыборах своего ЦК» [26]. Но, несмотря на большую поддержку по итогам выборов [27] и заявление о недоверии к своему ЦК, орловские левые эсеры подверглись репрессиям. В конце июля 1918 г. левые социалисты-революционеры были удалены из Губисполкома, Горисполкома, Ревтрибунала и следственной комиссии за «нежелание определенно осудить позицию своего ЦК». Позднее, в первых числах августа, был арестован и сам орловский комитет левых эсеров, а только начавшая выходить левоэсеровская газета «Соха и Молот» была закрыта [28]. Впоследствии, Орловская уездная ЧК откровенно отмечала: «…при Орловском уездном Совете <…> фракции левых эсеров в настоящее время не существует. Благодаря энергичной работе вышеозначенной комиссии, фракция левых эсеров ликвидирована. Все члены партии, после ареста некоторых из них, вынесли горячие протесты ЦК и вышли из партии…» [29].

Таким образом, летом 1918 г. на первый план вышли силовые методы борьбы с оппозицией. Неугодные большевикам Советы, как правило, объявлялись «контрреволюционными» и распускались. К примеру, 22 сентября был распущен эсеровский Мглинский уездный Совет. Почепский уездный съезд Советов, собравшийся 25 августа 1918 г., получил левоэсеровское большинство. Местными большевиками выборы были объявлены «неправильными», уезд был объявлен на военном положении, а в отделы Исполкома возглавляемые эсерами были направлены коммунисты. В сентябре большевикам удалось, заручившись поддержкой центра, назначить новые перевыборы и провести большинство своих сторонников в Почепский Совет [17, с.212, 213].

В итоге репрессивной деятельности большевиков в отношении оппозиционных социалистических партий, к концу 1918 г. коммунисты получили большинство мест в органах власти Орловской губернии. Представители оппозиции были вытеснены из Орловского губернского исполкома, а также из большинства уездных Исполкомов. Из 12 уездных Исполкомов Орловской губернии, лишь в пяти Исполкомах имелись представители социалистической оппозиции. Так, в Брянском уездном Исполкоме наряду с 16 коммунистами заседали 7 левых эсеров и 2 максималиста. В состав Карачевского уездного Исполкома входило 10 коммунистов и 5 левых эсеров. По одному представителю оппозиции было в Кромском и Трубчевском Исполкомах (социал-демократ интернационалист и анархист соответственно), 2 социалиста (эсер и максималист) прошли в состав Мценского уездного Исполкома [30].

Самые сильные позиции у социалистической оппозиции были в Брянском, Карачевском и Дмитровском уездах. Так, среди 33 членов Исполкомов 12 волостных Советов Карачевского уезда было: 4 большевика, 18 сочувствующих большевикам, 6 беспартийных, 4 эсера, 1 социал-демократ [31, с.189]. В составе 14 волостных исполкомов Дмитровского уезда было: 5 большевиков, 15 сочувствующих большевикам, 19 беспартийных и 11 левых эсеров [30]. Пёстрыми, по политическому составу, были и волостные исполкомы Брянского уезда, например, в Бежицкий Революционный Совет входило 16 большевиков, 5 левых эсеров и 1 социал-демократ интернационалист [32].

Важной особенностью тактики большевиков в отношении своих политических оппонентов была готовность идти на временные уступки и соглашения. Так, осенью 1918 г., в разгар «красного террора» большевики неожиданно изъявили готовность к сотрудничеству с социалистами. В своем докладе, на собрании партийных работников в Москве 27 ноября 1918 г., В. И. Ленин заявил о возможности «установления добрососедских отношений» с группами мелкобуржуазной демократии [33, с.219]. После чего, в ноябре 1918 г. представители РСДРП вновь получили право легально работать в

советских учреждениях, а в феврале 1919 г. была легализована партия социалистов-революционеров.

В январе 1919 г. на выборах в Бежицкий Совет рабочих депутатов около половины мандатов получили представители меньшевиков и левых социалистов-революционеров. Местные коммунисты, конечно, не могли мириться с потерей своего большинства в Совете и поэтому прибегли к незаконным методам. Два спорных места было передано представителям Бежицкой караульной роты, что увеличило общую численность коммунистов в Совете с 23 до 25 человек. Затем, постановлением Бежицкого уездного комитета РКП (б) представители меньшевиков были исключены из Исполкома Бежицкого Совета, в котором коммунисты получили большинство мест. Аргументация большевиков к таким действиям в отношении оппозиции была проста – как заявил коммунист Желтов, в списках меньшевиков «есть отъявленные активисты». Впоследствии, в своем протестном заявлении, представители фракции РСДРП указывали: «…после выяснения результатов выборов в Совет, когда было установлено, что список №3 РСДРП получил 1/3 всех избирательных голосов, депутатами-коммунистами и Бежицким Революционным Советом в списке <…> РСДРП были обнаружены опасные для советской власти «активисты» и право 1/3 избирателей-рабочих было грубо узурпировано…» [34].

Новая волна репрессий в отношении партии левых социалистов-революционеров началась в феврале 1919 г. В Москве начались аресты представителей партии левых эсеров. Формулировка была традиционная - «за подготовку к восстанию против Советской власти». В феврале-марте 1919 г. по обвинению в антиправительственном заговоре в Москве была арестована почти вся левоэсеровская верхушка и около 200 партийных работников [5, с.44]. Вслед за событиями в Москве, на заседании Бежицкого Совета 17 февраля 1919 г. был заслушан доклад большевика Анишкина «О тактике левых эсеров…». После заслушивания доклада, коммунисты утвердили постановление Бежицкой организации РКП (б) об удалении левых эсеров из Исполкома Совета, а на следующий день левые социалисты-революционеры были исключены так же из самого Совета рабочих депутатов [35].

Весной 1919 г. начался очередной виток давления против социалистических партий. В регионы рассылались циркуляры об арестах видных меньшевиков и эсеров, ведущих антисоветскую деятельность [36, с.131]. В первых числах марта 1919 г. в п. Льговском, под Брянском, произошло восстание красноармейских частей, вскоре подавленное. На VIII съезде РКП (б) В.И. Ленин, используя традиционное клише, недвусмысленно заявил, что «в Брянске над восстанием работали меньшевики…» [37, с.163]. После подавления выступления красноармейцев последовали обыски и изъятия документов в квартирах меньшевиков, организованные Брянской ЧК. На заседании 20 марта 1919 г., выслушав протесты членов Брянской организации РСДРП по поводу обысков, Исполком Брянского Совета принял следующую резолюции: «…принимая во внимание расхождение местных членов РСДРП с центральным комитетом меньшевиков в вопросах участия в работах в советских учреждениях, и принимая во внимание их добросовестное отношение к делу, считать обыск – не основательным, довести об этом сведения центра, и просить тт. Самсонова, Анастасина, Губина и Борисова (меньшевиков – Е. К.) занять свои должности» [38]. Кроме того, о непричастности членов РСДРП к восстанию заверил в письме к В.И. Ленину видный меньшевик В.Г. Громан: «В Брянске комитет коммунистической партии удостоверил, что меньшевики не только не принимали участие в восстании, но целый ряд из них активно боролись с ним» [39, с.161].

На заседании Брянского уездного комитета РКП (б), 2 апреля 1919 г., председатель Брянской ЧК заявил «о том, что получена телеграмма из центра, в которой предлагается взять заложников из меньшевиков и эсеров, а так же из буржуазии». Местные коммунисты выступили против таких мер, мотивируя это тем, что «обыск меньшевиков и эсеров не дал результатов, и что меньшевики работают в отделах Совета и им вполне доверяют…» [40].

Вскоре, в Брянске прошли аресты эсеров, в ходе которых было конфисковано «пять пудов агитационной литературы» [41]. Арестованным оказался и видный брянский левый эсер Андрей Петрищев. Интересно отметить, что и здесь Брянский уездный комитет РКП (б) ходатайствовал перед Брянской ЧК об освобождении левого эсера [42].

Данные примеры красноречиво говорят о том, что репрессивная политика центральной власти против представителей социалистической оппозиции в провинции протекала не гладко. Директивы центра часто встречали с непониманием. В резолюциях местных коммунистов есть тезисы о «неправильности информирования центра» в отношении членов оппозиционных партий. Можно дать несколько объяснений такой реакции на политику центральной власти. Во-первых, местные большевики, очевидно, мало смотрели на партийную принадлежность того или иного советского работника. За нехваткой опытных кадров, ценился, прежде всего, профессионализм и деловые качества сотрудника. Во-вторых, местная политическая элита в лице членов РКП (б), вероятно, еще очень болезненно воспринимала вмешательство Москвы в свои внутренние дела.

Очередные потепления отношений между властью большевиков и оппозицией произошли осенью 1919 года в связи с тяжелым положением на фронте. С началом наступления войск Деникина, ЦК РСДРП постановил «призвать всех членов партии к самой активной работе по обслуживанию Красной Армии и к агитации в пролетариате за самое деятельное участие в обороне». 10 ноября 1919 г. делегация меньшевиков в составе члена ЦК РСДРП Плескова и трёх членов московской организации выехали в Брянск с целью сплочения пролетариата «для отпора контрреволюции». По прибытии делегации в Брянск, выяснилось, что «последние несколько месяцев как Брянская, так и соседняя Бежицкая партийная организация почти никакой открытой и широкой политической работы не вели, в силу политических и полицейских условий, общих для всей Советской России…» [43, с.12, 15]. В ходе переговоров с местными коммунистами, после некоторых колебаний, меньшевикам все же удалось добиться разрешения на проведение митингов. В частности, Брянский комитет РКП (б) признал «допустимым совместные выступления против надвигающейся контрреволюции», однако, с условием «не выдвигать своих тактических разногласий» [44]. Силами меньшевиков и коммунистов, в общей сложности, в Брянском промышленном районе было организовано 7 митингов. Как указывалось в отчете меньшевиков, настроения, с которыми воспринимались речи ораторов, были неодинаковы в зависимости от местных условий. Так, в Людинове, где были сильны репрессии «чрезвычайки», массы были настроены явно враждебно против коммунистов, и никакие призывы к борьбе с Деникиным не могли смягчить это настроение. В Бежице, где большевики в своих выступлениях были «весьма корректны», настроение рабочих было не столь подавлено, как в других местах [43, с.16].

Несмотря на притеснения со стороны властей и фактическую монополизацию политической жизни большевиками, меньшевики продолжали пользоваться популярностью среди рабочих. Во многом это определялось продовольственными трудностями и выливалось в протестное движение пролетариата. Так, летом 1919 г. секретарь ЦК РКП (б) Е. Стасова направила в Брянский комитет партии сообщение, в котором Москва выражала обеспокоенность активностью оппозиции: «Нами получены сведения из секретного отдела ВЧК о том, что п. Бежица является гнездом эсеров, меньшевиков и анархистов, ведущих среди рабочих агитацию» [45]. В частности, по результатам выборов, проведенных в Бежицкий Совет рабочих депутатов в августе 1919 г., коммунисты получили - 31, а меньшевики – 19 мест. Интересно отметить, что местные коммунисты прекрасно понимали о значительной поддержке рабочими своих политических оппонентов. Поэтому накануне выборов Бежицкий комитет РКП (б) постановил следующее: «если в список беспартийных войдут бывшие меньшевики или эсеры, то его не принимать, если абсолютным большинством пройдут меньшевики, то создать Революционный Совет (т.е. объявить избранный Совет «контрреволюционным» - Е.К.)» [46]. К 1920 г. меньшевики практически потеряли свое представительство в местном Совете. На перевыборах в Бежицкий Совет, проведенных в январе 1920 г., большевики получили 41 место, а меньшевики – 9. В августе 1920 г. оппозиция фактически была окончательно вытеснена из Бежицкого органа власти – меньшевики заручились поддержкой всего лишь 78 голосов из 3114 возможных [47].

В 1921 г. еще продолжали свою деятельность левые эсеры. В марте 1921 г. в Бежицкий райком партии большевиков поступило заявление от левых социалистов-революционеров с просьбой предоставить им помещение для клуба и конторы для журнала «Знамя». Осталось неизвестным окончательное решение вопроса по этому поводу, Губернским комитетом РКП (б), но, со своей стороны, президиум райкома посчитал, «что в настоящее время несвоевременно допущение легальной работы каких бы то ни было групп» [48].

После своего вытеснения из органов власти, социалисты принимали участие в работе профессиональных организаций. Такая деятельность была характерна, прежде всего, для меньшевиков. Например, в июле 1919 г. коммунист Клобко, на заседании Брянского укома РКП (б), призывал направить больше коммунистов в отдел труда, т.к. «в профессиональных организациях вообще много меньшевиков, с которыми приходится сталкиваться…» [49]. Так, в сводке о партийной жизни в провинции за январь 1919 г. отмечалось то, что в рабочем п. Старь Брянского уезда, несмотря на наличие коммунистического Совета, в заводском правлении и правлении кооператива находятся меньшевики и беспартийные [50]. 22 февраля 1919 г. на открытии I-го Орловского губернского съезда профессиональных союзов так же присутствовала фракция социал-демократов, отстаивающая тезис о том, что «союзы должны быть свободны от политического контроля» [51].

В 1921 г. началась очередная волна репрессий в отношении социалистов. Ленин поручил органам ВЧК разработать «систематический план» мер по ликвидации до начала 1922 г. партий эсеров и меньшевиков [52, с.129]. В феврале 1922 г. в Москве прошли аресты членов бюро социал-демократического союза молодежи. Давление в отношении молодежного крыла РСДРП наблюдалось и в провинции. Так, в сентябре 1922 г. на стол секретаря Орловского Губкома РКП (б) легла теле-

грамма от ЦК РКСМ «о том, что в Малоархангельске находятся члены ЦК молодежи меньшевиков, с предложением принять меры к парализации их деятельности» [53].

Летом 1922 г. в Москве состоялся показательный судебный процесс партии социалистов-революционеров. Как верно отметил К.Н. Морозов, основной целью судебного процесса партии эсеров стала «дискредитация их как революционеров» [54, с.5]. Накануне открытия процесса, в губернские и уездные комитеты РКП (б) рассылались инструкции по подготовке к политической кампании. Местным коммунистам предлагалось организовывать конференции и митинги в пролетарских районах, раскрывая рабочим массам «авантюристскую роль эсеров, как агентов Антанты, предателей рабочего класса…» [55]. Власть большевиков не скупилась на ярлыки и обвинения в адрес партии эсеров. В частности, как с уверенностью констатировала пропагандистская брошюра, изданная Малоархангельским укомом РКП (б), «…ни одно восстание в РСФСР даже такое, как восстание Антонова в Тамбовской губернии, не обошлось без участия со стороны социалистов-революционеров» [56, с.4].

В 1922 г. ГПУ начало вести работу по подготовке Всероссийского съезда бывших членов партии эсеров с целью ее «самороспуска», а с весны 1923 г. подобная работа проводилась в отношении РСДРП. Итогом деятельности чекистов стало, так называемое, «движение ликвидаторства», охватившее в 1923-1924 гг. многие регионы страны. Так, 2 декабря 1923 г. в Бежице прошла губернская конференция бывших социалистов-революционеров. На конференции присутствовал 41 делегат из Бежицы, Трубчевска, Людиново, Карачева, Дятьково, Городища. Большевистская пресса особо подчеркивала легитимность данного мероприятия. Как отмечалось в местной газете, на конференции преобладали «старые члены эсеровской партии, долгие годы, работавшие в царском подполье». По итогам конференции была принята резолюция, объявлявшая партию социалистов-революционеров «не существующей» и призывающая оказать «полную поддержку РКП путем усиления ее рядов и активного участия в ее работе…». [57].

За социалистами-революционерами последовал черед социал-демократов. 5 декабря 1923 г. в печати вышло обращение «инициативной группы» меньшевиков Брянска и Бежицы с призывом к членам РСДРП прибыть на губернскую конференцию. В обращении утверждалось то, что меньшевизм «изменил идеям международной борьбы и солидарности», а так же «объективно содействовал и содействует контрреволюции». Правильность же линии РКП (б), по мнению «инициативной группы», «нашла свое историческое подтверждение» [58]. Позднее, 20 февраля 1924 г. состоялся «ликвидационный» съезд меньшевиков Брянской губернии. В резолюции съезда было объявлено, что «брянская организация меньшевиков лишилась доверия рабочих масс и механически распалась» [59].

Таким образом, итогом репрессивной политики большевиков в отношении своих политических оппонентов стало полное удаление социалистов из политической жизни страны и прекращение деятельности оппозиционных политических партий в первой половине 1920-х гг. Часть членов оппозиционных социалистических партий перешла в ряды РКП (б), либо вовсе отошла от политической жизни; другая часть социалистов была репрессирована и оказалась в ссылках или тюрьмах. Открыто заявлять о своей партийности, было небезопасно. Многие оппозиционеры, как правило, на выборы выдвигались в качестве «беспартийных». Между тем, репрессивная линия политики власти в отношении социалистов часто находила препятствия в регионах. Руководству большевиков было необходимо считаться с политическими реалиями в провинции, так как местные коммунисты еще очень болезненно воспринимали вмешательство Москвы в свои внутренние дела.

In this article based on materials of local and central archives is considered the relationship between the Socialist opposition and the Bolsheviks in the Orel and Bryansk provinces since October 1917.
The key words: *the menshevik, the socialist-revolutionary, the anarchist, the history of political parties, repressions.*

Список литературы

1. См.: Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д. Эсеры между утопиями и реальностью // Политические исследования. 1993. №6. С.157-165., Волобуев О.В., Ильящук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. №2. С.32-51., Леонтьев Я.В. Скифы русской революции. Партия левых социалистов-революционеров и ее литературные попутчики. М., 2007., Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002., Юрьев А.И. Эсеры на историческом переломе (1917-1918). М., 2011 и др.

2. См.: Лозбенев И.Н. Оппозиционные политические партии в регионе Центральной части Европейской России (1920-е гг.) // Российская история. 2010. №4. С.23-28., Рязанцева Е.А. Саратовские меньшевики в 1921-1923 годах: под прессом советской власти // Известия Саратовского университета. 2010. Т.10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С.99-104., Салтык Г.А. Неонародничество России: региональный аспект (1917-1918 гг.). Курск., 2001. и др.

3. См.: Меньшевики в советской России. Сборник документов. Казань, 1998., Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917-1925 гг. В 3-х тт. / Т.1. июль 1917 г. – май 1918 г. М., 2000. и др.

4. Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1.

5. Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 - середина 1950-х годов. М., 1999.

6. Государственный архив Брянской области (далее – ГАБО). Ф.Р-558.Оп.1.Д.2.Л.46.

7. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.93. Л.150.

8. За власть Советов. Орёл, 1957.

9. Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1982.

10. Кошевич К. Октябрьский переворот в Бежице // Коммунар. 1927. №16-17.

11. ГАБО. Ф.Р-558. Оп.1. Д.2. Л.50об.

12. ГАБО. Ф.Р-2385. Оп.1. Д.2. Л.1.

13. ГАБО. Ф.Р-558. Оп.1. Д.2. Л.58.

14. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.5. Л.2.

15. Борьба. 1918. 3 мая.

16. Известия Брянского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 25 июля.

17. Брянцев М.В. Борьба за власть весной-осенью 1918 // Право: история, теория, практика. Сб. статей и материалов. Вып. 14. Брянск, 2010.

18. Брянцев М.В. Формирование Брянской чрезвычайной комиссии и отношения с местными властями // Право: история, теория, практика. Сб. статей и материалов. Вып. 15. Брянск, 2011.

19. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.3. Л.8.

20. Известия Брянского районного Совета… 1918. 21 августа.

21. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.5. Л.30.

22. ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.75. Л.58.

23. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920). М., 1967.

24. Известия Брянского районного Совета… 1918. 14 июля.

25. ГАБО. Ф.Р-526. Оп.1. Д.2. Л.154.

26. Орловские Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 14 июля.

27. Там же. 1918. 9 июля.

28. См.: Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф.Р-1. Оп.1. Д.76. Л.5, 6; Известия Брянского районного Совета… 1918. 31 июля, 4 августа, 7 августа; Орловские Известия Советов… 1918. 31 июля, 1 августа.

29. ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.52. Л.10.

30. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.Р-393. Оп.2. Д.66. Л.254-256об. (Сведения о составе губернского, уездных, городских и волостных исполкомов совдепов)

31. Яненко И.Е. Борьба большевиков за победу и упрочнение Советские власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.). Тула, 1977.

32. ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.144. Л.185.

33. Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т.37.

34. ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.145. Л.5.

35. Там же. Л.10, 11.

36. Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Ленинград, 1988.

37. Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т.38.

38. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.73. Л.24.

39. Меньшевики в большевистской России. 1918-1924 / Меньшевики в 1919-1920. М., 2000.

40. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.62. Л.20об.

41. ГА РФ. Ф.Р-393. Оп.12. Д.6. Л.8.

42. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.62. Л.25.

43. Оборона революции и социал-демократия. Сб. статей. Петроград, 1920.

44. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.61. Л.5об.

45. ГАБО. Ф.П-1. Оп.1.Д.1.Л.7.

46. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.11. Л.18, 14.

47. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.32. Л.2, 26об.

48. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.62. Л.15об.

49. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.62. Л.41.
50. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.6. Д.408. Л.38.
51. Наш путь. 1919. 28 февраля.
52. Юрьев А.И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2001. №3.
53. ГАОО. Ф.П-1.Оп.1. Д.460 «А». Л.64.
54. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.
55. ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.740. Л.53.
56. Вместо тезисов. К процессу правых социал-революционеров. Малоархангельск, 1922.
57. Брянский рабочий. 1923. 4 декабря.
58. Брянский рабочий. 1923. 5 декабря.
59. Правда. 1924. 22 февраля.

Об авторе

Кляченков Е.А. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, nilus88@mail.ru

УДК 942.081

“THETIMES” И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.

С.И. Косарев

В статье рассматривается роль влиятельнейшей британской газеты “TheTimes”в жизни Англии во второй половине девятнадцатого века. На примере истории газеты раскрывается проблема взаимовлияния прессы на власть и общественное мнение.
Ключевые слова: *“TheTimes”, периодическая печать, роль прессы, «четвертая власть».*

Несомненно, что в течение 19-го столетия пресса в Англии становится все мощнее и влиятельней. Знаменитый хирург и журналист Фредерик Найт в 1850 году написал: «Газеты обладают силой четвертой власти». [1,с.52] Чарльз Пебоди, не совсем соглашаясь с этим высказыванием, тем не менее рассматривал прессу как «еще одну форму представления третьего сословия, в виде «Популярного Парламента», которое пока не учитывало универсальное избирательного права». [1,с.61] Можно по разному оценивать роль прессы в британском обществе, однако, действительность власти и широкого влияния прессы в то время – бесспорны. Несмотря на то, что главный редактор газеты “Таймс” Уолтер, к примеру, одним из определяющих принципов для свое газеты указывал независимость и обеспечение высокого качества новостей, пресса все более укореняясь в обществе, в рассматриваемое время, взяла на себя гораздо более амбициозную роль. Джозеф Коуэн, редактор “Ньюкасел кроникл”, писал «Функция газет заключалась не только в том, что бы представлять новости и развлечения, а и в том, что бы бросить вызов сложившейся практике и политической власти». [1,с.49] По другому, газеты представляли из себя силу, которая несла знания, свободу и демократию. Алед Джонс указывает, что «каждый класс имеет свой собственный орган, каждая тема находит свой журнал, у каждого интереса есть свой друг в прессе». [1,с.91]

Большинство современных западных исследователей сходятся во мнении, что в этот период пресса обладала такой силой, что была способна влиять не только на политику правительства, но также и на формирование общественного мнения. Вопросу роли прессы в формировании нации и государства посвящена работа Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества: размышления о происхождении и распространении национализма». [2] Алед Джонс считает, что «влияние прессы, одновременное и немедленное, на многие тысячи умов обладало беспрецедентными масштабами и его не возможно было сравнить ни с чем более». [1,с.98] Конечно, редакционная политика газеты часто определялась несколькими людьми, а иногда, и только одним – главным редактором. Редакторы газет, подчас, обладали такой властью, что это вызвало серьезные обсуждения о необходимости обуздать власть и влияние прессы.

Было много споров: действительно ли пресса формировала общественное мнение или же только представляла его. В те времена не было опросов общественного мнения, поэтому истину установить не просто. Но, рассматривая контекст 19-го столетия, когда газеты монополизировали по-

ток информации, споры эти были очень горячими и распространенными. Один наблюдатель отметил, «(Пресса представляла из себя) самую большую комбинацию и концентрацию сил, известных в интеллектуальном мире.» [1,с.98] Ссылка лорда Линдхерста на Барнса как самого влиятельного человека в Великобритании отлично доказывает это мнение. Газеты обладали в то время невероятной властью, а “Таймс” была самой влиятельной из всех английских газет. Министры завидовали влиянию «Таймс» и «старались быть благосклонными и помогать информацией, в надежде смягчить антагонизмы или получить поддержку». [3,с.13]

Британский государственный деятель Дж.Ви. Крокер отмечал, что «Таймс» не представляла настроение общества вообще, но, скорее «они предполагали, что представляют общественное мнение, и , конечно, людей в более прямой и авторитетной манере, чем даже Палата Общин». [1,с.162] Крокер не отрицал , что у «Таймс» была странная способность устанавливать общественную и политическую повестку дня через ее непрерывное и полное освещение важных событий, не всегда соглашаясь с общественным мнением». Фактически, «Таймс» часто обвинялась в том, что она одновременно являлась и голосом олигархии, и голосом реформ, и голосом народа. Некоторые исследователи 19-го столетия корят «Таймс» за то, что под напором общественного мнения газета отклонялась от своей редакционной политики в угоду желаниям общественности. Действительно, это подтверждается некоторыми фактами. Главный редактор «Таймс» Барнс, придержавшийся правила «осторожность- прежде всего», никогда не давал оценок прежде, чем общественное мнение не определится по данной проблеме. [3,с.121] Его преемник Делейн продемонстрировал подобную политику, когда поддержал Крымскую войну, хотя до этого выступал за неучастие в войне. Но несмотря на подобные примеры, большинство исследователей отмечают, что газета всегда отличалась тщательно продуманной политикой, не позволяющей ей идти на поводу у общественного мнения, а, наоборот, формирующей и определяющей его. [3,с.121]

Широта распространение и тираж «Таймс» помогает продемонстрировать ту силу, которой обладала газета. В 1836 году ее тираж составлял 10 тыс. экземпляров. Количество прочитавших их стоит значительно увеличить, т.к. многие экземпляры читались по нескольку раз в библиотеках клубов или вслух. В 1855 году тираж «Таймс» достиг 60 тыс. экземпляров. В годы Крымской войны тираж газеты превысил 70 тысяч благодаря репортажам с поля боя корреспондента газеты Уильяма Ховарда Рассела. За годы, когда главным редактором был Джон Делэйн, тираж «Таймс» никогда не опускался ниже 50 тысяч после Крымской войны.

«Таймс» позиционировала себя как голос среднего класса перед лицом земельной аристократической власти. Большая часть читателей газеты составляли лондонцы среднего класса, наряду с ремесленниками и служащими. В 1851 году профессиональный класс в Лондоне составлял 360 тысяч человек, а тираж «Таймс» составлял 60 тысяч экземпляров. Указанный круг читателей еще не включает нелондонцев. Несмотря на то, что целый ряд провинциальных читателей был потерян после отмены «гербового сбора», число читателей повысилось за счет женщин и представителей среднего класса. В 1855 году Эдвард Эллайс написал Джону Расселу: «Таймс» стала всемогущей и деспотичной благодаря своей непревзойденной политике, именно поэтому она с алчностью читается всеми классами и представителями всех партий.» [4,с.269]

Благодаря независимой природе «Таймс» ее читали люди всех политических убеждений. Видные политические деятели тоже читали «Таймс» и нередко ссылались на нее в своих речах. Бенджамин Дизраэли, премьер министр в 1868 и в 1874-1880 гг., даже был автором статей, будучи начинающим политиком. Некоторые политики, высказывавшиеся против «Таймс» или отказавшиеся сотрудничать с ней, в будущем имели проблемы. Особенно примечательна история лорда Джона Рассела. [3,с.235]

Сеть международных новостей превратила «Таймс» в главную газету Европы. Ее с удовольствием читали не только британские политики, но и иностранные государственные деятели. У французского премьер-министра Франсуа Гизо были многочисленные споры с «Таймс». [3,с.177-178] Царь Николай I прочитал о британском ультиматуме в «Таймс» раньше, чем он был доставлен официальным британским курьером. [5,с.65-66] «Таймс» была доступна даже американским государственным деятелям. Авраам Линкольн однажды сказал: «Таймс»- одна из влиятельнейших вещей в мире, я не знаю еще чего-либо, обладающего большей властью, разве, что Миссиссиппи». [3,с.17] Международное признание «Таймс» и ее престиж, как и ее авторитет внутри страны, выражавшийся в рекордных тиражах и в уважении выдающимися политическими деятелями являются доказательством силы и влияния газеты в 19-м веке.

Инновационной стала способность «Таймс» освещать международные новости. Посылка корреспондентов на фронт, позволяла печатать отчеты с линии фронта без ожидания официальных правительственных отчетов. В одной из статей опубликованной в газете «Панч» в 1847 говорится: «У

французского журналиста есть два пути. Он может стать или премьер-министром, или узником правительственной тюрьмы…У английского журналиста … только один шанс. Он пишет в течении многих лет, он влияет на общественное мнение, он разоблачает аферы, анализирует самые невероятные схемы, предупреждает панику; и этот шанс, если он необычайно талантлив, настойчив и плодовит – остаться неизвестным». [1,с.119] В то время английские газеты печатали статьи анонимно. Эта анонимность вызвала большие споры 1850-60-ых годах. Газеты, и их сторонники, утверждали, что эта «беспристрастность» была необходима для «чистоты» и «независимости» прессы.[6,с.10] В этом споре участвовало много известных авторов и редакторов. Кроме того, редакторы были в ответе за соответствие репортажей редакционной политике. В 1853 году, к примеру, корреспондент в Стамбуле получил выговор, а потом был заменен потому, что был слишком «протурецким». В свое время мало кто знал имяГенриКраббаРобинсона,первого европейскогокорреспондента «Таймс». Эта тенденцияначала меняться в1850-х годов, когда вся Британияузнала имяУильяма ГовардаРассела.

Рассел получил известность как военный корреспондент во время Крымской войны. В последствии, к Расселу присоединились другие военные корреспонденты: Томас Ченери, бывший Оксфордский профессор, находившийся в Стамбуле; Лоуренс Олифэнт, размещавшийся с Оттоманскими силами; и генерал Фердинанд Эбер, венгерский изгнанник находившийся в России.[4,с.73-75] Но все же именно Рассел получил большую известность в результате своей деятельности военного корреспондента. Его ужасные репортажи о сражениях стали основанием для стихотворения лорда Альфреда Теннисона “Атака легкой кавалерии.” Его сообщения о бесхозяйственности в британский войск и об ужасных условиях в полевом госпитале вызвали возмущение в Великобритании, что привело к участию Флоренс Найтингейл в войне. [7,21] Позже "Таймс" была еще раз раскритикована, на сей раз за то, что напечатала некоторые из статей Рассела, которые касались “изменений в расположениях войск, эффектах огня врага, условии войск, и ресурсах союзников. Эти детали были столь же поучительны российским генералам, и, должно быть, поощрили врага продлевать их сопротивление.”[3,с.212] 23 декабря 1854 "Таймс" написала: “Самая благородная армия, когда-либо посланная из наших берегов, была принесена в жертву грубейшему неумелому руководству.” [3,с.206] Правительство было оскорблено, но читатели из всех классов активно поддерживали "Таймс", поскольку Рассел стал именем, известным каждой семье. Коалиционное правительство Абердина было в конечном счете вынуждено уйти в отставку, и военное правительство было преобразовано. Рассел продолжал свою деятельность военного корреспондента "Таймс", освещая Индийское восстание в 1857.

Однако, к 1870-ым, конкуренты из других газет нагнали «Таймс», создавая свои представительства заграницей и посылая корреспондентов, чтобы освещать европейские войны. Признано, чтобы Рассел, уже неспособный соперничать со своими молодыми конкурентами, не был самым успешным военным корреспондентом. Эта честь была дарована общественным мнением Арчибальду Форбсу, корреспонденту газеты «Дейли ньюс». В то время как другие газеты нагоняли «Таймс» с точки зрения развития иностранной корреспондентской сети, у "Таймс" все еще был лучший доступ к политическим фигурам и сети осведомителей.

Между 1665 и 1800 годами в Великобритании были основаны 88 газет, с 1855 до 1861 год в Англии появилось 492 газеты.[1,с.23] Газетная промышленность стала прибыльной, и обладание, или управление газетой воспринималось как символ богатства и статуса. Отмена Гербового сбора также способствовала значительному повышению числа газет в Великобритании. Внезапно, маленькие газеты смогли приносить прибыль, несмотря на более низкий тираж и большие затраты чем у их конкурентов. Конечно, в дальнейшем многие из этих газет прекратили свою жизнь в течении короткого срока, но довольно многие выжили и стали серьезными конкурентами "Таймс". Эта пенсовая пресса, названная по имени их низкой цены, обратилась к мелкой буржуазии и представила более дешевую альтернативу "Таймс". «Дейли телеграф», недорогая лондонская ежедневная газета, начался со стоимости в 2 пенса, которая конечном счете уменьшились до 1. Ее тираж вырос с 30 тысяч в 1857году до 141 тыс в 1861, что было во много раз больше чем тираж "Таймс". У «Дейли Ньюс», которая наняла Чарльза Диккенса как ее первого редактора, были некоторые проблемы в начале, но и ее тираж доходил до 150 тысяч экземпляров ко времени франко-прусской войны. Несмотря на то, что у этих двух газет было больше читатели чем у "Таймс", тираж "Таймс" не пострадал. Пенсовая пресса не крала читателей, а скорее соблазняла собственных читателей из среды мелкой буржуазии, которые впервые могли позволить себе купить ежедневную газету. В то время как их продукт, возможно, был хуже с журналистской точки зрения, у пенсовой прессы были огромные тиражи. "Таймс" не желала понизить свою стоимость ниже 3 пенсов, надеясь поддержать высококачественный продукт для более образованного населения. Как учреждение, "Таймс" оставалась престижной, несмотря на то, что она больше не была наиболее читаемой ежедневная газета. Несмотря на быстрое развитие пенсо-

вой прессы, "Таймс", одна из самых уважаемых газет не потеряла своего влиянии до 20-ого столетия.

The article follows the role of influential British newspaper «The Times»in the life of England in the second half of the nineteenth century. The story of the newspaper disclosed the problem of mutual influence on the power press and public opinion.
The key words*: "The Times", the press, the role of the press, "the fourth estate".*

Списоклитературы

1. Jones, Aled Powers of the Press: Newspapers, Power and the Public in Nineteenth- Century. Aldershot, 1996.
2. Anderson, Benedict.Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. 2nd ed. London, 1991.
3. Bowman, William Dodgson. The Story of "The Times". London, 1931.
4. Cook, Edward. Delane of the Times, London: Constable & Company Ltd., 1915.
5. Woods, Oliver and Bishop, James. The Story of The Times. London, 1983.
6. Hargreaves, William. Revelations from Printing-House Square: is the anonymous system a security for the purity and independence of the press: a question for 'The Times' newspaper. London, 1864.
7. The Times (London), 1876-1880.
8. Gallenga, Antonio Carlo Napoleone. Two Years of the Eastern Question. London, 1877.
9. Harris, David. Britain and the Bulgarian Horrors of1876, Chicago, 1939

Об авторе

Косарев С.И. –аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, kosarev@inbox.ru

УДК: 94(47).084

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОСТАВА ГЛАВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ В 1917 ГОДУ.

О.Н. Кузнецова

Статья представляет объективную оценку состава Главного Экономического Комитета при Временном правительстве России и его экспертной деятельности в 1917 году.
Ключевые слова:*Февральская революция 1917 года в России, Временное правительство России, Главный Экономический Комитет.*

Главный Экономический Комитет был создан Временным правительством в июне 1917 года[1]. Одной из его главных задач являлось регулирование экономики России в условиях 1917 года. Оценивая источниковую базу по деятельности Главного Экономического Комитета, заметим, что основным источником являются журналы заседаний Комитета [2], кроме того ряд документов содержится в сборнике «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции»[3], а также деятельность Главного Экономического Комитета нашла отражение в журналах Временного Правительства, появившихся уже в последние годы[4].

Существует отчет Канцелярии управления делами Главного Экономического Комитета на 15 ноября 1917 года [5] по отделению личного состава, представляющий итоговые сведения о всей деятельности Главного Экономического Комитета. Также оценка деятельности Главного Экономического Комитета и его рабочего состава была затронута в неопубликованном докладе А.Ф. Германа [6], который являлся заведующим отделом промышленности и торговли при Совете Съездов представителей промышленности и торговли.

Проблема определения рабочего состава Главного Экономического Комитета и объективной оценки его влияния, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. Создание Временным правительством новых органов, в частности, для регулирования экономики вело к формированию новой политической и партийной элиты, что на наш взгляд, было неизбежно при формировании нового состава Временного правительства под руководством А.Ф. Керенского. Заметим, что внутренний (рабочий) состав чиновников министерств в 1917 году практически не изменился [7]. Это позволяет говорить о потенциальной возможности политического влияния нового высшего состава министерств через Главный Экономический Комитет. Подтверждением этому может служить высказанное в докладе Л.М. Пумпянского мнение о положении Главного Экономического Комитета в системе органов госу-

дарственного управления. «Комитет был вызван к жизни неудовлетворительной деятельностью отдельных Министерств… Комитет должен взять на себя – согласование мероприятий отдельных ведомств и продолжение ныне существующей системы регулирования. Для той и другой функции Экономический Комитет должен располагать всей той властью, какую имеют министры... Выходом из такого положения может быть лишь передача Министрами их прав по регулированию хозяйственной жизни Комитету…» [2, Л.10].

Обращаясь непосредственно к анализу состава Главного Экономического Комитета, отметим, что по Положению Главный Экономический Комитет состоял из назначенных Временным Правительством представителей министерств. Так, из Канцелярии Временного Правительства к С.Н. Прокоповичу поступил следующий список лиц, назначенных в Главный Экономический Комитет[8]: от министерства торговли и промышленности – Н.Н. Савина; от министерства продовольствия – В.Н. Зельгейма; от министерства военного – ген А.А. Маниковского; от министерства морского – С.А. Кукеля; от министерства путей сообщения – Л.А. Устругова; от министерства финансов – А.Г. Хрущева; от министерства труда – Л.М. Пумпянского. Именно эти представители министерств (с некоторыми изменениями[9]) в Главном Экономическом комитете на протяжении всей его работы будут являться основными участниками заседаний. Однако, состав участников всех сорока четырех заседаний Главного экономического комитета был значительно шире, поскольку помимо постоянных членов в заседаниях принимали участие приглашенные лица – специалисты по различным экономическим, юридическим и военным вопросам. Заметим также, что для создания Главного Экономического Комитета и разработки основ его деятельности были привлечены ученые-эксперты[10], поэтому ставится задача изучения состава участников заседаний Комитета.

На начальном этапе работы Главного Экономического Комитета происходило постепенное формирование его состава. На первом заседании Главного Экономического Комитета выступили С.Н. Прокопович, П.И. Пальчинский, Л.А. Устругов и В.Н. Зельгейм, их доклады касались наиболее острых экономических вопросов, требующих первоочередного решения. В целом состав представителей министерств в Главном Экономическом Комитете был довольно постоянным и оставался в рамках первоначальных назначений. Однако, серьезные изменения можно зафиксировать с шестого журнала заседаний Комитета, это во-первых, делопроизводственные изменения: состав участников заседания дан «без министерской принадлежности», кроме того появляются отчеты, дополняющие журналы заседаний. В шестом заседании Главного Экономического Комитета принимали участие: Е.П. Иванов, Л.Б. Кафенгауз, А.В. Ливеровский, А.Е. Лосицкий, А.А. Маниковский, А.С. Орлов, П.И. Пальчинский, В.А. Прусс, Л.М. Пумпянский, Н.И. Ракитников, Н.Н. Саввин, Л.А. Устругов, А.И. Ярон, что свидетельствует о расширении состава. Председательствовал С.Н. Прокопович, заметим, что его деятельность в этой должности продолжалась до двенадцатого заседания, после чего во главе Главного Экономического Комитета был назначен Н.Н. Саввин. Изменения были внесены в организацию работы Главного Экономического Комитета на 14 заседании, она строилась теперь на постоянной основе, а на 17 заседании произошло разделение участников - на членов Комитета, их заместителей и приглашенных лиц. Изменения во внутренней работе, также произошли с приходом С.Н.Третьякова к руководству Главного Экономического Комитета [11], на заседаниях которого (с 30 по 40) он председательствовал.[2]

Таким образом, как следует из журналов в работе заседаний Главного Экономического Комитета принимали участие представители ключевых министерств Временного правительства, а также известные экономисты, юристы, общественные деятели, теоретические воззрения которых нашли отражение в практической работе Главного Экономического Комитета[12]. Как удалось установить, за весь период деятельности Главного Экономического Комитета в его составе работали 93 человека, экспертная работа которых заключалась в принятии ряда решений потенциально имеющих существенные последствия для экономики России в 1917 году. Завершение работы Главного Экономического Комитета произошло в октябре 1917 года, когда определение его дальнейшей судьбы перешло в руки Президиума В.С.Н.Х.[13]. Относительно участников заседаний Комитета было принято постановление – производить прием их на работу в В.С.Н.Х. на общих основаниях, «не рассматривая этих служащих как единую корпорацию и потому, что В.С.Н.Х. учреждение новое и потому, что Главный Экономический Комитет уже упразднен»[13]. Таким образом, сравнительный анализ показывает, что на протяжении трех месяцев работы Главного Экономического Комитета его состав изменялся в связи с характером обсуждаемых вопросов, которые в свою очередь были связаны с изменениями во внутриполитической и экономической ситуации в России в 1917 году, а также личностным фактором при руководстве и принятии решений в Комитете.

The article presents an objective evaluation of the Supreme Economic Committee of the Provisional Government of Russia and his expert work in 1917.
The key words: *February Revolution in Russia in 1917s, Provisional Government,Supreme Economic Committee in 1917.*

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 1779. Оп.2. Д.235; См. также. Журналы заседаний Временного Правительства. Журнал от 21 июня 1917 г. Т.2. М., 2002. С.316-218.
2. ЦГА СПб. Ф.9410. Оп.1. Д.3. В фонде Главного Экономического Комитета имеются все (за исключением 38 и 39 журналов) журналы заседаний с 17 июля по 23 октября 1917 года
3. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. М., Л., 1957.
4. Журналы заседаний Временного Правительства. Том 2 М., 2002; Том 3 М., 2004.
5. ЦГА СПб. Ф. 9410. Дело 2. Лист 9 Об.
6. РГИА. Ф.150. Оп. 1. Д.430. Доклад от 26 сентября 1917 года
7. РГИА Ф. 1291, Оп. 132, Д. 40, 45. О личном составе министерства продовольствия. Списки служащих за период с 1905 по 1917 г.
8. ГАРФ. Ф. 235, Оп.2, Л.22 Из Канцелярии Временного Правительства от 15 июля 1917 года
9. Журнал заседаний Временного правительства №134 от 17 июля 1917 года о назначении А.И. Ярона и предоставлении окончательного разрешения вопроса о назначениях
10. Разработка основ деятельности Главного Экономического комитета, а так же ряд пунктов Положения принимались Комитетом в редакции, предложенной проф. В.Б. Ельяшевичем. В.Б. Ельяшевич известен своей диссертацией на тему: «Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве», защищенной в Санкт- Петербургском университете. В.Б. Ельяшевич совмещал научную и педагогическую деятельность с работой в государственных органах: в 1916 г. он был назначен чиновником особых поручений при министре торговли и промышленности, в 1917 г. — членом Совета этого же министерства. После вынужденной эмиграции В.Б. Ельяшевич осел во Франции, где продолжил исследования.
11. В частности, П.В. Волобуев характеризовал приход Третьякова как активизацию деятельности ГЭК. См., Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М.1962. С.146.
12. См. например, следующие работы участников заседаний Главного Экономического Комитета: Лосицкий А.Е. Урожай хлебов в России в 1917 году. М., 1918; Сабанин А.В. Об экспортных объединениях: Бернадский М.В. К вопросу об оздоровлении денежного обращения. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М.1917. Михайлов И.А. Государственные доходы и расходы во время войны. Пг.1917. Он же. «Война и наше денежное обращение. Факты и цифры». Пг.1916. Кирш К.В. Подмосковный каменноугольный бассейн за 1916 год. М. 1917 и др.
13. ЦГА СПб. Ф.9410. Оп.1. Д.3. Д. 3. Л. 272. Протокол заседания президиума высшего совета народного хозяйства, состоявшегося 19 января 1918 года.

Об авторе

Кузнецова О.Н.– кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, bon-box@mail.ru

УДК – 947.083.78 + 327.82 + 942.083.3

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ, Л. Г. КОРНИЛОВ И БРИТАНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: ОРИЕНТАЦИЯ НА ВОЕННУЮ ДИКТАТУРУ

С.Н. Ланцев

В статье на основании архивных источников, мемуаров современников и материалов периодической печати выявляются причины и последствия вмешательства англичан во внутриполитическую борьбу в России. Показана эволюция британской позиции в отношении кандидатуры на место военного диктатора.
Ключевые слова: *военная диктатура, англо – русские отношения, Великобритания, Первая мировая война, посол Бьюкенен, Временное правительство.*

Победа Февральской революции в России соответствовала стратегическим интересам Великобритании. Английская власть ориентировалась на Временное правительство, которое было «образовано с ясной целью продолжать войну с обновленной энергией»[5] и «бороться с разрушительными

тенденциями Совета» [4, с. 214, 215]. Но политические кризисы в России заставили британцев искать «сильного человека», который не даст России выйти из войны, покончит с революцией, и будет отстаивать английские финансовые интересы в России.

Разногласия, начавшиеся между Временным правительством и Советами по вопросу переезда семьи Романовых в Англию, а также череда поражений русской армии на фронтах Первой мировой войны побуждали союзников, особенно Великобританию, активно вмешиваться во внутренние дела России. Целью вмешательства стало установление режима единоличного правления «сильного человека». «Россия не созрела для чисто демократической формы правления»,– писал Дж. Бьюкенен в конце марта 1917 г. [4, с. 182].

В качестве претендентов на место диктатора фигурировали поочередно генерал М. В. Алексеев, затем генерал А. А. Брусилов, а позже адмирал А. В. Колчак. Но с назначением А. Ф. Керенского военным министром и быстрым ростом его популярности, о нем стали поговаривать как о самом вероятном кандидате на эту роль [6, с. 34 - 35]. Посол Бьюкенен считал, что «Керенский был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне. Став министром юстиции, он играл роль посредника между Советом и правительством, и оппозиция первого была преодолена, главным образом, благодаря ему» [4, с. 182]. Вот почему глава дипломатического корпуса и другие представители союзников проявляли к нему повышенный интерес. «Я постоянно вхожу также в дружбу с Керенским», – информировал Бьюкенен Военный Кабинет 10 апреля [16, p. 86]. Став военным министром, Керенский отправился в поездку по фронтам и отдельным тыловым военным округам, где произносил речи, призывая к «революционной совести» солдат и уговаривая их пойти на «почетную смерть на глазах у всего мира во имя свободы и революции» [7, с. 137]. Одновременно был принят ряд мер против братания и других нарушений воинской дисциплины. Среди них особенно выделялись циркуляр главы Временного правительства Г. Е. Львова, призывавший бороться с проявлениями анархии, и приказ военного министра № 17.

Англия не оставалась безучастной наблюдательницей. 24 мая её посол получил телеграмму от лорда Р. Сесиля, исполнявшего обязанности министра иностранных дел, что военный кабинет добивается благожелательного отношения русских социалистов и рабочих к войне, стремится рассеять ложное впечатление, создавшееся в России относительно целей Великобритании, и командирует для этого А. Гендерсона со специальной миссией [2]. Последний разъезжал по заводам и воинским частям, убеждал рабочих и солдат в необходимости выполнения союзнического долга, без которого невозможно отстоять завоевания революции. «Мы отправлялись на фронт, как проповедники священной войны» [2]. Мы и наши союзники с нетерпением ждем теперь, чтобы русский народ поскорее укрепил свою свободу и принял участие в общем наступлении союзных армий» [10]. Агитацию за продолжение войны вели и военные представители Англии. Генерал А. Нокс и его помощники выезжали на Северный, Западный и Юго-Западный фронты, добивались сохранения русской армии в боевой готовности. Британский морской атташе вел агитацию на Балтийском флоте. За наступление высказывались приехавшие в Россию посланец фабианского общества Ю. Уэст, лидер женского суфражистского движения в Англии С. Панкхерст [7, с. 147]. «TheTimes» писала 9 июля, что наступление в Галиции знаменует собой «новую и многообещающую фазу русской революции» [15]. Спустя неделю она отмечала: «Союзники России на Западе в данный момент даже больше заинтересованы в моральном значении побед в Галиции, чем в их стратегических и тактических результатах» [15]. Петроградский корреспондент газеты «DailyTelegraph» Вильямс заявлял, что, «поражая немцев, поражают и большевиков» [13].

Но Июльский политический кризис и Галицийская катастрофа положили начало новому витку вмешательства Англии во внутренние дела России. 17 июля «MorningPost» опубликовала статью, в которой содержалась резкая критика в адрес Временного правительства. Провал июльского наступления английская сторона возлагала на Россию. Военный атташе генерал Нокс уже 22 июля отправил в Лондон телеграмму, в которой отмечал, что «русская армия как способная на боевые действия организованная сила не существует» [14, p. 648]. Со своей стороны, Бьюкенен отмечал, что работа Керенского среди войск на фронте «совершенно парализуется» антивоенной пропагандой большевиков. «Политическая атмосфера такова, что он не осмеливается призывать войска сражаться ради победы, но только ради скорого заключения мира, потому что желание мира стало всеобщим» [4, с. 246].

События 3–5 июля казались британцам удобной возможностью для усиления диктаторских начал в управлении Россией. 17 июля Бьюкенен передал М. И. Терещенко составленную Ноксом памятную записку, в которой предлагалось провести следующие меры: 1) восстановить смертную казнь по всей России и для всех лиц, подведомственных военным и морским законам; 2) потребовать от частей, принимавших участие в «незаконной» демонстрации 16–17 июля, выдачи зачинщиков и аги-

таторов для предания их суду; 3) разоружить всех рабочих Петрограда; 4) ввести военную цензуру с правом конфискации газет, «подстрекающих» войска и население к нарушению порядка или военной дисциплины; 5) организовать в Петрограде и других больших городах милицию из солдат, получивших ранения в бою (в возрасте 40 лет и старше), поставив ее под командование офицеров, вернувшихся с фронта по ранению; 6) разоружить и преобразовать в рабочие батальоны все полки петроградского гарнизона, если они не подчинятся перечисленным условиям [14, p. 661 - 662]. В это же время генерал Нокс инструктировал офицеров штаба Петроградского военного округа, как лучше использовать силы карателей [16, p. 115]. В беседах с Терещенко 19 и 20 июля английский посол настойчиво советовал Временному правительству ни в коем случае не упускать столь благоприятного момента и довести начатое дело до конца, а именно раздавить ленинцев. При встрече 21 июля Бьюкенен снова напомнил Терещенко, что наступил момент для «чрезвычайных шагов». Тогда же он посоветовал ввести в состав правительства Корнилова и был удовлетворен совпадением взглядов с Керенским по этому вопросу [7, с. 153-154].

Но после провала июльского наступления союзники все больше укрепляются во мнении, что Керенскому не удастся «овладеть положением». Приветствуя меры эсеровского премьера они все больше обращали взоры на генерала Л. Г. Корнилова. Англичане первыми заговорили о новой кандидатуре военного диктатора. Бьюкенен докладывал в Кабинет, что «Керенский, несмотря на его прежние заслуги, почти, что сыграл свою роль» [4, с. 261]. По его свидетельству, представители торгово-промышленных кругов в последнем составе Временного правительства, отзывались о Керенском презрительно, считая его «слишком социалистом для того, чтобы можно было надеяться на подавление им революции [4, с. 263].

Самим британцам казалось, что Керенский слабо использовал наступление и подготовку к нему для искоренения революционного духа. Но особенно не нравились англичанам медлительность и нерешительность Керенского по отношению к большевикам. В воспоминаниях посол констатировал: «Хотя Керенский обладал теперь всей полнотой власти, необходимой для того, чтобы справиться с положением, он совершенно не сумел надлежащим образом воспользоваться своими полномочиями, разыскать и арестовать Ленина и верхушку большевиков [7, с. 156]. Выступление Керенского на Московском государственном совещании посол отразил в докладной записке в Foreign Office 21 июля. «Керенский увлекался общими местами.Он не рассказал аудитории ни о том, что он сделал в прошлом, ни о том, что он предполагает сделать в будущем» [2].

Ллойд Джордж отмечал, что правящие круги Великобритании довольно быстро разочаровались в Керенском, который, «слишком надеялся на свои ораторские способности и недостаточно подкреплял их действиями. Ситуация требовала более жесткого человека, чем был Керенский. По рекомендации Нокса и Бьюкенена правительство его величества сделало ставку на Корнилова и установление им военной диктатуры» [8, с. 68].

Таким образом, во главе России и её армии Британия желала видеть человека, который полагался бы «не только на речи», а преимущественно на силу и решительность. «Корнилов гораздо более сильный человек, чем Керенский. Если бы он смог укрепить свое влияние в армии и если бы последняя стала крепкой боевой силой, то он стал бы господином положения [4, с. 260]. Он является единственным человеком, способным взять армию в свои руки и подавить анархию в тылу» [7, с. 159 - 160]. Так представлял Бьюкенен генерала в донесении от 21 июля в Лондон.Особенно расположили к Корнилову союзников его методы. В телеграмме от 29 июля английский посол сообщал в Лондон о том, как Корнилов, «железной рукой восстанавливая дисциплину, приказав расстрелять сотню солдат и положить их тела вдоль дороги, привязав к ним дощечки с надписью, что они были расстреляны за «грабежи и убийства», якобы совершенные ими в г. Калуше» [2]. Итак, генерал Корниловновый военно – политический лидер, способный, как считали союзники, на подавление русской революции и доведения Мировой войны до победного конца с участием России.

С момента назначения Корнилова верховным главнокомандующим представители западных держав стали настойчиво добиваться от Временного правительства наделения его всей полнотой власти, угрожая, в противном случае, лишить Россию экономической и военной помощи со стороны союзников. По поводу просьбы главнокомандующего о подготовке артиллерии для русской армии британцы заявили министру: «Наша военная власть вряд ли согласится исполнить упомянутую просьбу, если не получит уверенности, что Корнилов будет наделен всей полнотой власти для восстановления дисциплины» [4, с. 254]. Под восстановлением дисциплины подразумевалось подавление антивоенного и революционного движения в армии. Для облегчения этой задачи Корниловым британские представители требовали включить Петроград в линию фронта и объявить его на военном положении. «Уверенность моего правительства возросла бы, если бы я смог уведомить его, что Петроград включен в фронтовую полосу и что в нем введено военное положение» [4, с. 254]: - писал в донесе-

нии в Лондон посол Бьюкенен. Осуществление этого плана позволило бы правительству и командованию свободно вывести из столицы наиболее революционные части, эвакуировать вместе с промышленными предприятиями рабочих и таким путем свести на нет очаги революции.

Через некоторое время английский посол снова обращался к Керенскому, требуя от него удовлетворения настояний Корнилова. «Я не могу взять на себя ответственности за благоприятное освещение положения перед своим правительством. Если Временное правительство не сможет дать ему достаточных гарантий поддержания порядка в тылу, а также в отношении продовольственного вопроса и транспорта, то возникнет опасность разрушения железнодорожного транспорта и угроза голода в армии. А если последнее случится, то наступит общий «паралич», к которому он должен подготовить свое правительство [7, с. 179]. Бьюкенен настойчиво рекомендовал сделать армию «действительно боевой силой», прежде всего, имея в виду полнейшее подчинение ее контрреволюционному командованию. Генерал Нокс, вызванный в Лондон для доклада о положении дел в России, убеждал членов военного кабинета в необходимости для союзников совместно обратиться к Временному правительству и посоветовать ему оказать Корнилову всемерное содействие «в тех мероприятиях, которые он хотел провести», т. е. в подавлении революции [8, с. 82 - 83].

Упорно добивались союзники введения смертной казни не только на фронте, но и в тылу. Но, ни какой реакции членов Временного правительства в решении этого вопроса отмечено не было. Бьюкенен писал по этому поводу, что «британская сторона не удовлетворена позицией правительства, старалась убедить Терещенко в необходимости применения тех же самых дисциплинарных мер в тылу, какие были санкционированы на фронте [4, с. 251]. Причем речь шла о распространении смертной казни не только на военнослужащих, но и на гражданских лиц, обвиняемых в государственной измене, а под эту категорию «преступников» намеревались подвести, прежде всего, непримиримых противников войны – большевиков. В конце концов Керенский уступил требованиям в отношении смертной казни и включения Петрограда в фронтовую полосу. «Он дал мне положительные заверения по всем этим вопросам» [2], – сообщал Бьюкенен в Лондон 18 августа о результатах своих неоднократных переговоров с министром-председателем.

Но накануне осуществления задуманных мероприятий, между Керенским и Корниловым обнаружились разногласия, которые перешедшие в открытое противостояние. У историков нет единого мнения, о причине конфликта. Существует версия, что генерал Корнилов незадолго до этого выступивший на Московском государственном совещании с требованием «сильной руки» заранее согласовал вооружённое выступление с главой Временного правительства Керенским. Он с ведома Керенского, отправил на Петроград 3-й кавалерийский корпус под командованием генерала А. М. Крымова. Но Керенский под давлением Петросовета изменил позицию и назвал 27 августа главкома мятежником. Таким образом, под предлогом введения войск для нейтрализации большевиков Корнилов получал возможность сместить Временное правительство и стать военным диктатором. По другой версии, Корнилов неправильно понял Керенского. Мятеж также мог быть провокацией Савинкова (который дал согласие на введение войск) или Львова, служившего парламентером между главнокомандующим и председателем правительства.

Реакцию союзников на случившийся конфликт между Керенским и Корниловым прокомментировал чрезвычайный комиссар Временного правительства С. Г. Сватиков, побывавший за границей в июне – августе 1917 г. со специальной миссией. В докладе, представленном Временному правительству, Сватиков отмечал, что попытка генерала Корнилова встретила на Западе самое глубокое сочувствие. «Нужно прямо сказать, что когда произошло столкновение между Керенским и Корниловым, то сочувствие Западной Европы было на стороне Корнилова» [11, с. 194 - 195].

Союзники ждали от Государственного совещания, состоявшегося в Москве 25–28 августа, больших перемен в русском правительстве. Основные надежды возлагались на генерала Корнилова. Его речь на Московском совещании произвела на них сильное впечатление. Но крайнее недовольство вызвала стачка московского пролетариата, организованная по призыву большевистской партии. Ллойд Джордж, прибыв 26 августа в Биркенхэд, заявил, что «последние известия из России нехороши и даже внушают беспокойство. Мы должны относиться терпеливо к нации, одним внезапным ударом освободившейся от гнета, продолжавшегося несколько веков» [3].

Наибольшую активность в поддержке Корнилова перед Государственным совещанием проявляла английская сторона. 15 августа в Россию прибыл из Англии эмиссар, член первой Государственной Думы А. Ф. Аладьин. Он привез для генерала специальное письмо от военного министра Великобритании лорда Мильнера, в котором одобрялась идея установления в России военной диктатуры и шаги к ее реализации [1]. Еще до прибытия Корнилова на Государственное совещание на улицах Москвы распространялись брошюры, озаглавленные: «Корнилов – национальный герой», «Русский

герой Корнилов». Эти брошюры были отпечатаны на деньги британской военной миссии и доставлены в Москву и Петроград в вагоне генерала Нокса [11, с. 196].

Бьюкенен в воспоминаниях показывает осведомленность о планах переворота. «Едва успело разойтись Московское государственное совещание, – писал английский посол, – как слухи о проектируемом перевороте стали приобретать более конкретную форму. Журналисты и другие лица, находившиеся в контакте с его организаторами, говорили мне даже, что успех переворота обеспечен и что правительство и Совет капитулируют без борьбы» [4, с. 261 - 262]. В телеграмме Бьюкенену от английского военного представителя при Ставке генерала Бартера, посланной им по возвращении из Москвы, сообщалось, что «попытки к какому-нибудь перевороту можно ожидать в любой момент» [4, с. 259, 262]. При этом Великобритания приняла практически непосредственное участие в корниловском мятеже. По свидетельству полковника Р. Робинса, бывшего в ту пору помощником председателя миссии американского Красного Креста в России, английские офицеры, переодетые в русскую форму, следовали вместе с корниловскими частями со своей боевой техникой. В показаниях перед «Овермэновской комиссией» сената США Робинс говорил: «Английские офицеры, одетые в русскую военную форму, в английских танках следовали за наступавшим Корниловым и едва не открыли огонь по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова» [11, с. 197 - 198].

Об участии английских бронемашин сообщала также и московская газета «Социал-демократ». Английская бронедивизия, входившая в состав Юго-Западного фронта, завоевала особое доверие Корнилова (когда он являлся еще командующим этого фронта) своим позорным участием в обстреле русских войск с тыла при их отступлении в начале июля под Тарнополем. Корреспонденты английских газет с восторгом сообщали тогда об этом «подвиге» своих соотечественников. По приказу ставки эта часть перебрасывалась теперь к Петрограду [6, с. 81].

После провала переворота глава британской военной миссии в России генерал Нокс в беседе с полковником Робинсом признал, что он, Нокс, был заодно с Корниловым. «Быть может, эта попытка была преждевременна, но я не заинтересован в правительстве Керенского. Оно слишком слабо; необходима военная диктатура, необходимы казаки. Этот народ нуждается в кнуте! Диктатура – это как раз то, что нужно» [14, p. 661 - 662]. Англичане также поспешили заявить Терещенко, что они не имеют «ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела России. Они хотят лишь как друзья и союзники предоставить в распоряжение правительства свои услуги и помочь, если удастся, избежать того, что может оказаться непоправимым бедствием» [7, с. 159]. «TheTimes» писала: «Мы будем оказывать поддержку каждому русскому гражданину, как военному, так и не военному, который докажет свою способность спасти Россию. Невозможно допускать, чтобы Россия могла быть спасена Советом Рабочих Депутатов» [3].

Анализ источников убеждает, что позиция английских политических верхов в отношении кандидатуры «сильного человека» менялась во многом из-за быстрых изменений и сдвигов в России и на фронте. С марта по июль 1917 г. четко прослеживается английская политика «дрейфа» между министрами Временного правительства и «остановка» на Керенском. Но Июльский политический кризис и провал военно-наступательных операций русской армией, заставил Англию пересмотреть кандидатуру Керенского и ставка была сделана на генерала Корнилова, способного, по мнению англичан, удержать Россию в войне и ликвидировать с помощью военной силы очаги революции.

The reasons and consequences of intervention of Englishmen in internal political fight in Russia are established in the article on the basis of archival sources, memoirs of contemporaries and periodicals materials. Evolution of the British position concerning the candidate to the place of the military dictator is also shown in this article.
The key words: *military dictatorship, English – Russian relations, Great Britain, the First World War, the ambassador Buchanan, Provisional government.*

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Империи (Далее – АВПРИ). Ф.133. 1917 г. Оп. 470. Д.5. Л.124.
2. АВПРИ. Ф.138. Оп. 470. Д.655/677. Л.40, Л.81, Л.109, Л.112.
3. АВПРИ. Ф.140. Оп. 477. Д.283. Л.136; Д. 347. Л.140.
4. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата.Минск, 2001.
5. Вестник Временного правительства. 1917. 11 марта.
6. Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965.
7. Красный архив. 1927. Т. 5 (24).

8. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т.5. М., 1938.
9. Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921.
10.Речь. 1917. 20 мая.
11.Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел. Вып. 1– 6, изд. 2. Петроград, 1918.
12.Coates W.P. and Z.K. A history of Anglo-Soviet relations. London, 1943.
13.Daily Telegraph. 1917. 11 July.
14.KnoxA.With the Russian Army 1914–1917. Vol. 2. London, 1921.
15.The Times. 1917. 9 - 16 July.
16.Warth R. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954.

Об авторе

Ланцев С.Н. - аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, ser-mobil@mail.ru.

УДК 947. 084.51

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОЛЬШЕВИЗМА.

И.В. Малашенко

В статье на основании архивных источников и материалов периодической печати рассматривается процесс развития потребительской кооперации в Брянской губернии в первые годы новой экономической политики. Анализируется роль потребительской кооперации как одного из структурных компонентов политики Советской власти в восстановлении брянской деревни.

Ключевые слова:*Брянская губерния, крестьянство, новая экономическая политика, потребительская кооперация, сельское хозяйство.*

В первой половине 20 – х гг. XX века кооперативное движение являлось одним из важных структурных компонентов новой экономической политики. В отечественной историографии в течение ряда десятилетий существовал тезис о том, что в этот период «был найден верный курс сотрудничества советской партийно-государственной системы с кооперацией, которая достигла всестороннего расцвета и переросла в высшие формы» [1, с. 165]. С середины 80-х гг. XX века восхваление кооперации стало дополняться критическими суждениями. С точки зрения историка Л.Е Файна «коренного перелома в определении сущности и роли кооперации не произошло даже на начальном этапе нэпа» [2, с. 36]. Ещё более категоричен взгляд экономиста В.А. Марьяновского считавшего, что «тупик в вопросе о соотношении государственной и кооперативной собственности был предопределён всем ходом развития России не только гражданской войны, но и нэпа» [3, с. 137]. На наш взгляд необходимо, с одной стороны отказаться от чрезмерной идеализации кооперативного движения в 1921-1925 гг., а с другой, не стоит чрезмерно критиковать государственное регулирование кооперации. Полностью контролировать деятельность кооперации как в период военного коммунизма государство уже не могло, так как предоставленная свобода крестьянам по реализации части произведенной продукции привела к фактической легализации рыночных отношений. Под натиском этих протекавших процессов, власть была вынуждена отказаться от многих ограничений на ведение хозяйственных операций. Первая половина 20-х гг. XX века – это период в истории кооперативного движения, когда государство позволило кооперации существовать и функционировать на имманентно присущих ей принципах. Советская власть временно и тактически «переформатировала» свою экономическую программу в интересах восстановления народного хозяйства. [4, с. 6]. В данной статье предлагается рассмотреть картину развития потребительской кооперации в Брянской губернии в 1921-1925 гг. и проанализировать ее роль в восстановлении российской деревни.

Переход к мирному строительству выявил большое количество нерешённых проблем в кооперативном движении страны: разграничение функций государственных и кооперативных организаций, методы стимулирования, характер реализации экономических интересов отдельных социальных групп крестьянства и др. В период политики военного коммунизма государство поставило задачу соединить сельскохозяйственную и кустарно-промысловую кооперацию с потребительской в единый общегосударственный кооператив [5, 4, с. 503-507; 7, с. 147-149]. Такая интеграция и полное подчи-

нение Наркомпроду резко ограничивало инициативу и самодеятельность кооперации. Весной 1921 г. из 53 тыс. распределительных пунктов кооперации к товарообмену смогли приступить лишь около 15 тыс. [6, с. 133]. По выражению В.И. Ленина кооперация тогда находилась в «состоянии чрезмерного задушения…» [7, 43, с. 64].

Решения X съезда РКП (б) перевели развитие кооперации в новое русло. Все виды кооперации были привлечены к организации местного обмена и проведению государственного товарообмена. Произошло отделение сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации от потребительской, восстанавливались обязательные членские взносы с проведением специальных мер по обеспечению интересов бедноты. Кооперации была предоставлена хозяйственная самостоятельность снизу доверху, возвращались ранее национализированные и муниципализированные строения и предприятия. Декрет СНК от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» выдвинул перед Центросоюзом задачи «организации товарообмена, скорейшего улучшения снабжения городского населения продуктами питания, промышленности сырьём, сельского населения промтоварами» [8, с. 150].

Для Брянской губернии 1921 г. стал началом перестройки всего кооперативного аппарата и адаптации к новым условиям. Согласно принятым декретам в апреле 1921 г. был ликвидирован Райсоюз, насчитывавший более 800 потребительских кооперативов. На II губернском собрании уполномоченных кооперативов было изучено каждое потребительское общество с учётом его географического положения, удобства путей сообщения, экономического значения каждого пункта, наличия заинтересованности работников, собственные капиталы. Из таблицы видно, что новая сеть потребительских кооперативов в губернии сократилась в четыре раза и составила всего лишь 246 обществ, из них преобладающее количество сельские 101 [9, с. 336].

Таблица 1.

Процесс реорганизации сети потребительских кооперативов Брянской губернии в 1921 г.

Наименование уездов	Существовало Е.П.О.	Крестьянских	Рабочих	Городских
Бежицкий	60	28	12	1
Жиздринский	80	22	5	1
Карачевский	36	11	-	1
Севский	34	19	-	1
Трубчевский	36	21	-	1
Итого:	246	101	17	5

Картину сокращения сети потребительской кооперации продемонстрировали многие губернии страны. Как показали материалы обследования, проведенного в конце 1921 г., «потребительская кооперация выполняет только одну из своих функций – она по преимуществу выкачивает и концентрирует продовольственные и сырьевые ценности, организуя снабжение рабочего класса и промышленности» [10, с. 7]. Товарные и денежные ресурсы кооперации оказались ничтожными, а покупательная способность крестьянства - низкой. К осени 1921 г. в потребкооперацию страны входило 92 губернских союза, объединявших 704 районных отделения, около 15 тыс. распределительных пунктов [11, с. 133]. По сравнению с весной 1921 г. сеть потребительских обществ сократилась на четверть.

Решающую роль в оживлении кооперативного оборота должна была сыграть и помощь со стороны государства. В 1922 г. основным посредником между промышленностью и крестьянским хозяйством стал Центросоюз. Потребительская кооперация получила ряд существенных льгот по линии кредитов, налогов, цен и товароснабжения. В апреле 1922 г. при содействии государства в Брянской губернии для оживления торговой деятельности появились добровольные потребительские общества, всего 29 обществ с количеством членов 24061 человек. Однако общества возникли исключительно в городах и фабрично-заводских поселках и так и не смогли развить активной деятельности в деревне. Основная закупка товаров в губернии осуществлялась в порядке натурального обмена на хлебные продукты. Губсоюз вынужден был отказаться от принципа универсализма в торговых операциях и сосредоточил внимание на группе товаров первой необходимости: мануфактура, соль, керосин, спички, рыба, овчина, стекло, гвозди, сбруя [12, с. 42]. Основным видом деятельности в 1922 г. для потребкооперации губернии стали заготовительные мероприятия. До 1 июля 1922 г. заготовленные сельхозпродукты были распределены между следующими организациями: Губпродкому-100 тыс. пуд., Центросоюзу-52 тыс. пуд., голодающим губерниям-8 тыс. пуд., что составило 100% от намеченного плана [13, с. 343]. В сентябре 1922 г. был создан учетно-кредитный комитет, который предоставлял ссуду населению на заготовительные операции в размере 100 млн. руб.

Губсоюз стремился вовлечь в работу широкую массу населения. В мае 1922 г. были открыты библиотеки, читальный зал, позже организована типография, которая выпустила первую агитационную листовку «Перевыборы». В 1922 г. Губсоюз содержал в г. Брянске дом подростков на 25 человек

и пятилетнюю школу первой ступени, снабжал в уездах 20 иждивенцев, выделил 15 стипендий, собрал на памятник И. Фокину-6 млрд. руб. [14, л. 20]. Однако отдельные эпизоды подрывали доверие крестьян к потребительской кооперации: в 1922 г. общая сумма хищений в низовой сети составила 10 тыс. пуд. хлеба, 64% работников кооперации имели стаж работы менее 1 года, ревизия губернской рабоче-крестьянской инспекции в декабре 1922 г. обнаружила в бухгалтерских отчетах «исправление средних цифр с корыстной целью» [15, л. 223].

7 июля 1923 г. потребительская кооперация отпраздновала международный день кооперации. Тезисы, помещенные в губернском журнале «Кооперативная жизнь» заявляли о том, что произошло «общее улучшение хозяйственного положения в стране… и для кооперации вытекает задача стать посредником между рабочими и крестьянами» [16, с. 9]. Тем не менее, 1923 г. стал самым сложным для потребительской кооперации, как для всей страны, так и для Брянской губернии в частности. Расхождение цен на продукты сельского хозяйства и изделия промышленности поставило под угрозу всю работу кооперации. Достаточно привести два примера: если в 1914 г. 1 пуд. хлеба равнялся 1,5-2 пуд. соли, то в 1923 г. крестьянин мог купить соль только за 4 пуда хлеба; пуд гвоздей в довоенное время равнялся 2-3 пуд. ржи, а в 1923 г. - 20-25 пуд. хлеба. «Ножницы цен» привели к застою хлебозаготовительной кампании и кризису сбыта в брянской деревне. Работник Сосновского кооператива Бежицкого уезда А. Селенский в своем отчете местной власти отмечал: «…Начали 1 апреля 1923 г. с воодушевлением. Нам обещали помочь как кредитом, так и безбюрократным содействием. Начали торговать, но сразу же споткнулись на ценах, цена на мануфактуру очень сомнительная…» [17, с. 8]. В сложившейся ситуации крестьянин стремился найти других контрагентов: частника, кустаря, односельчанина, горожанина, либо начинал замыкаться в рамках собственного натурального производства: делать хлеб средством накопления, развивать промыслы, заниматься самогоноварением. Попытки потребительской кооперации губернии противостоять высоким ценам за счет сокращения штата и задержки заработной платы работникам потерпели неудачу. В целом, осенняя депрессия 1923 г. принесла потребительской кооперации губернии свыше 100 тыс. руб. убытков [18, с. 3].

С начала 1924 г. в потребительской кооперации наступил переломный момент. 28 декабря 1923 г. ВЦИК и СНК издали декрет «О реорганизации потребкооперации на началах добровольного членства» [19, ст. 173]. Возвращение к добровольности членства, повышение роли паевых взносов в финансовых ресурсах объединения создали более благоприятные возможности для осуществления принципа материальной заинтересованности в кооперировании. Принцип добровольности был положен и в основу общесоюзного декрета «О потребительской кооперации», принятого 20 мая 1924 г. [20, с. 412]. Исследователь Л.Е. Файн так охарактеризовал этот декрет: «На начальном этапе нэпа верх берет здравый подход: граждане получают право вступать в кооперативы, а кооперативы - относительно свободно функционировать на рынке» [21, с. 265].

В Брянской губернии переход на добровольное членство, установление твердой валюты и снижение цен на промышленные товары положительно сказались на работе потребкооперации. В 1924 г. на первое место среди запланированных мероприятий выступила торговая деятельность. Если в 1923 г. общий торговый оборот сети составлял 600 тыс. руб., то в 1924 г. всего за девять месяцев работы-1 млн. 600 тыс. руб. В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось товаров на 9 руб. 12 коп. В 1924 г. сократилась и закупка на частном рынке с 22% до 17,6% [22, с. 10]. Второе место заняла заготовительная деятельность, которая была осуществлена в губернии на 412 тыс. руб. Правда, из-за неурожая зерновых культур пополнение заготовок осуществлялось за счет льняного и конопляного семени, пеньки. Потребительская кооперация стремилась приспособить ассортимент промышленных товаров к запросам сельского населения, среди продаваемых товаров были – ткани, сахар, соль, керосин, чай, сложный инвентарь. Расширилась и работа по снабжению деревни техникой, если в 1923 г. деревне было продано машин на сумму 40867 руб., то в 1924 г. в 2,6 раз больше. В 1925г. в потребительской кооперации губернии по – прежнему лидировали торговые операции. В этом году рост торгового оборота по сравнению с 1924 г. увеличился на 70,5%, увеличились и оптовые продажи на 88, 6%, а розничные на 64,2%

Оценивая итоги развития потребительской кооперации в первые годы новой экономической политики следует отметить, что масштабы кооперативной сети и ее роль в восстановлении народного хозяйства страны возросли. Число крестьянских хозяйств страны, охваченных потребительской кооперацией с 1923 по 1925 г. поднялось с 5,5 до 9,4 млн., что составило 37% их общей численности [23, с. 292]. По данным, опубликованным в 1925 г. В.П. Милютиным, потребительская кооперация страны обслуживала 31% городского и 25% сельского населения республики [24, с. 5]. Аналогичная картина наблюдалась и в Брянской губернии. На 1 октября 1925 г. общее количество потребительских обществ в губернии составило 127, а количество лавок 273, что давало увеличение по сравне-

нию с 1921 г. на 41% [25, с. 2]. Возросло и количество крестьянских хозяйств, охваченных потребительской кооперацией: если в 1924/25 г. на одно потребительское общество в деревне приходилось-1374 крестьянских хозяйства, то в 1925/26 г.-1967. Следует заметить, что рост потребительских обществ наблюдался как в сельской местности, так и в городской сети: если общее количество пайщиков сельских потребительских обществ в 1925 г. равнялось 48816 человек (100%), то в 1926 г.-67679 (138%), а количество пайщиков городских соответственно составляло 6542 (100%) и 9149 (141%) [26, с. 8]. А по сравнению с 1923 г. в котором число сельских пайщиков равнялось 4188 человек, рост сети в 1925 г. составил 120%. Однако в целом, процент крестьянских хозяйств в потребительской кооперации Брянской губернии отставал к концу 1925г. от общероссийского на 15% и составлял всего 22,3%. Социальный состав членов сельской сети потребительской кооперации губернии состоял из середняков-71,7%, бедняков-21,1% и зажиточных-6% [27, с. 18]. В 1921 – 1925 гг. в Брянской губернии в потребительской кооперации наметились и другие положительные тенденции. Во-первых, выросла хозяйственная связь сельскохозяйственной кооперативной сети с Центросоюзом: если в 1924/25 г. закупка товаров в союзах составляла 55,3%, в госорганах 31,9%, у частных лиц-12,5%, то 1925/26 г. соответственно 70,7%, 20% и 9,3%. Во-вторых, наметилось значительное повышение удельного веса потребительской кооперации в деревне и сократился удельный вес частника. Причем, оборот сельской сети потребительской кооперации в губернии к общему обороту в 1925 г. мало отличался и составлял 33,7% против 35% по стране [28, с. 6]. Процесс вытеснения частника был связан с более дешевым и доступным бюджетным набором, который у кооперации на сельхозтовары стоил 10 руб., а у частника-10 руб. 40 коп. В-третьих, возросла и финансовая самостоятельность потребительской кооперации. Если в 1924/25 г. собственные средства Брянпотребсоюза составляли 37,8%, а заемные-62,2%, то в 1925/26 г. соответственно 44,1% и 55,3%.

Итак, несмотря на все трудности восстановительного периода, потребительская кооперация сыграла заметную роль в экономической жизни страны и Брянской губернии, в частности. Она смогла стать основным связующим звеном между промышленностью и сельским хозяйством в первые годы новой экономической политики. Так, к концу 1925 г. из 18,5% приходившихся на всю кооперацию средств в товарообороте страны, 75% составляли средства потребительской кооперации [29, л. 110]. Однако приходится констатировать, что и в этот период истории, кооперация не стала важным фактором модернизации крестьянского производства, средством воспитания предприимчивости и самодеятельности населения, она в значительной мере продолжала выполнять лишь снабженческо-распределительные функции, предоставленные ей государством.

Опыт потребительской кооперации в первые годы новой экономической политики, воспринятый критически и с поправкой на изменившиеся условия жизни страны, может и должен быть востребован Россией современной, если она стремится к эффективной модернизации своей экономики. Кооперация – это третий путь развития известной дихотомии фермерского и общинного типов аграрной организации, позволяющий мелкотоварному хозяйству противостоять давлению частного капитала [30, с. 207].

The article touches upon the process of developing consumer cooperation in Bryansk region (gybernia) in the first years of New Economic Policy. The article is based on the archives and periodicals. The author analyzes the role of consumer cooperation as one of the structural components of the Soviet policy in the course of reconstructing Bryansk village.
The key words:*agriculture, Bryansk region (gybernia), consumer cooperation, New Economic Policy, peasant.*

Список литературы:

1. Булатов И.Г. Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М., 1960. С. 165.
2. Файн Л.Е. Нэповский «эксперимент» над российской кооперацией// Вопросы истории. 2001. №7. С .36.
3. Марьяновский В.А. Кооперация и нэп: миф и реальность// Государство и право. 1993. №12. С. 137.
4. Рогалина Н.Л. Задачи и уроки российских аграрных реформ XX века// Российская история. 2011. № 4. С.6.
5. Декреты Советской власти. Т.4. М., 1968. С. 503-507; Т.7. М., 1974. С. 147–149.
6. XI Всероссийская партийная конференция РКП (б). М., 1921. С. 133.
7. Ленин В.И. ППС. Т.3. М., 1982. С. 63.
8. СУ РСФСР. 1921. №26. С.150.
9. Отчет Брянского Губисполкома. Брянск, 1922. С. 343.
10. Кооперация о самой себе. М., 1921. С. 7.
11. XI Всероссийская партийная конференция РКП (б). М., 1921. С. 133.
12. Отчет Брянского губернского союза потребительских обществ. Брянск, 1923. С. 42.

13. Отчет Брянского Губисполкома. Брянск, 1922. С. 343.
14. ЦНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 622. Л. 20.
15. ЦНИБО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1013. Л. 223.
16. Кооперативная жизнь. 1923. №8.С. 9.
17. Там же. С. 8.
18. Коммунист. 1927.Октябрь. С. 3.
19. СУ РСФСР.1924. №17. Ст. 173.
20. Решения партии и правительствапо хозяйственным вопросам. Сб. документов. Т.1. М., 1967. С.142.
21. Файн Л.Е. Кооперация и рынок: принципы взаимодействия в различных социально-экономических условиях России. М., 2001. С. 265.
22. Потребительская кооперация в 1924 г. Брянск, 1925. С. 10.
23. История советского крестьянства. Т.1. М.,1986. С. 292.
24. На аграрном фронте. 1925. №4. С.5.
25. Коммунист. 1927. Ноябрь. С. 22.
26. Кооперативное строительство в Брянской губернии. Брянск, 1927. С. 8.
27. Там же. С. 18.
28. Потребительская кооперация СССР. М., 1926. С. 6.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 737. Л. 110.
30. Петров Ю.А. А.П. Корелин. Кооперация и кооперативное движение в России//Российская история. 2011. № 1. С. 207.

Об авторе.

Малашенко И.В. – кандидат исторических наук,старший преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, malashenkoanatoly@ rambler.ru.

УДК 94 (47).085

ЖЕНЩИНЫ ИЗ СОВЕТСКИХ ФИЛЬМОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ ЭКРАН» 1960-1968 ГГ.)

Т.А. Мищенко

Возможность использования художественного фильма в качестве исторического источника позволяет автору проследить предлагаемые в фильмографии журнала «Советский экран» женские образы периода «оттепели». Поиски современной героини приводят в 1960-е гг. к становлению образа женщины, как самостоятельной, думающей, сомневающейся, деятельной личности.
Ключевые слова: *советский фильм, женский образ, индивидуализм, повседневность, частная жизнь, личность.*

Обращаясь к дискуссии о путях развития современного гуманитарного знания, Н. Пушкарева в статье «Феминистский вызов новейшей этнологии и антропологии» приводит предположение американского историка и культуролога Мишеля Розальдо о том, что современная гуманитарная наука отныне более нуждается не столько в увеличении числа фактов, сколько в умении ставить все новые и новые вопросы [17, с.39]. Одной из возможностей по новому обобщить эмпирический материал является обращение к художественному фильму как историческому источнику. Специфика художественного фильма, как объекта исследования, в том, что с одной стороны в кино отражается повседневная жизнь конкретной исторической эпохи, с другой – кино само способно создавать модели поведения, диктовать определенные жизненные стратегии зрителям-современникам, поддерживать или разрушать традицию. А. Усманова отмечает: «Визуальный текст (будь то фильм, реклама или фотография) не является иллюстрацией, непосредственным и «пассивным» отражением социальной реальности, но скорее, выступает как сложный исторический текст, предлагающий собственную версию или взгляд на ту или иную эпоху, не обязательно совпадающий с точкой зрения, сформулированной в других (в том числе официальных) источниках» [23, с.239].

Особый интерес представляет фильмография периода оттепели, которая переосмыслила коллективный опыт советского и сформировала тенденцию к исследованию индивидуального «я» героя. В фильмах 1960-х гг. место эпического героя занимает конкретный человек, все чаще главным действующим лицом на экране становится женщина. А. Усманова пишет: «… именно 60-е произвели в отечественном кинематографе своеобразную революцию в репрезентации женщины» [23, с.252].

Ряд исследователей уже обращались к проблеме использования кинематографа в качестве

объекта или источника своего исследования. А. Усманова предлагает особую категорию «анализ фильма», который, в отличие от кинокритики, представляет собой необходимое условие философской, социологической, антропологической и любой другой интерпретации фильма [См.: 22].

И. Каспэ на примере фильмов Э. Рязанова рассматривается процесс изменения привычных социальных ролей советского человека: личностный конфликт между ролями девушки-руководителя (фильм «Дайте жалобную книгу»); мелодраматическое преображение главной героини «Служебного романа» из официальной роли руководителя в привлекательную женщину [См.: 10].

Исследованию повседневности в советском кинематографе конца 1950-х – 1960-х гг. посвящено диссертационное исследование Н.В. Глебкиной [См.: 4]. Т. Дашкова в статье «Любовь и быт в советском кинематографе 30-50-х гг.» рассматривает социокультурную историю сквозь призму визуальной репрезентации между полами [7, с.52-67]. В монографии Е.В. Сальниковой «Советская культура в движении от середины 1930-х к середине 1980-х гг. Визуальные образы, герои, сюжеты» развернут анализ эстетического пространства советской культуры. Автор исследовала художественный кинематограф наряду с фотоматериалами, живописью анимацией, театром, телевидением, чтобы осмыслить архетипичные образы советской повседневности, типологию героев и актерских индивидуальностей [См.: 20].

В то же время в отборе художественных фильмов, как исторических источников, содержащих репрезентацию культурного текста эпохи, присутствует значительная доля субъективизма, основанной на современной популярности некоторых советских фильмов. Чтобы преодолеть подобный «субъективный отбор» объектов анализа, в данном исследовании мы опирались на отражение фильмографии 1960-х гг. на страницах журнала «Советский экран» в 1960–1968 гг. Журнальная публикация представляет в наше распоряжение не только вербальный язык письменной речи, но и репертуар образов, символов, личных историй.

Таким образом, источниковая база исследования сформирована из публикаций в журнале «Советский экран» (статьи, письма читателей, интервью актеров и деятелей кино), содержащих информацию о женских образах в кинематографе 1960-х гг.

К началу 1960-х гг. господствовавшая ранее установка на производство небольшого числа фильмов, но художественно совершенных (в соцреалистическом понимании этого слова), изменилась. В этот период интересы режиссеров смещаются из публичного пространства в частное и от социально детерминированного человека к индивидуальному. «Большой стиль» уходит из кинематографа и на смену эпичным «рабочим», «колхозникам», «героям», «ударникам», приходят «борцы за справедливость», «правдоискатели», которым противостоят «карьеристы», «бюрократы», «мещане» с одной стороны и «интеллектуальная богема» с другой. «Просто человек» проступает сквозь пестрый и разноликий фон социальных ролей и идеологических декораций [4, с.2]. Л. Аннинский, стремясь охарактеризовать «новый стиль», воцарившийся на наших экранах, писал: «Новый стиль – это обезоруживающая симпатичность, непосредственность, подкупающая трогательность, подчеркнутая антиплакатность. Раньше киногероини были красавицы. Теперь симпатяги: курносенькие, лохматенькие. Раньше солнышко было – теперь дождик идет. Теперь под дождиком босиком бегают, на ручку кресла садятся, не поют, а мурлычут без аккомпанемента и запросто так картавят, заикаются» [1, с.6].

В 1961 г. Генеральный директор «Мосфильма» В. Сурин со страниц журнала заявлял, что из 25 новых полнометражных художественных фильмов 20 будут посвящены современным темам. Среди них – фильм по сценарию Б. Бедного в постановке Ю. Чулюкина «Девчата» [См. 21]. С выходом на экраны страны этого фильма действительно обозначилась новая тенденция в репрезентации женских образов. В центре сюжета – судьба пяти подружек, соседок по общежитию. «В этом фильме нет производственного конфликта или споров о каком-либо технологическом процессе. Наша новая работа рассказывает о морали, об этике, о взаимоотношениях молодежи, о девичьей гордости, о любви, которая рождается по-разному и по-разному влияет на людей» [15, с.8].

В кинематографе 60-х происходит стремительный слом стереотипов в изображении женщин. Доступные ранее сюжетные линии «женщина – верная (неверная) спутница мужчины», «женщина в служении государству» сменяются поисками нового образа. Актриса Т. Конюхова, рассуждая о выбранной роли, сказала: «… Мне хочется играть не мелодраму, не любовные переживания. Мне хочется подчеркнуть и выявить в образе молодой женщины совсем другое: ее жажду деятельности, ее стремление найти для себя интересное, захватывающее дело, определить свое место в жизни» [12, с.9]. Среди создаваемых кинематографом «оттепели» образов современниц появляются врачи, учителя («День счастья»), даже председатель колхоза (Александра Потапова в исполнении Ноны Мордюковой, х\ф «Простая история»), наделенные живыми женскими характерами, склонностью к раздумью, человеческим достоинством, гордостью: «… Коротенький эпизод – доктор Теннов и Ольга. Их связывает, как кажется Теннову, большое чувство, оба одинокие, они мечтают найти друг в друге

любовь, верность, общность стремлений. Ольга только что вернулась с вызова – 03, скорая помощь. У больной она нашла рецепт, написанный месяц назад рукой Теннова. Рецепт – отписку, выдавший нежелание врача возиться с трудным случаем. Ольга в смятении: как верить человеку, пренебрегшему своим святым профессиональным долгом?» [11, с.6].

На страницах журнала «Советский экран» отражаются и творческие поиски режиссеров [См.: 2, 19] в отображении динамизма общественных преобразований, преодолении монументальности в изображении героев: «… Мы, показывая порой в произведениях о современности человеческие связи на уровне веками сложившихся отношений, видим в этом признаки правды. Мы показываем человека в медленных, неповоротливых ритмах, с ограниченной мыслью и речью, стесняясь обмена новыми идеями, новыми оценками, новыми чувствами, полагая, что эта ретроградность, неподвижность и есть главный признак режиссерского видения жизни. Неверно все это! Все это не более чем результат вялого, равнодушного отношения к гигантским процессам, преобразующим (в особенности за последние годы) наше общество с поистине невиданной динамикой» [3, с.3-4].

Одной из форм сопоставления нарративов «новое» − «старое» частной жизни является изображение гражданской позиции в противоположность мещанской. Героиня фильма «Шумный день» Клавдия Васильевна пишет своему сыну: «Старое, отрицающее, еще очень живуче – оно не просто путается у нас под ногами, оно заискивает, хихикает и подмигивает; мы часто слышим его вкрадчивый шепот, оставаясь наедине с собой: «Что тебе, больше всех надо? Будет трудно, никто не придет на помощь!» [14, с.2]. Часто молодая женщина оказывается перед выбором: новая кипучая жизнь, полная свершений, или тихий мещанский мирок. Актриса В. Малявина сказала в интервью: «В фильме «Утренние поезда» моя героиня Ася приехала в город устраиваться на работу. Она как бы растет на глазах у зрителя. …Ася поставлена между двумя мирами – миром старых отживающих, мещанских взглядов и миром молодым, современным» [13, с.7]. Мещанки в комедиях – карикатурные женские персонажи: «В главном своем комедийном повороте «Легкая жизнь», безусловно смешна… Мы попадаем в «интеллигентную» семью. Ее глава искусствовед, автор короткого и незавершенного академического труда… Это человек, разменявший нелегкий творческий труд на процветание «творческого человека». И В. Марецкая в роли его спутницы жизни создает вполне типичный образ мещанки. Ее жизнь – это «одиссея» пустопорожней болтовни, охота за тряпками, сплетнями и интрижками» [9, с.7].

Способность успешно вплести частную жизнь в жизнь коллектива, в общественное производство – качество присущее молодежи. Марианна Вертинская в интервью размышляла о роли в фильме «Мне 20 лет»: «Аня очень близка мне. Это – интересный, славный человек. Но у нее нет еще точного пути. Не задумываясь долго, она может ринуться на большую стройку, на целину. Если не понравится, с такой же легкостью вернется обратно» [16, с.15-16]. Молодость главной героини даже превратилась в некий сценарный штамп, о чем в интервью сказала В. Марецкая: «Заметили ли вы: сюжеты многих кинокартин немного банальны – все начинается и кончается у героев в 20-30 лет и дальше как будто нет ничего? При этом, странное дело, забывают, что люди живут куда дольше и случается в их жизни очень много интересного такого, что может лечь в основу не одной – десятков картин» [5, с.1].

Стремление показать черты нового в женском характере приводит к понимаю женщины как личности, способной изменять окружающих людей к лучшему. В фильме режиссера Л. Кулиджанова «Когда деревья были большими» главную героиню паромщицу Наташу «… вырастили и воспитали добрые люди, подобрав ее, сироту, у разбитого эшелона в годы войны. Тунеядец, хулиган и пьяница Кузьма (его играет Ю. Никулин) приезжает к Наташе в деревню, называет себя ее отцом. Много терпения и настойчивости проявила Наташа, чтобы перевоспитать этого человека, помочь Кузьме встать на ноги, заново найти себя» [6, с.9].

Несмотря на заметное смягчении режима, советские кинематографисты были лишены возможности затрагивать актуальные проблемы и обращались, как к единственно возможной, повседневной жизни обычного человека. «… Нам нужно больше хороших произведений, посвященных проблемам повседневной жизни, волнующим широкие круги населения - фильмов о честности и совести, о долге, о семье и детях, о нравственном воспитании молодежи» [18, с.1], - сказал И. Пырьев на съезде работников кинематографии СССР.

Масса новых проблем, не знакомых кинематографу предыдущего периода, появляется на экранах в 1960-е гг.: неполные семьи, соприкосновение городского и сельского укладов, конфликт поколений, статус женщины не как передовика, рабочей или колхозницы, а как хозяйки, хранительницы очага. На страницах журнала «Советский экран» обсуждаются такие фильмы, как «Взрослые дети», «Евдокия», «Мальчик и девочка».

В западном киноискусстве в это время популярно течение постмодернизм, в котором форма произведения главенствует над содержанием. Возможно, что скрупулезное внимание советских ре-

жиссеров и операторов к «приметам повседневности» в фильмах на семейные темы связаны с идеей метафорического воплощения человеческой психологии в бытовых деталях. Образы реальной городской или сельской девушки, словно без прошлого, у которой все впереди, сменяются в 1966 – 1968 гг. сложными женскими характерами. В фильме М. Хуциева «Июльский дождь» главными героями фильма примерно тридцать. Очень часто в это время у людей наступает период пересмотра уже выработанных ранее позиций. «…К такому пересмотру приходит Лена, героиня «Июльского дождя». Ей многое надо обдумать заново. Она начинает понимать, что прежние оценки поверхностны, все предстает перед ней в ином, более ясном и резком свете. Это порой связано с потерями. Лена теряет бывшего ей самым близким человека, который становится чужим и далеким» [8, с.6].

А. Усманова называет «Июльский дождь» одним из фильмов «каммершпилей», в которых любовь и частная жизнь становится центральной или даже единственной темой фильма [23, с.232].

Характеризуя кинематограф второй половины 1960-х гг., А. Усманова отмечает изменения в репрезентации женских образов: «Эмоциональная и интеллектуальная утонченность женских персонажей, не вписывающаяся в каноны красоты внешность (И. Чурикова, М. Булгакова и другие), «непредсказуемые» поступки – все это позволяло переключиться с внешней бесконфликтности и социальной успешности на перипетии внутренней жизни героинь, обнаружить за жизнерадостной внешностью одиночество, невезение в любви и моральный дискомфорт» [23, с.240].

Авторы фильма «Три тополя на Плющихе» просто и доверительно рассказали скромную, непритязательную историю. Но увиденная художниками, как много, оказывается, она содержит. Деревенская женщина Нюра (в исполнении Т. Дорониной), темная и неразвитая, оказывается откровенной и притягательной. «… И постепенно начинаете вы понимать, сколь неожиданна природа и ее скопидомства, копеечности и духовной узости вообще. Ведь, оказывается, по сути своей Нюра – человек светлый, добрый и чистый. Что не осознавая себя, живет в ней неистребимая потребность помогать кому-то, облегчать чью-то жизнь» [24, с.2-3]. По мере развития естественности человеческих проявлений женского образа в советском кинематографе, возникло ощущение его неуниверсальности, нетипичности, множественности.

Итак, репрезентация женских образов на страницах журнала «Советский экран» указывает на значительную эволюцию в советском кинематографе 1960-х гг. В начале 1960-х гг. был совершен переход от эпического отображения социально значимых ролей героинь труда, науки, спорта, искусства к изображению индивидуальных конкретных, но совершенно обычных женщин, милых симпатичных девушек. Поиски современной героини приводят к размышлениям на тему выбора между старым и новым, мещанским счастьем и гражданской позицией. Особой социокультурной средой, детерминирующей частное пространство, на экране становится семья. Интерес к личности женщины в советском кинематографе приводит к тому, что типичные образы миловидных веселых женщин сменяются образами женщин, обладающими яркой фактурой, оригинальностью, сложным духовным миром.

The ability to usethe filmas a historical sourceallows the authorto followin the filmography ofthe proposedmagazine "Soviet Screen" images of womenduring the "thaw".The search forthe modernheroineleadin *the1960s.to becomingthe image of womenasindependent,thinking, doubting,active personality.*
The key words:*Soviet film, the femaleimage,individualism, andeveryday life, privacy,identity.*

Список литературы:

1. Аннинский Л. Для чего в кино ходим?// Советский экран. 1966. №12.
2. Габрилович Е. Великой стране – великий кинематограф// Советский экран. 1961. №1.
3. Герасимов С. Кино и современность// Советский экран. 1960. №3.
4. Глебкина Н.В. Репрезентация повседневности в советском кинематографе конца 1950 – 1960-х гг. Автореферат дис… канд. культурологических наук. Специальность 24.00.01. М., 2010.
5. Григорьев М. Вера Марецкая: о судьбах людских и актерских// Советский экран. 1967. №5.
6. Гулая И. Слово о моем друге// Советский экран. 1961. №23.
7. Дашкова Т. Любовь и быт в советском кинематографе 30-50-х гг.// Отечественная история. 2003. №3.
8. Доменский М. Черток С. Время жить, время размышлять// Советский экран. 1966. №2.
9. Зоркий А. Бочкин, королева Марго и химия// Советский экран. 1964. №20.
10. Каспэ И. Границы советской жизни: представление о «частном» в изоляционистском обществе. Часть II.// НЛО. 2010. №101.
11. Колесникова Н. 03 ищет героиню (заметки о кинопробах)// Советский экран. 1964. №14.
12. Конюхова Т. Почему я выбрала Варю// Советский экран. 1963. №19.

13.Кремлев Г. Без расписания…// Советский экран. 1963. №17.
14.Мериманов В. Шумный день// Советский экран. 1961.№2.
15.Михайлов Л. Девчата// Советский экран. 1961. №7.
16.Поляновский М. В семье Вертинских// Советский экран. 1965. №5.
17.Пушкарева Н.Л. Феминистский вызов новейшей этнологии и антропологии// Этнографическое обозрение. 2004. №4.
18.Пырьев И. Большой разговор о настоящем и будущем// Советский экран. 1963. №22.
19.Пырьев И. К новым вершинам киноискусства// Советский экран. 1960. №7.
20.Сальникова Е.В. «Советская культура в движении от середины 1930-х к середине 1980-х гг. Визуальные образы, герои, сюжеты». М., 2010.
21.Сурин В. О новых фильмах// Советский экран. 1960. №20.
22.Усманова А. Научению видению: к вопросу о методологии анализа фильма/ Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. Саратов. 2007.
23.Усманова А. Повторение и различие, или «еще раз про любовь»// Новое литературное обозрение. 2004. №69.
24.Щербаков К. Минуты счастья// Советский экран. 1968. №10.

Об авторе:

Мищенко Т.А. – кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК – 947.087

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ТОРГОВЛИ В 50-60^{е} ГОДЫ

И.А. Мороз

В статье анализируются проблемы развития торговой розничной сети 50-60^{х} годов, создание единого центра, отвечавшего за оснащение оборудованием торгующих организаций. Охарактеризованы новые методы и прогрессивные формы торговли.

Ключевые слова: *торговля, материально-техническая база, механизация, формы и методы торговли.*

Развитие советской розничной торговли и предприятий общественного питания ещё не стали по-настоящему предметом исследования в современной исторической науке. Настоящая статья посвящена рассмотрению политики внедрения новой техники в советскую торговлю в 1950-е – 1960-е гг.

Если в послевоенное время целью развития торговли было восстановить разрушенную торговую сеть, то в 50-60^{е} гг. выдвигалась задача её расширения и развития материально-технической базы. Широкое внедрение и правильное, эффективное использование техники в торговых предприятиях имели огромное значение для дальнейшего развития торговли, повышения её культуры. Это способствовало ускорению обслуживания покупателей, позволяло лучше сохранять качество товаров, значительно повысить производительность труда работников торговли и общественного питания.

Как известно, с 1953 г. партийно-государственное руководство страны обратило внимание на повышение материального благосостояния граждан. В связи с этим большая программа технического прогресса в торговле была намечена в постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерахпо дальнейшему улучшению торговли» от 8 августа1960г. [1, с.556]. В нём подчеркивалась необходимость улучшения работы созданной в 1953 году Всесоюзной конторы «Инвентарьторг». До этого по существу не было единого центра, который бы обобщал требования торгующих организаций по оснащению их оборудованием, инвентарём, посудой и производил отбор наиболее рациональных его видов, размещал заказы в промышленности и осуществлял реализацию инвентаря и оборудования предприятиям всех систем и ведомств. Проблема движения технического прогрессарешалась руководством в духекомандной экономики – путём создания специального центра технического развития торговли.

Ранее многие виды инвентаря и оборудования совершенно не поставлялись торговым предприятиям, а закупать такое оборудование сами они, как известно, не имели права в условиях жёстко централизованной экономики.После создания конторы «Инвентарьторг»были открыты специализированные магазины в Горьком, Таллинне, Куйбышеве, Омске, Калининграде, Саратове, Новосибирске, Владивостоке и других городах, продававшие торговое оборудование [2, с.21]. Номенклатура

торгового и кухонного инвентаря и оборудования, реализуемых в магазинах Инвентарьторга, составляла свыше 500 наименований. Это весоизмерительные приборы и принадлежности к ним, торговый инвентарь и разный инструментарий для продовольственных и промтоварных магазинов, наплитная посуда и кухонный инвентарь для предприятий общественного питания, рекламный и выставочный инвентарь, запасные части к машинам общественного питания, весам, кассовым аппаратам. Товары вмагазины Инвентарьторга поступали из различных источников: от государственной и местной промышленности, промысловой кооперации, от Главторгоборудования Министерства торговли СССР.

Большое значение имела работа, направленная на создание более удобнойпланировкимагазиновиразработкутакихтиповоборудования,

которые бы облегчали и ускоряли труд продавцов. В этот период специалистами«Оргстроя»,Институтарационализациии«Торгстроя»

Центросоюза были созданы новые конструкции портативного оборудования, удобного для работы и показа товаров. Были спроектированы и внедрены вращающиеся шкафы и двусторонние лари, обеспечивающие загрузку их товарами непосредственно из подсобных помещений. Это сокращало путь продавцов при подноске товаров, а, следовательно, облегчало и ускоряло их работу.

Разработано большое количество конструкций прилавков, шкафов, горок, применение которых облегчало труд продавцов и создавало максимальные удобства покупателям при выборе товаров. Взамен громоздких деревянных конструкций для изготовления оборудования во всё возрастающих размерахиспользовались металл, стекло и слоистые пластики.

В области организации торговли продовольственными товарами одной из самых основных задач являлось сохранение качества и питательной ценности скоропортящихся продуктов до момента продажи их потребителям. Поэтому особую важность в торговле приобрела хладофикация. Наилучшим из средств охлаждения продуктов в 50-60^{е} годы являлось машинное охлаждение, которое обеспечивало более низкую температуру и возможность её регулирования, позволяло удлинять сроки хранения продуктов, поддерживать в камерах хранения нормальную влажность и лучшие санитарные условия. По мере развития отечественного машиностроения создавалось всё больше возможностей для оснащения торговой сети машинными средствами охлаждения. В 1960 году по сравнению с 1950 годом использование холодильных машин увеличилось с 2390 до 12919 штук, холодильных шкафов с компрессорами – с 1887 до 25113, холодильных прилавков с компрессорами – с 292 до 26975. Число предприятий, имеющих холодильное оборудование, возросло с 16539 до 46021 [3, с.731]. Но к середине 50^{х} годов машинное холодильное оборудование имелось лишь в 12,7% магазинов, торгующих скоропортящимися продуктами [4, с.19]. Поэтому осуществлялись мероприятия по увеличению количества холодильных компрессоров для стационарных камер, холодильных шкафов, прилавков и витрин.

Однако для полного удовлетворения потребности предприятий торговли и общественного питания в инвентаре и посуде требовалось значительно расширить производство и поставку этих товаров, чего не было сделано. Жизнь показала, что значительного улучшения обеспечения магазинов и предприятий общественного питания инвентарём и оборудованием через сеть Инвентарьторга не произошло. В нём не имелось товаров в нужном ассортименте. Централизация технического прогресса в торговле имела ограниченные возможности для развития, была недостаточно динамичной, остро и быстро реагирующей напотребности торгового предприятия. Необходимо было освободить торгующие организации от составления разного рода заявок, разнарядок и требований на предметы материально-технического оснащения. Директор магазина, столовой, ресторана должен был иметь возможность приобрести в магазинах всё необходимое для предприятия. Однако в те годы эти вопросы полностью не были решены и из-за тяготения к всесторонней централизации не могли быть решены. Это усложняло работу поставщиков. Нередко с момента подачи заявки до отгрузки требуемого инвентаря проходило много времени и оказывалось, что надобности в этих товарах уже нет.

Усилия власти направлялись на механизацию тяжёлых, трудоёмких работ, связанных с погрузкой, разгрузкой товаров и их перемещением внутри

торговых и складских помещений. К середине 50^{х} годов три четверти погрузочно-разгрузочных работ на складах, базах, овощехранилищах и холодильниках производилось вручную. Массовое внедрение механизмов имело не только экономическое, но и социальное значение: в розничной торговлеиобщественномпитанииболеедвухтретейработников составляли женщины [5, с.3]. Решение этой задачи усложнялось многочисленностью сети торговых предприятий и тем, что большая часть их имела небольшой грузооборот, при котором использование сложных механизмов малоэффективно. Поэтому были внедрены автомобили-самопогрузчики, что избавило от необходимости иметь погрузочно-разгрузочные механизмы в мелких торговых предприятиях. В это же время начали использоваться малогабаритные лифты, подающие товары из подвальных помещений непосред-

ственно на рабочие места продавцов, роликовые дорожки, различные системы наклонных подъемников, транспортёров, тележек и другие. Разработанная схема механизации позволила ускорить разгрузку картофеля с автомашины в 3-4 раза и значительно уменьшить потребность в рабочей силе.

Одним из важнейших звеньев в общей цепи технического оснащения торговли являлся транспорт. Он был необходим как для доставки товаров в торговую сеть, так и для непосредственной организации торговли в местах, где отсутствовали стационарные магазины и палатки.

Наряду с количественным ростом и улучшением эксплуатационных показателей торгового автотранспорта был достигнут заметный прогресс в его техническом оснащении. Автозаводы стали выпускать автомобили, прицепы и тягачи с полуприцепами различной грузоподъёмности, специально приспособленные для доставки хлеба, молока, скоропортящихся продуктов, живой рыбы, мебели, готовой одежды, а также автомагазины, автотермоцистерны для развозной торговли квасом и молоком.

Для повышения культуры торговли и увеличения пропускной способноститорговой сетибольшоезначениеимелапоставкамагазинамтоваров в предварительно расфасованном и упакованном виде. В середине 1950^{х} годов в системе советской торговли начинает создаваться механизированное производство упаковочных материалов. При фасовочных фабриках имеются цеха, выпускающие пакеты. Стали внедряться новые, улучшенные виды упаковки товаров: складные картонные коробки для пирожных, яиц и конфет, целлофановые пакеты. В середине 50^{х}годов в Москве, Ленинграде и ряде других городов в системе торговли были созданы крупные механизированные фасовочные фабрики и базы, оборудованы фасовочные цеха при оптовых базах Главбакалеи Министерства торговли СССР. Для оснащения предприятий такого типа промышленность освоила выпуск высокопроизводительных фасовочных автоматов. С их помощью была организована фасовка круп, сахара-песка, мяса, сливочного и топлёного масла, яиц и рыбопродуктов.

Отпуск фасованных товаров производился в 2-3 раза быстрее, чем при взвешивании товаров в присутствии покупателя. Кроме того, при поступлении в торговую сеть расфасованных товаров обеспечивался заметный эффект от сокращения потерь вследствие естественной убыли продуктов, упрощения учета товароматериальных ценностей и повышения производительности труда торговых работников.

Вместе с тем, в торговле фасованными товарами существовали и проблемы. Это, прежде всего, нерациональное размещение фасовочных машин. Так, в Москве ощущался их недостаток, а имелись и не использовались в Мелитополе, Миргороде и других небольших городах, куда они поступили в порядке централизованного снабжения, но острой необходимости в такой технике не было. В некоторые города (Омск, Рига, Алма-Ата) оборудование поступило, но не было установлено и пришло в негодность. Очевидным было и требование мелкой фасовки. Повидло и джем отпускались промышленностью в 100-литровых бочках, варенье – в банках по 650 грамм, что было неудобным при употреблении [6, с.7]. Размеры фасовки товаров в промышленности не удовлетворяли потребности торговли, и торгующие организации вынуждены были производить расфасовку товаров на оптовых и розничных складах и в подсобных помещениях магазинов. Очевидной стала проблема качества упаковки пищевых товаров. Пакеты для соли были из непрочной серой бумаги и быстро рвались, плохой была и упаковка чая, из которой он высыпался. Этикетки некоторых конфет были блёклыми и некрасивыми. В магазинах часто не было в достаточном количестве простой обёрточной бумаги.

В 1950-60^{е} годы происходило внедрение и совершенствование новых методов торговли. Это - приём предварительных заказов на товары, доставка товаров на дом, торговля по образцам, посылочная и развозная торговля, продажа товаров в кредит [7, с.224]. Один из них – метод полного или частичного самообслуживания покупателей. Прогрессивные формы торговли позволили в 1,5-2 раза ускорить процесс продажи. Они создавали удобства для покупателей, сокращали время, затрачиваемое на покупку, давали большой экономический эффект для государства. В магазинах самообслуживания возросла роль кассиров, с 9 тысячв 1950г. до 20 тысяч в 1960г. увеличивается число предприятий, имеющих кассовые аппараты. Функции продавцов в таких продовольственных магазинах ограничивались помощью покупателю в выборе и оформлении сделанной покупки. Поэтому оборудование было рассчитано на открытую выкладку товаров, удобную для осмотра и отбора товаров. Именно в эти магазины поставляли открытые охлаждаемые витрины для продажи мяса, масла, молока, рыбы и других продуктов, требующих холода. Предпочтение отдавали легкому, подвижному оборудованию, изготовленному из стальных или алюминиевых профилей в комбинации с пластиком разных цветов и разноцветным стеклом или в виде легкого деревянного каркаса, облицованного современными материалами.

К прогрессивным формам торговли можно отнести и организацию продажи товаров через торговые автоматы. В СССР до 1956 г. торговые автоматы, за исключением незначительного количества жетонных керосиномеров,не изготовлялись.В1956 годубыловыпущеноиначалоиспользоваться около тысячи автоматов для продажи газированной воды, бутербродов, холодных закусок и автома-

тов-пульверизаторов для одеколона. В 1957 г. было освоено производство монетных автоматов для продажи спичек, тетрадей, карандашей, ручек. Позже начали использоваться монетные автоматы для продажи мороженого, фруктовых вод в бутылках, молока в бумажной таре, универсальные автоматы для продажи различных штучных продовольственных и промышленных товаров.

Массовое применение торговых автоматов позволило существенно улучшить обслуживание населения. Многие автоматы были установлены на улицах, площадях, в парках. Это дало возможность продавать товары массового спроса в любое время суток, независимо от времени работы магазинов. Кроме удобств, получаемых населением, внедрение торговых автоматов дало большой экономический эффект: снизило издержки обращения и подняло производительность труда торговых работников.

Вместе с тем, работа первых автоматов показала и недостатки этой перспективной формы торговли. В стране выпускались автоматы, рассчитанные на установку в закрытых помещениях и пригодные для работы на улицах лишь в теплое время года. Однако нужнее всего были автоматы, рассчитанные на круглогодичную торговлю на улицах и площадях, где через них можно было продавать товары в дни и часы, когда закрыты магазины, и в местах, где нет другой торговой сети. Имелся и ещё один существенный недостаток – это ненадежность работы монетных механизмов. Автоматы комплектовались электроизделиями (микропереключатели, реле тока), не отвечающими условиям их работы. Поэтому часто из-за выхода из строя одного механизма не работал автомат в целом.

Не желая сталкиваться с дополнительными проблемами в связи с эксплуатацией автоматов, руководители торговых организаций частоотказывались от них. Не изучались вопросы их эффективного использования, поэтому выбор мест для установки автоматов решался непродуманно. Правильной эксплуатации автоматов часто мешало незнание правил обращения с ними, а торговые предприятия не выделяли лиц, ответственных за технику.

В это же время некоторые торговые предприятия предприняли попытку продавать товары с доставкой на дом. В крупных городах организовывалась доставка в квартиры хлеба и хлебобулочных изделий, молока и других товаров. Однако такой метод продажи не получил широкого распространения из-за повышения стоимости товаров, так как предприятия несли дополнительныетранспортные расходы.

В 1950-60^{е} гг. в торговле сложилась такая обстановка, когда уровень оснащения предприятий машинами и механизмами и уровень технических знаний обслуживающего персонала пришёл в явное несоответствие. Торговая техника приблизилась по своей сложности к промышленной, и квалифицированное обслуживание её требовало специальной подготовки. Таких кадров было очень мало. Зачастую причиной плохой работы торгового оборудования оказывался неквалифицированный монтаж. Многие поломки были результатом неумелого обращения с технически сложными машинами и механизмами. Часто оборудование эксплуатировалось с грубыми нарушениями заводских инструкций. В этой связи особое внимание было уделено подготовке кадров механиков по монтажу,ремонту и эксплуатации холодильного, торгового, технологического оборудования и автоматов. Наряду с подготовкой механиков обучали эксплуатации механического оборудования без отрыва от работы продавцов, завмагов правилам. В 1961 году в институте им. Плеханова был организован факультет по подготовке инженеров-механиков по торгово-технологическому оборудованиюдля учреждений торговли,монтажныхкомбинатов,трестов общественного питания, где имелось много различного оборудования.

В 1960 годупри Научно-исследовательском институте торговли и общественного питанияМинистерства торговли была образована лаборатория эксплуатационных наблюдений. Цель этой лаборатории была обеспечить всестороннее исследование торгового оборудования и получать квалифицированные заключения о целесообразности использования каждого вида оборудования, а также давать рекомендации заводам по улучшению конструкций торговых машин и аппаратов. Научно поставленная оценка техники, поступающей в торговые предприятия, позволила не только производить отбор наиболее нужных машин и механизмов, но и создать заслон против проникновенияоборудования низкого качества и тем самым постараться обеспечитьсовершенствование заводами выпускаемой ими продукции. В рассматриваемый период это было особенно важно, так как быстро росло число таких специализированных продовольственных магазинов, как плодоовощные, молочные, бакалейно-гастрономические, а из промтоварных – магазины тканей, обуви, швейных изделий, хозяйственных товаров, строительных материалов, и все они требовали современного и высококачественного оборудования [8, с. 276].

Отрицательно сказывалось на эффективности использования торгового оборудования отсутствие хорошей ремонтной базы. Ремонт и техническое обслуживание ремонтно-монтажные комбинаты проводили плохо и с нарушением установленных сроков. Большинство из них не имело достаточного количества запасных частей, комплектующих изделий и других материалов. Сложилосьположение, когда неразрешимой проблемой становилось получение запасных частей даже к серийному оборудованию, не говоря уже о технике, снятой с производства, но ещё работающей в торговле.

Важным направлением технического прогресса в торговле была механизация счетно-учетных и конторских работ, что значительно сокращало обработку бухгалтерской документации, а также ускоряло документооборот. Это было особенно важно для оптовых предприятий, где механизация учета позволяла подготавливать документацию одновременно с отпуском товаров, что ускоряло товарный и денежно-платежный обороты [9, с.7].

В 1950-60е годы развитие материально-технической базы торговли, совершенствование её организационных форм,внедрение прогрессивных методов работы было подчиненоулучшению торгового обслуживания населения. Были предприняты попытки механизации и автоматизации торговли. Не все они были успешными. Жизнь корректировала внедряемые и применяемые формыработы с покупателями. Итогом рассматриваемого периода было значительное сокращение ручного труда. Однако прогресс в материально-технической базе советской розничной торговле имел ограниченный характер. Главное вниманиевласть уделяла развитиюпроизводства средств производства, торговля находилась на периферии её поля зрения. Ограниченность рассмотренного прогресса определялась и отсутствие самостоятельности торговых предприятий, неповоротливостью жёстко централизованной системы снабжения предприятий новой техникой.

In the article the problems of the development of a trading retail network in 50-60s and the creation of the uniform center responsible for equipment of the trading organizations are analyzed. New methods and progressive forms of trade are characterized.
The key words: *trade, material-technical base, mechanization, forms and methods of trade*

Список литературы

1. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» от 8 августа 1960г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.9. М., 1986.
2. Карзанов В. Расширить торговлю инвентарём и оборудованием.// Советская торговля, 1955, №2.
3. Народное хозяйство СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. М., 1962.
4. Курнин Д. Развитие материально-технической базы розничнойторговли// Советская торговля, 1957, №11.
5. Торговле – современную технику. Передовая. // Советская торговля, 1960, №12.
6. Дубинин Ф. За расширение торговли фасованными товарами. // Советская торговля, 1953, №7.
7. Советский Союз. Политико-экономический справочник. Сост. В.А.Голиков М., 1982.
8. Дубровский А.М. История российской торговли. Брянск, 2010.
9. Ханелис Я.Н. Торгово-экономическая информация. М., 1967.

Об авторе

Мороз И.А. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского.

УДК – 973.05

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1816 ГОДА В США

С.Л. Нечай

В статье идет речь о политической борьбе на выборах в президенты США в 1816 г. Победа на них Джеймса Монро объясняется его личными качествами, поддержкой Джефферсона и Мэдисона, прогрессировавшим ослаблением политических оппонентов-федералистов.
Ключевые слова*: федералисты, джефферсоновские республиканцы, Джеймс Монро, кокус, Руфус Кинг.*

Важным результатом англо-американской войны 1812 г. стало изменение соотношения политических сил в американском государстве. Федералистская партия, изначально выступавшая против конфликта с Великобританией, была дискредитирована в глазах общественности. При первых неудачах американской армии федералисты возложили всю вину за возникновение конфликта на президента, называя его «войной мистера Мэдисона». Штаты Новой Англии отказались предоставить правительству отряды милиции и поддержать финансовые мероприятия в подготовке к военным действиям. Зато в ходе войны они продолжали торговлю с Канадой, снабжали английскую армию провизией и давали ссуды англичанам. 15 декабря 1814 г. по инициативе федералистских штатов был созван конвент в г.

Хартфорд. Его участники выдвинули ряд требований и поправок к конституции, которые ограничивали полномочия федерального центра и направлялись против южных штатов [1, p. 30]. Некоторые делегаты высказывались за сецессию Новой Англии, хотя это и не получило отражения в официальных требованиях [2]. К несчастью для федералистов, оглашение предложений, сформулированных на конвенте, произошло одновременно с заявлением правительства о прекращении войны и ратификацией Гентского договора. После этого федералистская партия и Хартфордский конвент стали ассоциироваться с заговором и предательством, что постепенно привело к упадку партии.

Одновременно федералисты лишились политической платформы, поскольку многие идеи и принципы, сформулированные А. Гамильтоном, были постепенно заимствованы их оппонентами. После 1800 г. джефферсоновские республиканцы все больше и больше становились партией национализма и централизации, в то время как члены федералистской партии склонялись к секционизму и партикуляризации [3, p. 301]. В 1813 г. старый федералист Джон Адамс описал эти процессы в словах: «Наши две великие партии пересекли долину и вступили во владение, каждая горой друг друга» [4, p. 259]. Как скажут немного позже современники: «На этом слава федерализма прекращается» [5, p. 14].

В послевоенное время республиканская партия заняла доминирующее положение на политической арене США. Кандидат от этой партии имел наибольшие шансы на победу на следующих президентских выборах. Таким претендентом стал Джеймс Монро. Участник Войны за независимость, сенатор, американский посол во Франции и Англии, один из организаторов луизианской покупки, дважды губернатор Вирджинии - за его плечами почти сорок лет самоотверженного служения американской нации. Во время англо-американской войны он занимал пост госсекретаря и военного министра, что значительно усилило его политические позиции. Если в 1808 г. Монро не обладал большим количеством сторонников, то к выборам 1816 г. стал основным кандидатом в президенты от республиканцев. Немаловажно, что он пользовался поддержкой Джефферсона и действующего президента Мэдисона.

Функцию номинации кандидатов на пост президента США выполняли так называемые «конгрессиональные кокусы». Этот институт господствовал во внутрипартийной жизни обеих партий в конце XVIII-нач. XIX вв. История кокуса уходит корнями в дореволюционную Америку. Первое подтвержденное упоминание этого термина применительно к закрытому собранию небольшой группы людей, объединенных общими политическими взглядами, связывают с дневником Дж. Адамса и относят к 1763 г. [6, p. 2]. Однако историк У. Гордон называет более раннюю дату – 1724 г. При этом он соотносит проведение первых кокусов с С. Адамсом-старшим и г. Бостоном [7, p. 365]. С образованием двухпартийной системы федералисты стали первыми проводить кокусы. Затем их примеру последовали джефферсоновские республиканцы. К выборам 1796 г. в обеих партиях произошло окончательное оформление кокуса как партийного органа, осуществляющего номинацию кандидатов в президенты [8, p. 22]. Постепенно кокусы стали неотъемлемым атрибутом американского общества. Современники даже называли его «король кокус» [9, p. 17]. В 1816 г. Дж. Адамс писал: «У нас есть конгрессиональные кокусы, кокусы штатов, кокусы графств, городские кокусы, окружные кокусы, кокусы приходов и воскресные кокусы за дверями церкви» [10, p. 468].

С момента возникновения практика кокусов подвергалась постоянной критике. В особенности осуждались закрытые собрания в Конгрессе. Уже в 1803 г. бывший сенатор Б. Остин требует ответы на вопросы, волнующие многих жителей США. «Какой властью этим людям [конгрессменам] даровано право номинации? Мы посылаем представителей в Конгресс, чтобы они занимались интригами раз в четыре года?» [11, p. 87]. Среди недовольных кокусом были некоторые действующие конгрессмены. Например, Н. Макон еще в 1804 г. отказался от посещения закрытых заседаний [12, p. 192-193]. Постепенно число не посещающих кокус конгрессменов только возрастало. Причем многие из них выражали свой протест публично [13, p. 403].

Незадолго до президентских выборов 1816 г. в популярном сборнике «Оливковая ветвь» поместили яркий памфлет, направленный против конгрессиональных кокусов. Автор произведения М. Кэри выделял недостатки закрытых партийных собраний. Во-первых, они демонстрировали несправедливость и неравноправие. Во-вторых, под их воздействием правительство становилось сценой для интриг, косвенно прокладывая дорогу к коррупции. В-третьих, кокусы давали смешение исполнительной и законодательной ветвей власти (особенно при переизбрании президента). В-четвертых, их проведение нарушало Конституцию [14, p. 475-478]. Противодействие кокусам нарастало, но к выборам 1816 г. оно еще не приняло массовый характер, чтобы отменить укоренившуюся практику.

Оппозицию номинации Монро в президенты составляли две группировки республиканской партии. Первую из них представляли набирающие силу нью-йоркские деятели, которые хотели положить конец господству вирджинцев в исполнительной власти [15, p. 352-353]. Их кандидатом был экс-конгрессмен и действующий губернатор Нью-Йорка Дэниэл Томпкинс. Он был чрезвычайно популярен

в штате и четырежды избирался на пост губернатора (с 1807 г.). В годы войны Томпкинс проявил способности эффективного организатора. Он играл важную роль в реорганизации милиции штата и способствовал формированию регулярных подразделений, основанных на воинской повинности [16, p. 226-227]. Кроме того, Томпкинс привлек рабов на военную службу, а затем добился отмены рабства в Нью-Йорке [17, p. 142-143]. Губернатор из собственных денежных средств пожертвовал крупную сумму на укрепление обороноспособности штата, которую ему полностью не компенсировали [18, p. 398]. Но Томпкинс был мало известен за пределами штата, поэтому не получил широкой поддержки.

Вторая группировка состояла из умеренных консерваторов Юга и Запада. Эти конгрессмены, в отличии от нью-йоркских республиканцев, были не столько против региональной принадлежности кандидата, сколько против самого Монро и его курса. Их не устраивала недавняя политика Джеймса в отношении реформирования и увеличения количества регулярных войск, а также поддержка им создания второго национального банка [15, p. 353]. Данная группировка сплотилась вокруг набиравшего популярность политика Уильяма Кроуфорда. «Джорджианец», как называли Кроуфорда, во время англо-американской войны 1812 г. занимал должность американского посла во Франции, затем стал приемником Монро на посту военного министра. Партийная поддержка и авторитет умеренного консерватора делали из Кроуфорда более серьезного соперника, чем Томпкинс.

Для привлечения сторонников Монро хотел избежать клейма «вирджинского кандидата». Однако он не смог обойтись без помощи собственного штата. В Вирджнии госсекретарь пользовался безоговорочной поддержкой большого количества влиятельных политиков: сенаторов Дж. Барбура и А. Мэйсона, губернатора Х. Нельсона, конгрессменов Дж. Плежента, Т. Ньютона и У. Роана. Тем не менее, некоторые местные республиканцы были против Монро. В 1815 г. он вместе с зятем Джорджем Хэйем, который руководил избирательной кампанией в Вирджинии, совершил несколько поездок в родной штат. В ходе предпринятых мер ему удалось привлечь на свою сторону большинство противников, что позволило добиться твердой поддержки в Старом доминионе [15, p. 354]. Поэтому вирджинский кокус, проведенный перед конгрессиональным, рекомендовал выборщикам голосовать за Монро, но не озвучил его имя как кандидата от штата. Это соответствовало желанию Джеймса уменьшить его идентификацию с Вирджинией[19, p. 63-64].

Во время сессии Конгресса 1815/1816 гг. среди сторонников Монро, Томпкинса и Кроуфорда разгорелась настоящая война. Губернатор Томпкинс почти сразу выбыл из борьбы. Слабая известность на национальном уровне не давала шансов на победу в президентской номинации. Это обстоятельство побудило нью-йоркских республиканцев выдвинуть Томпкинса в вице-президенты, где у него почти не было конкурентов. Поэтому основная борьба развернулась между сторонниками Монро и достаточно разрозненной оппозицией, которая предлагала Кроуфорда. Уроженец Джорджии был популярен среди рядовых членов партии. Вирджинца, напротив, поддержала основная масса партийной элиты. Это был сильный козырь в руках последнего, поскольку авторитет влиятельных членов партии помог склонить многих колебавшихся республиканцев на его сторону. Что касается третьей группы, то представители партии из Нью-Йорка первоначально оказали содействие Кроуфорду. Однако борьба между сторонниками М. Ван Бюрена и ДеВитта Клинтона внесла коррективы в расстановку сил. В результате Ван Бюрен и его последователи, ранее выступавшие за Кроуфорда, поддержали Монро [20, p. 184]. Другой выдающийся политик Генри Клей, несмотря на многократные выступления против кокусной системы, также симпатизировал Монро.

16 марта 1816 г. прошел кокус республиканской партии в Конгрессе. Это была вторая попытка провести собрание, поскольку на первое явилось менее половины республиканских конгрессменов. Что свидетельствовало об увядании данного партийного института. В итоге победил Монро, получивший 65 голосов, против 54 за Кроуфорда. Право номинации в вице-президенты от партии получил Д. Томпкинс, без труда одолевший С. Снайдера [21, 59-60]. Успех Монро объясняется его популярностью среди партийных лидеров, а также колебаниями и пассивностью Кроуфорда. Последний не выказывал серьезных разногласий с госсекретарем, которого ранее поддержал на президентских выборах 1808 г. Кроуфорд не был уверен в своих силах и, находясь в администрации Мэдисона, открыто не решался соперничать с Монро, имеющим негласную поддержку президента. В свои 44 года он был достаточно молод и мог подождать до следующих выборов, укрепив за это время свои позиции [22, p. 217].

Итоги кокуса не удовлетворили многих оппозиционно-настроенных членов республиканской партии. Весной-летом 1816 года появились публикации, выражавшие недовольство результатами кокуса и направленные против Монро. В них переплелись как личностная борьба, так и тема монополии вирджинцев на власть. Один из таких протестных памфлетов называет республиканцев, посетивших конгрессиональный кокус в Вашингтоне, «бандой политических мошенников, которая собралась, чтобы попирать избирательное право свободных граждан Америки». Монро изображен человеком,

которого «презирают в собственной партии» [23, p. 13].

Широкий общественный резонанс вызвал анонимный памфлет «Описание мотивов против номинации мистера Монро на пост президента Соединенных Штатов» [24]. Существенная часть произведения посвящена критике доминирующей роли вирджинцев в партии и их «жгучей и неутолимой жажде власти». Они умело отстраняют от большой политики «наиболее выдающихся личностей из других частей страны». Три из четырех американских президентов были уроженцами Вирджинии. Автор рассматривает это как узурпацию власти. Другой раздел касается президентских амбиций Монро. Его подъем по карьерной лестнице и «популяризация» представлены как неотъемлемый атрибут плана Джефферсона и Мэдисона по продолжению «вирджинской династии». Последние ради своих корыстных целей «грубо нарушили принципы республиканизма», проводя политику патронажа и поставив под контроль прессу. Компетентность самого Монро ставится под сомнение. [24, p. 3-4, 8-12].

Эти сочинения стали главной темой многочисленных дискуссий, но получали чаще негативные отзывы, поэтому дискредитация Монро не удалась. Ответом явились статьи и памфлеты, оправдывающие и даже превозносящие госсекретаря и его соратников из Вирджинии [25, p. 129]. Подобные настроения в американском обществе подтвердили непоколебимость авторитета политика.

Однако в 1816 г. из-под пера республиканцев выходили не только произведения, посвященные внутрипартийным проблемам. Они по-прежнему, несмотря на слабость соперников, публиковали анти-федералистские памфлеты. Здесь призывали во всем поддерживать действующее правительство и голосовать только за республиканских кандидатов, полностью игнорируя оппозицию [26]. Несомненно, что подобные брошюры оказали определенное влияние на электорат, обеспечив республиканцу Монро дополнительные голоса выборщиков.

Слова влиятельных американских политиков в отношении карьеры и личностных качеств вирджинца свидетельствовали о положительном отношении к Монро. Известный республиканец С. Роан считал его подходящим кандидатом. При этом он отмечал, что причиной такого выбора стала «длительная и достойная карьера» [27, p. 170]. Нью-йоркский конгрессмен Дж. Фиск уверял соотечественников, что он один из самых выдающихся общественных деятелей [28, p. 16]. Некоторые политики давали несколько отрицательную оценку республиканскому кандидату. Особенно презрительно о нем отзывался А. Бэрр [29, p. 434].

Классической стала точка зрения Уильяма Вирта. Последний всегда восхищался Монро. Однако он признавал, что тот от природы не гениален и слегка медлителен. Вирт утверждал, что любые недостатки Джеймс многократно компенсируются терпеливостью, упорством и трудолюбием, которые дают ему глубокие познания [30, p. 84]. Умение концентрироваться, решительность и рассудительность помогают ему избегать ошибок, которые из-за поспешности могут совершать даже гении. Вирт считал, что Монро является живой иллюстрацией пословицы: «Каждый сам кузнец своей судьбы» [31, p. 90-92].

Партия федералистов, несмотря на кризисное положение, приняла участие в президентских выборах 1816 г. В начале года даже наметилось некоторое возрождение партийного духа. Поводом послужили выборы губернатора Нью-Йорка, на которых федералист Руфус Кинг имел неплохие шансы на победу [32, p. 190-191]. Кинг был одним из самых выдающихся деятелей своего времени. Уроженец Массачусетса обладал весьма неоднозначной биографией. Он принимал участие на заключительном этапе Американской революции; работал вместе с Монро в Конгрессе Конфедерации; входил в состав Конституционного конвента; затем перебравшись в Нью-Йорк, неоднократно избирался сенатором от этого штата; долгое время был постоянным американским послом в Великобритании. На выборах 1804 и 1808 гг. партия федералистов выдвигала его кандидатуру на пост вице-президента, но оба раза безуспешно. Интересно, что Кинг на протяжении всей жизни был убежденным противником рабства [33, p. 177-187].

Убедительная победа республиканца Томпкинса разбила все надежды на восстановление прежнего положения. Кинг с горечью признавал, что федералистская партия больше не конкурентоспособный участник борьбы за политическую власть. Вместе с тем он по-прежнему непоколебим в собственных партийных убеждениях. Руфус оставался одним из самых уважаемых федералистских политиков с незапятнанной репутацией. Члены партии единодушно приняли решение о его выдвижении на президентские выборы 1816 г. Он с неохотой согласился, не питая никаких иллюзий насчет возможности победы. Поражение на выборах губернатора Нью-Йорка внесло пессимизм в ряды федералистов. Еще до президентских выборов Кинг писал, что поверженный федерализм больше никогда не найдет своего избирателя. При этом он предсказывал скорое разделение республиканской партии. В сложившихся обстоятельствах Кинг считал единственной разумной стратегией для оставшихся приверженцев федерализма - присоединиться к наиболее близкой им по духу секции республиканцев [34, p. 537].

С приближением президентских выборов внутрипартийные дискуссии стали затихать. Большинство республиканских газет разместили панегирики, с описанием успешной карьеры Монро и восхвалением его патриотизма. Федералисты, хотя и опубликовали некоторые материалы, очернявшие конкурента, но делали это не слишком активно. Перед выборами Кинг отмечал необычайно спокойный новостной фон для такого события. Причину он видел в том, что исход голосования предрешен еще прошлой зимой. [35, p. 32].

На президентских выборах 1816 г. кандидатура Монро не встретила заметного противодействия. Он получил голоса 183 выборщиков, а федералист Кинг всего 34. Последнего поддержали только 3 штата из 19: Массачусетс, Коннектикут и Делавэр. Томпкинс, набравший равное с Монро количество голосов, избран вице-президентом [36, p. 949-950]. Победа Монро не стала неожиданностью или случайностью. В условиях разложения федералистской партии и доминирования республиканцев она была вполне предсказуема и закономерна. Сыграл свою роль и личностный фактор. Монро обладал солидным преимуществом перед другими кандидатами. Прежде всего, это поддержка и одобрение партийной элиты во главе с Джефферсоном и Мэдисоном. На его стороне были авторитет и многолетний опыт работы на высших государственных постах. Он всегда умел найти компромисс и расположить к себе людей.

Внутрипартийные дискуссии и выборы 1816 г. выявили ряд проблем существовавшей двухпартийной системы. Стало ясно, что партия федералистов находиться в упадке и больше не является серьезным соперником республиканцев в борьбе за политическую власть. С другой стороны, имелись фракционные противоречия в рядах республиканцев. Президентские выборы 1816 г. показали, что многие из них уже не воспринимают федералистов как оппозиционную силу. Некоторый элемент фракционности и прежде присутствовал среди республиканцев. Тем не менее, наличие постоянного идеологического соперника в межпартийной борьбе оказывало консолидирующее влияние. Исчезновение оппозиции привело к состязанию на внутрипартийном уровне. Но республиканская партия на том этапе находилась в расцвете сил, а разногласия только зарождались и не носили критического характера. Поэтомуговоритьодезинтеграциипартиипреждевременно.

The article deals with the political struggle in the U.S. presidential elections, 1816. The James Monroe's victory is explained by his personal qualities, Jefferson and Madison's supporting and progressed weakening of his political opponents Federalists.
The key words: *federalists, jeffersonian republicans, James Monroe, caucus, Rufus King.*

Списоклитературы

1. Lyman T. A short account of the Hartford Convention. Boston, 1823. P. 30.
2. Banner J. M., Jr. A Shadow Of Secession? The Hartford Convention, 1814. // History Today. Vol. 38. 1988.
3. History of American presidential elections, 1789-1968 / Ed by A. M. Schlesinger. N. Y., 1971. P. 301.
4. Dunn S. Jefferson's second revolution: the election crisis of 1800 and the triumph of republicanism. N. Y., 2004. P. 259.
5. Ware A. An oration, delivered before the Washington society, in Boston, on the fourth of July, 1816. Boston, 1816. P. 14.
6. Lawton G. W. The American caucus system, its origin, purpose and utility. N. Y., 1885. P. 2.
7. Gordon W. The history of the rise, progress, and establishment of the independence of the USA. In 4 vol. London, 1788. Vol. I. P. 365.
8. Thompson C. An essay on the rise and fall of the congressional caucus as a machine for nominating candidates for the presidency. NewHaven, 1902.
9. Политические партии в США в новое время / Под ред. Н.В.Сивачева. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 17.
10. The works of John Adams / Ed. by Ch. F. Adams. Boston, 1851. Vol. VI. P. 468.
11. Austin B. Constitutional republicanism, in opposition to fallacious federalism. Boston, 1803. P. 87.
12. Dodd W. E. The life of Nathaniel Macon. N. Y., 1911. P. 192- 193.
13. Niles' Weekly Register, Feb. 28. 1824. Vol. XXV. P. 403.
14. Carey M. The olive branch. Philadelphia, 1815. P. 475.
15. Ammon H. James Monroe: The Quest for National Identity. N. Y., 1971.
16. Alexander D. S. A political history of the state of New York. N. Y., 1906. Vol. 1. 226-227.
17. Mason M. Slavery and politics in the early American republic. North Carolina, 2006. P. 142-143.
18. O'Brien S. G. American political leaders: from colonial times to the present. Princeton, 1991. P. 398.
19. Ambler Ch. H. Thomas Ritchie; a study in Virginia politics. Richmond, 1913. P. 63 - 64.

20. Jenkins J. S. History of political parties in the State of New-York. N. Y., 1846. P. 184.
21. Niles' Weekly Register, Mar. 23. 1816. Vol. X. P. 59-60.
22. Skeen C. E. 1816: America rising. Kentucky, 2003. P. 217.
23. Leib M. Extract from a Long Talk delivered before the Tammany Society. May 13, 1816. // A portrait of the evils of democracy, submitted to the consideration of the people of Maryland. Baltimore, 1816. P. 13.
24. Exposition of motives for opposing the nomination of Mr. Monroe for the office of president of the United States. Washington, 1816.
25. Matthews M. D. Forgotten founder: the life and times of Charles Pinckney. South Carolina, 2004. P. 129.
26. General address to the freemen of New-Hampshire. Concord, 1816.
27. Bulletin of the New York Public Library. N. Y., 1906. Vol. X. P. 170.
28. Cunningham N. E. The presidency of James Monroe. Kansas, 1996. P. 16.
29. Davis M. Memoirs of Aaron Burr. In 2 vol. N. Y., 1837. Vol. II. P. 434.
30. Kennedy J. P. Memoirs of the life of William Wirt, Attorney General of the United States. In 2 vol. Philadelphia, 1850. Vol. II. P. 84.
31. Wirt W. The letters of the British spy. Baltimore, 1817. P. 90 – 92.
32. Fox D. R. The decline of aristocracy in the politics of New York. N. Y., 1919. P. 190-191.
33. Delaplaine's repository of the lives and portraits of distinguished American characters. Philadelphia, 1817. Vol. I. Part 2. 177–187.
34. The Life and Correspondence of Rufus King / Ed. by Ch. R. King. N. Y., 1898. Vol. V. P. 530.
35. Ibid. Vol. VI. P. 32.
36. Annals of Congress, House of Representatives, 14th Congress, 2nd Session. P. 949-950.

Об авторе

Нечай С. Л. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, s.l.nechay@gmail.com.

УДК 34(091)

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В КОМПАРАТИВИСТСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.В. Оксамытный

На основе сравнительно-правового анализа рассмотрены проблемы правовой системы в государственно-организованном обществе, связанные с ее идентификацией, содержанием, уровнями и видами.
Ключевые слова: *системность в праве, правовая система, уровни правовых систем, государственно-организованное общество.*

Праву как важнейшему регулятору общественных отношений неотъемлемо присуща системность, определяющая взаимосвязь его составных частей, их согласованность и иерархию. Среди системных образований и процессов в праве выделяются система законодательства, систематизация законодательства, система права. Самым объемным представляется *правовая система* – исторически обусловленная и объективно сложившаяся совокупность юридических явлений, институтов и процессов, закрепляющих и поддерживающих стабильные отношения в государственно-организованном обществе [4, с. 440] [1].

Целью правовой системы, на наш взгляд, может считаться предусматриваемый, желаемый результат, а таковым предстает устанавливаемый в государственно-организованном обществе правовой порядок как состояние упорядоченности общественных отношений, достигаемое в результате реализации права на основе режима законности и выраженное практически в правомерном поведении субъектов права. Правопорядок формируется на основе функционирования всех составных частей механизма действия права (а в него практически включаются как «неподвижные» элементы

[1] Желание вместить в понятие правовой системы всю ее многогранность иногда приводит к старательному перечислению свойств, качеств и функций, отвлекающему от сути самого явления. См., например, такое объемное определение, согласно которому правовая система понимается как «информационно-регулятивная система общества, определяемая социально-экономическим строем, которая обладает собственными историко-правовыми и этно-культурными особенностями и состоит из взаимообусловленных элементов (законодательство, правоприменение, правосознание), объединённых статическими и динамическими отношениями в структурно упорядоченное целостное единство, обладающая передаточной функцией (с помощью которой индивид с достаточностью и необходимостью преобразует информацию о внешней ситуации, в которой он находится, в информацию о своём должном поведении в интересах общества); а также регулятивной функций (с помощью которой господствующий класс общества оказывает регулятивно-организующее и стабилизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей)» [6, с. 181]

(например, источники права), так и процессы правотворчества, правореализации и правотолкования). И потому установление правового порядка в качестве цели правовой системы предполагает рассмотрение последней и в статике, и в динамике, что дает возможность включать в содержание правовой системы совокупность ее элементов и связей между ними.

Предлагаемая ниже трактовка компонентов правовой системы, учитывая проведенные в юридической науке сравнительно-правовые исследования, обращает внимание на последовательность проявления ее структурных частей и взаимосвязи между ними, рассматривая их как универсальные категории:

- *право* во всех его проявлениях в общественной жизни (право естественное и позитивное, легитимное и законодательное, субъективное и объективное, обычное и формальное, официальное и теневое и т.п.);

- *правопонимаие* в совокупности доминирующих правовых учений общества, уровня и особенностей правового мышления народа;

- *правотворчество* как познавательный и процедурно зафиксированный способ подготовки, оформления и принятия общеобязательных правил поведения в обществе;

- *источники права* как официальные юридические документы и/или положения, содержащие общеобязательные правила поведения в государственно-организованном обществе;

- *юридический массив,* включающий в себя действующее в государственно-организованном обществе законодательство как систему официально установленных и взаимосвязанных нормативных актов общего значения;

- *юридические учреждения,* созданные в государственно-организованном обществе для функционирования его правовой системы (правотворческие, правоприменительные, правозащитные, правоохранительные);

- *механизм осуществления права,* в котором сосредоточиваются процессы его реализации (правовые отношения, юридические факты, правореализация, решение пробельности в праве, разрешение юридических конфликтов, толкование права);

- *результаты действия права,* заключаемые в установлении в государственно-организованном обществе правопорядка, определяемым режимом законности и правовой культурой его субъектов.

Принципиально важно оговорить следующее: правовые системы выделяют не только на уровне государства. Их следует рассматривать конкретно-исторической совокупностью права, правовой культуры и юридической практики как отдельного государства, так и государственных образований [5, с.с. 24-26; 7, pp. 41-45].

Государственно-организованные образования самого различного типа являются элементами публичного устройства обществ или сообществ на протяжении практически всего их развития в последние пять с половиной тысячелетий.

Они могли предшествовать первым признанным историей государственным общностям как, например, области Верхнего и Нижнего Нила, объединившиеся впоследствии в Древнеегипетское государство. Или быть самостоятельными в управлении городами-полисами, собравшимися в единую Грецию лишь при Александре Македонском. В Средние века характерным примером подобных государственных образований были десятки королевств, герцогств, княжеств или «вольных» городов со своим партикулярным правом, входивших сотни лет в состав Священной Римской империи немецкого народа.

Не менее половины из современных государств были колониями, протекторатами или доминионами под управлением европейских государств, но имевшими различный уровень самоуправления. А прошедшее, да и нынешнее столетия дают нам многочисленные примеры государственных образований, не признаваемых международным сообществом, но, тем не менее, обладающих собственными правотворческими и правоприменительными органами. Начало нового века нельзя представить без активной интеграции стран, без межгосударственных союзов, ставших доминантой современного миропорядка.

Что их объединяет в контексте нашего исследования? Все эти *государственно-организованные общества (сообщества)* обладают сложившейся в условиях их функционирования нормативно-организованной системой, основанной на собственном праве и правореализующей деятельности специальных учреждений.

Если попытаться обобщить имеющиеся в теории государства разновидности современных государственно-организованных обществ (сообществ), то, на наш взгляд, практически ими являются:

государства, представляющие собой организации суверенной публичной власти, распространяющие ее посредствомправа на всю территорию и население страны;

внутригосударственные образования как пользующиеся определенной самостоятельно-

стью части единого союзного государства;

зависимые территории, находящиеся под властью так называемых управляющих государств, но обладающие собственными властными структурами, которые организуют непосредственное управление населением посредством нормативных предписаний;

государственно-подобные образования, которые являются так называемыми непризнанными государствами, *квазигосударствами*;

межгосударственные объединения как образования, основанные на международном договоре государств, которые добровольно уступают создаваемым наднациональным органам ряд суверенных полномочий.

Общенациональная правовая система далеко не всегда характеризует многообразие правовых явлений, институтов и процессов в государственно-организованном обществе [8; 9]. И потому можно говорить о различной численности правовых систем в конкретных государствах и о разнообразии их взаимосвязей в отношениях между собой[1]. Количественные характеристики определяют предлагаемое деление национальных правовых систем на:

одноуровневые правовые системы унитарного государств, понимая под ними совокупность права, правовой культуры и юридической практики отдельно взятого централизованного государства, В таком государственно-организованном обществе вся территория делится на административные единицы (области, графства, воеводства, департаменты), чей государственно-правовой статус полностью определяется и регулируется правовой системой данного государства (таковыми являются, например, правовые системы стран Балтии, Польши или Белоруссии);

двухуровневые правовые системы сложного унитарного государства, которые возникают и оформляются в странах, допускающих создание и функционирование самоуправляющихся территориальных или национально-территориальных единиц, пользующихся определенной самостоятельностью в рамках централизованного государства. В них учитываются, в частности, юридические особенности одной или нескольких автономных образований (Дания с автономными Фарерскими островами и Гренландией, Украина с Автономной Республикой Крым) при отсутствии подобной самостоятельности всех остальных частей государства;

двухуровневые правовые системы региональных государств(полуфедераций), которых рассматривают переходными, последовательно превращающимися в федеративные государства. В качестве примеров могут быть приведены: Великобритания, предоставившая широкую самостоятельность Уэльсу, Шотландии и Северной Ирландии; Южно-Африканская Республика, определяемая конституцией страны как унитарное государство с элементами федерализма, в котором его составляющие 9 провинций наделены автономными полномочиями, в том числе законодательными; Испания, где статус самостоятельных государственных образований приобрели не только сложившиеся исторические регионы проживания национальных меньшинств (Страна Басков, Каталония, Галисия), но и каждая из муниципий и провинций;

двухуровневые правовые системы федеративных государств, имеющих как федеральную правовую систему, которая определяется «компетенцией компетенций», то есть правом федерации путем конституционных новаций устанавливать и регулировать свои полномочия, и верховенством федерального права, его приоритетов над законами субъектов федерации, так и региональные правовые системы. Ими могут обладать такие субъекты федерации как штаты (Мексиканские Соединенные Штаты), провинции (Аргентинская республика), территории (Федеративная демократическая республика Эфиопия), земли (Федеративная Республика Германия) или кантоны (Швейцарская Конфедерация);

трехуровневые правовые системы федеративных государств, уникальным и единственным примером которых служит Российская Федерация, где помимо федеральной и региональной (в стране 83 субъекта Федерации) правовых систем функционируют двойственные системы ряда краев (Алтайский) и областей (Тюменская), в которые входят автономные округа (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Усть-Ордынский Бурятский и др.);

параллельные (дуалистические) правовые системы государств, представленные значительным числом стран, расположенных в различных частях света. В этих государствах в силу исторических, идеологических, региональных и иных факторов помимо официально оформленных и функционирующих правовых систем существуют и оказывают значительное воздействие на национальное

---

[1]Уровневая характеристика правовых систем в государстве разделяется далеко не всеми специалистами. Высказывается мнение, что «при таком подходе вся конструкция теории правовой системы общества рушится, а сама категория становится бытовой и никчемной» [1, сс.67-68]. Однако, в данном случае «рушится» конструкция,предложенная цитируемым автором, но никак концепция, отстаиваемая нами. Исходя из выделенного ранее понятия«государственно-организованноеобщество»,предположение о наличии в них различных уровней правовых систем очевидно и соответствует реальному их проявлению.

право системы, построенные на религиозных воззрениях, обычаях, традициях и образе жизни народа. Такие системы (в странах Ближнего Востока, Тропической Африки, Тихоокеанского бассейна и ряде других регионов) как бы дополняют национальное право, регулируя, главным образом, частноправовой статус коренного населения;

конкурирующие правовые системы государств, вкоторых исторически сложившиеся обычные или религиозные обязывающие правила поведения вступают в противоречие с требованиями государственной правовой системы. Примером могут послужить светские государства, так называемого Востока, где религиозные догмы, действующие сотнями лет, нередко препятствуют осуществлению официально закрепленных правовых предписаний (Индия, Турция).

Следует заметить, что современную правовую реальность весьма сложно отражать с помощью старых, иногда довольно узких конструкций [2, с. 5-6; 3, с.5-13]. И тогда приходит осознание необходимости введения в юриспруденцию комплексных категорий, вбирающих в себя подвижные и адекватные научные операции, ведущие к достижению более высоких уровней обобщения. Одной из них и является правовая система. Она способна дать возможность анализировать и оценивать всю правовую реальность в целом, а не отдельные ее компоненты.

The comparative legalanalysis ofthe problemsof the legal systemin the state-organized society, associated with itsidentity, content,levels and types.
The key words: *systemoflaw, legal system,legal systemlevels, state-organized society*

Список литература

1. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В двух томах. Т. 1. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2005
2. Леже Р.Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2010
3. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира: Учебное пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001
4. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: Учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011
5. Оксамытный В.В. Сравнительное правоведение и законоведение: Учебное пособие. Брянск: Изд-во БГУ, 2011
6. Швакин С. В. Системный подход и понятие правовой системы // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2010. № 10(47).
7. *Oksamytnyi V.V.* Legal Systems of the Modern World: Problems of Identification //The Journal of Comparative Law. Vol. V, Issue 1. London, 2010
8. http://www.pravoteka.ru/ Правовая система
9. http://ru.wikipedia.org/wiki/Правовая система

Об авторе

Оксамытный В.В. – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Института международного права и экономики имени А.С.Грибоедова, oksvv@list.ru

УДК 943.08

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НЕМЕЦКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ЦЕНТР» И ЕЕ РУКОВОДСТВО

О.В. Ольховская

Партия «Центр» опиралась в своей деятельности на различные органы, облегчавшие воздействие на население. Связь с немецким электоратом поддерживалась посредством католических союзов, ежегодных съездов католиков, газет, листовок, а, главное, с помощью многочисленной армии священнослужителей. Это способствовало устойчивым политическим успехам «Центра».
Ключевые слова: *партия «Центр», Л. Виндтхорст, католические союзы, съезды католиков, газета «Germania».*

13 декабря 1870 г. в прусской палате депутатов 48 парламентариев достигли договоренности по созданию новой фракции, что фактически обозначало появление партии «Центр». Это были одни

из самых талантливых политиков того времени: Герман фон Маллинкродт, Франц фон Баллестрем, Клеменс фон Хеерманн, Рудольф Пробст, Петер и Август Райхеншпергеры, Вильгельм Эммануэль Фрайхерр фон Кеттелер…[1, s. 99].

Негласно председателем фракции стал Карл Фридрих Савиньи, который сыграл важную роль в основании «Центра». Его политические требования отличались умеренностью и неконфликтностью по отношению к власти: он выступал как за гегемонию Пруссии в Германии, так и за интересы католиков империи.

Людвиг Виндтхорст, впоследствии ставший лидером партии, присоединился к ней лишь в 1871 г. перед выборами в рейхстаг. В 1876 г. на заседании рейхстага в полемике с депутатом Ласкером он вынужден был заметить: «…Я не образовывал фракцию «Центр». Это произошло без моего участия. Меня лишь пригласили присоединиться. И до сих пор я испытываю радость из-за того, что принял это приглашение» [2, s. 345]. Однако уже в 1874 г. он стал признанным лидером и оставался таковым до самой смерти (1891 г). Очень высокую оценку в своих мемуарах дал ему как политическому деятелю кайзер Вильгельм I: «…«Центр», в лице своего лидера Виндтхорста, имел в парламенте выдающегося представителя…» [3, с. 21]. Благодаря выдающимся способностям сын ганноверского крестьянина быстро сделал блестящую карьеру: в 1848 г. в возрасте 36 лет он стал членом высшего апелляционного суда и палаты депутатов в Ганновере, а в 1851-1853 гг., 1861-1865 гг. – ганноверским министром юстиции [4, s. 983]. Лидер «Центра» принадлежал к сторонникам «великогерманского пути». Он считал, что в 1866 г. «Бисмарк привел власть к победе над правом» [5, s. 323]. Чтобы повлиять на преобразование Германии с позиции умеренного конституционализма, с 1867 г. и до смерти Виндтхорст являлся постоянным членом северогерманского, а затем и немецкого рейхстага и прусской палаты депутатов. Выступал за ответственное министерство, двухпалатную парламентскую систему и расширение национальных прав. Последовательная преданность своим идеям снискала ему уважение парламента. Но фигура бывшего ганноверского министра в рядах партии стала одним из факторов, вызвавших недоверие и даже открытую неприязнь со стороны железного канцлера: «Мою жизнь наполняют и украшают2 вещи: моя жена и – Виндтхорст. Один существует длялюбви, другой дляненависти [6, s. 410]».

Успеху партии католиков способствовало то, что наряду с социал-демократами она стала настоящей партией масс. Хотя «Центр» не объявлял себя конфессиональной партией (некоторое время он даже назывался «конституционной партией»), практически 90% электората принадлежало к римской церкви [7, s. 220]. А среди населения объединенной Германии по численности католики уступали лишь евангелистам, которые были рассредоточены по разным партиям.

Благодаря тесной связи с католической церковью партия «Центр» имела возможность предложить каждому из своих приверженцев подходящую форму организации, которая бы соответствовала религиозным чувствам, профессиональным интересам и культурным потребностям.

Так, широкое распространение получили общества подмастерьев. Первая подобная организация была основана в 1845 г. (в 1853 г. их уже было около 300, в 1880 г. – 410) [8, с. 113-114]. Главной целью обществ-подмастерьев было религиозно-нравственное воспитание и образование. Основными идейными составляющими были любовь к ближнему и стремление к социальному миру. Немаловажное место занимала материальная поддержка подмастерьев, которая базировалась на принципах кассы взаимопомощи.

На основе христианских идей создавались и крестьянские союзы, которые также заботились о религиозно-нравственной и материальной составляющей жизни. Главной целью объявлялось «сохранение независимого крестьянского сословия, сохранение поземельной собственности в руках нынешних владельцев» [8, с. 115]. Решение конкретных хозяйственных проблем проходило на основе взаимопомощи: устраивались товарищества кредитования для покупки удобрений, семян, сельскохозяйственных машин, и общества взаимного страхования. Первый подобный союз возник в 1860 г. в Вестфалии. В 1879 г. число членов крестьянских союзов достигло 22 тыс. человек.

С развитием капиталистических отношений и увеличением числа рабочих масс появились и многочисленные рабочие союзы.

Связь партии с католическими союзами укреплялась также посредством того, что известные парламентарии стояли во главе этих организаций. Так председатель фракции «Центр» в Прусской палате депутатов с 1875 по 1889 гг. Шорлемер-Альст одновременно являлся председателем Вестфальскогокрестьянского союза[9, s. 560]. Таким образом, разнообразные католические союзы представляли собой надежную и массовую основу для партии католиков. Уже в 1877 г. в католических союзах было более 110 тыс. членов [10, s. 24].В будущем, в 1890 г. появится «Народный союз католической Германии» - своеобразный штаб «Центра», занятый подготовкой партийных кадров.

Связь с избирателями осуществлялась и через прессу, которая выступала в роли инструмента формирования унифицированного внутрипартийного мнения. Она должна была освещать идеологию

«Центра», деятельность парламентариев, сопоставлять проводимую политику с программными установками, а также выступать с конструктивной критикой. Характерно, что многие газеты были образованы существенно раньше, чем сам «Центр». Кроме того их преобладающее большинство находилось в руках частных издателей. Практически все католические газеты, число которых ежегодно возрастало (в 1871 г. - 126 изданий и 322 тыс. подписчиков, в 1881 г. – уже 221 издание и 626 тыс. подписчиков) [11, s. 155], поддержали новую партию. Союз парламентариев и католических журналистов носил характер добровольности, общности образа мыслей без какой-либо официальной организационной связи.

В начале 1871 г. в Берлине была основана «Germania», ставшая одной из самых влиятельных католических ежедневных газет (уже в июне 1872 г. она насчитывала до 7 тыс. подписчиков) [12, с. 839]. Имея подписчиков во всех федеральных землях, «Germania» негласно стала выполнять функцию центрального органа партии «Центр», чей электорат был разбросан по обширной территории Германской империи. Первым редактором стал Фридрих Пилграм, которому принадлежало авторство патриотичного названия газеты [13, s. 218-219].С марта 1871 г. газета стала выходить под редакцией Адольфа Франца и Пауля Маджунке.

Наряду с газетой «Germania» наиболее важными изданиями были «KölnischeVolkszeitung» и «SchlesischeVolkszeitung» [9, s. 553]. Современники замечали, что все католические газеты «превосходно редактируются, остроумны, готовы всегда дать отпор и превосходно знакомы с церковным правом, что недостает большинству ее либеральных противников» [14, с. 884]. Благодаря превосходной организации прессы и ее массовым тиражам фракция могла осуществлять работу с общественностью.

Большую роль играли католические союзы прессы. По своей сути это не просто журналистские объединения, а общества пропаганды, работающие на общественных началах. Самый известный и значительный союз прессы «Augustinusverein» был основан в 1878 г. Все издания, входящие в него, придерживались одинаковой позиции. По инициативе Союза Августина в 1882 г. был основан информационный орган «Centrums-Parlaments-Correspondenz» [9, s. 560], снабжавший региональные католические газеты подробными сообщениями о деятельности католической партии в рейхстаге и прусской палате депутатов, а также комментариями политической ситуации от известных соратников Виндтхорста. Благодаря деятельности этих организаций достигалось тесное сотрудничество между парламентской фракцияей «Центра» и прессой.

Наряду с многочисленными газетами издавалось огромное количество пропагандистских листовок, особенностью которых была их адресность. Как правило, они ориентировались на менее образованные слои рабочих и крестьян, не охваченные католической прессой. В листовках образно и доступно рассматривалась только одна наиболее актуальная на тот момент тема. Например, «Что «Центр» сделал в Немецком рейхстаге для сельского хозяйства?», «Что сделал «Центр» для горнорабочих?» [15, s. 272]. Целью такой пропаганды было разъяснение широким массам идей партии «Центра» и их дальнейшая популяризация. Причем авторы старались, не вдаваясь в теорию, показать, что конкретно сделано депутатами католической фракции в рейхстаге и ландтагах империи. Издание листовок осуществлялось постоянно и не зависело от времени выборов. Однако результаты избирательных компаний разных лет показали эффективность такой последовательной «точечной» пропаганды.

До 1914 г. у фракции на имперском уровне не былоизбирательной организации. Ввиду интенсивной поддержки, которую предоставляли духовенство и католическое сообщество Германии «Центру», партия могла отчасти отказываться от организационно-бюрократического фундамента и довольствоваться фактически формой выборного союза. «Центр» опирался на региональные отделения - его парламентарии избирались в рейхстаг из Рейнланда и Вестфалии, из Баварии и из Силезии. Интересно, что от двух третей до трех четвертей мандатов партия получала в избирательных округах, экономика которых основывалась на сельском хозяйстве и малом предпринимательстве, а впоследствии к ним присоединились и промышленные районы Германии [16, s. 262].Либеральная экономическая политика правительства игнорировала потребность слабых крестьянских хозяйств, мелких ремесленников и неквалифицированных рабочих в защите. «Центр» же, напротив, делал ставку на «организацию рабочего класса на корпоративных началах» [17, s. 62] и «создание здоровых условий для развития мелкого и среднего бизнеса» [18, s. 25]. Таким образом, основная доля избирателей приходилась на представителей третьего сословия.

Но здесь возникает парадокс: в течениевсего времени канцлерства Бисмарка в составе фракции католической партии преобладало дворянство и духовенство [16, s. 262]. Так в 1876 году из 90 депутатов «Центра» в рейхстаге 33 - принадлежали к дворянству, а в целом его участие в католической фракции в 1871-1883 гг. составляло примерно 45%. Наряду с дворянством и духовенством широко были представлены во фракциях «Центра» в рейхстаге и прусском ландтаге крупные землевладельцы и судебные чиновники [9, s. 557]. Лишь под давлением электората в 1877 г. впервые предста-

витель рабочего класса (Герхард Штетцель, рабочий завода Круппа, позднее редактор так называемых «Arbeiterblattes») стал членом фракции католиков в рейхстаге [13, s. 222]. В провинциальных и земельных правлениях рабочие и служащие вплоть до рубежа веков также играли абсолютно подчиненную роль. Но, несмотря на то, что фактически руководство партии осуществлялось «католической элитой», фракция сохраняла постоянную двустороннюю связь с рядовыми избирателями.

До 1920 г. съездов партии не проводилось. Эту роль частично взяли на себя съезды католиков, которые ежегодно собирались с 1848 г. На них, как правило, наряду с религиозно-церковными проблемами обсуждались также и актуальные политические вопросы. Эти мероприятия служили для обсуждения и выработки резолюций по спорным пунктам партийной политики. Однако решения, принятые на съездах католиков, носили, скорее, рекомендательный, необязательный для исполнения характер.

Члены католической фракции регулярно приглашались организационным комитетом собраний католиков, но традиционным их участие в работе съездов стало лишь с 1879 г. Во время культуркампфа, когда члены партии «Центр», ее сторонники консолидировались в борьбе против антицерковной политики государства, все внутрипартийные разногласия уходили на второй план. Но в 1879 г. произошел поворот в отношениях правительства Бисмарка и «Центра»: сделан шаг от оппозиции к сотрудничеству. Исчез внешний фактор, тот самый конфессиональный момент, который сплачивал совершенно разнородные социальные группы электората католической фракции. Виндтхорст использовал участие в работе съездов католиков для интеграции партии.

Таможенная политика вызвала сильное беспокойство рабочего класса в Аахенском промышленном районе. В этом округе усилились симпатии со стороны рабочих и католического духовенства к социалистической пропаганде. В 1879 г. в г. Аахене был организован съезд католиков, в работе которого впервые вместе с соратниками принял участие и лидер партии Виндтхорст [19, s. 118]. С тех пор участие членов фракции стало традиционным. Депутаты «Центра» на съездах сообщали о парламентском положении и просили о вотуме доверия. Делался акцент на двусторонней связи руководства партии и ее электората. Это прием имел большой агитационный успех.

Если раньше съезды католиков были скорее религиозным мероприятиям, то с конца 70-х гг. XIX в. они приобрели характер политического действа. Контроль над ними переходил в рукиполитиков. Депутаты «Центра» занимались организацией собраний католиков, выступали в роли ораторов, становились президентами съездов, участвовали в редакционных комиссиях по выработке резолюций [19, s. 119]. Руководство партии путем интенсивного предметного обсуждения достигало положительного эффекта, а именно популяризации политики фракции и выработки чувства общности целей и интересов. Но организационный комитет преднамеренно затушевывал партийный характер мероприятий, резолюции которых оставались необязательными для исполнения.

Решение конкретных политических вопросов находилось в ведении фракции. Депутаты заранее вырабатывали общую точку зрения по вопросам, которые стояли на повестке дня в рейхстаге. Большим авторитетом пользовалось мнение лидера партии Виндтхорста. Кандидатура руководителя партии официально никак не была узаконена ни комитетами, ни процедурой выборов. Номинально должность председателя партии установилась лишь в 1920 г. (первым официальным председателям стал в 1920-21 гг. К. Тримборн) [1, s. 107]. Таким образом, первоначально руководство партии фактически осуществлялось правлением фракции.

Структура политической организации партии «Центр» имела скорее федералистский характер: действовали провинциальные союзы или земельные организации со своими комитетами, которые отдельно проводили свои региональные съезды. Внутренняя дисциплина и единство обеспечивались работой священнослужителей и общими конфессиональными интересами. Даже Бисмарк не смог не отметить удивительное единство и сплоченность всех членов партии Виндтхорста: «…дух партийности и фракционности, которым провидение наделило «Центр» вместо национального чувства, присущего другим народам, сильнее, чем папа, и притом не на соборе без мирян, а на арене парламентской и публицистической борьбы внутри Германии [20, с. 121]».

На первый взгляд, «Центр» - это типичная парламентская партия, где главную роль играла фракция в рейхстаге. Однако особенностью католической партии был постоянная тесная двусторонняя связь с избирателями. Контакт «Центра» с его электоратом реализовывался в самых разнообразных формах: католические союзы, газеты, листовки, ежегодные съезды католиков с участием представителей от партии и т. д. Но главным была поддержка духовенства. В лице священнослужителей партия имела самый совершенный агитационный аппарат. Десятки тысяч католических священников сумели донести до каждого прихожанина предвыборную программу «Центра», усиливая внимания на различных ее частях в зависимости от социального статуса, достатка, профессии верующего. Благодаря священнослужителям, перед которыми открывались все двери, партия первона-

чально не нуждалась в общеимперском органе и могла сконцентрироваться на работе фракции в парламенте. Деятельность служителей церкви обеспечивала дисциплину и сплоченность среди членов партии и электората. Этим во многом и объяснялась сила партии, ее удивительная способность к быстрой мобилизации и ее долговечность.

The Center Party was guided in its work by different government bodies, facilitating its influence on the population. Its connection with the german electorate was supported by means of catholic unions, annual congresses, newspapers, leaflets, and most importantly, with the help of numerous priests' army. It promoted stable political success of "The Center Party".
The key words: *the Center Party, L. Windthorst, the organizational structure, the catholic unions, the catholic congresses, the newspaper "Germania".*

Список литературы.

1. Hoffman R. Geschichte der deutschen Parteien: Von der Kaiserzeit bis zur Gegenwart. Munchen, 1993.
2. Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 1. B., 1876.
3. Вильгельм I. Мемуары. Петроград, 1923.
4. Geschichte. Personen, Daten, Hintergründe. Mannheim, 2003.
5. Lill R. Zur Politik Ludwig Windthorsts // Politische Ideologien und nationalstaatliche Ordnung. Munchen, 1968.
6. Morsey R. Die ungleiche Dauerfehde: Bismarck und Windthorst // Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. Jg. 45, № 5. Bonn, 1998.
7. Schauff J. Katholische Wähler und Zentrumspartei // Wählerbewegung in der deutschen Geschichte. Berlin, 1978.
8. Прокопович С. Рабочее движение в Германии. СПб., 1908.
9. Lexikon zur Parteiengeschichte: die bürgerlichen und kleinbürgerlichen Parteien und Verbände in Deutschland (1789-1945). Bd. 4: Reichsverband der Deutschen Industriezweckverband der freien Deutschtumsvereine. // Hrsg. von Friecke D. Leipzig. 1986.
10. Maslowski P. Was ist deutsche Zentrumspartei? Kleriralismus und Proletariat. B., 1925.
11. Bachem K. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumpartei. Bd. 3 Das neue Zentrum der Kulturkampf in Preußen, 1870-1880. B.,1927.
12. Вестник Европы, № 12. СПб., 1872.
13. Buchheim K. Geschichte der christlichen der Parteien in Deutschland. München. 1953.
14. Вестник Европы, № 9-10. СПб., 1872.
15. Brügmann A. Roms Kampf um den Menchen Grundlagen katholischer Politik im ausgehnden 19. Jahrhundert. Munchen, 1939.
16. Goldberg H.-P. Bismarck und seine Gegner. Die politische Rhetorik im kaiserlichen Reichstag. Dusseldorf, 1998.
17. Treue W. Deutschen Parteiprogramme 1861-1956, Göttingen, 1956.
18. Salomon F. Die deutschen Parteiprogramme. Heft 2. Von der Reichsgründung bis zur Gegenwart 1871-1912. B., 1912.
19. Mittmann U. Fraktion und Partei: Ein Vergleich von Zentrum und Sozialdemokratie im Kaiserreich. Dusseldorf, 1976.
20. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940.

Об авторе

Ольховская О.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 002.5

СТРУКТУРА ЦЕНЗУРНОГО ВЕДОМСТВА В ПРОЕКТЕ КОМИССИИ С.Н. УРУСОВА (1871 Г.)

Н.Г. Патрушева

В статье рассматривается проект цензурного устава, разработанный в Особой комиссии для пересмотра действующих постановлений о цезуре и печати под председательством С.Н. Урусова. Особое внимание уделено структуре и штатам цензурного ведомства.
Ключевые слова*: цензура, цензор, цензурные учреждения, проект устава, история государственных учреждений.*

Структура и штат цензурного ведомства, утвержденные в середине 60-х гг. XIX в., очень ско-

ро перестали соответствовать потребностям надзора и неоднократно подвергались изменениям. Одна из таких попыток была осуществлена Особой комиссией для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати под председательством главноуправляющего II отделением С. Е. И. В. канцелярии С. Н. Урусова. Ее членами были: сенаторы Е. И. Бревен и Ф. А. Брун (от II отделения), начальник Главного управления по делам печати М. Н. Похвиснев (от Министерства внутренних дел), член Совета Главного управления по делам печати Ф. П. Еленёв, член Совета министра внутренних дел П. Т. Китицин, сенаторы М. Н. Любощинский, М. Н. Турунов и И. И. Полнер (от Министерства юстиции), обер-прокурор Синода И. А. Ненарокомов (от Ведомства православного исповедания), генерал Л. Л. Штюрмер (от Военного ведомства). В 1870 г. в комиссию был назначен новый начальник Главного управления по делам печати М. Р. Шидловский.

Комиссия работала с конца февраля 1870 г. до 6 ноября 1971 г. Вначале члены комиссии изучали ход подготовки цензурной реформы 1865 г. и практику ее применения, результатом чего явилось издание пятитомного сборника документов и материалов по цензуре 1860-х. гг. Все параграфы действовавших Устава о цензуре 1828 г. и «Временных правил» от 6 апреля 1865 г. обсуждались на заседаниях Комиссии, а затем для работы над каждым разделом проекта были составлены специальные редакционные отделения из членов комиссии. Летом 1871 г. работа была закончена, и в сентябре был напечатан проект нового цензурного устава, включавший несколько редакций [1]. В сентябре – октябре Комиссия обсуждала проект, а 4 ноября 1871 г. Урусов доложил Александру II об окончании ее работы.

Основные положения подготовленного ею проекта Устава о цензуре сводились к следующему: оставалась в действии прежняя смешанная предупредительно-карательная система цензуры с концессионным порядком основания периодических органов, типографий, книжных магазинов и библиотек; оставалась система административных взысканий; были сделаны некоторые уступки печати. Так, объем для переводных сочинений, освобожденных от предварительной цензуры, снижался с 20 до 10 печатных листов, снижался вдвое размер залогов для провинциальных периодических изданий и ограничивался 15 месяцами срок действия предостережений для периодических изданий [2, 3].

На заседаниях комиссии большое внимание было уделено самостоятельности цензурных учреждений и единству их действий, обязанностям председателя и членов Совета Главного управления по делам печати, задачам цензоров, особенностям цензорской профессии, чиновникам в провинции, исполнявшим обязанности цензоров.

Основная проблема заключалась в объединении внутренней и иностранной цензуры в одном учреждении. В С.-Петербурге предлагались различные варианты такого объединения, в том числе – слить Главное управление по делам печати с центральными комитетами.

Ф. П. Еленёв, возражая против этой меры, отметил, что главной задачей членов Совета Главного управления по делам печати, как и прежде в Главном управлении цензуры, была проверка работы всех цензоров. Но она приносила немного пользы, так как, по его мнению, «удовлетворительность цензуры всегда зависела единственно от личного такта цензоров; при неудачном же их выборе никакие внушения и строгости не поправляли дела» [4, с. 41]. Далее он подчеркнул, что члены Совета не в состоянии читать все, что выходит на территории империи при любом количественном составе Совета, поэтому они читают лишь самое главное – периодику – преимущественно газеты и литературно-политические журналы. Он считал, что «никаким сложным контролем невозможно достигнуть того, чтобы вся литература была безукоризненна в своих помыслах и заявлениях или чтобы все ее нарушения непременно получали возмездие» [4, с. 43.]. Еленёв предложил, чтобы члены Совета читали еще и некоторые подцензурные провинциальные периодические издания. Основанием для этого были неудовлетворительный контроль со стороны губернских чиновников, тем более, что было трудно находить для этого способных людей. Выступая против слияния учреждений, Еленёв считал необходимым предоставить как можно больше самостоятельности каждому из них, чтобы ответственность за их действия лежала непосредственно на цензорах, и еще раз обратил внимание на важность подбора чиновников, исполнявших цензорские обязанности: «Весь успех деятельности цензоров единственно зависит от их личной способности оценивать значение мыслей, проводимых в литературе, и применять к ним, в известных случаях, те или другие постановления закона и предписания правительства. Долговременный опыт показал, что как скоро цензоры, по их личным качествам, не в состоянии удовлетворять этим требованиям, то никакие инструкции и внушения не исправляют дела» [4, с. 43].

За объединение С.-Петербургского цензурного комитета и Комитета цензуры иностранной выступили М. Р. Шидловский и М. Н. Похвиснев [4, с. 254–255, 263]. Шидловский отметил, что обязанности цензоров Комитета цензуры иностранной и С.-Петербургского комитета лишь по процедуре разные, а по существу одинаковые – не допускать того, что противно началам религии, государства, семьи и нравственности. Похвиснев привел в пример Варшавский цензурный комитет, в котором

внутренняя, иностранная цензура и инспекторский надзор были соединены. На помощников отдельных цензоров предполагалось возложить обязанности по инспекторскому надзору за типографиями и книжной торговлей, а также замещение отдельного цензора в случае болезни или отпуска.

В комиссии было подтверждено положение о равноправии цензурных учреждений – отдельный цензор по-прежнему подчинялся не цензурному комитету, а Главному управлению по делам печати [1, с. 19, § 65; 4, с. 270].

Проект предоставил цензурному ведомству право осуществлять арест издания до окончательного решения вопроса о судебном преследовании и отменять арест, если судебное преследование будет признано невозможным в течение трех недель [1, с. 438, § 76–78; 4, с. 22].

Большое внимание было уделено вопросу о том, кто мог занимать должность цензора. Ф. П. Еленёв подчеркнул, что было очень трудно удостовериться, что лицо, получавшее должность цензора, действительно обладало необходимыми познаниями и качествами. Он считал неправильным лишать права занимать должность цензора чиновников, не окончивших высшие учебные заведения. Основываясь на своем многолетнем опыте, Еленёв отмечал: «Бывает, что лица, имеющие высшие ученые степени, не обладают теми способностями, которые нужны для цензора; а с другой стороны, нередко отсутствие диплома не доказывает неспособности быть цензором» [4, с. 264]. Он настаивал на сохранении за цензорами преимуществ службы по учебному ведомству (после 25 лет стажа цензор мог получать пенсию, оставаясь на службе. – Н.П.) и объяснял, что эти преимущества даются так же, как и в учебном ведомстве не за научные степени, а «в уважение тягости их обязанностей и тесного круга их служебной карьеры». Он подчеркивал, что должность цензора «весьма утомительная и, сверх того, сопряжена с постоянной большой ответственностью» [4, с. 264–265].

По предложению Н. М. Турунова в устав была введена статья, по которой цензорам устанавливался шестимесячный испытательный срок, при котором они получали полный оклад содержания по должности, и в случае утверждения в должности это время учитывалось при начислении стажа [1, с. 5. § 56].

Из-за трудности подбора кадров была отменена статья, по которой цензор не мог одновременно занимать другую должность [1, с. 5. § 55; 4, с. 265], зато в устав чуть не добавили параграф о том, что и цензоры, и их помощники не могли быть не только издателями и редакторами периодических изданий, но и их сотрудниками [4, с. 427].

При обсуждении организации цензурного надзора в городах, не имевших цензурных учреждений, был поднят вопрос о том, могут ли чиновники, которым губернаторы поручили занятия цензурой, кроме периодических изданий цензуровать и книги. Члены комиссии пришли к заключению, что провинциальные чиновники не обладали навыками и способностями профессиональных цензоров, поэтому им поручалось чтение лишь «незначительных газет», которые должны были строго следовать утвержденной для них программе, а в случае серьезных нарушений их издание могло быть прекращено. Книги представляли гораздо бóльшие трудности. Отмечалось, что некоторые авторы могли бы намеренно обращаться к неопытному чиновнику за разрешением издать свое сочинение. Поэтому существующее правило о передаче книги в ближайший цензурный комитет или отдельному цензору осталось без изменений [4, с. 267]. В этих городах инспекторский надзор за типографиями и книжной торговлей по-прежнему поручался уездным исправникам или полицмейстерам [4. с. 413].

По проекту штата цензурного ведомства [4, с. 666–670] центральным цензурным учреждением оставалось Главное управление по делам печати почти в прежнем составе. Лишь прибавлялись две должности делопроизводителя с жалованием по 2000 р. и должность регистратора (1000 р.). Всего, с учетом других расходов, содержание Главного управления по делам печати увеличивалось с 58 650 р. до 68 000 р. Для членов Совета, назначенных из цензоров, сохранялись права цензорской службы при начислении пенсии.

Члены комиссии согласились, что разделение цензуры на внутреннюю и иностранную усложняло состав цензурного ведомства и увеличивало денежные расходы на его содержание. Несмотря на то, что ведение дел по внутренней и иностранной цензуре различалось, цель их была одна и руководящие начала одинаковы. Считалось, что при объединении учреждений будет достигнуто полное единство действий цензуры и равномерное распределение труда между чиновниками, а также сокращение расходов на личный состав. Таким образом, в цензурных комитетах или в лице отдельного цензора объединялась работа по внутренней и иностранной цензуре. Кроме того, предполагалось передать в цензурные комитеты и инспекторов типографий и книжной торговли, так как шестилетний опыт показал, что из-за загруженности различными обязанностями столичных генерал-губернатора и обер-полицмейстера существование при них инспекторского надзора не оправдано.

По проекту в С.-Петербурге объединялись Цензурный комитет, Комитет цензуры иностранной и Инспекторский надзор за типографиями и книжной торговлей. Новое учреждение – С.-Петербургский цензурный комитет состояло из председателя (его обязанности признавались очень

трудными, поэтому жалование увеличивалось с 4000 до 5000 р.) и 14 цензоров, выполнявших обязанности по внутренней и иностранной цензуре (у всех жалование было 3000 р.). С таким же жалованием были введены 2 цензора от духовного ведомства. Из семи помощников цензоров Комитета цензуры иностранной с жалованием от 600 до 1000 р. остались 4 с жалованием в 1200 р. Остался также один секретарь, жалование которого повышалось до 2000 р., вводилось две должности помощника секретаря по внутренней и иностранной цензуре с жалованием 1200 р. Инспекторам типографий и книжной торговли, оставленным в прежнем составе (старший и 4 младших, которым повысили жалование с 1000 до 1500 р.) были существенно понижены классы должностей с V и VI до VII и VIII. Всего на С.-Петербургский цензурный комитет предполагалось отпускать 80 450 р. Раньше на содержание трех учреждений шло 82 350 р. (на С.-Петербургский цензурный комитет – 36 000 р., Комитет цензуры иностранной – 39 300 р., Инспекторский надзор за типографиями и книжной торговлей – 7050 р.). Экономия составила 1900 р.

В Москве предполагалось предоставить председателю цензурного комитета получать пенсию по правилам, установленным для цензоров. Количество цензоров было уменьшено. Жалование оставалось прежним – 3000 р. Секретарь по-прежнему получал 1000 р. Жалование помощника секретаря уменьшалось с 1000 до 800 р., а его должность переводилась из VIII в XI класс. Число инспекторов и их жалование не изменялись. Сумма на канцелярские расходы и отопление немного увеличивалась. Должность московского отдельного цензора по иностранной цензуре упразднялась. В целом на московскую цензуру выделялось 30 950 р., что составило на 8980 р. меньше, чем раньше.

Председателя и цензоров Варшавского цензурного комитета предполагалось уравн252

ять в правах с другими цензорами и предоставить им те же права при получении пенсии, которыми пользовались цензоры в империи. Предполагалось вместо 9 цензоров назначить 7 и двух помощников. Цензоры, как и прежде, различались по размеру жалования. Вместо разделения на старших (2500 р.) и младших высшего (2000 р.) и низшего разряда (1500 р.) по новому штату предлагалось 3 цензора с жалованием 2500 р. и 4 с жалованием 2000 р. (должности были отнесены к VI классу). Жалование помощников должно было составить 1200 р. (VIII класс). Сумма на цензуру книг на еврейских языках не оговаривалась. Всего на цензуру предполагалось расходовать по 31 500 р. в год (больше на 1400 р., чем раньше).

Учреждения по внутренней и иностранной цензуре в Риге и Одессе объединялись в цензурные комитеты. Штат нового комитета в Одессе соответствовал штату бывшего Одесского комитета цензуры иностранной, лишь содержание председательствующего цензора было увеличено с 2500 р. до 3000 р., младших – с 1000 до 2000 р., помощника – с 600 до 1200 р., секретаря – с 600 до 1000 р., на канцелярские расходы – с 600 до 800 р. Всего расходы на комитет увеличились с 9300 до 11 000 р., при этом экономилась сумма на содержание отдельного цензора по внутренней цензуре, включавшая оплату труда помощника, письмоводителя и канцелярские расходы – 4900 р. В целом экономия на одесской цензуре составила 3200 р.

В Риге жалование секретаря проектировалось на 200 р. меньше, чем у одесского. В целом экономия на рижской цензуре была 3400 р.

В Вильне были оставлены две цензорские должности, однако без разделения обязанностей по внутренней и иностранной цензуре. Одному цензору жалование было увеличено (раньше оба получали по 2000 р., теперь один – 2500 р., другой – 2000 р.). Жалование помощника цензора осталось 1200 р., письмоводителя было увеличено до 800 р. На канцелярские расходы и отопление выделялось 850 р. Всего на цензуру в Вильне предполагалось расходовать 7350 р. (что было на 500 р. больше прежних расходов).

В Киеве вместо двух отдельных цензоров по внутренней и иностранной цензуре назначались цензор, несший обязанности по обеим цензурам (его жалование увеличивалось до 2500 р.), цензор от духовного ведомства с жалованием 2000 р. и письмоводитель с жалованием 600 р. На канцелярские расходы и отопление выделялось 750 р. Общие расходы на цензуру составляли 5850 р., что было больше прежних на 450 р.

В Ревеле вместо двух должностей цензоров по внутренней и иностранной цензуре предполагалась одна должность (2000 р.), на канцелярию и отопление выделялась всего 2900 р., что экономило 350 р.

В Дерпте один цензор, исполнявший обязанности по внутренней и иностранной цензуре, получал жалование 2000 р. и 500р. на канцелярию и отопление (больше на 1200 р.).

Должность отдельного цензора в Митаве упразднялась.

В Казани содержание цензора (занимавшегося лишь внутренней цензурой) уменьшалось с 1200 р. до 1000 р.

Суммы на цензурование неофициальной части губернских ведомостей и частных периодиче-

ских изданий в местностях без цензурных учреждений увеличивались с 7350 до 8300 р.: предполагалось выплачивать по 100 р. за цензуру губернских ведомостей, а тем, кто кроме этого просматривал еще и частные издания, – от 200 до 300 р. 2200 р. выделялись на цензуру Епархиальных ведомостей и других духовных периодических изданий в губерниях.

На цензуру изданий на национальных языках предполагалось выделить вместо 4500 р. – 5400 р. В том числе в С.-Петербурге на еврейских – 1200 р., финском – 500 р. и армянском – 300 р.; в Риге –на эстонском и латышском – по 400 р.; в Вильне – на еврейском – 500 р., жмудском и литовском – по 300 р.; в Варшаве и Одессе – на еврейских по 500 р.; в Киеве – 300 р., в Житомире – 200 р.

Всего на содержание цензурных учреждений предполагалось выделить 268 300 р. Для упразднения отдельных учреждений духовной цензуры в некоторых цензурных комитетах были введены должности цензоров от Духовного ведомства. В результате, несмотря на увеличение объема книгопечатания в столицах в 1,5 раза, соединение учреждений внутренней и иностранной цензуры, по мнению членов комиссии, позволило значительно сократить расходы на цензурное ведомство.

Судьба этого проекта была похожа на подобные разработки других комиссий, например, в конце XIX в. [5] и начале XX в. [6]. 4 февраля 1872 г. по распоряжению Александра II было учреждено Совещание под председательством министра внутренних дел А. Е. Тимашева для рассмотрения проекта и согласования различных редакций, после чего все работы над проектом были прекращены из-за внутриполитической ситуации в стране.

The paper discusses the Censorship Regulations drafted by the Special Commission for revised operative censorship- and press rules, chaired by S.N. Urusov, with special emphasis on Censorship Department structure and personnel.
***The key words**: censorship, censor, censorial institutions, draft regulations, history of government institutions.*

Список литературы

1. Проект устава о печати и цензуре. СПб., 1870.
2. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 72–81.
3. Блохин В.Ф. Провинция газетная: государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в Российской провинции (1830-е–1870-е гг.). Брянск, 2009. С. 46–47, 193.
4. Журналы Особой комиссии, высочайше учрежденной 2 ноября 1969 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1871.
5. Патрушева Н. Г. Подготовка реформы штатов цензурных учреждений Российской империи в 1896–1898 годах // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 9 (224). История. Вып. 44. С. 31–36.
6. Патрушева Н. Г. Материалы комиссии по составлению проекта штатов цензурных учреждений под председательством А. В. Муромцева // Вестник Брянского государственного университета. История, литературоведение, право, философия, языкознание. Брянск, 2010. Вып. 2. С. 119–126.

Об авторе

Патрушева Н.Г. – кандидат исторических наук, зав. сектором книговедения Отдела редкой книги Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), patrusheva@nlr.ru

УДК 930.26Бр

ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРЕДГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ СРЕДНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ В ПЕРИОД СЛОЖЕНИЯ, РАСЦВЕТА И КРИЗИСА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (СЕРЕДИНА X – СЕРЕДИНА XII ВВ.). (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТИСТИКО-КОМБИНАТОРНОГО АНАЛИЗА1986 ГОДА КВЕТУНЬСКОГО НЕКРОПОЛЯ).

Г.П. Поляков, Е.А Шинаков

Кветунь около Трубчевска относится к одному из более чем тридцати (а всего только в Брянской области известно свыше 1500 археологических объектов) памятников археологии, поставленных на федеральный учет и охрану. Кветунский комплекс состоит из городища X – XII вв., селища-посада и нескольких курганных групп, самой крупной и наиболее исследованной из которых является некрополь в урочище «Гай» неподалеку от Чолнского монастыря. В.А. Падин раскопал здесь 245 курганов. Но этот информативный материал до сих пор не проанализирован на новом методическом уровне. Первая попытка сделать это, базируясь на большом опыте подобного анализа у одного из авторов, но для других территорий, была предпринята Е.А. Шинаковым в 1986 г. на базе МГУ, а затем, опираясь на его разработки, - студенткой-дипломницей М.В. Илларионовой в БГПИ. Данная статья демонстрирует лишь часть примененной ими методики и полученных результатов, сохраненных

рецензентом дипломной работы Поляковым Г.П.
Главные результаты: только 5% женских захоронений могут иметь этническую идентификацию. Большая часть скелетов принадлежала представительницам северянского племенного объединения (около шести захоронений), радимичам – около трех, дреговичам – два, вятичам – около двух, кроме того, явно прослеживается кочевническое и финно-угорское влияние. В настоящее время планируются и отчасти уже проводятся инновационные археолого-математические исследования в этой сфере.
Ключевые слова:*Кветунь, погребальные курганы, Падин, Трубчевск, северяне, радимичи, вятичи, дреговичи, «русь», височные кольца.*

Кветунский археологический комплекс, состоящий из городища, селища и курганной группы, относится, наряду, например, с Хотылевскими стоянками, Вщижем, Чашиным курганом, Покровской Горой, и с еще, примерно, тридцатью памятниками археологии Брянской области к памятникам культурного наследия РФ, поставленными на федеральный учет и охрану [10], является, наряду с другими культурными ценностями, национальным достоянием России именно как памятник археологии.

С научной точки зрения так же трудно переоценить значение Кветуни, особенно ее некрополя.

Хотя первые раскопки кветунских курганов (тогда ориентиром больше служил Спасо-Чолнский монастырь) были начаты еще в 1921 г. и продолжены в 1926 г. (всего в архиве ГАИМК содержится данные о четырех исследованных тогда курганах) [1].

Даже в этих четырех курганах, расположенных в одной части некрополя, наблюдались разные типы погребальных обрядов: ингумация на горизонте, притом в разных позах, ингумация в яме, но с явными пережитками культа огня (обожженная домовина?).

Массовые раскопки курганов, которые только и позволяют применить статистико-комбинаторные методы к объективному анализу деталей погребального обряда и инвентаря, были, однако, предприняты старейшим брянским археологом (вплоть до его смерти в 2004 г. в возрасте 94 лет) В.А. Падиным.

Из 245-ти древнерусских курганов, исследованных В.А. Падиным в урочище «Гай» [2, с.76] или 237 плюс еще несколько древнерусских насыпей в 22 км к востоку от основной группы [2, с.84], компьютерной обработке в МГУ им. М.В. Ломоносова удалось подвергнуть 184 погребения, описания и сохранность инвентаря которых позволяла это сделать. Погребения эти были расположены под 150-ю насыпями, т.к. 5 курганов содержали тройные, а 23 – парные захоронения. Методологической основой дальнейшей работы послужили неоднократно апробированные одним из авторов на нескольких десятках (свыше 50-ти) древнерусских некрополях Днепровского лесостепного Левобережья сравнительно-корреляционный анализ погребальных комплексов. Исходя из базового памятника – второго по количеству курганов после Гнездово под Смоленском – Гочевского некрополя на р. Псёл в Курской области, обладавшего максимальным количеством элементов описания (85), в остальных памятниках значительная часть этих признаков отсутствовала, но не убиралась из таблиц. В итоге, даже первый взгляд на эти таблицы позволял сделать вывод о степени сложности и размерах того или иного некрополя, наличия или отсутствия там признаков «гочевской, эталонной номенклатуры» [3,4,5,6,7].

Как новые раскопки Гочевского некрополя (после 1980 г.), так и новые открытия, и не только в земле северян, где он расположен [8,9, например], лишь подтверждают, дополняют и уточняют выводы, сделанные Е.А. Шинаковым в его кандидатской диссертации, сопровождающих ее и в последующих статьях, но не как не меняют их, а тем более не отменяют.

Погребальный обряд и инвентарь Кветуни были «разбиты» автором на, примерно, 50 (точные данные не сохранились), дискретных признаков, характеризующих в сумме погребальный обряд или инвентарь. Каждое погребение в обязательном порядке описывалось стандартным, одинаковым набором признаков. Меньшее, чем по «гочевской номенклатуре» количество признаков, объясняется не только сравнительными размерами некрополей (несколько сот – в Кветуни, несколько тысяч – в Гочево) и количеством изученных и подвергнутых корреляционному анализу комплексов (184 погребения из 150 курганов в Кветуни, 521 захоронение из 515 курганов – в Гочево [5,с.22]), но и объемом и качеством полевой документации, особенно касательно погребального обряда. Первая аналитическая работа по Кветуни была выполнена Е.А. Шинаковым в качестве итогово-зачетной на факультете повышения квалификации исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по компьютеризации весной 1986 г. Непосредственным куратором слушателя ФПК выступал заведующий кафедрой периода феодализма истории СССР, д.и.н. Л.М. Милов, а общее руководство ФПК осуществляла кафедра методологии и источниковедения МГУ во главе с член-корреспондентом АН СССР Н.Д. Ковальченко.

Набор признаков (элементов) описания каждого из исследуемых объектов и выбор давно применяемый в археологии формулы коэффициента сопряженности $\frac{S^2}{m*n}$,был составлен одним из ав-

торов статьи. Созданием программы (тогда еще на перфокартах) занимался доктор математических наук, профессор Пермского госуниверситета С.В. Русаков. Техническая работа осуществлялась на Большой электронно-вычислительной машине МГУ второго поколения.

На втором этапе исследования так же с помощью ЭВМ определялся «вес» признаков и степень их взаимосвязи между собой (как ранее для памятников левобережья Днепра и лучевых височных колец).

Готовая, длиной в несколько десятков метров, перфолента была предоставлена дипломнице БГПИ М.В. Илларионовой (Бабченко) для ее расшифровки и исторической интерпретации. Очень внимательным рецензентом дипломной работы, подробно ее законспектировавшим, выступил тогда еще старший преподаватель кафедры отечественной истории БГПИ, старший научный сотрудник Брянского историко-революционного музея Г.П. Поляков, ныне доцент кафедры Отечественной истории древности и средневековья и один из авторов статьи.

В связи с утерей в дальнейшем как и дипломной работы, так и черновых материалов к ней, именно его подробные записи и позволили сохранить основное содержание (кроме методической части) и исторические выводы работы, которые и излагаются ниже с комментариями Е.А. Шинакова.

1. Общий анализ погребального обряда.

Всего исследовано 184 погребения. Из них по обряду кремации – 6,1 %, ингумации на горизонте – 42,8%, ингумации в ямах – 51,1%.

К X в. относятся курганы с трупосожжениями, имеющие большие размеры. Под насыпью – выровненная площадка, на ней – остатки кострищ. Иногда остатки кострищ отсутствуют, т.к. сожжения производились на стороне. Пережженные кости обычно складывались в погребальную урну. Погребальные площадки иногда окружали кольцами из золы и земли и кольцеобразными ровиками. Такие кольца связаны с культом солнца и имеют корни в языческой религии.

Женские погребения, совершенные по обряду кремации, удалось выявить лишь по характерным комплексам вещей. Они составляют 1,1% от общего числа погребений и 18,2% от погребений обряда кремации.

Мужские погребения (кремация) составляют 5% от общего числа захоронений первого типа обряда. Здесь уже более четко можно проследить социальную дифференциацию погребений. В 11,2% - отсутствуют какие-либо вещи, 44,4% погребений можно отнести к погребениям с разнообразными вещевыми комплексами. В 63,6% погребений обнаружен древесный тлен, 18,2 % их отклонены от западной ориентировки, 50% - содержали ножи, в 40% встречены поясные пряжки.

2. Этническая характеристика некрополя.

Всего этноопределяющие женские захоронения составляют примерно 5% от их общего числа, что по теории математической статистики при условии случайности выбор является и репрезентивной или достаточной выборкой.

В инвентаре женских погребений вычленяются несколько типов внутрисвязанных комплексов вещей:

1. Спиралевидные височные кольца в сочетании с браслетообразными височными кольцами и ожерельем из бипирамидальных сердоликовых бусин и рубленого бисера – конец XI – начало XII вв.
2. Семилучевые височные кольца в сочетании с ожерельями из бронзовых пуговиц и рубленого бисера – X в.
3. Сочетание очелья в виде серебряной ленты (рис.3) с привешенным к нему семилучевыми кольцами (рис.5) и бусами из хрусталя, сердолика, бисера и гривной – конец X – начало XI вв.
4. Семилучевые кольца в сочетании с ожерельем из бисера, сердоликовых пронизок, хрустальных округлых, синих белоромбических бусин – XI – XII вв.
5. Простые перстнеобразные и браслетообразные височные кольца из серебра, бронзы, меди в сочетании с различными бусами (золотостеклянными, бочонковидными), сердоликовыми призматическими, бипирамидальными и округлыми. Хрустальные, пастовые мозаичные, шиферные, металлические часто сочетаются с бубенчиками, привесками, лунницами. В захоронении XII в. найден биллоновый крестик X – XII вв.
6. Трехбусинные ложнозерненые височные кольца «минского типа» - конец XI – начало XII вв. (рис.7).
7. Бронзовый круглый в сечении загнутоконечный обруч (рис.6) и шесть серебряных браслетообразных височных колец в сочетании с бусами из золотостеклянных, бочонковидных, сердоликовых, бипирамидальных и пастовых бусин – конец XI – начало XII вв. (рис.8).

Основная масса курганов Кветунского некрополя относится к северянам, т.к. по классификации Е.А. Шинакова, семилучевые височные кольца (группы V по его типологии) (рис.5) можно интерпретировать как характерные украшения определенной части северян, точнее, предгородских центров, сложившихся в середине X в. на территории северянского племенного объединения. Кстати, сомнения

в их исключительно радимичской принадлежности высказывались и ранее [12;13, с. 173 - 174]. Но лишь Е.А. Шинаков впервые доказал это с математической точностью [3;14;15]. Эти исследования, практически сразу, стали эталонными, о чем говорят отзывы не только на его первую статью [16, с. 155], но, даже на дипломную работу [17, с. 100; 18, с. 62 - 63]. Северянские (точнее постсеверянские семилучевые височные кольца группы V) обнаружены в четырех курганах и еще в одном - северянские же спиралевидные височные кольца. Кроме того, в захоронениях встречены ложновитые серебряные гривны с грибовидными застежками и плоские серебряные очелья, также являющиеся характерной деталью северянского головного убора. Новые находки височных колец группы IV и V (по классификации Е.А. Шинакова 1978-1980 гг.) далеко за пределами земель радимичей и ни одного «нового» (не считая одного «старого», из раскопок Еременко П.М. 90-х гг. XIX в. в с. Ляличи Суражского уезда) лишний раз подтверждают математически аргументированные выводы Е.А. Шинакова и эмпирические – ряда его предшественников. Аргументированного же опровержения их так и не появилось, хотя свыше 30 лет – срок для этого вполне достаточный. Косвенно это подтверждают и случайные находки В.О. Пискунова сильно фрагментированных лучевых височных колец на селище, из которых 4 относятся, как и остальные кветунские, к группе V (по классификации Шинакова, 1978-1980).

Таким образом, среди более-менее этноопределимых погребальных комплексов можно вычленить шесть северянских (среди них – один с «радимичским», два – с «вятичским» влиянием), два «радимичско-вятичских» (или, скорее, «никаких» в племенном плане), четыре радимичских (достоверно - один), около десятка чисто «вятичских», но с очень слабыми этноопределяющими признаками [19, с. 144].

Иногда к надетому на голову тканевому пояску или к одежде у левого плеча прикалывали бронзовую колодочку с цепочками, державшими амулеты – обереги: миниатюрные ножи, ложки, уточки, перстни и ключи (рис.2). Миниатюрные коньки являлись символом добра и благоденствия, ложечка – символом сытости и довольства, ключи - целости и сохранности. Обычно наличие таких оберегов-привесок относят к финно-угорскому влиянию.

В кургане №3 найдена оригинальная ложечка в виде человеческой фигурки, у которой левая нога, короче правой, что должно было создать впечатление идущего человека. Эта ложечка не имеет аналогий и по вещам погребения датируется концом XI – началом XII вв. (рис.2).

3. Дружинные и воинские захоронения.

Они немногочисленны и представлены, в основном, камерными (за исключением одного, с наземной обожженной «домовиной») захоронениями («курган с поясным набором»). Предметы вооружения и снаряжения дружинников зафиксированы в шести погребениях [20;21;22]. Среди них своим большим размером и некоторой отдаленностью от всей массы курганов выделяется курган с поясным набором (рис.1). Вероятно, когда-то насыпь этого кургана имела значительную высоту. Его диаметр – 20 см, склоны насыпи крутые, в основании кольцевой ровик с пологими стенками, шириной 0,6 – 0,7 м и глубиной 0,4 м.

На горизонте следов кострища нет, по-видимому, сожжение произведено на стороне. В центре кургана на древнем горизонте находилось гробовище со следами огня длиной 2,8 и шириной 2 м. Там зафиксировано скопление кальцинированных костей и нетронутых огнем нескольких фаланг рук и позвонков. На горизонте найдены обгорелые кости кабана – животное было принесено в жертву.

В захоронении находились: серебряный пластинчатый перстень, два фрагмента такого перстня, две маленьких поясные бронзовые позолоченные пряжки, оригинальный бронзовый поясной полый приемник-застежка с концевой бляшкой (рис.1), два бронзовых поясных кольца, 30 бронзовых позолоченных поясных бляшек, калачевидное кресало. Такой поясный набор свидетельствует о знатности похороненного здесь дружинника. Вещи не имеют следов огня, т.к., вероятно, были положены в гробовище после сожжения. По обряду кремации погребение датируется второй половиной X в.

В пяти курганах с «камерами» найдено оружие – наступательное, но не оборонительное: боевые топоры, боевые ножи, наконечники стрел. В кургане №82 найден боевой фигурный топор с удлиненным обухом, который относится к типу «чеканов», известных в Польше и Венгрии. По аналогии этот топор датируется X в.

Боевой топор малого размера найден в кургане №1. Там же найдена бронзовая подковообразная фибула с удлиненной изогнутой иглой. Аналогичный топорик, по М.Х. Алешковскому, датируется X – первой половиной XI вв. [23]

Кроме кургана № 177 наконечники стрел найдены еще в трех погребениях. В кургане № 142 найден черешковый ромбовидный наконечник стрелы с куском костяного древка, боевой нож с костяной рукоятью, подковообразная бронзовая фибула со спиралевидными концами. Фибула и ромбовидный наконечник стрелы датируются X в., что подтверждается обрядом с остатками кремации.

В кургане № 68 обнаружены наконечники черешковой ромбовидной стрелы и бронебойной трех-

гранной, пружинные ножницы и костяные пластинки с тремя отверстиями – возможно деталь колчана. Ромбовидный наконечник и ножницы датируются X - началом XI вв. Из них два совершены по обряду кремации, а четыре – трупоположения в ямах, причем три из них, судя по размерам ям – в камерах.

Погребения с оружием составляют 7,2% от всех мужских захоронений и 3,2% от всех.

Наличие фибул в погребениях может свидетельствовать о контактах с балтским и финно-угорским населением, т.к. они – преимущественно детали мужской одежды, возможно, младших дружинников из других племен.

4. Следы социально-имущественной дифференциации.

Если даже исключить слой дружинников, то в захоронениях знатных и богатых жителей Кветунского комплекса обнаружены элементы поясных наборов, в т.ч. позолоченные бляшки, ожерелья из множества бус, привесок бубенчиков. Серебряные браслеты и кольца, семилучевые и спиралевидные височные кольца, гривны также служили отличительной чертой одежды племенной верхушки.

В захоронениях богатых женщин найдены обрывки шерстяных или шелковых тканей, в бедных – только льняные. Отсутствие вещей наблюдалось в 26,6% погребений, малое количество вещей – в 50,1%, разнообразные вещи – в 23,3% захоронений.

О развитии других ремесел свидетельствует фактически материал из раскопок некрополя. Курган №118 содержал, по-видимому, захоронение столяра (кусок пемзы, нож с костяной рукоятью, брусок, обломок молотка, два кремня и обломки разных инструментов).

На торговые связи косвенно указывают находки западноевропейских монет Оттона III и Генриха I, византийских – Константина VII Багрянородного. Изделия кветунских ювелиров найдены на городище Слободка на р. Навле (Орловская область), в Лепляве на Днепре и в Подмосковье.

5. Интерпретация.

Явная разноэтничность Кветунского некрополя неизбежно породила дискуссию на I Брянской историко-краеведческой конференции в январе 1989 г. При этом В.А. Падин [22] и белорусский археолог В.В. Богомольников [23] считают Кветунь радимичской, не будучи полностью убеждены в северянской принадлежности части лучевых колец [24, с.168], украинский археолог О.В. Сухобоков – северянской [25], киевский археолог, ныне член-корреспондент НАН Украины А.П. Моця – русской [26], Е.А. Шинаков – до конца X в. – северянской, затем – разноэтничной, как и любой предгородской центр, но политически – русской [27].

В настоящее время бывшим аспирантом БГУ, главой клуба исторической реконструкции «Кветунь», специалистом по информационным технологиям Ю.М. Павловым и Е.А. Шинаковым готовится обработка материалов некрополя, в т.ч. и полученных после 1980 г., новый «виток» компьютерной обработки погребений Кветуни с учетом инновационных алгоритмов, разработанных не только археологами и не только для археологии. Сравнение результатов неизбежно даст еще более достоверные результаты.

Kwietun near Trubchevsk is one of the most famous archaeological and history-cultural sites in the whole Bryansk region. It is one of the 30 out of 1500 Bryansk archaeological monuments, which are included in the federal list of the most important object of national property. This complex consist of three parts – ground castles, settlements and some burial groups (cemeteries) of X – XII centuries. The burial group “Guy” is the biggest and the most investigated. Only V.A. Padin excavated near 245 tombs. But this rich material hasn’t been analyzed with new, especially mathematical methods. The first attempt to do this based on the long and successful experience in this sphere done by E.A. Shinakov in 1986 in Moscow State University and his student M. Illarionova in Bryansk State Pedagogical Institute. This article demonstrated a part of the method and the results of this investigation, saved by G.P. Polyakov.

The main result: only 5% of women’s burials may have ethnic identification. Inside it the most of the skeletons concern the tribe of severyane (about 6), radimitchy (maximum – 3), dregovitchy – 2, viatitchy – about 2. Besides nomadic and Finno-Ugrian influence may take place. Now new mathematic investigations are planned by the collective of archaeologists and mathematicians.

The key words: *Kwietun, burial mounds, Padin, Trubchevsk, severyane, radimitchi, viatitchi, dregovitchy, Rus, temporal rings*

Список литературы:

1. Списки объектов историко-культурного наследия Брянской области (недвижимые памятники) Брянск: Минкульт РФ, 2002.

2. Поршняков Г.М. Раскопки в Кветуни у Чолнского монастыря // Архив ЛОИА, дело ГАИМК, ф.2, дело 1927/186.

3. Падин В.А. Среднее Подесенье (Трубчевские округа) в VI – V вв . до н.э. – X – XII вв. н.э. по материалам археологических исследований. – Брянск-2004.

4. Шинаков Е.А. Типология, хронология и ареал пяти- и семилучевых височных колец. Ди-

пломная работа. М.: МГУ, 1977.

5. Шинаков Е.А. Население верхнего течения р. Псёл в XI – XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Сер.8. История, 1982 №2, с. 90 – 97.

6. Шинаков Е.А.Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половине XIII вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 1980.

7. Демография и этнография междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половине XIII вв. // Депонирована 29.12.1980 в ИНИОН АН СССР, № 6673, 30 с. (1,25 п.л.).

8. Шинаков Е.А. Восточные территории Древней Руси в конце X - начале XIII вв. (этнокультурный аспект) // Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991. С. 82 – 93.

9. Стародубцев Г.Ю. Исследования археологических памятников Курского края в XIX – XX вв. // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2006. С. 1 – 17.

10. Шпилев А.Г. Об эволюции южнославянского головного убора с очельем и венчиком (конец X – XI вв.) // «Русский сборник». Вып. 4. Брянск: РИО БГУ, 2008. С. 43 – 59.

11. Недошивина Н.Г. К вопросу о связях радимичей и вятичей // Труды ГИМ Вып.37. М., 1960.

12. Соловьева Г.Ф. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. – М.: Наука, 1978. С. 173 – 174.

13. Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. №3. 1980. С. 110 – 127.

14. Шинаков Е.А. Еще раз о лучевых височных кольцах и их принадлежности // Сборник материалов региональной научной конференции «Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя». Магілёў, 1995. С. 161 – 175.

15. Седов В.В. Восточные славяне в VIII – XIII вв. М.: Наука, 1982.

16. Изюмова С.А. Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища // Вестник МГУ. Серия «История». Вып.6. М., 1978. С. 10 – 103.

17. Щапова Ю.Л. Естественнонаучные методы в археологии. М.: МГУ, 1988.

18. Моця А.П. Срубные гробницы южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев: «Наукова Думка», 1990. С. 99 – 107.

19. Гурьянов В.Н. Камерные погребения на Брянщине // Слов'яни і Русь у науковій спадицині Д.Я. Самоквасова: Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченного150-річчю від дня нарождення Д.Я. Самоквасова. Чернігів: Сіверяньска думка, 1993. С. 31 – 33.

20. Шинаков Е.А. Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья» памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 1998, с. 81 – 85.

21. Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников X – XV вв. // Советская археология. 1960. №1. С.215.

22. Падин В.А. Новое о Трубчевске // Тезисы докладов I Брянской межвузовской историко-краеведческой конференции. – Брянск, 1988. С. 104.

23. Богомольников В.В. Памятники радимичей на территории Брянской области // Тезисы докладов I Брянской межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск, 1988. С. 93 – 95.

24. Богомольников В.В. О близости радимичей, вятичей и северян (по письменным и археологическим данным) // Старожитності Південної Русі. Чернігів: Сіверянська думка, 1993. С 167 – 169.

25. Сухобоков О.В. Юренко С.П. Северные границы расселения восточнославянского племенного союза «Съвер»: летопись и археология. // Тезисы докладов I Брянской межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск, 1988. С. 90 – 92.

26. Моця А.П. Кветунь. // Тезисы докладов I Брянской межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск, 1988. С. 95– 96.

27. Шинаков Е.А. Брянщина в древнерусскую эпоху (X – XIII вв.) // Тезисы докладов I Брянской межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск, 1988. С. 92 – 93.

Рис. 1. Бронзовые наконечник и пряжка боевого пояса кочевника или дружинника.

Рис. 2. Языческие амулеты-привески, имитирующие животных или предметы быта. Обычно изначально имели финно-угорское происхождение

Рис. 3. Серебряное очелье, шейная гривна и спиралевидное височное кольцо северян.

Рис. 4. Биллоновый «усатый» перстень с орнаментом «волчий зуб». Чаще встречается у северян.

Рис. 5. Серебряные и биллоновые семилучевые височные кольца группы V постсеверянской принадлежности из четырех курганов Кветунского некрополя

Рис. 6. Бронзовая плосковыпуклая в сечении радимичская шейная гривна с орнаментом «волчий зуб».

Рис. 7. Трехбусинные зерненные височные кольца дреговичей («Минского типа»).

Рис. 8. Сердоликовые бипиромидальные и призматические бусы оранжевого цвета. Одно из наиболее любимых украшений вятичей.

Рис. 9. Реконструкция внешнего облика и костюмов восточнославянской девушки и замужней женщины.

Об авторе

Поляков Г.П. – кандидат исторических наук, доцент, г. Киров

Шинаков Е.А. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 34(091)

ПРИНЦИПЫ ПРАВА В ПОНИМАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХАРБИНСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА

В.П. Пономарева

Статья посвящена правовым взглядам представителей Харбинской школы права, чье научное творчество актуально для современной юриспруденции, но, до сих пор остается не востребованным. В частности, взглядам профессора Г.К.Гинса на теорию принципов в праве. В статье анализируются монографии, созданные в эмиграции в Китае и малоизвестные в России.

Ключевые слова: *Г.К.Гинс, культура, право, принцип права, философия права, правовая интеграция, Харбинская школа права*

Проблема принципов в праве не нова, но продолжает оставаться актуальной для современной юридической науки. И это не случайно, так как с их помощью правовая система адаптируется к важнейшим интересам и потребностям человека и общества, интегрируясь с ними. В юридических принципах наиболее ярко отражена сущность права и многообразие составляющих его сторон и закономерностей [1, с.270-273].

Важность данной проблемы определяется и тем, что современная юридическая наука под принципами права, чаще всего, подразумевает основополагающие постулаты, которые получили официальное закрепление в нормах законодательства, зачастую не относя к их числу научные и политические идеи и концепции, получившие общественное признание и реализуемые в правоотношениях, но не зафиксированные в нормативно-правовых актах.

В связи с этим уместно обратиться к правовому наследию ученых - представителей Харбинской юридической школы, крупнейших теоретиков и философов права, сформировавшихся в досоветской России в условиях научного плюрализма, чьи монографические исследования отличались глубиной и многогранностью подходов, актуальных и для современной российской юриспруденции.

Харбинская школа права сформировалась в 20-40 гг. XX века на базе юридического учебного заведения в Маньчжурии, где, по стечению обстоятельств, собрались несколько профессоров права, готовых заниматься и научной и преподавательской деятельностью. Среди них: Г.К.Гинс, М.Н. Ершов, А.А. Камков, Н.И. Морозов, Н.И. Никифоров, В.А. Рязановский, Н.В.Устрялов. Все они сделали

многое для развития юридической науки и образования в Китае [2, с.186]

В контексте названной проблемы, наиболее важным представляется изучение взглядов на теорию принципов права Гинса Г.К., что позволит расширить представления о теории юридической науки.

Георгий Константинович Гинс (1887 – 1971) крупный ученый-юрист, известный писатель, политик, общественный деятель, видный участник Белого движения, член правительства адмирала Колчака по окончании Гражданской войны оказался в Харбине, где служил в управлении Китайской Восточной железной дороги, сначала в должности начальника канцелярии Правления дороги, затем главным контролером и одновременно - Председателем комитета образовательных учреждений железной дороги.[3, с.152-153]

Но, все же, главным делом его жизни в этот период стала преподавательская деятельность. С 1 марта 1920 г. и, практически до последнего дня существования факультета, Георгий Константинович состоял исполняющим делами экстраординарного профессора по кафедре римского права на юридическом факультете в Харбине.

Будучи выпускником Санкт Петербургского университета и учеником профессора Льва Петражицкого – основателя психологической школы права, Г.К.Гинс в своей научно-педагогической деятельности всегда руководствовался лучшими традициями этого правового учения. Позднее, в преклонном возрасте, Гинс в письме к издателю сообщал «о своем намерении написать статью для Нового журнала о Петражицком, приурочив эту статью к пятидесятилетию со времени опубликования его главного труда «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» в 1907г.» [4].

Основные направления научной и педагогической деятельности преподавателей Харбинского юридического факультета сводились к сравнительному анализу «старого» российского и «нового» советского права, исследованию права стран Восточной Азии, процессов рецепции европейского права в китайское законодательство [5, с.224-226].

Г. К. Гинса в названный период интересовала водное право, которым он занимался еще в период службы в Министерстве Земледелия, где ведал переселенческой политикой в Туркестане и изучал иностранное колонизационное законодательство. Позднее, оно послужило основой для подготовки и защиты в апреле 1929 г. в комиссии при Русской Академической группе в Париже магистерской диссертации на тему: «Водное право и предметы общего пользования». [6,с.165]

Находясь в Париже, Г. К. Гинс увлекся учением о солидаризме, которое исследовал в своем труде «На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму», написанном в 1930 году, а также в более поздних работах. Он обосновал солидаризм как единую стройную систему, в которой на практике осуществляется «гармонизация общественных и личных, государственных и индивидуальных правоотношений» [7,с.133].

Годы, проведенные в Харбине, были для Георгия Константиновича, несомненно, самыми плодотворными, в научном смысле слова. Он написал и опубликовал такие важные для понимания его правовых взглядов труды как: «Новые идеи в праве и основные проблемы современности»; «Право и сила (очерки по теории права и политики)», 1929; «На путях к государству будущего (от либерализма к солидаризму)», 1930; «Новые идеи в праве и основные вопросы современности», 1931-1933; «Социальная психология», 1936; «Предприниматель», 1940; «Новое право и предпринимательство», 1940.

Наиболее ярким и значимым в его научном творчестве стал труд «Право и культура. Процессы формирования и развития права», в котором изложена его теория принципов в праве. Будучи типичным представителем психологической школы права, Гинс определял право как продукт социальной культуры, а принципы права - как «фиксацию устойчивых юридических положений, в которых максимально концентрированно выражены идеи права».[8, с.103]

Анализируя процесс формирования юридических принципов, Гинс наглядно показал, что он проходит медленно и незаметно, облекаясь в форму правовой концентрацией и интеграцией.

По мнению ученого, сначала в сознании индивида концентрируются ходовые изречения, поговорки и легко запоминаемые заповеди, в которых фиксируется определенная система житейской мудрости, оправданная долгим жизненным опытом, например, «око за око, зуб за зуб». Позднее, эти юридические положения принимают форму « философско-правовых учений, становясь в один ряд с принципами: «не убий», «не укради», «чти отца и матерь твою», и начинают казаться вечными истинами. [8, с.106].

По мнению Гинса, правовая концентрация дисциплинирует общество и придает поведению человека цель .

Одним из самых эффективных способов концентрации, по мнению Гинса, является: «удачная формулировка, опирающаяся на высокий авторитет ее автора».[8, с.107]. Это могут быть правовые позиции ученых, политиков и законодателей. Например, Сократ, своей жизнью навсегда запечатлел безоговорочную преданность началу законности, а римлянам осталось только применять это начало:

« dura lex, sed lex» (суров закон, но закон) [8, с.108] или три принципа Сун-Ян-Сена ставшие основой государственной программы правящей партии Китая (гоминдана) начиная с 1928 г. [8, с.108]

Правотворец, вслед за ученым и политиком вводит в законодательство различные декларативные положения, пояснительные преамбулы, включая в кодексы недостаточно определенные т. н. «королевские» параграфы, и, наконец, просто ссылается на «общие принципы права» «общественный порядок» - ordre public, добрые нравы и принципы добросовестности (gute Sitten, Treu und Glaube). [8, с.108]. Например, в Кодексе Наполеона (ст. 1133), содержалось положение о том, что признается недопустимою сделка, основание которой противоречит « добрым нравам» и «общественному порядку».

Все эти общие положения недостаточно определенны, но на практике оказываются «весьма полезными, давая судам твердую опору, при рассмотрении случаев, прямо не предусмотренных в законе». [8, с.112].

Вторая сторона процесса формирования принципов права у Г.К.Гинса связана с правовой интеграции, с помощью которой происходят все объединительные процессы, опосредуемые правом. Гинс пишет: «Общие принципы это идеи, возникающие в процессах концентрации и интеграции. Общие принципы права обобщают не одно только официально действующее право, поэтому они и становятся независимыми от положительного права. Поскольку достигнута высшая ступень обобщения, на которой общие принципы права сливаются с принципами морали и отражают общее мировоззрение (интеграция), они переживают века»[8, с.115].

Задача теории права в том, чтобы установить критерии, для оценочных суждений о праве, от которых человеческая мысль не может уйти: чем можно оправдать право вообще, т. е. обосновать обязательность его норм, особенно норм карательных? Почему норма, установленная каким-нибудь забытым законом, обладает обязательною силою для миллионов людей? Почему обычай, возникший в незапамятные времена, свято соблюдается и притом, «чем старее, тем святее»? Почему может быть воспринята совершенно чуждая система права (рецепция)?

По мнению профессора Гинса эта проблема может «быть выяснены только при помощи психологии и, главным образам, социальной психологии, объясняющей происхождение и знамение руководящих идей». [8, с.120]

Ставя вопрос о пределах действия принципов права, профессор Гинс приходит к выводу, что продолжительность жизни их «зависит, однако, не от степени соответствия массовым настроениям эпохи».[8 с.125], а от степени интегрированности в обществе правовых и нравственных стремлений индивидов.

Проводя классификацию принципов права, Г.К. Гинс использует такой критерий как «ранг».[8 с.125],выделяя низший и высокий ранги. Соответственно, к первому он относит такие общепризнанные положения, которые были сформулированы римскою юриспруденцией: - «никто не может передать другому больше прав, чем сам имеет; силе можно противодействовать силою, ограничительные нормы не подлежат распространительному толкованию; тот, кто участвует в расходах, имеет право на участие в доходах: никто не может без законного оснований обогащаться за чужой счет и мн. др.». Эти общие положения рассматриваются им как составная часть положительного права.[8 с.126]

К общим принципам высокого ранга, по его мнению, следует отнести те руководящие идеи, «которые выражают высокие этические идеалы, в равной степени, относящиеся к праву и нравственности.». [8 с.126] Вслед за своим учителем Л. Петражицким, Г. Гинс, выделяет «идеал любви, как основной принцип этики, как лучший критерий для оценки правовых систем и как руководящую идею политики права.)».[8 с.126].

Теория принципов в праве, созданная Г.К.Гинсом, лишь небольшая часть его правового наследия. Заслуженно писали в некрологе на смерть Георгия Константиновича Гинса: «Слава Богу, что он оставил такое богатое печатное изложение своих мыслей, которые будут живым источником для новых поколений ученых» [9, с.330]

В 1941 г. Г.К. Гинсу, в результате нажима японских властей, которые оккупировали в то время Маньчжурию, пришлось покинуть Харбин и уехать в США. Не найдя применения своей специальности в области теории и философии права, Гинс некоторое время редактировал эмигрантскую газету "Русская жизнь", читал лекции в Университете Калифорнии в Беркли и в Армейской школе иностранных языков в Монтерее. В США он опубликовал множество статей и две книги о положении в СССР: "Советское право и советское общество" (Гаага, 1954) и "Упадок коммунизма" (Нью-Йорк, 1956). Даже уйдя на пенсию, он продолжал читать лекции, публиковаться и работал консультантом для "Голоса Америки" до 1964 г. В сентябре 1971 г Георгий Константинович Гинс скончался и был похоронен в семейной могиле на историческом кладбище Sunset View в верхней части Fairmount Авеню в Эль-Серрито. [3,с.642]

The article is devoted to the legal views of representatives of the Harbin School of Law, whose scientific work is important for modern jurisprudence, but is still not popular. In particular, views on the theory of Professor G.K.Ginsa principles in law. The paper analyzes the book, created in exile in China and little known in Russia.
***The key words**: G.K.Guins, culture, law, principle of law, philosophy of law, law integration, Harbin Law School*

Список литературы

1.Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: Учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011/511 с.

2.Стародубцев Г.С. Международно - правовая наук российской эмиграции (1918-1939). М.,2000. 293 с

3. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918- 1920. Гинс ... Г49 / Г. К. Гинс.М.: Айрис-пресс, 2008.672 с

4.ColumbiaUniversity. Rare book library. Bakhmeteff Archives. M. Karpovich papers. Letter of M.Karpovich.19.06.1957

5.Публичное заседание Комитета по учреждению высшего учебного заведения и совета профессоров Юридического факультета в г.Харбине 25 января 1924 г. // Известия Юридического факультета. Т.1. Харбин,1925.

6. Хисамутдинов А. Париж и русская эмиграция на дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. - 2001. № 3.С. 132–136.

7. Гинс, Г.К. На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму / Г.К. Гинс. Харбин, 1930. - 210 с.

8. Гинс Г.К. Право и культура. Процессы формирования и развития права.Харбин,1938. 252 с.

9. Записки Русской Академической Группы в США. Т. VII. Нью-Йорк, 1972.

Об авторе

Пономарева В. П.- доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, pon-vera@yandex.ru

УДК -- 94(73)"1820/1850"

ЗАРОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ТРЕЗВОСТЬ В США И НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА «СУХОЙ ЗАКОН»

В.В. Прилуцкий

В статье рассмотрены зарождение движения за трезвость в США и начало борьбы за «сухой закон» во второй четверти XIX в. Борьба за запрет алкоголя, первоначально преследовавшая исключительно гуманистические ценности, ориентированная на благотворительность и нравственное возрождение человека, со временем политизировалась. Трезвенничество, пожалуй, являлось самым долгим по времени и одним из наиболее массовых реформаторских движений в истории США.
***Ключевые слова:** трезвенное движение в США, реформация трезвости, политическая борьба в США в 1820-1850-е гг., «сухой закон».*

В Соединенных Штатах движение протеста, направленного в сторону алкогольной продукции и ее распространителей, заявило о себе в конце XVIII – начале XIX вв. Но наибольший масштаб оно приобрело в тридцатилетний период перед Гражданской войной. Впоследствии идеи «сухого закона» и «реформации трезвости» подхватили Великобритания и Ирландия, где в XIX в. тоже сформировались мощные движения в его поддержку. В той или иной форме антиалкогольные кампании и запреты имели место затем в десятках стран мира.

Американское антиалкогольное движение остается малоизученной темой в отечественной историографии. В США же первые работы, посвященные истории трезвенничества, были написаны самими сторонниками «сухого закона» еще в XIX в. [1] В наши дни интерес к этой проблеме не ослабевает [2]. Консервативные исследователи, как правило, высоко оценивали трезвенничество, видя в нем попытку морального усовершенствования общества, реализации библейских принципов. Р. Хофстедтер и близкие к нему историки же склонны были видеть в борьбе за «сухой закон» и последующей его реализации проявления человеческой недальновидности, глупости и фанатизма. Это был «исторический тупик, досадная помеха на магистральном пути истории» [3]. Тем не менее, нельзя не признать, что трезвенничество борьба за «сухой закон», пожалуй, были самым долгим по времени и одним из наиболее массовых реформаторских движений в истории США [4]. В него были вовлечены широкие социальные слои, различные классовые, этнические, расовые, религиозные, возрастные

группы, а также женские организации.

При анализе движения за трезвость и здоровый образ жизни следует учитывать, что оно было многоплановым и разноуровневым. Оно включало несколько компонентов: религиозный, философский, пропагандистский, морально-этический, экономический, просветительский, воспитательный (работа с детьми), политический, законодательный, медицинский (помощь желающим избавиться зависимым от спиртного, формирование прототипа групп «анонимных алкоголиков»). Борцы с пьянством называли себя «истинными патриотами» и считали, что делают богоугодное дело. Первичные организации противников алкоголя вели огромную разъяснительную работу в обществе, создавали «вашингтонские дома трезвости», учреждали безалкогольные бакалейные лавки и таверны, открывали гостиницы, в которых не подавались спиртные напитки [5]. Наиболее важна все же политическая составляющая трезвенничества, сопровождавшаяся давлением на власть. Ей и уделим главное внимание.

Зачинателем борьбы за трезвый и здоровый образ жизнив США считается доктор из Филадельфии Бенджамин Раш (1745-1813). Это было реформаторское движение одной цели, подобное антимасонам, начинавшееся как социальное со значительной религиозной составляющей, и со временем приобретшее черты политического. После войны за независимость страна испытывала большие трудности. В некоторых местностях неким новым национальным обычаем, приобретавшим постепенно угрожающие масштабы, стало ежедневное принятие нескольких кружек виски. Делалось это в том числе и с целью подчеркивания независимости, самостоятельности и собственной идентичности в противовес традициям британцев и других европейцев, предпочитавшим чай, кофе и вино как менее крепкий спиртной напиток. При этом виски, изготовленный из кукурузы, пшеницы, ржи, а иногда даже из картофеля, рассматривался американцами как национальный напиток. Считается, что алкоголизация в США приобрела катастрофические масштабы и достигла пика в семидесятипятилетний период между 1750 г. и 1825 г.

В такой неблагоприятной ситуации началось создание первых антиалкогольных обществ и ассоциаций. Врач и известный общественный деятель (подписавший Декларацию независимости от имени Пенсильвании) Б. Раш в 1784 г. в газетной статье аргументировано доказывал, что употребление алкоголя приносит вред физическому и психическому здоровью. Двести фермеров Коннектикута образовали в 1789 г. первое общество трезвости, просуществовавшее до 1822 г. [6] В г. Нью-Хейвене антиалкогольное общество в 1811-1812 гг. непосредственно организовывал знаменитый пресвитерианский священник из Коннектикута Лайман Бичер (1775-1863) [7].

В течение десятилетия антиалкогольные организации, некоторые достаточно многочисленные, возникли в одиннадцати штатах. Поначалу эти объединения ставили перед собой сугубо филантропические задачи: «спасение душ», нравственное совершенствование человека, просвещение молодого поколения и т.п. Некоторые лидеры движения проповедовали абсолютное воздержание, полный отказ от спиртного, другие ратовали лишь за умеренное потребление. Успехом в их пропаганде пользовалась книга Раша «Исследование о воздействии крепких спиртных напитков на человеческое тело и разум», публиковавшаяся в 1785-1804 гг. [8] Работа велась среди старшего поколения, молодежи, в церковных приходах, в учебных заведениях (в школах и колледжах). В конечном итоге предполагалось искоренять не только пьянство, но и все моральные пороки общества.

Трезвенничество совпало с началом очередного религиозного возрождения (ривайвелизма) в Соединенных Штатах в 1820-е гг. «Трезвенники» включились в борьбу по моральным вопросам, требовали строгого соблюдения «священного дня отдохновения». Конец трудовой недели (воскресенье) в соответствии с духом истинного пуританизма надо было проводить не в пивной за кружкой виски, а в молитве и отдыхе в кругу семьи, а еще лучше – в церкви. Уже на ранних этапах руководители движения за трезвость предлагали ввести «сухой закон», оказались вовлечены в политическую борьбу, но преувеличили степень собственного влияния в стране. Они пытались опереться на Федералистскую партию, более консервативную в вопросах морали и религии, чем джефферсоновские республиканцы [9]. Неслучайно районом возникновения и основной базой трезвенничества являлись штаты Новой Англии, где длительное время господствовали федералисты. Л. Бичер например, считал себя «убежденным федералистом» и мечтал о тех временах, когда будут приняты «суровые законы за нарушение воскресного дня отдохновения, супружескую измену и пьянство» [10].

К началу 1820-х гг. раннее движение протеста пришло в некоторый упадок, но наиболее стойкие его участники продолжали действовать. Одним из них был уже упоминавшийся Бичер, обратившийся в 1825 г. к согражданам с проповедями о вреде употребления спиртных напитков. Он произнес свои знаменитые «шесть проповедей» против пьянства. Одним из его девизов был: «Мы не можем ждать; сейчас или никогда» [11]. Новое возрождение интереса к вопросам религии и морали привело к учреждению 13 февраля 1826 г. в Бостоне Американского общества трезвости (American

Temperance Society, ATS) [12]. Его основателями были Бичер и Джастин Эдвардс из Массачусетса. Исполнительный комитет организации регулярно публиковал ежегодные отчеты. Из-за связей с аболиционистским движением общество оказалось наиболее популярным в северных штатах. В отличие от предыдущего периода борьбы против алкоголя впервые была создана единая общенациональная организация. За три года ATS распространилось на большинство штатов. В 1829 г. существовало около тысячи первичных организаций (местных обществ), объединявших сто тысяч человек. В 1831 г. действовали уже 2 220 отделений и 170 000 активистов, давших зарок или обет воздерживаться от употребления горячительных напитков. В 1834 г. насчитывалось пять тысяч подразделений с миллионом последователей в 21 штате [13]. Американское общество трезвости выступило с рядом предложений: расширение прав женщин, отмена рабства, трезвый образ жизни и «улучшение общества».

Движение за введение сухого закона набирало силу. С ним начали сотрудничать многие профессиональные врачи. Одновременно ведущие протестантские церкви стали продвигать идею трезвости. Особенно отличились пиетисткие деноминации, пресвитериане, баптисты и методисты. Впоследствии к ним присоединились конгрегационалисты, квакеры, католики, мормоны, адвентисты седьмого дня и другие. В течение первых десяти лет существования ATS объединило уже более восьми тысяч локальных групп трезвости, насчитывавших полтора миллиона членов [14]. Произошло становление «трезвенной прессы». К 1839 г. в США издавались восемнадцать антиалкогольных журналов. Любопытно, что на первых этапах движения отсутствовала эффективная методика реабилитации зависимых от алкоголя. Главную задачу «трезвенники» видели в том, чтобы удержать непьющих от употребления спиртного. В отношении злоупотребляющих просматривались пессимизм и безразличие к их судьбе, резюмированные Дж. Эдвардсом в 1822 г.: «Удержите трезвых людей в трезвости, а пьяницы в скором времени умрут и земля станет свободной» [15].

Трезвенники вопрошали: «Почему нельзя принять обязательства (по примеру революционных предков) в 1831 г. полностью отказаться от рома с той же решимостью, с какой прекратилось употребление чая в 1774 г.?» [16]. Трезвость дает надежду, избавляет от нищеты, бедности, преждевременной смерти.Трезвенники обращались к каждойамериканской семье, приглашали к сотрудничеству все политические силы, партии, группировки, южан и северян, надеясь, что «полный отказ от спиртного будет возможен уже при жизни нынешнего поколения».Они заявляли не только о своей надпартийности, но и представляли себя в качестве части мирового движения. Копии докладов рассылались во многие государства мира (в том числе и в Россию), в колонии и зависимые территории [17].

В 1833-1836 гг. ATS вошло в новое, более радикальное объединение – Американский союз трезвости (American Temperance Union, ATU), требовавший полного воздержания от «опьяняющих напитков». Многие члены ATS оказались к этому не готовы, а некоторые (умеренно пьющие вино) даже стали выходить из союза, часть лидеров также прекратила активность. Численный рост отказавшихся от употребления алкоголя в стране, тем не менее, продолжился, но точные данные отсутствуют. Приходится опираться на подсчеты самих борцов за сухой закон.

Многие политики (особенно национальные республиканцы, антимасоны, аболиционисты, виги) относились сочувственно и с пониманием к идее трезвости. Так, атторней-генерал Уильям Вирт заявил на заседании общества трезвости Балтимора в 1832 г. что алкоголизм является главным источником «всех пороков, преступности, бедности и нравственного распада как отдельного человека, так и общества в целом». «Прогресс трезвенных обществ, достижение ими золотого века должны доказать их происхождение свыше» [18]. Действовали общества трезвости законодательных собраний штатов и Общество трезвости Конгресса [19].

Сначала требования «трезвенников» ограничивались сокращением числа питейных заведений в стране. Затем постепенно протест приобретал все более целенаправленный и бескомпромиссный характер. С каждым годом все громче звучал голос радикалов с призывом закрыть вообще все таверны. Лозунги нашли отражение в издававшихся в то время книгах, брошюрах, листовках и напечатанных на отдельных листах карикатурах. В отдельных штатах Севера и Юга начали регулярно проводиться трезвенные конвенты, имевшие региональный характер. Первый же национальный конвент трезвости прошел в Филадельфии 24 мая 1833 г. Четыреста делегатов представляли 21 штат (из 24). С тех пор подобные общественные мероприятия стали постоянными и с перерывами проводились в течение всего XIX в. Трезвенные съезды все более политизировались и к концу столетия приобрели характер «конвентов сухого закона». Уже филадельфийский конвент 1833 г. морально осудил транспортировку спиртных напитков по территории страны. Трафик алкоголя оценивался как «безнравственный», «направленный против законов Бога», а значит и «политически неправильный, вредный». Конвент прямо обратился к законодателям с призывом и одновременно требованием полного запрета подобной практики [20]. Эту меру вскоре поддержали региональные съезды трезвенников [21].

Местные отделения общества трезвости имели смешанное членство. В них входили: «никогда не употреблявшие алкоголь» (в основном дети, которые, например, в британских антиалкогольных организациях составляли более 50% численного состава), «умеренно пьющие», «тяжелые», «заядлые» пьяницы и «установленные алкоголики», вставшие на путь исправления, «нравственного улучшения». Последних насчитывалось от ста до шестисот тысяч человек. По приблизительным оценкам ATU количество непьющих к 1843 г. в десяти тысячах региональных обществ составило около пяти миллионов. Таково было число подписавших специальную бумагу, содержавшую обет трезвости. Это – четверть американского населения в возрасте от пятнадцати лет и старше. Современные ученые ставят под сомнение данную статистику, считая, что численность непьющих даже уменьшилась к 1848 г. до четырех миллионов человек, а это в масштабе страны было все же значительным показателем.

Успехи в противостоянии алкоголизации страны были видимыми. По подсчетам противников алкоголя в 1831 г. двенадцать миллионов жителей США потребили до семидесяти миллионов галлонов крепких спиртных напитков – в среднем по шесть галлонов на каждого человека, включая женщин и детей. Эта статистика не учитывала вино, пиво и сидр [22]. Благодаря усилиям борцов с алкоголем в 1840 г. семнадцать миллионов американцев выпили только сорок три миллиона галлонов виски. Таким образом, за десятилетие объем выпитого уменьшился более чем в два раза. Некоторые современные исследователи утверждают, что в действительности сокращение было не столь существенным – на 14-15%. В период с 1840 г. по 1850 г. потребление спиртных напитков на душу населения в год составило 4,9 галлонов (примерно 18,5 л.). Данный показатель весомо превышает годовую норму, установленную современным здравоохранением.

Основными районами трезвенничества были Новая Англия и центральный Нью-Йорк. Важнейшими городами, поддерживавшими движение, являлись: Балтимор, Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Питтсбург, Вашингтон, Цинциннати и Сент-Луис. О степени вовлеченности населения свидетельствует факт еженедельного проведения около пятидесяти собраний трезвости в Нью-Йорк-Сити, «вселявший большие надежды». Сотни делегатов - «миссионеров» отправлялись из Новой Англии и среднеатлантических штатов на Средний Запад и Юг. Они преодолевали тысячи миль, организовывали собрания, выступали с лекциями, взаимодействовали с властями, собирали подписи в пользу трезвости и ежегодно «обращали» десятки тысяч человек. Работа лекторов велась в Конгрессе и законодательных собраниях штатов. Подобно другим общественным движениям «трезвенники» регулярно проводили местные конвенты (как правило, в зданиях церквей), на которых заслушивались отчетные доклады локальных обществ, устраивали согласованные с властями шествия, процессии, демонстрации и митинги в поддержу трезвости. Эти акции сильно напоминали религиозные собрания евангелистов - «возрожденцев.

В рядах «трезвенников» долгое время шли споры. Одни, как уже было сказано ранее, поддерживали «контролируемое», «допустимое» потребление алкоголя, другие ратовали за полный отказ. Некоторые настаивали на прямом законодательном запрете производства, продажи и транспортировки спиртного.Но многие были сторонниками только морального осуждения, убеждения граждан и разъяснительной работы о вреде пьянства среди населения. Позиции радикальных «трезвенников», выступавших в пользу принятия решения о полном запрете алкоголя на территории США, усилились к 1840 г. Одна из ведущих группировок радикалов предпочитала именовать себя «Вашингтонским движением». Зародившись в Балтиморе в среде рабочего класса в 1840 г., «вашингтонские общества» распространились на другие крупные города и были активны до 1845 г. Интересно то, что данное течение отрицательно относилось к религиозной составляющей, декларируя сугубо светский характер деятельности. Не было даже традиционной для Америки молитвы перед открытием заседаний [23].

В США происходило также создание братств трезвости, копировавших элементы масонских ритуалов. Учредителями их часто становились бывшие «вашингтонцы». Образцом для подражания был британский «Независимый орден рехавитов», основанный в 1835 г. и действовавший в США с 1841 г. (назван по имени библейского трезвенника Рехава). «Орден сынов трезвости», возникший в Нью-Йорке в 1842 г., вскоре превратился в международную организацию, насчитывавшую до семисот тысяч членов. Детское подразделение получило название «Отряды надежды». Оно сотрудничало с аналогичной организацией «Армия холодной воды», созданной пресвитерианами. В 1845 г. как высшая степень ордена появился «Храм чести», объединивший тысячи «самых лучших и наиболее влиятельных граждан». Отделившись от ордена в 1846 г., «Храм» распространился также на соседнюю Канаду. Молодежная организация «Ордена сынов трезвости» также получила независимость под названием «Кадеты трезвости». Вспомогательную роль к основным организациям имели женские «Общества Марты Вашингтон», возникшие первоначально в 1841 г. в Нью-Йорк-Сити и распространившиеся вскоре по всей стране. Своими задачами они считали защиту семейных ценностей, сохра-

нение «счастья в семье», злейшим врагом которого является алкоголь, и борьбу с женским алкоголизмом. Самым многочисленным из всех американских братских обществ являлся «Независимый орден добрых храмовников»,основанный в 1852 г. [24].

Борцы за трезвость сотрудничали с антимасонами, вигами и нативистами. В довоенный период (до 1861 г.) борьба за трезвость достигла апогея на гребне нативистской волны в середине 1850-х гг. Агитация радикалов против употребления алкоголя стала приносить свои плоды. Впервые в Мэне в 1846 г. был принят «сухой закон», что спровоцировало обсуждение аналогичных мер в других регионах. Закон Мэна 1851 г. предусматривал полный запрет на производство и продажу спиртных напитков. В 1851-1855 гг. еще в двенадцати штатах в результате согласованных действий были приняты местные антиалкогольные законодательства [25].

Трезвенничество первой половины XIX в. было общественным движением, первоначально преследовавшим исключительно гуманистические ценности, ориентированным на благотворительность и нравственное возрождение человека, но со временем оно политизировалось. Борьба за запрет алкоголя, носившая социально-этический характер, постепенно превращалась в политическое движение. В рассматриваемый период трезвенники не создали политические партии, но сформировали группы лоббистов, которые стремились продвигать их законопроекты на региональном уровне. Но это весьма многочисленное движение отличалось внутренней рыхлостью, децентрализованностью и раздробленностью. Каждая группа предпочитала действовать самостоятельно, автономно, имея собственные программные установки, тактику и стратегию. Политическая партия «сухого закона» окончательно оформилась в США только к 1869 г.

The article deals with the emergence of temperance movement in the United States and start fighting for the Prohibition ("dry law") in second quarter of XIX century. The fight for a ban on alcohol, originally haunted extremely humanistic values, focused on philanthropy and moral rebirth of man, eventually politicized. Temperance, perhaps, was the longest timeand one of the most popular reform movements in U.S. history.
The key words:*temperance movement in the United States, temperance reformation, political struggle in the USA in 1820-1850s, prohibition of alcohol.*

Список литературы

1. Winskill P.T., Lees F.R. The temperance movement and its workers: A record of social, moral, religious, and political progress.- L., 1893 (Reprint 2010).
2. Blue A.D. The Complete Book of Spirits: A Guide to Their History, Production, and Enjoyment.- N.Y., 2004.
3. Hofstadter R. The Age of Reform. From Bryan to F.D.R.- N.Y., 1955. P. 287.
4. Merrill J.L. The Bible and the American Temperance Movement: Text, Context, and Pretext // The Harvard Theological Review. Vol. 81. №. 2. April 1988. P. 145.
5. Permanent temperance documents of the American Temperance Society.- Boston, 1835. Vol. 1. P. 344.
6. Early History of the Movement in America and in Great Britain: 1804 to 1832 // Couling S. History of the temperance movement in Great Britain and Ireland; from the earliest date to the present time.- L., 1862.- P. 25-26.
7. Autobiography, correspondence, etc., of Lyman Beecher, D.D. In 2 vols. / Ed. by C. Beecher.- N.Y., 1865. Vol. I. P. 244-264, 392-406.
8. Ibid. P. 252.
9. Autobiography, correspondence of Lyman Beecher... P. 259-260.
10. Ibid. P. 394, 398.
11. Ibid.P. 404.
12. Permanent temperance documents... P. 11-14.
13. Seventh Report of the American Temperance Society // Ibid. P. 342.
14. Permanent temperance documents... P. 352, 474.
15. Maxwell M.A. The Washingtonian movement // Quarterly Journal of Studies on Alcohol. 1950. Vol. 11. P. 410- 411.
16. Permanent temperance documents… P. 104.
17. Fifth Report of the ATS // Ibid. P. 111-114.
18. Ibid. P. 123-124.
19. Permanent temperance documents... P. 346-347.
20. Ibid. P. 452.

21. Ibid. P. 346.
22. Permanent temperance documents... P. 458.
23. Blumberg L.U. The Institutional Phase of the Washingtonian Total Abstinence Movement. A Research Note // Quarterly Journal of Studies on Alcohol. 1978. Vol. 39. P. 1591-1606.
24. Maxwell M.A. Op. cit. P. 410-452.
25.Kobler J. Ardent Spirits. The Rise and Fall of Prohibition.- N.Y., 1973. P. 88-90.

Об авторе

Прилуцкий В. В. – кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 939.4

РЕФОРМА ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОДМАНДАТНОЙ СИРИИ

В.П. Ранчинский

В статье предлагается анализ поземельных отношений, сложившихся в арабских провинциях Османской империи, вошедших в XX веке в государство Сирия, оказавшееся в 1920 – 1946 годах под французским мандатом. Автор рассматривает также изменение этих отношений, произошедших в ходе аграрной реформы, проведенной мандатными властями.
Ключевые слова: *«мульк», «мири», «вакф», земельное право, земельный кодекс, феллах, лендлорд.*

После развала Османской империи в 1918 г. её арабские провинции оказались поделёнными между Англией и Францией, которые ещё в годы I мировой войны, в 1916 г. подписали соглашение Сайкса-Пико[1] о разделе этих земель между собой. Не дожидаясь решения Мандатной комиссии Лиги Наций 25 июля 1920 г. Франция ввела свои войска в Восточную Сирию и оккупировала её, изгнав с поста генерал-губернатора ставленника Англии, сына шерифа Мекки Хусейна аль-Хашими, эмира Фейсала. После ряда территориальных комбинаций, Франция разделила Сирию по конфессиональному признаку на три протектората – «государство Сирия», «государство Джабель-друз» (страна друзов), «государство аллавитов» (регион расселения алавитов) и две области – Александреттский санджак и Джазира с прямым управлением верховного комиссара. Наряду с административно-территориальными комбинациями, мандатные власти приступили к аграрным преобразованиям, главным содержанием которых стали составление кадастра земель и реформа поземельных отношений. Объектом исследования данной статьи является анализ поземельных отношений, существовавших в Сирии до реформы и их трансформация в результате реформы.

Ко времени развала Османской империи на территории земель, вошедших позже в состав подмандатной Сирии проживало 2,6 – 2,7 млн. человек [1, с.9]. Следует подчеркнуть, что подсчёты населения Сирии чрезвычайно затруднены, потому что османские переписи учитывали только податную мужскую часть населения. Переписи мандатных властей 1921-1922 и 1932 гг. также крайне не точны ввиду несовершенства методик подсчёта, малочисленности сотрудников созданного Статистического бюро, ряда других факторов. Так, например, немусульман, как правило, пересчитывали по епархиальным спискам. Во времена османские епархии уменьшали численность паствы, дабы уменьшить налоговое бремя, а после прихода французов и введения в действие закона о куриальном представительстве в органах власти, завышали численность паствы, дабы получить больше мест в органах власти. Сами мандатные власти не были заинтересованы в публикации точных данных о численности населения Сирии, они подавали в Мандатную комиссию Лиги Наций заведомо заниженные данные, чтобы снизить сумму оттоманского долга, который после развала Османской империи распределялся между соответственно Турцией и отпавшими от неё бывшими арабскими провинциями. Кроме того, в начале XX в. имели место массовые миграции армян и ассирийцев Османской империи на территорию Сирии, перемещения бедуинов, эмиграция христиан за её пределы. Поэтому приводимые в работе данные носят примерную точность.

Несмотря на то, что к началу XX в. Сирия являлась самой урбанизированной страной Ближнего Востока, большинство её населения проживало в сельской местности и относилось к осёдлым земледельцам, феллахам-крестьянам и бедуинам-кочевникам. Примерная численность городского населения составляла около 800 тыс. человек или около 30% населения страны [4, p. 7-9]. Уникаль-

[1] Имена консулов, подписавших от имени своих правительств соглашение.

ность сирийских городов заключалась в том, что значительная часть горожан получала средства существования от земли, а не от производства или торговли.

По первой переписи, проведённой мандатными властями в 1921-1922 гг., в Сирии возделывалось 28 % земли [8, p. 599]. Наиболее крупные пашенные массивы находились в окрестностях Дамаска (Гута, провинция Хауран), Хамы и Хомса, в провинции Халеб, в прибрежной зоне вокруг г. Латакия.

Ко времени перехода Сирии под французский мандат формы земельной собственности в Сирии определялись Мусульманским земельным правом и Оттоманским земельным кодексом, называемым в народе «Маджалла» (кодекс – В.Р.). Оба документа к тому времени уже безнадёжно устарели и по многим статьям противоречили друг другу. Мусульманское земельное право никогда не кодифицировалось, что давало судьям возможность одни и те же ситуации, иски и споры разрешать по их личному усмотрению. Поэтому в разных регионах Сирии сформировались отличные друг от друга практики разрешения однотипных судебных тяжб. На принятие судебного решения, помимо всего прочего, влияло так же то, к какому правовому мазхабу (направлению – В.Р.) принадлежали судьи, рассматривавшие тяжбы. Такая чехарда побудила французские мандатные власти приступить к разработке нового земельного кодекса. В 1929 г. решением верховного комиссара из числа юристов была учреждена комиссия, которая к концу 1930 г. предложила верховному комиссару на утверждение проект нового Земельного кодекса. Он был утверждён 12 ноября 1930 г. указом верховного комиссара под номером 3339 [4, p.51]. Кодекс стал юридическим инструментом регистрации прав земельной собственности, регулирования всех форм поземельных отношений, базой для создания новой системы кредитных отношений в аграрном секторе экономики Сирии, в её банковской сфере.

При создании Земельного кодекса за основу был взят Оттоманский земельный кодекс, в который были добавлены правовые нормы, апробированные Францией в её северо-африканских колониях - Алжире, Тунисе и Марокко.

В Оттоманском земельном кодексе было закреплено семь категорий земельной собственности, известных под арабскими названиями как «мульк» (полная собственность – В.Р.), «мири» (постоянное держание – В.Р.), «матрукаг-махмияг» (охранные земли – В.Р.), «мураффакаг» (сервитутные земли – В.Р.), «мауват» (невозделываемые земли – В.Р.), «мубахаг» (общинная земля – В.Р.), «вакф» - вакуфная. Законы, применяемые к этим категориям земель, регулировали реализацию персональных и профессиональных прав собственности на землю. Законодательные нормы могли дополняться нормами обычного и прецедентного права. В полной мере они относились только к той категории земли, которая подпадала под определение «мири».

Сложившиеся формы собственности на землю несли в себе печать военно-ленной системы, применяемой турками после завоевания арабского халифата Фатимидов в 1617 г. К концу XIX в. военно-ленная система отмерла, но в сфере поземельных отношений её рудименты ещё сохранялись и в начале XX в.

По новому Земельному кодексу оставалось пять категорий земель, в том числе «мульк», «мири», «матрукаг-мураффакаг», «матрукаг-махмияг», «халияг-мубахаг» [4, p.52].

Владелец «мулька» обладал полным перечнем прав собственника. Никто не имел права воспрепятствовать их реализации. Его право собственности на «мульк» ограничивалось лишь в том случае, если его реализация наносила вред или ущерб другому собственнику, другими словами говоря, правам собственности другой стороны [4, p.52]. Вместе с тем верховным собственником земли, как и по Оттоманскому земельному кодексу, оставалось государство. Оно вступало в права собственника «мулька» в том случае, если он не использовался и переходил в категорию «заброшенных земель». Старый кодекс относил к этой категории те «мульки», которые не обрабатывались в течение трёх лет или же перешедшие к наследникам неустановленной по суду степени родства. Бывший собственник или его наследник могли вернуть себе этот надел земли, если уплачивали государству упущенную прибыль [5, p.4]. Новый кодекс по сути сохранял эту норму. Изъятый у прежнего собственника «мульк» переходил в категорию «мульк-махлуль» (надел разрешённый к продаже-покупке – В.Р.) и выставлялся на продажу. За прежним собственником сохранялось преимущество его приобретения в случае выполнения вышеперечисленных условий.

К началу реформы все «мульки» Османской Сирии делились на четыре группы. К первой относились наделы без поселений. Они составляли большинство частных земельных владений лендлордов Сирии.

Во вторую группу входили земли, выделенные в своё время из султанского домена (из земель Короны, Суверена) или переведённые из категории «мири» в категорию «мульк» решением султана. Эта группа «мульков» формировалась в периоды, когда государство остро нуждалось в деньгах. Владелец надела категории «мири» мог внести в казну необходимую сумму и обрести документ на право собственности. Право собственности на земли, перешедшие в «мульки» из султанского домена или категории «мири» подтверждалось ферманом султана и регистрировалось в надзорном органе – Ве-

домстве по регистрации земель («Таба» в просторечии – В.Р.).

Далее шли «мульки» группы «ишриях» (отруба – В.Р.). Эта группа частнособственнических земель сформировалась ещё в XVI в., после завоевания Сирии турками. По ходу завоевания часть земель была изъята у местного христианского населения и передана в собственность мусульман при условии, что с этих земель будет вносится церковный налог – десятина (ашара) [4, p.52-53].

Наконец, особняком стояли частнособственнические земли немусульман, основная масса которых находилась в Ливане. «Мульки» немусульман возникли ещё при арабах, завоевавших Левант в VII в. Завоеватели сохранили за немусульманами часть земель, обложив их поземельным налогом – хараджем, который был сохранён турками после перехода Леванта под их власть.

Форма собственности на «мульк» была сохранена французскими властями потому, что она являлась наиболее подходящей для такой небольшой страны как Сирия. С одной стороны, она позволяла владельцу «мулька» извлекать максимальную пользу, даже если он не вёл собственной запашки, а сдавал землю в аренду. С другой стороны, государство легко контролировало поземельные отношения и могло проводить эффективную фискальную политику. Мандатным властям перерегистрация «мулька» дала в руки мощный рычаг воздействия на их владельцев, так как далеко не всегда права их собственности на «мульки» обосновано подтверждались. В зависимости от политической ситуации власти могли признать эти права обоснованными, а могли и отказать в их признании. Всё зависело от степени лояльности землевладельца к власти, других конъюнктурных обстоятельств.

Иной была форма собственности категории земель «мири», при которой государство сохраняло за собой право собственника на этот надел земли, но передавало права владения и распоряжения частным лицам, вносившим десятину дохода в казну [4, p.53]. Такого рода земельные держания изначально были феодальными имениями, которыми государство одаривало тех или иных подданных за заслуги перед ним или же с целью заручиться поддержкой влиятельных местных вождей. С течением времени они раздробились на мелкие держания, которые были проданы либо переданы их потомкам.

Права владельца «мири» были ограничены государством в лице ведомства «Таба». Передача надела «мири» во владение и распоряжение другому лицу строго контролировались надзорным органом и в документе о сделке оговаривались все обязательства нового владельца перед государством. Новый владелец «мири», вступивший в права распоряжения, вносил в казну ведомства «Таба» плату за оформление сделки (десятину) и как приемник принимал на себя обязательства по уплате налога с этой земли. Как и «мульки», земли категории «мири» должны были возделываться и приносить прибыль казне. Если они не возделывались в течение пяти лет, то владелец утрачивал на них права и они возвращались в казну. Бывший владелец «мири» мог возвратить себе это надел, если он вносил в казну утраченную за пять лет прибыль (бадаль аль-мисл – эквивалент – В.Р.). В таком случае за ним сохранялось право преимущества. Таким же преимущественным правом обладали его наследники. Однако в таком случае необходимо было по суду доказать своё право наследования, что при многожёнстве сделать было не так просто. При отсутствии претендентов со стороны бывшего владельца и его наследников, ведомство «Таба» выставляло земли на торги и право владения ими получал тот, кто выигрывал торги [4, p.54].

В соответствии с Оттоманским земельным кодексом земли «мири» по сути могли быть только пашенными, которые должны были засеваться сельхозкультурами. Владелец «мири» не имел права менять предназначение этих земель, засаживать их, например, виноградной лозой, иными деревьями, или застраивать их. За этим тщательно следило ведомство «Таба». Французский земельный кодекс устранял эти запреты. Теперь владелец «мири» мог свободно менять предназначение этих земель, не спрашивая на то согласия органов власти. Таким образом, в результате реформы категория земель «мири» фактически переводилась в категорию «мульков». Земли «мири» могли быть переведены в казённые лишь в случае обнаружения на них полезных ископаемых.

В Сирии абсолютное большинство земель категории «мири» находилось во владении помещиков-абсентистов, не имевших своей запашки. Они проживали в городах и в лучшем случае имели на своих землях усадьбы-имения, в которые они приезжали на отдых либо во время сбора арендной платы. Они сдавали эти земли мелким и средним собственникам-феллахам на правах издольной ренты.

Французский земельный кодекс объединил в одну категорию «матрукаг-мураффакаг» - возделываемые земли общин с землями общего пользования. К землям общего пользования относились выгоны для скота, лесные массивы и заросли кустарников, места, отведённые для торгов, ярмарок*, праздничных мероприятий, а так же пограничные земли, если селения находились рядом друг с другом [3, p.70]. Как возделываемыми, так и землями общего пользования, население пользовалось из поколения в поколение и перевод их в другие категории не допускался во избежание конфликтов.

* Места проведения постоянных ярмарок чаще всего являлись вакуфной собственностью.

Возделываемые земли общин периодически перераспределялись.

Неизменной была оставлена категория земель «матрукаг - махмияг». По сути это были государственные охранные земли, резервируемые властью исходя из общих интересов. В этот фонд входили все земли, по которым пролегали значимые дороги, побережья рек и озёр, обеспечивающие свободный доступ к водным источникам всех жителей, территории кладбищ, святых мест и пути сообщения к ним [3, p.70]. Перевод земель этого фонда в другие категории запрещался законом.

Наконец, закон определял общинную землю категории «мубахаг» как «халияг» - разрешённую к переводу в любую другую категорию. В фонд «мубахаг» входили земли, не имеющие зарегистрированного ведомством «Таба» владельца-собственника ни из числа частных лиц, ни деревень, ни городов. К таким землям принадлежали заболоченные и солончаковые низменности, зоны распространения малярийного комара, каменистые плато и тому подобные [4, p.55].

Французский земельный кодекс менее всего затронул вакуфные земли, в силу специфичности института вакуфной собственности, присущей только исламскому миру, опасения мандатных властей вызвать активное недовольство исламского духовенства, авторитетных семейных кланов, каждый из которых, как европейца деньги в банках, держали часть земель в семейных вакфах.

Вакуфная собственность Османской империи детально исследована в работе П.В.Шлыкова [2], поэтому мы остановимся лишь на тех преобразованиях вакфов, которые были предприняты мандатными властями в рамках реформы.

Вакфами в исламском мире является неотчуждаемая собственность, переданная в общее пользование религиозным, благотворительным, иным учреждениям, частным лицам или семьям с правом доверительного собственника [6, p.210]. С правовой точки зрения бывший собственник вакуфного имущества, в том числе и земли, по собственной воле бессрочно приостанавливал своё право собственности на это имущество в интересах уммы – общины мусульман и передавал доходы или часть доходов от этого имущества в её распоряжение [7, p.59]. На практике вакфы различаются целями, ради которых земля, иное имущество, передаётся в общее пользование. Иногда в договоре передачи (дарения) абсолютно точно указывается религиозный или благотворительный фонд, учреждение, которые будут получать и расходовать прибыль и определяется мечеть, церковь, школа, приют, любой другой объект, на содержание которого будут расходоваться средства*. Такой вид вакфа назывался «вакф хейри» (вакф благотворительный – В.Р.).

Другим видом вакфа являлось имущество, в том числе земля, которое по договору дарителя (вакифа) используется фондом или наследниками имущества вакифа, переданного в вакуфную собственность в строго оговорённых им рамках (от сих до сих). Такие вакфы назывались «вакф дхури» (вакф сберегаемый – В.Р.). Такого рода вакфы не меняли своего статуса пока не прерывалась линия наследования. Лишь в том случае, если по суду нельзя было установить наследника вакифа, вакуфные учреждения обретали право изменить его статус.

Третьим видом вакфа была комбинация двух первых, когда доход от вакфа делили между благотворительными учреждениями – организациями и вакифом – его наследниками [4, p.55]. В официальных документах он назывался «вакф - муштарак» (вакф объединённый – В.Р.)*.

По законам Османской империи в вакуфную собственность могли быть переданы земли двух категорий – «мульки» и «мири». Для передачи «мульков» в вакуфную собственность никаких законодательных ограничений не существовало, достаточно было частного решения собственника земли. Совершенно другой была ситуация с землями «мири»: пользователь и распорядитель этих земель мог перевести из в категорию вакуфных земель только с разрешения государства – ведомства «Таба», выдававшего соответствующий документ, согласно которому земли «мири» выводились с этой категории и превращались в вакфы, но при этом они продолжали оставаться государственными и назывались «мири - тахсисат» (земли фонда особого назначения – В.Р.). Государство продолжало взимать с этих земель налог – десятину, который направлялся на финансирование социально значимых проектов, обозначенных либо фетвой султана, либо решением правительства [3, p.65].

Хотя Французский земельный кодекс снял ряд ограничений в отношении категории земель «мири», перевод их в категорию вакуфной собственности был ещё более усложнён, в силу отношения к этому институту исламского общества мандатных властей. Кодекс разрешал органам, в ведении которых находились вакуфные земли, выставлять их на продажу.

На вакуфные земли правовые нормы Земельного кодекса Османской империи не распространя-

---

* Номенклатура бенефициаров и распределителей прибыли на практике могла быть самой разнообразной, от школ и больниц до инфраструктурных объектов и кошек, на содержание которых выделялись средства.

* В упомянутой выше работе Шлыкова П.В. на стр. 35-36 даны турецкие названия перечисленных видов вакфов.

лись, они подпадали под юрисдикцию шариата и норм Турецкого гражданского права [6, p.210]. В рамках законодательства Османской империи все вопросы управления вакуфной собственностью находились в ведении Министерства по делам вакфов, юрисдикция которого на сирийские земли была утрачена сразу после освобождения Сирии от турецких войск. В период управления Сирией эмиром Фейсалом с октября 1918 г. по июль 1920 г., в составе его администрации было создано ведомство, управлявшее вакуфной собственностью, являвшееся фактически преемником имперского Министерства. С приходом в Сирию французов «правительство» эмира Фейсала было распущено, а все дела вакфов были переданы в созданный при верховном комиссаре Верховный исламский комитет [4, p.55]. Соответственно комитет создал свои отделения-филиалы во всех административных единицах Леванта.

Вакуфная собственность христианских и иудейских общин Сирии была выведена из юрисдикции комитета и передана в управление аппарата их духовных пастырей, в который Верховный исламский комитет делегировал в качестве наблюдателей специальных чиновников.

Вакуфная собственность общин религиозных маргиналов – алавитов и друзов Сирии и Ливана, на правах доверительной собственности управлялась кади – судьями этих конфессий [4, p.56].

Французские мандатные власти, имевшие негативный опыт реформирования вакуфной собственности, приобретённый ими в Алжире, Тунисе и Марокко, не решились на существенное изменение правового статуса вакфов и системы их управления на местном уровне, хотя и понимали, что вакуфная собственность на землю тормозила экономическое развитие Сирии. Её правовой статус был столь запутанным, что тот, кто приобретал вакуфные земли, выставленные на продажу, рисковал обрести сложные проблемы, так как приобретённая земельная собственность подлежала регистрации в созданном французами вместо «Таба» Земельном департаменте, точнее в его столбцовой книге, в которую заносились документы, подтверждающие права собственности.

Благотворительные и религиозные вакфы управлялись сложной иерархической структурой, сложившейся во времена османские и не позволявшей проконтролировать поступление и расходование получаемой прибыли. В ряде случаев она попросту разворовывалась. Попытка французских властей установить надзор за получением и расходованием средств встретила бешеное сопротивление со стороны этой управленческой структуры и французы сочли за меньшее зло оставить всё как есть.

В случае с семейными вакфами часто возникали другие столь же сложные проблемы. В ряде случаев между бенефициариями, претендовавшими на получение части прибыли от вакуфной собственности, завязывались сложные судебные тяжбы, тянувшиеся годами.

Анализ поземельных отношений в Сирии был бы не полным без характеристики арендных отношений. Большинство возделываемых земель Сирии принадлежало помещикам – абсентистам, не ведшим собственной запашки, а сдававших землю в аренду феллахам. Система аренды земли, существовавшая в Сирии в начале XX в. сложилась ещё в средние века. Как правило, она носила срочный характер, поэтому в народе такого рода земли называли «матайяр» (временные, непостоянные – В.Р.). Сроки аренды устанавливал землевладелец по своему усмотрению. В начале XX в. в большинстве случаев рента ещё взималась натурой, никогда твёрдо не фиксировалась. Как правило, после уборки урожая землевладелец забирал себе долю урожая, которая составляла от одной пятой до половины собранной продукции [4, p.59]. Разумеется, имели место и иные условия аренды, сложившиеся на основе обычаев отдельных народов, конфессий (например, друзов, езидов и алавитов), местностей и плодородия земли.

Существовавшая система аренды являлась универсальной, поскольку учитывала местные экономические, климатические, этноконфессиональные и социальные условия. Она обеспечивала максимально возможную прибыль землевладельцу, которая на хороших землях достигала до 400 % её стоимости [8, p.601]. С другой стороны, она давала средства к существованию малоземельным феллахам. Вместе с тем в начале XX в. она также продуцировала ряд пороков. Высокая земельная рента побуждала землевладельцев вкладывать свободные капиталы не в промышленное производство, а в землю, с владением которой связывалось благосостояние человека. Скупка земель и спекуляции с земельными участками, распродажа «мульков», приносящих низкую, с точки зрения землевладельцев ренту, в начале XX в. приобрели массовый характер. Лендлорды Сирии, имевшие земельную собственность в Палестине в 10-е – 30-е гг. с выгодой для себя продавали земли Еврейскому национальному фонду. Обе стороны при этом скрывали от властей подлинные масштабы сделок. Об этом свидетельствует обсуждение этого вопроса в Мандатной комиссии Лиги Наций 16 июня 1931 г. Официальный представитель Англии в комиссии Ван Рис (VanRees) обратил внимание членов комиссии на то, что, по сведениям Еврейского национального фонда в 1930 г. им было приобретено 16 500 дунамов земли, в то время как на странице 47 доклада комиссии значится цифра 24 516 дунамов [5, p.47]. На странице 114 доклада указывается, что 90% приобретённых фондом земель куплено у крупных землевладельцев и лишь 10 % было приобретено у мелких [5, p.114]. Распродажа земель сужала

арендный земельный фонд, что позволяло землевладельцам создавать конкурсную обстановку и сохранять высокую арендную плату.

В силу временного характера аренды ни землевладелец, ни арендатор не занимались улучшением плодородия арендуемых земель. У арендатора также отсутствовала мотивация бороться за более высокие урожаи, так как урожайность выше средней требовала больших трудозатрат, а производителю всё равно оставалось не более половины урожая.

На рубеже XIX – XX вв. в аграрный сектор Сирии стал проникать денежный кредит. Однако в большинстве случаев кредиторами феллахов выступали не банки, а представители всё того же семейного клана землевладельца, у которого феллахи арендовали земли. Итогом такого кредита стал рост задолженности феллахов перед землевладельцами – кредиторами, превращение кредитуемых в безвозвратных должников, оказавшихся в положении крепостных [4, p.59].

По статьям Оттоманского земельного кодекса землевладелец, сдававший землю в аренду, обязан был оформлять с арендатором договор аренды, в котором указывались размеры арендной платы. Договоры регистрировались в ведомстве «Таба» и с заявленной прибыли, получаемой в виде арендной платы, землевладелец платил налог государству. Однако в сложившейся практике имели место существенные отклонения от закона. Во-первых, договоры аренды оформлялись далеко не всегда. Землевладельцы предпочитали платить поземельный налог и уклонялись от уплаты налога с прибыли. Во-вторых, в том случае, если договор аренды заключался, в нём указывались не реальные размеры арендной платы, по соглашению сторон она занижалась против той, которую арендатор должен был платить землевладельцу. Тем самым, землевладелец недоплачивал государству налоги с прибыли.

Пороки, которые несли в себе сложившиеся поземельные отношения и в том числе система «матайяр» и необходимость их реформирования в полной мере осознавалась французскими мандатными властями [3, p.242-243]. Однако их единовременное обрушение грозило социальным взрывом и коллапсом аграрного сектора Сирии. Поэтому их реформирование осуществлялось поэтапно. Власти начали реформу с общинных возделываемых земель, которые в мае 1926 г. решением верховного комиссара № 275,44 передавались за выкуп в полную собственность общинников. В результате 1 700 000 гектаров обрабатываемых земель обрели новых хозяев [4, p.60]. Стоимость земли определялась гласно, на обоснованных критериях, а выкупные платежи вносились её новоиспечёнными владельцами равными долями в течение 15 лет. Тем самым значительная часть земель категории «матрукаг - мураффакаг» была переведена в категорию «мульков», что привело к увеличению слоя мелких и средних земельных собственников.

Заключение.

Доставшиеся Сирии в наследство от османской эпохи поземельные отношения являлись тормозом развития не только её сельского хозяйства, но экономики в целом, так как консервировали все пороки феодального способа производства и отношений между субъектами экономической действительности. Они позволяли сирийским лендлордам-абсентистам, духовенству, управлявшему земельными вакфами, держать в повиновении крестьянскую массу сельской периферии, составлявшую большинство населения страны. К началу XX в. эти отношения оказались безнадёжно запутанными с точки зрения прав собственности на землю, поэтому любая попытка ввести их в правовое поле должна быть оценена положительно. Они уже не продуцировали коллективизма сельской общины: он подрывался проникавшими в сельскохозяйственное производство товарно-денежными отношениями, в то же время они не позволяли свободно развиваться индивидуализму как непременному условию развития товарного хозяйства. Сохранявшаяся в рамках этих отношений парцеллизация земли и её периодическое перераспределение исключали заботу крестьянина о плодородии земли, использование механизмов, в принципе не допускали развития банковского сельского кредита, поскольку исключали кредитно-залоговые отношения. Тем более, эти отношения в принципе были невозможны в части вакуфных земель.

Доставшиеся в наследство поземельные отношения являлись тормозом развития не только аграрного сектора. В сирийских городах сложился значительный слой населения, жившего на доходы от земельной ренты, от семейных вакфов. Это была инертная по отношению к промышленному производству, торговле, другим сферам производственной жизни города масса иждивенцев, этаких рантье Арабского Востока.

Аграрные преобразования Франции затронули интересы почти всех слоёв населения Сирии. Они потребовали ломки сложившихся при османах системы производственных и социальных отношений абсолютного большинства населения страны, как латифундистов, так и беднейших крестьян, часть которых, в частности в Джабель-друзе и Джазире, в горных районах, населённых алавитами, оказалась столь же не готовой к земельной реформе, как и крупные землевладельцы. Реформа стала одной из причин восстания друзов в 1925 – 1927 гг. Франции пришлось преодолевать сопротивление исламского

духовенства, она столкнулась с огромными трудностями в деле организации аграрного кредита. В силу этого некоторые отечественные и зарубежные исследователи истории Сирии периода французского мандата склонны утверждать, что аграрная реформа потерпела неудачу, так как Франции так и не удалось создать слоя мелких земельных собственников в Сирии [8, p.603]. На наш взгляд, такой вывод является чрезмерно категоричным. Реформа действительно не привела к радикальным переменам. Но в ходе её в Сирии впервые появился кадастр земель, вплоть до каждой деревни, значительно расширились возможности купли-продажи земли, увеличился слой мелких земельных собственников, расширились правовые возможности сельского кредита. Наконец, был введён в действие Земельный кодекс, который поставил поземельные отношения в понятные рамки закона.

The article analyzes land relationships existing in Arab provinces of the Osman empire that joined the state of Syria in XX century which in its turn was unoler the French mandate in 1920 – 1946. The author considers changing these relationships that took place in the course of the agricultural reform held by the mandate authorities.
The key words: *"mulk", "miri", "vakph", land law, land code, fellaheen, landlord.*

Список литературы

1. Ранчинский В.П. Сирия в начале XX века: этно-конфессиональные общины и проблема национального единства. Брянск: издательство БГУ, 2004. 204 с.
2. Шлыков П.В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М.: Издательский дом Мардшани, 2011. 560 с.
3. Chaoui, Jaseph. Le Regime Foucier en Syria. Paris, Imprimerie d'editions Pauk Rouband, 1928. 268 p.
4. Economic organization of Syria. Edited by Said B. Himden, B.C., M.A. Printed at the American Press. Beirut, 1936. 445 p.
5. League of Nations. Permanent Mandates Commission. Minutes of the Twentienth session. Held of Geneva from June 9th to June 24th, 1931, including the report of the Commission to the Conncil. http: //unispal.un.org/UNISPAL. NSF/0/6BB46BF1877EEB1405256616005E1FF2
6. Luke, Harry Charles, and Keith-Roach, Edward. The Hundbook of Palestine. L., Macmillan and Co., 1930. 301 p.
7. Peter R. Wakf in Classical Islamic Low//Encyclopedia of Islam. 2en edition. Vol. 11. L., Leiden, 1960 – 2005. p.59-64/
8. Stephen H. Roberts. The History of French Colonid Policy 1870 – 1925. Frank Cass Co. Ltd., 1963. 620 p.

Об авторе

Ранчинский В.П.– кандидат исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, v.ranchinsky@yandex.ru

УДК 94(73)

У ИСТОКОВ ДИПЛОМАТИИ США: МИССИЯ ДЖЕЙМСА МОНРО ВО ФРАНЦИЮ 1794-1796ГГ.

А.А. Ратников

Статья посвящена анализу причин неудачи посольства Джеймса Монро во Францию в 1794-1796 гг. В работе предпринимается попытка вписать миссию Монро в Париж в более широкий контекст ранней американской дипломатии и американо-французских отношений конца 1780-х – начала 1790-х годов.
Ключевые слова: *Джеймс Монро, Франция, внешняя политика, американская дипломатия, федералисты, республиканцы.*

22 апреля 1793 года президент США Джордж Вашингтон опубликовал Прокламацию о нейтралитете, в которой провозгласил курс своей страны на беспристрастное отношение к воюющим государствам Старого Света. Однако нейтральный статус Соединенных Штатов игнорировался как Великобританией, так и враждующей с нею Францией, с которыми молодая республика стремилась поддерживать дружественные отношения. Понимая, что военного противостояния с бывшей метрополией или с революционной Францией США не выдержат, Вашингтон весной 1794 года направил в Лондон Верховного Судью Джона Джея, а летом того же года сенатора от Виргинии Джеймса Монро в Париж [Прим. 1]. Миссия Джея хорошо изучена в историографии, чего нельзя сказать о параллельном ей посольстве Монро во Францию [Прим. 2]. Результаты работы американских дипломатов в ев-

ропейских столицах кардинально отличались. Деятельность Джея была успешной – в ноябре 1794 года он заключил с Великобританией договор “О дружбе, торговле и навигации”, который разрешил часть противоречий между сторонами и снял угрозу открытого вооруженного конфликта. Итогами пребывания Монро в Париже стал разрыв американо-французского союза 1778 года и серьезный кризис в отношениях между двумя республиками в конце 18 в.

Целью статьи является анализ причин неудачи миссии Монро во Франции. На основе этого можно будет сделать более общие выводы о приоритетах внешней политики США середины 1790-х и о механизмах ее функционирования. Для лучшего понимания проблем, с которыми столкнулся дипломат Соединенных Штатов в Париже, необходимо охарактеризовать американо-французские отношения накануне его приезда, а также уделить внимание переговорам в Лондоне и обмену письмами между Джеем и Монро после заключения англо-американского соглашения 19 ноября 1794 года. Хронологические рамки статьи охватывают период миссии виргинца с августа 1794 года по весну 1796 года, когда разрыв между США и Францией стал неминуемым.

Назначение Монро было одобрено Сенатом 21 мая 1794 года, и уже 18 июня он отплыл в Европу. Инструкции посланника разрабатывались государственным секретарем Эдмундом Рэндольфом и были значительно менее проработанными, чем те, что получил Джей. Они заключались в следующем: он должен был передать расположение президента США французскому народу, заявить о том, что Соединенные Штаты не признают права монархических государств вмешиваться во внутренние дела французской республики, подтвердить (без подробностей) верность американцев договору 1778 г., а также заверить принимающую сторону в отсутствии размежевания в США на “аристократов” и “демократов” [8, p. 354, 368, 402]. Относительно миссии Джея Монро было поручено информировать французов о том, что лондонское посольство ограничено переговорами о северо-западных фортах и компенсацией за нападения на американские суда. В соответствии со своими инструкциями американский посланник в Париже заявил французам, что Джею было запрещено заключать договор с Великобританией, условия которого противоречили бы существующим договоренностям США и Франции. При этом сам Монро не имел полномочий вступать в переговоры относительно нового торгового соглашения с французской республикой [13, p. 8].

Несмотря на то, что американский посланник не располагал никакими выгодными для французов предложениями, ему вверялось попытаться получить компенсацию за корабли, захваченные французскими каперами, а также за помощь, оказанную Филадельфией беженцам из Санто-Доминго. Кроме того, дипломат должен был заручиться поддержкой Парижа как на переговорах с Испанией относительно открытия Миссисипи для свободной навигации, так и с деем Алжира по поводу пиратства в Средиземном море [13, p.8]. Едва ли все эти цели были достижимы, учитывая низкий уровень американо-французских отношений на период конца лета 1794 года.

Дело в том, что еще в конце 1780-х годов стороны готовились обсудить новый торговый договор, который должен был заменить устаревшее соглашение 1778 года [12, p. 39]. Однако революция во Франции и вызванный ею хаос поставили крест на возможности подписания нового документа, в то время как недовольство французской стороны условиями и практикой франко-американской торговли сохранялось [5]. Другим фактором, который осложнял отношения двух государств, являлся идеологический. Часть французской элиты полагала, что США всячески поддержат происходившие во Франции изменения. Когда этого не произошло, а президент опубликовал Прокламацию о нейтралитете, между двумя государствами наступило некоторое охлаждение. Таким образом, перед Монро стояла в целом довольно сложная, если вообще решаемая задача – не допустить войны с Францией и постараться значительно улучшить американо-французские отношения в ситуации, когда к этому не было никаких предпосылок.

С самого начала деятельность американского посланника в Париже была ознаменована инцидентами, скандалами и сложностями, которые задавали неприятный для его миссии фон. Во время представления Конвенту в 14 августа 1794 года дипломат произнес яркую эмоциональную речь, в которой выражал радость от побед французского оружия и подчеркивал общность исторических судеб Соединенных Штатов и Франции, охарактеризовав их отношения как братские. В завершение Монро обменялся объятиями с президентом Конвента – Мерленом де Дуэ [13, p. 34].

Когда о торжественном приеме американского посланника в Париже стало известно в Лондоне и Филадельфии, разразился небольшой скандал. Лорд Уильям Гренвилл, министр иностранных дел Великобритании, во время переговоров с Джеем выразил частный протест против нарушения американцами нейтралитета по отношению к воюющим сторонам [4, p. 243]. В Филадельфии государственный секретарь Рэндольф также был недоволен. Официально он посоветовал Монро в будущем быть более осторожным, однако частным образом призывал укреплять связи с Францией [9, p. 351]. Первый инцидент не заставил Монро изменить тональность своего поведения - американский

посланник полностью отрицал, что превысил свои полномочия [13, p. 206].

Наиболее важным направлением деятельности Монро с конца 1794 и по весну 1796 годов являлась минимизация ущерба отношениям США и Франции, нанесенного подписанием англо-американского соглашения 19 ноября 1794 года. С самого начала пребывания в Париже Монро приходилось развеивать циркулировавшие слухи о переговорах Джея в Лондоне. При этом представитель Соединенных Штатов во Франции не обладал информацией ни об истинных целях экстренного посольства в Лондон, ни о полномочиях его главы. В отсутствии правдивых сведений от своего правительства, Монро был вынужден полагаться на свои первоначальные инструкции и на частную переписку. Раздраженный подобным состоянием дел, американский дипломат в одном из писем к Рэндольфу, датированным 18 декабря 1794 года, отмечает, что он: "более не верит, что Вашингтон выбрал его (Монро. Прим. А.Р.) для проведения честной, а не лицемерной и предательской политики" [13, p. 163].

Когда в конце декабря 1794 года до французов дошли сведения о новом англо-американском соглашении, они были вынуждены вызвать американского представителя для дачи разъяснений. К этому моменту у Монро были частные письма Джея, в которых тот продолжал настаивать на том, что договор с Англией не нарушает существовавших договоренностей с Францией. Монро заверил представителей Комитета: Я не знаком с конкретными положениями договора, но я уверяю вас, что как только мне о них сообщат, я сразу же поделюсь данными сведениями с вами." [13, p. 154]. 16 января 1795 года пришло письмо из Лондона, в котором Джей обещал раскрыть положения заключенного им соглашения в конфиденциальном порядке. Однако это поставило бы Монро в затруднительное положение. Для разрешения этой дилеммы американский дипломат в Париже направил личного посланника к Джею с письмом, в котором объяснял ситуацию, в которой он оказался. Джей не стал раскрывать условия договора с Великобританией, сославшись на то, что он еще не рассмотрен президентом и Конгрессом, и может быть изменен [13, p. 161].

Чуть позже, весной 1795 года, Джей все же придал частичной огласке положения договора с Великобританией. Он отправил своего секретаря, Джона Трамбалла, в Париж с выученными наизусть условиями англо-американского соглашения, так как посчитал, что подобная информация была важной для американского посланника во Франции. Единственным условием раскрытия содержания договора от 19 ноября 1794 года оставалась полная секретность. Монро должен был обещать, что сохранит положения трактата втайне от французского правительства. Это по-прежнему было неприемлемо для американского посланника в Париже. Он отказался принять Трамбалла на условиях последнего, однако передал Комитету часть своей переписки с Джеем, показав, что не владеет информацией об условиях договора. Ответ французского правительства содержал упреки в чрезмерной секретности англо-американских переговоров и в пренебрежении добрыми американо-французскими отношениями [9, p. 363]. Монро же, не имея на то существенных оснований, а скорее руководствуясь собственным мнением, заверил французскую сторону, что в случае, если договор с Великобританией ослабит связь США и Франции, он не будет благосклонно принят в Соединенных Штатах и, соответственно, вряд ли будет ратифицирован.

Первые обрывочные сведения о содержании англо-американского договора Монро получил от американского адвоката, проживавшего в Париже – Бенджамина Хичборна, которому их, по словам последнего, сообщил Трамбалл. Дипломат не мог полностью полагаться на такой спорный источник информации, однако все же еще раз заверил французов в том, что договор ограничивается фиксированием состояния мира между США и Великобританией [13, p. 244].

Только в июле 1795 года государственный секретарь направил Монро текст договора с личным мнением, что соглашение будет очень непопулярно и президент вряд ли его одобрит. Кроме того, Рэндольф признал, что вне зависимости от дальнейшей судьбы англо-американского договора (ратификация или ее провал), Соединенные Штаты окажутся в кризисной ситуации [3, p. 712]. Таким образом, государственный секретарь на всем протяжении конца зимы – весны 1795 года намеренно держал посланника в Париже в неведении относительно условий важнейшего договора с Великобританией, который мог привести к серьезному кризису в отношениях с французской республикой.

Отношения Монро с Филадельфией также переживали кризис. Находившийся под большим влиянием идей зарождавшейся партии республиканцев, оппозиционно настроенной по отношению к внешнеполитической линии администрации Вашингтона, дипломат отправлял в США многочисленные заметки и депеши, в которых критиковал собственное правительство и выступал за профранцузскую ориентацию внешней политики Соединенных Штатов [13, p. 312].

В конце осени – начале зимы 1795 года происходит несколько важных событий. В октябре французское правительство заявляет о том, что рассматривает англо-американское соглашение 1794 как "вредящее интересам Франции" [9, p. 371]. При этом Монро не получает официальных протестов

от французского министерства иностранных дел, что, по всей видимости, говорит об утрате американцем всякого доверия со стороны французов. Вернувшийся из Филадельфии бывший посол Франции Жан Фоше сообщает, что Вашингтон подписал договор Джея, а в начале декабря американский посланник получает официальное сообщение от нового государственного секретаря Тимоти Пикеринга, в котором последний, как и его предшественник, настаивает на том, что договор Джея никоим образом не повредит американо-французским отношениям [3, p. 598]. Было очевидно, что последует официальная реакция французского правительства.

И действительно, в феврале 1796 года министр иностранных дел Директории Шарль Делакруа уведомил Соединенные Штаты через их посланника в Париже, что французское правительство рассматривает союз с США недействительным с момента ратификации договора Джея, что в Филадельфию отправится специальное посольство для расторжения альянса и что сами Соединенные Штаты, с точки зрения французов, присоединились к монархической коалиции [13, p. 456]. Таким образом, договор с Великобританией, снявший угрозу военного столкновения с бывшей метрополией, одновременно сделал вполне реальным открытый конфликт с Францией. Американскому дипломату предстояло ответить на справедливую критику французских властей и не допустить эскалации напряженности.

В своем стремлении разрешить этот кризис Монро снова был вынужден выйти за рамки своих полномочий, однако ему удалось предотвратить немедленный разрыв отношений. Прежде всего, он разъяснил французскому министру, что Франция и ее революция все еще чрезвычайно популярны в США. Монро в беседе с Делакруа убеждал, последнего: “У вас много друзей в Америке и их становится больше с каждым днем. В настоящий момент они делают все возможное, чтобы вам помочь…” [9, p. 374]. Однако, подчеркивал американский дипломат, этого никогда не произойдет, если Париж своими враждебными действиями оттолкнет Соединенные Штаты. Кроме того, Монро намекнул, что дружественное расположение французов произведет лучшее впечатление в контрасте с высокомерным поведением англичан и в свете крайне непопулярного нового англо-американского соглашения. Франции рекомендовалось отправить новое посольство по обычным каналам, а накопившиеся к США претензии – самому Монро [9, p. 375]. Примечательно, что на этот раз Делакруа согласился с аргументами американского посланника. Важнейшей причиной благосклонной реакции французского министра являлась надежда части французских дипломатов на приход в конце 1796 года к власти фракции республиканцев, дружественно настроенных по отношению к Франции [9, p. 375].

Несмотря на все усилия, предпринятые Монро, их было недостаточно для нормализации американо-французских отношений и для претворения в жизнь первоначальных инструкций дипломата заокеанской республики, предписывавших ему подтвердить французам верность Соединенных Штатов союзу 1778 г. Как только до Парижа дошли новости о том, что Палата представителей Конгресса США санкционировала финансирование договора Джея, французское правительство заявило, что не считает себя более связанным договорами 1778 года. Американо-французские отношения оказались в худшем состоянии, чем когда-либо. Несмотря на это, сами французы полагали, что лично представитель США не был к этому причастен. В декабре 1796 года перед отзывом американца Директория заявила ему, что у нее нет претензий ни к нему, ни к американскому народу, а только к правительству Соединенных Штатов. Французы даже выразили свою признательность посланнику США за усилия, направленные им для поддержания дружественных американо-французских отношений [9, p. 384].

Но благодарность французов не могла изменить итоговые результаты миссии Монро, которые были неблагоприятны. Подобный исход посольства во Францию может быть объяснен совпадением нескольких факторов.

Прежде всего, в отношениях США и Франции с конца 1780-х годов сохранялись неурегулированные проблемы, которые сохраняли свою актуальность для обоих государств и после начала французской революции. Важнейшим вопросом было заключение нового торгового договора, который должен был заменить трактат 1778 года. Однако у Монро не было полномочий обсуждать новое коммерческое соглашение. Нельзя не отметить, что деятельность американского посланника в Париже совпала с очередным этапом развития революции – термидорианским переворотом и переходом к Директории.

Нестабильная политическая ситуация в стране приводила к тому, что американское направление внешней политики для самих французов было далеко не приоритетным. Основное внимание уделялось более насущным европейским делам.

Сыграла свою роль и неопытность американских дипломатов. Этим можно объяснить слабую координацию действий посланников Соединенных Штатов в Европе. Тот факт, что Джей и Монро принадлежали к различным группировкам правительства США (федералистам и республиканцам, соответственно), делал их сотрудничество в лучшем случае затруднительным.

В неудаче своей миссии частично виноват и сам Монро – его не всегда обдуманные действия

и промахи в поведении давали повод для критики в Филадельфии, Лондоне и Париже.

Но главным фактором, из-за которого посольство виргинца не достигло своих целей, являлся приоритетный характер миссии Джея в Лондон. Широчайшие полномочия бывшего Верховного Судьи в его переговорах с Гренвиллом и сильная заинтересованность администрации Вашингтона в новом англо-американском соглашении объясняются стремлением любой ценой избежать войны с Великобританией. Очевидно, что американский нейтралитет с самого момента его объявления носил про-английский характер. Соединенные Штаты были связаны с бывшей метрополией интенсивными экономическими и культурными связями [Прим. 3]. Сама модель экономического развития США 1790-х годов, разработанная министром финансов Александром Гамильтоном, зависела от бесперебойной торговли с Великобританией. В этих условиях американо-французские отношения отчетливо отходили на второй план. Целый ряд косвенных обстоятельств - отсутствие у Монро с самого начала его миссии правдивой информации о целях экстренного посольства в Лондон, вводящие в заблуждение ответы Рэндольфа на письма его посланника в Париже, секретность, долгое время окружавшая условия договора Джея – все это позволяет предположить, что французским направлением внешней политики США было решено пожертвовать. Таким образом, Джеймсу Монро с самого начала было суждено столкнуться со значительными трудностями, которые привели к неудачному завершению его миссии, а вскоре к “квази-войне” 1798-1800 гг.

Примечания

Прим. 1. Несмотря на неудачу в Париже, карьера Монро благополучно развивалась - в 1817-1825 гг. он был пятым президентом США.

Прим. 2. ОмиссииДжея: Bemis S. F. The Jay`s Treaty. A Study in Commerce and Diplomacy. Westport, 1922; Bowman A. The Struggle for Neutrality: Franco-American Diplomacy During the Federalist Era. N.Y.,1974; Elkins S. McKitrick E. The Age of Federalism. N.Y., 1993. Единственный значительный труд о миссии Монро был опубликован более века назад американским историком Бондом: Bond W. The Monroe Mission to France, 1794-1796. Baltimore, 1907. В отечественной историографии более или менее подробно посольство Монро во Францию было исследовано Н.А. Красновым в его работе “США и Франция: дипломатические отношения, 1775-1801”, изданной в Москве в 2000 году. Однако монография в значительной степени основана на вторичных источниках и носит повествовательный характер.

Прим. 3. В 1790-1792 годах экспорт в Великобританию составлял 31 процент от всего американского экспорта. Цит. по. История США в 4-х тт. М., 1980. Т.1. С. 205.

The article deals with the analysis of the James Monroe`s failure in his mission to France in 1794-1796. The author tries to put the Monroe`s mission in the larger context of the American diplomacy and Franco-American relations of the late 1780-s – early 1790-s.

The key words:*James Monroe, France, foreign police, American diplomacy, Federalists, Republicans.*

Список литературы

1. Н.А Краснов. США и Франция: дипломатические отношения, 1775-1801. М., 2000.
2. История США в 4-х тт. под ред. Болховитинова Н.Н. М., 1980.
3. American State Papers: Documents, Legislative and Executive of the Congress of the United States from the First Session of the First to the Third Session of the Thirteenth Congress, Inclusive. Commencing March 3, 1789 and Ending March 3, 1815. Selected and Edited under the Authority of Congress by W. Lowrie, M. St. Clair Clarke. Class I. Foreign Relations. 6 Vols., Washington, 1833-1859. Vol. 1.
4. Bemis S. F. The Jay`s Treaty. A Study in Commerce and Diplomacy. Westport, 1922.
5. Boissiere T. Memoire sur la Situation Commerciale de la France avec les Etats-Unis de l`Amerique depuis l`Annee 1775 jusque y compris 1795. Paris, 1796; M.A. De la Balance du Commerce et des Relations Commerciales Exterieures de la France. Paris, 1791.
6. Bond W. The Monroe Mission to France, 1794-1796. Baltimore, 1907.
7. Bowman A. The Struggle for Neutrality: Franco-American Diplomacy During the Federalist Era. N.Y.,1974.
8. Correspondence of the French Ministers to the United States, 1791-1797. Ed. by F.J. Turner. Washington, 1904.
9. DeConde A. Entangling Alliance: Politics and Diplomacy under George Washington. Durham, 1958.
10. Elkins S. McKitrick E. The Age of Federalism. N.Y., 1993.
11. Estes T. The Jay Treaty Debate, Public Opinion and the Evolution of Early American Political Culture. University of Massachusetts Press, 2006.
12. Godechot L. Les Relations Economique entre la France et les Etats-Unis de 1778 a 1789. French Historical Studeies 1959 N.1.
13. The Writings of James Monroe. Ed. by. S. Hamilton. VII Vols., N.Y., 1898-1903. Vol. 2.

Об авторе

Ратников А.А. – аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, Ra2005@yandex.ru

УДК – 94(73) «1909/…»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ У.Г. ТАФТА

К.А. Рачковская

Статья посвящена созданию будущего правительства избранным президентом США У.Г. Тафтом. Анализируются как объективные, так и субъективные стороны формирования президентской администрации. Автор приводит краткие биографические сведения о назначенных министрах, оценивает их профессиональные качества и политический опыт.
Ключевые слова:*президент, администрация, У.Г. Тафт, министерство.*

В течение месяцев, предшествующих инаугурации, избранный президент США должен позаботиться о формировании нового правительства. Этим предстояло заняться и выигравшему на президентских выборах 3 ноября 1908 г. Уильяму Говарду Тафту. За четыре месяца до инаугурации он держался внешне уверенно бодро. Публика слышала его довольный смех и ловила шутливые подмигивания, даже внимательные репортеры не видели ничего странного в его нежелании делиться рабочими планами. Вопрос о составе будущей администрации Тафт хотел отложить до февраля: «Полагаю, я должен сделать это потом» [1, p. 542].

В действительности, после выборов У. Тафт находился в подавленном состоянии, сожалея о том, что не добился места Верховного судьи [1, p. 543]. Чтобы забыть о расстройстве и снять усталость от предвыборной кампании, политик отправился подальше от столицы. О досуге политика сообщала газета «Лос-Анджелес Таймс»: «Тренируясь для работы в Белом доме, он (*Тафт*) тратит каждый день на прогулки верхом и гольф-поля». У. Тафт даже заявил, что гольф и будет приоритетом президента [2, p. 104-105].

Начавшаяся 7 декабря 1908 г. вторая сессия 60-го конгресса США заставила У. Тафта вернуться в Вашингтон. В Капитолии и Белом доме с нетерпением ждали, когда избранный президент представит кандидатов на министерские портфели. Кулуарные переговоры усиливали слухи о возможных назначениях. Так как летом 1908 г. Тафт клятвенно обещал Рузвельту в случае победы оставить старое правительство, то его члены рассчитывали на утверждение до нового года [2, p. 105]. Но «президент-элект» долго игнорировал возможных подчиненных. Тогда Т. Рузвельт, раздосадованный «бездействием» преемника, потребовал от него прекратить оскорблять министров подобным образом, и лично уведомить каждого из них о своем решении – утвердить или отказать. Вопрос повис в воздухе. Министр внутренних дел Джеймс Гарфилд узнал, например, только в конце января 1909 г., что не войдет в новое правительство, причем Тафт сообщил ему эту новость не лично, а в лаконичной записке [2, p. 105].

Несмотря на то, что полный расклад в политическом пасьянсе У. Тафта держался в секрете от общественности, в прессу просочился ряд важных подробностей. При подборе кадров избранный президент опирался на сенатора Филандера Ч. Нокса и председателя национального комитета республиканской партии Фрэнка Хичкока [3, p. 1]. Первому Тафт отвел должность госсекретаря, а второму предложил сменить Джорджа фон Л. Мейера на посту генерального почтмейстера. Слухи о намерении мистера Хичкока заняться бизнесом Тафт рассеял лично. В январе он официально заявил о согласии председателя принять министерский портфель и покинуть комитет. Высказывалось предположение, что Мейер получит другую должность в президентской администрации [3, p. 1]. Гадания на тему возможных кадровых перестановок коснулись и правительственного старожила Дж. Вильсона, министра сельского хозяйства еще со времен Мак-Кинли. Хотя «дядюшка Джимми» был намечен Тафтом на переутверждение, говорили, что 73-летний профессор будет заменен [3, p. 1].

Полный состав администрации У. Тафта – 9 человек – обнародовали непосредственно перед инаугурацией президента 4 марта 1909 г. На пост государственного секретаря был назначен Филандер Чейз Нокс (1853-1921), адвокат по экономическим вопросам, генеральный прокурор США в 1901-1904 гг., сенатор от Пенсильвании. Но этот выбор вызвал волну критики в адрес Тафта, едва не спровоцировав политический скандал. Произошедшую коллизию в деталях объяснил в 1912 г. Альберт Г. Уолкер, политический эксперт и активный сторонник Тафта на выборах 1908 г. Уолкер рассматривал назначение Ф. Нокса как вопиющее нарушение Конституции и пренебрежение к американскому законодательству в целом [4, p. 5]. Доказывая это, он ссылался на второй абзац раздела 6 статьи I Основного закона США: «Ни сенатор, ни представитель в течение срока, на который они избраны, не могут быть назначены на какую-либо гражданскуюдолжность, учрежденную Соединенными Штатами, если она создана либо содержание по ней увеличено в это же время; и ни одно лицо, состоящее в должности, учрежденной Соединенными Штатами, не может быть членом любой из палат, пока пребывает в этой должности» [5]. В течение многих лет жалованье госсекретаря составляло 8 тыс. долларов, но по закону, одобренному 26 февраля 1907 г., оно увеличивалось до 12 тыс. долла-

ров. За это увеличение голосовал и Ф. Нокс, бывший тогда сенатором [4, p. 5]. То, что заработок госсекретаря возрос, было хорошо известно Тафту, тем более жалованье последнего на посту военного министра также увеличилось с 8 до 12 тыс. долларов [4, p. 5, 6].

Известие о том, что сенатор Нокс станет во главе госдепа, долго не комментировалось, пока кто-то из журналистов не заострил внимания на особенностях назначения. Общественное мнение было подогрето. Узнав о серьезных возражениях, высказанных в прессе, Тафт не признал неправомерности своего шага, однако, принял срочные меры для выхода из щекотливой ситуации. План Тафта состоял в инициировании закона об удержании средств с руководителей законодательных, исполнительных и судебных ведомств, который, по его задумке, должен был вступить в силу с 1 июля 1909 г. и установить размер возмещаемой суммы. Так, с 4 марта 1909 г. жалованье госсекретаря следовало снизить с 12 до 8 тыс. долларов [4, p. 6]. Несмотря на очевидную нарочитость и грубость действий, уловка Тафта удалась. Теперь Нокс спокойно возглавил государственный департамент США.

Вторым по важности среди глав министерств являлся государственный казначей. На ответственную должность поставили почтенного Франклина МакВея (1837-1934). Выпускник Йеля и Колумбийской школы права, он в молодости работал адвокатом, потом продолжительное время был директором крупного бакалейного магазина. До назначения министром финансов Ф. МакВей 29 лет управлял Коммерческим Национальным банком Чикаго. То был младший брат республиканца Айзэка Уэйна МакВея, адвоката и дипломата, министра юстиции в 1881 г.

Третья по значимости должность военного министра досталась выходцу с Юга и демократу Джейкобу Макгэвоку Дикинсону (1851-1928), в течение многих лет ведущему адвокату железнодорожной компании «Иллинойс Сентрал». В данном случае Тафт сделал удивительный выбор: доверил силовое ведомство человеку некомпетентному в вопросах обороны, армии и вооружения, а также не имевшему опыта в государственных делах [4, p. 7].

Четвертый министерский портфель получил Джордж Вудворд Викершэм (1858-1936), назначенный генеральным прокурором (атторнеем). До того, как возглавить министерство юстиции, он был нью-йоркским адвокатом и вел в партнерстве с младшим братом президента Генри В. Тафтом дела железнодорожной компании «Нью-Хейвен-Хартфорд Рэйлроуд».

В должности генерального почтмейстера был утвержден Фрэнк Гэррис Хичкок (1867-1935). К 41 году он имел за плечами солидный административный опыт: служил секретарем в министерстве торговли и труда; затем был помощником генерального почтмейстера; с 1908 г. по 1909 г. являлся председателем национального комитета республиканской партии и в этом качестве руководил избирательной кампанией Тафта. Как и президент, Хичкок был уроженцем штата Огайо и адвокатом.

Министерство военно-морских силвозглавил Джордж фон Ленгерке Мейер (1858-1918), в течение двух лет до этого служивший генеральным почтмейстером в кабинете Рузвельта. Он обрёл широкую известность в республиканских и дипломатических кругах [6]. Родившийся в Бостоне, Дж. фон Л. Мейер играл активную роль в политической жизни Массачусетса. При президентах У. Маккинли и Т. Рузвельте, с 1900 по 1905 г., он был послом в Италии. В начале второго президентского срока Рузвельт перевел Мейера на работу в Россию.

В последние два года рузвельтовской администрации пост министра внутренних дел с большим успехом занимал сын 20-го президента США Дж.А. Гарфилда Джеймс Рудольф Гарфилд. Он пользовался покровительством Рузвельта и очень хотел удержать министерский портфель при Тафте. Но последний предпочел «отличнику» Гарфилду Ричарда Ахилла Баллинджера (1858-1922). Это был юрист по образованию, адвокат по профессии, с 1889 г. проживавший на Западе. Он был окружным судьей в 1894-1897 гг. и мэром Сиэтла в 1904-1906 гг., а в перерывах занимался частной адвокатской практикой. В 1906 г. Баллинджер был назначен Рузвельтом начальником Главного земельного управления при министерстве внутренних дел [7, с. 141]. В этой должности он поддерживал интересы бизнес-элиты, но, встретив упорное сопротивление одного из подчиненных, вынужден был приостановить оформление земельных патентов в пользу богатейших и влиятельнейших лиц Америки. В 1907 г., не сработавшись с тем самым министром Гарфилдом, Баллинджер ушел в отставку. Поздравляя его с получением министерского портфеля, экс-губернатор штата Вашингтон Мур писал: «Мы все почувствовали, когда Вы были назначены на пост министра, что наши давно отложенные патенты получат ход» [7, с. 141].

Вопреки слухам, Джеймс Вильсон (1835-1920) остался на посту министра сельского хозяйства, который непрерывно занимал с 1897 г. Шотландец по происхождению, он вырос в деревне недалеко от места рождения Роберта Бернса. Когда Вильсону исполнилось 17 лет, его семья иммигрировала в США. В 1867 г. Вильсона избрали в Генеральную Ассамблею Айовы, в которой был спикером до того как стать профессором агрономии в сельскохозяйственном колледже штата. В 1873 г. Вильсона избрали в палату представителей США от республиканской партии. Но национальную сла-

ву он приобрел, когда возглавил министерство сельского хозяйства. Вильсон был блестяще подготовлен к этой службе. Ко времени прихода Тафта в Белый он уже 12 лет исполнял министерские обязанности и за эти годы существенно модернизировал сельское хозяйство. Он организовал систему контроля качества фермерской продукцией, а также заботился об улучшении дорожной сети в аграрных штатах [8]. Вильсон был столь уважаем, что Тафт не посмел его сместить. Таким образом, «дядюшка Джимми» стал старейшим членом новой президентской администрации.

Последнее, девятое, и самое «молодое» (возникло позднее остальных) ведомство в правительстве – министерство торговли и труда – возглавил Чарльз Нэйджел (1849-1940), адвокат из Сент-Луиса (штат Миссури). До назначения он едва ли интересовался проблемами продавцов и покупателей, рабочих и работодателей, а потому плохо представлял себе, как чиновник такого ранга может решить эти вопросы [4, p. 9].

Многие американские исследователи находят подтверждение консерватизму Тафта в персональном составе его администрации. Например, Дональд Андерсон пишет: «В то время, когда электорат становился более прогрессивным… Тафт смещал баланс силы внутри кабинета вправо от центра и готовил почву для собственного политического поражения» [9, p. 63]. Отличное от прочих мнение на этот счет высказывает Пери Арнольд: «… Тафт не думал о подборе кабинета с точки зрения идеологии. Скорее, он рассматривал кабинет в плане его функциональности, выбирая тех, с кем ему было комфортно, а комфортнее всего ему работалось с адвокатами» [2, p. 105, 106]. Тафт также отдавал преимущество тем, кто мог поддержать его главные начинания. Ф. Нокс и Дж. Викершэм, в прошлом оба адвокаты корпораций, приветствовали антитрестовские инициативы и в целом дальнейшее ужесточение механизмов государственного давления на бизнес [2, p. 106].

Тафт осознавал, что его будут критиковать за введение в состав кабинета адвокатов корпораций [10, p. 381]. Но для него было важнее самостоятельно подобрать команду и полностью доверять ей. В результате, семеро из девяти министров были юристами. Большинство членов правительства все же соответствовали профилю возглавляемых ими ведомств. Из 9 человек, которых номинировал Тафт, только трое, Нокс, фон Мейер и Вильсон, были старожилами президентской администрации. Разрушив костяк рузвельтовского правительства, Тафт сильно разочаровал многих соратников бывшего президента.

В процессе формирования администрации Тафт сильно отдалился от Рузвельта, хотя последний продолжал вести себя как наставник и ментор. Тафт уважал покидавшего Белый дом президента, но не подражал и не угождал ему. Более того, он действовал подчеркнуто независимо от Рузвельта, часто самовольно нарушая негласные правила и данные обещания. Имело значение и то, что Тафт не просто удовлетворял собственные амбиции, но таким образом реагировал на высокомерие предшественника. «Ха, ха! *Ты* набираешь кабинет!» - язвил Рузвельт [10, p. 380].

Тафт администрацию сформировал сам и тем проявил себя как личность, которой нельзя навязать чужую волю. И, несмотря на проявленную после выборов апатию, Тафт ко дню инаугурации завершил все, что был должен.

The article is dedicated to making the forthcoming cabinet by president-elect W.H. Taft. Impartial and subjective aspects of forming presidential administration are analyzed. The author gives biographical sketches of appointed ministers, estimates their professional skills and political experience.
The key words: *president,administration, W.H. Taft, department.*

Списоклитературы

1. Morris Ed. Theodore Rex. New York, 2001.
2. Arnold P.E. Remaking the Presidency: Roosevelt, Taft, and Wilson, 1901-1916. Lawrence, KS, 2009.
3. “Hitchcock Given Place in Cabinet” // The Washington Herald, Jan. 10, 1909, №826.
4. Walker A. H. The Administration of William H. Taft: A Historical Sketch. N.Y., 1912.
5. Конституция Соединенных Штатов Америки. Пер. В.И. Лафитского / Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Род ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993 // http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm - Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
6. См.: DeWolfe Howe M.A. George von Lengerke Meyer: His Life and Public Services. N.Y., 1919.
7. Белявская И.А. «Дело Баллинджера» (Скандал в министерстве внутренних дел США в 1909 – 1910 гг.) // Новая и новейшая история, 1969, №5.
8. См.: http://articles.gourt.com/en/James%20Wilson%20(US%20politician)
9. Anderson D.F. William Howard Taft. Ithaca, N.Y., 1973.
10. Pringle H.F. The Life and Times of William Howard Taft. Vol. One. N.Y., Toronto, 1939.

Об авторе

Рачковская К.А. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского kly19881@rambler.ru.

УДК – 94(470)

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕЗИСА КАЗАЧЕСТВА СЕВЕРЩИНЫ (БРЯНСКОГО РЕГИОНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ)

Я.Ю. Трифанков, Ю.Т. Трифанков

Определяется проблема современного исследования истории регионального казачества на примере Брянской области и сопредельных территорий, возникшем между Россией и Речью Посполитой, между Запорожьем и Доном, и сохранившем социокультурные особенности, которые стали актуальными в настоящее время.
***Ключевые слова**: Казачество, Брянский регион РФ, Московское государство, Речь Посполитая, донское и запорожское казачество, современные общественные организации казаков региона.*

Брянская область Российской Федерации расположена между современными Украиной и Белоруссией. Распад государственности СССР, образование новой государственности РФ, Украины, Белоруссии, смена парадигмы общественного развития своеобразно отразились на социокультурном состоянии части населения юго-запада региона, которое стало, опираясь на традиции, самоопределяться как казачество[1-26].

В регионе появились различные общественные казачьи организации: в 1996 году зарегистрирован «Брянский отдел Всевеликого войска Донского», который в 1999 году переименован в «Брянский округ Всевеликого войска Донского» и в 2000 году вошел в состав Международного общественного объединения «Союз казачьих войск России и зарубежья». В 2006 году по инициативе межрегиональной организации «Войсковое казачье общество Резервное казачье войско» в составе «Войскового казачьего общества Всевеликое войско Донское» на территории Брянского региона создана «Региональная общественная организация Брянский (Северский) казачий округ».

Постановлением администрации Брянской области № 485 от 22 мая 2009г. создана рабочая группа Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества в Брянской области, утверждено Положение о рабочей группе и ее состав. Группу возглавляет заместитель губернатора. Основные направления деятельности рабочей группы определяются действующим федеральным законодательством, законом Российской Федерации «О государственной службе Российского казачества» и «Концепцией государственной политики в отношении российского казачества», утвержденной 2 июля 2008г. Президентом РФ.

В настоящее время на территории региона действуют следующие крупные казачьи организации: «Брянский отдел Центрального казачьего войска» в составе войскового казачьего общества «Центральное казачье войско»; общественная организация «Стародубский казачий полк» в составе общероссийской общественной организации «Союз казаков России»; «Брянский округ Всевеликого войска Донского» в составе «Международного союза общественных объединений “Всевеликое войско Донское”»; региональная общественная организация Брянский (Северский) казачий округ – подразделение межрегиональной организации «Войсковое казачье общество “Резервное казачье войско”» в составе «Войскового казачьего общества “Всевеликое войско Донское”». Уже это, даже неполное перечисление, вызывает затруднение в понимании происходящего.

Три из этих организаций являются подразделениями более крупных формирований, два из которых имеют статус «войсковых» и внесены в государственный реестр казачьих обществ РФ. Они формировались либо по инициативе, либо при непосредственном участии представителей Донского казачества. Однако с географической точки зрения регион никогда не входил в «Область Войска Донского».

Таким образом, в процессе легитимизации регионального казачества одной из проблем стало его историческое, географическое, культурное самоопределение, что привело региональное казачество к расколу по этому признаку и борьбе за общее руководство возникшим социальным процессом. На территории региона возникли казачьи организации, относящие себя к «Донскому войску», другие - к «Центральному» [9,10].

Официальные власти скорее поддерживают и считают более легитимными тех, кто соотносит себя с «центром». Отсутствует тяготение к Запорожскому казачеству, которое, казалось бы, в соответствии с привычным «школьным» представлением, должно быть естественным. Анализ ситуации показал, что кроме политической составляющей в споре имеет место прошлое регионального казачества, его история и культура.

Брянский государственный технический университет имеет договор с казачьими общественными организациями региона о совместной деятельности, в том числе по изучению истории местного казачества.

Историки чаще относили казаков региона к Запорожью. Основанием служило включение это-

го казачества в гетманство в середине семнадцатого века, когда шла борьба Запорожской Сечи, гетманства, входившего в Речь Посполитую, во главе с Б.Хмельницким, против польских феодалов и католичества. В 1648г. запорожские казаки во главе с Хмельницким без боя вошли в центр регионального казачества Стародуб [3,5,6,10].

После Зборовского мира 1649г. польский король Ян Казимир распространил власть гетмана на северские земли. Казачество региона стало частью гетманства (Малороссии-Украины). Гетман разделил население, в том числе исследуемого региона, на полки, полки на сотни, сотни на курени. После Переяславской Рады в 1654г., принявшей окончательное решение о переходе гетманства «под руку Москвы», на регион распространилось это административное управление. В результате произошло смешение вольного казачества и служилого. Например, практически под одним и тем же названием (Стародубский и Стародубовский полки) будут позднее обозначены исторически разные реальности. Эта проблема также требует изучения.

Так, в 1654г. был образован Стародубский полк, который до 1663г. входил в состав Нежинского полка и управлялся казачьими войсковыми властями – полковником, писарем, есаулом, хорунжим. В Стародубский полк входило десять сотен: Стародубская, Почепская, Бакланская, Новоместская, Мглинская, Новгород-Северская, Топальская, Шептаковская, Поповогорская и Бобовичская (две последние вошли позднее в состав земель Киево-Печерской лавры). Этот процесс и стал причиной отнесения казачества региона к Запорожскому [13,15,18,30].

Но в современном казачьем сообществе отношение к такому самоопределению отрицательное и включение в то историческое время в гетманство воспринимается скорее как историческая несправедливость. И для этого есть определенные основания. История казачества данного региона изучена не достаточно полно, в определении истоков местного казачества имеются разные точки зрения. Кроме того, как было указано, возникла современная общественная потребность в историческом исследовании проблемы.

Общий цивилизационный исторический подход указывает на то, что география казачества складывалась с развитием российской и соседних государственностей на их границе. Как известно, были и частично сохранились в современных условиях казаки донские, кубанские, запорожские, сибирские и т.п. Они возникали как «вольные» казачьи сообщества и как «служилые» части. Но в любом случае сообщества возникали исторически разными способами, однако при сохранении основополагающих характеристик: воинских, трудовых и социокультурных одновременно. В периоды опасности верх брало первое, в периоды мирной жизни – второе, а сплавлялось в третье.

Таким образом, **казачество, прежде всего, самоуправляемая структура и система самобытных социальных, социокультурных внутренних отношений и отношений с государством.**

Казачество – уникальное образование, появление которого определялось множеством факторов, складывавшихся столетия, а может быть и тысячелетия назад, на границах сообщества Руси – России. Оно возникало на границе цивилизаций, географических регионов, на стыке религиозных конфессий, культур. По мнению многих авторов, казачество стало субэтносом, субкультурой, «народом внутри народа». Причем ни в одной стране мира казаки в том качестве, в котором они были в России, не появлялись.

Казачество условно можно разделить на две части: вольные казачьи формирования и казачьи войска на службе государства. Кратко осветим основные этапы развития вольных казачьих сообществ на Дону и на Днепре, как наиболее известных в истории, с целью формирования общего представления о предпосылках возникновения казачества, факторах, влиявших на его генезис в исследуемом Брянском регионе.

Большая Советская Энциклопедия определяет казачество, в XIV - XVII вв. как вольных людей, свободных от тягла и работавших по найму, главным образом на различных промыслах, а также лица, нёсшие военную службу на окраинах страны и так называемые вольные казаки. Однако точное происхождение казаков неизвестно и существует много теорий, предлагающих свое виденье этого процесса.

Рассмотрим кратко предположения о возникновении раннего казачества.

Среди различных предположений на этот счёт есть мнение, что казачьи поселения были образованы вне пределов Руси и в условиях, от неё не зависящих. Официальная история считает, что население казачьих областей составили выходцы из русских княжеств, искавшие на окраинах Руси, в пределах «Дикого Поля», лучшей доли. Существует и противоположная точка зрения, которая заключалась в том, что казаки в прошлом принадлежали к народам, пришедшим из Азии, впоследствии обрусевшим и принявшим русский язык и христианство. Некоторые исследователи считают предками казаков тюркское население, подвластное некогда русским князьям и известное в истории под именем «чёрные клобуки», или «чёрные шапки» (на тюркском - каракалпаки). О появлении казаков на южной окраине «Русского каганата» в X в. говорит в «Древней истории казачества» донской историк Е.П. Савельев, указывая на существование у подножия Кавказских гор «народа черкасов», населявших так

называемую «Черкасию». Черкасы упоминаются в начале II в. от Р.Х. Впоследствии «черкасами» стали называть население «Слободской Украины», состоящее из малороссийских выходцев [13,15,18,30].

Историк Болтин указывает на то, что «в отдалённые времена на юге России жили татарские, сарматские и славянские племена, что от них отделились разные толпы в степь, разбойничали там и питались звероловством. Татары называли их казаками». В записках императора Византии Константина Багрянородного конца X в. среди описаний кавказских народностей есть упоминание о казаках. Подтверждает появление казаков в X в. генерал А.Ригельман, интересовавшийся историей казачества. Он пишет: «Имя казаков или казацкого народа известно стало с 948 года..., когда Косаки Татар победили, прославившись делами и храбростью своею, стали быть известны не только в соседних, но и в отдаленных местах...».

Историк П. Бутков связывает появление казаков на Руси с 1022 годом, когда тмутараканский князь Мстислав одержал победу над Редедею Касожским (предводителем племени касогов, предков адыгейцев). Мстислав, объединив под своей властью Киевское, Черниговское и Переяславское княжества, привёл с собой с Кавказа племена черкес и касогов. По этой версии для защиты своих земель от нападения азиатских орд, кочевавших в причерноморских степях, он создал из них, а также из тюркских племён, торков и берендеев, военные поселения, существовавшие вплоть до Орды. Среди этих поселян значилось племя «казаков», название которого закрепилось за золотоордынской лёгкой конницей. После распада Орды, по этой версии, казаки оказались на рубежах новых государственных образований, постепенно ассимилируясь с русскими и другими этносами.

В постсоветское время эту точку зрения поддерживает историк А.Гордеев, рассматривающий появление казаков на Руси в связи с историей «империи Монголов» [13,15,18,30].

Н.М.Карамзин считал, что казачьи войска существовали раньше Батыевых [11].

Советский историк Л.Н. Гумилев [8] говорит о появлении казаков в связи с потомками древних хазар (IX в.), живших в низовьях Волги, Терека и Дона и называвшимися после распада Хазарского каганата «бродниками», впоследствии сменившими свой этноним на «казаков». О бродниках говорит и Ю.Миролюбов в книге «Сакральное Руси».

Противоположная точка зрения утверждает иное.

П.Симоновский говорит о казаках, что они «суть природные Россияне, а не избежище разных народов... А если бы они из разных народов были збежище, то бы без сомнения и разных вер могли быть люди, чего как тогда, так и ныне, между казаками не сыскуется...». И далее: «Казак имя Российское, потому что казаки есть род скифославянский, кой жительство своё имел в провинции, принадлежащей к Кавказским горам, называемой у древних Козакия...».

Можно упомянуть и такую точку зрения. В середине XII в. в Восточной и Центральной Азии жили племена, носившие название «казачьих орд». Наиболее значительные из них проживали в верховьях Енисея и занимали земли на востоке от озера Байкал и на западе до реки Ангара. Китайские исторические хроники называли их «хакасы», что в научных трудах европейских ученых стало равнозначно слову «казак». По записям, оставленным современниками, «хакасы» (или «казаки» по европейски) принадлежали к индоиранской расе: были белокуры (светловолосы), высоки ростом, с зелёно-голубыми глазами, храбры и горды, в ушах носили серьги. Европейские историки утверждают, что они были христианами. В пределах озера Балхаш, по этой версии, существовала казачья орда, называемая, в зависимости от языковых особенностей в смешении с другими ордами, «хасаки», «кайсаки» или же «киргиз-кайсаки». Обе эти казачьи орды вошли в состав «монгольской империи» и в организации ее вооружённых сил составили части лёгкой конницы, выполнявшей вспомогательные задачи: служба по охране границ и т.д.

В конце XVIII - начале XIX вв., например, донские казаки считали, что они не русские люди, а происхождение их ведётся от черкесов и других обрусевших горских людей. На слово же «москаль» они отвечали: «...не москаль, а русской, и то по закону и вере православной, а не по природе».

Если объединить эти точки зрения, то можно предположить, что первоначально на юге появились, так сказать, «первоначальные» казаки, потом «ордынские», затем «окраинные» и потом уже «южнорусские». А теперь и современные казаки.

Таким образом, изначально происхождение казаков большинство теорий связывают со смешением скифо-славянских племен с потомками черкас, хакасов, бродников и кочевых племён. С оформлением южнорусского казачества, именуемого в XVI в. «черкасским», появляются казаки «запорожские» и другие.

Из теории Л.Гумилева о «пассионарности этногенеза» к XIII в. традиции и нравы древнерусского этноса были сохранены лишь на окраинах Руси. Возникновение новых этносов (великоросов, белоросов, малоросов) происходит во взаимосвязи с древними окраинными этносами и всплеском пассионарности. Такой подъём был и на Среднем Днепре и Дону. Но давление соседнего суперэтноса, по этой теории, из

Западной Европы через Польшу выдавило «пассионарных» русичей в Москву и Запорожье [8].

Из этих разнообразных и подчас противоположных теорий возникает понимание содержания термина «казак».

В прошлом, утверждают теории, существовало много племенных названий, по созвучию близких к слову «казак». Например, есть такое понимание термина. Первоначально слово «казак» означало временный «образ жизни». «Хождение в казаки», особенно смолоду, официально означало хозяйственные промыслы в «Диком Поле», а неофициально - набеги: «лупление чабанов», купцов и всяких проезжих. Об этом говорят источники 1492-93 и 1499 гг. Возникает культурологическое понимание термина.

П.Бутков считает, что «слово «казак» производили от какого-то древнего славянского вождя - Козака». Есть мнения, что «казак» сочетается со словом «коса», сравнивают его с «остротой и понятливостью казацкой». Утверждают также, что слово «казак» существовало в языках всех народов Востока, Средней и Малой Азии. Им у разных народностей обозначались, по этим версиям, самые разнообразные по форме и содержанию понятия. Например, у персов под «казаками» подразумевали людей, состоявших на службе и оплачиваемых за неё из государственной казны. По-персидски оно звучит «газа», отсюда - «газак». У арабов казаками именовались всадники, сражавшиеся за веру и закон Пророка. У монголов - это свободный воин «казах», живущий обособленно в палатке. Кроме этого, слово ассоциируют с понятиями «броня», «щит», «военный страж». К XV в. слово «казак» на Руси обозначало лёгковооружённого бродягу-воина («добычника»).

Со временем, видимо, устанавливается более общее современное понятие термина «казак» как «вольный человек». В России XVIII - начала XIX вв. казачество стало определяться законодательством как военное сословие.

Советская энциклопедия даёт два понятия слову «казак»:

1) удалец, вольный, свободный, из числа тягловых людей - крестьян, расселённых в XIV-XVII вв. в пограничных районах Руси и нёсших, как правило, сторожевую службу вместе с «боярскими детьми» и другими ратными людьми, составляя особый вид вооружённой силы - конницу;

2) человек, порвавший со своей социальной средой и поселившийся на свободных (окраинных) землях, отделявших Русь от владений полукочевых племён.

В «Словаре русского языка» В.Даля слово «казак» означает «представитель военного сословия, которое складывалось на окраинах русского государства в XV-XVII вв. из вольных людей», а с XVIII в. - обязанный нести военную службу за льготное пользование землёй [7,24].

Подведем некоторый итог, опираясь на авторитетные мнения и локализуя проблему ближе во времени и привязывая ее к Дону и Днепру.

По мнению В.Н. Татищева, «первые казаки, сброд из черкес горских, в княжении Курском в 14 ст. явились; где они слободу Черкассы построили и под защитой татарских губернаторов воровством и разбоями промышляли; потом перешли на Днепр и город Черкассы на Днепре построили» [27]. В первых упоминаниях, возможно, тюркское слово «казак» означало «охранник» или наоборот – «разбойник». Также – «свободный человек», «изгнанник», «авантюрист», «бродяга», «защитник неба». Это слово часто обозначало свободных, «ничейных» людей, которые промышляли с оружием. Именно в этом значении оно и закрепилось за казаками.

По мнению Н.М. Карамзина, «Казаки … имя их сделалось известно по истории около 1517 года; … и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. … Торки и берендеи назывались черкасами: казаки - также… некоторые из них, не хотев покориться ни моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, … приманили к себе многих россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними и под именем комков составили один народ… Более и более размножаясь числом. … Казаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра…» [11].

По мнению В.Шамбарова, Л.Гумилёва и др. историков, казачество возникло путём слияния касогов и бродников во времена Золотой Орды. Касоги – древний черкесский народ, заселявший территорию нижней Кубани в X-XIV веках. Бродники - народ тюркско-славянского происхождения, сформировавшийся в низовьях Дона в XII веке [4,8,29]. Касоги бежали на север и смешались с подонскими бродниками, которые унаследовали их имя – казак. При этом известно, что сами бродники приняли сторону Орды, сражались против Руси в битве на Калке. Таким образом, возможно, «образовалась первая ячейка казачества, изначально на службе Орды» [8]. Но это лишь снова предположение историков.

После распада государственности Орды, в условиях формирующейся иной государственности из частей Орды, в том числе Московской государственности, казацкие сообщества стали независимыми.

Есть другие точки зрения, утверждающие, что казаки изначально были выходцами из славян. Так, украинский политик и историк В.М. Литвин в своём трёхтомнике «История Украины» высказал мнение, что первые украинские казаки были славянами. По его исследованиям, источники говорят о

существовании казаков в Крыму ещё в конце XIII ст. [14].

По мнению Литвина, казаки-русичи были известны не одно десятилетие, по крайней мере, с середины XV столетия. Учитывая, что свидетельство феномена украинского казачества локализовалось на территории так называемого «Дикого Поля», то возможно, что своих соседей из тюркоязычной (преимущественно татарской) среды украинские казаки заимствовали не только название, но и немало других слов, примет внешности, организации и тактики, ментальности. Литвин В. считает, что и в этническом составе казачества определённое место занимает тюркский элемент.

Существует также гипотеза о происхождении первых казаков от вятских (хлыновских) ушкуйников. В конце XV века их «вольная республика» с выборными воеводами, попами и ватаманами (возможно от слова «ватага» - авт.) была взята силой под контроль Москвы. Часть населения бежала, часть была расселена на южной границе России. Те и другие вполне могли стать основанием казачества Дона, Волги и даже Днепра. Население «Вятской республики» составляли в основном выходцы из Киевских территорий (в XIII веке), Новгорода Великого (в XIV-XV в.) и других земель.

Поскольку все авторы приводят свидетельства в пользу своих гипотез, то, скорее всего, перечисленные процессы проходили параллельно, дополняя друг друга на различных этапах.

Таким образом, к концу XIV века образовались две крупные группы, проживавшие в низовьях Дона и Днепра.

К ним присоединилось заметное количество переселенцев из соседних к северу Московского, Литовского и Рязанского Великих княжеств, а также из прочих северо-западных земель. В результате к началу XVI века обе группы выросли в крупные вольные казацкие сообщества – «войска» (Донское и Запорожское войско), которые со временем вошли в состав Московского растущего государства.

До конца XVI века **Донское казачье войско** было независимым.

Сотрудничая с Москвой, донские казаки помогли завоевать Астраханское и Казанское ханства, и, образовав Войско Донское, продолжили, участвуя, к примеру, в Ливонской войне. За участие в штурме Казани царем была дарована жалованная грамота донским казакам на реку «Дон со всеми притоками» в вечное пользование, подтверждающая статус донского казачества [21].

В 1584 г. Донское войско давало присягу верности царю Фёдору Иоанновичу. В 1612-1615 годах войско присягало на верность Михаилу Федоровичу Романову. При этом «сношения Царства Русского с донскими казаками, вплоть до начала XVIII века, шло через «посольский приказ». Донские казаки присягнули царю Алексею Михайловичу в 1671 году, а с 1721 года войско было подчинено Санкт-Петербургской Военной коллегии.

Днепровские казаки образовали **Запорожскую Сечь** (около 1556 года) [30], которая считается старейшим из всех казачьих формирований.

Несмотря на первоначальную независимость, Запорожская Сечь с 1572 года стала все больше и больше подпадать в определенную вассальную зависимость от возникшей Речи Посполитой. В XVI веке, при короле Стефане Батории, казаки были сведены в полки Речи Посполитой для несения службы по охране границы и как вспомогательное войско в войнах с Турцией, Московией и Швецией. Эти казачьи отряды получили название реестровых казаков. В качестве лёгкой кавалерии они широко использовались в войнах, которые вела Речь Посполитая.

В дальнейшем политическое и религиозное давление со стороны Польши привело к параллельному существованию реестрового казачества, официально состоявшего на службе у польского короля, и нереестрового, которое королевская власть постоянно старалась безуспешно ликвидировать, но фактически не могла никак контролировать. Такое противодействие нереестрового казачества и официальной королевской власти на фоне общего притеснения, как неказацкого крестьянского населения Украины, так и реестрового казачества, привело в итоге к возникновению национально-освободительной войны против польского господства.

Казаки повернулись к России и решили просить ее принять Запорожское казачество в свой состав. Осенью 1653г. Земский собор, проходивший в Москве, принял такое решение. 8 января 1654г. Переяславская Рада окончательно приняла решение идти «под руку Москвы».

Одновременно шло возникновение казачества и на территории Брянского региона.

В середине XIX в. в России существовало 9 казачьих войск: Донское, Черноморское (позднее преобразованное в Кубанское), Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Забайкальское и Амурское. В самом большом войске, Донском, насчитывалось «588 тысяч душ обоего пола». Вторым по численности было Оренбургское войско, а третьим - Черноморское. Впоследствии Кубанское войско вышло на второе место.

А что было с генезисом казачества в Брянском регионе?

После распада старой Руси появилась пограничная зона между возникшими Московией и Ре-

чью Посполитой. Территория Брянщины, как и всей Северщины, находясь в этой зоне, на протяжении столетий непрерывно переходила из одной государственности в другую. Особенно запутанная ситуация здесь была во времена существования и распада Золотой Орды и во время Смуты. В литературе есть разные предположения о возникновении казачества региона, как и вообще всего казачества в целом.

Еще раз рассмотрим проблему с точки зрения возникновения казачества в исследуемом регионе. Например, Ян Потоцкий считал, что предками казаков данного региона были потомки касогов, поселившихся в XI веке на севере Черниговщины, то есть в Северской земле, в которую регион входил до двадцатого века [17]. Л.Н.Гумилев предполагал, что это коренное население территории - северяне (предки ославянившихся савиров, севрюков [8]. Н.И. Костомаров полагал, что это «сиверские вольницы, наподобие запорожской», то есть он не включал местное казачество в запорожское, а считал его подобным ему, что очень важно [12]. В 1863г. профессор В.Б.Антонович высказал мысль об образовании здесь казачества благодаря раздачам земель на границах Литовского княжества, которые «предоставляли сельским общинам или отдельным лицам нешляхетского происхождения с обязанностью нести военную службу» [2].

Есть точка зрения, которая, по сути, не разделяет казаков по регионам. Так, М.К.Любавский в 1895г. в статье «Начальная история Малорусского казачества» утверждал, что история малоруссого казачества «не представляла процесса, отличного от истории великорусского казачества» [15]. Как в Великороссии, так и в Малороссии казак являлся сначала отхожим промышленником, ищущим заработков на стороне, затем стали появляться казацкие хутора, слободы, домовитые казаки, начинается земледелие.

Таким образом, вопрос о возникновении казачества в исследуемом регионе (который ранее назывался Северская земля, а Брянский регион является ее частью) и раннем самоопределении жителей региона, их ранней самоидентификации далеко не выяснен, хотя и живет в исторической памяти народа и сегодня влияет на схожие социокультурные процессы.

Здесь важно отметить одну особенность культурологического самоопределения жителей региона, отмеченную даже современными исследователями. Так, исследователь казачества и местный житель региона В.М. Пусь отмечает особенность «стародубской народности», которая с XV в. и до сих пор считает себя не великороссами («москалями») и не украинцами («хохлами»), а чем-то особым [20]. Это подтверждается современными исследованиями фольклора конца XIX – начала XX вв., изученного брянскими исследователями [1]. Например, в казачьих песнях региона нет упоминаний героев украинского героического эпоса, а Россия упоминается как «третья», соседняя территория. С другой стороны, в них много упоминается топонимов, не относящихся прямо к данному региону (Дунай, Днепр, Дон). Кроме того, была зафиксирована песня, в которой четко показывается, что в сознании народных авторов и современных исполнителей территория, описываемая в тексте (место действия), не являлась российской.

«Гуляла-буяла в зяленам саду, // И рвала-щипала я с розы цвяты. //

И рвала-щипала я с розы цвяты. // Ня рви с розы ветку в новы варата, // Ня смейся, казача, что я сирата. // Ня смейся, казача, что я сирата. //

Ня смейся, казача, что я сирата, // Пришёв ба ты в сваты, а я ни пашла. // Пришёв ба ты в сваты, а я ни пашла. // Ня бойся, дявчина, в саты не приду, // Паеду в Рассию, я краши найду. // Паеду в Рассию, я краши найду. // Праехав Рассию и тры горада – // Не нашов я краши, як ты сирата. // Не нашов я краши, як ты сирата. // «И думал, казача, что я прападу – // Ох, я маладая замуж выхожу. / /Ох, я маладая замуж выхажу» [1].

Необходимы дополнительные исследования, чтобы понять, почему такое зафиксировано в фольклоре и как это происходит в современной действительности.

Опираясь на известные исторические события, попытаемся взглянуть на них с этой точки зрения.

Во времена начала Золотой Орды и крестовых походов католического Запада под руководством Папы через Прибалтику на Русь в XIII веке в результате давления извне и внутренних причин из части русских и части литовских племен возникла русская Литва - «Великое русское и литовское княжество». 90% населения называло себя русским. Восточных соседей - жителей Московского княжества они не считали русскими, называли «москалями». Эта проблема московскими историками трактуется чаще всего под углом зрения «враждебной Москве не русской Литвы» и единственно «русской Москвы». Приведем один характерный пример. На поле Куликовом в 1380г. собрались «русские войска», а на помощь ордынским войскам (Мамаю) спешили «литовские» войска. Между тем, Пересвет из «литовского» войска в это время Брянска начал битву… Ему стоит памятник в Брянске. Но Москва считает его исключительно «своим».

В конце XVв. встречается первое упоминание о казаках региона в хронике Бельского, который говорит, что в 1481г. во время похода «поляков против татар» проводниками «поляков были

казаки». Это было время распада Золотой Орды и, после противостояния на реке Угре, рождения России Ивана Третьего, формирования и непрерывного передвижения границ государственных образований, в том числе Литвы и Москвы. Казачество и зародилось в ходе естественного процесса жизни пограничных территорий. А соседи, в свою очередь, называли их «казако-коцапами».

Первые организованные казачьи отряды на Стародубщине (издавна признанном центре местного казачества и ныне городом Брянской области) появились в середине XVI века [10]. В этот исторический период московское правительство привлекало на службу «вольных» казаков и «охочих» людей по своим границам, особенно южным и восточным, что достаточно изучено. На юго-западных границах процесс шел сложнее и с точки зрения генезиса местного казачества изучен менее.

Для перехода части населения в казачество исследуемого региона большое значение имела Люблинская уния 1569г. Польское право и польские порядки стали распространяться на Русскую Литву. Крестьяне подлежали обращению в крепостные, что способствовало их бегству и переходу в казачество. Поляки заселяли регион, привлекая переселенцев обещаниями разного рода льгот. В Северской земле возникло около 300 новых поселений.

Если воспринимать казаков изначально как «вольницу», а уже потом как регулярное войско (а традиционная история предполагает именно так), то, видимо, познакомились жители юго-запада современной РФ (Брянщина, Стародуб и вся Северщина) с казаками, как «вольным гуляйством» или «гультяйством» из Речи Посполитой, в 1574г. во время Ливонской войны, когда под руководством пропольских атаманов Франциска Суки и Микиты Бирули был сожжен Стародуб. Войну вел Иван Грозный против Речи Посполитой за Балтику, Белоруссию и Украину. «Засечная черта» как раз тут и проходила среди брянско-черниговских северских лесов. В записке в апреле 1589г. Московский царь Федор Иоанович, последний Рюрикович, приказывает путивльскому воеводе Афанасию Зиновьеву с Рыльскими и Стародубскими казаками идти на Поле и Донец против крымских татар. Здесь и проходит в двадцать первом веке снова граница Российской Федерации и вновь возникает социокультурная проблема регионального казачества.

Таким образом, местное казачество не является изначально частью запорожского или еще какого-либо другого казацкого сообщества. Оно возникало под влиянием происходящих исторических событий из местного и приходящего населения, а также под воздействием соседних казацких сообществ и государственных образований, на границе которых оно находилось. Необходимоизучениеегоистории.

Determined by the problem of the modern study of regional history of the Cossacks on the example of the Bryansk region and adjacent territories, has arisen between Russia and Rzeczpospolita, between Zaporozhye and Don, and save the socio-cultural characteristics that are relevant to the present.
The key words:*Cossacks, the Bryansk region of Russia,MoscowState, the Commonwealth, and for theDonCossacks, porozhskoe, modern socialorganizationof the Cossacksin the region.*

Список литературы

1. Архив филиала БГУ. Папка: 070210 Верещаки: Елисеенко Нина Макаровна, 1937г.р., Хомякова Анастасия Ивановна 1932г.р., Пыленок Татьяна Федосовна 1929г.р., Ковалева Нина Николаевна 1932 г.р.: Папка диктофонов 1: Ws 10114: t – 03:25; Архив филиала БГУ. Папка: Практика 2007: д. Медведовка, Гордеевского района: Ковтуновой Анны Григорьевны 1942г.р.: Папка диктофонов: Завод-Корецкий 1: Ws 10001: t – 76-30; ГАЧО, Ф.Р. 1400, оп.1, д.34.
2. Антонович ВБ. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т.1.
3. Бабадей В.Д. Зарождение казачества на Стародубщине // Материалы науч.-практ. конф. -Брянск. 2004.
4. Быкадоров И.Ф. История казачества. Прага.: Библиотека вольного казачества -вильного казацтва, 1930. 177 с.
5. Воропаев А. Стародуб. Казаки. Вечная Граница. - М., 2004.
6. Гетманщина на Украине: тип государственного устройства или «казацкая вольница? Стародубский полк» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://starodub.far.ru/getm-babad.htm (Дата обращения 16.12.2011).
7. Гордеев А.А. История казаков. Со времени царствования Иоанна Грозного до царствования Петра I. М.: Страстной бульвар, 1991. 245 с.
8. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989.766 с.
9. «Заблудший» атаман, или К чему приводят политические игры в казачьей среде [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://bryanskrai.ru/www/bryansk-crossroads/show/2202/ (Дата обращения 13.12.2011).
10. История Стародубского казачества [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://kazacy.narod.ru/p13.htm (Дата обращения 01.12.2011).

11. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989.Т. 5.
12. Костомаров Н.И.Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., Гл.6 – 8.
13. Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Т. I. Полк Стародубский. Киев, 1888.
14. Литвин В.М. История Украины. Киев,2006.
15. Любавский М.К. Начальная история малорусского казачества // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. N 7.
16. Мищенко Т.А.,Белугина О.В. Казак как символ идентичности в исторической памяти и песенном фольклоре жителей юго-запада Брянщины // Социально-экономические основы развития казачества современной России: Сб. науч. трудов. М., 2011. – Вып. 7. 325с.
17. Потоцкий Я. Рукопись, найденная в Сарагосе / Пер. с пол. Д.Горбова; предисл. и примеч. С.Ланды. - М.: Худож. лит., 1992.
18. Плеханов А.М., Плеханов А.А. Казачество на рубежах Отечества. М.: Вече, 2009. 464 с.
19. Пронин А. «Казачество возрождается и объединяется» // Российское военное обозрение. №3(74), март 2010.
20. Пусь В.М. Краткая история Стародубского полка// Стародубский казацкий вестник. 2004.
21. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2010. 480с.
22. Сизенко А.Г. Полная история казачества России. М.: Владос, 2009. 448 с.
23. Сементовский Н.М. Старина малороссийская, запорожская и донская. СПб, 1846. С.22.
24. Слюнченко Ю.И. Вольные духом. Историко-краеведческий очерк. Брянск: Ладомир. 2006. 108 с.
25. Соловьев С.М. Очерки истории Малороссии до соединения ее с Великой Россией // Отечественные записки. 1858. №49.
26. 13.Социально-экономические основы развития казачества современной России: Сб. науч. трудов. М., 2011. Вып. № 7. 325с.
27. Татищев В.Н. История Российская. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1963. Т. II.
28. Хроника по Брянскому казачеству [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://kazak-center.ru/load/12-1-0-82 (Дата обращения 24.11.2011).
29. Шамбаров В.Е. Казачество: История вольной Руси. М.: Алгоритм, 2007. 688 с.
30. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. СПб, 1895.

Об авторах

Трифанков Я. Ю. – аспирант Брянского государственного технического университета.

Трифанков Ю.Т. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного технического университета.

УДК – 94(470)

БРЯНСКИЙ ФРОНТ: 50-Я АРМИЯ. «РЕССЕТА» И «ХАЦУНЬ»

Трифанков Ю.Т., Гавренков А.А., Трифанков Я.Ю.

Исследуется положение Брянского фронта, 50-й армии, а также трагедия деревни «Хацунь», расположенной недалеко от штаба фронта, осенью 1941г.

***Ключевые слова**: Брянский фронт, 50-я армия, р. Рессета, д. Хацунь.*

Брянский фронт был образован на западном направлении 16 августа 1941г. на основании директивы Ставки ВГК от 14 августа 1941г. в составе 13-й и 50-й армий с целью прикрыть Брянско-Бежицкий промышленный район и не допустить прорыва рославльской группировки противника в тыл Центрального и Юго-Западного фронтов, то есть не дать противнику окружить советские армии на Украине, с одной стороны, и не дать также противнику прорваться в направлении Москвы [1]. В это время Гитлер приостановил наступление на Москву и поставил задачу перед германской армией уничтожить советские армии на Украине, где наступление застопорилось.

С 26 августа во фронт входили 3-я и 21-я армии. Фронт создавался в крайне неблагоприятной обстановке стремительного наступления германской армии и должен был отразить концентрированные удары на узких заведомо неизвестных советскому командованию участках фронта танковых и моторизованных сил врага под Кировом, Людиновом, Брянском, Трубчевском, Новгород-Северским и другими населенными пунктами.

Боевой участок фронт занимал (по прямой) 230 км по фронту. Справа действовали войска Резервного фронта. Их разграничивала линия Жиздра - Смоленск. Враг стремился разгромить брянскую группировку советских войск до упорядочения войск в новый фронт и в первую очередь окружить и разгромить 13-ю армию, прикрывавшую направление на Украину.

Начиная с момента образования, то есть с 16 августа, войска фронта были вынуждены вести упорное оборонительное сражение со 2-й танковой группой и 2-й общевойсковой немецкой армией.

17 августа противник танками и мотопехотой, прорвав фронт 13-й армии и выйдя в ее тыл, перерезал железную дорогу Брянск - Гомель и занял Унечу. Войска 13-й армии оказались в чрезвычайно тяжелом положении [1].

С 18 августа немецкие войска продолжали развивать успех в южном направлении в сторону Украины на Стародуб, Новгород-Северский и в восточном направлении на Почеп. 18 августа танковые части противника заняли Стародуб, а 22 августа сильной атакой 300 танков с мотопехотой - Почеп.

Массированными ударами танков немцы стремились с ходу прорвать оборону красной армии, а затем ввести в прорыв крупные мотомеханизированные силы для быстрого продвижения на юг в Украину и окружения там сильнейшей группировки советских войск, успешно сдержавших наступление противника на юге СССР.

К 20 августа немцам удалось выйти на рубеж р. Десны, а к исходу 26 августа захватить плацдарм на этой реке севернее Конотопа. Это уже была Украина.

С 24 по 30 августа велись напряженные бои на всем фронте 13-й армии и на левом крыле 50-й армии со 2-й танковой группой под командованием Гудериана, которая состояла из семи пехотных дивизий и одной моторизованной бригады. Прорыв вражеских войск на глуховско-севском направлении и выход их на коммуникации 13-й, а затем и 3-й армий, а также наступление немцев из района Рославля в направлении на Жиздру создавали крайне тяжелое положение для войск Брянского фронта. Они оказались в окружении в районе Брянских лесов [1, 22].

В начале сентября 1941г. войска фронта по указанию советской Ставки нанесли удар во фланг 2-й танковой группы противника, наступавшей в направлении Рославль - Конотоп. Однако они не смогли предотвратить выход немецких войск в тыл Юго-Западному фронту и сами оказались в крайне тяжелом положении.

Отразив наступление советских войск, немцы 10 сентября прорвали оборону 40-й и 21-й армий соседнего фронта (в который была передана 21 армия) и овладели Конотопом. В последующем прорыв был расширен до 60км.

16 сентября после выполнения задач в южном направлении 2-й общевойсковой армией и 2-й танковой группой противника (на Украине началась ликвидация окруженной советской группировки войск) германское руководство вновь переориентировало часть своих войск на Москву и возобновило наступление на этом направлении.

Советское руководство, упреждая события, пыталось сорвать планы противника. Брянский фронт получил задачу отразить атаки противника на московском направлении.

С 10 сентября по 23 октября войска Брянского фронта провели Орловско-Брянскую операцию и ценой практически своей гибели сорвали планы противника по глубокому охвату Москвы с юга [1].

Используя численное превосходство, созданное концентрацией войск в узкой полосе, 2-я танковая группа прорвала оборону войск Брянского фронта в районе Глухова и стала развивать наступление на северо-восток – на Орел, Брянск, Карачев.

С целью сохранения оставшихся сил фронта 5 октября Ставка приказала командующему Брянским фронтом отвести войска на рубеж Белев-Мценск-Фатеж-Льгов. Войска отходили в очень трудных условиях.

6 октября немецкие танки ворвались в Карачев, а вечером этого же дня завязались бои за Брянск. Воины 154-й стрелковой дивизии в течение 7 и 8 октября вели бои с превосходящими силами противника. Войска Брянского фронта, оказавшиеся в оперативном окружении, все еще удерживали прежнюю линию фронта между участками германского прорыва.

6 октября 50-я армия занимала рубеж Ольшанка, Ивот, Дубровка и далее по рекам Ветьма, Десна, Угость, Судость. Правый фланг был перевернут на север, левый – на запад [1].

7 октября в 14 часов командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант А.И. Еременко отдал приказ войскам фронта об отходе. Войска 50-й армии должны были отходить, нанося удары на Орджоникидзеград, Карачев, Змиевку, имея для обеспечения отхода 258-ю стрелковую дивизию [2]. Выйти армия должна была на рубеж Мценск-Белев-Сухиничи.

К исходу 7 октября части 50-й армии вели бои в районе Брянска. Западную часть города к этому времени занимал полк 154-й стрелковой дивизии, восточную часть – отдельные группы танков противника.

С запада перед фронтом 50-й, 3-й и 13-й армий противник по-прежнему не проявлял особой активности [3].

50-я армия лишь в ночь на 8 октября начала выдвижение частей в северо-восточном направлении за Десну и Болву по Жиздринскому большаку в сторону Дятьково, где в оперативном построе-

нии противника были большие разрывы [4]. Сил для окружения 50-й армии с востока у немцев в это время не было. Но, по-видимому, командующий армией генерал-майор Петров не точно понял задачу фронта. Он выводил войска своей армии из окружения. В Ставке ставили задачу разгромить прорвавшуюся группировку врага, который рвался к Москве [5].

В Брянске и Орджоникидзеграде еще не была завершена эвакуация. Например, с Брянского машиностроительного завода 8 октября уходил последний эшелон с рабочими, их семьями и станками. На мосту через р. Болву он был встречен разведкой противника, но сумел прорваться и ушел на восток – в Сибирь, в Красноярск.

М.П.Петрову пришлось менять направление выхода из окружения. В ночь на 8 октября 50-я армия начала марш в исключительно тяжелых условиях (под сильным огнем вражеской артиллерии, под ударами авиации). Части непрерывно отражали танковые атаки. В ходе этих боев войска несли серьезные потери, особенно в артиллерии [6].

Утром 9 октября, оторвавшись от противника, армия продолжила отход. Ее части сумели совершить бросок на восток в 50 км и здесь столкнулись с уже находившимся там противником. Завязались тяжелые бои. В немецкой оперативной сводке №116 от 9.10.41 говорилось о том, что перед южным флангом 2-й армии советские войска отходили на восток, а севернее Брянска (в районе Дятьково – станции Цементный и Судимир) оказалась «сдавленной 50-я русская армия в составе частей 7 дивизий», которая пытается через леса уйти на восток [7].

Может быть, отход 50-й армии был бы успешным, но 10 октября был получен приказ командующего Брянским фронтом, переданный из 3-й армии фронта, где он находился в это время. Приказ был послан шифрованной телеграммой в категорической форме. В нем была формулировка: «За неисполнение – расстрел». Приказ обязывал повернуть армию на Карачев и облегчить отход частей 3-й армии [8].

Повернуть армию, отходящую из окружения с тяжелыми боями, с северо-восточного направления на новое - южное, через лесные массивы и чрезвычайно болотистую пойму р. Рессеты (приток р. Жиздра), оказалось делом невероятно трудным.

Впереди отступающие дивизии и дивизии левого фланга не могли быть повернуты командованием армии из-за отсутствия радиосвязи. Четыре дивизии продолжили отход в соответствии со старым приказом. Часть дивизий армии во главе с командармом, выполняя приказ командующего фронтом, повернули на юг в сторону Карачева. Боевой строй армии, в котором она осуществляла первоначально отход, нарушился.

События для частей, повернутых на Карачев, приняли драматический характер. Четыре дивизии, которые не получили приказ, с боями отошли на рубеж Мценск-Белев-Сухиничи. Они сохранили почти всю свою материальную часть и транспорт, а получившие приказ повернутые дивизии и управление самой армии практически погибли или попали в плен. Вышли лишь разрозненные подразделения [9, с. 30].

Это произошло следующим образом. 11 октября части армии стали подходить к р. Рессете. Поздно вечером 11 октября 1026-й полк 260-й стрелковой дивизии устремился вперед – к переправам на Рессете. Из отчета капитана Красникова: «В 3.00 12 октября полк в составе 220 человек... сбил заслон противника в р-не Волчьих Ям и начал продвигаться по кустарнику, но в 5.00 противник, усилив огонь и введя свежие силы, вынудил полк откатиться... Командир дивизии подчинил мне остатки 1030-го полка в количестве 35 человек… Немедленно вместе со штабом и уполномоченным особого отдела выехал в направлении Волчьих Ям к своему полку, чтобы направить его для выполнения новой задачи... Вместе со штабом попал под минометный огонь противника. Этим огнем было убито из штаба шесть человек связистов и два конных... Я получил сообщение через командира 5-й роты о том, что остатки полка по заданию командующего армией брошены в направлении Гутовского лесозавода и на северо-восток...» [11]. То есть - в противоположные стороны. В поисках нового маршрута.

1028 стрелковый полк прикрыл тылы дивизии и атакующих врага двух других полков. Утром капитану Красникову было приказано продолжить новую атаку полков.

Из отчета Красникова: «В 6.00 12 октября - приказ командира 260-й стрелковой дивизии наступать на пенькозавод и южную окраину Хвастовичей, в дальнейшем овладеть юго-западной окраиной Красного и обеспечить частям дивизии переправу у Красного. ЗАДАЧА БЫЛА ВЫПОЛНЕНА. Но в 12.00 противник бросил для контратаки до 15 танков и бронемашин, и полк понес большие потери. Я попытался вывести полк… на исходный рубеж, но противник безнаказанно уничтожил танками отходившие подразделения, так как ни артиллерийского, ни минометного огня я получить от дивизии не мог. На исходное положение я вывел не более 20 человек красноармейцев и командиров…» [11].

154-я и 260-я стрелковые дивизии вели бой на рубеже Пеневичи – Курган.

278-я наступала из Подбужья на Хвастовичи.

279-я, 290-я и 258-я дивизии обороняли рубеж Слобода - Николаевка фронтом на запад.

217-я и 299-я стрелковые дивизии 13 октября должны были выйти на рубеж Фроловка - Берестна.

Но далее прорваться в направлении Хвастовичей не удалось: здесь, как показал военнопленный, заняли оборону 112-я пехотная дивизия, а также моторизованный полк «Великая Германия». Пришлось под огнем противника наводить переправы через Рессету и одновременно отбивать атаки противника со стороны Хвастовичей, Николаевки. Большую роль в решении этой задачи сыграла артиллерия, которая одновременно оказывала огневую поддержку стрелковым подразделениям, ведущим бой за переправы.

В сложившейся обстановке 258-я стрелковая дивизия получила приказ: сдерживая противника на выгодных рубежах, прикрыть отступление войск 50-й армии, отходить на Буяновичи. Но вскоре противник захватил и Хвастовичи, и Журиничи, и путь дивизии на восток был отрезан. Повернув на север, она стала продвигаться к верховью реки Рессета.

К исходу этого дня 12 октября армия вышла на рубеж Подбужье - Карачев, сосредоточившись большей своей частью для переправы через реку Рессета в район Гутовского лесозавода в 20-25 км северо-восточнее Брянска [10].

Но в этот день 12 октября дивизия получила приказ: прорваться сквозь вражеский заслон, выйти из окружения и занять оборону на рубеже Пасека, Большая и Малая Голынка (в 50-70 км северо-восточнее Брянска). Выход из окружения в направлении поселка Гутовский лесозавод осложнялся тем, что предстояло форсировать заболоченную, покрытую мелким кустарником широкую пойму реки Рессеты. У Буяновичей противник атаковал боевое охранение и начал теснить дивизию назад. Подоспевшие подразделения 999-го стрелкового и 841-го артиллерийского полков с ходу вступили в бой и выиграли его.

В этом решающую роль сыграл батальон старшего лейтенанта Р.Л. Блынского. По приказу командира полка батальон обошел противника с юго-запада и атаковал во фланг. Неожиданный и стремительный удар вызвал среди немцев панику, и они начали отходить. В это же время удар по противнику нанесли подразделения полка, наступающие с фронта. Враг был разгромлен, его остатки бежали. Было убито и ранено около 400 гитлеровцев, захвачено 20 пулеметов, 250 винтовок и автоматов, 30 мотоциклов и 26 велосипедов [11].

Но в первой половине дня 12 октября растеряли друг друга не только командир и военком 1026-го полка. Из окружения теперь каждый выходил своей тропой. В немецкой оперативной сводке № 119 от 12.10.41 говорилось, что части 2-й танковой армии испытывают давление со стороны советских войск на участке Хвастовичи – Карачев. «По продолжающемуся сильному движению и упорному сопротивлению в районе Слобода – Буяновичи - Пеневичи, а также по многократным контратакам в направлении района Подбужье можно заключить, что здесь еще находятся крупные силы 50-й армии» [12].

В ночь на 13 октября 1941 года, организовав круговую оборону, части 258-й стрелковой дивизии, вышедшие на р. Рессету, начали строить переправу через нее.

50-я армия, продолжая выполнять поставленную задачу, к исходу 13 октября вышла на рубеж Подбужье, Карачев и сосредоточилась в районе ст. Батагово (25 км северо-восточнее Брянска), Буяновичи для переправы через р. Рессету и подготовки прорыва. На реке глубиной до 3 м с болотистой поймой мостов не было. Утром 154-я стрелковая дивизия генерала Я. С. Фоканова форсировала реку, но немцы не дали ей развить успех. Артиллеристы армии, огнем отбивая атаки с направления Хвастовичи, Пеневичи, поддерживали пехоту, переправлявшуюся через реку [11].

Обнаружив скопление советских войск, противник обстреливал их из орудий и минометов, наносил бомбовые удары авиации. Воздушного прикрытия не было, пойма просматривалась хорошо, мелкий кустарник не мог скрыть людей. Переправившись на противоположный берег, подразделения сразу вступили в бой. Немцы непрерывно атаковали. Сильным артиллерийским огнем им удалось разрушить переправу.

К утру переправиться на противоположный берег смог только 999-й полк. До поздней ночи дрался он с немцами, 12 раз переходил в атаку, но оборону противника не прорвал. Утром 14 октября 999-й стрелковый полк снова перешел в наступление, прорвал оборону противника и овладел поселком Гутовский лесозавод. В прорыв немедленно были введены все подразделения полка и сохранившиеся части 50-й армии, находившиеся в окружении. С тыла их прикрывали подразделения 991-го стрелкового полка.

«Наведение мостов, помимо сопротивления противника, осложнялось болотистыми берегами и значительной глубиной реки, но саперы справились с этой задачей, и 14 октября началась переправа артиллерии. Удалось переправить полностью полковую, противотанковую артиллерию и артиллерию на конной тяге»,- вспоминает Красинский А., командир роты 999-го стрелкового полка [9]. Тяжелые системы с тягачами не смогли пройти через мост.

После форсирования р. Рессеты попытки прорыва через Гутовский лесозавод были отражены противником. Положение усугубилось тем, что стали подходить к концу артиллерийские боеприпасы. По решению Военного совета армии были взорваны установки БМ-13 «Катюши» 6-го гвардей-

ского минометного полка, сделавшие последний залп по наседавшему противнику. Пришлось также уничтожить 16 орудий 761-го противотанкового артиллерийского полка и 8 орудий 643-го корпусного артиллерийского полка: здесь кроме снарядов кончилось и горючее у тягачей.

Переправившиеся части понесли огромные потери. Исход боя решил обходящий отряд во главе с командармом М.П. Петровым, который вышел в тыл противнику. Благодаря этому удалось пробиться к югу на 5-7 км. Но развить прорыв в юго-восточном направлении не удалось. Обходящий отряд был расчленен, многие погибли в бою, в том числе и член Военного совета армии бригадный комиссар Н.А. Шляпин. Командующий армией Герой Советского Союза М.П. Петров в бою получил смертельное ранение.

В ночь на 15 октября после ожесточенных боев под непрерывными ударами вражеской авиации и танков, под мощными огневыми налетами артиллерии дивизии пошли на прорыв через Гутовский лесозавод и Кресты на большак (дорогу) Карачев - Хвастовичи. Ценой больших потерь сопротивление противника было сломлено. Оставшиеся части 50-й армии продолжали выходить на рубеж, занятый группой Аргунова.

К 16.10 вышли из окружения: 217 стрелковая дивизия – 300 человек, 299 стрелковая дивизия – 400 человек, 279 стрелковая дивизия – 1500 человек, 260 стрелковая дивизия – 1200 человек, 154 стрелковая дивизия – 1200 человек [15].

Сведений о положении остальных частей 50-й армии не поступало [14].

Остатки армии опять были окружены в районе Желтоводье, Вереща (10 км северо-западнее Карачева), и 17 октября немцы сообщили о завершении ликвидации ее частей. Но армия не была полностью уничтожена.

Изменив направление действий и нанеся удар в северо-восточном направлении, оставшиеся части армии прорвали заслоны врага и двинулась в направлении на Белев. Остаткам армии и её штабу во главе с полковником Л. А. Пэрном удалось пробиться из окружения именно там, где до вмешательства начальника Генштаба они сначала успешно продвигались. В район Белева к 23 октября вышли остатки 217-й, 290-й, 279-й, 278-й, 258-й, 260-й и 154-й стрелковых дивизий, танковой бригады, а также несколько отдельных стрелковых и артиллерийских полков и другие части. Из окружения удалось вывести 14 орудий артполка 217-й стрелковой дивизии, 18 орудий 299-й стрелковой дивизии, 4 - 154-й стрелковой дивизии и 2 орудия – 151-го артиллерийского полка, а также некоторое количество противотанковых орудий.

Вышедшие из окружения части заняли оборону в пределах Белевского участка. Всего в ходе боев армия потеряла около 90 тысяч человек. Тем не менее, свыше 12 тысяч бойцов сумели пробиться к своим войскам [16].

Немецкие источники рисуют несколько иную картину боев. По их данным, полностью советские войска севернее и южнее Брянска были окружены к 14 октября. Так, 15 октября генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок доложил главкому сухопутных войск: «Бои с окруженными под Вязьмой войсками противника продолжаются в целом ряде разрозненных районов. Ещё не представляется возможным определить, когда это будет закончено <...> Перед фронтом 2-й армии упорно обороняется 50-я русская армия. Отражены ее попытки прорваться под Желтоводье» [14].

Через три дня в оперативной сводке ОКХ № 125 от 18.10.1941 прозвучало: «2-я армия. В ходе уничтожения 50-й русской армии взято в плен 55 105 человек, захвачено трофеев: 477 орудий; 21 танк, 1065 автомашин, много другого оружия и технического имущества... Уничтожены: 50-я армия в составе следующих дивизий; 149 (дивизия 43-й армии Резервного фронта); 154, 217, 258, 260, 276, 279, 290, 299-я стрелковые дивизии, 3-я резервная дивизия, 108 танковая дивизия» [15, 17].

Решением Ставки 23 октября 50-я армия была слита с 26-й армией, части которой занимали оборону по восточному берегу р. Зуши у Мценска [18]. Командующим армией был назначен генерал-майор Ермаков Аркадий Николаевич.

25 октября 50-я армия занимала рубеж Березово - Бол. Русаново - Белев - Игнатьево - Будоговищи - Тышлаково - Мценск, ведя бои в районах Белева и Мценска. На другой день 50-я армия, ввиду угрозы нового окружения её частям и соединениям, расположенным на правом фланге со стороны прорвавшегося 24-го танкового корпуса противника, начала по приказу отход в направлении Тулы, отражая атаки противника в районах Ханино, Челюскино, Манаенки и Чернь.

Ударом на Белев оставшиеся и собранные в кулак части 50-й армии прорвались через новое кольцо вражеского окружения и, переправившись в районе Белева через Оку, перешли за рекой к обороне.

Позднее в своих воспоминаниях А.И. Еременко писал: «50-я армия проявила исключительную маневренность. Командование… умело руководило войсками. Большая заслуга бойцов и командиров 50-й армии заключалась в том, что армия при отступлении с перевернутым фронтом нанесла врагу большой урон, вышла из окружения в наилучшем состоянии и заняла новые рубежи обороны» [18, с. 375-376].

Трагедия Брянского фронта совпала с трагедией одной лесной деревушки, оказавшейся в эпицентре событий [19].

Накануне трагедии 24 октября в деревню Хацунь Карачевского района, недалеко от которой находился и штаб Брянского фронта, пришли красноармейцы разгромленных частей фронта, выходившие по лесам из окружения. А немного позднее через деревню проходила немецкая разведгруппа, которая вела пленных. Красноармейцы попытались освободить пленных и убили трех немецких солдат.

Согласно распоряжениям германского командования, за каждого убитого немецкого солдата каратели казнили сто местных жителей. Но об этом пока не знали ни красноармейцы, ни жители деревни Хацунь и всех окружающих деревень

В деревне вместе с коренными жителями находились их родственники из соседних деревень, беженцы из оккупированного Брянска, который во время боев непрерывно бомбили. В основном это были женщины, дети и пожилые люди.

25 октября утром пришедшие карательные отряды немцев согнали всех, кто оказался в этот момент в Хацуни, к канаве, расположенной вдоль единственной улицы этой лесной деревеньки, и расстреляли.

К началу войны в Хацуни проживало в двенадцати хатах около 60 человек. До войны жители деревни и соседних поселков работали в колхозе «Красный партизан», вели привычный крестьянский образ жизни. Большинство жителей в этой деревне носили фамилию «Кондрашовы», поэтому, чтобы не путаться, жители называли часто друг друга по прозвищу. В деревне было, например, два Кондрашовых Ивана Ивановича: одного называли Прялкиным – он жил в доме № 5, а второго из-за того, что он был во время Первой Мировой войны в немецком плену, стали называть Пленным. Он жил в доме № 6.

В первом доме проживали вместе со своей теткой Кондрашовой Дарьей Николаевной сироты Тереховы: Юля, Толя, Коля и Володя. С ними жила еще и 60-летняя Яшина Татьяна, или Милениха, как звали ее в деревне.

16-летняя Кондрашова Любовь Ивановна приехала к деду, Прялкину Ивану Ивановичу, накануне трагедии. Вечером она уже собиралась вернуться обратно, но родственники уговорили ее остаться.

Трагическая случайность оборвала и жизнь Михаила, сына Ивана Ивановича Пленного. Он сражался на фронте, выходил из окружения и буквально перед расстрелом вернулся домой. Его жену Наталью и ребёнка, спрятавшихся в погребе, немцы нашли и тоже расстреляли.

По соседству с Кондрашовыми в доме № 7 проживала семья Яшиных. Одна из самых страшных расправ случилась с семнадцатилетней Ниной: каратели прибили ее гвоздями к воротам, обнаружив у нее личные вещи убитого накануне немецкого солдата.

В доме № 8 шестимесячную Нину Кондрашову проткнули штыком прямо в люльке.

Об этом сообщается в рапорте командира первого отряда 156 немецкого артиллерийского полка, сохранившемся в военном архиве города Фрайбурга и представленном молодым современным немецким исследователем истории оккупации Брянщины из Германии [19].

24 октября 1941г. разведгруппа 3-й батареи (германской армии, оккупирующей Россию), состоявшая из 5 кавалеристов, возглавляемых вахмистром Йокишем, говорится в рапорте, сопровождала военнопленных и была обстреляна на окраине Хацуни группой красноармейцев, выходивших из окружения. Трое были убиты.

А на рассвете 25 октября деревню окружили три группы карателей, по 60 человек в каждой, прибывшие со станции Снежетьская. Они начали обыск, в некоторых домах нашли спрятанное оружие и немецкие вещи.

Старший лейтенант Эйлеманн под предлогом того, что жители деревни скрывали оружие и вещи убитых немцев в своих домах, отдал приказ о расстреле. Фашисты согнали в одно место жителей Хацуни и соседних населённых пунктов, военнопленных, беженцев из Брянска.

Согласно немецкому отчету, было расстреляно 68 мужчин, 60 женщин и 60 детей. В толпе было много детей в возрасте от 2 до 10 лет, к которым руководитель карательного отряда решил проявить «гуманность» и расстрелял их вместе с родителями, чтобы «не предоставлять их самим себе», - говорится в рапорте.

Опустевшая деревня позже была сожжена. Только три человека спаслись в лесу: четырнадцатилетний Женя Кондрашов, Афанасий Ильич Акулов, Афанасий Иванович Кондрашов.

По данным, опубликованным в одной из фронтовых газет, уничтожено было 318 человек.

Немногие имена удалось восстановить за десятилетия поисковой работы. Из 318 погибших в тот трагический день установлены имена только 83 человек. На могильных плитах мемориала фамилии жителей деревни в том порядке, как стояли их дома. Рядом – имена их родственников, приехавших из Брянска и соседних деревень. На могильной плите высечены строки уроженца этих мест, писателя и поэта, исследователя трагической истории Хацуни, Е.Г. Кузина [20]:

Это было… О, как это было!
Ранним утром, в тревожной тиши
Автоматная дробь разбудила
Луговую хацунскую ширь.
И гибла Хацунь на рассвете.
Как розги, – немецкая речь.
И падали замертво дети,
Никто их не смог уберечь.
Вот здесь, где стоишь ты, потомок,–
Последнего вздоха тропа…

Недалеко от Хацуни на р. Рессете, где погибли воины Брянского фронта, как и по всей территории области, вот уже более полувека каждое лето работают поисковые группы молодежи. Каждый год происходит перезахоронение или просто первоначальное захоронение останков воинов 50-й армии.

А Хацунь стала первой, но не единственной деревней-мученицей. На карте Брянской области около тысячи названий населенных пунктов, полностью или частично сожженных фашистами во время оккупации Брянских земель. Чаще всего такая участь постигала деревни, расположенные в лесных районах, где действовали партизаны. Было расстреляно, казнено, замучено, заживо сожжено, погибло при бомбардировках более 76 тысяч мирных граждан; свыше 163 тысячи угнано в рабство в Германию. Только в Карачевском районе, по территории которого протекает Рессета, расположена Хацунь, были сожжены все населённые пункты, а это 149 поселений [21].

На территории Брянщины с началом оккупации была развёрнута целая сеть концентрационных лагерей. Первоначально в них попадали пленённые бойцы и командиры красной армии. В дальнейшем в эти лагеря стало сгоняться и мирное население. Всего в 1941 – 1943 годах на территории нынешней Брянской области было создано 22 лагеря для советских военнопленных. Только в лагере №142, что в посёлке Урицкий (ныне – Володарский район города Брянска) немецко-фашистские захватчики уничтожили более 40 тысяч военнопленных и мирных граждан. А всего на территории современного Брянска было 7 концлагерей.

Почти два года Брянщина была оккупирована. Во второй половине августа 1943 года вся территория Карачевского района была освобождена Брянским фронтом. Эта свобода была оплачена жизнями 287-и советских солдат.

В память погибших жителей Хацуни сооружен первый в России музейный мемориальный комплекс, посвященный российским деревням, уничтоженным в годы Великой Отечественной войны фашистскими захватчиками[23]. В память о них и воинах здесь возведена часовня. По фасаду здания музея устремляются в небо силуэты журавлей. Поминальный звон колоколов не дает забыть большую и малые трагедии 1941года. По шатровому верху часовни стекают золотые слезы – символ вечной скорби о погибших.

We investigate the position of the Bryansk Front, 50th Army, and the tragedy of the village "Hatsun" located near the headquarters of the front, the fall of 1941.
The keywords: *Bryansk Front, 50th Army, p. Resseta, etc. Hatsun.*

Список литература

1. ЦАМО. Ф. 202, оп. 5, д. 38, лл. 1-30. Отчет командующего войсками Брянского фронта начальнику Генерального штаба Красной Армии о боевых действиях армий Брянского фронта в период с 1 по 26 октября 1941 г.
2. ЦАМО. Ф. 48а, оп. 3812, д. 8, л. 335-337.
3. ЦАМО. Ф. 16, оп. 1071-сс, д. 3545, лл. 132-141.
4. ЦАМО. Ф. 16, оп. 1071, д. 3545, лл. 152-158.
5. ЦАМО. Ф. 48 а, оп. 3408, д. 15, л. 517.
6. ЦАМО РФ, ф. 405, оп. 9769, д. 1, л. 9, 10.
7. ЦАМО. Ф. 500, оп. 12462, д. 548, лл. 208-212.
8. ЦАМО. Ф. 48 а, оп. 1554, д. 9, л. 534.
9. ЦАМО. Ф. 16, оп. 1071 сс, д. 3545, лл. 219-225.
10. ЦАМО. Ф. 202, оп. 5, д. 38, лл. 1-30.
11. Варфоломеев А. Одна из тайн Рессеты // Брянские известия. 1991. № 54. 12 сентября.
12. ЦАМО. Ф. 500, оп. 12462, д. 548, лл. 215-219.
13. ЦАМО. Ф. 16, оп. 1071 сс, д. 3546, лл. 8-17.

14.ЦАМО. Ф. 500, оп. 12462, д. 548, лл. 277-281.
15.ЦАМО. Ф. 202, оп. 9769, д. 1, л. 9-11.
16.ЦАМО. Ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 277-281.
17.ЦАМО. Ф. 132, оп. 2642, д. 30, л. 75-76.
18. Еременко А.И. В начале войны. М.: Наука, 1964.
19.ГАБО. ф.6, оп.1, д.54.
20.Кузин Е.П. Хацунская исповедь. Брянск, 2007.
21.Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н. Партизаны и предатели. Исследование социальных процессов на Брянщине в период оккупации (1941 – 1943гг.) Брянск, 2011.
22.Гавренков А.А., Трифанков Ю.Т. Брянский фронт. Первое формирование. Брянск, 2011.
23.Материалы музея - комплекса «Хацунь».

Об авторах

Трифанков Ю.Т. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного технического университета, tim-lyud@yandex.ru

Гавренков А.А. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Трифанков Я.Ю. – аспирант, филиал Брянского государственного исторического музея «Хацунь».

УДК 943.082

ВОПРОС ГЕРМАНСКОГО ЕДИНСТВА В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛОВ (1871 ГОД)

Ю.Н. Устинова

В статье освещен процесс конституционного оформления национального немецкого государства и показана позиция национал-либералов в определении формы и методов построения единой Германии. Власти предстояло создать условия для гармоничного сосуществования вошедших в империю государств и народов. Останется ли Германия союзом государств, станет федерацией или будет образовано унитарное государство – решение оставалось за народной палатой, где большинство мандатов принадлежало национал-либералам.

Ключевые слова: *национал-либеральная партия, Германская империя, конституция, национальный вопрос, унитарное государство, федерация.*

Разгромом Франции во франко-прусской войне 1870-1871 гг. завершилась борьба за объединение германских земель «железом и кровью». 18 января 1871 г. указом Вильгельма I была образована Германская империя путём присоединения к Северогерманскому союзу южных государств.

Германия представляла собой конгломераткоролевств, великих герцогств, герцогств, княжеств и вольных городов. Каждая из территорий имела определённую самостоятельность и располагала устоявшимися политическими традициями. Большинство вошедших в империю государств являлись конституционными монархиями, некоторые – не имели конституции; в одних – преобладал авторитаризм, в других – утверждались либеральные начала.

Самым крупным образованием империи оставалась Пруссия. На её долю приходилось свыше половины всей территории Германии и 60 % всего населения. В Пруссии господствовали авторитарные порядки. Несмотря на существование парламентских механизмов, исполнительная власть оставалась ведущей силой в государстве, символами которого были милитаризм, консерватизм и полуабсолютизм. Ядро местной элиты образовывало юнкерство, оказывавшее поддержку курсу правительства. Назначение Бисмарка на должность канцлера только консервировало существовавшие порядки и усиливало влияние прусской бюрократии в империи. Российское либеральное издание «Вестник Европы» констатировало, что во второй трети XIX в. в Европе не было ни одного правительства, которое бы так упорно держалось своих традиций, как прусское [1, с. 215].

Противовес Пруссии образовывало королевство Бавария, которое консолидировало и направляло южно-германские государства в их борьбе за широкую автономию. Являясь более восприимчивыми к нововведениям, южане охотно примеряли опыт других европейских держав. Если на севере Германии «свобода» воспринималась лишь как сладкий звук, то на юге одно упоминание о ней приводило в движение все политические силы. В Баварии руководствовались более мягкими, чем Пруссия, законами. В регионе активно развивались принципы парламентского правления, практически каждое государство имело собственную конституцию. Баварское правительство располагало армией с собственной символикой, разветвлённой сетью железных дорог, богатой инфраструктурой, самостоятельновело законо-

творческую деятельность и дипломатическую переписку, занималось вопросами налогообложения.

В экономическом отношении юг традиционно был богаче севера. Материальный достаток и либерализм наложили отпечаток на поведение, менталитет и образ жизни населения региона. Если в Пруссии институтом, отражавшим национальный характер, была школа, то в Баварии – трактир. Пруссак – это скептик, повинующийся рационалист, который не ценит жизнь; южане – предприимчивы, веселы, общительны, это люди борющиеся за улучшение жизненных условий и почитающие традиции. Серьёзное отличие между регионами заключалось в религиозной сфере: на севере преобладало протестантское население, юг оставался католическим. В сложившейся ситуации империя становилась для Пруссии Отечеством, а для жителя Бадена, Баварии или Вюртемберга подобное единство ничем не отличалось от союза с любым другим государством. Поэтомуюжане были готовы предпринять всё возможное, чтобы не допустить растворения региона в великой Германии.

Кроме немцев, на территории империи проживали и другие народы. Наиболее многочисленными из них были поляки, населявшие Западную Пруссию и Познань. Список национальных меньшинств дополняли французы и датчане. Эти категории населения тяготились узами империи и поддерживали настроения южных немцев.

Объединение Германии, бесспорно, было актом прогресса, поскольку удалось преодолеть многовековую раздробленность. Теперь власти предстояло обеспечить «согласие во многообразии»: создать условия для гармоничного сосуществования входивших в империю государств и народов с учётом их региональных особенностей и традиций. Останется ли Германия союзом государств, станет федерацией или будет образовано унитарное государство – решение оставалось за народной палатой, где большинство мандатов принадлежало национал-либералам.

23 марта 1871 г. проект имперской конституции, дублировавший основной закон Северогерманского союза и дополненный выдержками из договоров Пруссии с южными государствами, поступил в рейхстаг. Уже в первом чтении обозначились два элемента для дискуссии: какова должна быть степень самостоятельности отдельных государств и каким должно быть положение национальных меньшинств в империи.

Позиция национал-либералов относительно формы государственного устройства не изменилась с 1867 г.: сильная Германия, развивавшаяся по единым нормам на основе принципа свободы и равноправия всех территорий. Как возможная парламентариями рассматривалась унитарная форма объединения, базировавшаяся на общности интересов: отныне интересы регионов должны сообразовываться с нуждами Германии. Оценивая потребности областей ниже общеимперских, национал-либералы полагали, что любая форма неравенства между субъектами могла спровоцировать конфликты, парализующие работу фундаментальных институтов. Поэтому «в едином государстве не могут существовать дисгармоничные отношения между…органами империи и союзных государств. Совместное сосуществование союзной конституции и конституций отдельных государств невозможно, поскольку они противоречат друг другу» [2, s. 92].

Если относительно формы объединения империи позиция партии была единой, то во время парламентских дебатов наблюдалось различие мнений в методах. Национал-либерал Э. Ласкер в качестве критерия достижения реального единства рассматривал благополучие народа, чему должны предшествовать единство права, экономических отношений и обороны [3, s. 288]. Политик приветствовал воссоединение немецкого народа и настаивал на создании общеимперского законодательства путём унификации действовавших законов. Это было делом далёкой перспективы. Высоко оценивая достижения баварских законодателей, депутат, тем не менее, предложил разумно ограничить «фанатизм партикуляристского законодательства» [4, s. 83], препятствовавший введению общегерманских норм в королевстве. Наличие единого экономического пространства и совместное управление вооружёнными силами представлялись Ласкеру важной практической предпосылкой объединения. Он подчёркивал, что баварцы должны смириться со своим новым положением и не препятствовать сплочению нации.

Сторонники позиции Г. Трейчке, радикального унитариста, предлагали более быстрый путь достижения национального единства – деспотизм [5, s. 133]. Ещё в 1859 г. ряд членов будущей партии во главе с учёным допускали возможность создания на основе конституции военного государства строгой дисциплины и всеобъемлющего контроля [6, s. 41].

Таким образом, национал-либералы рассматривали два варианта создания унитарного национального государства: длительная во времени скрупулёзная работа по созданию единых конституционно-правовых норм или приносящая быстрые результаты система тотального подчинения. Э. Ласкер предлагал конституционные методы, Г. Трейчке настаивал на авторитарном способе управления. Последняя позиция противоречила либеральной доктрине, Ласкер, напротив, действовал в рамках партийных положений.

В партийной концепции единой Германии важное место отводилось национальному принципу формирования империи: население должно быть представлено немецким народом. Последова-

тельное проведение идеи равенства, равноправия граждан независимо от национальности, языка, происхождения, отношения к религии является характерной чертой правового государства. Но в программных документах национал-либералов ничего не упоминалось о положении, правах национальных меньшинств. Если поляки либо жители Эльзаса отказывались участвовать в общегерманских делах, то сторонники жестких, решительных мер во главе с Трейчке не исключали возможности проведения националистической и антисемитской пропаганды во имя единой Германии. Конечной целью такой политики парламентарий видел в полной ассимиляции ненемецких народов [5, s. 135]. Действуя во благо немецкого народа и желая соблюсти доктрину, что толковалось как необходимость духовного и морального сближения культур, национал-либералы ошибочно надеялись подавить чувство национального самосознания входивших в империю народов.

Изначально канцлер и национал-либералы имели разные представления о форме объединения. Бисмарк добивался конституционного закрепления доминирующего положения прусских институтов в империи. Решение этой задачи было возможно только при условии федеративного устройства Германии. «Железный канцлер» воспринимал всё население страны как единую нацию, не разделяя её на народы. Соответственно, поляки, французы или датчане, проживавшие в империи, не могли рассчитывать на создание национальной автономии, поскольку удовлетворение подобных требований могло спровоцировать всплеск национальных чувств [4, s. 97-98]. Они должны чувствовать себя частью немецкой нации, однако, по мнению самого политика, вряд ли удастся превратить их в немцев и тем более в прусаков [3, s. 922]. Бисмарк высказывал большое сомнение относительно успеха национальной политики в данном направлении, но в этом канцлера поддержала партия парламентского большинства – национал-либералы – одобрив подобные методы укрепления национального единства, известные в истории как «культуркампф».

Однако содержание имперской конституции, принятой 16 апреля 1871 г., во многом не подтвердило ожидания национал-либералов.

Основной закон провозгласил национальное единство и формально завершил процесс создания империи. Отныне на территории страны действовала единая конституция, имперские законы преобладали над региональными. Германия объявлялась союзом государств, состоявшим из большого числа субъектов. Титул германского императора принадлежал прусскому королю, что узаконило привилегированное положение Пруссии в государстве. Согласно документу, субъектам предоставлялась незначительная самостоятельность, которая постепенно сокращалась. Представители национальных меньшинств приравнивались к гражданам Германии, их требования об автономии не были удовлетворены.

Таким образом, империя представляла собой союзное государство, основанное на федеративном характере конституции. Законодательно удалось достичь баланса между интересами империи и её субъектов, между единством и многообразием. Германия была объединена, не утратив своего регионального плюрализма. Привилегированное, практически господствующее положение заняла Пруссия, что вызвало со стороны отдельных субъектов многочисленные нарекания. Впоследствии, это обстоятельство часто становилось катализатором в борьбе ущемлённых территорий за равноправие. Документ не вызвал серьёзных разногласий в партии. Либеральные цели культурного сближения были перечёркнуты авторитарными методами насаждения монархических порядков. В рейхстаге поддержали ту форму объединения, к которой стремился Бисмарк.

Однако истинного единства не наступило. По официальным документам Берлин являлся столицей империи, но фактически был только столицей Пруссии. Области продолжали действовать обособленно, функционирование прежних региональных институтов воспринималось как естественная данность. Наибольшую самостоятельность сохранила Бавария. В её ведомстве остались право на заведывание почтой, телеграфом, железными дорогами, полная самостоятельность в вопросе о подданстве населения и налогообложении пива и водки. Королевство сохранило частичную независимость в управлении войском, выступая под знамёнами империи только в военное время. Политическая самостоятельность Баварии заключалась в образовании в союзном совете под её председательством комитета иностранных дел, куда также входили уполномоченные от Саксонии, Вюртемберга (78-я статья конституции) [7, s. 108]. 14 голосов, не поддержавших решение большинства, было достаточно, чтобы отменить изменение конституции. Права указанных государств обеспечивались только применением данной статьи, в содержании которой Трейчке увидел скрытую возможность осложнения отношений между субъектами [4, s. 107]. Ни одно государство-член союза не имело право выхода их империи. Такое единство национал-либералы назвали «истинным триумфом федерализма» [3, s. 815].

В литературе можно встретить различные суждения на предмет путей объединения. Распространено мнение, что рассматриваемый процесс имел целью утверждение в Германии прусской системы управления и образа жизни. В российской консервативной прессе XIX в. молодую империю

воспринимали как развернувшую свои пределы Пруссию [8]. Для некоторых современников этобыла «страна со многими столицами», возникшая в результате «бракосочетания Баварии с Пруссией» [9, с. 214-215]. Второй момент дискуссии образовывал характер сформировавшейся империи. Немецкие [10] исследователи считают империю незавершённым национальным государством: она была «первоначально более чем хорошо подготовленной возможностью, но не реальностью»[11, s. 83].

Образование единой Германии было актом прогресса, ибо удалось преодолеть многовековую раздробленность германских земель. Сильнейшая фракция рейхстага – национал-либералы – желали видеть молодую империю национальным унитарным государством, основанным на равноправии входивших в неё территорий. Но в рамках партии обозначились два варианта единения. Первый – «ласкеровский»: акцент делался на культурное обоюдное сближение сторон, что представлялось событием далёкой перспективы. Другую линию представлял Трейчке, предлагая ускорить процесс путём насильственного объединения. Для Бисмарка наличие различных подходов облегчало возможность проводить свой курс, курс «опруссачивания». В одобренной национал-либералами конституции ущемление прав отдельных регионов стало бомбой замедленного действия, катализатором назревавших в империи конфликтов. Партия колебалась между тяготением к национальному единству, равноправию, либеральной доктриной и необходимостью защищать права и свободы меньшинств. Имперская конституция не удовлетворила ожидания национал-либералов: федеративное устройство Германии с привилегированным положением Пруссии подкреплялось проведением германизации. Сотрудничество национал-либералов и Бисмарка было взаимовыгодным и одобрение ими конституции сыграло двоякую роль, указав на противоречивость тактики партии: желание быть рядом с властью и следовать доктрине.

Process of the constitutional registration of the national German state is covered in article and the National-liberals position in form definition and methods of construction of Germany is shown. The power should create conditions for harmonious coexistence of the states and the people which have entered into empire. If Germany will be the union of the states, or the federation, or the unitary state – it will be the decision of national chamber where the majority of mandates belong to National-liberals.
***The key words**: the National Liberal Party, the German empire, the constitution, national question, the unitary state, federation.*

Список литературы

1. ВестникЕвропы. Кн. 3. 1871.
2. Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 25. Berlin, 1871.
3. Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 24. Berlin, 1871.
4. Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags. Bd. 23. Berlin, 1871.
5. Forsbach R. Heinrich von Treitschke // Fröhlich M. Das Kaiserreich. Portrait einer Epoche in Biographien. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. S. 131-142.
6. Kocka J. Wendepunkte deutscher Geschichte // H.A. Winkler. 1866 und 1878: Der Machtverzicht des Bürgertums. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1989. S. 37-63.
7. Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten. 1849-1934. Urkunden und Aktenstücke zur inneren und äußeren Politik des Deutschen Reiches in 4 Bänden. Bd. I. 1849-1906. Berlin: Vertrieb amtlicher Veröffentlichungen, 1934.
8. Московскиеведомости. 1873. Март 07.
9. ТиссоВ. ПруссакивГермании. СПб., 1876. 394 с.
10. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. СПб.: Наука, 2003. С. 169-170.; Kocka J. Geschichte und Aufklärung. Probleme der Nation in der deutschen Geschichte 1870-1945. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1989. S. 83.
11. Kocka J. Geschichte und Aufklärung. Probleme der Nation in der deutschen Geschichte 1870-1945. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1989. 198 s.

Об авторе

Устинова Ю.Н. – кандидат исторических наук, ассистент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, julija0404@rambler.ru

УДК – 94(470)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЯТЬКОВСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ИМ. С. И. МАЛЬЦОВА В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX вв.

Н.Г. Федькина

Исследована деятельность Дятьковского благотворительного общества при АО Мальцовских заводов в конце XIX – начале XX вв. Рассмотрены особенности социальной защиты работников предприятия, а также система оказания материальной помощи жителям села Дятьково. Изучен правовой статус Общества: его цели, состав, средства, управление. Установлены персоналии, т.е. люди, принимавшие участие в работе данной организации. Главными источниками для раскрытия темы послужили архивные документы за рассматриваемый период (уставы, отчеты).
Ключевые слова: *Акционерное общество Мальцовских заводов, благотворительность, Дятьковское благотворительное общество, социальная помощь, трудовое население, С. И. Мальцов.*

Оказание благотворительной помощи в России имеет давние традиции. Пройдя долгий путь своего становления и развития, благотворительность стала основой для формирования таких понятий, как социальная работа и трудовая помощь. К концу XIX века данная деятельность отличалась многообразием форм и уровней. Социальной поддержкой населения занимались городские благотворительные общества, деревенские земства, благотворительные организации при заводах.

С 1891 по 1899 гг. было создано свыше половины (53%) подобных организаций, возникших в стране с 40-х годов XIX в. К началу XX в. в Российской империи насчитывалось более 11 тысяч благотворительных учреждений (4762 благотворительных общества и 6278 благотворительных заведений) [1, с. 3]. На каждые 100 тыс. населения приходилось 6 благотворительных учреждений, основными направлениями деятельности которых являлись предоставление нуждающимся дешевого жилья, питания, выдача денежных пособий [2, с. 9].

Следует отметить, что цели, которые ставили перед собой купцы, промышленники, предприниматели в своих благотворительных начинаниях, были различны. Купцы, совершая крупные пожертвования, стремились повысить свой престиж, заслужить уважение сограждан, оставить свой след в истории. Промышленники же, занимаясь благотворительностью на своих предприятиях, прежде всего создавали условия для материальной заинтересованности рабочих в результатах своего труда, понимая, что забота о кадрах в конечном итоге будет способствовать качественному улучшению выпускаемой продукции, увеличению прибыли, а также нормализации отношений между руководством предприятия и рабочими.

Наиболее примечательной в этом плане является деятельность С. И. Мальцова, создавшего на территории трех губерний огромное и эффективное многоотраслевое хозяйство[1], сформировавшего определенную социальную среду на своих предприятиях. Сергей Иванович практиковал самые разнообразные формы оказания материальной помощи рабочим. Ежегодно на эти цели тратилось более 60 тысяч рублей. При этом «благотворительный капитал» определялся суммой в 500 тысяч рублей, а по мере расходования он должен был непрерывно пополняться [3, с. 8].

Важной составляющей социальной работы С. И. Мальцова была забота о благосостоянии заводского населения. С целью оказания помощи детям, старикам, вдовам, сиротам и больным, проживавшим на территории заводских поселений, была создана целая система трудовой и социальной помощи. Для одиноких и престарелых людей устраивались богадельни, для нетрудоспособных мастеровых, вдов, сирот устанавливались пенсии. Через год после смерти С. И. Мальцова в 1894 году было организовано «Акционерное общество Мальцовских заводов», в котором новой формой организации трудовой и социальной помощи стало создание благотворительных обществ.

Наиболее крупным из них было Дятьковское благотворительное общество в Брянском уезде (далее Обшество), учрежденное 12 ноября 1898 года губернатором г. Орла на основании предложенного ему устава. Это Общество находилось в ведении Министерства Внутренних Дел на основании статей 444 и 445 Устава общественного призрения (т. XIII Свода законов изд. 1892 г.) [4, с. 27]. Согласно Уставу, организация состояла из неограниченного числа лиц всех званий, состояний и вероисповеданий. Ограничение на вступление в Общество распространялось лишь на несовершеннолетних и учащихся учебных заведений.

Основной целью Общества было предоставление средств к улучшению материального и нрав-

[1] Мальцовский промышленный округ располагался в трех губерниях: северной части Брянского уезда Орловской области, средней и южной частях Жиздренского уезда Калужской области и восточной части Рославльского уезда Смоленской области.

ственного состояния беднейших жителей села Дятьково, а при расширении средств район деятельности Общества мог распространяться на жителей других заводов и фабрик Мальцовских предприятий [4, с. 28].

Социальная помощь выражалась в снабжении одеждой, пищей и приютом неимущих (в крайнем случае, в выдаче им денежных пособий), бедных больных медицинскими пособиями, а также в помещении таких больных за счет Общества в больницы и в содействии при погребении умерших.

Члены Общества подразделялись на почетных, действительных и соревнователей (сотрудников). Почетными членами были лица, сделавшие значительные пожертвования или оказавшие иные существенные услуги и избранные в это звание общим собранием членов Общества, а также вносящие не менее 100 рублей ежегодно.

Исследуя документы Общества, можно сделать вывод о том, что его Почетными членами были весьма уважаемые люди. Согласно отчету за 1901 г., список почетных членов Общества выглядел так: председатель правления АО Мальцовских заводов И. С. Мальцов, директор АО А. И. Мамонтов, епископы Никанор и Макарий, отец Иоанн Сергиев (Кронштадский), князья Ф.Ф. и З.Н. Юсуповы [5, с. 17].

К 1913 году количество почетных членов сократилось до 19, а действительных увеличилось до 100 человек [6, с. 19]. Основная часть участвовавших в деятельности Общества была представлена акционерами общества Мальцовских заводов.

Действительными членами Общества были лица, которые ежегодно вносили в кассу взносы в размере, определенном общим собранием, но не менее 3 руб., или единовременно не менее 1 рубля. Членами-соревнователями (сотрудниками) являлись как лица, вносящие ежегодно менее 3 руб., так и лица, помогающие действительным членам в принятых ими на себя обязанностях по Обществу. Члены-соревнователи не пользовались в собрании Общества правом решающего голоса и не могли избираться в должности по Обществу, но им поручалось исполнение таких обязанностей, как изучение положения нуждающихся по Мальцовским заводам [4, с. 8].

Независимо от уплаты денежных взносов звание действительного члена присваивалось людям, которые своим безвозмездным трудом содействовали целям Общества (врачам, принявшим на себя обязательство бесплатного лечения бедных больных; лицам, изъявившим желание взять на содержание или на воспитание кого-либо из бедных, покровительствуемых Обществом; а также лицам, проводившим изучение действительного положения заводского населения).

Согласно отчетам, количество действительных членов Общества неуклонно уменьшалось (со 135 человек в 1901 г. до 53 человек в 1912 г.) и увеличилось до 98 человек лишь в 1914 г. Ежегодно в Общество вступало 4-7 человек, а максимальным вступлением новых членов отмечен 1912 г. - 50 человек [6, с. 15].

Председателем Общества вначале была Л.О. Шешминцева (жена основателя АО «Мальцовский портландцемент» Л. К. Шешминцева), в 1907 г. Я. П. Слабошевич, в 1909 г. - Г. К. Зелиг, а с 1910 г. - П. Д. Козицын. Секретарем Общества до 1907 г. был А.М. Эндауров, а затем - Ф.К. Бредепфельд. Практически бессменным казначеем был М.Н. Виноградов[1], и лишь в 1914 г. его сменил В.Д. Каменев.

Средства Дятьковского благотворительного общества состояли из членских взносов, доходов от капиталов и имущества общества, пожертвований членов Общества и посторонних лиц, а также различных учреждений, как деньгами, так и вещами, доходов от устраиваемых Обществом драматических представлений,литературных чтений, публичных лекций, концертов и т.п.

Следует отметить, что все поступавшие в Общество суммы по своему назначению подразделялись на неприкосновенный и расходный капиталы. По постановлению общего собрания Общество могло образовать запасный и специальный капиталы. Специальные капиталы составлялись из пожертвований, делавшихся со строго определенной целью, и отчислений из общих доходов Общества, если это признавалось необходимым общим собранием.

Неприкосновенный капитал составлялся из пожертвований и других взносов, а также из процентов, отчисляемых со всех доходов Общества. Размер отчислений определялся общим собранием. Расходный капитал образовывался из всех прочих сумм, а также процентов с неприкосновенного и запасного капиталов. Доходы со специальных капиталов обращались исключительно на определенные специальные цели.

Согласно Уставу, капиталы Общества по мере накопления обращались в гарантированные правительством процентные бумаги и хранились в учреждениях Государственного банка, в сберегательных кассах [4, с. 9].

Из анализа годовых отчетов Общества можно сделать вывод о том, как складывались капиталы общества с 1899 по 1914 гг. Начиная с 1903 г., весьма значительной статьей поступлений средств в Общество стала лотерея, дававшая ежегодно от 1031,26 руб. до 1431,60 руб. [7, с.10]. По данным за 1911 год, на одну из них было затрачено 576 рублей, при этом было продано билетов на 1 360 рублей [8,с.12]. Также

[1] М. Н. Виноградов работал заведующим Людиновским врачебным округом (прим. автора).

источниками поступления средств в кассу Общества были проценты с капиталов, хранящихся в государственной сберегательной кассе, проценты по ценным бумагам, прибыль от деятельности чайной, продажи газет, молочных продуктов, мяса, овощей, фруктов и ягод и др. Значительную долю поступлений составили благотворительные взносы, общая сумма которых в 1912 году достигла 895 рублей [6, с.8].

С 1907 г. значительные суммы находились на текущем счете в АО Мальцовских заводов, причем максимальная сумма (3735 руб. 94 коп.) находилась на этом счете в 1911 г., а минимальная (1163руб. 24 коп.) - в 1914 г. [9, с. 9].

Единственным стабильным жертвователем Благотворительного Общества был его почетный член сын С.И. Мальцова И.С. Мальцов – председатель правления АО Мальцовских заводов, который, начиная с 1903 г., ежегодно вносил в кассу Общества по 180 руб. Дятьковское благотворительное общество носило имя его отца.

Почти ежегодную помощь в размере 100 руб. оказывала Обществу Брянская земская управа. Трижды (в 1909, 1910 и 1914 гг.) весьма значительные суммы (от 1000 до 5600 руб.) вносило правление АО Мальцовских заводов. В 1912 г. крупный разовый взнос сделал Э.Л. Нагурский (300 руб.) [10, с. 11].

Основные статьи расходов средств Общества рассмотрим на примере 1901г. (табл. 1) [5, с. 16].

Таблица 1

Расход капиталов в Дятьковском Благотворительном Обществе в 1901 г.

Статья расхода	Сумма, руб.
Продовольствие для богадельщиков	553,84
Одежда и обувь для богадельщиков	171,07
Ремонт богадельни	32,60
Изгородь при богадельне	210,15
Содержание сада и огорода	259,53
Содержание скота	80,56
Жалованье служащим богадельни	222,16
Инвентарь (движимое имущество)	83,55
Содержание пенсионеров	1287,00
Пособия на выдачу замуж	57,00
Единовременные пособия	181,75
Содержание чайной-читальни и библиотеки	1375,65
Ремонт чайной	148,19
Праздник древонасаждения	71,14
Разные расходы	169,17
Итого	4902,36

Как показывают данные табл.1, в Дятьковском благотворительном обществе особая роль уделялась помощи престарелым и больным людям, поэтому самыми значительными статьями расходов были статьи на содержание богадельни и пенсионеров.

Богадельня была рассчитана на 25 человек, там организовывалось бесплатное питание для рабочих и служащих, оказывалась материальная помощь особо нуждающимся рабочим, устраивались единовременные благотворительные акции и др. При богадельне существовало собственное приусадебное хозяйство: сад, огород, скотный двор. Люди посильно трудились, и этот труд также приносил определенные доходы от продажи мясных и молочных продуктов, яиц, овощей, фруктов, рассады и семян. Так, доход от содержания огорода и сада стабильно нарастал от 388,49 руб. в 1901 г. до 1819,93 руб. в 1914 г.[9, с.7].

Среди прочих статей дохода была сдача в аренду помещений Народного дома[1], организованного Обществом. Арендная плата составляла 5 рублей. Максимальная сумма (94,55 руб.) была получена за нее в 1909 г., в первый год сдачи в аренду [11, с.8].

В Обществе большое значение уделялось духовному развитию рабочих, для реализации чего были организованы читальни, библиотека, проводились различные лекции, просматривались кинофильмы, устраивались спектакли, вечера, концерты. Чайная и читальня приносили немалый и, кроме того, стабильный доход, ежегодный размер которого колебался от 521,85 руб. в 1903 г. до 1180,06 руб. в 1912 г. В 1914 г. крупной статьей дохода Общества стало проведение киносеансов, принесшей ему 7808,99 руб. Общий доход постепенно и стабильно нарастал с 7776 руб. в 1901 г. до 22873 руб. в 1914 г., причем в 1914 г. произошло самое резкое увеличение доходов - почти в два раза по сравнению с 1912 г. (за счет использования кинематографа [9, с.14]. В 1912 году капитал Дятьковского благотворительного общества увеличился на 7 061 рубль.

[1]Народный дом- общедоступное негосударственное просветительское учреждение клубного типа. В России создавались с конца 1880-х гг., особенно широко - после революции 1905 года. Финансировались местными промышленниками, частными благотворителями, муниципальными управами, обществами трезвости.

Кроме денежной помощи, Обществу часто оказывалась помощь книгами, продуктами, дровами, стройматериалами, одеждой, обувью, тканями, семенами, саженцами, углем и др. Общая сумма капитала Общества к началу 1912 года составила 7 357 рублей. За указанный год было израсходовано 4 420 руб.[6, с. 11]. Основные статьи расходов видны из табл. 2.

Таблица 2

Расход капиталов в Дятьковском Благотворительном Обществе в 1912 г.

Статья расхода	Сумма, руб.
Продовольствие богадельщиков	680,70
Покупка одежды и обуви	220,95
Ремонт богадельни	99,68
Жалованье служащим богадельни	311,50
Выдача единовременных денежных пособий (445 чел.)	1 205,00
Проведение лотереи	576,03
Содержание библиотеки и читальни	30,41
Прочие расходы	170,43

Из табл. 2 видно, что по-прежнему большое внимание уделялось содержанию богадельни, а также выдаче единовременных пособий на различные нужды трудящихся и членов их семей.Это говорит о том, что направленность проводимых социальных мероприятий в рамках деятельности Дятьковского Благотворительного Общества определялась, прежде всего, осознанием руководством необходимости создания приемлемых условий жизни для рабочих и их семей, что позволяло, в какой-то мере, реализовывать принцип материальной заинтересованности и поднимать производство на более высокий уровень, а также сохранять социальную стабильность на предприятии.

Таким образом, изучение регионального исторического опыта деятельности провинциальных благотворительных обществ в конце XIX – начале XX вв. даёт возможность понять механизм социальной и трудовой помощи тем категориям населения, которым она была необходима. Элементы рассмотренного опыта можно использовать при организации системы социальной защиты населения в процессе создания различных общественных благотворительных структур на современном этапе.

Dyatkovo Charitable Society under JSC Matltsov's Plants at the turn of XXth century is studied. Workers' social security is viewed as well as the system of material assistance to the poor in Dyatkovo village. The Society's legal status is studied: its goals, structure, means, and management. Personalia are established, i.e. people, having taken part in the work of the given institution. Archival documents (statutes, reports) for the period under study served as the main source for the theme.
The key words: *JSC Maltsov's Plants, charity, Dyatkovo Charitable Society, social assistance, workfolk, S.I. Maltsov*

Список литературы

1. Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900.
2. Сборник сведений о благотворительности в России с короткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве. СПб.,1899.
3. Сергей Иванович Мальцов и Мальцовское промышленно-торговое товарищество. СПб, 1880.
4. Устав Дятьковского благотворительного общества в г. Дятькове Брянского уезда Орловской губернии. Брянск, 1898.
5. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 107, оп. 107, д.179.
6. Отчет Дятьковского благотворительного общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1912 год. Смоленск, 1913.
7. ГАБО, Ф. 107, оп. 107, д.181.
8. Отчет Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1911 год. Брянск, 1912.
9. Отчет Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1914 год. Брянск, 1915.
10. Отчет Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1913 год. Брянск, 1914.
11. Отчет Дятьковского Благотворительного Общества имени Сергея Ивановича Мальцова за 1909 год. Брянск, 1910.

Об авторе

Федькина Н.Г. – соискатель, научная библиотека Брянского государственного технического университета, sistnat@bk.ru

УДК 947.084

КАЛУЖСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1918 г.*

В.Я. Филимонов

В годы революции и гражданской войны в России довольно широкое распространение получили проявления регионализма. В частности, это нашло выражение в фактах провозглашения республик в отдельных губерниях и даже волостях. Советские историки объясняли это отсутствием опыта строительства органов власти на местах. Однако, регионализм – сложное явление, которое могло приводить к проявлению сепаратизма. В статье на основе архивных материалов анализируется история возникновения и упразднения Калужской Советской республики в 1918 г.

Ключевые слова: *Регионализм, политическая борьба, политический кризис, внутрипартийный конфликт*

** Работа выполнена при поддержке РГНФ и правительства Калужской области. Грант № 11 11 40007а/Ц.*

Историявозникновения Калужской советской республики –не новый сюжет в исторической литературе. Упоминание об этомсодержится в «Очеркахистории Калужскойорганизации КПСС», где отмечено, что Калужская республикасуществовала с конца февраля по июль 1918 года [1, с.88].Помнению советских историковподобные фактыотнюдь не означали каких-либо сепаратистских тенденций, а объяснялись скорее«отсутствиемдолжного опыта» в строительствеместныхорганов власти [2, с.153].

Нельзя не согласиться с этим суждением. Действительнопришедшие к власти большевистскоепровинциальное руководство не тольконе имело опыта государственного строительства, но изачастую не имело должного образования. Да и о проявлениях сепаратизма в однойиз центральных губернийРоссии вряд ли можноговорить всерьез.И все же такое объяснениефактов возникновения «региональных» республик в 1918 г.выглядит несколько упрощенным. Представляется болееобоснованным оцениватьподобные факты как проявления регионализма.

Регионализм – явление, чаще всегосопутствующее периодамкризисного развития, революционных ломок в истории общества.Именно в такие моменты в наибольшей мере проявляются региональныеособенности, обостряютсяпротиворечия между центром ипериферией. Вэтом смысле можно говорить обизвестной объективной основерегионализма в экономике, политике.Подобные проявлениямогут быть расценены как определенныймеханизм выживания. Однакорегионализм многолик, и выявитьегоподлинные основыможно лишь на основе изучения конкретного механизма егопроявления, интересов социальных слоев и политических течений, выступающихносителями этих тенденций.

Вданной статьепредпринята попытка реконструировать события, приведшие ксозданию Калужскойсоветской республикив 1918 году, выявить факторы, обусловившие особенности строительствавластныхорганов в калужском регионе. Источниковуюбазу работы составили материалыКалужского губкомаРКП(б),хранящиеся вГосударственномархиве документов новейшей истории (ГАДНИКО), а также фонд Калужского совнаркома из Государственного архива Калужской области (ГАКО).К сожалению, фонд совнаркома,хранящийся в госархиве, крайнеслабо систематизирован исодержит мало материалов, отражающихнепосредственно деятельность совнаркома.Конечно, можно говоритьоб издержкахделопроизводства того времени, ноесть основание предполагать, что часть документов утрачена. Дело в том, чтопо сведениям Калужского губистпарта многие подлинные документыпериодареспублики увез с собойбывший руководительсовнаркомаи «основатель» Калужской республикиП.Я. Витолин,когда в 1919 годувынужден был покинутьКалугу. Переписка Калужского истпарта с Москвой в 1920-е годы не дала результатов:документы так ине быливозвращены [3].

На характер и действиявластей на местах влияла общаяэкономическаяи политическаяобстановка в стране.А онас 1918 г.была крайне напряженной. Разгон Учредительного собрания обострилконфликт внутри революционно-демократическоголагеря,ощутимымэхом отозвавшийсяпо всей стране. Тяжелые испытания выпали на долюместных властейв связи с ухудшениемхозяйственного, ипрежде всегопродовольственного положения в стране.Участились случаи погромов местных Советовнаселением, на границах губернийпоявились кордоны, реквизирующие продовольственные грузы.

В фонде Калужского Совнаркома имеетсядело с многочисленными телеграммами, в которыхсообщалосьо нарастающей напряженности и беспорядках в уездах [4]. Приведем лишь некоторые из них: из Малоярославца. 2.XII.1917 г. «…. сегодняграждане Марьинской волости демонстративно пришли в управу(продовольственную – В.Ф.), ….. «обязательно перебить управу,

тогда будет хлеб»; из Козельска. 9.I.1918 г. «В городе беспорядки, вооруженная(50 человек) толпаподступает к складу. Я бессилен….» (подпись предисполкома); из Тарусы. 27.I.1918 г. «Населениегорода и уезда голодает. Положение безвыходное. Даже в больницахнет хлеба, керосина. Настроение гражданприподнятое (так в тексте – В.Ф.). Грозит анархия. Промедление недопустимо».

Серьезно обостряли обстановку беженцы и дезертиры. 28 января 1918 года из Петроградаза

подписьюЛенина была разослана на места телеграмма, требующая направлять беженцевтолько в губернии,обеспеченные хлебом. В телеграмме требовалось: «немедленнопринять самые решительныереволюционные меры к тому, чтобыни один пленный и беженецне направлялся в Петроград и голодающую Северную область. Предупреждаем, что здесьвоеннопленные и беженцы хлебанеполучают и обреченына голодную смерть. Направлять ихтольков губернии, обеспеченныехлебом. Расправляйтесьбеспощадно спровокаторами,стремящимисянаводнить голодающиегуберниилишними ртами ирассчитывающихкостлявой рукой голода задавитьреволюцию….Лозунг: ни одноголишнего едокав голодающих губерниях [5].

Новой властивсе чаще приходилось прибегатьксиловым методам, искать и находить путь попрямее и, как тогдаказалось, понадежнее. Телеграмма из Мещевска. 27.XI.1917 г. «Просимнемедленно прислать30 солдат дляподавления в уезде погромов»; из Малоярославца. 27.I.1918 г. «Срочновышлите 25 солдат. Положение уезда очень тревожное»; из Перемышля. 2.III.1918 г. «Просимвыслать 20 солдат дляареста вооруженных преступников»; из Мосальска. 2. III.1918 г. «Уездобъявлен на военном положении» [6].

Приведенные факты свидетельствуют, что утверждение Советскойвласти даже в период, именуемый в советское время «триумфальным шествием», происходило далеко не гладко. Общая схема этого процесса можетбыть представлена так:когда были провозглашены лозунги,отражающие интересы народы («Мир!», «Земля!»), огромнаяреволюционизированная масса поддержала Советскую власть, но когда сталсоздаваться механизм проведения в жизнь этих лозунгов, ком противоречий стал нарастать, всеоказалось не так просто, как этовоспринималось большинствомрядовых участников революционных событий. Октябрь не снял (и не мог снять)конфликтного путиразрешения противоречий.

И все же главное, что делало новую власть неустойчивой, этоконфликт, назревающий внутри нее – междудвумя политическими течениями, составившими блокв октябрьские дни, - большевиками илевыми эсерами. В конечном счете, это была борьба двухполитических группировок за влияниев органах власти. В этой борьбебольшевики, опасаясь усилениявлияния эсеров впредставительных органах, избрали курс на подчинениесвоему влияниюисполнительной власти.

Конструирование губернских органоввласти началось на I Губернском съезде Советов, состоявшемся в Калуге 17(30) января 1918 г.Съездиз своего состававыделилисполнительныйкомитет, а заведующие отделамиисполкома были названы комиссарами, составившимиГубернский Совет народных комиссаров. Таким образом,возникло две параллельных структуры – Губисполком иГубернский совнарком.

Вскоре большевикипредприняли еще один шаг к утверждениюсвоего влияниях исполнительной власти. 23 январяпри выборахпрезидиума Губисполкома они провели решение об однопартийном (большевистском) его составе. Присутствовавшие на заседании эсеры (члены исполкома и Совнаркома) в знакпротестаот голосованияотказались, нозаявили при этом, что в составеисполкома покаостанутся работать, «но если фракция таки в дальнейшембудет проводитьразличные решения, то они откажутся от работы».

Таким образом,первые шагидеятельности Калужского СНК показывают, что его созданиедиктовалось не стремлением создать какое-то государственное образование, а в большей мере – курсом наограничение эсеровского влияниях в губернских органах исполнительнойвласти.

К сожалению, в изученных нами архивных фондах официальногодокумента,провозглашающего образование Калужской республики, не обнаружено. В этой связи показательна статья создателя и можно сказать «основателя»Калужской советской республики П.Я. Витолина, опубликованнаявюбилейном сборнике, вышедшем в 1927 году в год десятилетия Октябрьской революции.«И если будущий историкзахочетустановить датурождения калужскойсоветской республики, пишет автор, - то он такой датыне найдет. Нет ее, так же как нет изаписи ее декларирования…. И сейчас, когдавспоминается Совнарком, ЦИК…, как-тоневольно улыбаешься…» [7, с. 67,70].

УтверждениеП.Я.Витолинао том, что будущийисторик не найдет даты рожденияКалужской республики,так как нет«записи ее декларирования» не согласуется с сообщениемо демонстрации в Калуге,состоявшейся 3февраля 1918 г.,опубликованном в «Калужскойправде». «Выступлениезападного пролетариата, - сообщала газета, - совпало с окончанием работпервогообщегубернскогосъезда Советоврабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с провозглашениемКалужской Советской Республики [8] (подчеркнутонами)

В дальнейшем самалогикаразвитиязаставила большевиковпредпринять шаги, содержащие элементыполитического сепаратизма. Толчком к этому сталБрестский мир, вызвавшийраскол в центре ипобудившийместные властипринимать самостоятельные решения.

23 февраля1918 года состояласьгубернская большевистская конференция, единогласно принявшаярезолюцию,подписанную председателем Калужскогосовнаркома П.Витолиным,в которой от-

вергались всякиевозможностисоглашения с врагами революции - «международной буржуазией»: «Российская революция,носящая социалистический характер,находится ввеличайшей опасности. Международная буржуазия направляет свои силыв лице добровольносформированных отрядов против Российской советскойреспублики, против российского пролетариата… и в этой войне уже не может быть речиоб отступлении илисоглашении. С палачами революциине заключают мира, их беспощадно истребляют… Мытребуем немедленного введениявоенного положения вКалужской советской республике и немедленного расстрела всякого, ктоосмелится в этот ответственный моментвыступить против диктатуры пролетариата ибеднейшего крестьянства, беспощадного расстрелавсякого, кто открытоили тайнопримкнет к германским империалистам» [9, с.295-296].

Былиприняты меры посозданию вооруженных сил Калужской советскойреспублики, т.к.«вся бывшая армиядембилизована».Командующим войскамиКалужской советской республики был назначен большевик Скорбач.Военно-революционному штабубыла порученоликвидация и расформирование всех штабов,частей,эскадронов, сотен, команд, учреждений, заведений военного ведомства впределах Калужской республики. Причемпредметы воинского снаряжения: как-тохолодное, огнестрельное оружие спринадлежностями оставалось научете за военно-революционным штабомКалужскойреспублики. ВтелеграммеКалужского совнаркома от 16 марта, адресованнойГлавнокомандующемузападным фронтомМясникову предлагалась«по всем вопросамобращаться ккомандующему войсками и начальникувоенно-революционного штаба Калужской советской республики» [10].

С этого временив документах уже фигурирует название «Калужская Советская республика».

В архивесохранились некоторые документы,свидетельствующиео стремлениибольшевистского руководствапридать некоторуююридическуюформу Калужской республике. 1 апреля былопринятопостановление Совнаркома, чтовсе исходящие из Совнаркома бумаги с 1 апрелявыдаются с новым штампом: «Российская федеративная советская республика. Совет народныхкомиссаров Калужской советской республики» с Республиканским орлом. Все бумаги,издаваемые со старым штампом с 1 апрелясчитались недействительными [11].

РуководимыйВитолиным Калужский Совнарком развернулактивнуюдеятельность по реквизиции имуществаи денежных средств. В феврале 1918 года был опубликован декрет «О наложении контрибуции на буржуазию Калуги». «Эти средства, - отмечалось в декрете,-должны быть взяты из средств тех, кто до сих пор грабили наживался за счет демократии».В списке подлежащих обложению значилось 106 фамилийкалужских купцов и«финансовых тузов», которыев трехдневный срок должны были внести от 30 до 15 тыс. рублей. Лица, отказавшиеся отвнесения назначенной суммы, подлежали немедленному аресту,а их имущество конфисковывалось [12].

6 марта газета «Калужская правда» опубликоваласообщение, подписанное командующим войсками Калужскойсоветскойреспублики П. Скорбачем скрасноречивымзаголовком: «К предстоящей смертикалужских капиталистов». В немговорилось: «Сегодня ночью были арестованычастьименитых граждан гор. Калуги, обложенныхи не внесших требуемую сумму. Такжеи дальше будут арестовываться и препровождатьсяв Кронштадтвсе те, кто не внесет назначенную сумму до 7 марта… С арестованными и ихимуществомза ослушание будетпоступленопо всей строгостивоенного времени» [13].

Фактыконфискации имуществачасто приводилик конфликтам. Так произошло приконфискации магазинаАнтипина, одногоизкрупных книготорговцев ивладельца типографии. Когдаявиласькомиссия СНК, то выяснилось,что все имуществоАнтипинпожертвовал партии эсеров, а самостался работатьцеховым мастером в типографии. Тем не менее,имущество было конфисковано насильственным путем, чтовызвало решительный протест эсеров,которые на следующийдень демонстративнопокинули заседание совнаркома,признав действия большевиков незаконными [14].

В марте 1918 года назрел конфликтСовнаркома сруководствомСвято-Тихоновамонастыря. 28 марта Совнаркомпотребовалот игумена монастыряперевести на счетВрачебно-санаторного комитета Калужской советской республики 10 тыс. рублей«напредварительные расходы по содержаниюконфискуемой больницы монастыря». «В противном случае, -говорилосьв постановлении, -все имуществои дома монастырябудутконфискованы» [15].

Заботясь о «народных нуждах» руководствоСовнаркомане забывало о собственных интересах. В этой связипоказателен факт конфискации Совнаркомомдач,расположенных в бору и окрестностяхКалуги. В постановлении Совнаркома, принятом 6 мая, это решение мотивировалось «необходимостьюдать детям приютов, детям рабочих ишкольникам здоровое физическоеразвитие, а такжепоставить хотя бывременно. больных товарищейрабочих в болееблагоприятнуюобстановку» [16, с. 327]. Однако,Н.Устрялов,побывавший в конце июляв Калуге,увидел совсем другую картину: «В бору на реквизированных дачах, - записал он в дневнике, - живут ныне сплошь «власти», ездят тудаежедневно в прекрасных колясках» [17, с.169].

Обстановка, складывающаясяв Калугепорождала напряженность, недоверие к власти. В такой-обстановкеисполнительная власть (комиссары) все чащеприбегали кединоличным самостоятельным действиям,игнорируяместный совет. В Калуге в ночь с 19на 20 мартапопостановлениюСНК Калужской республики были проведены массовыеобыски,в ходекоторых произошливооруженные столкновения (были жертвы). Это сталопрологом к забастовке, которую объявилислужащие и рабочие Калужских железнодорожных мастерских и депо. На общем собрании, состоявшемся28 марта, железнодорожники-приняли требование к СНК:прекратить повальные обыски, переизбрать Советрабочих депутатов, обеспечить неприкосновенностьдепутатов, властьдолжнапринадлежать только Советам рабочих, солдатских и крестьянскихдепутатов, а некомиссарам, все декреты Калужского СНКдолжны быть пересмотрены и только по постановлению Совета могутбытьпроведены в жизнь. Железнодорожники требовалитакже отчетаСНК перед Советомрабочих депутатов о своей деятельности, и вчастности, о собранных деньгах (речь шла оконтрибуции,собранной с буржуазии) [18].

Забастовка железнодорожниковгрозила серьезнымипотерями дляРоссийской республики в целом, поэтомупри вмешательстве изцентра часть требованийбылапризнана со стороны СНК. Одновременно былипринятынаступательные меры: железнодорожный районобъявлен на осадном положении; все, стоящие «на платформе Советскойвласти», объявлялись мобилизованными и вооружались. Конфликт междукомиссарами и Советамисерьезно обеспокоилцентральное руководство. В апреле 1918 г.в Калугупришла телеграммаза подписьюЛенина, разосланная циркулярно: комиссары должны работать толькос ведома Советов.

Тем временем напряженная обстановкав городеи губерниипродолжала нарастать, чтоподталкивало СНК к принятию еще более«крутых» мер против оппозиции. Постановление СНК Калужской Советскойреспублики от 18 мая 1918 г. гласило: «Граждан,позволяющихсебе противоправительственные, хотя бы словесные, выступления, исключать из всех списков илишить тем возможностизаниматьдолжности и бытьпринятыминадолжностную работу, какой быта ни была категории и разряда, во всехправительственных организациях. Илиже, смотряпо силевыступления и по егоконтрреволюционномуразмеру, арестовыватьна месте, хотя бывыступление произошло на разрешенномсобрании и хотя бывыступивший гражданин был делегат» [19].

Левые эсеры все чащевыступалиинициаторамирезкой критики большевиков, обвиняя их в «нарушении основных прав советскойвласти в Калужской советской республике». Конфликт назревал и внутрибольшевистскогоруководства,преждевсего между Совнаркомом,возглавляемым П.Я.Витолиным иКалужской городской организацией РКП(б), руководители которойс первых днейпребывания Витолина в Калугеиспытывали к немунеприязнь, упрекали (и не без оснований) визлишнейамбициозности и самоупрямстве.

В этой связипредставляетинтересхарактеристика личности Витолина [20], какпровинциально-гобольшевистского лидера (поскольку именно его личные качестваналожили отпечаток на происходящие событияи предопределили остроту конфликта).

О ранних годах жизни Витолина известно немного. Родился в 1892 году в д. Лепинан Курляндской губернии. Учился всельской школе, затем – в городском училище, из которого был исключенв 1907 году. Сэтого временисостоял членомсоциал-демократическогокружка, организации,носившей название «Мадленас Гайсма». Имел партийную кличку «Весул», в 1910 году возглавлял социал-демократическую организацию Курляндии, организовал подпольную типографию, в которойпечатался журнал «Товарищ по борьбе». Уже в это времясоратники отмечали склонность молодого социал-демократа кэкстремистским выходкам,амбициозность. Вероятно, с этим был связан конфликт, о котором сообщалось в «Известиях ЦКСД Латышского края» в 1914 году: Витолинаобвинили в растрате денег организации, присвоении типографии, выдаче охранке состава съездасоциал-демократовЛатышского края, после чегоучастники съезда были арестованы. Тогда же Витолин былисключен из рядов социал-демократов. Однако в 1915 году за революционную деятельность он был все-такиарестован иосужден на поселение в Сибирь (по другим данным, это произошлов 1916 году, в сентябре).

Амнистия, объявленная Временным правительством,позволила Витолину выехать изСибири, но на родину, в Курляндскую губернию, он уже не вернулся, а весной 1917 года (вероятно, в апреле) появилсяв Калуге.

В апреле 1917 года калужскиесоциал-демократы неприветливо встретили гостя. Припоявлении его в железнодорожных мастерских у него сначалапроверилидокументы, когда же онпопыталсявыступить на митинге,ему «не дали говорить». Социал-демократическаяорганизация в Калуге, каквспоминал позднее Витолин, была«целиком меньшевистской», еевозглавлял меньшевик Н.Х. Фосс. Это высказывание Витолина противоречило утвердившейся позднее версии о «самостоятельной линии», проводимой калужскими большевиками всоставе объединеннойорганизации. По Витолину, многие впоследствии из-

вестныебольшевики (В.Акимов, П.Борисов, М.Артемов и др.) перешлив его инициативную группу «изменьшевиков», что не могло непородить неприязни «перебежчиков» к амбициозному претенденту на лидерство (вдальнейшем трения на этойпочве время от временивыходили на поверхность).

Осень 1917 – начало 1918 г. – «звездный час» Петра Яновича, или Яныча, как называли его в большевистскомокружении. Он занимает высшиедолжности в губернскомпартийном аппарате, онинициаторпровозглашения и председатель СНК КалужскойСоветской республики. Кажется, нет предела егореволюционному энтузиазму.В 1918 годув ряде уездных городов губернии (Перемышль, Лихвин)появились улицы Витолина. Расчет егопопулярность какоратора, публициста. Его речь,как отмечала газета, «тобыстрая, то медленная, голос – до шепота, то вдруг поднимаетсядо самых высоких нот».Критические оценкиеговыступлений, звучавшие в 1917 году,с закрытием оппозиционных газет уходили в прошлое. Правда, холодок в отношенияхс бывшими членамиобъединенной организации продолжалсохраняться, особенно напряженными были отношенияс Калужской городской властью,гдешли разговоры о склонности губернского лидера к саморекламе, вождизму и т.п.

Конфликт разразился в апреле 1918 года, когдагубернскийкомиссар во главе вооруженного отряда методом «красногвардейской атаки» пыталсяосуществитьреквизициюимущества в Свято-Тихоновском монастыре под Калугой. Акцияпревратилась в повальную пьянку – от руководителей до рядовых.

Калужский городской комитетоперативно отреагировал напроисходящее. 24 апрелясостоялось экстренное заседание, накотором был заслушан докладчлена комитета – Серкина. Было принято решение отозвать Витолина, Фомина, и Ассен-Аймера из Совнаркома, Губискома и прочихорганизаций, немедленно их арестоватьи заключить под стражу в Городскойкомиссариат.

26 апреляначрезвычайном заседании СНККалужской республики Витолинбыл смещен сдолжности председателя Совнаркома и вместо негобыл избран Скорбач,смещены со своих постовбыли также товарищ председателя СНК Фомин и комиссар продовольствия Ассен-Аймер (вместо них избраныАкимов и Болховитин).

Конфликт в Калужском руководствеполучил широкую огласку.Этот фактне обошелвниманием даже Н. Устрялов, записавшемв своем дневнике: «Губернский комиссар В.устранен за дебош ипьянство в Тихоновом монастыре» [21, с. 169].

О событиях в Калуге былопоставлено в известность Московское областное бюро партии. Была создана следственная комиссия,вопрос обсуждалина общем собрании коммунистов Калуги. Московское руководствопредприняло усилия, чтобыне дать конфликтуразрастись. Представительобластного бюро,выступая на собрании городскойорганизации, заявил, чтоконфликт «происходитна личной почве», атакие конфликты«не должны иметь места». Былопредложенокомпромиссноерешение: осудить ту и другую стороны, а «бумаги,сопровождавшие конфликт» ликвидировать. Однако,большинствоучастников собранияне согласилось с этимпредложением и проголосовало за переводВитолина на работу в другой город. Конфликт расценивали как результат «дезорганизаторской тактики Витолина, который за последнее время абсолютно не считался с партийной дисциплиной». Представитель от Москвы заявил, что вопрос будет вынесенна решение Областного бюро, а до этого «решение собранияне должно проводиться в жизнь» [22].

Разрешение конфликта затягивалось не без влияния Московского областного бро. Новый председательСовнаркома Скорбачнеожиданно заявил об уходев отпуск. Названия «Калужская Советская республика» и СНКпостепенно исчезаютв документах 1918 г.После того, как II-й Губернский съездСоветов принял решение об изгнании левых эсеров из органов Советскойвласти, была снята причина, которая породилавозникновение двух параллельныхструктур – Губисполкома и СНК.

Калужская республика «тихо умерла» потому, чтоее какгосударственно-территориального образования и не существовало. Этогромкое наименование стало своеобразной «разменной монетой» в борьбеполитических группировок за власть.

In the years of revolution and civil war in Russia is quite widespread manifestations of regionalism. In particular, it found expression in the declaration of the facts in the individual republics, provinces and even counties. Soviet historians have attributed this lack of experience in the construction of local authorities. However, regionalism - a complex phenomenon, which could lead to the manifestation of separatism. On the basis of archival materials is analyzed and the abolition of the history of the Soviet Republic of Kaluga in 1918
The keywords: *Regionalism, the political struggle, the political crisis, internal party conflict*

Список литературы

1. Очерки истории Калужской организации КПСС. Калуга, 1967.С.88.
2. История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 153.
3. ГАДНИКО, ф.4, оп.1, ед.хр. 10, лл. 21,22.

4. Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. Р-80, оп.1, ед.хр. 3, лл. 24,28,56.
5. ГАКО, ф. Р-80, оп. 1, ед.хр. 3,л. 367.
6. ГАКО, ф. Р-80, оп. 1, ед.хр. 3, лл. 693, 62, 70.
7. Партийная мысль. Юбилейный выпуск. Калуга, 1927. С. 67, 70.
8. Калужская правда, 23, I, 1918 (№ 16).
9. Установление советской властив Калужскойгубернии. Калуга, 1957.С. 295-296.
10. ГАКО, ф. Р-80, оп. 1, ед.хр. 2, л. 8.
11. Опубликовано в «Калужская правда», 1918, № 62, 2 апреля.
12. Калужская правда, 1918, № 21.
13. Калужская правда, 1918, № 40, 6 марта.
14. ГАКО, ф. Р-80, оп. 1, ед.хр. 1, лл. 272, 273.
15. ГАКО, оп. 1-с, ед.хр. 1, л. 99.
16. Установление советской власти в Калужской губернии. - Калуга, 1957.-С. 327.
17. Н.В.Устрялов. Былое – революция 1917 г. - М., 2000.- С. 169.
18. ГАКО,оп. 1-с, ед.хр. 1, л. 45.
19. ГАКО, ф. Р-80, оп. 1, ед.хр.1, л. 593.
20. Материалы о биографии П. Витолина хранящиеся в ГАДНИКО.
21. Н.Устрялов. Указ. соч .-С. 169.
22. ГАДНИКО, ф, 1176, оп.1, ед.хр. 1, л. 4.

Об авторе

Филимонов В.Я. –доктор исторических наук, профессор Калужского государственного университета имени К.Э.Циолковского, isto@kspu.kaluga.ru

УДК 94(47).083

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС «КАЗАЧЬЕЙ ГВАРДИИ» В СИСТЕМЕ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Г.С Чувардин

В предлагаемой статье рассматривается один из наиболее «экзотичных» и малоизученных сегментов военной элиты Российской империи конца XIX – начала XX вв., офицерский корпус «казачьей гвардии».
В ходе анализа гвардейских казачьих частей как сложной социокультурной системы автор приходит к выводу о том, что даже к началу XX в. они разительно контрастировали с остальными полками гвардейской кавалерии и, по сути, являлись своеобразной «гвардейской экзотикой» - le style Russe. Вместе с тем карьера и социальный статус офицера «казачьей гвардии» определялся общим характером продвижения по службе среднестатистического гвардейского офицера с учетом «казачьей специфики».
Ключевые словаф: *«казачья гвардия», военная элита, офицерский корпус, императорская армия, Войско Донское.*

Тема изучения офицерского корпуса гвардейских казачьих частей и подразделений практически не рассматривалась в отечественной исторической науке. При наличии значительной историографии, связанной с историей казачества как военного сословия [1], «казачья гвардия» по-прежнему находится на периферии исследовательского интереса современных историков.

Эпоха Великих реформ Александра II наложила серьезный отпечаток на уклад жизни Тихого Дона, кардинальным образом трансформировав механизмы казачьей повседневности. В пореформенный период статус казачества определялся Уставом «О воинской повинности Донского казачьего войска» 1875 г. По данному документу, «…мужское население Донского казачьего войска, как издавна призванное всецело к священной обязанности защищать Престол и Отечество, подлежит, без различия состояний, воинской повинности» [2, с.121]. В соответствии с новой моделью администрирования статус Тихого Дона приравнивался к генерал-губернаторству [3, с.25-26].

Начиная с эпохи Николая I (с 1827 г.), цесаревич выступал шефом Донского казачьего войска, а затем - войсковым атаманом всех казачьих войск. Последний наследник престола, великий князь Алексей Николаевич, являлся войсковым атаманом всех казачьих войск Российской империи и числился в составе 6-й л.-г. Донской казачьей Его Величества батареи, л.-г. Казачьего полка и являлся шефом (с 30.VII.1904 г.) л.-г. Атаманского полка [4, с.8-10].

К концу правления Николая I окончательно сложилась система администрирования Тихого Дона. Во главе войска с 1827 г. стоял войсковой атаман, который осуществлял руководство Войсковой канцелярией/Войсковым правлением. Ему подчинялись начальник штаба и наказной атаман Войска Донского [5].

К моменту воцарения Александра II в Российской империи было 8 казачьих войск (Донское,

Уральское, Терское, Кубанское, Оренбургское, Астраханское, Сибирское и Забайкальское). Впоследствии было сформировано еще 3 (Амурское в 1858, Семиреченское в 1867 и Уссурийское в 1889 годах).

В 1815 г. все казачьи войска были подчинены Главному Штабу военного министерства, а с 1857 г. - Специальному Управлению Иррегулярных войск при военном министерстве. В 1867 г. оно было переименовано в Главное управление Иррегулярных войск. В 1879 г. на его основе образуется Главное управление казачьих войск, просуществовавшее до 1.09.1910 г. Наконец, 6.09.1910 г. оно было упразднено, а его функции (в полном объеме [6, д.233, л.6]) были переданы Отделу управления казачьими войсками Штаба Военного министерства.

Как отдельный сегмент российской регулярной армии рубежа XIX-XX вв. казачество было представлено гвардейскими кавалерийскими частями (л.-гв. Казачьим Его Величества полком, л.-г. Атаманским Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича полком и л.-г. Уральской казачьей сотней (в 1906 г. сотня была реорганизована в л.-г. Сводный Казачий полк)), л.-г. Собственным Его Императорского Величества Конвоем;конно-артиллерийским подразделением л.-г. 6-я Донская Его Величества батарея л.-г. Конноартиллерийской бригады. Указанные части и подразделения входили в состав Гвардейского корпуса и дислоцировались на территории Санкт-Петербургского военного округа.

В соответствии со штатным расписанием мирного времени кавалерийские части казачьей гвардии состояли из 4-х сотен. Офицерский состав включал в себя: генералов – 1; полковников – 2; есаулов – 4; подъесаулов, сотников, хорунжих – 21; классных и медицинских чиновников – 6 [7, д.8, л.14 об.].

При статистическом анализе частей казачьей гвардии целесообразно выделить три условные референтные группы: группу рядовых и унтер-офицеров: по штату мирного времени 611 чел. в кавалерии и 190 чел. в л.-г. 6-й Донской батарее; вторую группу составляли офицеры казачьей гвардии (штаб и обер-офицеры до воинского звания есаул); кроме этого, необходимо выделить «казачий генералитет» как особую группу, принадлежащую в основной своей массе к казачьему сословию, но в отдельных случаях выходящую за его социальное пограничье. Предметом нашего анализа выступают представители 2-й референтной группы.

В качестве базовых индексов исследования мы выделили следующие параметры: социальное происхождение (как базовый уровень социальной идентичности), образование, параметр «конфессиональность/национальность» («этнокультурная идентичность»), семейное положение, имущественное положение.

1.Происхождение. Основной массив офицеров гвардейских казачьих частей (л.-г. Атаманского и л.-г. Казачьего полков, а также 6-ой Донской батареи) в 1855-1914 гг. был представлен казаками, уроженцами различных станиц Области Войска Донского.

Механизм комплектования и социальный состав офицерского корпуса гвардейских казачьих частей отличался высокой степенью устойчивости. Офицеры были по преимуществу выходцами из «дворянского сословия» Войска Донского (данный социальный слой окончательно оформился при Павле I), в основной своей массе русскими или малороссами.

Следует отметить, что значительный процент офицеров казачьей гвардии происходил из семей бывших или находящихся на действительной службе казачьих офицеров (в л.-г. Казачьем полку к началу XX в. оформились устойчивые «воинские династии»: Иловайские, Грековы, Орловы, Леоновы, Родионовы, Кутейниковы, Яновы) [8, с.545-634]. Так, в л.-г. Сводном Казачьем полку в 1914 г. 4 сотника из 6 и 5 хорунжих из 6 являлись сыновьями казачьих офицеров [7, д.37].

2.Образование. Общая тенденция получения образования офицерами казачьей гвардии выглядела следующим образом: кадетский корпус – военное/юнкерское училище – полк (в последующем офицер мог продолжать получать образование по линии Академии Генерального штаба или Михайловской артиллерийской академии).

Для иллюстрации данной посылки приведем следующую статистику. В л.-г. Казачьем полку, на отрезке 1907-1914 гг., кадетские корпуса окончили от 69% до 72% человек. При этом наиболее востребованным учебным заведением являлся Донской кадетский корпус (с 1899 г. Донской императора Александра III). В 1907 г. его окончили 21 из 48 чел. (без учета генералов), то есть 44% [9, д.300, д.309].

Вторым по востребованности являлся Александровский кадетский корпус. В 1907-1908 гг. в составе л.-г. Казачьего полка числились 4 выпускника указанного военно-учебного заведения (то есть 8%). Процент выпускников Пажеского корпуса (Прим. моё - ПК) указанного отрезка времени был также достаточно высок – 6 чел., или 12% [9, д.300].

При анализе среднего специального военного образования нами была выявлена четко прослеживающаяся тенденция, состоящая в следующем.

На перепутье военной реформы эпохи Александра II подавляющее большинство офицеров гвардейских казачьих частей оканчивало Новочеркасское казачье юнкерское училище (Прим. моё - НКЮУ; с 1901 г. Новочеркасское казачье училище), которое с 1880 г. готовило офицеров исключительно для Войска Донского.

Начиная с эпохи правления Александра III, резко возрастает престиж Николаевского кавале-

рийского училища (Прим. моё - НКВУ). Именно через него теперь идет основная масса офицеров-кавалеристов в наиболее престижные полки Российской империи.

Подавляющее большинство офицеров гвардейских казачьих частей оканчивали военно-учебные заведения по 1-му разряду, хотя в отличие от офицеров гвардейской кавалерии 1 и 2 бригад 1-й гв. кавалерийской дивизии это требование, как правило, распространялось только на л.-г. Казачий полк, как наиболее престижную часть казачьей гвардии. Все офицеры казачьей гвардии периода Александра III – Николая II, начиная со звания хорунжего, имели аттестацию «хороший» и «отличный» [7, д.8, л.2-14].

В л.-г. Атаманском полку образца 1900 г. [10, д.832]. выпускники НКВУ составляли половину офицерского состава – 17 чел. (из 38, без учета генералов), или 46%. В свою очередь выпускники НКЮУ составили около 22% (8 чел.). В полку также прослеживается незначительное число выпускников пехотных военных училищ, Павловского и Константиновского (в последнем случае корректнее было бы сказать артиллерийского) – по 3 чел. от каждого. Дети казачьего генералитета (весьма немногочисленного), как правило, идущие через ПК, составляли всего 8% (3 чел.).

Что касается общей статистики л.-г. Казачьего полка, то число выпускников НКЮУ в нем было минимально – 2 чел. (оба полковники – помощники командира полка), что составило всего 4%. В свою очередь общее количество выпускников НКВУ равнялось 30 чел. (из 47 чел.) [9, д.300].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках рассматриваемых параметров гвардейские казачьи полки комплектовались по принципам, характерным для «второстепенных частей» гвардейской кавалерии.

3.Конфессиональная принадлежность. При анализе конфессиональной составляющей мы пришли к выводу о том, что подавляющая часть представителей офицерского корпуса гвардейского казачества исповедовала православие.

Так, в л.-г. Сводном Казачьем полку с 1906 по 1914 гг. все 100% представителей офицерского корпуса исповедовали православие. Такая же тенденция прослеживалась в л.-г. Атаманском полку. Л.-г. Казачий полк в этом плане являл некоторое разнообразие, связанное с историческими традициями. Речь идет о значительном числе «инородцев-мусульман», числящихся в составе полка, но при этом находящихся в составе Кавказской армии. Данная тенденция прослеживается с середины 40-х гг. XIX в. К началу XX в. через список полка прошло порядка 50-ти восточных (в том числе и кавказских) принцев, князей, беков, ханов [8, с.545-634].

В эпоху правления Александра III-Николая II в л.-г. Казачьем полку числилось несколько мусульман и протестантов. Статистическая совокупность представителей указанной группы по сравнению с предыдущими эпохами была минимальной.

В свою очередь из офицеров лютеранского вероисповедания в 1913 г. в л.-г. Казачьем полку числился всего один человек (в прочих полках казачьей гвардии фигурантов с рассматриваемым статистическим параметром не значилось) [9, д.309, л.22]. Офицеры-остзейцы в казачьей гвардии являлись большой редкостью.

4.Семейное положение. Что касается семейного положения, то все гвардейские полки, дислоцирующиеся на территории Санкт-Петербургского военного округа, отличились сходной динамикой вступления представителей их офицерского корпуса в брак. Казачьи части в этом плане не являлись исключением. Офицерского жалования хорунжих, сотников и подъесаулов катастрофически не хватало даже на необходимые траты, связанные со службой в своих полках, тем более на содержание семьи.

Процент женатых офицеров в воинском звании сотника из 3 полков казачьей гвардии был самым высоким в л.-г. Сводном Казачьем полку: в 1907 г. 20 женатых из 31 чел. (65%), при этом 23% офицеров имели детей. Соответственно в 1914 г. указанные цифры составляли: 48% женатых (16 чел. из 33), из них 38% с детьми. Думается, что столь значительные цифры были обусловлены тем, что полк комплектовался уже зрелыми офицерами, имевшими существенные социальные преференции [7, д.8, 37]. В л.-г. Казачьем полку анализируемые параметры составляли: в 1908 г. 22 чел. из 47 (46,8%), из них 23% с детьми. В 1914 г. эта цифра снизилась до 35% (15 чел.), 16,2% с детьми [9, д.300, д.309].

Наиболее низкие показатели по параметру «семейное положение» мы наблюдаем в л.-г. Атаманском полку. Примечателен тот факт, что атаманцы периода 1891 – 1906 гг. отличались самым низким процентом женатых офицеров, а на отрезке 1891-1896 гг. среди хорунжих и сотников не было женатых вообще [10, д.796, д.832].

При анализе семейного положения гвардейских казаков было бы не безынтересным обратить внимание на социальное происхождение офицерских жен. В данном случае выводы не являются неожиданными. Подавляющая часть жен офицеров л.-г. Казачьего и л.-г. Атаманского полков являлась уроженками Области Войска Донского. Они были идентифицированы нами как «казачки». Так, в л.-г. Атаманском полку 1900 г. из 11 женатых офицеров 9 были женаты на «казачках» [10, д.832, л.11].

5.Имущественное положение офицера казачьей гвардии. Если рассматривать такой параметр, как достаток казачьих офицеров, то проведенный нами анализ позволяет говорить преимуще-

ственно о двух источниках дохода: жалование (включая отдельные доплаты) и земля, находящаяся в собственности офицера. Жалование офицера казачьей гвардии было таким же, как и у офицера гвардейского кавалерийского полка, при этом траты, особенно у офицеров л.-г. Казачьего полка, были не меньше. Анализ статистических данных л.-г. Атаманского полка позволяет сделать вывод о том, что в 1891 г. офицеры получали:генерал-майор – 1017 руб., полковник – 687 руб., есаул – 531 руб., подъесаул – 441 руб., сотник – 366 руб., хорунжий – 339 руб. [10, д.796, л.30-223].

Все офицеры указанного полка получали дополнительные выплаты: столовые и добавочные деньги. Размер добавочных, выплачиваемых подъесаулам – хорунжим составлял 183 рубля. Размер столовых разнился в зависимости от воинского звания и составлял: у генерал-майора (в нашем случае командир полка) – 3024 руб., у полковников – 849 руб., у есаулов – 666 руб., у подъесаулов – 276 руб. [10, д.796, л.30-223].

Важной статьей дохода для казачьего офицера являлось казачье землевладение. В пореформенный период сохранялась модель владения землей, сложившаяся еще в 30-е гг. XIX в. Можно выделить три механизма землевладения:

1)юрт – станичная земля, принадлежащая станице. Каждый приписанный к станице казак получал в ней пай;

2)войсковая земля, находящаяся в резерве;

3)земля, находящаяся в частной собственности дворян, включая и офицеров. В 1882 г. размер данной земли составлял 20% или 2458852 дес. от общего казачьего землевладения («юртовые земли» составляли 64,5%, то есть 86375000 дес.) [11, с.614]. В области Войска Донского из юрта казаку должно было выделяться по 30 дес. земли (к 1910 г. размер пая уменьшился до 14,2 дес. [12, с.253]). В силу того, что значительная часть офицеров, в том числе и служивших в гвардии, земель в частной собственности не имела, она получала земли в зависимости от чина и звания.

Как уже отмечалось, определенная группа офицеров казачьей гвардии имела в своем распоряжении землю, находящуюся в частной собственности. Это, как правило, была земля, принадлежащая отцу казака (юридически передача земли по наследству была разрешена с 1870 г.) либо его супруге. В качестве характерного примера приведем статистические данные по л.-г. Атаманскому полку за 1891 г. [10, д.796] (см. таблицу 1).

Таблица 1

Земельные владения офицеров л.-г. Атаманского полка в 1891 г.

Звание	Всего в полку	Ф.И.О. офицера-землевладельца	Размер земель, находящихся в частной собственности
ген.-майор	1	Греков Митрофан Ильич	Имеет в области войска Донского потомственные доли 1050 дес. земли; за женой 2-хэтажный дом.
полковники	3	Чеботарев Василий Степанович	800 десятин за умершими родителями.
есаулы	7	-	-
подъесаулы	4	Шаховской Владимир Михайлович	2800 десятин земли за отцом
сотники	6	Леонов Василий Александрович	Имеет 574, 561, 1839 десятин
		Греков Петр Иванович	Имеет 118 дес., 400 дес.
		Ефремов Петр Федорович	Имеет 8000 десятин земли
		Сазонов Дмитрий Петрович	Имеет 1200 десятин земли
хорунжий	20	Карпов II Алексей Акимович	Имеет за родителями 1600 дес. и 2000 дес.

Анализ таблицы позволяет сделать вывод о том, что из 33 офицеров полка только 7 человек (21,2%) являлись землевладельцами-собственниками. Данная тенденция характерна и для прочих частей казачьей гвардии.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что в среде казачьей гвардии л.-г. Казачий полк по основным показателям более всего приближался к другим полкам гвардейской кавалерии, сохраняя при этом лишь отдельные элементы «казачьей специфики». Остальные полки и подразделения имели свой казачий колорит, делавший указанные части своеобразной «гвардейской экзотикой» - *le style Russe.*

In the offered article one of segments of most "exotic things" and insufficiently known of military elite of the Russian empire is examined officer corps of "cossack household troops". During the analysis of cossack parts of household troops as difficult sociocultural system an author comes to the conclusion that even to beginning of the XX century they strikingly contrasted with other shelves of cavalry of household troops and, in fact, were the original exotic things" of household "troops - le style Russe. At the same time career and social status of officer of "cossack household troops" determined by general character of promotion average officer of household troops taking into account a "cossack specific".
The keywords: *"cossack household troops", military elite, officer corps, emperor's army, Army Don.*

Список литературы

1.Из современных исследователей истории казачества можно выделить Н.В.Рыжкову, Д.Караганова, В.Трута, Г.Куркова, Н.Д.Николаенко, П.Крикунова, С.Аускова и ряд др.

2. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк.//Столетие военного министерства 1802-1902. Составили полковник А.И.Никольский и коллежский советник Н.А.Чернощеков. СПб., 1907.

3. Сизенко А.Г. Полная история казачества России. Ростов-на-Дону: ИД «Владис», 2009.

4. Императорская гвардия. Издание 2. Исправлено и дополнено под редакцией В.К. Шенка. По 1-е мая 1910 года. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1910.

5. Должность, права и обязанности утверждены Манифестом от 16.02.1828 г.

6.Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.400. Оп.309.

7. РГВИА. Ф.3612. Оп.1.

8. История Лейб-гвардия Казачьего полка. Составлена офицерами полка.СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1876.

9. РГВИА. Ф.3610. Оп.2.

10. РГВИА. Ф.3611. Оп. 1.

11. БСЭ, 1-е издание.Т.30.М., 1937.

12. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества.Т.14.СПб., 1910.

Об авторе

Чувардин Г. С.–кандидат исторических наук**,** доцентФБГОУ ВПО «Орловский государственный университет», snotra@orel.ru**.**

УДК

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОМАНДНОГО СОСТАВА РККА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

А.А. Шувалов

С формированием Рабоче-крестьянской Красной Армии логически стал вопрос о материальном обеспечении военнослужащих. Данная статья на основе архивных и мемуарных источников, раскрывает проблему материального обеспечения командного состава РККА, показывает всю сложность и неоднозначность ситуации материального положения комсостава в период Гражданской войны. Жалованье выдавалось с перебоями в связи с обстановкой военного времени. Денежное довольствие, не соответствовало реалиям времени при постоянном росте инфляции.

Ключевые слова: *гражданская война; материальное обеспечение; довольствие; денежное содержание; жалованье; командный состав Красной Армии.*

С формированием Рабоче-крестьянской Красной Армии логически стал вопрос о материальном обеспечении военнослужащих. Так по декрету ВЦИК Совета о сроке службы в Красной Армии от 22 апреля 1918 г., всякий гражданин, добровольно вступивший в ряды Красной Армии, должен был служить в ней не менее 6 месяцев, считая со дня подписания обязательства. [1, Л. 12] В соответствии с декретом каждый военнослужащий Красной Армии ежемесячно получал жалование. Трудностью в получении жалованья было первоначальное отсутствие табелей окладов. С января 1918 г. в СНК поступало большое количество телеграмм с просьбой о распоряжении, об удовлетворении жалованием по прилагаемым табелям. [2, Л. 6, 7] В феврале 1918 г. 1-й революционный имени товарища Ленина полк просил СНК сообщить оклад жалованья солдатам и должностным лицам. [3, Л. 19] По приказу Верховного главнокомандующего войсками республик южной России, в марте 1918 г. устанавливались определенные оклады жалования.

Оклады жалованья военнослужащих РККА установленные в марте 1918г. [4, Л. 266, С. 126, 141, 60-61, 94, 17]

Род оружия	Оклад жалования в месяц	Дополнительные единовременные пособия
Пехота	50 р.	Если женат 100 р.
Кавалерия	50 р.	Если ребенок до 16 лет 25 р.
Артиллерия	75 р.	Если неработоспособный член семьи 50 р.
Специалисты (телефонисты, телеграфи-	100 р.	

сты)		
Для командного состава		
Название должности		Оклад в месяц
Взводный командир		200 р.
Взводный командир артиллерист		250 р.
Делопроизводитель, казначей		250 р.
Ротный, батальонный командиры и начальники по хоз. части		400 р.
Командир полка и бригады		500 р.
Командир дивизии		600 р.
Командир корпуса и армии		700 р.

Военнослужащие также имели право получать натурой продукты продовольствия и предметы обмундирования по казенным ценам. Продуктово–денежное содержание для семей военнослужащих устанавливалось в том же размере, что и для красноармейцев. Таким образом, жалованье командному составу Красной Армии было установлено в размере от 200 до 700 рублей.

В белогвардейской печати периода Гражданской войны использовались искусственно завышенные сведения о жалованье комсостава Красной Армии. Атаман Дутов в своем интервью газете «Свободный край» утверждал, что командир роты получал 5000 рублей в месяц, командир полка - от 15000 до 40000, командир бригады – 50000, а главковерх Троцкий - 500000 рублей в месяц.[5, Л. 12]

Декретами правительства от 27 июня, 16 сентября и 18 октября 1918 г. устанавливались повышенные тарифы жалованья военнослужащим. Если повышение ставок для командного состава войсковых частей, действующих на фронте, могло еще определяться условиями походно-боевой жизни, то это было неприменимо к служащим в административно-полевых управлениях, которые ставились по оплате труда в привилегированное положение. Таким образом, было основание настаивать на понижении проектируемых окладов для всех военнослужащих, состоящих в административно-полевых управлениях. [6, Л. 105-108]

Оклады жалованья военнослужащих в 1918 г. [7, Л. 109, 5, 10, 11, 29, 73, 74, С. 266, 121]

Название должности	Оклад месячного жалованья к октябрю	Оклад месячного жалованья к ноябрю
Командующий фронтом	3500 р.	-
Командующий армией	2500 р.	-
Начальник штаба армии; командующий дивизией	2000 р.	-
Помощник начальника штаба армии; член РВСР армии; начальник артиллерии; начальник инженерной части; командир кавалерийского дивизиона	1700 р.	-
Командир (кавалерийского) полка	1500 р.	-
Командир батальона; командир артиллерийского дивизиона	1200 р.	1500 р.
Командир роты; командир батареи; командир эскадрона	1000 р.	1200 р.
Командир взвода	800 р.	1000 р.
Отделенный	600 р.	800 р.
Красноармеец	300 р.	600 р.

Летом 1918 г. в среде красноармейцев было глубокое недовольство большой разницей между жалованьем нижних чинов и командного состава (300 р. получал рядовой, 800 р. - командир взвода), что скверно отражалось на состоянии войсковых частей. [8, Л. 43] Летом 1919 г. были утверждены новые оклады для командного состава. Оклады повышались почти вдвое для некоторых категорий командиров и штабных служащих, и с 1 февраля 1919 г. выдавалась разница. Так, член Реввоенсовета армии до июля 1919 г. получал 2300 р. в месяц, в августе, 4000 р., ротный к октябрю 1919 г. получал 2100 р. В связи с всеобщим вздорожанием продуктов повышение окладов было необходимо. Но возмущало, что оклады повышались только для комсостава, комиссаров и штабных служащих, а красноармейцам оставлены прежние. Недоверие красноармейцев к комсоставу и комиссарам давало почву для демагогии и агитации против советской власти. [9, Л. 26-28, 33, 3]

Оклады повышались и в 1920 г. По раздаточным ведомостям за февраль по декабрь 1920 г. ротный получал 3000 р., взводный - 2400 р., старшина – 1400 р., отделенный – 1000 р., красноармеец – 600 р. [10, Л. 178, 179, 31 об.]

За декабрь 1920 г. ротный получал 4600 р., взводный – 3800 р., старшина – 2100 р., отделенный – 1500 р., красноармеец – 900 р. [11, Л. 3, 10 об., 11, 11 об.]

По постановлению СНК комсостав и военнослужащие Красной Армии и флота снабжались казенным продовольственным пайком, получали предметы обмундирования по казенным ценам. [12, Л. 86, 298]

Декретами СНК от 7 августа, 10 октября 1918 г. и 24 января 1919 г. устанавливалось пенсионное обеспечение суточным довольствием солдат РККА и прочих категорий военнослужащих. Суточное довольствие выдавалось уволенным с военной службы по негодности ввиду признания потери трудоспособности, связанной с прохождением службы, со дня увольнения в течение 2-х недель. Размер суточных денег определялся размером минимальных, с февраля 1919 г., максимальных тарифных ставок оплаты труда. [13, Л. 2 б, 427, 15]

В обстановке Гражданской войны инфляция неудержимо развивалась, цены стремительно ползли вверх. Например, весной 1918 г. фунт хлеба стоил в Москве 4-5 р. В Верхотурском уезде, недавно перешедшем от красных к белым, 1 мая 1919 г. пуд ржаной муки стоил 70-75 р., пшеничной – 80-85 р., сеянки – 100-110 р., крупчатки – 115-130 р., мяса – 250-300 р., сливочного масла – 480-560 р. [14, С. 111]

Жизненный уровень большинства военнослужащих (младшего и среднего комсостава) был невысоким, их материальное положение усугублялось тем, что в условиях тяжелой экономической ситуации в Советской Республике жалование военнослужащим выплачивалось нерегулярно. В тяжелом положении оказывались семьи военнослужащих. Официально установленной минимальной зарплаты могло хватить на обеспечение хлебом по вольным ценам семье из трех человек. Для более разнообразного питания одного кормильца в семье было мало, о покупке одежды и обуви при службе по государственным расценкам нечего было и думать. [15, С. 245] Предметы первой необходимости распределялись по карточкам, но только в города.

В условиях продовольственного кризиса советская власть установила нормированное снабжение населения товарами массового потребления. Нормированное снабжение дало возможность строго регламентировать и экономно расходовать крайне незначительные продовольственные и промтоварные ресурсы, имевшиеся в стране, обеспечить необходимым минимумом Красную Армию. Как уже отмечалось, военнослужащие получали красноармейский паек, который делился на фронтовой и тыловой. Первый получали лица, входившие в состав и в учреждения действующей Красной Армии и в состав ее запасных частей. Второй – личный состав тыловых строевых частей, все военнослужащие Полевого штаба РВС, рабочие предприятий, обслуживавшие нужды Красной Армии. Красноармейский паек был самым высоким в стране. [16, С. 83, 396]

Одновременная норма красноармейского пайка. [17, С. 396]

Наименование продуктов	Фронтовой паек	Тыловой паек
Хлеб или Ржаная мука	2 фунта 1 ½ ф.	1 ф. 72 золотника
Крупа	24 золотника	18 з.
Мясо или рыба	½ ф.	¼ ф.
Соль	3 з.	3 з.
Овощи сушеные или Свежие	4 з. 60 з.	4 з. 60 з.
Масло или сало	8 з.	5 з.
Подболтная мука	4 з.	4 з.
Чай	24/100 з.	24/100 з.
Сахар	8 з.	6 з.
1 золотник = 1/96 ф. = 4,266. 1 фунт = 0,45 кг.		

Говоря о материальном благосостояние комсостава Красной Армии, можно отметить, что оклады жалованья и пенсии по сравнению с 1914 г. увеличились в несколько раз. На это, конечно, повлияли экономические трудности, порожденные мировой войной и революцией, вызвавшие рост цен и инфляцию. Командиры РККА зачислялись на вещевое и провиантское довольствие. Оклады жалованья комсоставу РККА в денежном выражении были больше, чем такие же в контрреволюционных формированиях. При выдаче жалованья противоборствующие стороны сталкивались с одинаковыми проблемами, жалованье выдавалось с перебоями в связи с обстановкой военного времени. Материальные трудности противоборствующих сторон подталкивали военнослужащих к самообогащению и грабежу.

With formation of workers' and peasants' Red Army the question of the material maintenance of the servicemen became logical. The present article based on archival and memoirs sources, shows the problem of material maintenance of command officers RKKA, the difficulty and ambiguity of the situation with material position of command officers during Civil War. Salaries were given erratically due to the situation of the wartime. Money allowance didn't correspond to the actual time in condition of constant runaway inflation.

The key words: *The Civil War, material maintenance, money allowance, financial support, salary, command officers of the Red Army.*

Список литературы

1. ГАРФ. ф. 1235, оп. 34, д. 12.

2. ГАРФ. ф. 130, оп. 2, д. 549.
3. Там же.
4. ГАРФ. ф. 1235, оп. 79, д. 10; История гражданской войны в СССР: в 5ти томах.Т. 3. / ред. комиссия: С.Ф. Найда и др.М.: Госполитиздат, 1958.656 с.; *Егорьев В.Н.* Из жизни западной завесы. / В.Н. Егорьев. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. / сост. В.Д. Поликарпов.М.: Воениздат, 1963.С.137151; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления.Т. 1. / Г.К. Жуков.М.: издво Агентства печати Новости, 1986.303 с.; Декрет совета народных комиссаров об организации Рабочекрестьянской Красной Армии. Сборник документов и материалов по истории СССР. Советского периода (19171958). / отв. ред. И.М. Волков.М.: Издво Моск. Унта, 1966.621 с.; Декрет совета народных комиссаров об организации Рабочекрестьянской Красной Армии. Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сборник документов. / сост. В.И. Фефелов, Т.Н. Ашихмина, Н.Ю. Драч и др.Орел: Орловское книжное издво, 1963.295 с.
5. ГАРФ. ф. 952, оп. 3, д. 28.
6. ГАРФ. ф. 4390, оп. 2, д. 23.
7. ГАРФ. ф. 4390, оп. 2, д. 23; РГВА. ф. 5881, оп. 1, д. 1; Из доклада командования СКВО в Высший Военный Совет о положении в Терской области и в Закавказье. Директивы командования фронтов Красной Армии (19171922 гг.). Сборник документов в 4х томах.Т. 1.М., 1971; *Минут В.Н.* Под большевистским игом. / В.Н. Минут. // Звезда.1996.№ 7.
8. ГАРФ. ф. 130, оп. 2, д. 549.
9. ГАРФ. ф. 130, оп. 3, д. 543; ф. 1235, оп. 55, д. 5.
10. ГАБО. ф. 79, оп. спр., д.4; д. 18, л.
11. ГАБО. ф. 79, оп. спр., д. 39.
12. ГАРФ. ф. 130, оп. 4, д. 110; д. 207.
13. ГАРФ. ф. 130, оп. 3, д. 124; ф.1235, оп. 94, д. 73; ф. 4390, оп. 6, д. 183.
14. *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 19171922 гг. / И. Нарский.М.: ООО «Издво АСТ», 2001.632 с.
15. *Нарский И.*Указ. соч.
16. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия.М., 1983.С. 83, 396.
17. Указ. соч.

Об авторе

Шувалов А.А. – кандидат исторических наук, старший лейтенант полиции, старший преподаватель Московского областного филиала Московского университета МВД России.

УДК 947.027

«СТАРЫЕ КНЯЗЬЯ»: КАТЕГОРИЯ ЛЕГЕНДАРНОГО ВРЕМЕНИ И ЭТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.С. Щавелев

Статья посвящена одной малозаметной и малоизученной, но исключительно значимой исторической категории древнерусской литературы: «время первых князей». Стандартный древнерусский оборот «первые/древние/старые князья» (мини-формула) скрывает в себе три важнейшие константы древнерусского менталитета – идею «идеального прошлого», подсчет отрезков (до)исторического времени по сменам правления князей, и, видимо, представление о почти сакральном единстве правящего княжеского рода и непрерывности правления их династии.
Ключевые слова: *средневековая Русь, менталитет, династия Рюриковичей, древнерусская литература.*

При создании первых историографических и литературных сочинений древнерусские книжники-христиане неизбежно опирались (как для поиска сведений, так и для критики и обличения) на предшествующую языческую традицию. В результате в древнерусских текстах можно найти или выявить различные рудименты предшествующего архаичного мировоззрения, прежде всего, в восприятии и трактовке двух базовых категорий бытия – *времени* и *пространства*.

Чаще всего такого рода «эхо» предшествующей эпохи таится в стабильных литературных формулах, стандартизированных оборотах речи, устойчивых эпитетах, других специфических, особенно ритмизированных и поэтизированных текстовых элементах.

В древнерусском летописании и других древнерусских литературных памятниках XI–XII веков есть прямые указания на некое «время» «старых», «древних», «первых» князей (**1.** С.104; **2.** С. 99; ср. **3.** С. 593 – 599, 244 – 264, 512). В летописях выявляется постоянная формула «древнии князи», «старыи князи», близкое словосочета-

ние связано с одной из церковных реликвий «порты блаженыхъ *первыхъ князеи* еже бяху повешалив церквяхъ святыхъ на память собе» (**4.** С. 418, 463; ср. **5.** С. 34–42). Семантически близкие риторические обороты: «и не бе сего слышано во днехъ первыхъ в земле Руской» и «сего ни бывало есть …ни при дедехъ нашихъ ни при отцихъ нашихъ» есть в Повести временных лет (**6.** С. 95, 111 – 112).

Во Введении к Новгородской первой летописи младшего извода – изначально – введение к Начальному своду конца XI века – прямо противопоставляются две эпохи – современность (конец XI в.) и времена князей X века (**7.** С. 380 – 412; **8.** С. 15 – 35; **9.** С. 3 – 26; **10.** С. 56 – 96; **11.** С. 143–199): «…Како быша древнии князи и мужие ихъ и како отбараху руския земле и ины страны придаху под ся, те ибо князи не збираху многа имения ни творимыхъ виръ ни продаж въскладаху люди но оже будяше правая вира а ту возмя дааше дружине на оружье а дружина его кормяхуся воююще ины страны и бьющеся и ркуще братие потягнемъ по своемъ князе и по рускои земле…». Похожее публицистическое отступление есть в ПВЛ. Оно связано с пренебрежением князя Всеволода Ярославича советами старшей дружины (**6.** С. 91–92). Такая же ностальгия по «старым добрым временам» звучит в рассказах ПВЛ об «идеальном воине» Святославе и о щедром к дружине Владимире (**6.** С. 28, 31, 56). А в «Слове о полку Игореве» присутствуют три «времени» – конец X в. (правление старых князей Владимира и Ярослава), вторая половина XI века (подвиги Всеслава Полоцкого) и время похода Игоря Святославича (1185 год) (**3.** С. 244).

Характерно, что употребление эпитета «старый» применительно к князю выполняет определенную этикетно-риторическую функцию, время «старого князя» обозначает нижнюю границу истории. В «Слове о полку Игореве» старыми князьями названы Владимир Святославич и Ярослав Владимирович (**2.** С. 18, 27, 114). В памятнике XI в. – «Слово о законе и благодати» исторический обзор князей доведен до Игоря Рюриковича (**12.** С. 42). Здесь Игорь Рюрикович назван эпитетом «Старый». Можно предположить, что, судя по «Слову» митрополита Илариона, в начале XI века таким «перво-временем», правления «старого князя» было именно это княжение Игоря Рюриковича. В XII веке нижняя граница исторической памяти сместилась к более позднему времени Владимира Святославича и его сыновей.

Характерно, что в обоих случаях правление «старого князя» отделено от времени создания памятника примерно тремя поколениями (около 100-150 лет): именно такой интервал между временем Игоря и Илариона, временем Владимира и Ярослава и эпохой «Слова о полку Игореве». Возможно, именно изменением нижней границы исторической памяти объясняется отсутствие упоминаний Рюрика вне летописных текстов и более позднее включение этого имени в княжеский ономастикон, совпадающее с составлением первых сводов и с началом регулярного ведения летописей (**13.** С. 59.).

В древнерусской литературной литературе и, скорее всего, в общественно-политическом сознании бытовало устойчивое представление о времени «старого князя» («старых князей»), которое задавало не только исторический, но и этический ориентир для княжеской власти. Именно апелляция к идеалам прошлого, ссылки на действенность молитв ушедших в мир иной отцов и дедов, наглядные примеры их достижений (оружие, предметы и одежды, хранящиеся в храмах, их погребения) составляли культ княжеского рода, который базировался не только на идеи единства русской земли, но и на идее единства времени правления династии, восходящей к «старым князьям».

Рассмотренный стандартный древнерусский оборот скрывает в себе три важнейшие константы древнерусского менталитета – идею «идеального прошлого», подсчет отрезков (до)исторического времени по сменам правления князей, и, видимо, представление о почти сакральном единстве правящего княжеского рода и непрерывности их династии (**14.** С. 84 – 104; **15.** С. 13 – 22) . Эта же идеология ярко проявилась в неканоническом представлении о молитве «отцов и дедов» за своих потомков из рода Рюриковичей, которая спасает их битвах и отводит беды (**4.** С. 360, 376, 409, 440, 447; Ср. **16.** С. С. 508–517). Видимо на основе этих архаичных представлений о неком «золотом веке» первых князей формировался позднесредневековый «народный» архетип «эпического времени» русских былин (**17.** С.55–63). Т.е. мы можем наблюдать разницу ментальных структур «домонгольской» Руси и «постмонгольской» Московской Руси. В первой – граница исторического и доисторического времени постоянно сдвигалась, история и доистория разделялась скользящей гранью, но сохранялась при этом вполне живая «связь времен», фиксируемая «*лето-писанием*». Во второй – «золотой век» навечно застыл в далеком киевском «богатырском» периоде, у которого не было ни прошлого, ни будущего, и который закончился жестокой гибелью всей «корпорации храбров» (**18.** С. 36–37).

This paper concerns the problem of interpretation of one basic historical category in medieval Russian literature: “old prince’s times of long ago”. This literary formula is a concentration of three main constants of Old Russian mentality: the idea of ideal Past, the calculation of time according the alternation of rulers and the conception of Rurikid’s kin sacral identity coupled with the continuity of their dynasty.
The key words: *Medieval Rus’, mentality, Rurikid’s dynasty, medieval Russian literature.*

Список литературы

1. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

2. «Слово о полку Игореве» / Вступительная статья, подготовка текста, комментарий и приложение А.А. Горского. М., 2002.

3. Гаспаров М.Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.

4. ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

5. Толочко А.П. «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия. К., 1991. С. 34-42.

6. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; отв. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

7. Шахматов А.А. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись / / История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 380-412;

8. Бахрушин С.В. К вопросу о достоверности Начального свода // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 15-35;

9. Творогов О.В. «Повесть временных лет» и «Начальный свод» (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 3 26;

10. Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-ю В.М. Живова. М., 2006. С. 56-96.

11. Гиппиус А.А. Гиппиус А.А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. М., 2011. 2010 (2). № 20. С. 143199.

12. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Иллариона // БЛДР. Т. I. XIXII вв. СПб., 2004.

13. Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей. М., 2001.

14. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI-XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 84-104;

15. Толочко А.П. Князь в Древней Руси. Власть. Собственность. Идеология. Киев, 1992.

16. Сазанов С.В. «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XIIXV вв. // Россия в IXXX вв. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 508-517.

17. Лихачев Д.С. «Эпическое время» русских былин // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952. С. 55-63.

18. Толстой Н.И. Мифологическое в славянской народной поэзии: отчего перевелись богатыри на Святой Руси // Живая старина. 1996. № 4. С. 36-37.

Список сокращений:

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси.
ПВЛ – Повесть временных лет
ПСРЛ – Полное Собрание русских летописей
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы

Об авторе:

Щавелев А. С. – кандидат исторических наук., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, alexis-schavelev@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

ЖЕНСТВЕННАЯ ИПОСТАСЬ КРАСОТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА[1]

Ю.М. Брюханова

В статье представлен один из аспектов комплексного анализа концепции красоты в художественно-философском наследии Бориса Пастернака. Предмет исследования – художественные образы женской красоты в поэтических и прозаических произведениях Пастернака. Красота в представлении поэта – категория витальная, отличающаяся амбивалентными качествами, что, в свою очередь, объясняет ее имморальные характеристики. Однако превращение амбивалентного в безусловное благо, согласно воззрениям Пастернака, возможно в случае соединения красоты и любви – основополагающих констант духовного преображения. Тем самым, диалектика красоты в творчестве поэта иллюстрирует закономерности художественного выражения его поэтической философии жизни.
Ключевые слова: *русская литература, Борис Пастернак, концепт красоты, художественная философия.*

Идея красоты имманентно присутствует во всем творчестве Бориса Пастернака, но непосредственные суждения о красоте, ее особенностях, ее роли обнаруживаются в произведениях поэта нечасто. Однако непреложно одно: наиболее откровенный разговор о красоте Пастернак начинает тогда, когда он говорит о женщине. Можно сказать, что женский образ – это квинтэссенция витальной красоты. Это уточнение не случайно, поскольку концепция красоты в художественном пространстве поэзии и прозы Пастернака строится не на эстетических и не на аксиологических основах, а на утверждении одухотворенной жизненности, т.е. витальности, связанной с творческим потенциалом.

Несмотря на обширный круг работ, посвященных творчеству Б. Пастернака, рассмотрение художественной концепции красоты не становилось для исследователей предметом самостоятельного анализа. Апелляция к доминантным чертам мироощущения поэта (восприятие им жизни как единства, родства, основанного на всеобщей любви) обусловливает толкование пастернаковского феномена красоты через феномен жизни. Жизнь интерпретируется и как «источник вдохновения» поэта, и как «предмет эстетического интереса» [1, с. 311]. В настоящее время мы встретили только одну работу, полностью посвященную рассмотрению особенностей функционирования художественной концепции красоты в творчестве Б.Л. Пастернака (см.: [2]).

В своей статье мы обращаемся к анализу женственной ипостаси красоты в произведениях Пастернака, что является необходимым этапом на пути формирования целостного представления о концепции красоты в художественно-философском наследии поэта.

Диалектика Красоты.

В русской литературе XX века активно происходило переосмысление эстетической аксиологии, складывавшейся на протяжении не одного столетия под влиянием христианской религии и характеризовавшей отношение к красоте как красоте одухотворенной. В русской традиции прочно закрепилось нравственное соответствие Христос – Добро – Красота (художественная квинтэссенция этой идеи воплощена в творчестве Ф.М. Достоевского). Развитие эстетического восприятия в русле духовно-нравственного совершенствования во многом предопределило появление триединства Добра, Истины и Красоты в философии Всеединства Владимира Соловьёва. Рассматривая красоту как одну из фаз триединой идеи, Вл. Соловьёв уточнял, что только «специально-эстетическая форма» отличает красоту «от добра и истины, тогда как идеальная сущность у них одна и та же – достойное бытие или положительное всеединство» [3, с. 216]. Кроме того, идея приобщения к Красоте как духовное преображение активно утверждалась еще с древних времен. Не случайно в древнегреческом языке слова «добро» (kalos) и «прекрасное» (kallos) созвучны друг другу.

Однако концепт красоты, формирующийся в художественно-философском пространстве произведений Б. Пастернака, не связан тесно с ценностными корреляциями, постулатами нравственности и истинности. В творчестве поэта в первую очередь выстраиваются отношения между такими понятиями, как красота и жизнь. Именно эта взаимосвязь исключает притяжение концептов Красота и Добро, поскольку Красота – реализация силы жизни, а жизнь, как это явственно следует из произведений Пастернака, имеет амбивалентную природу. Поэтому не кажутся оксюморонными такие определения, как «убийственная красота» («Когда ж твоя стократ прекрасней // Убийственная красота // И только с ней и до утра с ней // Ты отчужденьем облита», [«Из поэмы (два отрывка)», 1917]), «страш-

[1] Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (№П1021 от 27.05.2010).

ная красота» («Что делать страшной красоте // Присевшей на скамью сирени», [«Так начинают. Года в два…», 1921]), «дикая красота» («Вокзал <…> спорил дикой красотой // С консерваторской пустотой», [«Высокая болезнь», 1923, 1928]). Не аксиологические координаты выстраивают отношение к красоте в представлении Пастернака, а иные критерии. Очевидно, что в истинной красоте должно быть движение, борьба, преображение, ведь «корень красоты – отвага» («Осень» («Я дал разъехаться домашним»), 1949).

Для Пастернака красота не ассоциируется с умиротворенным, благостным и тихим наслаждением. Она должна постоянно отстаивать свое право на существование и свободу. Это красота вопреки всему, как описано, например, в стихотворении «Памяти Рейснер» (1926). Лариса Рейснер – «первая и может быть единственная женщина революции» [4, с. 507], «женщина удивительной красоты», как говорил сам Пастернак [4, с. 508]. Сила и красота – то, что делает ее героиней не только стихотворения, но и целой эпохи, по утверждению поэта: «Лишь ты, на славу сбитая боями, // Вся сжатым залпом прелести рвалась. // Не ведай жизнь, что значит обаянье, // Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз».

Жизнь – начало стихийное, а стихия амбивалентна, поэтому понимание ее должно строиться на анализе оппозиций: созидание – разрушение, движение – материя и т. д. Воплощением антиномичных качеств жизненного, витального начала в контексте реальной истории для Пастернака становится революция. Революцию роднит с жизнью стихийное начало. Стихия же свободна от оценочных категорий, ее нельзя рассматривать с нравственной или эстетической точки зрения. А потому закономерно, что красота – это не антипод, а возможный источник дисгармонии и несовершенства, следовательно, они едины. Об этом писала и А. А. Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда, // Как желтый одуванчик у забора, // Как лопухи и лебеда» («Мне ни к чему одические рати…», 1940). Также и Пастернаку «в ненастьи мерещится книга // О земле и ее красоте» («Памяти Марины Цветаевой», 1943), и вот почему так привлекательны для него картины ливней, гроз, снегопадов.

«Пленница-краса…»

Вероятно, в силу утверждения красоты как силы, не подчиняющейся законам, порядкам, человеку, возникает желание ее поймать, то есть уловить, постигнуть красоту, но в то же время подчинить себе, усмирить. Этот художественный образ перерастает в творчестве Пастернака в самостоятельный сюжетный элемент. В 1931 году в автобиографической повести «Охранная грамота» Пастернак вспоминает свое юношеское увлечение Идой Высоцкой. Говоря об их отношениях, о том, что эти чувства стали во многом причиной поэтического вдохновения Пастернака и его отказа от занятий философией, он писал: «Мои плечи и руки больше не принадлежали мне. Они, как чужие, просились от меня в цепи, которыми человека приковывают к общему делу. Потому что вне железа я не мог теперь думать уже и о ней и любил только в железе, только пленницею, только за холодный пот, в котором красота отбывает свою повинность» [5, с. 185]. Уловить красоту, по-своему «усмирить» ее можно, если заключить в ограниченное пространство художественной формы. Это не уничтожение красоты, а обуздание ее: «Дай запру я твою красоту // В темном тереме стихотворенья» («Без названия», 1956). В этой «темноте» созревает нечто новое, плодотворное. Это попытка поэта придать красоте новую форму, раскрыть ее тайну. Такой образ пленения обусловлен любовным и творческим желанием.

Парадоксально и в то же время органично с желанием заковать красоту в цепи обнаруживается стремление к ее освобождению. Не случайно образ женщины в представлении Пастернака с детства связывался с образом страдания: «Весной девятьсот первого года в Зоологическом саду показывали отряд дагомейских амазонок. <…> Первое ощущенье женщины связалось у меня с ощущеньем обнаженного строя, сомкнутого страданья, тропического парада под барабан» [5, с. 149]. Красота, в которой истребляется жизненное начало, это уже совершенно иная трактовка образа красоты-пленницы, не связанная с творческим преображением и стремлением поэта вместить красоту в художественные формы.

Искушению пленить красоту (истощая ее жизненные силы) противостоит поэтический императив подвига. Эта идея легла в основу центрального стихотворения «Сказка» из «Стихотворений Юрия Живаго», а также предопределила понимание революции поэтом. «Сказка» повествует: «Той страны обычай // Пленницу-красу // Отдавал в добычу // Чудищу в лесу <…> // Змей обвил ей руку // И оплел гортань, // Получив на муку // В жертву эту дань». Помимо естественно напрашивающихся фольклорных мотивов здесь очевидны параллели и с сюжетной тканью романа: змей-дракон-чудище – это Комаровский, всадник-конный-спаситель – Юрий Живаго, пленница-краса-дева – Лара. Так «Сказка» становится былью о вечном подвиге спасения красоты.

Мотив спасения красоты-пленницы используется поэтом и в художественном описании революции. Женское революционное начало олицетворяет вызов тому миру, который пошел против жизни и красоты, и воплощается в образе страдания, сопряженном с гибелью, жестокостью: «Затворницы ж эти<…> Шли на казнь // И на то, // Чтоб красу их подпольщик Нечаев // Скрыл в земле, // Утаил //

От времен и врагов и друзей» – сказано в поэме о женщинах – участницах тайных революционных обществ (поэма «Девятьсот пятый год», 1925-1926) [4, с. 265].

Ел. В. Пастернак в статье «Лето 1917 года. “Сестра моя – жизнь” и “Доктор Живаго”» пишет, что в романе Пастернака революция предстает «как акт мщения обществу и обеспеченности за искалеченную женскую судьбу» [6, с. 165]. Этим увлекает революция поэта: «И так как с малых детских лет // Я ранен женской долей, // И след поэта – только след // Ее путей, не боле, // И так как я лишь ей задет // И ей у нас раздолье, // То весь я рад сойти на нет // В революцьонной воле» («Весеннею порою льда…», 1932). Такое отношение к женщине и революции рождает героически-романтический пафос, связанный с темой освобождения пленницы, подвига ради красоты и жизни. Искалеченная женская судьба – это исковерканная красота, это насилие над жизнью. В первоначальном варианте стихотворения «Весеннею порою льда…» были такие строки: «О том ведь и веков рассказ, // Как, с красотой не справясь, // Пошли топтать не осмотрясь // Ее живую завязь. // А в жизни красоты как раз // И крылась жизнь красавиц. // Но их дурманил лоботряс // И развивал мерзавец».

Красота, с одной стороны, притягательна и захватывающа, с другой – опасна. Революция – это еще и «Жанна д`Арк из сибирских колодниц» с лицом василиска (поэма «Девятьсот пятый год») [4, с. 262]. В ней таится одновременно и сила, и слабость. Антиномичность – ее органическое свойство, как свойство самой жизни. Инициализация главных характеристик красоты помогает сформулировать метод ее познания. Ценность жизни выявляется только через постижение оппозиций: нравственных, духовных, эстетических и т.д. Подобным образом дело обстоит и с понятием красоты. Чтобы познать красоту, необходимо познать ужас бытия, не-красоту.

Как уже было отмечено, красота рождается в борьбе, она раскрывается через противоборство витальных начал. Красота, пытающаяся отрицать саму себя, характеризует образ Лары в романе Пастернака. Лара осознает силу своей красоты, но одновременно видит в ней причину своей слабости. Своей женской красоты она будто стыдилась: «Ей не хочется нравиться, – думал он [Живаго], – быть красивой, пленяющей. Она презирает эту сторону женской сущности и как бы казнит себя за то, что так хороша. И эта гордая враждебность к себе самой удесятеряет ее неотразимость» [7, с. 291]. «Недоверие» к своей красоте – следствие прошлого Лары, ее отношений с Комаровским. Преданность чувствам как собственной сущности бросает героиню в стихию жизни, но это не ошибка, это условие ее вхождения в жизнь, особый ритуал, инициация.

О символе духовной красоты.

Следует сказать, что утверждение независимости красоты от нравственно-оценочных категорий не исключает вовсе ценностные ориентиры в художественно-философской концепции Пастернака. Они существуют и обосновываются причастностью плодотворному жизненному существованию. Женщина связана с ним теснее, чем мужчина, потому что женщина наделена даром нести жизнь в этот мир.

Примечательно, что более всего Пастернак в описании женских портретов концентрирует внимание читателя на женских руках. Эту художественную деталь можно интерпретировать как символ силы жизни, расточающей тепло и любовь. Руки, ладони активно участвуют в тактильном постижении мира, не случайно рука во многих культурах символизирует передачу духовной и физической энергии. Подобную интерпретацию художественного образа можно видеть в произведениях Пастернака: женские руки источают некую силу, они способны успокоить, утешить, защитить. Это образ умиротворения, той духовной энергии, которая передается на уровне ощущений.

Красота женских рук – символ внутренней силы, витальной, нравственной, духовной. Этот момент неоднократно подчеркивается в романе «Доктор Живаго», сцепляя разные картины и сцены. Сравним, например, описание Тони на похоронах своей матери и описание Лары на похоронах Живаго: «Она [Тоня] часами распластывалась на коленях возле покойницы, в промежутках между панихидами обнимая *большими красивыми руками* угол гроба вместе с краем помоста, на котором он стоял, и венками, которые его покрывали» [7, с. 87]; «Она [Лара] замерла и несколько мгновений не говорила, не думала и не плакала, покрыв середину гроба, цветов и тела собою, головою, грудью, душою и своими *руками, большими, как душа*» [7, с. 497] [курсив наш. – *Ю.Б.*]. Большие красивые руки – образ души, необъятной, живой, спасительной. Это не просто олицетворение души героини или женщины как собирательного образа, это символ высшей благодати, мирволения, которое нисходит свыше. Когда Лара выхаживала больного Живаго, он, не осознавая ясно, что происходит вокруг, роптал на небо за то, что оно отвернулось от него (аллюзия на обращение Христа к Отцу своему во время распятия). Но позже он понимает: «В недавнем бреду он укорял небо в безучастии, а небо всею ширью опускалось к его постели, и две большие, белые до плеч, женские руки протягивались к нему» [7, с. 392]. Здесь возникает образная параллель с известнейшим сюжетом живописи эпохи Возрождения – Мадонна с младенцем (Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэль и др.). Руки Мадонны на

всех полотнах – символ благодати и защиты.

Немаловажным фактом является также то, что рука – это символ Бога в христианской Троице (см.: [8, с. 145]). В творчестве Пастернака наблюдается поэтическая реализация выражения «всё в руках Божьих». В упомянутом выше эпизоде Юрий Живаго, приходя в сознание, думает: «Как хорошо было перестать действовать, добиваться, думать и на время предоставить этот труд природе, самому стать вещью, замыслом, произведением в ее милостивых, восхитительных, красоту расточающих руках!» [7, с. 392]. Трудно сказать, к кому в большей степени относится это душевное признание: к Ларе, к природе или к Богу.

Творец-художник в руках Творца-Бога – этот символ исполнения жизненного предназначения и неотвратимости своего пути реализуется и в поэзии Пастернака: «Кончаясь в больничной постели, // Я чувствую рук Твоих жар. // Ты держишь меня, как изделье, // И прячешь, как перстень, в футляр» («В больнице», 1956 г.). Принцип жизни – вбирать и отдавать, чувствовать и творить. Человек сотворен по образу и подобию Божию, а значит, должен служить творчеству, поскольку именно в нем реализуется жизненная энергия.

Итак, рассмотрев художественную реализацию концепта красоты в творчестве Б. Пастернака на примере женских образов, мы пришли к следующим выводам: во-первых, красота – категория не идеальная, она имеет витальную основу, наделена жизненным потенциалом, а потому характеризуется амбивалентными качествами, подобно самой жизни. Во-вторых, амбивалентная природа красоты объясняет ее вненаходимость по отношению к ценностно-этическим координатам. Тем не менее, красота может воплощать в себе божественное начало, идеальное начало в том случае, если в ней реализуется продолжение жизненной силы. Другими словами, если красота дает импульс творению: художественному (например, в поэзии), витальному (рождение новой жизни) или иному. Акцентируя женственную ипостась красоты, поэт раскрывает в очевидной природной связи красоты и любви особую грань – взаимную волю к преображению. Любовь не только условие извлечения красоты из плена, её постижения и продолжения в жизни, но и сила, превращающая амбивалентное в безусловное благо – в том случае, если красота нуждается не в поклонении, а в духовном росте любви.

The article is devoted to a phenomenon of beauty in art and philosophy system of Boris Pasternak. The theme of beauty is considered on the example of analyzing female images in Pasternak's prose and poetry. In his works the concept of beauty is based on vitality and characterizes as ambivalent and immoralphenomenon. From Pasternak's point of view ambivalent features will turn into absolute good if beauty and love (constants of moral improvement) couple. So dialectics of beauty in Pasternak's creation shows regularities of his philosophy of life.
The key words: *Russian literature, Boris Pasternak, concept of beauty, art philosophy.*

Список литературы

1. Альфонсов В. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Сов.писатель, 1990. 368 с.
2. Молчанова А.В. Художественная концепция красоты в творчестве Б. Пастернака: автореф. дис… канд. филол. наук : 10.01.01. Казань, 2010. 20 с.
3. Соловьёв В. Красота в природе // В. Соловьёв / Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. СПб.: Худож. лит., 1994. С. 204-245.
4. Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. Т. I: Стихотворения и поэмы 1912-1931. 576 с.
5. Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Б.Л. Пастернак / Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. III: Проза. С. 148-238.
6. Пастернак Е.В. Лето 1917 года. «Сестра моя – жизнь» и «Доктор Живаго» // Звезда. 1990. №2. С. 158-165.
7. Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. IV: Доктор Живаго, 1945-1955. 760 с.
8. Полная энциклопедия символов / сост. В.М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. 515 с.

Об авторе

Брюханова Ю.М. – кандидат филологических наук, ведущий инженер научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, okt28@yandex.ru,

УДК 821.512.157:82.091

ТИПЫ ЛИРИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ В ПОЭЗИИ ЛЕОНИДА ПОПОВА В АСПЕКТЕ ЖАНРОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Е. М. Ефремова

Представлены результаты исследования форм выражения авторского сознания в лирике народного поэта Якутии Л. А. Попова (1919–1990). Выявлены типы лирических субъектов в его поэзии в аспекте жанровой характеристики (малые и крупные жанры лирики).
Ключевые слова: лирическая поэзия, субъектная структура, авторское сознание, жанровая модальность, лирическое *Я*, индивидуальный стиль.

Теоретические положения исследований по поэтике лирического произведения (С. Н. Бройтман, Л. Я. Гинзбург, М. Н. Дарвин, Б. О. Корман, М. А. Палкин, В. И. Тюпа и др.) утверждают, что субъектные лирические образы – варьируемая категория, которая претерпевает характерное изменение в зависимости от жанровой принадлежности произведений. В традиционалистскую эпоху поэтики лирический субъект напрямую зависел от жанровых параметров «автор был ориентирован на определенный жанр и на определенного героя, именно жанрового героя, различного в оде, элегии и послании» [1, с. 312], он существовал как «абстрактное жанровое условие, заранее данное поэту» [2, с. 169]. В этом отношении важно отметить, что и современной ситуации жанровая обусловленность лирического субъекта в некоторых случаях не потеряла своей актуальности: субъектная структура произведений лирики варьируется в зависимости от соотношения его с различными жанрами и своеобразными устойчивыми жанровыми формами.

Методология, изучающая жанровое единство «не только как неподвижное, устойчивое равновесие подсистем, а как динамический процесс становления, как эстетическую деятельность, регуляторами которой выступают носители жанра – «субъектная организация повествования», «структура речевого стиля», хронотоп, «организация ассоциативного фона» – позволяет рассматривать структуру лирического субъекта в текстах как своеобразную реакцию на жанровую модальность» [3, с. 36]. В данном ракурсе принято рассматривать жанровые направления в видах и в формах анализа лирических стихотворений, поэмы и цикла, который вполне правомерно может изучаться как явление жанровое, имеющее свои особенности и закономерности.

Специфику раскрытия авторского «я» в лирическом *стихотворении* предполагается анализировать в двух аспектах – по типам стихотворений (баллада, элегия, послание и др.), также по определенному проблемно-тематическому комплексу произведений. Своеобразную жанровую грань поэзии Л. Попова составляют стихи-посвящения, близкие жанру послания. Особенно четко это проявляется в тематической группе стихотворений о поэте и поэзии, где отдельный пласт произведений посвящается собратьям по перу. Из числа поэтов старшего поколения выделяются образ П. А. Слепцова – Ойунского (*«П.А. Ойуунускайга»* – «П. А. Ойунскому») и С. Р. Кулачикова – Элляя (*«Эллэй хайата»* – «Гора Элляя»), под непосредственным влиянием которых Л. Попов формируется как поэт. Из современников особенно близко воспринимается образ народного поэта Якутии Сем. П. Данилова, с которым у поэта были дружеские отношения (*«Үөлээннээх поэппар»* – «Моему ровеснику-поэту»). Отдельные стихотворения посвящаются турецкому поэту Н. Хикмету (*«Назым Хикметкэ»* – «Назыму Хикмету»), татарскому М. Джалилю (*«Муса Джалиль Саха сиригэр»* – «Муса Джалиль в Якутии»), юкагирскому Н. И. Спиридонову – Тэкки Одулоку (*«Нуннуу»* – «Нунну»). Композиционная структура стихотворений, в основе которой лежит обращение к определенному адресату, формирует характерный тип субъекта, соответствующий жанру послания. Введение собственных имен исторических личностей активизирует биографический подтекст, в результате которого коммуникация лирического «я» носит сугубо личностный характер. Лирический герой выражает переживания, возникшие на основе сугубо личных ассоциаций и представлений, вызванных конкретными образами реальных личностей.

В отличие от этого в балладе, в форме которой написано стихотворение *«Суоһалдьыйа»* [1](«Сожалдия»), лирическое «я» можно определить как «подвижное», ибо его подсознание отличается потенциальной возможностью пересечения границ ирреального потустороннего мира, что в очередной раз подчеркивает неординарность мышления Л. Попова. Структуру стихотворения отличает эмоционально окрашенная сюжетная линия, восходящая к фольклорному источнику о легендарной якут-

[1]*Сожалдия* – легендарная красавица. Родилась в Сунтаре, на родине поэта. По преданию, ее насильно выдали замуж за старого богача. Девушка любила молодого охотника и покончила с собой.

ской красавице. П. В. Максимова – Сивцева относит произведение к типологической группе баллад, где сюжетный драматизм подчеркивается введением образов из легенд и преданий с их трагическими судьбами [4, с. 129]. Самобытный характер образных представлений и ассоциаций обуславливает мотив «пограничного места», где лирический герой пересекает границу между двумя типами пространства:

Суоһалдьыйа,	Сожалдия,
Суоһалдьыйа!..	Сожалдия!..
Көрдүм – суһуо5уң субулдьуйар,	Вижу – косы твои развеваются,
Көрдүм – сүһүө5үң долгулдьуйар.	Ты идешь, меня походкой радуя,
Толбонноох ньуургун	Я гляжу в твое лицо бессмертное
Имэрийэр курдукпун,	Вижу я на нем сияние светлое.
Киэргэлгин-оонньуургун	Украшения твои колышутся
Тыаһатар курдукпун…	Чудная мелодия мне слышится

(Пер. Н. Глазкова)

Образная система отличается характерной опосредованностью мыслей, где в подсознании героя образ красавицы Сожалдии соотносится с высшими представлениями о Поэзии:

Суоһалдьыйа диэн ааты	Имя Сожалдия
Поэзия диэн өйдүүбүн	Я понимаю как Поэзия.
Ол аата:	Значит:
Күн тахсыыта,	Восход солнца,
Күөрэгэй ыллыыта,	Пение жаворонка,
Күөнэх оонньуута,	Игра мелкой озерной рыбы,
Күөх симэх тыллыыта!	Зелени расцветание!
Ол аата:	Значит:
Күүҥэ көтүү,	Полет к солнцу,
Ыйга ыттыы,	Восхождение на луну,
Сулуһу суоллуу,	За звездами,
Дьону дьолуу!	Радуя людей!
Поэзиям –	Моя поэзия –
Суоһалдьыйам! [1]	Сожалдия!

Образная характеристика Поэзии осмысливается поэтом крайне оригинально. В субъективно-психологическом выражении автора ощутимы личные представления, переживания, вызванные образом Сожалдия, являющиеся предметом размышлений. Склонность к созданию неповторимых образов, своеобразный характер поэтических ассоциаций, оригинальность интерпретаций уже известных явлений, не повторяющихся у других, определяет самобытность лирических переживаний, опосредованность образных представлений как важную отличительную особенность художественной манеры Л. Попова. Эмоциональная напряженность, повышенная яркость образов в произведении приводит к раскрытию особого типа субъекта, отличающегося двойственным, амбивалентным характером сознания. В тексте это реализуется посредством мотива сопоставления Сожалдия с высшими представлениями о Поэзии.

В целом, в произведении раскрывается балладный тип лирического «я», обусловленный, прежде всего, инвариантным развитием лирического сюжета: 1) в них сюжет возникает из семантической неоднородности художественного пространства – оно оказывается «двойным»: с одной стороны, это реальное человеческое измерение, с другой, эта некая мистическая непостижимая сфера, где герой видит Сожалдия; 2) лирический сюжет мотивирован отчуждением героя от «бытового» мира, несоответствием его реальному пространству.

Своеобразие авторского «я» в элегии сосредотачивается на раскрытии идеи времени, его циклической необратимости и принципиальной значимости для него. В более поздних произведениях переживания героя связываются с диалектикой жизни и смерти, быстрым течением времени, что обуславливает мотивацию элегического тона. Здесь лирическое «я» сосредотачивается на раскрытии времени и его значении для него, обуславливаемой жанровым своеобразием элегии. Циклическое движение времени вызывает у лирического героя чувство глубокой тоски – старость для него служит грустным воспоминанием о прошедшей юности. В сознании нередко возникают воспоминания о детстве, юношестве (*«Олох умсул5ана»* – «Пристрастия жизни», *«О5о сааһым»* – «Мое детство», *«О5о сааспар төнүннүм»* – «В детство свое вернулся»и др.). В рамках биологического времени лирического героя (*Биэс уоммун сотору туолабын…*‘Скоро мне исполнится пятьдесят…’, *Биэс уоммун туолбуппут билбэккэ соһуйдум…* ‘Удивился, что исполнилось пятьдесят’, *А5ыс уонум да аастын* ‘Пусть

[1]Здесь и далее без указания имени переводчика смысловые подстрочные переводы сделаны автором – *Е.Е.*

даже восемьдесят будет’) философская тема времени переходит в рамки индивидуального переживания жизни и смерти.

Если лирический герой ранее не задумывался над этими вопросами, то по истечению времени наблюдается эволюция в его взглядах – выражается некая обида на старость, мотив боязни смерти, необратимого приближения конца. Однако пессимистические ноты наблюдаются только в начале произведений, далее следует антитезис – автор не вносит в контекст идею «конца»:

Инним чугаһаатар,	Пусть близок,
Кэнним ырааттар да5аны,	Мой конец,
Син-биир	Все равно
Сарсыҥҥыны саныыбын…	Думаю о завтрашнем дне…
(«Баттахпар кыһыҥҥы кырыа…»)	(«На волосах зимний иней…»)

Аналог завершающего, итого периода в жизни героя мотивирует, таким образом, раскрытие элегического типа авторского «я». Наблюдается тенденция к философским рассуждениям дидактического характера. Раздумья героя в основном связаны с размышлениями о смысле жизни, внимание сосредотачивается на самой личности лирического героя, прослеживается становление его «характера», формируются жизненные принципы.

В отношении особенностей авторского «я» в крупных жанрах лирики, интерес представляют положения о том, что в *поэмах* субъект, так же как и в стихотворениях, напрямую связан с идеологическим языком эпохи. Однако в силу специфики жанра это не просто бытовое сознание эпохи, скорее речь идет о культурно-поэтическом, общественно-историческом сознании. П. В. Максимова – Сивцева отмечает, что в поэмах авторское «я» имеет определяющее значение как образ-переживание, раскрывающий ту или иную тему в большей части в эпическом ключе, ибо само себе понятие «поэма» представляет собой синкретическое жанровое структурное образование [5, с. 5].

Раскрытие особенностей лирического «я» в *поэме,* непосредственным образом связано с двойственным характером родовой принадлежности указанного жанра. Учитывая межродовое существование поэмы и динамику ее жанровых изменений в якутской поэзии можно выявить особенности «я» в лирических, эпических и драматических поэмах. В поэтическом активе Л. Попова семь поэм, которые отличаются небольшим объемом и в целом носят лирико-медитативный характер.

Возникновение жанра поэмы в ранней лирике поэта обуславливается особенностями поэтического сознания, связанного с историческими реалиями времени. В 1940-е военные годы сама действительность вела писателей к обобщениям: исключительные характеры стали явлениями реальными, героическое стало адекватным типическому. Духу времени соответствовала тенденция изображения человека в нравственно сильных, благородных, героических проявлениях характера, что требовало укрупнения образа лирического героя поэм, «отказа» от детализации. В этом отношении, авторское «я» в лирических поэмах Л. Попова масштабируется в историческом, социальном плане. Тема произведений развертывается на фоне мировых событий, за счет чего индивидуальное самосознание вбирает в себя гражданственное начало (переход личного «я» к → общему). В отличие от стихотворений, здесь образ героя имеет доминирующее значение, как понятие не только социального, исторического, но и наиболее глобального значения – как носитель характера времени и поколения (*«Ыһыа буолбут олох»* – «Жизнь, ставшая песней», *«Мин республикабар»* – «Моей республике»).

Лирические поэмы позднего периода отличаются ориентацией к новой тематике в плане раскрытия медитативного, философского характера переживаний, что в целом обусловливается литературно-историческим контекстом поэзии 1960–1970-х гг. Это выражение лирического «я» в форме ролевого героя (*«Ат айаһааччы»* – «Объездчик лошадей», 1968), изображение особенностей характера лирического персонажа с помощью описания бытового интерьера (*«Эрилик Эристиин бала5ана»* – «Юрта Эрилика Эристина», 1974), раскрытие авторских мыслей посредством ассоциативной и метафорической образности, что позволяет приблизить лирическое «я» поэмы к образу ролевого героя (*«Муустаах муора5а»* – «У Ледовитого океана», 1967).

В силу своих индивидуальных особенностей образ лирического героя с достаточной полнотой и определенностью выявляется в *цикле стихотворений.* Здесь посредством разнообразия настроений и ситуаций, лирических сюжетов обнаруживается некое постоянство ценностных установок, интересов и убеждений, позволяющих говорить о характерности умонастроений, мировосприятия. Жанровое своеобразие авторского «я» цикла лирических стихотворений *«Кэмчи кэрчиктэр»* («Скупые строки»), состоящей из 200 поэтических миниатюр, заключается в проявлении единого (монологического) лирического субъекта – образа лирического героя. В цикле он выступает в качестве основного структурообразующего компонента, способного выступить как определенная парадигма, модель, с конкретной поэтико-автобиографической достоверностью. Авторский и геройный план в произведении предполагают нераздельность и неслиянность категорий – посредством образа лирического героя

выражается целостная авторская концепция. На первый план выдвигается личность автора, воплощается его целостный взгляд на мир, отражается специфика творческого самовыражения, что формирует в итоге своеобразную поэтическую модель мира.

В отличие от жанра лирического стихотворения и поэмы, в цикле обнаруживается концептуализация авторского «я», наблюдается укрупнение образа лирического героя до масштабов «характера». Здесь авторское «я» конкретизируется как образ реального человека с определенным мировоззрением, сознанием, морально-эстетическими качествами, конкретными представлениями о человеке и бытии. Более того, раскрываясь по мере объединения отдельных компонентов цикла, образ лирического героя выступает как носитель концептуальной идеи, целостного единства авторского сознания.

Таким образом, лирический субъект поэзии Л. Попова обусловлен жанровыми факторами – взаимодействие жанровой модальности с субъектной организацией произведений формирует особенности авторского «я», различные в стихотворениях поэме и цикле. В произведениях, рассматриваемых в рамках парадигмы лирического стихотворения, авторское «я» дифференцируется в зависимости от его типов: реальность и биографическая достоверность мыслей в стихах-посвящениях («Назыму Хикмету», «Моему ровеснику-поэту» и т. д.); характерное свойство «подвижности» сознания в балладе («Сожалдия»); циклическая необратимость и принципиальная значимость идеи времени в элегии («На волосах зимний иней», «Пристрастия жизни» и т.д.).В крупных жанрах лирики: социализация, глобализация авторского «я» в поэмах (индивидуальное самосознание вбирает в себя гражданственное, социальное) («Жизнь, ставшая песней», «Моей республике» и т.д.), концептуализация *Я* до масштабов «характера» в цикле поэтических миниатюр («Скупые строки») и т. д.

The article presents the results in studying the forms of expressing an author's mind in the lyric poetry of the national poet of Yakutia L.A. Popov (1919-1990). The article reveals the types of lyric subjects in his poetry in the aspect of genre characteristics (minor and major genres of lyric poetry).
The key words: *lyric poetry, structure of the self, author's mind, genre modality, the lyric self, individual style.*

Список литературы

1. Бройтман С. Н.Лирический субъект // Введение в литературоведение: Учеб.пособие / Под. ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк., 2006. С. 310-321
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л.: Сов.писатель, 1964. 382 с.
3. Боровская А. А. Автор в структуре лирических произведений И. Анненского. Диссертация кандидата филологических наук. М., 2005. 253 с.
4. Максимова П. В. Жанровая типология якутской поэзии: Вопросы эволюции и классификации форм. Новосибирск: Наука, 2002. 255 с.
5. Максимова П. В., Григорьева Л. П. Композиционный анализ поэмы (на материале якутской литературы). Якутск: Изд-во ЯГУ, 2009. 128 с.

Об авторе

Ефремова Е. М. – научный сотрудник сектора литературоведения Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, кандидат филологических наук, kachkom84@mail.ru

УДК 811.111

ОБРАЗНЫЙ РЯД В ЛИРИКЕ Р. ФРОСТА

Е.А. Николаева

Статья посвящена исследованию образного ряда в лирике Р. Фроста. Качественный и количественный анализ репрезентированных в тексте концептов позволяет эксплицировать закономерности концептуализации действительности автором и дать описание скрытым закономерностям функционирования индивидуального стиля поэта.
Ключевые слова: индивидуальный стиль; метафора; образный ряд; концептуализация; Р. Фрост.

Изучению различных аспектов индивидуального стиля посвящено большое количество исследований как в России, так и за рубежом. Значительные успехи в этом направлении достигнуты за последние десятилетия в рамках когнитивного подхода в лингвистике. В данной статье методология когнитивного подхода используется для анализа индивидуального стиля Роберта Фроста – одного из крупнейших американских поэтов XIX века.

Роберт Фрост, четырежды лауреат Пулитцеровской премии и обладатель сорока четырех ученых степеней различных учебных заведений, еще при жизни стал широко известным автором во всем мире [1; 2; 3; 4].

В центре внимания настоящего исследования находится выделяемый в текстах образный ряд, отражающий особенности ментальной картины мира автора.

Поэтический образ в данной работе понимается как реализация метафоры в широком смысле слова – перенос когнитивной структуры концепта-источника на концепт-мишень. Качественный и количественный анализ наиболее типичных (и напротив, наиболее редких) концептов в функциях источника и мишени позволит выявить особенности когнитивной картины мира автора, описав содержательный аспект его стиля.

Учитывая особенности стихотворной речи как в формальном, так и в содержательном планах, нами привлекается онтология концептов, эмпирически сформированная Н.В. Павлович [5; 6] на базе анализа обширного корпуса текстов и апробированная в дальнейших исследованиях на материале американских поэтов [7; 8]. Преимущества используемой методики заключаются в том, что она позволяет выявить скрытые тенденции за многообразием лексических реализаций образов в тексте и, применив элементы квантитативного подхода к семантическому анализу, сопоставить полученные данные с результатами исследований других поэтов. Кроме того, она позволяет абстрагироваться от конкретных тропов, которые реализуют метафорический перенос, и выявить образные модели, составляющие основу образного ряда автора.

Цель данной работы заключается в том, чтобы, абстрагируясь от разнообразия тропов и репрезентирующей концепты лексики, установить наиболее частотные концепты в функциях мишени и источника и наиболее типичные для Фроста модели построения образа.

Указанные выше исследования, лежащие в основе привлекаемой методики анализа и онтологии, показали, что такие концептуальные области как ПСИХИЧЕСКАЯ СФЕРА, СУЩЕСТВА и РАСТЕНИЯ, хотя и не являющиеся концептами в строгом смысле этого слова, функционируют в поэтическом дискурсе как единицы концептосферы поэтов и поэтому рассматриваются наравне с ними.

В результате анализа нами было установлено, что наиболее частотным в качестве концепта-мишени являются Психическая сфера, за ней следуют Пространство и Вода (Табл. 1).

Таблица 1

Ранги частотности концептов в функции мишени и источника в лирике Р Фроста

Концепт-мишень		Концепт-источник	
Наименование	Ранг	Наименование	Ранг
ПСИХИЧЕСКАЯ СФЕРА	1	СУЩЕСТВА	1
ПРОСТРАНСТВО	2	ПРЕДМЕТ	2
ВОДА	3	ПРОСТРАНСТВО	3-4
СВЕТ	4	ДРАГОЦЕННОЕ	3-4
СУЩЕСТВО	5	РАСТЕНИЯ	5

Наибольший интерес Фроста привлекают чувства и эмоции человека, представленные широким спектром лексики (love, joy, sorrow, hate), которые интерпретируются им, в первую очередь, как живые существа, выступающие в качестве деятеля: Love has earth to which she clings / With hills and circling arms about (Bound and Free); His hate had roused an engine up the road (The Egg and the Machine); My Sorrow, when she's here with me (My November Guest).

Отдельно следует отметить представленную в последнем примере модель ПСИХИЧЕСАЯ СФЕРА – СУЩЕСТВА, которая является одной из наиболее распространенных в творчестве Фроста и стала основой его произведения «My November Guest». Весь текст построен на развертывании метафорического сравнения печали человеку. Метафоризация реализуется различными лексическими средствами (использованием личного местоимения she для обозначения печали, использование лексических репрезентантов данного чувства в качестве субъекта с предикатом, типичным именно для живых существ и др.).

My Sorrow, when she's here with me,
Thinks these dark days of autumn rain
Are beautiful as days can be;
She loves the bare, the withered tree;
She walks the sodden pasture lane.

Мыслительнаясферапредставленаменьшимколичествомобразов, вкоторыхавторисполь зуетнаиболееобобщеннуюлексику (thought): *But Though has need of no such things, / For Thought has a pair of dauntless wings … Thought cleaves the interstellar gloom* (Bound and Free).

ПРОСТРАНСТВО представленовлирикеФроста, преждевсего, какприродное: *A saturated meadow, Sun-shaped and jewel-small* (Rose Pogonias); *The firm house lingers* (A Brook in the City); *When heaven presents in sheets the solid hue* (Fragmentary Blue). РукотворноеПРОСТРАНСТВОзанимаетзна-

чительноменьшееместо: *The graveyard draws the living still* (In a Disused Graveyard); *And having scared the cellar under him* (An Old Man's Night).

РепрезентацияконцептовВОДАиСВЕТотражаютинтересФростак «природной» частиокружающегомира, неявляющейсяпродуктомчеловеческоготруда: *Now drops that floated on the pool like pearls* (Going for Water); *The brook was thrown deep in a sewer dungeon under stone* (A Brook in the City); *These flowery waters and these watery flowers* (Spring Pools); *Those stars like some snow-white Minerva's snow-white marble eyes* (Stars); *It takes the moon for this. The sun's a wizard / By all I tell; but so's the moon a witch* (A Hillside Thaw).

Фрост полностью следует тенденции сопоставлять различные явления с живыми существами вообще и человеком, в частности, которая имеет место в поэзии. Средиисточниковпервоеместопочастотностисозначительнымотрывомзанимаетконцепт СУЩЕСТВА: *the moon ... when she found us soon* (Going for Water); *The breath of air had died of cold* (Looking for a Sunset Bird in Winter); *The buzz-saw snarled and rattled in the yard* (Out, Out); *The trees that have it in their pent-up buds ... let them think twice before they use their powers* (Spring Pools).

Антропоцентризм в поэзии Фроста выражается и в том, что поэт рассматривает самые различные фрагменты реальности как инструмент в руках человека. Даннаяособенностьстиляреализуетсявметафорическойинтерпретацииширокогоспектраконцептовкак ПРЕДМЕТОВ: *A slender tinkling fall ... and now a silver blade* (Going for Water); *Unless in the horizon rim* (A Cliff Dwelling); *I've tried the new moon titled in the air / I've tried it fine with little breadth of luster* (Freedom of the Moon).

Аналогичным образом ПРОСТРАНСТВО как источник при метафоризации выступает в значительной степени как созданное человеком (пространство различных строений). Памятьуподобляетсязданию (*To keep their building balanced at my breast*), склонхолмасравниваетсяполомвдоме (*Lifted the rug that bred them on the floor*), ажара – схрамом (*A temple of the heat*).

Концепт ДРАГОЦЕННОЕ представлен только в функции источника. Такая асимметрия указывает на то, что для поэта материальные ценности не представляют интереса как объект творческого осмысления, но являются средством отразить высокую авторскую оценку красоты или значимости ряда концептов: *And golden seems the sandy plain* (A Cliff Dwelling); *I'vetriedthenewmoontiltedintheair ... As you might try a jewel on your hair* (Freedom of the Moon); *Was only adding frost to snow / As gilt to gold that wouldn't show* (Looking for a Sunset Bird in Winter).

Наряду с перечнем наиболее частотных концептов-мишеней и концептов-источников представляют интерес их валентность и закономерности сочетаемости в образах. Проведенные подсчеты показывают, что в функции мишени наибольшей продуктивностью в плане участия в различных моделях построения образа обладают концепты ПРОСТРАНСТВО, ВЕЩЕСТВО и РАСТЕНИЯ. Валентностные возможности концептов, таким образом, не связаны напрямую с их частотностью. Только один из пяти наиболее распространенных концептов входит в число самых продуктивных (ПРОСТРАНСТВО). Остальные обладают весьма ограниченной сочетаемостью и участвуют в создании от 3 до 5 моделей образов (например, ВОДА образует модели ВОДА – СУЩЕСТВА, ВОДА – ДРАГОЦЕННОЕ, ВОДА – ПРЕДМЕТ, ВОДА – РАСТЕНИЯ и ВОДА – СВЕТ).

Для Фроста, таким образом, характерен интенсивный способ использования предпочитаемых концептов-мишеней, при котором число их реализаций в тексте растет не за счет создания новых моделей образов и расширения сочетаемости, а за счет повторных реализаций небольшого числа одних и тех же моделей.

Напротив, в функции источника реализован экстенсивный принцип построения образов, когда частотность концептов растет за счет их более широкой сочетаемости и участия в формировании большого количества моделей метафоризации. Наиболее широкой сочетаемостью обладают СУЩЕСТВА, ПРЕДМЕТ, ДРАГОЦЕННОЕ и ПРОСТРАНСТВО.

Среди самых частотных моделей образов следует выделить ПСИХИЧЕСКАЯ СФЕРА – СУЩЕСТВО и ВОДА – СУЩЕСТВО, ярко отражающие особенности авторской концептуализации.

ПСИХИЧЕСКАЯСФЕРА – СУЩЕСТВО: *No memory of having starred / Atones for later disregard* (Provide, Provide); *Wall within wall to shut fear out* (Bound and Free); *To rest from his besetting fears* (A Cliff Dwelling).

ВОДА – СУЩЕСТВО: By June our brook's run out of song … (Hyla Brook); *But if I thought to stop the wet stampede, / And caught one silver lizard by the tail* (A Hillside Thaw); *But what about the brook that held the house in an elbow-crook?*(A Brook in the City).

Полученные результаты свидетельствует о том, что внимание поэта распределяется между интерпретацией материальных природных феноменов и нематериальных аспектов человеческого существования.

Наблюдается асимметрия между интенсивным способом реализации авторских предпочтений среди концептов-мишеней и экстенсивным способом среди концептов-источников.

The article is devoted to the analysis of imagery in lyrics by R. Frost. Qualitative and quantitative analysis of the con-

cepts represented in the text makes it possible to reveal characteristics of conceptualization of the reality by the author and describe hidden tendencies in the functioning of the poet's individual style.
The key words: individual style; metaphor; imagery; conceptualization; R. Frost

Список литературы

1. История литературы США / Рос.акад. наук, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; редкол.: Я. Н. Засурский (гл. ред.), М.М. Коренева, Е.А. Стеценко. М.: ИМЛИ РАН, 1999. Т. 2. 461 с.
2. Literary History of the United States / ed. Spiller R. et al. New-York, Macmillan, 1988. 1120 p.
3. American Literature: Colonial through Romantic / General editor G. McMichael. Vol. 1. New Jersey: Prentice Hall College Div, 1996. 6th edition. 2332 p.
4. The Norton Anthology of Poetry / Ferguson M., Salter M.J., Stallworthy J. – editors. New York – London: W.W.Norton and Company, 2005. 2282 p.
5. Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: РАН ИРЯ, 1995. 491 с.
6. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. I. 795 с.; Т. II. 872 с.
7. Андреев В.С. Развитие образной системы Г.У. Лонгфелло (на материале именных образов с концептами живых существ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 8(76). С. 237-240.
8. Андреев В.С. Эволюция индивидуального стиля Г.У. Лонгфелло и Э.А. По: образная система и репрезентация пространства. Смоленск: СмолГУ, 2011. 124 с.

Об авторе

Николаева Е.А. – аспирант Смоленского государственного университета, leno4kamop@mail.ru.

УДК-821.161.1

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЕРЕВОДНЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ЖИТИЯХ.

Е.И. Сарин

В данной работе рассмотрен ряд разновидностей переводных древнерусских житий, представляющих несколько возможных моделей сознания биографического и автобиографического повествования. Описаны формальные модели биографизма и условного автобиографизма сделан вывод, что переводные жития являются одной из отправных точек генезиса автобиографического и биографического повествования в рамках древнерусской литературы
Ключевые слова: *агиография, автобиография, жития святых, переводные древнерусские жития*

Создание житийного произведения в качестве целей имело не только прославление святого, но и доказательство достоверности сведений о нем. В связи с этим агиографические произведения, как правило, изобилуют ссылками на источники информации и «самовидцев» - участников и очевидцев тех или иных событий. Зачастую в качестве создателей текстов называются непосредственные ученики святых, которые были их спутниками, друзьями и соратниками. Подобная тенденция приводила к формированию специфического сочетания «абстрагированного» облика святого [1, с.17] и «иллюзии достоверности» изображаемого, в результате чего в агиобиографию могли проникнуть элементы автобиографического рассказа о повествователе-агиографе. На русской почве первые примеры подобного сочетания агиобиографического и автобиографического начал фиксируются в ряде переводных житий.

В составе Успенского сборника (ГИМ, Синод, собр., №1063/4, конца XII – началаXIIIв.в.) помещен комплекс текстов, посвященных святому Епифанию Кипрскому. М.В.Антонова обратила внимание на то, что «повествование о святом передается от лица к лицу, от автора к автору» [2,с.3]. Собственно Житие, имеющее название «Месяца майя в 12 день Иоанна прозвутера града Костянтия о житии блаженаго и славьнаго Епифана, епископа Кипрьска града Костянтия», написано от лица ученика святого – Иоанна. «Повесть Поливия епископа Ринокирьскаго о коньчании жития святого отца нашего и архиепископа Кипрьскаго» и «Послание Поливия к Савину», как свидетельствуют заголовки, приписаны Поливию, а последняя часть – «Послание Савина Поливию» - соответственно Савину. Первые два повествователя являются спутниками Епифания, его учениками, очевидцами деяний святого и непосредственными участниками событий. По мнению М.В.Антоновой, если в древнерусских

канонических житиях «роль автора на уровне системы образов и форм авторской модальности оказывалась сведена к объективированной передаче имеющихся сведений, подлинность которых утверждалось указанием на сам факт наличия очевидца», то в данном комплексе текстов «автор оказывается и очевидцем, и действующим лицом агиографической истории» [2,с.3].Повествование о герое в то же время включает личностно-памятные элементы и оказывается повествованием о себе.

Начальная часть житийного повествования передается от третьего лица и является сообщением о событиях, которые не мог наблюдать Иоанн в качестве свидетеля: это обязательное в каноническом плане повествование о рождении святого, первых годах его жизни, приобщении к христианской вере и начале служения. В тексте, который размещен в Успенском сборнике, имеется существенный пропуск (предположительно утрачена тетрадь, в которой читалось повествование о крещении героя, начале его иноческого служения и первых чудесах). Продолжается повествование в тот момент, когда Епифаний уже является настоятелем монастыря, а Иоанн – его учеником.

Иоанн постоянно сопровождает своего учителя в многочисленных путешествиях по христианскому Востоку. Во многих событиях жизни святого его ученик принимает непосредственное участие: «поя мявъ нощи и идоховѣ въ Иер(у)с(а)л(и)мъ • и поклониховѣся животу нашему • чьстьному крьстувл(а)д(ы)кы нашего Іcу Х(рист)а • прѣбыховѣ же въградѣходяща • і• д(е)нь • таче уже исходящема нама из гра(да) и хотящема сънити въ Иопъ • да отпловевѣвъЕгупьтъ • и сърѣтены жена етера • бѣсимад(у)хъмь не чистыимь…»; «излѣзъшемъ намъ ис корабля • и вълѣзъшемъ въ градъ…»; «идущема же нама въ вышьняя страны Фиваиды • сьрѣте ны етеръ чьрньць • ученикъ великаго Антона именьмь Пафнотъ…» [3,с.258].

Иоанн постоянно подчеркивает совместность некоторых предпринимаемых действий и наличие обращений святого к нему с призывами отправляться в дорогу, маркерами чего являются глагольные и местоименные формы двойственного числа и речи Епифания: «и речекъмънѣ: • чадо ходи да идевѣ на очину свою • идоховѣ же пакы на землю свою • и вънидоховѣвъманастырьвеликагоИлариона…» [3, с.261]. Несмотря на это, Иоанн является по преимуществу агиобиографом, его главная задача - по возможности достоверно описать деяния своего учителя, прославить его. Возникающий эффект биографизма оказывается дополнительным, и вряд ли Иоанн сознательно пытается подчеркнуть свою роль.

Иную позицию занимает следующий агиограф, который продолжает повествование о жизни святого. Поливий приступает к жизнеописанию Епифания после кончины его первого любимого ученика, чем формально и мотивирована смена повествователя. На его долю выпадает рассказ о последних деяниях и смерти святого. В начале «Повести о кончании жития Епифания Кипрского» приводится диалог между Поливием и Иоанном, из которого становится ясным, что первый из агиографов вел записи при жизни святого и теперь, когда почувствовал свою близкую смерть, передает свои записи Поливию и возлагает на него обязанности хроникера. Последний также является спутником и учеником Епифания Кипрского, однако его отношение к составляемому тексту несколько иное, чем у его предшественника. С одной стороны, Поливий также тщательно фиксирует все события жизни святого, все его речи, перемещения в пространстве, чудесные явления и пр. Но, с другой стороны, его место рядом с Епифанием несколько иное, чем у предшественника. Он не просто любимый ученик, но и избранный, о чем свидетельствует эпизод принятия им сана пресвитера: «егда же доидохомъкъоълтарю • имъмяЕпифанъ за руку речекъмънѣ • буди на мѣстѣ семь до врѣмени • дивиши же сяслышавъши слово се • азъ же не възмогъдвигнути си ногысъмѣста • нъбяхъ яко желѣзыпригвожденъ • егда же кончасявьсепорядие • тъгда пусти единого от диякъ • в въведемякъолътарю • и с(вя)тимяпрозвитера • и по отпущении и црквьнѣмь от страха падохѣ на одрѣ • и бѣхъ боля донъдежепридеЕпифанъ и помолися и абиевъстахъ» [3, с.272-273]. Как видим, это уже вполне автобиографический эпизод, поскольку в нем Поливий оказывается одним из главных действующих лиц. Кроме того, именно это чудо доказывает, что повествователь, наравне с основным агиографическим героем, является Божиим избранником и несет в себе черты святости. Эпизод не только подчеркивает значимость Поливия для Епифания в качестве ученика и соратника, но и подтверждает церковную оценку будущего Ринокурского епископа, который также был удостоен прославления в качестве святого.

Тем не менее, «в своей биографии в ее сопряжении с биографией Епифания Поливий имел один эпизод, который наносил существенный урон его репутации Ринокирского епископа» [2, с.6], и автобиографические элементы в го интерпретации в «Повести о кончании жития Епифания Кипрского» имеют характер самооправдания.

Как свидетельствует сам Поливий, Епифаний умер в бурю на корабле по пути из Константинополя непосредственно после церковного конфликта, участниками которого были не только Кипрский епископ и Иоанн Златоуст, но и византийская императрица Евдоксия, воле которой воспротивился Епифаний. В то же время и два знаменитых отца церкви обменялись нелицеприятными посланиями, в которых предсказывали друг другу скорую погибель. Таким образом, по версии Поливия,

смерть Епифания – своего рода следствие конфликта. Можно предположить, что любимый ученик, потеряв покровителя, осознал свою беззащитность перед сильными мира своего, в связи с чем и совершил поступок, который впоследствии негативно сказывался на его репутации: он на восьмой день после смерти Епифания скрылся в неизвестном направлении, оставив тело учителя непогребенным. На протяжении повести Поливий постоянно подчеркивает свои особо близкие отношения со святым, свою причастность к его подвигам: он, в том числе, присутствует при последних минутах Епифания и свидетельствует о первых посмертных чудесах. Бегство от смертного одра учителя агиограф также объясняет волей святого: «рече же къмънѣ • аще доплoвемъ въ Костянтия • то семь днъпрѣбуди въ градѣ • и абие отвези сявъЕгипьтъ • и възиди въ градъ свои • въгорьнюю Фиваиду • и паси стадо Х(ристо)во • нъблюдися чадо засъвѣдѣтельствуюти • и н(е)б(есе)мь и землею • не сътвориинако • аще ли моя словеса отвьрьжеши и не идешивъ Фиваиду •погыбѣлию погыбнеши • и въсуе будуть тебѣ вься яже съзьда • и будеши не трѣбѣпрѣдъвьсѣми ч(е)л(о)в(е)кы • аще ли послушаеши моихъсловесъ • и съхраниш изаповѣдь Г(оспод)ню • юже ми заповѣда І(су)су Х(ристо)съ С(ы)нъ Б(о)жии • то будеши бл(а)гословенъ прѣдъ нимь вься дни живота твоего…»[3, с.291]. Из этой речи понятно, что наказ учителя продиктован заботой о спасении жизни ученика. Трудно сказать, где в автобиографических сведениях Поливия проходит граница между достоверными фактами и вымыслом. Однако ясно одно: написание «Повести о кончании жития Епифания Кипрского» давало ее автору возможность создать повествование не только о ее герое-святом, нои о себе, представив ряд биографических фактов в выигрышном счете, что, возможно, способствовало последующей канонизации Поливия.

«Житие Нифонта Констанцкого», появившееся на русской почве не позднее концаXII века, воспроизводит ситуацию беседы между учеником святого – составителем произведения и героем, которые перемежаются с повествовательными эпизодами, рассказывающими о некоторых чудесных событиях и видениях святого. Данное житие на русской почве известно в двух пространных и одной краткой редакции, к анализу наиболее древнего списка, которой помещен в Выголексинском сборнике (РГБ. Муз. Собр.,№62), мы и обратимся.

В начале текста составитель сообщает: «Азьхудыи. опасьнѣ вѣдыияже о б(о)жествьнѣмь Нифонтѣ, написахъ елико видѣхъ и слышахъ от него»[4, с.70]. В части воспроизведения авторской топики данное замечание, несомненно, есть дань традиции, однако сюжетное построение анализируемого жития действительно находится в зависимости от способа получения автором информации о своем герое. Агиобиографический рассказ, таким образом, не подчинен принципу хронологического постепенного повествования о жизни героя от рождения до блаженной кончины, последовательность сюжетных эпизодов и дидактических монологов Нифонта мотивируются логикой диалога с агиографом. Именно поэтому рассказ об обращении героя к христианскому служению располагается не вначале, а в конце повествования.

Общение агиографа и святого – это биографический факт применительно к истории жития НифонтаКонстанцского, который, вероятно незадолго до смерти беседует со своим учеником, рассказывая ему о своей жизни и давая наставления. Автор записывает содержание бесед, его в большей степени интересует не история жизни и подвигов святого, а скорее его внутреннее духовное состояние, которое раскрывается в отеческих наставлениях и находит подтверждение в сюжетных эпизодах. Чудесные способности Нифонта видеть и побеждать бесов, дарованные ему свыше, о чем рассказывается в начале Жития, позволяют ему вести неусыпную борьбу с дьяволом и побеждать греховные помыслы. Примерами чудесных подвигов святого являются повествовательные эпизоды, записанные автором с его слов. Как правило, рассказы о чудесах вводятся фразами, которые позволяют читателю понять, что это воспроизведение речи персонажа: «Видѣхъ, боречe, мужа дѣлающа, и приде нѣкто къ нему муринъ чьрнъ…» [4, с.89]; «И пакы ходя святый Нифонтъ, видѣ человека сѣдяща обѣдающасъ женой своею и съ дѣтьми» [4, с.90]; «Видѣвъ же преподобьныи с се: дъва ангеля възнесоста душю на небо…» [4, с.102]; «И си видѣвъблаженыи. Идяшевъ церковь святыяБогородиця и людемпоющемъутрьнюю, узрѣблаженыиНифонтъ…» [4, с.107]; «Иногда молящу ся святому о(но)му и се видѣ пьряща ся бѣсы межю собою о крьстѣе» [4, с.123-124]. Разворачивание повествования о житии Нифонта через воспроизведение диалогов с учеником-агиографом создает весьма специфический беллетристический эффект: чудесные способности святого представляют некую загадку для читателя, и для автора, поскольку тайна обращения героя раскрывается только в конце произведения.

В одном из последних эпизодов Нифонт рассказывает своему ученику о видении им бесов, которые спорят о силе крестного древа. В той же весьма парадоксальной беседе, как бы подслушанной святым, сообщается и о том, каким образом Нифонт начал свое служение. Загадка, возникающая перед читателем и агиографом в начале произведения, ибо остаются не совсем понятными причины, по которым Господь дарует ему «силу и крѣпость на окаяньныябѣсы» [4, с.70], получает свое объяснение: «Ч(е)л(о)в(е)къ бѣ Костянитини градъ именьмь Нифонтъ. И жестокъ нам зѣло. Тѣмь въ уности

его.веселяхомъ ся побѣжьше и. и хваляхомъ ся пишюще грѣхы его. Онъ же томь часѣ начатъ зазирати себе гл(гола)ти: О како тѣло чьрвьмъ готовлю себе.творю похоти сквьрньныя яже мя въ въ огнь повлекуть. се рекъ акы разгнѣва ся на ны. Бывъ преже другъ намъ въ уности своеи. мы же ругахомъся ему. И реч енамъ: покажю вамъ растьлѣние. и абие назнамена надънама рукою своею образъ древа Іс(усо)ва. еже есть крьстъ. иприде яко и пламѣнь огнънъ и пожьжены. и томьчасѣ бес вѣсти быхомъ.Онъ же въшьдъвъц(е)рк(о)вь. и поклонися до землѣ. 4-шьды. и падъ ницькъ Б(ог)у г(лаго)ла: «Г(оспод)и ч(е)л(о)в(е)къесмьгрѣшьнъ<...>». и то ему рекъшю. Пришьдъ анг(е)лъ с (не)б(е)се и вѣнча и покаяния ради» [4, с.126-127]. Процитированный эпизод соотносится с первым в данном тексте, поясняет его и мотивирует чудесные способности святого.

Вообще Нифонт сообщает своему слушателю многие эпизоды из своей жизни: о борьбе с дьяволом, который наслал на святого жажду, о борьбе с бесами, которые «оморочили» ум святого и долгое время не давали ему молиться, о преодолении греха тщеславия, о «черном мурине», о неком человеке и его жене за трапезою, о неком нищем, о сребролюбце, о мытарствах души, о дряхлом мурине, о скоморохе и скоморошестве, о своих ночных бдениях и, наконец, о видении спорящих бесов. Таким образом, можно сказать, что в роли истинного повествователя выступает сам агиографический герой чьи, речи списатель лишь фиксирует.

Самопрезентация лично-памятных эпизодов героем агиографического повествования имеет двоякое художественное значение. С одной стороны, кажущееся самоустранение автора способствует созданию эффекта достоверности (кстати, не исключено, что агиограф действительно воспроизводит реальную ситуацию), поскольку свидетельство святого о самом себе имеет большую ценность для читателя. С другой стороны, таким образом реализуется каноническое требование смирения и самоуничижения к облику автора жития.

Передача повествования устами самого героя способствует реализации задачи создания «внутреннего образа» святого. Вообще в житиях молитвы, обращения к Богу, проповеднические речи героя являются обязательными компонентами. В этом смысле «Житие Нифонта» следует традиции. В данном произведении обращения святого к самому себе, его внутренняя речь позволяют агиографу зафиксировать духовные переживания героя. Например, в эпизоде борьбы и прений с бесом недоумения Нифонта по поводу сильного шума передаются в качестве внутренней речи: «и вънезапусдъшашюмъзѣлошумящь. приходящьсъдесна. И абие с(вя)тыи ужасьнъбывъ. и г(лаго)ла: что убо будѣть се. и се ему размышляющу. и се диавол преде ревы» [4, с.78-79]. Повествователь пересказывает признания героя в том, что под влиянием бесов его ум оказался «оморочен» и «отемнен», он утратил чистоту разума, его одолели леность и скорбь, навалилась сонливость. Преодоление искуса достигается душевным усилием, которое передается через обращение к себе: «и речекъ себе: о грѣшьныи Нифонте, ныня придоша на выю грѣси твои. искушение его же ся еси боялъ. Зъло умъ ми отьмьнивъ ослѣпи.вънеми убо твьрдѣ да не живъ въ нидешевъ черево его. и се г(лаго)ля знаменашесяобразъмькрьста. И нападаше на нь несыты бѣсъ. Г(лаго)ля: отверзи молитву и не кланяися образу тому.бяшебо икона Г(оспод)а нашего И(су)с Х(рист)а. бл(а)ж(е)ныи же г(лагол)аше: азъ нечистому бѣсу не покорю ся…» [4, с.79-80]. Борения с дьяволом продолжаются длительное время, четыре года нечистый понуждает Нифонта перестать творить молитвы, и четыре года святой противостоит ему, молитвой же укрепляя себя. Внутренняя работа над собой и противостояние дьяволу завершаются чудесным знамением – видением сияющего образа Христа. Это знак божественной поддержки, знак победы над Врагом. В результате чего фиксируются изменения в поведении святого, которые по словам агиографа, заметили окружающие Нифонта люди: «чьтоубобыстьему.якоколиколѣт ходи дряхлъ и унылъ. а нынѣ веселить ся и радует ся» [4, с.83]. И далее в тексте приводятся молитвы и речи святого с обличением дьявола. Можно предположить, что не только реальные факты биографии Нифонта, отразившиеся в сюжетно-повествовательных эпизодах, стали известны «списателю» жития со слов святого, из бесед с учителем повествователь узнавал о его духовных переживаниях. Впрочем, вероятная ориентация агиографа на достоверные припоминания своего героя не исключает доли вымысла и использования традиционныхтопосов. Так, удивление окружающих переменами в сотоянииНифонта может быть отнесено к разряду этикетных ситуаций.

В тоже время беседы с Нифонтом следует рассматривать как автобиографический элемент применительно к повествователю, который обращается к святому с вопросами не только о событиях его жизни, но и с просьбами в наставлении и поучении, например: «И глаголахъ: отче какосъмѣрюся. и глагола ми: глаголи сице: яко всѣхъ человекъ грѣшьнѣиесмьазъ. И зьри на землю глаголя яко земля есмь. и в землю поиду пойду по малѣ<…>» [4, с.74]. Получив рекомендации, автор фиксирует и свою реакцию на отеческое научение: «Си услышавъ ужасьнъ быхъ. и оттолѣ стою въц(е)рквисъстрахъмъ. поминая слово его. и съдьрьжюсянг(е)лъ Б(о)жии» [4, с.76].

Последний эпизод, рассказывающий об успении Нифонта, также можно интерпретировать как сочетание автобиографического и агиобиографического: в отношении автора – это факт биографии,

поскольку он является свидетелем и участником успения святого, в отношении героя – это факт агиобиографии, так как здесь персонаж изображается в соответствии с каноническими жанровыми требованиями. Лицо Нифонта просветляется «яко солнце». Пришедшие к одру «бл(а)ж(е)ныи Афанасии. и народъмногъ» выслушивают его последнее приветствие: «радуйте сясвятииотци. яко придостекъстарцюгрѣшьному» [4, с.131], после чего Нифонтпредаетсвою душу Господу. Как замечает агиограф, люди пытаются расхитить ризы святого, чего не допускает патриарх. Погребают Нифонта «въ земли глубоко» в церкви Святых Апостолов в соответствии с его завещанием. Последнее сообщение о многих исцелениях на могиле святого соотносится с требованиями агиографического канона. В то же время в рассказе об успении, кроме черт традиционной житейской топики, есть детали, которые мог увидеть только очевидец-повествователь. Так ученик Нифонта отмечает точное время, когда святой почувствовал сильную предсмертную боль: «абие билу ударивъшю и всѣмъвъц(е)рк(о)вьвлѣзъшемъ. начясв(я)таго огнь жещизѣло» [4, с.130]. Фиксирует он и жест слабости немощного старика – «малы въсклонивъся», и последнюю, обращенную к нему просьбу – «чадо поверзи на землірогозиницю», и время, когда священники приходят прощаться с умирающим – «осветьшу же дни» [4, с.130-131]. Эти реальные жизненные детали, несомненно, усиливают особую атмосферу достоверности, которая создана в «Житие НифонтаКонстанцкого» за счет воспроизведения ситуации общения агиографа и его героя, имеющий в равной степени автобиографический и агиографический характер.

Рассказ о событиях своей жизни в переводных житиях святых нередко передается в уста героя. Формально это композиционный прием «рассказ в рассказе», который в том числе часто используется в повествованиях о праведнике, пытающемся найти человека, который бы в большей степени угождал богу, чем он сам. Так в «Сказании о Макарии Римском», как полагают исследователи, объединены два сюжета: о путешествии иноков в поисках земного рая и житии аскета Макария [5, с.41]. Неким монахам свыше была внушена мысль отправиться в странствие, чтобы увидеть край земли. В конце своего путешествия герои встречаются со святым отшельником, которому прислуживают два льва. Макарий рассказывает странникам историю своей жизни и убеждает их отказаться от поисков земного рая, после чего спутники отправляются восвояси. Собственно исповедь Макария, представляющая собой отдельный нарратив, имеет субъектную форму организации повествования от первого лица. В данном вставном рассказе агиографический герой сам рассказывает о событиях своей жизни: божественной помощи на пути к месту своего отшельничества, чудесах, которые его сопровождали, своих переживаниях. История Макария построена с соответствии с правилами канонического жития, так что здесь можно говорить о приеме самопрезентации агиографического героя.

Подобного рода повествование обнаруживаем и в «Житии Марии Египетской». Некий старец Зосима, после 50-летнего монашеского служения задается вопросом: «Есть ли убо мних на земли, иже ми покажеть образ житиа сего, егоже не сътворих? Можеть ли муж обрѣстися в пустыни лучи мене?» [6, с.190]. Отправившись в монастырь при Иордане, старец в пустыне встречает страшного обнаженного человека, который оказывается женщиной и рассказывает свою историю.

Речи героини могут быть рассмотрены как целостное агиобиографическое повествование, в котором обнаруживаются все обязательные сюжетно-композиционные компоненты и традиционные житийные топосы: происхождение, грехопадение, обращение к подвижнической жизни, сопровождающееся чудом, постничество и скитание в пустыне, творение чудес, прозорливость, предсказание времени своей кончины, посмертные чудеса. Агиограф подчеркивает, что источником сведений является сам старец Зосима, рассказ которого передают монахи обители, где он подвизался, и который автор, услышавший их, решается записать. «Повѣстьсвятуслышахазъ и никакоже могу еаутаити» [6, с.190], - указывает агиограф в предисловии. В конце жития автор уже подробнообъясняет обстоятельства, которые способствовали прославлению святой: «Зосима же в манастырьвъзвратися, благословя и хваля Христа, Бога нашего. И,пришед в манастырь, всѣмь мнихом исповѣда, яжевидѣ и яже слыша от нея, и ничтоже от них не утаи<…>Осташа же мниси на том мѣстѣ, без сего же писаниа, сиа словеса глаголющаползы ради слышащим. Аз же без писаниаприяхь и написавъпредахь, и недовѣдый, аще инѣи написали суть житие преподобныа и выше мене вѣдуще, яже о таковыхь, на умъ мой приидоша, обачеякожевъзмогох, тако и написавъ» [6, с.214].

Основой повествования является встреча и беседа старца Зосимы и Марии Египетской, в процессе которой и выясняются обстоятельства подвижничества святой. Подчеркивается, что между Зосимой и святой Марией происходит именно беседа, диалогическая ситуация реализуется и посредством обмена репликами. К рассказу о подвигах в пустыни Марию побуждают заинтересованные вопросы старца Зосимы: «Рече же Зосима к ней: «Коликолѣть есть, отнелѣже в пустыню сию въдворися?» Она же рече: «Мню, яко 40 и 7 лѣтъ есть, отнелѣжеизыдох от Святаго града». Рече же Зосима к ней: «Что обрѣте или что обрѣтаеши пищу себѣ, о госпожа моа?» Она же рече: «Полътре-

тиахлѣбапринесох от Иердана, иже помалѣокамениша, иссохшее и мало ядохъ от нихъ, многалѣтапребывах о нихъ» [6, с.206]. Диалогизм выражается и при помощи обращений к собеседнику в монологах Марии и речах Зосимы, которые вплетаются в связный рассказ об обращении святой: «Сего ради хотях, отче, ити наипаче, да приобрящумножайшаа рачителя тѣлумоему. Рекох же ти, отче Зосиме, не нуди мене изрещистудамоего: вѣстьбо Господь Богъ, яко ужасаюся, оскверняющетобе и воздух словесы своими» [6, с.196]; «Како же ти прочее повѣдаю, отче? Кый язык изречет или кый слух вонметьбывшадѣламоазлаа на пути и в корабли…» [6, с.198], «Глаголи, Господа ради, матимоа, глаголи и не престани от полезныаповѣсти» [6, с.198].

Конечно диалог между персонажами – это художественный прием, благодаря использованию которого возникает определенная иллюзия достоверности и усиливается беллетристичность повествования. Той же цели по существу служит и субъективация изображаемого, которая достигается приемом «рассказа в рассказе». Разумеется, здесь нельзя говорить об автобиографизме в точном смысле этого слова, но, тем не менее, самопрезентация героиней истории своего грехопадения и последующего спасения создает имитацию автобиографического повествования.

В «Житии Марии Египетской» практически нет деталей, которые можно было бы интерпретировать как реально-достоверные. Собственно приметами сакрального пространства Иерусалима, в котором происходит духовное преображение Марии и на которых она останавливает свое внимание, оказывается церковь, куда она пытается войти, икона Богородицы, к которой святая обращается со словами покаяния, и животворящий крест, который она все-таки сподобилась увидеть, когда смогла пройти в церковь. Место на паперти, где на Марию снизошло осознание своих грехов и с которого она могла увидеть икону Богородицы, сама героиня рассматривает как особо важное для преображения ее души: «Придох же на мѣсто, на немже обручение исписано бысть рукописание» [6, с.202]. Комментаторы отмечают, что данное выражение в древнерусском тексте не имеет точного толкования и предлагают перевод: «Пришла я на то место, на котором клятва моя как бы была запечатлена» [6, с.203], а в переводе С.В.Поляковой с греческого оригинала оно звучит так: «прихожу туда, где скрепила свое обязательство» [7]. Однако конкретных примет и каких- либо более точных деталей мы не обнаруживаем.

Значимым моментом являются встречи героини с некими людьми. Один подает ей милостыню – три медяка, а у другого она покупает три хлеба. Последняя деталь потом сыграет свою роль в описании чудесного пребывания Марии в пустыни, где она в течении первых 16 лет питается именно этими хлебами.

Что касается пути Марии Египетской в пустыню, то здесь географические детали более определены: героиня достигает церкви Иоанна Предтечи близ Иордана, омывает свое лицо водами реки, принимает причастие в святой церкви, ночует на земле, а на утро переправляется на найденной здесь же лодке на другой берег и отправляется вглубь пустыни.

Достаточно достоверно утверждение героини, что одеяния ее быстро истлели, тело ее почернело от солнца, отросли длинные волосы, единственно которыми она закрывала свою наготу. В то же время эти, казалось бы, реалистические и биографические детали имеют символическое толкование. Утратив овеществленную одежду и пищу, «греховные ризы», Мария обретает Божественную помощь: «от толика зла избави мя Господь, пищу неизѣеданмою имам, упование спасения моего, питаюся и покрываюсяглаголомьБожиимь, съдръжащимъвсячьскаа», «не о хлѣбѣбоединомживъбудетьчеловѣкъ», «зане не имяху покрова, то камениемъсяоблекоша елико их съвлечесягрѣховныа ризы» [6, с.210]

Такой же символической агиобиографической деталью является утверждение святой о том, что она никогда не училась грамоте, при том Зосима замечает, что Мария хорошо осведомлена в Священном писании («яко словеса книжнаа помяну от Моисея и от Иева и от псалмовъ») [6, с.210]. Сама героиня объясняет это влиянием Божьей силы: «Книгам же николижеучихся, ни поющаго николи же слышах, ни чтущаго. Но слово Божие живущее, то учит разуму человѣка» [6, с.210].

Биографичность деталей представленных в анализируемом тексте,достаточно условна. Как видим, они немногочисленны и как следует ожидать, несут в себе в качестве основной символико-аллегорическую агиографическую семантику.

Самоописания героиней своего греховного поведения лишены особых подробностей. Используются самые общие выражения, какие-либо живописные детали отсутствуют: «И егдапрьвиедѣвьство свое оскверних, тогда неудержанно и несытно творяхлюбодѣание<…>всѣм невозбранно плоть свою дающи и мзды не емлющи» [6, с.196] или: «Сего ради хотях, отче, ити наипаче, да приобрящумножайшаа рачителя тѣлумоему» [6, с.196]. Столь же лаконичен рассказ святой с искушениями плоти в пустыни:ей нестерпимо хочется мяса, рыбы и вина, она приходит в ярость от мучительной жажды, ее одолевает желание петь бесовские песни. Но затем в порыве благочестия героиня, рыдая, вспоминает данные обеты и обращается с молитвою к своей заступнице Богородице.

Более значительны для создания истории обращения и подвигов святой ее самохарактеристики.

Так Мария пытается рассказать о своем душевном состоянии в тот момент, для чего передает свои мысли. Например: «Но мню, яко покааниамоегоискашеБогъ, не хощетбо смерти грѣшьником, но ожидает долготрьпѣниемьобращениа моего» [6, с.198]; «И егдабыстьчасьсвятаговозддвижениа, рекох же в собѣ: «Аще мя и отриють, то понуждуся, негливниду с народом» [6, с.200] и т.п. Важны для понимания внутреннего состояния Марии мотивы покаяния, звучащие в молитве к Богородице, которую произносит святая, осознав свою греховность: «Дѣво Владычице, родившиаплотию Бога Слова, вѣдѣбо, яко нѣстьлѣпо, ни угодно мнѣ, скверницииблудници, на честную икону твою, Приснодѣвыа, зрѣти, имѣющу ми душю и тѣло нечисто и скверно. Праведно бо есть мнѣ, бдудници, ненавидимибытиимръзити ми чистою твоею иконою…» [6, с.200]. Зачастую героиня фиксирует свои переживания, описывая состояния ужаса, трепета, смятения, радости, проливания слез и т.п., что в целом соответствует житейской топике: «Приять же мятрепетъ и ужасъ, и, въсклонся, стрясохся» [6, с.204]; «Я же, тот глас услышав и поверив, что ко мне обращен был тот глас, заплакала, запричитала и возопила к Богородице» [6, с.204] и пр.

Совмещение биографического и агиографического в «Житии Марии Египетской» имеет условный, можно сказать, художественный характер. Агиограф, несомненно, прибегает к вымыслу, конструируя диалоги и монологи героев, сообщая некоторые реальные детали. Передавая героине агиографическое повествование о самой себе, автор добивается иллюзии достоверности и заставляя читателя с большим доверием относится к истории духовного преображения и подвигов святой.

Можно предположить с большой долей уверенности, что житийные произведения о Епифании Кипрском или «Житие НифонтаКонстанцкого» были составлены действительно теми лицами, которые так или иначе были причастны к реальной жизни своих персонажей. Дальнейшее редактирование текстов в процессе их бытования не изменила основного модуса авторов – соучастников событий. Совершенно иная ситуация представлена в «Сказании о Макарии Римском» или «Житии Марии Египетской». Здесь мы сталкиваемся с художественными приемами, использование которых имеет цель создать впечатление, иллюзию достоверности, поскольку нет никаких сомнений в том, что агиограф (и тем более – редактор) не имели никакой возможности реально наблюдать ни святого, ни его собеседника. Даже если признать возможность наличия устной повествовательной традиции, предшествовавшей составлению произведений, все бытовые и сакральные детали, монологи и диалоги персонажей, несомненно, являются плодом творческой фантазии автора. Следовательно, и биографизм, проявляющийся в монологических высказываниях главных героев, оказывается мнимым.

Одним из наиболее ярких примеров псевдобиографизма является «Житие Андрея Юродивого». Агиограф, называющий себя Никифором, священником в храме Святой Софии в Константинополе, заявляет, что он лично знал Андрея, состоял с ним в дружеских отношениях. События, описываемые в произведении, относятся кV в., но, как полагают исследователи, оно было создано не ранее середины X в. [8, с.9]. Мы с большой долей уверенности можем полагать, что данное произведение не принадлежит современнику описываемых событий. Более того, высказываются сомнения в том, что юродивый Андрей Царьградский является реальным историческим лицом [8, с.9]. Тем не менее, житие появилось на Руси в переводе уже в конце XI–начале XII вв. и было весьма популярно, в том числе и благодаря сложному и занимательному сюжету. Как пишет А. М. Молдован, житие «построено как цикл, включающий около 100 различных по объему рассказов, в которых повествуется о приключениях и чудесах Андрея, а также о различных персонажах и событиях из жизни Константинополя, имеющих часто лишь косвенное отношение к собственно житийному сюжету, а иногда и вовсе сним не связанных» [9, с.541-542]. Кроме того, следует подчеркнуть, что в данном произведении центральный персонаж имеет рядом с собой так называемого «конфидента» - юношу Епифания, которому отведена роль ученика и друга Андрея Юродивого и которому последний предсказывает будущее епископа и святого. Наличие двух по сути агиографических персонажей приводит к весьма усложненной сюжетно-композиционной структуре, которую естественным образом включаются многочисленные беседы героев и вставные рассказы Андрея о своих снах, видениях, путешествиях в потусторонний мир. Исследователи отмечают что, несмотря на наличие агиографических стереотипов, «Житие Андрея Юродивого» выходит далеко за рамки просто жития, приобретает энциклопедический характер и приближается к жанру романа [8, с.16].

Несомненно, Никифор, будучи составителем жития, стремился создать иллюзию достоверности своего повествования. Он заявляет, что именно к нему Андрей пришел после увиденного им пророческого сна, в котором Господь предначертал герою путь юродства; вместе с ним герой принимает решение следовать по этому пути: «Заутра же приде ко мнѣ недостойному и, дерьзнувъ, исповѣдами бывшее видинье свое. Да подивихся, слышавъ, видинью его. Свѣщаховѣ же ся оба и судиховѣ, да сяпрѣтворитьнынѣвмѣсто яко бѣшенъ есть, неистовъсядѣетьрекшагодѣля к нему: «Буди похабь мене дѣля и многа добра причастника тясътворювъ день цьсарства моего» [10, с.340]. После такого откровения становится понятно, что все сведения о ранее сообщенном святом, реплики действующих лиц в

его сонном видении рассказаны автору Андреем и заслуживают полного доверия. Последующие истории, рассказанные Никифором, читатель также должен воспринимать как совершенно правдивые. Таким образом, автор занимает позицию свидетеля, соучастника и также своего рода «конфидента» как для Андрея, так и для Епифания, создавая псевдо-биографическое повествование. Передавая же многочисленные рассказы юродивого при помощи монологической речи от первого лица, автор создает иллюзию автобиографизма, самопрезентации персонажа.

Совершенно очевидно, что авторское повествование от первого лица, введение диалогов, монологической речи, передача рассказа в уста героя для литературы нового времени не может считаться признаками биографизма или автобиографизма. Не так для литературы средневековой. Древнерусский книжник, полагавший, что все написанное пером является отражением действительности, является абсолютной истиной, не мог даже предположить недостоверности, иллюзорности повествования, повествователя или героя, тем более, если это касалось агиографических сочинений. Именно поэтому на ранних этапах древнерусской литературы, обращаясь к вопросу о зарождении биографического или автобиографического начал, следует принимать во внимание именно субъектную организацию произведения: кто и как сообщает сведения о герое.

Итак, мы пришли к выводу о том, что переводные древнерусские жития представляют несколько возможных моделей сознания биографического и автобиографического повествования.

Биографические данные и сведения о святом сообщает свидетель, очевидец, ученик. Личностно-памятные элементы в таком случае являются фактом биографии центрального героя и одновременно фактом автобиографии агиографа.

Информация может быть передана со слов самого святого. В таком случае можно говорить об условном автобиографизме, или имитации автобиографизма.

Одной из форм введения автобиографического начала в таком случае являются диалогические эпизоды, воспроизводящие якобы достоверные беседы центрального персонажа и агиографа, в которых от лица центрального героя сообщаются сведения о его жизни.

Другая зафиксированная форма имитации автобиографизма – вставные нарративы, где в монологической форме от лица святого излагается его житие (полностью или частично).

Важной особенностью автобиографических элементов в житиях с монологическими и диалогическими формами их реализации является ориентация на попытку изображения душевных движений персонажей и воссоздания истории и их внутреннего развития (с существенной оговоркой, касающейся высокой степени абстрактности и этикетности передачи чувств и переживаний действующих лиц).

Использование данных приемов помогают агиографу создать произведение, которое пользуется у читателя доверием даже в том случае, когда подлинность персонажа и событий является весьма сомнительной.

Проанализированные выше тексты не являются исключительными, или абсолютно уникальными в кругу переводных житий в древнерусской литературе. Можно обнаружить описанные нами формальные модели биографизма и условного автобиографизма и в других сочинениях этого жанра. Если учесть то обстоятельство, что автобиографические элементы на уровне указания реальных биографических данных и традиционной авторской топики присутствуют во многих переводных и оригинальных памятниках, а также то, что в житиях зачастую излагаются события со ссылкой на «самовидца», причем источником сведений может оказаться и сам святой, то следует признать переводные жития одной из отправных точек генезиса автобиографического и биографического повествования врамках древнерусской литературы.

This paper discusses several types of translations of ancient lives, representing several possible models of biographical and autobiographical consciousness narrative. We describe the formal model and the conventional autobiographical biographism concluded that the lives of the conversion is one of the starting points of the genesis of autobiographical and biographical narratives in the Old Russian Literature
The key words: *hagiography, autobiography, Lives of the Saints.*

Список литературы

1. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
2. Антонова М.В. Об образах авторов комплекса текстов о Епифании Кипрском (на материале Успенского сборника) // Ученые записки. Т.VII. Литературоведение. Фольклористика. Вып.1. Орел. 2005.
3. Житие ЕпифанияКипрского // Успенский сборник XII-XIII веков. М.1971.
4. Житие НифонтаКонстанцского // Выголексинский сборник. М.,1977.
5. Салмина М.А. Апокриф о Макарии Римском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л.,1987.

6. Житие Марии Египетской // Библиотека литературы древней Руси. Том 2. XI-XIIвека. СПб.,2004.
7. Примечания // Библиотека литературы древней Руси. Том 2. XI-XII века. СПб.,2004.
8. Желтова Е.В. О житиях юродивых и «Житии Андрея Юродивого» // Житие Андрея Юродивого. СПб.,2000.
9. Молдаван А.М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.,2000.
10. Житие Андрея Юродивого // Библиотека литературы Древней Руси. Том 2. XI-XIIвека. СПб.,2004.

Об авторе

Сарин Е.И.- аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского.

УДК 821.161.1-3

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭТИКИ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ РОМАНЕ 1930 – Х ГОДОВ («ЛЮДИ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ» А. МАЛЫШКИНА)

Т.Н. Токарева

Статья рассматриваетжанровые модификации романа в русской советской литературе 1930-х годов. «Производственный роман», опираясь на одну из жанровых особенностей романа воспитания – перемещение героя в пространстве и во времени – показывает процесс формирования нового мироотношения героя, которое ставится автором в прямую зависимость от смены социальной среды.
Ключевые слова*: роман воспитания, социалистическое строительство, социальная среда, диктат времени, поэтика.*

Как известно, проблемы формирования личности, воспринятые советской литературой от жанра романа воспитания, оставались в центре внимания советской романистики в разные периоды ее развития. В 1930-е годы они вошли органической частью в роман о социалистическом строительстве. Ведущая его тема была связана с мыслью о преобразующей роли коллективного труда. В 1931 году в журнале «Наши достижения» М.Горький писал: «… никогда еще в мире, за всю его историю, труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преобразующей людей и жизнь, как обнаруживает он эту силу в наши дни, у нас, в государстве рабочих и крестьян» [1, с.114].

Публицистически-пафосная горьковская мысль была обращена прежде всего к писателям, которые должны были реализовать ее в художественных текстах, в судьбах героев. Она диктовалась главной задачей политического момента – созданием основ социалистической индустрии. Но государственной важности задача не могла быть разрешена без коренной перестройки человека, его мировосприятия. И М.Горький указывал писателю «сказочную силу» труда, преобразующего «людей и жизнь».

А.Г.Малышкин (1892-1938) в романе со знаковым для 1930-х годов названием «Люди из захолустья» (1937-38) решает задачу переделки «человеческого материала» в процессе социалистического строительства на разных судьбах. К моменту написания романа тема социалистического строительства была уже достаточно хорошо освоена целым рядом авторов. И даже на этом фоне «Люди из захолустья» имели огромный успех, который многие критики объясняли простым выбором жизненного материала: «Для А.Малышкина в романе «Люди из захолустья» произошла та знаменательная встреча со своей темой, которая одна только и делает писателя настоящим писателем» [2, с.327]. В советской критике наибольшее внимание было сосредоточено лишь на некоторых образах произведения, считавшихся главными. Так, заслуживали особого внимания характеры Петра Соустина и Ивана Журкина, Николая Соустина и Зыбина, Подопригоры и Калабуха. Считалось, что многие образы романа, писатель соотносил с реальными участниками строек, на которых он побывал в момент его написания [3, с.128]. Увидела критика в романе и эпизоды классовой борьбы, отвечавшие изображению борьбы двух миров − старого отжившего мира и нового мира социализма [3, с.132].

Однако в романе было то, чего не отметила советская критика, рассматривавшая роман лишь в контексте популярной проблематики конца 1930-х годов. Для самого А.Малышкина этот роман был далеко не первым произведением. Вступивший в литературу с темой «захолустного» героя еще до революции, писатель, выпускник Петербургского университета и морской офицер революционного выпуска, в гражданскую войну работал в штабе М.В.Фрунзе, был автором не только чрезвычайно популярной в 1921 году повести «Падение Даира», но и более позднего романа «Севастополь» (1929-30), повести «Вокзалы»(1922). Центральной темой писателя во всех его произведениях являлось преображение человека революционной эпохой. Герой А.Малышкина неизменно оказывался в ситуации неизбежного подчинения

жесткому диктату времени. Есть такие герои и в романе «Люди из захолустья», о них писала критика. Это Петр и Николай Соустины, Калабух, для которых новые времена несут не только новые испытания, но даже гибель. И лишь для вчерашнего батрачонка Тишки работа на стройке оборачивается радостным открытием мира, в котором он не чувствует себя в опасности. Показателем личностного роста героя в романе А.Малышкина становится меняющееся мироотношение героя.

В беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» в марте 1933 года Малышкин говорил, что в основу книги будут положены две биографии. Одна из них начинается в деревне. Герой «робко шагает по жизненному пути. Он был батраком, он был полуграмотным крестьянским парнем, покорно несшим на себе груз мелкособственнической психологии» [3, с. 140]. Понятно, что речь шла о Тишке. Малышкину интересно исследовать становление такого героя, потому что для автора именно он, вышедший из представителей наиболее отсталой части населения, имеющий наиболее сложный процесс своего выпрямления, подлинный творец современности.

В плане раскрытия нашей темы наибольший интерес представляет Тишка, которого на Магнитку приводит нищета, униженность и захолустность его существования в родной деревне. Судьба Тишки, сына полунищей вдовы из захолустного городка Мшанска (прообраза города детства писателя − Мокшана), с особенной остротой передает контраст безотрадной обреченности и радостного нового. Мальчик вместе с матерью батрачил у деревенского мироеда Коновалова. Привыкший быть безропотным и бесправным батраком, Тишка первое время относится к людям с опаской и недоверием. Постепенно на глазах читателей Тишка становится тем новым человеком, борьбу за которого ведут передовые люди современного Малышкину времени.

В главе «Едут» читатель впервые знакомится с Тишкой. Вместе с ним держат путь в вагоне поезда и другие герои произведения – Петр Соустин и Иван Журкин. Голодный, забитый, запуганный и бесправный, в свои восемнадцать лет Тишка − вполне беспомощный и нуждающийся в опеке взрослый ребенок. Оторванный от матери-попрошайки, паренек, озираясь, смотрит на новую обстановку: «Мальчонка одурело оглядывался, хлопая белыми, овечьими ресницами» [4, с. 61].

Понимая, что в одиночку ему не выжить, Тишка начинает цепляться за Петра, внешне уверенного в себе, умеющего говорить и знающего жизнь человека. Оказавшийся в чужой, незнакомой обстановке, Тишка чувствует себя таким же ничтожным и забитым батраком, как и в родных местах. И ему, по опыту его прежней жизни в батраках, «хотелось уцепиться в дороге за кого-нибудь поопытнее, постарше; тревожно ехалось одному: а что будет еще дальше, за тысячи мерзлых верст? И Тишке поверилось, что правда, за такими, как Петр, не пропадешь, знающий и пройдошный человек, нахальный к чужим, своего не выдаст, выручит. Надо было ему угодить» [4, с.64].

Его каждодневная задача сводится к удовлетворению элементарного чувства голода. А.Малышкин не скрывает, что Тишку на строительство в Красногорск (реальный Магнитогорск, где создавался металлургический комбинат, гигант первых пятилеток) ведут голод и нищета. Его мечты о будущем скромны, сведены к элементарным человеческим потребностям в куске хлеба и тепле. Нелегкий труд на стройке не пугает забитого паренька. Тишка начинает меняться, как только приобщается к труду на стройке и коллективному быту в бараке. Сначала грузчик и подсобный рабочий, он начинает зарабатывать и понимать, что его жизнь понемногу приобретает смысл. Перенести тяжелую работу и холод, к которым Тишке не привыкать, помогает ожидание вечера. Как вознаграждение он воспринимает долгожданное совместное чаепитие с другими жителями барака. Мечты Тишки просты и непритязательны: «Скоро выдадут первую получку за полмесяца… Если скостить долг за обеденные талоны, чистых остается двадцать два рубля. Прохарчиться хватит пять рублей (на всякий случай еще пятишница в кармане завязана); значит семнадцать можно послать маманьке» [4, с.104]. И это для него – главная награда за голод и унижения, которые он перенес в дороге, доедая оставленную пищу в станционном буфете, за ту тяжелую работу, которую ему приходится выполнять на первых порах в Красногорске.

А.Малышкин показывает, как меняется отношение Тишки к людям, как постепенно пробуждается в нем чувство собственного достоинства. Если в поезде он старался быть поближе к нахальному и «пройдошному» Петру Соустину, то опыт красногорской жизни меняет его отношение к людям и жизни. Петр Соустин − из старой жизни, в которой Тишке была навеки определена роль батрака. В Красногорске бывший батрачонок увидел иные возможности. Их открывает для него профуполномоченный Подопригора. Чужой, незнакомый человек заставляет поверить паренька в большое будущее, участником и хозяином которого может он стать. «Длинношеий, кадыкастый парнишка тянулся сзади послушать, тянулся и прятался» [4, с.162]. И задача профуполномоченного, как он ее понимает, состоит в том, чтобы этот парнишка перестал бояться, прятаться за чужие спины. И довольно скоро

Подопригора добивается желаемого результата. Во время его очередного доклада «Тишка, до ломоты выпрямленный, руки крестом на груди, сидел в первом ряду» [4, с. 165].

Подопригора же, хорошо понимая чувства Тишки, «мысленно переносил парнишку в будущее, заставлял пройти там со смелым взором, с поднятой и светлой головой. Да, путь до такого был труднее, чем до дворцов над праздничной водой!..» [4, с.162]. Главное в той картине будущего, ради которой работает большевик Подопригора, – высоко поднятая голова ныне забитого парнишки, еще не привыкшего быть свободным человеком, пока еще не умеющего принимать собственные решения.

Беседы с коммунистом увлекают Тишку. Подопригора, предлагает ему освоить профессию водителя: он описывает, как позавидуют ему односельчане, видя, каких успехов добился бывший бесправный батрак. Тишка клюет на эту удочку и записывается на курсы шоферов. Подопригора необходим таким людям, как Тишка. Впервые в своей жизни забитый батрачонок из захолустья как в чудо начинает верить в помощь чужого ему, незнакомого человека.

В полном согласии с жанром романа воспитания А.Малышкин трактует и образ Подопригоры. В перевоспитании Тишки он руководствуется не только жалостью и сочувствием забитому мальчишке, но и разрешает одну из главных задач времени – воспитывает нового человека, строителя социализма: «Парня выплеснуло сюда из недр огромного деревенского пролетариата. А что, если сразу оторвать нетронутую эту дремучую душу от мужицкой родни?» [4, с.162].

История Тишки, как она написана А.Малышкиным, в полной мере является иллюстрацией воспринятых производственным романом жанровых особенностей роман воспитания. Его судьба становится иллюстрацией тех общих закономерностей и процессов, которые были трактованы советской литературой как этапы личностного роста.

Поначалу Тишке тяжело дается учеба: сказывается опыт прежней жизни. В процесс обучения А.Малышкин включает не только самого героя, но и его окружение. Советская критика отметила этот распространенный для производственного романа прием: неудачи Тишки в обучении воспринимаются и им самим, и окружающими не как его личный неуспех, а как поражение общего дела. «Тишка испытывает не только смятение перед хитроумными механизмами, но и по отношению к товарищу, создается впечатление об ограниченности возможностей влияния коллектива» [3, с. 182]. И коллектив спасает Тишку от его неверия в собственные силы.

На этих же курсах Тишка знакомится с таким же, как он, «человеком из захолустья» Василием Петровичем, который за короткое время становится передовиком производства, получает широкую известность. Тишка хочет стать таким, как Василий Петрович. А это и есть то, чего хочет добиться большевик Подопригора.

Благоприятно влияют на парня беседы с Подопригорой, который укрепляет коллективное настроение среди тружеников, проводя беседы и собрания, организуя совместные посиделки, вселяя в них веру в счастливое будущее. И Тишка меняется вместе со стройкой. Если по дороге в Красногорск он хотел бы стать таким, как «знающий» и жуликоватый Петр Соустин, то теперь образцом для подражания становится рабочий человек Василий Петрович. Он становится его наставником не только в трудовой деятельности. Василий Петрович со своими товарищами приходит на помощь обвиненному в воровстве Тишке и протягивает ему дружескую руку. Слово «рабочий» наполняется для него новым смыслом, становится обозначением родства уже не по рождению, а по социальной принадлежности.

История личностного роста Тишки для А.Малышкина продолжена за страницами романа – еще один жанровый признак романа воспитания советского времени. В газете «Комсомольская правда» в 1933 году писатель опубликовал очерк «Двое в майках», который нашел свое место в произведении [3, с. 141]. Одним из его героев является такой же паренек, как Тишка, другим − Василий Петрович. Пожертвовав долгожданным праздником, рабочие исполняют свой гражданский долг и не дают воде пролиться на драгоценный шамотный кирпич.

Исполнение служебного долга требует отказа от праздника, на который шли рабочие, от новой майки, которая сама по себе была для Тишки праздником, и А.Малышкин не скрывает этих чувств своих героев. Василий Петрович снимает свою майку с лицом, «будто убивал кого-то», но это не мешает ему выполнить свой долг и стать примером для младшего товарища.

В последней главе первой части романа «Песня» автор подводит некоторый итог нравственному перевоспитанию героев, прибывших из глубинки на главную стройку страны. Тишка вырос и возмужал. Он окружен коллективом тружеников, ему легко и радостно. Тишка верит и доверяет своему старшему товарищу Василию Петровичу. Читатель понимает, что Тишка изменился к лучшему.

Т.о., роман о социалистическом строительстве, о сооружении гиганта черной металлургии становится рассказом о рождении личности нового времени. Судьба Тишки теперь определена его изменившимся мироотношением. В начале его пути в Красногорск мир виделся тотально враждеб-

ным, неродственным. Стройка становится для Тишки родным домом, семьей – рабочий коллектив. Бездомность сменяется теснотой и теплом барака, жизнь за печкой из милости – равноправным положением в бригаде, забитая маменька – истинными наставниками, которые учат его быть хозяином и собственной жизни, и той стройки, на которой он становится новым человеком. Так советский производственный роман, заимствуя жанровые особенности романа воспитания, кладет в основу формирования героя изменившееся мироотношение, в котором интересы личности и коллектива совпадают.

Как известно, М.М. Бахтин создал собственную классификацию романов воспитания, положив в ее основу особенности освоения пространства и времени [5, с. 188-236]. По М. Бахтину, в романе воспитания происходит изображение жизни как опыта, как школы, через которую должен пройти всякий человек. Происходит столкновение героя с реалиями жизни, из которого и вытекают основные события романа. Примером такого произведения для М.М.Бахтина является «Обыкновенная история» (1847) А.И. Гончарова.

По такому же принципу – перемещение героя в пространстве и во времени – строится советский производственный роман, реализующий принцип зависимости героя от перемещения из одной социальной среды в другую. Бывший батрачонок Тишка, ставший сначала строителем Красногорского комбината, а затем трактористом, из человека «захолустья» (пространственный и временной признак) становится участником социалистического строительства (временной и идеологически окрашенный признак). Связьгерояисоциальнойсредыполучаютидеологическиверноеистолкование.

The article examines the genre of the novel modification of the Russian Soviet literature 1930s. The" Industrial" novel leans against one of genre features of the novel of education - movement of the hero in space and time - shows the process of forming new attitude to life which is put by the author in direct dependence on change of the social environment.
***The key words**: novel of education, socialist formation, social environment, time dictation, poetics.*

Список литературы

1. Хватов А. Александр Малышкин: жизненный путь и художественные искания писателя/ А.Хватов. Л.: Художественная литература, 1985. 240 с.
2. Емельянов Л. Обретение устоев//Малышкин А. Люди из захолустья/А.Г.Малышкин. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1979. 335с.
3. Хватов А. Александр Малышкин: жизненный путь и художественные искания писателя/ А.Хватов. Л.: Художественная литература, 1985. 240 с.
4. Малышкин А. Люди из захолустья/А.Г.Малышкин. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1979. 335с.
5. Бахтин М.Эстетика словесного творчества / М.М.Бахтин. М.: Искусство, 1979. С.188-236.

Об авторе

Токарева Т.Н. – аспирант Воронежского государственного университета, ttreply@rambler.ru.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'367.322

О КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЕЙ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

Е.Л. Байдикова

Статья посвящена прагматическим особенностям некоторых моделей фразеологизированных вопросов в разговорной речи современной молодежи. Данные вопросы могут выступать в молодежной речи в собственно коммуникативных речевых актах, с побудительным или констативным характером, а также могут обслуживать метакоммуникативные речевые акты, выполняющие контактоустанавливающую или контактоподдерживающую функцию в диалоге. Фразеологизированные вопросы, содержащие интенцию к побуждению, используюемые с целью намеренного захвата вербальной инициативы, лидирующих позиций, направленные на подавление личности собеседника и демонстрацию собственной значимости и превосходства, являются эффективным средством коммуникативного воздействия и ярким показателем языковых особенностей современных носителей языка.

Ключевые слова: *разговорная речь, диалог, молодёжная речь, вопросительное предложение, фразеологизированный вопрос, коммуникативно-прагматический подход.*

Языковые единицы, изученные в значительной степени структурно и семантически, в призме коммуникативно-прагматического подхода, популярного в языкознании нескольких последних десятилетий, открываются для ученых с новых сторон, приобретают актуальность на новых уровнях исследования. Одним из ярких примеров, иллюстрирующих современные коммуникативно-прагматические особенности отдельных языковых единиц, является их функционирование в бытовой разговорной речи, особенно в её устной разновидности. Феноменальность разговорной речи (РР) часто раскрывается в ее противоречивых, иногда даже взаимоисключающих чертах. Так, наряду со спонтанностью, как одним из определяющих признаков РР [1], в ней сохраняются и устойчивые единицы, представленные на лексическом и синтаксическом уровне. На наш взгляд, наибольший интерес в качестве материала для коммуникативно-прагматического анализа представляют единицы синтаксического уровня, которые, можно сказать, составляют ядро коммуникативных возможностей языковой личности. Особое место среди них занимают вопросительные предложения – одна из движущих сил разговорного диалога, основа речевого взаимодействия [2]. В устной РР существует группа вопросительных высказываний, имеющих статическую структуру, это вопросительные предложении фразеологизированной структуры. Фразеологизированные ВП представлены в РР повсеместно. Интересно, что присутствуют они и в речи современной молодежи, т.е., можно сказать, «наследуются» в своей застывшей форме носителями языка. Анализ специфики употребления устойчивых единиц в молодежной РР позволит глубже понять коммуникативные цели и намерения, преследуемые молодыми людьми в общении, говорить о деталях речевого портрета современного носителя языка.

Вопрос изучения фразеологизированных синтаксических единиц в отечественном языкознании относительно не нов. Синтаксические фразеологизмы (или фразеологизированные конструкции, синтаксически связанные структуры, синтаксические идиоматизмы, синтаксические фразеологизмы и т.д.) уже выступали объектом лингвистических исследований в работах Н.Ю.Шведовой, Д.Н. Шмелёва, В.И. Кодухова, О.И. Москальской , Л.К. Чистоноговой, Г.Я. Солганика и др. Так, в работах перечисленных авторов исследовалась структура синтаксических фразеологизмов, их семантика, типология, особенности функционирования в кодифицированном языке и РР и т.п. Учеными выделен ряд структурных и семантических особенностей ВП ФС. Однако их коммуникативно-прагматические особенности на материале русского языка изучены слабо. Ряд коммуникативных особенностей фразеологизированных риторических вопросов выделены в работах Е.С.Приходько. Отдельные усилия в изучении этого аспекта ВП, но на материале современного английского языка, были сделаны Т.А.Вакуленко. Попытки исследования коммуникативно-прагматических особенностей ВП ФС в молодежной речи на сегодняшний день не предпринимались. В то же время ВП ФС заслуживают глобального внимания, потому что позволяют судить о коммуникативных установках, которые ставит себе участник общения, использующий тот или иной тип вопросов, характеризуют самих участников общения в тех речевых ситуациях, когда они используют именно фразеологизированные ВП.

Формулировка содержания термина усложняется тем, что в подобных конструкциях черты собственно грамматические выступают в неразрывной связи с их лексико-фразеологическими особенностями. Однако в литературе устоялась определенная точка зрения на ВП ФС. Их понимают как предложения, в состав которых входят устойчивые сочетания, выполняющие функцию вопросительных ча-

стиц, и предложения, «строение которых не может быть объяснено современными синтаксическими правилами»[2]. Существует и более узкая трактовка этого понятия, в соответствии с которой ВП ФС – это «разнотипные в формальном отношении вопросительные предложения определенной степени устойчивости, для которых характерна регулярная употребительность в невопросительных функциях» [3: с.3]. Подобное, узкое, понимание нам представляется наиболее точным и целесообразным применительно к материалу данного исследования, т.к. отражает специфику функционирования ВП ФС в разговорной речи. В сфере бытового непринужденного общения фразеологизированные вопросы обслуживают преимущественно косвенные вопросительные речевые акты (РА), более того, фразеологизированность вопроса, как правило, один из сигнализаторов его невопросительного значения [4: с.31].

Как показывает анализ, ВП ФС в молодежной разговорной речи могут употребляться в собственно коммуникативных [3: с.4] РА - такие конструкции можно разделить на предложения с побудительным или констативным характером, а также могут обслуживать метакоммуникативные РА, включающие в себя «разнообразные средства контактоустановления, обеспечивающие начало, продление и размыкание речевой интеракции» [5].

Известно, что побудительная функция в косвенных вопросах представлена достаточно широко. В литературе неоднократно отмечалось использование фразеологизированных вопросительно-побудительных высказываний при реализации в речи категории вежливости. При этом в исследованиях, как правило, акцентируется непрямой характер побуждения при использовании ВП:

Не могли бы *вы передать за проезд? (=передайте за проезд);****Можно*** *тебя об одолжении попросить****?/ Можешь*** *посмотреть в интернете кое-что? (=прошу тебя об одолжении, =посмотри)*

Однако подобные вопросительные конструкции и речевые формулы вежливости в молодежной речи, по нашим сведениям, встречаются очень редко. Более характерны для повседневной речи современной молодежи следующие фразеологизированные модели вопросительных конструкций, выполняющие функции вежливых оборотов:

«А может + глагол?» (*Слушай!* ***А может*** */ чаек поставим? Я не могу так больше сидеть = давай чаёк поставим.*)

«Почему бы не + глагол» *(Зайка, а почему бы тебе не взять выходной завтра? = возьми завтра выходной)*, и др.

Данные фразеологизированные модели выступают как непрямой способ побуждения. Участники диалога используют их, желая простимулировать действие адресата. Вопросительная форма вуалирует интенцию говорящего, превращая высказывание из назидания, совета и т.д., реакция на которые скорее всего будет негативной, в более «мягкую», ненавязчивую форму – неожиданно пришедшей в голову мысли, возникшей идеи, продуктивность воздействия которой значительно эффективнее. Таким образом, отмеченные «вежливые» конструкции представляют собой один из способов воздействия и доминирования, но с помощью своеобразной языковой «уловки» и «хитрости». Однако обращаем внимание, что и подобные «формулы вежливости» используются в молодежной речи, по данным нашего материала, с низкой степенью частоты. Это позволяет, на наш взгляд, говорить об изменении установок говорящих, их общей переориентации с принципов вежливости на другие принципы - напор, доминирование, лидерство, которые в речи современной молодежи выходят на первый план [6]. В литературе отмечено также, что при выражении некоторых оттенков побуждения именно вопросительные структуры выражают более резкое и решительное побуждение - например, при запрещении действия, угрозе. Побудительные предложения в этом ряду являются нейтральным членом, вопросительные же конструкции экспрессивно и эмоционально окрашены.

Хочешь сказать/ что ты все-таки собираешься заявление написать? (=не пиши); Значит, вот как дело повернулось? ***Мне уйти?***

Специфика именно фразеологизированной формы вопросительно-побудительных конструкций в подобном употреблении состоит в том, что фразеологизированные модели легко узнаются по своей форме и экспрессивности и однозначно интерпретируются адресатом, следовательно, позволяют адресанту максимально ясно, доступно и четко донести свою интенцию к побуждению и ожидать быстрой реакции, т.е. эффективно и напористо воздействовать на собеседника.

Чего ты *орёшь-то? (= не ори);****Не хочешь*** *мой рюкзак* ***подержать****? (=подержи мой рюкзак);****Можно поспокойней****, а? (=будь спокойнее).*

Отметим следующую замеченную нами закономерность: в молодежной среде вопросительно-побудительные конструкции в подавляющем большинстве представлены именно фразеологизированными моделями. Они используются коммуникантами с целью продемонстрировать свое коммуникативное преимущество, усилить степень воздействия на адресата, выступают как более категоричные высказывания в сравнении с нефразеологизированными ВП.

Вопросительно-побудительные конструкции устойчивой структуры в проанализированных нами разговорных молодежных диалогах выступают с оттенками запрещения действия или угрозы, т.е. с агрессивными прагматическими значениями. Например, в конструкциях «Чего ты + глагол» в значении запрещения действия, которая, в рамках нашего материала является самой частотной: *Да / **чего ты** меня всё время обнимаешь? (=не обнимай меня); Ну/ **чего ты** выдумываешь бесконечно? Тебе не надоедает самой? (=не выдумывай)*; *А нормальная сумка / **чего ты** гнала на неё? (=не гони на эту сумку)*

Выделим также следующие фразеологизированные модели, широко представленные в нашем материале:

Ты + думаешь+(инфинитив): Ты вообще думаешь обедать сегодня? Ты думаешь своей головой?

Не хочешь(думаешь)+инфинитив: Приятного аппетита мне не хочешь пожелать? Ты звонить мне/ я вижу/совсем не думаешь? Ничего на это сказать не хочешь?

Можно+глагол: Можно голос на меня не повышать? Можно завтра это обсудить/ поздно уже// Можно лицо попроще?

С помощью таких фразеологизированных конструкций участник диалога максимально решительно, резко и настойчиво заявляет о своих целях, перехватывая вопросом коммуникативное лидерство в диалоге. Используя уже устоявшуюся формулу, т.е. быстро и целенаправленно. Вопросительная форма, предполагающая в структуре диалога ответ, позволяет говорящему выиграть время на обдумывание своего следующего речевого шага, создать для себя некоторое коммуникативное преимущество.

Очень широкую распространенность в молодежной речи имеют вопросительные конструкции, носящие констативный характер. К ним относятся разнообразные риторические фразеологизированные модели [4].

Констативные ВП направлены на констатацию получения информации от адресанта, сообщение своей эмоциональной реакции на эту информацию. В сравнении с вопросительно-побудительными конструкциями они не обладают ярко выраженной иллокутивной силой, под которой мы понимаем коммуникативную цель (намерение, установку) говорящего [5]. Однако фразеологизированная форма их выражения позволяет выполнять, наряду с функцией утверждения, функцию воздействия на слушающего: *У! Совсем неохота! Я /к тому же/ уже ходила! – И **что из этого**? Я сто раз ходила//.* Констативные ВП ФС используются коммуникантами как яркая эмоциональная реакция, способ оценки реплики партнера или речевой ситуации в целом. Зачастую эмоциональные составляющие подобных высказываний могут преобладать и доминировать, полностью заглушая информативное или побудительное содержание реплики.

Лидерами по количеству употреблений в проанализированных нами контекстах оказались следующие модели:

*«Что за + им.п. сущ.» (*в эмоциональном вопросе о признаке) с оттенками возмущения, недоумения: ***что за** вопрос? **что за** фигня? **что за** бред? и др.*

*За 1700 уже нет билетов, только за две! - **Что за** фигня? Я же им звонила//;Ты уже с нами не общаешься?; **Что за бред** ты несешь? Сейчас обижусь…; Я/ наверное/все-таки не пойду с вами вечером// Надо по дому кое-что сделать// - **Что за** отмазки детские? Тебе же не 5 лет//*

«Что за + слова предыдущей реплики» и синонимичная ей конструкция «*Какая (ещё…)?»* (в вопросе о причине с оттенком недоумения и недовольства):

*Во вторник не увидимся/я с Мишей встречаюсь// - **Что за** Миша? Чего раньше не сказал?; Я куплю с креветками пиццу/грибной нет. – **С какими к**реветками? Я же сказала/если с грибами нет/ никакую не буду//*

Сколько (можно) + глагол (в возмущенном вопросе о неоднократно невыполняемом действии): Сколько можно говорить об этом? Сколько раз можно просить тебя/ а?

Употребляя данные модели ВП, коммуниканты прямолинейно и четко озвучивают свою позицию (негативную) в отношении ситуации, утверждают свое видение, эмоционально подавляя собеседника. Подавление происходит за счет того, что своей эмоциональной реакцией говорящий подвергает сомнению истинность и адекватность исходной реплики собеседника, одновременно с этим выражая свое отношение и к его личности, демонстрируя свое лидерство и превосходство Решительная эмоциональная реакция, сообщающая отношение к предмету разговора или к собеседнику, своим следствием имеет внесение коррективов в поведение оппонента, откладывает отпечаток на его дальнейшие речевые или неречевые действия.

В структуре диалога констативные ВП ФС практически всегда выступают как реактивные реплики. Таким образом, используя их, адресат предпринимает попытку захватить коммуникативное лидерство, показав свой решительный настрой и инициативное отношение к речевой ситуации. Инициатору разговора приходится защищаться, объясняться, оправдываться, т.е. психологически уступать партнеру.

Среди ВП ФС можно выделить группу конструкций с абсолютно устойчивой структурой, лексически и грамматически неизменяемым составом. Это конструкции: *И что? (И чё?) , Что такое? В чем дело? Ты с ума сошел? Что ты несешь(мелешь)? Как так? С чего ты взял? Что своей головой человек думает?*

Я говорю / ты ска / по идее / не любишь / да? - ***С чего ты взяла****? Люблю и играю//; Это мясо. -* ***И чё****? - И лучше его до самого конца делать//; Пардон, минутку..- Ну /* ***в чем дело****? Почему не ищет-то?; Это тебе! (букет) -* ***Ты с ума сошел?*** *Это ж дорого стоит!*

Такие предложения широко представлены в собранном нами материале. Эти конструкции используются со значением, если можно так выразиться, **агрессивного** недоумения и неодобрения. Фразеологизированная модель подчеркивает негативные эмоции, делая их более резкими и демонстративными.

Кроме прочего, частотность констативных вопросительных конструкций ФС в молодежной речи объясним тем, что в эмоционально напряженных речевых ситуациях говорящий максимально быстро, не раздумывая над характером своей реплики, выбирает вопросительные конструкции устоявшейся структуры, существующие по готовым образцам, эффективность воздействия которых проверена речевым опытом.

В противовес собственно-коммуникативным ВП ФС существует группа вопросов, выполняющих метакоммуникативные функции поддержания и установления контакта. Широко используемые и легко узнаваемые, они, как правило, не требуют реакций и не обладают убеждающей силой, однако предполагают некоторые прагматические установки на удачное общение, расположение партнера или вежливый, располагающий формат диалога. Например, это ВП, часто используемые при приветствии: *Как дела? Что нового? Какими судьбами? Как жизнь? Как ты? Кого я слышу/вижу? Как настроение?*

Вопросы этого типа часто остаются без ответа или встречают лаконичный ответ, т.к. всеми участниками диалога интерпретируются как промежуточный, переходный этап к сообщению основных целей общения: *- Привет/ Катя!* ***Как у тебя дела?*** *-У меня хорошо// – Подскажи/ как у тебя Дримвей оплачивали? - Дримвей?у// налом/ я к ней ездила на аэропорт//*

Конечно, подобные модели встречаются и в речи старшего поколения, однако с меньшей степенью частоты. Кроме того, отметим определенные прагматические различия в употреблениях метакоммуникативных ВП ФС молодыми людьми и носителями языка старшего поколения. Особенность, на наш взгляд, заключается в том, что люди старшего поколения, задавая подобные вопросы, уделяют им «значительное», весомое место в структуре диалога, они ожидают ответа, проявляют внимание к собеседнику и предмету разговора. Например: *Ну, рассказывай/* ***как*** *у тебя* ***дела****? – Ну как дела? Я уже начинаю обрастать / меня скоро подстригать надо;*

Привет/ ну ***как*** *у тебя* ***дела****? - А на работе сегодня напряженно что-то//*

Молодежь воспринимает этот этап диалога более формально, не придавая ему весомости и значимости, часто оставляя без ответа, ориентируясь исключительно на целенаправленный и быстродостижимый результат коммуникативного акта.

Как ты? *Надолго? У нас на следующей неделе «Великолепная пятерка». Тут уже все в подготовке по уши// - Классно! Кто участвует?; О!* ***Какими судьбами?*** *Как там осёл? Видишь его? – Вижу/ и что-то очень часто//;* ***Как дела****/ Лен? Зашибись?- Угу.- Хозяйка звонила/придет завтра//*

Нами описаны лишь некоторые, наиболее часто встречающиеся в молодежной речи, модели ВП ФС. Вопрос об их функционировании в молодежной среде на сегодняшний день находится вне поля зрения исследователей, что позволяет нам говорить о высоком исследовательском потенциале данного языкового материала и широких перспективах его изучения.

The article is devoted to some of the pragmatic features of sustainable questions in colloquial speech of modern youth. These questions can serve in the youth speech in the actual communicative speech acts with the incentive or konstativ character, and can also serve metacommunicative speech acts. Sustainable questions contain an intention to induce, use to capture intentional verbal initiative, leadership position. It is aimed at suppressing the interlocutor's personality and the demonstration of self-importance and superiority. This questions is effective means of communication and a clear indicator of the impact of language features contemporary native speakers.
The key words: *Spoken language, dialogue, youth language, the question proposal, the sustainable questions, communicative and pragmatic approach.*

Список литературы:

1. Русская разговорная речь. Отв. ред. Е. А. Земской. М.: «Наука», 1973. 485с.
2. Русская грамматика. Т.2. [Электронный ресурс] // «Русская грамматика» [сайт]. [2011] URL: http://rusgram.narod.ru/2591-2640.html (дата обращения: 10.07.2011)
3. Вакуленко Т. А. Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности

вопросительных предложений фразеологизированной структуры в современном английском языке: Автореф. Дис. . канд. филол. наук. Киев, 1992. 19 с.

4. Приходько Е.С. Фразеологизированные риторические вопросы в русском языке и их виды [Электронный ресурс]// Балканская русистика [сайт]. [2011] URL: http:// www.russian.slavica.org/ article13416.html (дата обращения: 5.02.2012)

5. Шевченко И.С. Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход// [Электронный ресурс]// http://homepages.tversu.ru/~ips/JubShev.html (дата обращения: 16.02.2012)

6. Маркина Л.В. О специфике и средствах выражения коммуникативного взаимодействия партнеров общения в современной диалектной речи. Сб. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Т.1 (Международная научная конференция XI Виноградовские чтения). М., 2009.

7. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи.// ВЯ, 1958. №2. с.93-100.

Об авторе

Байдикова Е. Л.- аспирант Московского гуманитарного педагогического института (МГПИ), спец. elena.baydikova@gmail.com

УДК 81’27

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «СПОРТ – ЭТО ВОЙНА» В НЕМЕЦКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Р.В. Белютин

В статье рассматриваются случаи объективации реалий семантической сферы «Спорт» с использованием метафорической модели «Спорт – это Война». Анализ примеров показывает, что в немецком спортивном дискурсе соположение концептов «Спорт» и «Война» носит многовекторный, объемный, в то же время системный характер. Среди ведущих типовых сценариев данной когнитивной модели – действия «клиентов» и «агентов» дискурса, описание хода спортивных соревнований, представление и оценка спортивных результатов и др. «Военные» образы интегрированы в прототипный порядок большинства спортивных субдискурсов: институционального, медийного, субдискурса болельщиков.

Ключевые слова: *немецкий спортивный дискурс, субдискурс футбола, картина мира, концепт, метафорическое моделирование.*

Sprache ist *militärisch* infiziert.
A. Burkhardt

Der «eiserne Vorhang» ist Vergangenheit,
doch die *militärischen* Begriffe
im beliebtesten *Spiel* der Deutschen sind geblieben.
D. Kittler

Метафорическое моделирование языковой концептосферы продолжает оставаться в фокусе внимания отечественных и зарубежных лингвистов – количество работ, посвященных данной проблеме, с каждым годом неуклонно растет, причем учеными уже охвачены практически все дискурсивные практики, связанные с важнейшими сферами коммуникации – политика, экономика, религия, медицина, бытовое общение и мн. др. Значительно отстает в этом отношении спортивный дискурс, хотя в последнее время в России в плане исследовательского интереса к его языковым аспектам наметилась положительная тенденция [см. 1].

Данная работа призвана продемонстрировать на примере актуализации метафорической модели «Спорт – это Война» некоторые особенности построения и развертывания *немецкого* спортивного дискурса, в котором после знаменитого «Бернского чуда» центральное место принадлежит субдискурсу футбола.

Сегодняшняя реальность такова, что «насильственная парадигма» стала интегративной частью нашей жизни, и даже те, кто не познал войну вживую, не могут в современном мире не быть «инфицированными» агрессивной моделью поведения. Ю. М. Орлов считает: «В отличие от других видов поведения, агрессивное поведение в результате применения насильственной парадигмы не просто не прекращается, а скорее усиливается и меняет формы, в частности, усиливаются агрессивное мышление и агрессивные выражения в речи» [цит. по 2, с. 259]. Поэтому не случайно война становится доминантой в метафорическом представлении концептов многих коммуникативных сфер, в которых так или иначе присутствуют элементы агрессии.

Язык спорта, особенно футбола, не является исключением, скорее наоборот, он, по мнению К. Бальдауф, представляет собой «Tummelplatz kriegerischer Metaphorik» [3, S. 228], однако причины «милитаризации» немецкого спортивного дискурса не ограничиваются только теми общими выводами, о которых говорилось выше. Широкую экспансию данной модели в спортивный дискурс объяс-

няет прежде всего конфликтогенность, агональность спорта. Применительно к футболу достойно упоминания и культурно-историческое объяснение интердискурсивного взаимодействия: «… es waren Soldaten, die erstmals mit einem fußballähnlichen Spiel erwähnt wurden» [4, S. 118].

В терминах войны могут быть репрезентированы многие базовые концепты сферы – мишени «Футбол». Обратимся к примерам.

Обозначения команды

Zum Saisonausklang traten die Bayern nach dem 3:0 – Erfolg in Cottbus mit dem **letzten Aufgebot** an (http://www. kicker.de/ news/ fussball/bundesliga/ spieltag/1- bundesliga/2006-07/34/763616/ spielanalyse_bayern-muenchen-14_1-fsv-mainz-05-30.html).

Действия команды на поле

Beim Rückspiel (0:1) **verschanzte sich** Inter hinten (http://www.sueddeutsche.de/sport/champions-league-die-taktik-beherrschen-und-verderben-1.946904).

Действия отдельных игроков

вратарь

Er **warf sich** Küster in den **Schuss**, faustete eine **Bombe** von Assmy dicht über den Boden weg, **beherrschte** seinen Strafraum – und war doch machtlos bei den Kasseler Ausgleichstoren (Kicker, 1963, № 1, S. 9).

защитник

Im Finale könnte die robuste, vom Ex-Münchner Lúcio **befehligte Abwehr** ähnlich hoch **verteidigen** wie zeitweise im ersten Spiel gegen Barcelona. (http://www.sueddeutsche.de/sport/champions-league-die-taktik-beherrschen-und-verderben-1.946904).

Характеристика игроков

Julian Schuster, Mittelfeld**stratege** des SC Freiburg, sieht der kommenden Saison gelassen entgegen (http: // www.fussballtransfers.com/freiburgs-schuster-nicht-unglucklich).

Действия тренеров

… während sich van Gaal schon vor 15 Jahren den Kopf zerbrach, wie man auf moderne **Abwehrbollwerke offensive** Antworten findet. (http://www.sueddeutsche.de/sport/champions-league-die-taktik-beherrschen-und-verderben-1.946904).

Представление результатов соревнований

Anschließend spielte nur noch eine Mannschaft: Die Wolfsburger **überrollten** ihren Gegner und zogen auf 4:0 davon (http://www.spiegel.de/sport/fussball/0,1518,332518,00.html).

Достаточно распространенными являются случаи, когда в высказываниях на футбольную тему актуализируются прецедентные феномены, которые входят в фонд исторической памяти народов.

An jenem Montagabend des 13. Spieltages erlebte der deutsche Nationalspieler mit Real Madrid sein «**Waterloo»**. Bei der 0:5-Klatsche ausgerechnet beim Erzrivalen FC Barcelona war Özils Arbeitstag nach 45 Minuten beendet. (http://www.kicker.de/news/fussball/bundesliga/startseite/547182/artikel_Oezil_Der-Sprung-ins--Weisse-Ballett.html).

Метафорика войны проникает не только в языковое пространство спортивных СМИ, которые, кажется, уже привыкли сами и приучили своих читателей к такому способу представления действительности. Военные термины используют в своей речи *тренеры* команд:

Michael Skibbe: Der Frankfurter Sieg war am Ende nicht unverdient. Wir haben in der zweiten Halbzeit sehr druckvoll gespielt, haben teilweise den Strafraum **belagert** … (http://www.spiegel.de/sport/fussball/0,1518,544211,00.html).

Игроки

José Holebas: Ja, das wird ein richtig **hartes** Match. Ich erwarte jedenfalls eine totale **Schlacht** … **(**http://www.kicker.de/news/fussball/chleague/startseite/559999/artikel_holebas_ich-erwarte-in-dortmund-eine-totale-schlacht.html.)

В субдискурсе футбольных фанатов коммуникативная плотность модели также достаточно высока.

В качестве примера можно привести названия футбольных фанзинов, издаваемых в Германии: «**Terror** Kurier», «**Front**bericht» и др. В этих названиях отражается картина мира футбольных хулиганов: здесь обсуждаются устроенные беспорядки во время прошлых матчей, оглашаются «руководства к действию» на предстоящие игры.

Военные термины являются неотъемлемой частью многих фанатских песен и речевок.

Wir stehen bereit und ziehen los / Keine Entfernung ist uns zu groβ / In fremde Städte **marschieren** wir **ein** / Du wirst niemals alleine sein. (http://www.fangesaenge.de).

Hipp-Hipp, Hipp-Hipp, Hipp-Hipp, Hurra! / Die rot-weiβen **Bomber** sind da. (http:// www.fangesaenge .de).

Наблюдения за качественными и количественными показателями объективации спортивных концептов в метафорах войны позволили выявить еще несколько особенностей функционирования модели.

Используемая лексика в подавляющем большинстве случаев отражает конвенциональные,

можно сказать архаичные формы вооруженного столкновения – языковое сознание пока еще не «приспособилось» к современным, высокотехнологичным правилам ведения военных действий. Именно по этой причине концепты, «отвечающие» за новые стратегии и тактики ведения боя, практически не участвуют в метафорической номинации. Скорее всего, такой консерватизм объясним тем фактом, что язык, как правило, с некоторым запозданием реагирует на изменения, происходящие в обществе.

С другой стороны, действие военной метафорической концептуализации не ограничивается мертвыми, лексикализованными метафорами. Застывшие метафорические образы «оживают» в результате креативного словообразования, предполагающего комбинацию сферы – источника и сферы – мишени.

Nach *Meister***kampf** und *Abstiegs***schlacht** ist die Relegation ein drittes Spannungselement im deutschen Fußball (http://www.welt.de/themen/Relegation).

Эффективным способом реактивации военных метафор является их использование в связке с концептами, входящими в состав других метафорических моделей. Несмотря на то, что метафорическое переосмысление строится с опорой на коллективные предметно-логические связи, образ, формируемый на основе сочетаемости разных моделей, приобретает черты «внесистемности», индивидуальности, которые противостоят первичному и легко воспроизводимому.

Schalke-Abwehr löchrig wie ein Käse: Fußball-Bundesligist FC Schalke 04 blamierte sich gestern im Testspiel gegen den "Klassenkameraden" Bayer Leverkusen nach Kräften.

(http://www.ruhrnachrichten.de/sport/schalke/news/art15837,1020293).

Итак, рассмотренные примеры позволяют отметить широкую распространенность метафоры войны и ее значительную роль в процессе языковой объективации реалий, примыкающих к концептуальному полю «Спорт». Активизация модели «Спорт – это Война» при осмыслении феноменов спорта связана с вовлечением в механизм метафорообразования целого комплекса военных терминов, объединенных в структурированные семантические блоки: война и ее разновидности, войсковые соединения, ход войны, вооружение, итоги войны и др.

Использование военных метафор в коммуникации о спорте представляется вполне закономерной реакцией языкового сознания на концептуальное сходство двух дискурсов по многим экстралингвистическим показателям. Тем не менее, среди специалистов, в том числе лингвистов, растет озабоченность тем, что частое отождествление спорта с милитарной сферой может «затереть» его игровые аспекты и спровоцировать возникновение еще одного клапана агрессии. О такой опасности предупреждает, например, Г. Брюннер: «Wenn in unserer Kultur Kampf- und Kriegsmetaphorik nicht nur für Kommunikation, sondern auch für Sport, Wirtschaft und viele andere Lebensbereiche selbstverständlich ist, so lässt sich die Konsequenz nicht ausschließen, dass dies zur Kriegs- und Gewaltbereitschaft im realen Sinne beiträgt [5, S. 107].

Очевидно, что данная проблема выходит за рамки лингвистического дискурса и приобретает трансдисциплинарный статус. Приблизиться к пониманию этой проблемы и одновременно вскрыть особенности национальных образов мира могли бы, например, исследования репрезентации когнитивной модели «Спорт – это Война» в других этноконцептосферах.

Different cases of objectification of realia from semantic field ‘Sport’ using metaphoric model ‘Sport is War’ are examined in the given article. The analysis of examples shows that in the German sports discourse juxtaposition of the concepts ‘Sport’ and ‘War’ can be characterized as diverse, extensional and systemic. Among the chief typical scenarios of the given cognitive model are discourse “clients’” and “agents’” activities, sports events description, presentation and evaluation of sports results, etc. Military images are integrated into prototypical order of most sports subdiscourses: institutional, media, fans’ subdiscourse.

The key words: *German sports discourse, football subdiscourse, view of the world, concept, metaphoric modeling.*

Список литературы

1. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. … докт. филол. наук. Омск, 2011. 403 с.

2. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: Комкнига, 2006. 360 с.

3. Baldauf, Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997. 358 S.

4. Bausenwein, Ch. Geheimnis Fuβball. Auf den Spuren eines Phänomens. Göttingen: Verlag die Werkstatt, 2006. 574 S.

5. Brünner, G. Metaphern für Sprache und Kommunikation in Alltag und Wissenschaft. In: Diskussion Deutsch. 1987. 18. S. 100 – 119.

Об авторе

Белютин Р.В. -кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Смоленского государственного университета, ryubelyutins@rambler.ru

УДК: 811.161.1'373

О ВИДАХ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ КАЛАМБУРНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.Е. Вороничев

В статье рассматриваются различные виды окказиональных каламбурных семантических новообразований в современной русской лексике. Разграничиваются окказиональные лексико-семантические варианты многозначных слов и окказиональные омонимы, описываются варианты псевдомотивации лексических единиц, анализируется каламбурообразующий стилистический потенциал семантических окказионализмов.
***Ключевые слова**: лексика, окказиональная семантика, каламбур, омонимия, многозначность.*

Окказиональные семантические новообразования в русской лексике обладают внушительным экспрессивно-стилистическим потенциалом. Основное назначение семантических окказионализмов в языке – создание каламбурного эффекта. По определению В.В. Виноградова, «каламбур может состоять <...> в новой этимологизации слова по созвучию или в образовании нового индивидуально-авторского омонима от созвучного корня» [1, с.43]. При этом, как считает Е.А. Земская, «двуплановое понимание слова возникает в результате того, что слово употребляется в не свойственном ему в языке значении, приданном ему в речи каким-либо лицом. Происходит столкновение общеязыкового значения слова и индивидуального, окказионального» [2, с.243]. Примечательно, что в цитируемой работе, опубликованной более полувека назад, Е.А. Земская отмечает, что этот прием создания каламбура редкий и употребляется обычно для характеристики речи персонажей [там же]. Однако в последние десятилетия благодаря заметно возросшему интересу к творчеству писателей-юмористов, которые охотно и эффективно используют в своих произведениях возможности языковой игры, предоставляемые окказиональной омонимией и полисемией, а также благодаря возросшему творческому потенциалу населения (особенно интеллигенции), обыгрывание неожиданных, непривычных значений известных слов становится все более частотным, популярным, обретает новые стилистические функции.

Семантические новообразования возникают в речи тогда, когда говорящий переосмысливает значение общеязыкового слова, отталкиваясь от его внешнего облика (фонетического и графического) и находя в нем корни совершенно иных общеизвестных слов. Н.А. Николина дает очень точную, на наш взгляд, оценку словообразовательной природы такого переосмысления в терминах *псевдочленение* и *псевдовосстановление производящей основы* [3, с.338–485].

Принципиальное отличие рождения окказиональной омонимической семантики от возникновения узуальной в том, что общеязыковой омоним появляется чаще всего в результате распада многозначности (развитие которой, в свою очередь, как правило, происходит путем метафорического или метонимического переноса названия одной реалии на другую на основе их внешнего сходства, ассоциативных или функциональных связей), а также вследствие внешнего совпадения исконно разных слов как результата морфонологических изменений в ходе языковой эволюции, вследствие совпадения фонетико-графического облика новозаимствованного слова со звуко-буквенной оболочкой исконной ЛЕ или совпадения заимствований из разных источников. Причиной же окказиональной омонимической семантизации является не экстралингвистическая взаимосвязь привычного и нового объектов номинации или случайное совпадение внешней формы ЛЕ, а псевдомотивация внутренней формы, нахождение и контекстуальная актуализация так называемого «квазикорня».

Потенциально омонимичных ЛЕ в русском языке немало, и их обнаружение зависит только от индивидуального чувства юмора, творческих способностей и умения узнавать в одних словах другие. Например, в слове *бездушный* помимо основного лексического значения *бессердечный* с учетом исторического чередования [х//ш] можно увидеть корни слов *дух, душ, духи*. Отсюда возможно сочетание *бездушная ванная* (ванная комната без душа). В книге “Русский литературный анекдот конца 18 – начала 19 века” обыгрывается другое окказионально-омонимическое значение этого слова: *Александр Павлович (Офросимов) был большой чудак и очень забавен. ... Например, говорил он: “Я человек бесчасный, человек **безвинный**, но не **бездушный**” – “А почему так?” – “Потому что часов не ношу, вина не пью, но духи употребляю*”. Сравните с индивидуально-авторской семантикой глагола *остепениться* в отрывке из письма П.А. Вяземского А.С. Пушкину: *Я всю зиму проведу в здешнем краю. Я говорю, что я **остепенился**, потому что зарылся в степь*. В «Мертвых душах» Н.В. Гоголя встречаем другой остроумный вариант: *Ноздрев был в некотором роде **исторический** человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории*.

Как видно из приведенных примеров, использование окказиональных омонимов в качестве выразительного лексико-стилистического средства давно известно в жанрах художественной речи.

Однако, как уже отмечалось, окказиональные семантические образования особенно активно стали появляться в речи в последние десятилетия, прежде всего в связи с ростом творческого интереса к ним со стороны писателей-юмористов, которые создают различные “бестолковые словари” и выстраивают с помощью семантических окказионализмов сюжетные линии сатирических миниатюр. У лингвистов также популярно неверное, но правдоподобное толкование слов, известное как игра в “Энтимологический словарь”. Приведем наиболее оригинальные примеры окказиональных омонимов: *баранка* (овца), *вертопрах* (пылесос), *волнушка* (мелодрама), *головотяп* (палач), *зазубрина* (правило), *изверг* (действующий вулкан), *облучок* (рентген), *соска* (радиограмма о помощи), *стриж* (парикмахер), *хлопоты* (аплодисменты), *чернослив* (промышленные отходы), *чертёж* (преисподняя), *язычник* (лингвист) и т.п. К этим примерам, которые взяты из книги Б.Ю. Нормана [4, 283–337], можно добавить и такие слова, как: *порожняк* (бокс), *рубильник* (топор), *привратник* (лжец), *сморчок* (нос), *скачок* (заяц), *неудачный* (от *не у дачи*) или *уморительный* (от *у моря*) *отдых* и др.

Внутренней формой (псевдомотиватом) окказионального омонима может быть не только нарицательное слово, как в приведенных выше примерах, но и имя собственное:

[Преподаватель в начале занятия быстро оглядывает аудиторию]: *А где же Люда Беленькая и Люда Шпакова? С чего это вдруг ваша группа сегодня так обез**люде**ла?*; другие примеры: *о**конфу**женный* – «увлёкшийся учением Конфуция» (ср. с нарицательной окказиональной псевдомотивацией: *оконфуженный* – ‘испытавший на себе применение приема восточной борьбы *конфу*’ или ‘увлёкшийся борьбой *конфу*’), *обездоленные* (зрители) – «не дождавшиеся выступления певицы Ларисы Долиной»; [диалог в купе поезда]: *Я теперь весь обшарпанный! / – Почему? / – Потому что у меня телевизор «Шарп», видеомагнитофон «Шарп» и музыкальный центр «Шарп»*.

Псевдомотиватом может быть и аббревиатура: [Из сатирического речевого портрета спекулянта в монологе А. Райкина]: *Ведь я ж **гум**анитарий. Я же всё соображаю через ГУМ*!

Окказионально-омонимические значения чаще всего раскрываются в контексте (при помощи пояснительных слов). Но иногда они определяются в ситуации общения. Например, пытаясь обойти какого-либо полного знакомого человека в узком коридоре, можно шутливо воскликнуть: *Ты такой **необходимый**!*, или можно сделать двусмысленной комплимент *Вы совершенно **неотразимая**!* излишне навязчивой в общении женщине. Ребенок отвечает, что совершает *кругo**свет**ное* путешествие, на вопрос *Что ты делаешь?* бабушки по имени Света, вокруг которой он в этот момент бегает. Это же собственное имя может быть обыграно в соответствующих речевых ситуациях при использовании слов *светотень*, *светомаскировка*, *подсветка* и др. или словосочетаний *светская беседа*, *светские манеры*, *светское общество* и п.

Основой каламбурной псевдомотивации может быть использование отдельных сем из узуального значения слова:

– *Кто такой **кинолог**?*

– *Да это механик, который собакам кино показывает!*

Здесь обыгрывается стержневая сема (*собака*) в значении слова *кинолог*.

Как нам представляется, экспрессивность, сила комического эффекта окказионального омонима зависит не только от неожиданного остроумного инотолкования корня, но и от степени контрастирования окказиональной семантики с наиболее употребительным узуальным значением данного слова. В этом аспекте окказиональная омонимия тесно взаимодействует, сближается с антонимией, в частности, с энантиосемией и омоантонимией. Из приведенных выше примеров высоким уровнем антонимичности обладают окказиональные значения ЛЕ *необходимый* и *неотразимая*. Для точного наименования таких полярных семантических новообразований, с нашей точки зрения, было бы логично использовать термин окказиональные омоантонимы.

Со степенью каламбурного контрастирования связан, как нам представляется, и окказиональный аспект глобальной лексикологической проблемы размежевания омонимии и полисемии. Причем эти типы семантических инноваций нуждаются в разграничении только с целью точного установления их лексического статуса, поскольку для языковой игры с прагматической точки зрения не столь важно, какие значения объединены общим планом выражения: семантически связанные или обособленные.

Тем не менее каламбурное столкновение узуального слова с его окказиональным омонимом, на наш взгляд, все же более контрастно, чем стилистическое противопоставление общеязыкового и окказионального ЛСВ одной лексемы. Сравните с приведенными выше примерами окказионально-омонимических значений оригинальную интерпретацию «обходящийся без посторонней помощи» прилагательного *беспомощный* или окказиональные значения прилагательных *находчивый* и *обходительный*, реализуемые в контекстах: *Герасим был очень **находчивый**. Однажды он нашел Му-му* (из школьного сочинения); *Николай Петрович был очень **обходительным** человеком, потому что всегда умел обходить*

неудобные для него статьи закона. В каждом из этих примеров прослеживается семантическая связь, общность окказиональных ЛСВ с узуальными и каламбурность так же очевидна, как и при столкновении омонимов, но она уже выражена менее рельефно. Вместе с тем в целом при разграничении окказиональной полисемии и омонимии, по-видимому, следует опираться на те же теоретические критерии и применять те же практические способы дифференциации (они, как известно, не универсальны, поэтому не гарантируют успешного решения этой сложнейшей лексикологической проблемы в каждом конкретном случае), которые используются при размежевании *узуальной* полисемии и омонимии.

Следует различать, как и любую другую заданную и незаданную каламбурность, управляемую окказиональную семантизацию слова (как стилистический прием) и нестилистическую (неуправляемую, наивную) псевдомотивацию. Так, слова *необходимая* и *беспомощная* в указанных ранее окказионально-омонимических значениях могут быть подвержены и заданной, и случайной (так называемой «народной») псевдоэтимологизации. К.И. Чуковский в книге «От двух до пяти» иллюстрирует этими же и другими ЛЕ, таящими в себе возможность альтернативной интерпретации, ложное истолкование слов детьми:

Оказалось, что наблюдением они, как и Саша, считают все, лежащее на блюде.

Четырехлетний Игорь, впервые вылепив снежную бабу без помощи взрослых, с гордостью заявил окружающим: Эта баба совсем беспомощная! <…> Пытаясь обойти большую лужу: Какая необходимая.

Майя крикнула своей старшей сестре: Хватит тебе секреты говорить! Секретарша какая! А трехлетняя Таня сказала: Мы ходим на прогулку – мы прогульщики! <…>

– Консервы делают в консерватории, да? – спрашивал у деда Игорек.

И сколько я знаю детей, которые думают, что насупились – это значит наелись супу, а отравились – наелись травы [5, с.324–325].

На почве окказиональной семантизации могут возникать последовательности (цепи) слов с нарочито неверным, юмористическим толкованием, как в следующем диалоге:

– Разве он *оголтелый*?

– Конечно, он же *нудист*!

– Значит, он *скучный* человек?

– Да, он всегда приходит ко мне с кучей проблем.

Нечто подобное А.С. Джанумов отмечает при анализе языковой игры в произведениях В. Шекспира, Ч. Диккенса, Л. Кэрролла и Дж. К. Джерома, основанной уже не на окказиональных, а узуальных лексических явлениях, и называет этот феномен *цепочкой каламбуров*, «когда в узком контексте один каламбур переходит в другой. При этом второй элемент первого приема является началом другого». В частности, данный прием используется Шекспиром в комедии «Много шума из ничего» в виде цепочки каламбуров на полисемии слов («calfs head» – «телячья голова» и «голова глупца», «capon» – «каплун» и «трус», «woodcock» – «вальдшнеп» и «простак») [6, с.15].

Возможно также «узнавание» в русских или давно обрусевших словах корней варваризмов и макароническое смешение последних с исконными при новом толковании значений. Например, о старом человеке могут иронически сказать: «*Он super**star***», при этом обыгрываемая корневая часть существительного-варваризма, подвергаясь конверсии, воспринимается на русской почве уже как краткое прилагательное; *лавка* по фонетической ассоциации с английским глаголом *to love* может обрести окказиональное значение ‘любовница’ и по аналогии: *ловить* – ‘любить’, *отловить* – ‘разлюбить’ *ловец* – ‘флирт’ или ‘любовник’, *прилавок* – ‘загс’, *ловушка* – ‘жена’, *лавина* – ‘тёща’ и т.д.; *бульдог* при разложении на два корня (русский и иноязычный) по ассоциативной связи с известным рассказом И.С. Тургенева может быть «переведено» как Муму.

В завершение анализа данного типа лексических доминант каламбура следует заметить, что стилистический потенциал окказиональной омонимии и полисемии как экспрессивных лексических средств языковой игры, безусловно, еще далеко не исчерпан и не изучен. В этой связи представляется перспективным исследование различных жанровых форм речи, в которых возможно употребление семантических окказионализмов, с целью дальнейшего углубления, детализации и систематизации знаний об их лингвостилистических свойствах. Одним из практических результатов этого исследования могло бы стать создание отдельного, представляющего интерес не только для специалистов *Толкового словаря окказиональных каламбурных словоупотреблений* (примерное название), в который целесообразно включить семантические инновации, извлеченные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы (классической и современной прозы и поэзии, прежде всего юмористической), мемуарных, эпистолярных, публицистических и рекламных текстов. Помещаемый в словарь лексический материал должен быть систематизирован, промаркирован и проиллюстрирован наиболее показательными примерами в

соответствии с требованиями к толковому лексикографическому изданию. В частности, было бы логично развести в нем окказиональную омонимию и окказиональную полисемию – с отражением в словарной статье возможной иерархии (системы связей) производящих узуальных и производных окказиональных значений каждой лексемы.

In the given article various types of occasional punning semantic neoformations in modern Russian vocabulary are considered. The occasional lexical semantic variants of polysemantic words and occasional homonyms are differentiated, the variants of preudomotivation of lexical units are described, the stylistic potentialities of semantic occasionalisms in the pun formation are analysed.
***The key words**: vocabulary, occasional semantics, pun, homonymy, polysemy.*

Список литературы

1. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Мысли о русском слове: Хрестоматия / Под ред. П. А. Леканта. М.: Высш. школа, 2004. С. 41–49.
2. Земская Е. А. Речевые приемы комического в советской литературе// Исследования по языку советских писателей. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 215–278.
3. Николина Н. А. Словообразовательная игра в художественном тексте // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 338–485.
4. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.
5. Чуковский К. Стихи и сказки. От двух до пяти. М.: Дет. лит., 1981. 607 с.
6. Джанумов А. С. Каламбур и его функционирование в двуязычной ситуации (англо-русские соответствия): авт-т дис. … канд. филол. наук. М., 1997. С. 15.

Об авторе

Вороничев О.Е. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, voonid@mail.ru

УДК 82-4

АРХИТЕКТОНИКА ТЕКСТА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ «КРОХОТОК» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА)

С.Я. Гехтляр,О.В. Пугачева

Анализ языковых средств, обеспечивающих малоформатным произведениям содержательную полноту и выразительность, позволяет характеризовать специфические для определенного жанра приемы, доказательно декодировать смысловой план инновационных форм художественных произведений.
***Ключевые слова:** текст, архитектоника, идеологема, окказионализмы, инверсия, риторический вопрос, парцелляция, стаккато.*

А.И. Солженицын, один из известнейших русских писателей современности, свидетельством своего открытого и честного взгляда на окружающую действительность оставил не только крупные произведения, но и малоформатные «Крохотки», жанровая природа которых вызывает немалые споры.

Одни исследователи (например, Б. Кодзис) считают, что Солженицын «возродил жанр лирической миниатюры [или стихотворения в прозе], которая в русской литературе советского периода долгое время была в опале, и, творчески используя опыт Тургенева, Пришвина, Бунина, искусно сочетая беллетристику, элементы публицистики, мемуаристики и документа, придал ей свежий и весьма мобильный характер» [2, с. 8]. Другие (например, Л. Колобаева) причисляют «Крохотки» к малому эпосу: ««Крохотки» - «это чаще всего «сгущенные» до грани афоризма рассказы, самый малый эпос» [4, с. 40].

Однако, учитывая, что для второй половины 20 века характерно возрастание удельного веса повествований от первого лица, в которых за счет уплотнения, сокращения дидактических и описательных элементов усиливался компонент афоризации, строились философские размышления, отталкивающиеся от частного случая, - учитывая эти и другие факторы, о которых - несколько ниже, жанр «Крохоток» А.И.Солженицына можно характеризовать как одну из разновидностей эссе. Это проявляется в каждом из непритязательных набросков, некоторые из которых – в духе чеховских зарисовок для «Осколков», в средствах доведения до сознания читателя важной для автора мысли, проявляется в сюжете, композиции, на всех уровнях организации текстового материала.

При видимом разнообразии идейной проблематики идеологема («основная авторская идея, име-

ющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст» [3, С. 52]) «Крохоток» отличается цельностью. Говорит ли писатель об особом вкусе и запахе свободы («Дыхание»), о единственности созданного природой («Утенок»), о праве на жизнь, радости жить и дышать, о путях освобождения от страха («Ночные мысли»), о красоте творчества («Утро») – он размышляет о возможностях и препятствиях любви: к человеку, земле, Родине, о естественности боли и путях ее преодоления.

Каждым из маленьких текстов, выдвигая на авансцену, казалось бы, случайную частность, писатель наделяет ее свойством зеркала, раскрывая спрятанное в ней всеохватно обобщающее, символическое, наполненное национально-историческим или философским содержанием. Причем ключевая образная деталь освещает подобные всеобщие смыслы именно потому ярко и выпукло, что ощутимо в ней проглядывает связь с личностью автора, причем не только с биографией, но с мировоззрением.

Так, острота в ответ на сообщение, что могилу поэта Я.Полонского из тюремной зоны перенесли в другое место: «Освободился, значит!» («Прах поэта») обретает особый смысл не только потому, что фразу произносит надзиратель, но и потому, что услышал ее и вспоминает бывший арестант.

Присутствующий в каждой из «Крохоток» образ автора – неотъемлемая часть произведения, воплощая одно из специфических свойств жанра эссе: изоморфизм творца и творимого. Повествователь «Крохоток» как центр сплавляет воедино разнообразные смысловые и языковые пласты , благодаря чему одновременно осуществляет функции участника описываемого события , фрагмента действительности – и наблюдателя; личности, постигающей в компании с читателем тайны жизни, – и отстраненного комментатора; философа-мыслителя – и судьи.

Есть в этих произведениях и характерная для жанра эссе фрагментарность, осколочность структуры текста «Крохоток», намеренная отрывочность ритмического рисунка, чем-то напоминающая музыкальное **стакка́то** (от итал. *staccato* — «оторванный, отделённый»), « … штрих, предписывающий исполнять звуки отрывисто, отделяя один от другого паузами».

Важно подчеркнуть, что как внутри отдельного произведения, так и для цикла в целом осколочность архитектоники не препятствует созданию идейно-содержательного единства. Каждый элемент крохотки участвует в процессе создания законченного произведения, а все их объединяет глубоко субъективное авторское начало, формируя в качестве композиционной основы все внешне раздробленные элементы. Что ещё приближает «Крохотки» к эссе как публицистическому жанру, так это изоморфизм творца и творимого, т.е. совпадение образа автора и героя: «Я стою под яблоней отцветающей — и *дышу.* Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя — и нет названия тому *сладкому духу,* который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми легкими, ощущаю аромат всею грудью, *дышу, дышу, то* с открытыми глазами, *то* с закрытыми — не знаю, как лучше» («Дыхание»). Образ автора в приведенном отрывке ярко выражен и совпадает с образом героя, наслаждающегося жизнью с обжигающей полнотой и напосредственностью.

Языковой объективации идеологемы способствует мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего это яркие образы, созданные с помощью эпитета, метафоры, обладающих мощной суггестивной силой. Назовем некоторые:

1) В «Крохотках» буквально искрятся неожиданные, свежие эпитеты: «*Благодатные крупные* мысли» («Ночные мысли»), «*исконная* мягкость» («Колокольня»), «*израненные, грустные уцелевшие* улочки» («Колокольня»); «*Изневольный* Китеж» («Колокольня»), «*нерастреблённый* смысл» («В сумерки»), «*безмысло* и корыстно правящие» («Позор»), «унизительное чувство, *неотстанное*» («Позор»); *Высокостройная* колокольня» («Колокольня»), «*мягко-печальная* улыбка» («Старение») и др.

2) Языковой строй «Крохоток» нельзя представить без окказиональной лексики, которая выступает маркером чувств и переживаний автора. Так, вместо «запустение» автор предлагает «*запусть»* («Колокольня»), что, по меткому замечанию Л.Колобаевой, «звучит энергичнее и более явственным делает заложенное в корне ощущение *пустоты* и *за*пущенности» [4, с. 42]; «*бесколышность»* («Утро») – от глагола «*не колыхать*» («не качаться слегка, мерно», т.е. не нарушать зыбкого равновесия поэтического вдохновения утра).

3) Одним из способов реализации в анализируемых текстах «определенной заданной идеи (идеологемы)» является «авторская оценочность, интерпретация действительности, номинации» [3, С. 53]. В крохоте «Способ двигаться» образ человека и вещи проецирует с необычайного ракурса авторскую оценку. Звучит ироническая насмешка над современным способом передвижения, гротескный образ нашего всеобщего любимца, автомобиля — «*безобразнейшего из творений Земли, на резиновых быстрых лапах, с мертвыми стеклянными глазами, тупым ребристым рылом, горбатого железным ящиком».* И вызывает неутешительное обобщающее заключение*: «Что ж, каковы мы — таков и наш способ двигаться»* («Способ двигаться»).

В этой связи автор «Крохоток» широко использует выразительные возможности синтаксиса.

Широко используемыми приемами являются *инверсия, риторический вопрос, парцелляция*.

Инверсионный порядок слов («*Я иду по* ***деревне этой***». «На родине Есенина») самой своей ритмической близостью к молитве обнажает философски обобщенный смысл текста, что подкрепляет и лексика, в частности, характерные для библейских текстов предлоги, союзы, частицы: «…***да*** *ослепил молненный блеск»* («Молния»), *«****И*** *отпущено каждому живущему…»* («Лихое зелье»), «даже вовсе не тронули, как заповедную ***бы*** («Колокол Углича»),

Риторический вопрос, кроме стимулирования читательского внимания и роли диалогизации, выполняет в текстах «Крохоток» и функцию своеобразного «провокатора», что тоже сближает их с архитектоникой эссе. По справедливому замечанию Е. Н. Зарецкой, у Солженицына «вопрос не просто провоцирует внимание, он провоцирует потребность в размышлении. Как только человек слышит вопросительную интонацию, ему интуитивно хочется ответить, а для этого требуется, как правило, раздумье и формирование точки зрения» [1, с. 63].

А.И. Солженицын широко использует прием риторического вопроса, отражающий огромный и напряженный диапазон чувств: от нежной любви и благодарности до горькой иронии, боли, горечи: «*Что за диковинное дерево*! («Лиственница»); *«Среди высочайших сосен избрала молния и не самую же высокую липу - а за что?»* («Молния»); *«Да еще и на шпиле - каким чудом? - крест уцелел»* («Колокольня»); *«Что происходит за ночь с нашей душой?»* («Утро»); «*И - своё земное тепло посылаешь им в обмен: может, и мы чем-то пособим?»* («Поминовение усопших»).

Обратим внимание и на выразительную функцию тире. Как правило, А.Солженицын ставит его в середине предложения, чтобы второй его частью пояснить и выделить в первой части наиболее важное: «*Те раскатные колокольные удары* - ***клич великой Беды*** - *и предвестили Смуту Первую*» («Колокол Углича»). И в большинстве случаев тире позволяет усилить прежде всего эмоциональную окраску высказывания, маркируя при этом отдельные наиболее значимые смысловые компоненты субъективно-авторской модели повествования. Подобные выделительные тире встречаем у М. Цветаевой и Вл. Маяковского, они становятся и у Солженицына средством придания тексту неповторимо-авторской интонации.

Например, в предложении: *«Ведь - и люди такие есть»* («Лиственница») авторское тире призвано усилить созданное частицей *ведь* противопоставление людей, подобных героине (лиственнице): способные поддержать более слабых, излишне мягких или твердых (в зависимости от ситуации), готовые к беспрестанному обновлению, признательные небу за каждое мгновение жизни.

В другом случае (*«Как - и бросили мы стольких и стольких …»* .«Старение») тире останавливает наше внимание на авторском недоуменном вопросе о непонимании большинством людей миссии завершающего жизненного этапа, когда важна каждая минута подаренного судьбой дня.

Уже отмечалось, что встречается в текстах и такой экспрессивный синтаксический прием, как парцелляция. Как и другие приемы, парцелляция вполне уместна, участвуя, во-первых, в конструировании *впечатления импровизации*, впечатления, что перед читателем своего рода отпечаток процесса формирования мысли, живые фрагменты – и путь к обобщению, например: *«И нам из него не выбиться - никогда, никакими благими издумками, никакими земными прожектами.* ***До конца человечества****»* («Лихое зелье»); *«И для них тут, и для всех, кто однажды увидел это диво: ведь стоит колокольня!* ***Как наша надежда. Как наша молитва****: нет, в с ю Русь до конца не попустит Господь утопить …*» («Колокольня»); *«Садились тихо - один, другой, третий, как бы в задумчивости.* ***И подолгу молчали****»* («В сумерки»).

Уже представленные здесь особенности анализированных текстов (специфическая архитектоника, возникающая как результат умалчивания о ненужных подробностях описываемого события фрагментарность; средства преодоления осколочности повествования, элементы изобразительности) позволяют отнести цикл «Крохотки» А.И.Солженицына к произведениям жанра эссе.

Можно предположить, что «Крохотками» представлена одна из современных, развивающихся разновидностей эссе, когда смысловое содержание наполняется, дополняется за счет имплицитно присутствующей информации (степень известности автора, «отблеск» содержания написанного ранее и т.п.), но чтобы точнее выявить набор признаков этой разновидности, необходим дополнительный анализ.

The linguistic analysis of the means which secure the substantive completion and expression to the small-format literary forms enables the researcher to evaluate devices specific to the particular genre and to logically decode the plane of the meaning of the innovative belles-lettres literary formats.

The key words: *text, architectonics, ideologeme, occasionalisms, the inversion, the rheutorical question, the parcellation, staccato.*

Список литературы

1. Зарецкая Е.Н. Универсальные потребности бессознательного и коммуникативный акт //

Доклады международной конференции Диалог 2003 г. М.: «Олма-Пресс», 2003, с. 61-63.
2. Кодзис Б. Лирические миниатюры Александра Солженицына // Литература: Приложение к газете «Первое сентября», 1997, № 30, с. 3-4.
3. Клушина Н.И. Язык публицистики: константы и переменные// Русская речь. 2004. №3.
4. Колобаева Л. «Крохотки» // Литературное обозрение, 1999, №1, с. 51-54.
5. Нива Ж. Солженицын. М.: «Высшая школа»,1992, с. 87.
6. Солженицын А.И. Рассказы. Крохотки. М.: «АСТ-Астрель», 1998.

Об авторах:

Гехтляр С.Я.- доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

Пугачева О.В – аспирант Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского oliaPy@yandex.ru

УДК 374.23

СЕМАНТИКА ДВИЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ ТЮТЧЕВА*

А.Л. Голованевский

Глаголы движения (перемещения) в поэзии Тютчева являются одним из тех лексико-семантических, грамматических, прагматических средств, которые характеризуют одну из граней его поэтической личности и в значительной мере подтверждают общепринятое мнение о единстве поэтического текста, основанному на дублировании и цикличности тем.

Ключевые слова*: глаголы движения (перемещения), поэтическая личность, однонаправленные и ненаправленные глаголы движения, объект, субъект, способ движения, семантика глаголов.*

...Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!...
(«Как птичка, с раннею зарей…» с.125)
Но сей порыв, сие и выспрь и вдаль стремленье…
У всех людей оно в груди…
(Из «Фауста » Гете, с.116)[1]

В приведенных стихах отражена такая особенность поэзии Тютчева, как противоположный взгляд на решение одних и тех же вопросов. Исследователи поэзии Тютчева приводят эту противоположность при оценочности тех или иных философских понятий, многочисленные примеры из его стихотворений. Прежде всего, рассмотрим оценку поэтом самого понятия движение и семантически родственных слов.

Движение (15)[2] у Тютчева употребляется в двух значениях: 1. То, что непосредственно связано с бытом жизни, ее зрительным восприятием. 2. Философское осмысление как способа существования всего живого не живого, противоположного покою.

Зрительные восприятия движения чаще всего связаны с ситуацией общения, результатами конкретных наблюдений за тем, что происходит в незамкнутом пространстве. Такое движение всегда оценочно, но оценочность не обязательно выражается вербально.

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж…
(«К N.N.», с.84)
Порой мой взор, ***движенья****, чувства, речи*
Твоей не смеют радоваться встрече - Душа моя!
(«В толпе людей, в нескромном шуме дня…» с.117)
Все в ней так искренно и мило,
Так все ***движенья*** *хороши…*
(«Как ни бесилося злоречье…», с. 224).
Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 11-14-3200 (а/ц).
[1] Весь иллюстративный материал из поэзии Ф.И. Тютчева приводится по [1; с указанием названий стихотворений].
[2] После слова в скобках указывается по [2] частотность данной лексемы.

…Звезды чистые горели…
(Кончен жир, умолкли хоры…», с. 159)
Но долго, долго не забыть…
Ту негу стройную ***движений***
и стан, оправленный в магнит…
(«Как летней иногда порою…», с. 211)

Движение человека, частей его тела (это всегда женщины) прекрасные, движение в незамкнутом пространстве (улицы города) беспокойно и шумно и противопоставлено «выспренному пределу» - сияющим и чистым звездам, еще не тронутым разрушающей и созидающей деятельностью человека.

Если *движение* у Тютчева связано с человеком, оно обязательно противопоставлено *движению* в природе, как в стихотворении « Кончен пир…» (1850). Но в более раннем стихотворении («Как сладко дремлет сад темно-зеленый…» (1835) такое противопоставление отсутствует, так как, по сути, отсутствует и сам человек. Здесь только намек на его присутствие (а это сам автор-наблюдатель), еще не понявший (в отличие от более позднего стихотворения), откуда над спящим градом, как в вершинах леса, *Проснулся чудный еженощный гул….* Этот чудный гул - не шумное уличное движение после окончания пира, а результат того, что «*на мир дневной спустилася завеса, изнемогло движенье, труд уснул…»* (с. 125). В этом стихотворении, как и в некоторых стихотворениях, написанных в начале 1830-х годов (« Над виноградными холмами…»), «Поток сгустился и тускнеет…»), уже выражается противопоставление горнего – земному, но самого человека и его движения нет. Там есть только неизбежное движение природных сил (струя воздушная, бессмертный ключ).

Движение как способ существования живого и неживого философски осмысливается Тютчевым на уровне жизни и смерти. Это, прежде всего, относится к одухотворенной природе, с которой неразделим человек. *Таинственная жизнь, бессмертное* ***движенье****, Где, что ни брось во глубь, и все они в броженье…* (Из «Эрнани» Гюго, с.109). *Тени сизые смесились, цвет поблекнул, звук уснул - жизнь,* ***движенье*** *разрешились. В сумраках зыбкий, в дальний гул…* («Тени сизые смесились…», с.127). *Как грустно полусонной тенью, с изнеможением в кости навстречу солнцу и* ***движенью*** *за новым племенем брести…* («Как птичка, с раннею зарей», с.125).

Имеется движение - отсутствует смерть, отсутствует движение – отсутствует жизнь. Это относится как к природе, так и к человеку.

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,…
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.
(«Первый лист», с.178)
Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья-
Жизнь отошла - и, покоряясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья
Здесь человек лишь снится сам себе
(«Родной ландшафт…», с.200)

Глагол ***двигать*** (2) выступает в значении «Руководить чем – либо, направлять, приводить в движение какие-либо силы». [2, с.178]. Такое движение исходит от человека, поэтому у Тютчева оно трагическое.

Волшебный жезл не выпадал из длани,
Но двигал он лишь адскими властями
(Байрон, Из «Цедлица», с. 98)
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними,
И двигал всем, и все стерег очами чудными своими…
(«Неман», с. 187). О Наполеоне.

Движение всегда происходит в пространстве, вернее, в пространствах: земном, подземном, водном, подводном, воздушном и определяется способом перемещения в них объектов. Перемещаясь по воде, живые объекты *плывут*, природные *текут*; по воздуху живые *летят*, природные *текут*. В подземном и подводном пространстве объекты перемещаются так же, как по земле и по воде, но человек с помощью приспособлений-артефактов.

«И над всем этим множеством» частных» глаголов в языке царит *идти»* [3, с.303]. Это в языке. А теперь посмотрим, как в поэзии Тютчева.

Глагол *идти* относится к той группе бесприставочных глаголов движения, которая, во-первых, специфически выражает способ движения и, во-вторых, характеризуется своеобразием при выражении грамматического значения вида. Специфика выражения способа движения заключается в

том, что каждый из 14-18 глаголов движения имеет такую же видовую бесприставочную пару несовершенного вида, отличающуюся *направленностью движения*: один ряд из глаголов этой группы (*идти, лететь, плыть, бежать* и др.) понимается как глаголы **однонаправленного движения**, другие (*ходить, летать, плавать, бегать* и др.) – **разнонаправленного движения**. Видовая особенность этих глаголов заключается в том, что «приставки с однонаправленными глаголами имеют всегда пространственное значение (за исключением приставки *по-*). Приставки с разнонаправленными глаголами не имеют пространственных значений [4, с.486]. Пространственная семантика глаголов, как правило, способствует образованию видовых пар у соответствующих приставочных глаголов, отсутствие пространственного значения препятствует образованию видовых пар. В свою очередь приставочные глаголы однонаправленного движения, выступающие в качестве глаголов совершенного вида, образуют при помощи суффиксов -ыва-, -ива-, -а- глаголы несовершенного вида ненаправленного движения: идти – пройти – проходить, нести – вынести – выносить и др.

Проведя наблюдения над использованием глаголов движения в поэзии Тютчева, мы можем констатировать. 1. Из 18 пар глаголов движения (с учетом возвратных глаголов) у Тютчева представлены только 4 пары: *бежать(21) - бегать(1), нести(11) – носить(2), нестись(5) - носиться(1), бродить(13) - брести(6)*. 2. В таких парах представлен однонаправленный глагол при отсутствии разнонаправленного: *идти (21) - ходить (нет), лететь (15) - летать (нет), вести (7) - водить (нет), гнать (6) - гонять (нет), нести (13) - носить (нет), плыть (11) - плавать (нет), ехать (2) - ездить (нет), катить (2) - катать (нет), лезть (2) - лазить (нет)*. 3. Отсутствуют такие пары*: 1) везти - возить, 2) гнаться – гоняться, 3) ползти- ползать, 4) тащить- таскать, 5) тащиться- таскаться*. Из этих данных напрашивается первый и главный вывод, представляющий в этом аспекте Тютчева как языковую личность: движение в поэзии Тютчева характеризуется однонаправленностью. Но чтобы этот вывод был более убедительным, необходимо сделать следующий шаг – провести наблюдения над использованием приставочных глаголов движения.

К наиболее продуктивным приставкам, образующим однонаправленные глаголы движения совершенного вида, относятся, по-нашему, первообразные предлоги-префиксы [5, с.325-326] и близкие им по структуре только префиксы: *в-, во-, вы-, до-, из-, на-, за-, об- (обо-), по-, под-, при-, про-, пере-, у-*. Такие наблюдения подтверждают вывод об однонаправленности глаголов движения у Тютчева: *пробежать (4) - пробегать (нет), пройти (22) - проходить (4), провести (3) - проводить (нет), пронестись (1) - проноситься (нет), прибежать (1) - прибегать (нет), прийти (19) - приходить (нет), привести (2) - приводить (нет), принести (10) - приносить (нет),* но, заметим, - *приноситель* (1) связано с другой особенностью языковой личности Тютчева.

В поэзии Тютчева встретилось только два ненаправленных глагола несовершенного вида: *пролетать (3) и проезжать (1)* при отсутствии однонаправленных *пролететь* и *проехать*. В ней, как и в русском языке в целом, по частотности и семантической загруженности среди всех глаголов движения (бесприставочных и приставочных) выделяется глагол *идти (21)* и его дериваты *уйти (27), прийти (19), пройти (22), отойти (4), пойти (15)* с частотностью 89 употреблений, намного превосходящей дериваты других глаголов.

Теперь рассмотрим, в чём проявляется тютчевская специфика семантики однонаправленного глагола *идти* и его глагольных дериватов, как она связана со значением перемещения в различных пространствах. Прежде всего, отметим, что пространственное значение тесно переплетается с временным, и это непосредственно проявляется в семантике глаголов, их сочетаемости с временными существительными *век, столетие, весна*, глаголом *жить*.

*За нашим **веком** мы **идём**,*
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдём немного – ослабеем,
Убавим шагу - отстаем

(«За нашим веком мы идём…», с.75).

Здесь пространственное и временное значения не разделимы, они переливаются одно в другое, при этом на первый план выходят временные значения, а пространственные имплицируются, утрачивая конкретную семантику движения. *...Весна идёт ...весна идёт!..* («Весенние воды», с.106). *Столетья шли, ему прощалось много…* («ENCVCLICA», с.215). *Всегда он уровнем шел с веком…* («Враг отрицательности узкой…», с. 261). Временные значения преобладают и в дериватах глагола *идти, пройти, прийти*, а также в видовых парах *уйти- уходить (6), пройти- проходить (4), обозначая* ‘исчезнуть, прекратить существование’ [2, с.850]. Это относится к человеку и природным явлениям. *Не будь крохи любви в предмете, Давно б из мира вон ушел* («Из Гейне», с.74). *Так грустно тлится жизнь моя и с каждым днем уходит дымом* («Как над горячею золой…», с.104). *Как уходят клу-*

бы дыма, Так уходят наши дни! («Поминки» (Из Шиллера, с. 173) *Яркий снег сиял в долине, Снег растаял и ушел Внешний злак блестит в долине – Злак увянет и уйдет* («Яркий снег сиял в долине…», с. 135). *Брат, столько лет, сопутствовавший мне, И ты ушел, куда мы все идем…* («Брат, столько лет сопутствовавший мне…», с.257). *Как верно здравый смысл народа, Значенье слов определил*: *Недаром, видно, от «ухода» Он вывел слово «уходил»*. («Как верно здравый смысл народа…», с.220). Здесь каламбурный случай обыгрывания значений слов *уход* – присмотр за больным и *уходить* – прекратить существование, умереть. С этим же значением выступают глагольные формы прошедшего и будущего времени глагола *прийти*. *Когда ж сей мир покинуть. Пришел его черед, Он делит все наследство, - Но кубка не дает.* («Кубок», с.91). *Придет и твой черед, и поздно или рано Ты ими ж будешь побежден!* («Наполеон III», с.271).

Глаголы *идти, прийти, пройти* в различных формах могут выражать значение прибытия куда-либо с определенной целью. В таком случае способ пространственного движения абстрагируется, на первый план выступает сам факт прибытия, а способ движения остается за текстом, но он сохраняется в сознании читателя (наблюдателя). Приведем такие контексты. 1. *...Много их пришло под Трою, Мало их пойдет назад* («Поминки», с. 170). 2. *Победно шли его полки… Мосты под пушками гремели…* («Неман», с.186).

3. *...Погулять на счет пророка Все они сюда пришли.* («Современное», с.249). В первом и во втором контекстах способ движения может быть только пеший или конный. Это определяется экстралингвистическими факторами, отраженными в истории Троянской войны и войны России с Францией 1812 года. Стихотворение «Современное» вызвано торжествами, проходившими в октябре 1869 года в Турции в связи с завершением строительства Суэцкого канала [6, с.416]. На эти торжества «пришли» разным способом перемещения из своих государств в Турцию высокие гости, в их числе и Наполеон III. Перемещение в данном случае может осуществляться и по воде и по железной дороге, но важен сам факт прибытия.

Контекст может и конкретизировать способ движения, обозначенным глаголами *идти* и его дериватами. *По равнине вод лазурной Шли мы верною стезей…* (с. 156) *Лучи побледнели, Зефиры ушли* («Листья», с.111). *...Приди, мой красавец, в объятья мои!»* (Из «Шиллера», с.182). В данном контексте реализуются три способа движения: по воде, воздуху и земле.

Движение у Тютчева может осуществляться как по горизонтали, так и по вертикали. Все рассмотренные случаи с семантикой непосредственного (не метафорического) перемещения, за исключением «*зефиры ушли»* обозначают горизонтальное перемещение по земле и воде. Одно из значений глагола *идти*: ʻ*выпадать'* (об осадках) связано с вертикальным перемещением сверху вниз. *И в божьем мире то ж бывает, и в мае снег идет порой…* (с. 226). Дождь у Тютчева *брызнул*, т.е. тоже совершил движение сверху вниз. *Вот дождик брызнул, пыль летит.* Здесь тоже есть глагол, движение которого является следствием дождя.

Даже этот, далеко не полный, семантический анализ глаголов *идти - ходить* и их дериватов свидетельствует о том, что у Тютчева семантика пространственного перемещения выражена довольно слабо. Если обобщить данные словарных статей ПСТ по глаголам *идти, пойти, прийти, пройти*, то можно констатировать, что основным значением этих глаголов является темпоральное, а из пространственных – перемещение по воде. Так, из 7 отмеченных в ПСТ значений глагола *идти* 2, 3, 4, 6, 7 выражают различные временные периоды: ʻследование во времени за кем- чем-, навстречу кому-, чему-либо', ʻпродолжение, приближение, завершение существования во времени'. В глаголе *уйти* также ʻпрекращение существования' является основным значением и употребляется в 15 контекстах из 27. Причем, обратим внимание, – от первых переводов (20-е годы) до стихотворений, написанных в последний год жизни поэта. Другие значения связаны или с перемещением в воздушном пространстве: *...И вот ушел за небосклон* («С поляны коршун поднялся…», с. 130); *Один конец в леса вонзила, Другим за облака ушла…* («Как неожиданно и ярко…», с.223. О радуге) или с особенностями расположения какого-либо объекта, напоминающего такое же перемещение: *Там, где на высоте обрыва, Воздушно-светозарный храм Уходит ввысь - очам на диво, Как бы парящий к небесам…* («Андрею Николаевичу Муравьеву», с.247). Только в одном значении (ʻпокидать место своего пребывания, нахождения') движение может быть связано с физическим перемещением человека или явлений природы). *...Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.* (Из «Гете», с.180). *Небо так ушло глубоко, Звезды светят так высоко…* («Святые горы», с. 28).

Следующая по частотности пара глаголов движения *бежать (21) – бегать (1)* представлена в поэзии Тютчева такими дериватами с приставками *про-, при-, по -, - у: пробежать (4), прибежать (1), побежать (2), убегая (1)*. Значение перемещения, обозначаемого этим глаголом, в основном относится к водной и воздушной стихиям(11 из 21). Уже в одном из самых ранних произведений «Ура-

ния» (1820г.) используется бегущий образ реки Тамизы (Темзы): *Куда восторженны бегут Тамизы воды?* (с. 53). Тютчев запечатлял классический образ весны в известных со школьных лет стихотворениях: «Весенние воды», «Весенняя гроза». *Еще в полях белеет снег, А воды уже весной шумят - Бегут и будят сонный брег, Бегут, и блещут, и гласят…* («Весенние воды», с.105). *С горы бежит поток проворный…*(с.77).

Известно, что Тютчевские стихотворения принято рассматривать как единый текст, и доказательств тому немало в том числе и такие строки из различных стихотворений, объединенные общим образом бегущих водных и воздушных струй. *И с главы большого брата На меньших бежит струя…* («Альпы», с. 112). *Но струя бежит и плещет, И, на солнце, нежась, блещет, И смеется над тобой…* («Что ты клонишь над водами..?», с.123). *Ко мне навстречу ключ бежит - Он в дол спешит на новоселье…* («Какое дикое ущелье!», с.130). *Так с юных роз Авроры луч бежит С их чистою душою ароматной* (K.N.N., с.84). *…Но чувствую порой и я, Как животворно на вершине Бежит воздушная струя…* («Хоть я и свил гнездо в долине…», с. 203).

Бежать, перемещаясь по земному пространству пешим или на конях, чаще означает ʻубегать от себя в неизвестность по каким-либо причинам’. *Сии сердца, в которых правды нет, Они, о друг, бегут, как приговора, Твоей любви, младенческого взора…* («К N.N.», с.68). *Зачем бежал ты собственного крова…* («Байрон», с.94). *Куда бежать, зачем бежать?* («Из края в край…», с.132). *… И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя Передрассветный ветерок.* («Наполеон», с.161).

Лишь в одном случае *бежать* и *прибежать* – это перемещение с конкретной целью: *Король сказал, и паж бежит…* («Певец», с.89). *Я прибежал, зову…* (Из «Федры» Расина, с.100).

Единственное употребление глагола *бегать* относится к символическому образу огня в стихотворении «Дым». *…И бегают по сучьям обожженным С зловещим треском белые огни…* (с.232).

С огнем, водой, воздушной средой связано и значение перемещения в префиксальных глаголах *побежать, пробежать*. *От лиры искры побежали* («К оде Пушкина на Вольность», с.55). *… Пробираясь меж кустами, пробежит огонь живой!* («Пожары», с. 238) *…И в нижнем слое костра огонь предательский сквозит. Дым побежал* («Гус на костре», с.253). *И сладкий трепет, как струя, По жилам пробежал природы…* («Летний вечер», с.79). *Вдруг все смутилось: судорожный трепет По ветвям кипарисным пробежал…* («Итальянская villa», с.147).

Значение природных перемещений в глаголах *бежать – бегать* дополняют и деепричастные формы. *Зима еще хлопочет и на Весну ворчит… Взбесилась ведьма злая И, снегу захватя, Пустила убегая, В прекрасное дитя…* («Зима недаром злится…», с.134). *Там, где горы, убегая, В светлой тянутся дали, пресловутого Дуная Льются вечные струи* (с.126).

В глаголах *лететь (15), прилететь (1), полететь (1), пролетать (3), улететь (7), полететь (1), пролетать (3)* преобладает движение абстракций (душа, дух жизни, Мудрость, весть, тени, Фортуна). *Лететь* – это в то же время ʻочень быстро перемещаться по воздуху на крыльях, нестись по воздуху с помощью ветра’ [2, с.327]. Рассмотрим контексты с этими значениями. *О, как тогда с земного круга Душой к бессмертному летим!* («Проблеск», с.71). *…Дерзну ли взор туда поднять, Откуда весть летит благая.* (Из «Фауста», с.115). *С временщиком Фортуна в споре к убогой Мудрости летит.* (Из «Шиллера», с.194) *….и сладко жизни быстроточной над нами пролетала тень.* («Я помню время золотое…», с.137). («Еще шумел веселый день…», с.85). *К протекшему душою улетал…* (Друзьям при посылке «Песни Радости» из Шиллера, с. 65). *Стыдливости румянец невозвратный, Он улетел с младых твоих ланит.* (K.N.N., с.84). *И от вас дух жизни улетел!* («Одиночество». (Из Ламартина), с.57). В данных и других контекстах субъект или объект перемещения воспринимается лишь мысленно, он незрим и в этом отношении он противопоставляется движению видимых объектов: *пыль, листья, стая гусей, кони, горы, замки, ворон, облака, искры*. Приведем некоторые контексты с ними. *Страх обуял коней – они помчались … **летят**, багря удила пеной… **Летят** по камням, дебрям… **Бегут, летят** с истерзанной возницей* (Из «Федры» Расина, с.100). Троекратное повторение глагола *летят* в сочетаниях с другими глаголами движения градуирует движение до его высшей точки. Близка к этой ситуации из древней истории, оказывается, и бытовая картина, наблюдаемая поэтом в его родном доме. Если в переводе из «Федры» кони были напуганы страшным чудовищем, то стаи деревенских уток и гусей привело в такой же страх буйство домашнего пса - *Не пес, а бес четвероногой, Бес, обернувшийся во пса*. Поэтому: *Ручных гусей и уток стая Вдруг одичала и летит, Летит - куда, Сама не зная, и, как шальная, голосит* («В деревне», с.245). Итак, трагическую картину нелепой гибели бесстрашного воина Ипполита и комическую, вызванную и беспорядочным полетом домашних птиц, объединяет одна и та же реакция субъектов движения на опасность: перемещение, удаление от нее с наибольшей скоростью, что и возможно в *полете*, по земле или в воздухе. Между прочим, отглагольное существительное *полет* (9) употребляется у Тютчева в тех же значениях, что и

образующий его глагол. Глагол *лететь*, обозначающий перемещение по земле, всегда оценочный. Здесь, возможно, действует закон экономии, когда метафора (пусть даже стертая) предоставляет возможность употреблять слово вместо словосочетания *мчаться стремительно, с очень большой скоростью* и т.п. *Лететь* и его дериваты в значении ʻперемещаться по воздухуʼ могут быть как оценочными, так и безоценочными. В данном случае оценочность может создаваться дополнительными лексико-грамматическими средствами (как у одичалых домашних птиц) или за счет метафорического переноса полета на непредметные объекты. Сравним: *…и ко мне летят с утеса гор…Сребристые веков минувших тени…* (Из «Фауста» Гете, с.117). *Вот с поляны ворон черный Прилетел и сел на ней…* («от от моря и до моря…», с.191).

Рассмотренные нами глаголы движения очень ярко подтверждают «одну замечательную черту поэзии Тютчева <…> - обилие в ней повторений, дублетов. Почти все лучшие стихи свои Тютчев повторил с различными изменениями, в иной, так сказать, редакции, по крайней мере два раза, а весьма часто и больше». Л.В. Пумпянский считал, что «полный анализ всего этого явления возможен только в специальном филологическом исследовании» [7, с.9]. Проведение такого специального исследования определит и некоторые важные черты языковой личности поэта, и «Поэтический словарь Ф.И. Тютчева» при решении такой задачи будет незаменимым фактографическим источником.

Verbs of motion (moving) in Tyutchev's poetry are one of those lexico-semantic, grammatical, pragmatical means which characterize one of the aspects of his lyric personality and considerably confirm the standard opinion on the unity of a poetic text based on duplication and recurrence of themes.
***The key words**: verbs of motion (moving), lyric personality, unidirectional and nondirectional verbs of motion, object, subject, way of movement, semantics of verbs.*

Список литературы

1. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987.
2. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск, 2009.
3. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., «Русские словари», 2000.
4. Шелякин М.А. Видовые пары приставочных глаголов движения // Современный русский язык. Под общей редакцией Л.А. Новикова. С.-Пб., 2001.
5. Краткая русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989.
6. Николаев А.А. Примечания. // Ф.И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Л., 1987.
7. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803-1928. Л., 1928.

Об авторе

Голованевский А.Л. – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 882.

КОГНИТИВНЫЕ СВОЙСТВА ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ Ф.И. ТЮТЧЕВА[1]

Н.В. Горяинова

Автор рассматривает метафорическую модель "Юность - это начало", используя основы теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера.
***Ключевые слова**: метафора, когнитивная лингвистика, теория концептуальной интеграции.*

В современной лингвистике существует несколько приоритетных направлений рассмотрения метафоры: когнитивное, лингво-культурологическое, концептуальное и т.д. Когнитивный метод ориентирует исследование на изучение сознания носителя языка. Большинство научных работ когнитивного плана посвящены анализу языковой личности политических деятелей, описанию именно политической метафоры. Это исследования Э. Будаева [1], А. Баранова, Ю. Караулова [2], Е. Храбровой [3], А. Чудинова [4] и многие другие.

Работ, посвященных описанию метафоры поэтической, в рамках когнитивной школы немного. В этом отношении интересны исследования Т.И. Чубаевой [5], Н.С. Трифоновой [6], Е.Б. Рябых

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №11-14-32001 а/ц)

[7], И.В. Толочина [8] и ряд других.

В наши дни объектом изучения функционирования метафоры становятся поэтические тексты разных эпох: от Возрождения до современности, от Шекспира до Цветаевой и современных поэтов. В этом плане интересны работы Э. Володарской [9], Е. Рядчикова и С. Ахмадеевой [10], А. Барыкина [11] и многих других лингвистов. Исследование метафоры на стыке наук привело к появлению новых знаний, технологий, методов в самых разных областях нашей жизни. Последние теории связаны с объединением исследовательских усилий нейрофизиологии, лингвистики, физики и других наук о человеке, например, нейронная теория Лакоффа и Фельдмана [26].

Метафора – это основа поэтического текста. Отечественные ученые отмечают особую когнитивную функцию метафоры: это инструмент познания. Поэтический мир представляет собой проекцию мира реального. Отсюда следует, что метафора – незаменимый материал для отображения реальности в поэтическом тексте. Н.Д. Арутюнова отмечает: «Классическая метафора – это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в царство общего, индивидуальности в «страну» классов» [12,с. 348]. По мнению Арутюновой, внимание поэта к метафоре обусловлено тем, что «поэт отталкивается от обыденного взгляда на мир, он не мыслит в терминах широких классов» [12, с. 381]. Метафора – это самый короткий и верный путь к истине, поскольку она чужда обыденной логике и позволяет человеческому сознанию самостоятельно сделать правильный вывод. С поэтическим дискурсом метафору роднят следующие черты:

1. Слияние образа и смысла
2. Контраст с тривиальной таксономией объектов
3. Категориальный сдвиг
4. Актуализация «случайных связей»
5. Несводимость к буквальной перифразе
6. Синтетичность, диффузность значения
7. Допущение разных интерпретаций
8. Отсутствие или необязательность мотиваций
9. Апелляция к воображению, а не к знанию
10. Выбор кратчайшего пути к сущности объекта.

Таким образом, выбор поэтической метафоры в качестве объекта исследования вполне закономерен, поскольку именно эта разновидность является своего рода «абсолютом» метафоры (в отличие от метафоры языковой, которая с течением времени становится «стертой»).

Выбор языковой личности Ф.И. Тютчева тоже не случаен. Ф.И. Тютчев представляет собой великолепный пример слияния двух типов языковых личностей: поэтической и политической. На эту особенность указывали многие исследователи: М.Ю. Лотман [13], Ю. Тынянов [14], Б.М. Козырев [15] и др. И несмотря на то, что в последние годы появилось множество работ различного характера о языке поэзии Тютчева (Гуриненко Н.А.[16], Тильман Ю.Д. [17], Седовой Д.Д. [18], Скляр Е.С. [19], Маршиной М.В. [20], Атамановой Н.В. [21] и др.), поэтическая когнитивная метафора в ее системном виде остается вне поля зрения тютчеведов. Специальных исследований когнитивного аспекта поэтической метафоры Ф.И. Тютчева пока нет. Этим прежде всего объясняется научная новизна данной работы.

В качестве основного направления исследования мы выбрали идею концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [27]. Это уже не двухкомпонентная, а многопространственная модель. Данная теория является продолжением исследований Ж. Фоконье ментальных пространств [28], которые используются для моделирования механизмов языкового понимания. По мнению автора, языковые выражения – это инструкции, по которым происходит ментальное конструирование реальности. Ментальные пространства представляют собой модели дискурсивного понимания, функционирующие в процессе коммуникации. Исследователь считает, что данные пространства не должны отражать объективные сведения о действительности, напротив, в них содержится только понимание индивидом фрагментов реальности. Пространства могут быть связаны между собой различными типами отношений: аналогической и метафорической проекцией, метонимическим переносом, связью функции и значения и др. Теория концептуальной интеграции является закономерным продолжением исследований отношений между ментальными пространствами. Концептуальная интеграция определяется авторами как базовая когнитивная операция, обладающая динамизмом и гибкостью, совершающаяся быстро и неосознанно, равно как и другие высшие психические процессы. Концептуальная интеграция осуществляется в процессе динамического построения значения. Ее суть состоит в том, что структуры исходных ментальных пространств (пространство цели и пространство источника) проецируются на новое, конструируемое, ментальное пространство – бленд. Это новое концептуальное пространство не тождественно ни одному из исходных пространств и не сводимо к сумме их элементов, хотя и содержит общие сведения для всех трех пространств.

Так, например, предложение This surgeon is a butcher («Этот хирург – мясник») представляет собой бленд как результат проекции двух исходных пространств: пространства «хирурга» и пространства «мясника». Бленд наследует некоторые элементы структуры каждого из пространств: из первого заимствуются агент (хирург) и пациент, а также, возможно, обстановка (операционная), из второго – роль мясника и связанные с ней действия, их цель и результат. Выборочность отображения позволяет добиться желаемого: именно в бленде возникает признак профессиональной некомпетентности, которого нет ни в одном из исходных пространств (предполагается, что типичный хирург и типичный мясник разбираются в своем деле). Из пространства «мясника» наследуется связь между действием и результатом (расчленить тушу животного), которое оказывается несовместимым с аналогичной связью в пространстве «хирурга» (вылечить пациента). В структуре бленда имеются хирург, пациент, но хирург «исполняет роль» мясника с соответствующими действиями, целью и результатом.

Теория концептуальной интеграции является уточнением концептуальной теории Лакоффа и Джонсона [22]. Данная модель объясняет процесс формирования сложной метафоры, что особенно ценно для изучения поэтических текстов, где гиперметафора – один из основных приемов создания поэтической картины мира.

Рассмотрим модель образования метафоры «Юность – это начало существования» и примеры ее функционирования в поэтических текстах Ф.И. Тютчева. Обработке подверглись восемь случаев употребления в метафорическом значении слов «юный», «молодой». Мы позволили себе объединить две группы метафор на основании дефиниции, данной в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) [23] и «Поэтического словаря Ф.И. Тютчева» А.Л. Голованевского [24].

Юный: 1. Молодой, очень молодой [23, т.4, с. 775].

При первом утра юном свете [25, с.240] *(«Весна») Юный день*[25, с.273] *(«Байрон» (Отрывок)<Из Цедлица>)*

Юный: *перен.* Недавно возникший, начавший свое существование [23, т.4, с. 775].

Юный: 3. Ранний, только наступающий: О весне, рассвете [24, с. 919].

В данных случаях мы имеем дело с одной метафорической моделью. Здесь «юность – это заря». Метафорическая модель двукомпонентна. Источник – юность как начало существования, развития; цель – заря. Пространство бленда вмещает в себя признаки обоих компонентов: начало дня – от «зари», начало жизни – от «молодости». Любопытно отметить, что не рождение у Ф.И. Тютчева является началом существования, а юность. Метафор, соотносящихся с какими-либо этапами, попадающими в промежуток между рождением и юностью, очень мало.

Про юную пальму все снится ему [25, с.256] *(«С чужой стороны» (Из Гейне)*

Юный: 1. Очень молодой [24, с. 919].(Г 919)

Юный: 1. Молодой, очень молодой [23, т.4, с. 775].

В данном случае «юность» соотносится с порой жизни человека, но речь в стихотворении «С чужой стороны» идет о растении. Контекст стихотворения позволяет наделять пальму женственными чертами, поэтому лексема «юный» обладает высокой степенью антропоморфичности.

Юный год [25, с.262] *(«Саконтала» (Из Гете)*

Юный: 1. Очень молодой [24, с. 919]. (Г 919)

Юный: 1. Молодой, очень молодой [23, т.4, с. 775].

Лексема «юный» может иметь и другую дефиницию: «относящийся к юности». *«Что юный год дает цветам – Их девственный румянец…»*[25, с.262] *(«Саконтала» (Из Гете).* Если провести параллель: юный=молодой=недавно появившийся, начавший существовать [23, т.2, с. 292], можно легко ошибиться, поскольку начало года – это зима. Таким образом, «юные годы» - это годы юности. «Девственный румянец» как признак юности попадает в пространство бленда в другой метафорической модели «девственность – это чистота».

На девственном румянце небосклона [25, с.273] *(«Байрон» (Отрывок)<Из Цедлица>)*

Девственный: 1. Целомудренный, непорочный [24, с. 180].

Девственный: 1. *перен.* Отличающийся высокой нравственной чистотой, целомудрием; чистый, непорочный [23, т.1, с. 375].

Румянец: Розовый или алый цвет щек, цветов, неба [24, с. 655].

Румянец: 2. *перен*. Отраженный свет утренней или вечерней зари на чем-л. [23, т.3, с. 741].

Данная метафора многокомпонентна. В пространстве бленда оказываются признаки нескольких источников: девственность как чистота и непорочность; румянец как розовый цвет неба и щек – и цели: розовый или алый цвет неба во время зари. Если исключить один компонент, например, лексему «румянец», то останется «девственный небосклон», т.е. образуется значение «чистое, безоблачное небо». Если исключить лексему «девственный», то мы получаем метафору, зафиксированную уже в словаре

А.П. Евгеньевой: «Отраженный свет утренней или вечерней зари на чем-л.» [23, т.3, с. 741]. Многокомпонентная метафора, или гиперметафора, позволяет давать множество трактовок возникшему образу. Одна из них, безусловно, наполнена антропоморфным содержанием. Небосклон – девственный юноша. Любопытно, что выбрана именно лексема «небосклон», а не «небо»: мужской род вместо среднего.

Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега [25, с.187] *(«Хоть я свил гнездо в долине…»)*

Непорочный: Чуждый порока [24, с. 427].

Непорочный: 1. Девственный, невинный [23, т.2, с. 466].

Источник – снег, непорочность; цель – нетронутость, чистота. В бленде оказываются признаки снега: чистота, белизна – и качества человека: девственность и непорочность. Таким образом, мы снова сталкиваемся с многокомпонентной метафорой: «непорочные снега» - те, на которых нет следов, чистые, чья целостность не нарушена. Разрушение внести может человек, что объясняется миропониманием Ф.И. Тютчева: человек является частью природы, но, забыв об этом, разрушает ее гармоничность и непорочность.

Румянец в поэзии Ф.И. Тютчева фигурирует также как признак молодости.

Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед…
…И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней [25, с.60] *(«Весенние воды»)*

Молодой: 1. Ранний по времени, недавно появившийся (о явлениях природы) [24, с. 374].

Молодой: 3. Недавно появившийся, начавший существовать, расти [23, т.2, с. 292].

Можно установить некоторые логические связи: весна «молода», т.е. только вступает в силу, недавно появившись; в тексте содержится прямое указание на время (май); майские дни обладают неотъемлемым признаком молодости – «румянцем»; следовательно, начало весны Ф.И. Тютчев связывает именно с маем.

Система миропонимания Ф.И. Тютчева основана на том, что человек – часть природы, равно как и природа – часть человека, они взаимосвязаны. Именно поэтому так много антропоморфных представлений при описании природных явлений. Проявление метафоры «молодость – это начало» можно проследить и на других примерах:

Лист зеленеет молодой [25, с.147] *(«Первый лист»).*
Раскаты молодые[25, с.36] *(«Весенняя гроза»).*
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня…[25, с.85] *(«Как птичка с раннею зарей…»).*

Все приведенные употребления лексемы «молодой» имеют одинаковое содержательное наполнение: «Недавно появившийся, начавший существовать, расти» [23, т.2, с. 292].

Таким образом, мы приходим к выводу, что метафорическая модель «Юность – это начало существования» дает основу для строительства новых метафор, например, «Девственность – это чистота».

Идея концептуальной интеграции Ж. Фоконье позволяет давать все возможные трактовки метафорических образов. Недостаток теории заключается в том, что в ней не учитывается субъективность восприятия каждого участника диалога «автор-читатель». Исследователь выступает в этом случае как со-творец или же как со-разрушитель: «Мысль изреченная есть ложь» [25, с.61] *(«Silentium!»)*

The author describes the metaphorical model of the "Youth - is the beginning," using the basic theory of conceptual blending of G. Fauconnier and M. Turner.
***The key words**: metaphor, cognitive linguistics, the theory of conceptual blending.*

Список литературы

1. Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российской и британской прессе: Дис. … канд. филол. н. Екатеринбург, 2006.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
3. Храброва Е.С. Роль и функции метафоры в создании портрета политического деятеля в российском и американском политическом дискурсе: Дис.. … канд. филол. н. Курск, 2010.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры Екатеринбург, 2001.
5. Чубаева Т.И. Метафора в произведениях Б. К. Зайцева: Доэмигрантский период: Автореф. дис. канд. филол. н. М., 2003.

6. Трифонова Н.С. Метафора в ранней лирике Анны Ахматовой: "Вечер" "Белая стая" "Anno Domini": Автореф. дис. канд. филол. н. Екатеринбург, 2005.

7. Рябых Е.Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе: на материале русского и немецкого языков: Автореф. дис. канд. филол. н. Тамбов, 2006.

8. Толочин И.В. Системность поэтической метафоры и ее эволюция: На материале англ. амер. поэзии XX в.: Автореф. дис. докт. филол. н. СПб, 1997.

9. Володарская Э.Ф. Шекспир и его вклад в лингвистическую теорию (теория метафоры) // Язык. Культура. Общество. Материалы VI Международной научной конференции. М., 2011.

10. Рядчикова Е.Н., Ахмадеева С. А. Аппликативная метафора как особенность идиостиля Марины Цветаевой //Языковая личность: экспликация, восприятие и воздействие языка и речи. Краснодар, 1999, с.108 159.

11. Барыкин А.В. Лирика Б. Л. Пастернака 1910 1920 годов: "Онтологическая" поэтика метафоры: Дис. … канд. филол. н. Тюмень, 2000.

12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека М., 1999.

13. Лотман М.Ю. Заметки по поэтике Тютчева // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.

14. Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве// Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

15. Козырев Б.М. Письма о Тютчеве // Фёдор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Т.97. В двух книгах. Книга первая. М., 1988, с.73 83.

16. Гуриненко Н.А. Взаимодействие компонентов лексико семантических полей "Человек" и "Природа" в метафоре Ф.И. Тютчева: Дис. … канд. филол. н. М., 2005.

17. Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира: Поэзия Ф. И. Тютчева: Автореф. дис. … канд. филол. н. М., 1999.

18. Седова Д.Д. Стилевые доминанты поэзии Ф.И.Тютчева (в контексте культурно языковой ситуации первой половины XIX в.): Дис. … канд. филол. н. М., 2008.

19. Скляр Е.С. Концептосфера «эмоциональный опыт человека» в поэзии А.А. Фета и Ф.И. Тютчева: Дис. … канд. филол. н. Курск, 2011.

20. Маршина М.В. Лексическая экспликация концептуальной системы Ф. И. Тютчева: Дис. ... канд. филол. наук . СПб., 2004.

21. Атаманова Н.В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И. Тютчева: Дис. … канд. филол. н. Брянск, 2006.

22. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004.

23. Словарь русского языка: В 4 х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.

24. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск, 2009.

25. Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 х т., т.1. М., 1984.

26. The Neural Theory of Metaphor. George Lakoff // R. Gibbs. The Metaphor Handbook. Cambridge, 2008.

27. Fauconnier G., Tunner M. The Way we Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N.Y., 2002.

28. Fauconnier G. Mental spaces. Cambridge, 1985.

Об авторе

Горяинова Н.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, corrh@mail.ru,

УДК 316.42:35

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТАТУСА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В.И. Гостенина, С.А. Шилина

В статье рассматриваются социокультурные, экономические и управленческие факторы, определяющие становление статуса региона. В данной работе отражены результаты социологических исследований мнения жителей Брянской области по актуальным вопросам как регионального, так и общероссийского уровня.

Ключевые слова: *статус региона, социокультурный, экономический, управленческий факторы, дискурс*

Управленческий дискурс рассматривается нами как фактор формирования статуса региона. Такая трактовка вытекает из общего определения дискурса в теории *коммуникации* и социальной семиотике, где дискурс – это социальный процесс, в который включен текст. Дискурс функционирует как «продукт аргументированного обсуждения той или иной проблемы, имеющей в своем основании текст или, шире, любое кодифицированное, опирающееся на какой-либо языковый носитель *сообщение*» [1, с. 65].

Для устранения коммуникативных помех и барьеров необходима четкая регламентация обязанностей, полномочий, ответственности субъекта власти. При этом следует, что основные компоненты властно – коммуникативных действий должны находить адекватное отражение в содержании управленческих текстов и в их форме – устной или письменной. Управленческие тексты должны быть коммуникативно маркированными и в известной степени отражать избранный стиль руководства. Отсюда особые социально значимые постулаты должны быть репрезентированы в соответствующей форме – доступной для понимания и вызывающей желаемую адресантом реакцию.

Исследование закономерностей социальной жизни, в том числе и в условиях социального риска, обусловлено растущим вниманием к социальным процессам, стремлением познать их в динамике и многообразии.

Постоянное обращение социологии управления к общесоциологическим категориям, например, таким как «статус», подтверждает их многомерность и широту применения в социологии повседневности и в научных изысканиях социокультурных, символических ценностей культуры [2: с. 11], при анализе социально – экономических достижений общества. Статус используется в качестве характеристики как страны в целом, так и ее отдельных регионов.

Статус с позиций повседневной жизни характеризует позиционирование субъекта в обществе, его продвижение по каналам мобильности с целью достижения значительного профессионального, а значит и социального положения, обеспечивающего высокое качество жизни.

Взаимосвязь понятия «социальный статус индивида» и «социальный статус территории» очевидна. Статус индивида обусловлен статусом территории, региона, в котором он живет и работает. Понятие статуса используется для характеристики имиджа региона. Статусом определяется инвестиционная привлекательность.

Методологические подходы к определению статуса (от лат. *status* — положение, состояние) как современной социологической категории происходят из трех основных значений [3, с. 466; 4, с. 469-470]. Прочтение теоретических источников приводит к социологической интерпретации статуса в широком и узком значении. В узком значении статус определяет репутацию, достигнутые общественно признаваемые социальные достоинства в иерархической системе ценностей (власть, доход, социальный капитал). В широком смысле значение статуса раскрывает подход, при котором статус все чаще связывают с жизненным стилем, определенными образцами поведения, культурой.

П.Сорокин рассматривает статус как социальное явление и взаимосвязи субъектов как точки с соответствующими координатами в пространстве подобно какой- либо геометрической фигуре [5, с. 298]. Социальная практика выработала надежные и простые критерии нахождения и характеристики положения субъекта в пространстве, похожие на систему координат в геометрии. Для этого необходимо знать семейное положение индивида, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политической партии, экономический доход, происхождение, отношение к социальной и профессиональной мобильности.

Представленное авторами определение статуса в широком социальном значении, а также научно – теоретические подходы и эмпирические данные российских социологов, в первую очередь в рамках научного проекта «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Научные руководители проекта – член-корр. РАН, проф. Н.И. Лапин, проф. Л.А. Беляева), расширили возможности теоретической интерпретации понятия. Отойдя от однозначности толкования дефиниции, определим значение социального **статуса региона** как категории социологии, которая отражает позицию субъекта федерации в метафизическом и физическом пространстве, достигнутую в результате активной деятельности населения в социально-экономической, политической, культурологической и других сферах. Для социального статуса региона характерно наличие предписанного, то есть легитимно закрепленного законодательными актами характеристик и достижительного, т.е. статуса, формируемого в результате деятельности местного сообщества.

Формирование статуса региона охватывает социокультурное пространство или множество субъектов культуры и социальности, которые устойчиво связаны территорией, символическими ценностями в форме материальной и духовной культуры, объективированной в языке и дискурсе, институциональных связях и идентичности.

В данном понимании социокультурный статус региона базируется на методологии топологи-

ческого подхода в концепции социального пространства в синтезе субъектно-деятельностного и объектно-исторического подходов.

Источником динамики статуса региона служит заложенное в обществе двойное противоречие: наличие как способности к достижению определенного положения совокупностью индивидов данной территории, так и рассогласования интересов личности социализированного актора с территориальными характеристиками социального пространства, подтверждающими статус. В стратегическом измерении это означает создание территориальной идентичности населения путем соотнесения личности с социумом через реализацию потребности участия граждан в территориальном взаимодействии, связывающих свое настоящее и будущее с развитием данной местности. При таком подходе к анализу социум - логически мыслимая структура, своего рода среда, в которой осуществляются социальные отношения, а уже затем действуют реальные социальные, экономические, политические институты.

Регион, как и человек, обладает множеством статусов, престиж которых в обществе неодинаков: финансовые результаты ценятся выше и обладают большим социальным «весом», чем численность населения региона, принадлежность к титульному этносу в государстве не одно и то же, что принадлежность к национальному меньшинству и так далее.

Отличие одного региона от другого определяют индикаторы, которые определяют позиции региона в экономическом, политическом, социокультурном и других пространствах.

Все это диктует необходимость разработки критериев статуса региона и социальных факторов их формирования в рамках России как большого социального сообщества. В России для этого пространства характерны «территориальная многовариантность и региональная автократия, которая лишь отчасти может компенсироваться проникновением административной управленческой вертикали» [6, с.17].

В связи с этим каждый регион обладает специфическими характеристиками, территориальными особенностями. Статус региона определяется культурой и социальностью индивидов, формируется объектно – историческими и субъектно – деятельностными факторами.

Первый ряд факторов (объектно-исторический) предполагает отражение многообразия кросскультурного контекста, организационных и социальных условий, включая управленческие связи, сложившиеся в определенных территориальных пределах. С позиций представленной концепции субъект исследования - социокультурный статус региона – происходит из идеи, основным содержанием которой является согласование самостоятельности местных сообществ. Это означает формирование идентичности населения путем соотнесения личности с социумом через реализацию потребности участия граждан в территориальном взаимодействии, связывающих свое настоящее и будущее с развитием данной местности и культуры [7, с. 12].

Второй порядок факторов, влияющих на формирование статуса региона, определен субъектно-деятельностным подходом. Для его представления обратимся к анализу данных конкретного социологического исследования, проведенного на территории Брянской области коллективом аспирантов и докторантов Брянского государственного университета в рамках внутривузовского гранта № 52-И «Качество жизни населения Брянской области» (руководитель научного проекта - проф. В.И. Гостенина).

Подход к исследованию качества жизни населения Брянской области осложняется неоднозначностью проблемы. Основные демографические показатели Брянской области за период с 1990 по 2007 годы подтверждают тенденцию увеличения смертности. Однако фоновые условия отрицательной депопуляции детерминируют нивелирование бедности: в 2000 году уровень бедности составил – 43,3% (602 тыс. чел.), в 2005 – 20,1% (271,1 тыс. чел). Одновременно динамические ряды статистических показателей качества жизни населения, а также расчетные данные подтверждают увеличение среднемесячной начисленной заработной платы, минимального размера оплаты труда, среднедушевых денежных доходов (к 1990 году), как и в целом реально начисленной заработной платы на одного работника (к 1990 году). Тем не менее, более четверти населения области еще живет за чертой бедности. Остается достаточно высокой дифференциация населения по уровню доходов, структура питания далека от медицинских стандартов, серьезное негативное влияние на здоровье людей продолжает оказывать чернобыльская катастрофа.

С одной стороны, на фоне депопуляции населения происходит относительный рост качества жизни. Статистические и расчетные данные подтверждают этот вывод.

С другой - оценка самим население уровня и качества жизни расходится со статистическими данными. С целью сравнения статистических и расчетных данных проведено локальное социологическое исследование - групповой анкетный опрос «Качество жизни населения Брянской области на примере оценки представления жилищно – коммунальных услуг предприятиями различных форм собственности» (№=420). В анкетный лист вошли два блока вопросов: данные о респондентах: пол, возраст, образование, основное занятие; оценка жилищно – коммунальных услуг, предоставляемых

населению предприятиями различных форм собственности. В процессе подготовки опроса проведено квотирование респондентов, квантификация социальных характеристик исследуемых. Обработка анкет произведена с помощью перевода качественных отношений респондентов к анализируемому явлению в количественный четырехмерный шкальный эквивалент. Отношение к видам собственности оценивалось по шкале в четыре балла: оценка в четыре балла означала – очень хорошее отношение, три – хорошее, два – не очень хорошее, один – отрицательное, нуль – отсутствие возможности оценить явление.

На основе ответов респондентов на первый блок вопросов создан социальный портрет респондента – жителя Брянской области. Соотношение мужчин и женщин представлено как 1:1,4. Гендерный состав респондентов представлен женской доминантой – 245 участников опроса или 58,3%, мужчины составляют соответственно – 41,7% или 175 человек.

Образовательный состав респондентов диверсифицирован по образовательным категориям: из 175 респондентов мужчин, имеющих высшее образование, – 40 человек, или 9,5% от общего количества; из 245 женщин – 60 – с высшим образованием, или 14,2%; 10% мужчин имеют начальное профессиональное, которое чаще всего встречается среди мужской части респондентов, среди женщин самое распространенное образование – среднее профессиональное – 28,3%. Самые распространенные виды деятельности: работник бюджетной сферы – 134 человека, наемный работник внебюджетной сферы – 128 человек, самозанятых и работающих в малом и среднем бизнесе - 1,3% от общего числа респондентов, пенсионеров – 97 человек. Социальный портрет респондентов квалифицировал участника опроса как человека среднего возраста, самый распространенный уровень образования которого – среднее профессиональное, основная сфера занятости – бюджетная.

Социальные практики населения на фоне качества жизни населения Брянской области осложняется неоднозначностью проблемы. Сравнительный анализ ответов респондентов (№=420) позволяет заключить, что наибольшим доверием у участников опроса пользуются предприятия государственной формы собственности: очень хорошее и хорошее отношение к предприятиям этой формы собственности высказали – 66,4%; второе место по степени доверия занимает муниципальная собственность – 38,1%. Обоснованность наивысшей оценки респонденты связывают с приемлемостью цен: 66,7% респондентов считают их удовлетворительными в государственных жилищно – коммунальных предприятиях, 50% - в муниципальных, 27,3 % – на предприятиях смешанной формы собственности, лишь 19,4% респондентов удовлетворены ценами на услуги в частных предприятиях и фирмах.

Результаты анализа показали, что отношение к различным формам собственности коррелировано с возрастом, практическим и жизненным опытом респондентов: положительное отношение к муниципальной собственности высказывают люди с достаточным жизненным опытом в возрасте от 21 до 50 лет, в то же время негативная оценка услуг не имеет прямой зависимости от возраста.

В этих условиях особое значение приобретает управление муниципалитетов организацией социальных практик населения.

С позиций представленной концепции субъект муниципального управления – социальный статус региона - происходит из идеи, основным содержанием которой является согласование самостоятельности местных сообществ. В стратегическом измерении это означает реализацию управленческих решений внутри территориальных (городских и сельских) общностей, создание территориальной идентичности населения путем соотнесения личности с муниципальным социумом через реализацию потребности участия граждан в территориальном взаимодействии, связывающих свое настоящее и будущее с развитием данной местности.

При таком подходе к анализу муниципального управления муниципальный социум анализируется как логически мыслимая структура, своего рода среда, в которой осуществляются социальные отношения, а уже затем действуют реальные социальные, экономические, политические институты. Под феноменологическим пространством такого социума следует понимать комплекс когнитивных и других моделей, представляющих мыслительный образ объекта – муниципальный социум.

В реальной муниципальной практике формирование социума обозначено различными формами участия населения в управлении. Это формы как прямой, так и опосредованной демократии. Однако чаще всего эти формы оказываются либо не востребованными, существующими в неком виртуальном значении, либо используются формально, в малом объеме, почти всегда по инициативе сверху. Стереотипы массового сознания, согласно которым органы муниципального управления в незначительной степени влияют на положение дел, подтверждаются статистическими данными об обращениях граждан Брянской области в органы муниципального управления и исполнительной власти за последние годы. Так, в 2005, 2006 гг. в названные органы поступило более 19 тыс. письменных и устных обращений граждан. Основными корреспондентами в 2006 году были социально незащищенные

граждане: пенсионеры, инвалиды различных категорий, ветераны войн и труда, участники и инвалиды Великой Отечественной войны, реабилитированные граждане, малолетние узники фашизма, многодетные матери, безработные. Каждое четвертое письмо посвящено проблемам социальной защиты населения. Это самая многочисленная тематическая группа обращений за год. Отсутствие сформированного муниципального социума, способного решать местные проблемы, подтверждает тот факт, что в 1367 письмах граждане обращают внимание на состояние жилищно-коммунального хозяйства, водоснабжения, канализации, эксплуатацию и ремонт жилого фонда.

Кроме того, реформирование экономики и формирующиеся рыночные отношения в российском обществе все больше ставят развитие региона в зависимость от местных условий, одновременно детерминируя внутренний рост территориальной дифференциации.

Для формирования статуса региона немаловажное значение приобретает вопрос управленческого дискурса как технологии взаимодействия власти и общества [8,9].

Сложнейшие когнитивные репрезентации и процессы приводят к формированию или воспроизводству предубеждений и стереотипов, поэтому изучение медиа-влияния в терминах «управления сознанием» должно протекать в рамках более широкого социокогнитивного подхода, который связывает сложные структуры территориального медийного ландшафта с использованием медиа и, в конечном итоге, с множеством способов влияния на сознание людей, которое оно оказывает.

Итак, социальный статус региона или территории по определению и социальным характеристикам схож со статусом индивида, однако имеет особенности и отражает позицию субъекта федерации в территориальном и социальном пространстве, достигнутую в результате активной деятельности людей в социально – экономической, политической, культурологической и других сферах. Социокультурный статус региона базируется на методологии методологии топологического подхода в концепции социального пространства в синтезе субъектно-деятельностного и объектно-исторического подходов, согласно которому субъект и его подсистемы интегрируют связь трех компонентов: индивидов, культуры и социальности, которые устойчиво связаны территорией, символическими ценностями в форме материальной и духовной культуры [12, с. 288]. Статус одного региона отличается социально - экономическими, политическими, социокультурными и другими характеристиками. Многомерность социального статуса региона диктует необходимость разработки критериев статуса и исследование социальных факторов его формирования в рамках России как большого социального сообщества.

The article is devoted to sociocultural, economical, management factors determinated region's status forming. In this article the results of sociological researches of Bryansk residents' opinion on the actual questions as regional such as national level are presented.
The key words: *region's status, sociocultural, economical, management factors, discourse.*

Список литературы

1.Шарков Ф.И. Современные маркетинговые коммуникации. Словарь – справочник. М.: Альфа-Пресс, 2006. 352 с.

2. Бурдье П.Социология политики. М, 1993.

3.Кравченко С.А.Социологический энциклопедический англо-русский словарь. М., 2002.

4.Аберкромбери Н. и др. Социологический словарь. М., 2004.

5.Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность. // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат,1992.

6. Лапин Турбулентно-застойные сферы региональных сообществ и проблема институтов их саморазвития // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск: универсум, 2009. 296 с. С. 40-53.

7.Гостенина В.И.Культура: научно – теоретические подходы к определению дефиниции в социологии. //Социологический альманах «Социологическая культура в современной России». Вып.3. 2011. – 368с.

8.Шилина С.А. Управление субъекта власти как социолингвистический код коммуникации: Монография. Орел: Издательство ОРАГС, 2009. 304 с.

9.Шилина С.А. Управленческий дискурс: социологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. № 3. 2011. Орел: РАНХиГС при Президенте РФ.

10. Опрос проводился в ноябре 2008 г. среди государственных служащих, занимающих в основном (65%) руководящие должности различных сфер деятельности государства, ряда регионов Российской Федерации. В опросе принятии участие 137 экспертов. Данные приводятся по: Романова О.В. Проблемы социального рынка в современном социологическом знании // Социология власти. 2009, №2. С.109-110.

11. Фетисова Ю.В.Индикаторы развития самоопределения личности.// Социология власти. –

2008, №3. С.227-234. По результатам опросов Института социологии РАН, Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Центра изучения институтов гражданского общества (ЦИИГО), Центра политических исследований (ЦПИ) в период с 1995 – 2007гг. Общее количество опрошенных – 1200 чел. Статистическая погрешность не превышает 1,5-2%.

12. Гостенина В.И. и др. Социальная среда формирования социокультурного статуса региона // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов. VII Всероссийская научно – практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 12-15октября 2011г.- Казань: Издательство Казанского национального исследовательского технологического университета.- 2011. С.288-291.

Об авторах

Гостенина В. И. – доктор социологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Шилина С.А. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 81'373

О СИСТЕМНОМ ХАРАКТЕРЕ «ЦВЕТОВОЙ» ЛЕКСИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.А. Карамова

В статье предпринимается попытка обоснования системности «цветовой» общественно-политической лексики. Прослеживается характер семантической мотивации «цветовой» политической лексики, где выявляются наиболее регулярные модели метонимического и метафорического переноса. Анализируются системные взаимосвязи «цветовой» политической лексики (гиперо-гипонимические, парадигматические, словообразовательные). Обосновывается специфика «цветовой» лексики в системе общественно-политического словаря.

Ключевые слова: *политический дискурс; общественно-политическая лексика, «цветовая» общественно-политическая лексика; метонимия; метафора, лексическое значение, системные связи.*

«Цветовая» лексика, вовлечённая в сферу функционирования политического дискурса, является составляющей общественно-политической лексики (ОПЛ) как «особой лексико-семантической подсистемы языка, к которой относится наиболее употребительная часть общественно-политической терминологии (в том виде, в каком она функционирует вне узко профессиональной сферы общения), названия различных государственных, партийных и других общественных организаций и учреждений, социальных институтов, наименования социальных реалий и явлений жизни разных стран, также так называемые идиомы языка массовой коммуникации» [1, с. 16].

«Цветовая» ОПЛ, с одной стороны, обнаруживает генетическую связь с общей лексической системой (мотивирована собственно колоризмами), с другой, - употребляясь в качестве номинации объектов общественно-политической сферы, вовлекается в системные связи ОПЛ.

Более того, есть основания утверждать мысль об особом месте «цветовой» лексики в составе ОПЛ. Её единицы объединяет общее происхождение. (Поэтому название «цветовая» условно, оно лишь высвечивает семантическую мотивацию). Она сама обнаруживает некоторую системную организацию.

Проследим, в первую очередь, семантические связи «цветовой» политической лексики с собственно колоризмами: метонимические и метафорические.

Политические «цветовые» метонимии

Рассмотрим «цветовые» метонимии в рамках тех тематических групп, где они наиболее регулярны:

1) название партий, течений, направлений (по цвету атрибутов символики);
2) название военных событий, революций (по цвету атрибутов символики);
3) название рас, национальностей (по цвету кожи).

1. Название партий, течений (по цвету атрибутов символики)

В этой группе активны следующие метонимические модели.

Цвет знамени → партия: *белые, красные.*

Существительное *красный* представляет собой обобщенное название (от красного знамени – международного символа пролетариата, революции со времен Парижской Коммуны в 1771 году) и обозначает «относящийся к революционной деятельности, революционный, связанный с советским строем, с Красной армией» [2, 2, с. 122]. В постсоветское время наблюдаются сдвиги в значении. В новейших словарях фиксируются слова-омонимы *красные* «коммунисты; приверженцы коммунисти-

ческой идеи» и *красный* «коммунистический»; отмечена также их актуализация [3, с. 511].

Слово *белый* обозначает противника советской власти, контрреволюционера; белогвардейца. Принято считать, что это существительное – обобщенное название членов Белой гвардии от цвета знамени сторонников короля во время Великой французской революции.

Цвет униформы → партия: *коричневый.*

Актуализировавшиеся в конце XX века наименования *коричневый, коричневые* - это обобщённое название «общественных и политических сил, близких фашизму; представителей этих сил» [4, с. 502]. Эти слова – результат метонимического переноса по цвету униформы немецких фашистов.

Производный от *коричневый* неологизм конца XX века *красно-коричневый* даёт неодобрительную характеристику «организациям и движениям национал-коммунистической направленности; представителям этих организаций и движений» [5, с. 510]. Это наименование подразумевает объединение коммунистических и крайне правых (фашистских, нацистских и т. п.) сил и идеологий (например, партии «Русское национальное единство», «Национал-большевистская партия», «Другая Россия»).

Красно-коричневых именуют также *чёрно-коричневыми* [6, с. 10], *красно-чёрными* (Лимонка. 1998. №9). Часть этих сложных прилагательных *чёрный* можно рассматривать как пример аллюзии, отсылающий к конкретному историческому факту - обозначению членов крайне правых организаций в России в 1905 – 1907 гг., черносотенцев (партия «Союз русского народа»). Слово образовано от сочетания *черная сотня* – отряды, одетые в черное (кстати, современных национал-большевиков называют *чернорубашечниками,* по цвету их униформы). Само слово *черносотенцы*, ушедшее в пассив ещё в начале XX века, после установления Советской власти, в конце XXI века вновь актуализируется. Это связано с возрождением черносотенного движения в современной России (например, попытка воссоздания в 2005 году «Союза русского народа»). Сегодня черносотенцами неодобрительно называют «представителей антисемитских организаций, участников антисемитских выступлений» [7, с. 1069].

Цвет эмблемы → партия: *зелёные.*

Слово *зелёный* вводится в политический обиход в 1980 г. в Германии. В российском политическом дискурсе начинает употребляться в конце XX века [8, с. 253] в связи с появлением на политической арене партий, объединяющих «защитников окружающей среды, выступающих за сохранение экологического равновесия на Земле» [9, с. 379]. Таким образом, название *зелёные* – результат метонимического переноса, произведённого на основе цвета эмблемы, отражающей главный принцип, провозглашаемый партиями (например, «Союз зелёных России», «Зелёная Россия»).

2. Название военных событий, революций (по цвету атрибутов символики).

Реалии современной политической действительности (конца XX – начала XXI вв.) породили довольно многочисленную лексико-грамматическую группу с родовым обозначением *цветная революция.* Оно не зафиксировано пока даже в новейших словарях, но его можно считать синонимом фразеологизма *бархатная революция*: «Совершённая путём выборов, в законном порядке, ненасильственно (о смене власти, режима и т.п.)» [10, с. 111] Метафорическое обозначение *бархатный* чаще стало заменяться метонимическим *цветной* (прямое значение - «окрашенный, имеющий какой-нибудь цвет или цвета») [11, с. 872]. Такая замена, видимо, вызвана наличием ярко выраженной символики подобных революций.

Наиболее многочисленная группа метонимических обозначений цветных революций представлена следующей моделью: растения, цветы → революция. Атрибутами цветных революций в большинстве случаев избираются растения, цветы (роза – в Грузии, кедр - в Ливане, жасмин – в Тунисе, василёк – в Белоруссии, тюльпан, лимон, дыня – в Киргизии и т.п.). Отсюда – названия типа *революция роз, революция кедров, жасминовая революция, васильковая революция, тюльпановая революция, дынная революция, лимонная революция* и т.п. Любое из растений соотносится с определённым цветом: роза – с розовым, красным; тюльпан – с красным, жёлтым; жасмин – с белым; василёк – с синим; дыня – с жёлтым; апельсин – с оранжевым и т.п. То есть в значениях этих номинаций есть эксплицитные (у слов типа *апельсин, василёк* и т.п.) и имлицитные (потенциальные, ассоциативные) (у слов типа *роза, тюльпан* и т.п.) «цветовые» компоненты. Эти признаки ложатся в основу обобщённого наименования *цветная революция.* Их наличие в структуре лексического значения анализируемых слов позволяет рассматривать последние в ряду «цветовой» лексики. Имплицитный компонент может эксплицироваться посредством слова-конкретизатора: *революция жёлтых тюльпанов* (вторая революция в Киргизии), а также синонимов: *тюльпановая - лимонная, дынная*.

Реже номинация революций производится по модели типа цвет аксессуаров, ленточек, шарфиков, растений→ революция. В этом случае бархатные революции имеют явное «цветовое» обозначение: *оранжевая революция, пурпурная революция.*

Рассмотрим, например, фразеологизм *оранжевая революция*. Символом бархатной революции,

произошедшей на Украине в 2004 году, стал оранжевый, жёлтый цвет, представленный в виде ленточек, шарфиков, аксессуаров, а также апельсинов, которые сторонники В. Ющенко дарили друг другу и противникам. Политическое значение прилагательного *оранжевый* проявляется также в сочетаниях типа *оранжевая буффонада, оранжевая коалиция, что-то оранжевое* (Комсомольская правда. 2008. 4 марта), *оранжевый призрак* (Советская Россия. 2007. 27 ноября), *оранжевая принцесса* (Вести. ОРТ. 2011. Декабрь). Функционирование слова *оранжевый* в политическом контексте позволяет констатировать, что оно расширило своё значение, стало не просто обозначением конкретно взятой революции, но и обобщённым названием оппозиции действующей власти, и не только на Украине.

Таким образом, употребление слова *цветной* в сочетании с существительным *революция* стало родовым метонимическим (связанным с символикой) наименованием бархатных революций и позволило включить в разряд цветовых номинаций, помимо обозначений типа *оранжевая революция, пурпурная революция,* сочетания типа *революция роз, васильковая революция, жасминная революция* и т.п.

Название рас, национальностей (по цвету кожи).

Здесь наиболее активна метонимическая модель цвет кожи → раса: *белый, цветной, чёрный, жёлтый.*

В дискурсе мировой национальной политики слово *белый* («со светлой кожей (как признак расы)» [12, с. 43] антонимично наименованию *цветной* («принадлежащий не к белой расе») [13, с. 872]. Слово *цветной* в таком значении является родовым для обозначений типа *чёрный* «с тёмной кожей; чернокожий», *чёрная раса* [14, с. 884]; *жёлтый* «с жёлтой кожей», *жёлтая раса* [15, с. 193]; *краснокожий* «с тёмно-жёлтой, красноватой окраской кожи» [16, с. 303].

В российском современном политическом дискурсе функционируют наименования, созданные по метонимическая модели цвет кожи → национальность. Здесь термин *чёрный* объединяет такие видовые наименования, как *армянин, азербайджанец, грузин, таджик, узбек* и т.п., то есть обозначает представителя Средней Азии и Северного Кавказа (по характерной темноватой, смуглой окраске кожи). В этом случае наблюдается противопоставление номинаций *белый, чёрный* не только по цветовому, но и по эмоционально-оценочному признаку. Слово *чёрный* при этом имеет негативную окрашенность, употребляется враждебно настроенными националистами (например, принято в идеологии русских скинхедов): «Бороться с «черными» можно только силой. Собрать их всех в двадцать четыре часа в вагоны и отправить в Грузию, Армению, Азербайджан, за исключением тех, кто приносит пользу России» (Новороссийский рабочий. 2000. Ноябрь). Антонимичное положительное окрашенное в подобной идеологии слово *белый* означает представителя белой, в том числе русской, расы. Отсюда – такое словоупотребление, как: *сплочение белых наций, белый порядок, справедливый белый порядок, всё лучшее для белых, белая расовая идея, белые герои, белые воины, воины белой расы* (примеры из газет).

Политические «цветовые» метафоры

Источником политической метафоры являются, например, цветовые обозначения *белый, чёрный.* Они антонимичны как в своём прямом значении: *белый* «цвета снега, мела; светлый» - *чёрный* «цвета сажи, угля; тёмный»; так и в переносном: *белый* «положительный, хороший» - *чёрный* «отрицательный, плохой» [17, с. 48-49].

Для политического дискурса, в частности, интересно употребление этих прилагательных во фразеологических сочетаниях со словом *пиар*. Здесь реализуется переносное (метафорическое) значение слов *белый, чёрный*; в данном случае они противопоставляются по признаку «хороший, положительный» (*белый)* - «плохой, отрицательный» *(чёрный). Белый пиар* – «формирование положительного общественного мнения», *чёрный пиар* «формирование отрицательного общественного мнения» [18, с. 118-119].

Кроме того, известны следующие метафорические употребления слов *белый, чёрный* в политическом контексте: *белая торговля* в значении «официальная, легальная», *чёрный рынок* «неофициальный, нелегальный».

Таким образом, мы проследили семантическую мотивацию «цветовой» политической лексики, выявили наиболее активный способ переноса - метонимический. Приспосабливаясь к обозначению объектов из сферы политики, такие слова приобретают ингерентное политическое значение, включаются в систему общественно-политической лексики. Более того, «цветовая» политическая лексика занимает особое место в этой системе, сама образуя некоторую структуру, где наблюдаются следующие взаимосвязи.

Гиперо-гипонимические (родо-видовые) отношения.

«Цветовая» лексика образует лексико-семантические группы: *цветной (человек) - чёрный, жёлтый, краснокожий; цветная (революция) – оранжевая, пурпурная.* При этом может наблюдаться «распространение» «цветового» компонента гиперонима на изначально «нецветовые» обозначения: *цветная (революция) - васильковая, тюльпановая, жасминная; чёрный - грузин, армянин, чечен.*

«Цветовое» политическое обозначение может вовлекаться в лексико-семантическую группу «нецветовой» семантики. Например, в дискурсе становления советской власти слово *белый* объединялось, наряду с обозначениями типа *контрреволюционер, капиталист, буржуй* и т.п. в гиперо-гипонимическую парадигму с гиперонимом *чужой* с общеоценочным значением «плохой, отрицательный»; слово *красный,* наряду с номинациями типа *революционер, пролетариат, коммунист, советский* и т.п. – в гиперо-гипонимическую парадигму с гиперонимом *свой (наш)* с общим значением «хороший, положительный».

Синонимические, антонимические отношения.

Наиболее показательны в этом плане обозначения *белый, чёрный.*

Белый:

- в значении «положительный, хороший» *(белый пиар)* обнаруживает синонимические связи со словами *положительный, чистый;* антонимические – со словами *отрицательный, грязный, чёрный;*

- в значении «белый, со светлой кожей» вступает в синонимические связи с обозначениями типа *светлый, белокожий, белолицый, белая раса;* в антонимические – с номинацией *цветной,* её гипонимами: *чёрный, чёрная раса, жёлтый,жёлтая раса, краснокожий, тёмный;* с обозначением-гиперонимом *чёрный* и видовыми наименованиями *грузин, чечен, азербайджанец* и т.п.;

- в значении «член белой гвардии» является синонимом слов *белогвардеец, беляк,* антонимом (по идеологическому компоненту) слов *красный, красногвардеец;*

- в значении «официальный, легальный» *(белый оборот, белая торговля, белая зарплата)* выступает синонимом прилагательных *официальный, легальный, законный;* антонимом прилагательных *серый (импорт), неофициальный, нелегальный, незаконный;*

- в значении «качественный» *(белая сборка* – фразеологизм со значением «вычислительная, бытовая и т.п. техника, собранная в странах Европы и США и отличающаяся высоким качеством» [19, с. 118]) образует синонимические связи со словами *качественный, европейский;* антонимические – со словами *некачественный, жёлтый (жёлтая сборка* – «вычислительная, бытовая техника, собранная в странах Азии» [20, с. 344]).

Чёрный:

- в значении «отрицательный, плохой» *(чёрный пиар)* является синонимичным словам *отрицательный, грязный;* антонимичным - *положительный, чистый, белый;*

- в значении «с тёмной кожей» выступает синонимом словам: *тёмный, чернокожий, чёрная раса;* антонимом – *белый, светлый, белокожий, белолицый, белая раса;*

- в значении «незаконный, нелегальный» *(чёрный рынок, чёрный нал)* является синонимом словам *незаконный, нелегальный, неофициальный;* антонимом – словам *законный, легальный, официальный;*

- в значении «националистически настроенный» вступает в синонимические связи со словами *националист, чернорубашечник;* в антонимические – со словом *интернационалист.*

Таким образом, развивая политически связанные значения, «цветовые» слова могут сохранять «общеязыковые» связи: *белый (пиар), положительный (пиар) – чёрный (пиар), отрицательный (пиар); белые, светлые – чёрные, тёмные;* но вместе с тем, могут вступать в новые парадигматические отношения: *белый, белогвардеец, беляк – красный, красногвардеец; белые, белокожие – цветные, красные, жёлтые; белый, законный, легальный (оборот) – серый (оборот)* и т.п.

Словообразовательные отношения

«Цветовая» общественно-политическая лексика активно развивает словообразовательные связи: *чёрный - черносотенец, чернорубашечник; красный, коричневый, чёрный - красно-коричневый, чёрно-коричневый; жёлтый – желтоватый, желтизна, желтопрессник.*

Таким образом, результаты анализа «цветовой» ОПЛ подтверждают факт её структурированности в составе ОПЛ как особой лексико-семантической подсистемы языка. «Цветовая» ОПЛ занимает в данной системе особое место. Она, обнаруживая тематическое разнообразие, выделяется в отдельную группу на основании своего происхождения (семантической производности). Удачно номинируя объекты политической сферы, благодаря богатому семантическому потенциалу, свойственному собственно колоризмам, она легко вписывается в эту систему, развивая структурные связи, приобретая устойчивую активность в употреблении.

The article dwells on the systemic character of “colour” socio-political vocabulary. The semantic motivation of the “colour” political vocabulary is revealed, metaphoric and metonymic transference recurrent models are highlighted. The systemic interrelations of the “colour” political vocabulary are analyzed (hyper-hyponimic, paradigmatic and word-formative). The specificity of “colour” lexicon in the socio-political vocabulary is defined.

The key-words: *political discourse, socio-political vocabulary, “colour” socio-political vocabulary, metonymy, metaphor, lexical meaning, systemic interrelations.*

Список литературы

1. Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989. 151 с.
2. Словарь русского языка. В 4-х. Т. 2 [Текст] / под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Русский язык, 1982
3. Толковый словарь начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. М.: ЭКСМО, 2007. 1136 с.
4. Там же. С. 502
5. Там же. С. 510
6. Нуйкин А. Испытание Чечнёй. М.: Nota Bene, 1996
7. Толковый словарь начала XXI века. Актуальная лексика. С. 1069
8. Толковый словарь конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
9. Толковый словарь начала XXI века. Актуальная лексика. С. 379
10. Там же. С. 111
11. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии, 2003. 944
12. Там же. С. 43
13. Там же. С. 872
14. Там же. С. 884
15. Там же. С. 193
16. Там же. С. 303
17. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995
18. Толковый словарь начала XXI века. Актуальная лексика. С. 118-119
19. Там же. С. 118
20. Там же. С. 344

Об авторе

Карамова А. А.- кандидат филологических наук, доцент Бирской государственной социально-педагогической академии, Kar_AA@mail.ru

УДК 415.2:43-07

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ КОМПОНЕНТОВ МИКРОПОЛЯ ПАССИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

И.В. Корытко

В статье рассматривается функционирование языковых единиц, конституирующих периферию микрополя пассивности. Анализ языковых единиц позволяет сделать некоторые выводы о чертах сходства и различия в сфере реализации субъектно-предикатно-объектных отношений в русском и английском языках.
Ключевые слова: залог, пассив, периферия, пассивные конструкции, Чехов

В предлагаемой статье мы исходим из концепции функциональной грамматики, базирующейся на понятии поля. Рассматривая функционально-семантическое поле (далее ФСП) залоговости, обратим внимание на микрополе третьей ступени – *пассивность*, входящее в состав поля активности / пассивности. Качественная специфика содержания поля активности / пассивности заключается в содержательном и формальном противопоставлении членов залоговой оппозиции [2, с. 135]. Суть активности заключается в представлении действия как исходящего от субъекта (центробежная ориентация), пассивность, напротив, заключается в представлении действия как направленного на объект (центростремительная ориентация), выступающего в позиции подлежащего или иного носителя предикативного признака [2, с. 139]. В основе микрополя пассивности лежит пассивное значение, которое в центре представлено конструкциями грамматического пассива, обладающими четкостью формальных и содержательных признаков. Периферия микрополя пассивности, которая и является предметом нашего подробного рассмотрения, характеризуется разнообразием языковых средств, участвующих в выражении данного значения. Так, по мысли В.В. Виноградова, термин «залог» обозначает

целый клубок разнородных лексико-грамматических явлений [3, с. 476]. На периферии микрополя противопоставленность семантики и формы языковых средств нечеткая и неполная. Всё это послужило поводом для отдельного рассмотрения периферии микрополя пассивности, требующего дополнительных определений, которые учитывали бы более широкий круг фактов [2, с. 129]. Определим состав периферии микрополя пассивности.

Анализ материала показывает, что в качестве периферийных конституентов микрополя пассивности выступают: 1) конструкции с полными пассивными причастиями; 2) безличные пассивные конструкции с кратким страдательным причастием; 3) безличные пассивные конструкции с возвратным глаголом; 4) пассивные неопределенно-личные конструкции; 5) вводные конструкции из устойчивых безлично-страдательных выражений; 6) глагольно-именные конструкции; 7) конструкции с фразеологическими единицами; 8) конструкции с эллипсисом (с подразумеваемой пассивной формой); 9) актуальное членение предложения; 10) одушевленность/неодушевленность существительного в роли подлежащего.

Понятие ФСП открывает возможность сопоставительного исследования, так как представляет собой определённую базу для сравнения [1, с. 12], в связи с чем к исследованию привлечены данные английского языка, полученные в ходе работы с текстами произведений А. П. Чехова на языке оригинала и языке перевода (английский). Ввиду неуниверсальности языковой семантической интерпретации понятийной основы залоговости (*субъект – понятие действия – объект*) в названных языках, будем обращать внимание на черты сходства и различия. Рассмотрим названные средства, как они обнаруживают себя в анализированных текстах.

• Конструкции с полными пассивными причастиями.

В таких конструкциях представлен ярко выраженный морфологический признак пассива – пассивная форма причастия. В структуре таких конструкций носителем глагольного признака выступает не подлежащее предложения, а определяемое слово причастного оборота – существительное в косвенном падеже. На семантическом уровне носителю глагольного признака соответствует логический объект. Глагольный признак представляет действие с центростремительной направленностью. В содержательной структуре предложения присутствует субъект, соответствующий косвенному дополнению. Очевидно, что субъект в (1) воспринимается как одушевленное лицо благодаря метафорическому переносу значения олицетворения, что в свою очередь говорит в пользу пассивности конструкции. Примечателен параллелизм с конструкциями, содержащими краткие пассивные причастия:

(1) *Я видел перед собой* <u>*красоту*</u>*,* ***брошенную*** *немилосердною судьбою в грязь* [6, т. 3, с. 359]. – *Я видел перед собой красоту, которая была брошена немилосердной судьбою в грязь*. (2) *В этой* <u>*повести*</u>*,* ***написанной*** *женщиною, изображалась тягость нелегального положения светской дамы* <…> [6, т. 5, с. 131]. – *В этой повести, которая была написана женщиною…*

В английском варианте перевода, как правило, используется атрибутивное придаточное предложение с пассивной формой глагола или, реже, оборот с пассивным причастием:

(1a) *Before me I saw* ***beauty*** *that* ***had been cast*** *by merciless fate into the mire* [7, p. 132]. (2a) *This* ***novel, written*** *by a woman, dealt with the painfulness of the irregular position of a society lady* <…> [8].

Основываясь на формальной классификации Е. М. Галкиной-Федорук в [6, с. 258], среди безличных конструкций рассмотрим те из них, которые тяготеют к сфере выражения пассивности.

• Безличные пассивные конструкции со страдательными причастиями на *-но* и *-то*:

1) конструкции со страдательными причастиями от переходных глаголов (без связки или со связкой). В (3) нет носителя глагольного признака. Однако, применяя понятие типизированной направленности глагольного признака, можно утверждать, что его содержательная структура представлена действием с центростремительной направленностью. Возможен синтаксический признак пассива – косвенное дополнение со значением логического субъекта. При невыраженном логическом объекте английский прибегает к условно безличной пассивной конструкции с формальным подлежащим *it*:

(3) ***Сказано****, велик день! — говорил он* [6, т. 6, с. 164]. – <u>*Стариками*</u> *сказано, велик день!* (3a) ***It is said****, 'Great is the day'* [8].

2) конструкции со страдательными причастиями от непереходных глаголов.

В (4) нет ни подлежащего, ни иного носителя глагольного признака. Однако присутствует форма пассива – страдательное причастие, выражающее действие с центростремительной направленностью. Также возможно ввести косвенное дополнение со значением логического субъекта. Пассивное значение совмещается с результативным, что присуще русским причастным формам от глаголов СВ. В английском варианте (4a) использована активная конструкция с именным сказуемым, подчеркивающая состояние предмета:

(4) *Посидели в литографии, где* ***было накурено*** <…> [6, т. 10, с. 216]. – *…где было накурено*

гостями… . (4a) *They sat in the printing room, which* ***was full of tobacco smoke*** *<…>* [8].

3) конструкции со страдательными причастиями с дополнением в различных падежах.

а) В родительном падеже при отрицании. В таких конструкциях носителем глагольного признака с центростремительной направленностью выступает дополнение в род. пад. Это становится очевидным, если принять во внимание сдвиг синтаксических связей, вызванный отрицанием. В таком случае можно образовать параллельную пассивную конструкцию. Налицо соотносительность им. пад. подлежащего и род. пад. дополнения. В английском варианте логическому объекту соответствует позиция подлежащего:

(5) *Особых примет, могущих послужить какими-либо указаниями,* ***найдено не было*** [6, т. 2, с. 203]. – *Были найдены особые приметы.* (5a) ***No*** *special* ***traces*** *that might have served as evidence* ***could be found*** [8].

б) В дательном падеже. Косвенное дополнение, как объект действия, выступает носителем глагольного признака с центростремительной направленностью. Соотносительной является неопределенно-личная конструкция. Функциональное сближение дополнения с подлежащим становится более заметным на примере английского перевода, в котором логический объект соответствует позиции подлежащего на поверхностном уровне стандартной пассивной конструкции (далее ПК):

(6) *В последний раз Лиде* ***было задано повторить*** *до Авраама* [6, т. 8, с. 50]. – *В последний раз Лиде задали повторить до Авраама.* (6a) *The time before* ***Lida had been set*** *the story up to Abraham* ***to learn by heart*** [8].

в) В творительном падеже. Косвенное дополнение здесь соответствует субъекту действия. Страдательная форма причастия определяет центростремительную направленность действия. Выраженность субъекта делает конструкцию соотносительной с активной личной конструкцией. В английском варианте субъект действия обозначен с помощью эмфатической конструкции и предшествует, согласно норме языка, действию и объекту:

(7) *Замуж идти нужно, дочка. Так уж не нами* ***положено*** [6, т. 10, с. 165]. – *Не мы положили так.* (7a) *One has to be married, daughter.* ***It was not us who ordained*** *it* [8].

г) В предложном падеже. Дополнение, как объект действия, выступает носителем глагольного признака с центростремительной направленностью. Показательны параллелизм с пассивной конструкцией и соотносительность с неопределенно-личной конструкцией. Существенным признаком пассива является возможность распространения предложения косвенным дополнением. На английский язык конструкция, как правило, переводится двучленными ПК:

(8) *Я молчал и не противоречил ему, потому что знал, что <…> о дуэли* ***будет забыто*** *завтра же* [6, т. 3, с. 343]. – *… дуэль будет забыта завтра же. О дуэли забудут завтра же. О дуэли всеми будет забыто завтра же.* (8a) *I said nothing and I didn't contradict him because I knew that <…> the* ***duel would be completely forgotten*** *by the morning* [7, p. 114].

• Безличные пассивные конструкции с возвратными глаголами.

Возвратные глаголы морфологически нехарактеризованы с точки зрения активности / пассивности, но пассивность конструкции в (9) подтверждается синтаксическим признаком пассива – возможностью распространения косвенным дополнением и противопоставленностью активной конструкции. В английском варианте автор перевода использует условно безличную пассивную конструкции с формальным подлежащим *it*:

(9) *Давали деньги взаймы без векселя, и* ***считалось позором*** *не протянуть руку помощи нуждающемуся товарищу* [6, т. 8, с. 89]. – *и всеми считалось позором… И все считали позором…* (9a) *<…> they used to lend money without an IOU, and* ***it was thought a disgrace*** *not to give a helping hand to a comrade in need* [8].

• Пассивные неопределенно-личные конструкции.

Данные конструкции лишь изредка встречаются в текстах произведений А.П. Чехова. В таких конструкциях носитель глагольного признака, действия с центростремительной направленностью, обозначает неопределенное множество лиц и соответствует логическому объекту. Такой объект в английском варианте перевода обозначен эксплицитно, что обусловлено строем языка:

(10) *А я хочу именно в большие, сырые дома, где страдают,* ***ожесточены*** *трудом и нуждой <…>* [6, т. 6, с. 79]. (10a) *I want to be in those big damp houses where* ***people*** *suffer,* ***embittered*** *by work and need <…>* [8].

• Вводные конструкции из устойчивых безлично-страдательных выражений. Примечателен пассив в английском переводе:

(11) *В поте лица будешь есть хлеб свой,* ***как говорится*** [6, т. 8, с. 56]. (11a) 'In the sweat of thy brow shalt eat bread,' as **it is written** [8].

• глагольно-именные конструкции.

Р. Леч определяет их как имплицитно-пассивные конструкции, не содержащие страдательных глагольных форм. Это конструкции с устойчивыми сочетаниями типа *найти/находить применение, пользоваться признанием, быть/находиться под контролем (на лечении) на ремонте, требовать уточнения, нуждаться в дополнении, поддаваться объяснению, допускать интерпретацию* [5, с. 181]. Пассивность в них представлена таким положением семантического субъекта, который в позиции подлежащего одновременно является и объектом направленного на него действия извне. Косвенное дополнение, обозначающее субъект действия, возможно реконструировать из контекста:

(12) *Присяжные совещались недолго. Урбенин был признан виновным безусловно и ни на один пункт* ***не получил снисхождения*** [6, т. 3, с. 405]. *…и ни на один пункт не получил снисхождения от* ***присяжных***.

Имплицитная пассивная сема выявляется при сравнении с антонимичной ей конструкцией: *проявить снисхождение* (пассивная сема отсутствует), *получить снисхождение* (пассивная сема присутствует). Очевидно, что глагол *получать* означает, что действие совершается в отношении лица, обозначенного подлежащим. В английском варианте использована стандартная ПК:

(12a) *The jury did not take long to reach a verdict. Urbenin was found guilty unconditionally and* ***was not recommended for leniency*** *on a single count* [7, p. 182].

• Предикативные или атрибутивные конструкции с фразеологическими единицами.

Подлежащее в таких конструкциях соответствует семантическому объекту, испытывающему сознательное или несознательное воздействие. На пассивность указывает исходно-объектная ориентация действия. Пассивная сема эксплицируется при помощи пассивной формы глагола, участвующей в толковании ФЕ. В английском варианте используются конструкции с грамматическим пассивом:

(13) *Письмо будет брошено, а деньги* ***пойдут*** *не* ***на*** *лечение* <…> (будут потрачены) [6, т. 7, с. 266]. (14) <…> *он до конца дней своих будет фигурировать* ***в устах*** *деревенщины, как «следователев попугай»* (станет предметом насмешек, сплетен) [6, т. 3, с. 247]. (13a) *The letter would be thrown away and the money* ***would*** *not* ***be spent*** *on medicine* <…> [8]. (14a) <…> *to the end of his days he'****ll be spoken*** *of by country bumpkins as the 'magistrate's parrot'* [7, p. 10].

• Конструкции с эллипсисом (с подразумеваемой пассивной формой).

Репрезентанты аллюзии (образ и подобие) в (15) помогают восстановить пассивную предикацию придаточного предложения через отсылку к ветхозаветному тексту. Примечательно, что в двух англоязычных переводах использована пассивная грамматическая конструкция. Возможно, конструкции пассивного залога оказались особенно удобными для обладателей западно-христианского мышления (формировавшегося под влиянием латинской мысли), в соответствии с которым вопросы виновности, невиновности, наказания и милости рассматриваются в юридическом ключе. Как известно, в юридической литературе использование ПК принимает регулярный характер. Сравним:

(15) *Весь ужас их положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем* ***образе и подобии*** (о том, что они сотворены по образу и подобию Божьему) [6, т. 9, с. 184]. (15.1a) *The whole horror of their situation is that they have no time to think of their souls, no time to remember that they* ***were created*** *in the image and likeness of their Creator* [9, p. 14]. (15.2a) <…> *but the horror of their position is that they have no time to think of their souls, no time to remember that they* ***are made*** *in the likeness of God* [10, p. 252].

• Актуальное членение предложения.

Русский язык следует логике, согласно которой сначала выражается данное, а потом новое. В пассивной конструкции в качестве данного выступает объект действия, а в активных – субъект действия. В случае, когда в активной конструкции прямое дополнение, выражающее объект, предшествует главным членам, объект действия является данным. Тогда активная конструкция функционально сближается с пассивной. На английский язык она, как правило, переводится трехчленной ПК:

(16) *И когда* ***их разбудили*** *чьи-то* ***шаги****, было уже светло от луны* <…> [6, т. 10, с. 165]. – *Они были разбужены чьими-то шагами.* (16a) *And when* ***they were awakened by*** *somebody's* ***steps*** *it was bright moonlight* <…> [8].

• Одушевленность / неодушевленность существительного в роли подлежащего.

При омонимии форм на -ся в пользу пассивной интерпретации конструкции говорит неодушевленность существительного в роли подлежащего, переходность исходного активного глагола и контекст. В английском языке, где пассив не имеет синтетической формы, подобная ситуация исключена:

(17) *Когда мучается большой человек, мужик или женщина, то* ***грехи прощаются*** <…> [6, т. 10, с. 175]. (Ср.: Друзья прощаются). (17a) *When a grown-up person, a man or woman, are in torment their* ***sins are forgiven*** <…> [8].

Таким образом, на периферии данного микрополя есть определенные расхождения в сфере выражения субъектно-предикатно-объектных отношений в русском и английском языках. Так, рус-

ские безлично-пассивные конструкции оказываются семантически более емкими, совмещая в себе значения пассивности, безличности и результативности. Английский язык компенсирует соответствующие оттенки значений лексическими средствами или использует стандартные ПК.

Изменение залога при переводе с русского языка характерно и в случае «лексического пассива».

Русский язык характеризуется разнообразием языковых средств в зоне периферии, тогда как английский язык в связи с аналитическим строем стремится к использованию стандартных ПК или активных личных конструкций там, где степень определенности субъекта высока.

Степень синонимичного сближения между периферийными языковыми средствами в русском языке и основной категориальной формой при переводе на английский язык служит важной характеристикой микрополя пассивности.

The article examines the functioning of the language means, which constitute the periphery of the micro field 'Passivity'. The analysis of such means admits of some conclusions about the common features and differences in the sphere of subject-predicate-object relations in the Russian and English languages.
***The key words**: voice, passive, periphery, passive constructions, Chekhov*

Список литературы

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1971. 108с.
2. Бондарко А.В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. Спб., 1991. С.125-141.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: «Высшая школа», 1972. С.476.
4. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 336с.
5. Леч Р. Неканонические средства выражения пассивности: глагольно-именные конструкции типа находить/найти применение, быть, являться, становиться предметом рассмотрения (на материале русского языка в сопоставлении с немецким). // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. Спб., 1991. С.181-21.
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т.2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10. М.: «Наука», 1975.
7. Chekhov Anton, The Shooting Party (translated by Ronald Wilks). Penguin Classics. 2004. 199 p.
8. Chekhov Anton, 201 Stories (translated by Constance Garnett). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ibiblio.org/eldritch/ac/jr/index.htm.
9. Chekhov Anton, The Lady with the Little Dog and Other Stories (translated by Ronald Wilks). Penguin Books. 2002. 348p.
10. Chekhov Anton, Forty Stores (translated by Robert Payne). New York. 1971. 345p.

Об авторе

Корытко И.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, irinavlad7@rambler.ru

УДК-811.112.2

СПЕЦИФИКА ОНЛАЙН КОММУНИКАЦИИ НЕМЕЦКОГОВОРЯЩИХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ. ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

В.Н. Покора

В данной статье проведен качественный и количественный контент-анализ комментариев, оставленных немецкоговорящими пользователями сайта StudiVZ с точки зрения лингвистической гендерологии. Исследование позволило выявить некоторые специфические особенности речи юношей и девушек в сети Интернет: использование акронимов, эмотиконов, инфлективов.
***Ключевые слова :** лингвистика, немецкий язык, гендер, акроним, инфлектив, эмотикон*

Сегодня интернет – не только важный источник информации, но и посредник в общении людей разных возрастов, полов и национальностей. Активное внедрение компьютерных технологий в скором времени приведет к появлению собственного международного онлайн языка, понятного всем

жителям Земли, и залогом успешного использования ресурсов интернета будет знание этого специфического языка. Но это в будущем, а пока попробуем разобраться с одной из насущных проблем – проблемой общения немецкоговорящих пользователей в сети с точки зрения гендерного подхода.

Проблема гендера, как социокультурного объекта является сравнительно новой отраслью гуманитарного знания. Гендер рассматривается, как приписывание определенных качеств и норм поведения человеку на основе биологического пола. В актуализации гендерных стереотипов важную роль играет массовая коммуникация, а поскольку язык все чаще рассматривается как средство доступа к знанию о нелингвистических феноменах, исследование гендера в языкознании довольно популярно и плодотворно. [2]

А.В.Кирилина сводит исследования гендера в лингвистике к двум проблемам. Во-первых, язык и отражение в нем пола. Цель подхода состоит в описании и объяснении того, как в языке определяется наличие людей разного пола (исследуются номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода), какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее отчетливо выражены. Во-вторых, рассматривается речевое и коммуникативное поведение мужчин и женщин, определяется специфика мужского и женского говорения, то есть выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций.

Постепенно ученые от исследования художественного текста приходят к изучению речи профессиональных сообществ, субкультур, малых групп. Все чаще объектом изучения являются тексты, способные дать максимум информации о говорящем, например, письмо, дневник, переписка в чате, комментарий, свидетельствующий о пристрастиях автора.

Современного человека сложно представить без адреса электронной почты или странички в социальной сети. Это не дань моде. Все больше людей понимают преимущества нтернет-общения. Интернет - не только быстрый, недорогой способ связи между людьми из разных стран, с разных континентов, но и отличная основа для бизнеса. Электронная рассылка экономит и время, и финансы. Вопрос заключается лишь в том, как выбрать человека из потребительской группы, ведь очень часто информация об имени, возрасте, а иногда даже о половой принадлежности пользователя оказывается недостоверной. Решить проблему персонализации в маркетинге, как ни удивительно, нам поможет лингвистика.

Исследовав 213 миллионов сообщений от 18,5 миллионов пользователей Твиттера (система, позволяющая пользователям отправлять короткие текстовые сообщения) корпорация МИТРЕ пришла к выводу, что пол пользователя можно определить по словарному запасу, используемому им в сети. Дело в том, что при регистрации пользователи твиттера сообщают свое экранное имя, полное имя, место дислокации, ссылку на свой сайт или страницу в социальной сети, краткую информацию о себе. Все перечисленное, за исключением экранного имени, является необязательным для заполнения. Таким образом, основываясь лишь на данных профиля, мы не можем определить пол человека. Используя различные критерии оценки, исследователи пришли к удивительному выводу: текст сообщения позволяет определить пол пользователя точнее, чем информация о нем. Стоит отметить, что рассматривались сообщения вне зависимости от того, на каком языке они были составлены, то есть, анализу подвергались даже не слова – символы. Например: *! , lov , love , ;) , haha , ooo , ay! , <3 , :(, aha , so .*

Наибольшее количество символов употребляют женщины: из 1000 самых популярных – всего 5 относятся к мужской аудитории. Выяснилось, что женщины используют более выразительные слова с повторяющимися буквами и сокращения, мужчины же более сдержаны и, довольно часто, публикуют ссылки на другие сайты. Самыми распространенными словами у мужчин были *http* и *google*. Смайлики и выразительная пунктуация - показатели того, что пользователь являлся женщиной.[3]

По результатам исследования, проведенного нюрнбергским институтом исследования общественного мнения ForschungsWerk , почти две трети всех пользователей интернета в Германии являются завсегдатаями социальных сетей. 63 % немецких пользователей старше 18 лет зарегистрированы в одной или нескольких сетях. [1]

В данной статье представлен анализ реплик пользователей одного из самых популярных немецкоязычных социальных сайтов - StudiVZ (Studiverzeichnis). Это немецкий аналог американского сайта Facebook и российского "В Контакте".

Проанализировав 1000 комментариев, оставленных пользователями сайта, удалось сделать выводы, которые мы попытались отразить в таблицах.

Таблица 1 – определение пола пользователей. На основе имени удалось определить пол 90% людей, оставивших комментарии. Не дают информацию о поле такие ники, как: *Ta Za, egal,* ******TraumDelfin ***, Süße Maus, Vor Nach, pig gin***, *Pi No,* ***J. Falk, Jü- verliebt*** и другие.

Таблица 1

Пол	%
Мужской	49
Женский	41
Неопределенный	10

Имея сведения о поле пользователя, создали сводную таблицу (таблица 2), в которой проанализировали часто встречающиеся реплики по следующим критериям: кто употребляет данное слово – парень, девушка или же слово пользуется популярностью как у представителей мужского, так и у представителей женского пола, что слово обозначает. [6, 7, 8, 9]

Таблица 2

Пользователь	Используемые наименования									
	парень	девушка	эмоции	Мобильный телефон	одобрение	неодобрение	да	нет	интернет-сфера	приветствие
ПАРЕНЬ	Der Noob, Lamer, Desktop Devil, Desktop - Messie	Djane, Admina das Zockerweibchen, die Schleckrosine, die Katze, Lady, süsser schnuckel	:-D, wow, ..grins. . XD	Hallofon, Kaffeemühle, Gurke	Fett, top, chic chic, geht, oh man! hammer, heftig, Coole idee, uhiii, Boah, göttlich, 8ung	Fake, LANGWEILIG!	ohje	Nichanit	IE, Google – Hupf, Dose	Hey, ey, bbb, bidunowa
ДЕВУШКА	Das Schnitzel der Schmacko, der Playa, der Nabelküsser, Bomb	Die Hässlon, Hilopes, Honk	Huhuhu, ;-), lach, :-P, ^^, oh gott. :/ x(	Porty	Supi, Dankeschön, Schick schick, edel, jammijam, flocke, glamtastic	Oh manno, lalla, oh weh	Jaja, jau, jep, stand art	Nix, nö, Nee, nöp, nich, voll nich		GlG, GuK
И парень, и девушка	DJ, Admin, John Doe, Loser, Honk, Mieze, Geek	Der X-mann, Jane Doe, Mieze	Lol, blablabla, hmm.. Wauuuu! Hurra! *lach*	Handy, Funke	Cool, knorke, feist, geil,galaktisch, sau geil, häftig, ennig, total, akla,	OMG, doof, uncool, fail, epic fail, dubido. :o =O	Naja	nö	Smsen, e-mailen, Skypen, chatten, fonen, Spam, relaunlaunchen,Googleproofing	Hi, gn8, bb, bda,

Проведенный контент-анализ собранного материала показывает:

1. И парни, и девушки общаясь в соцциальной сети не обращают внимание на артикли и написание слов с большой или маленькой буквы, ведь это совершенно не вредит процессу общения. Даже наоборот, экономит время набора сообщения. Если автор сообщения все же использует заглавные буквы, то в 70% случаев подобное написание служит для передачи бурных эмоций. *WAU! LOSER! OMG!*

2. В большинстве сообщений, отправителями которых являются как парни, так и девушки, содержатся:

✓ Акронимы - аббревиатуры, состоящие из начальных букв, частей слов или словосочетаний, произносимые как единое слово, а не побуквенно. [5]

ads – alles deine Schuld
akla – alles klar?
aws – auf Wiedersehen
babs – bin auf Brautssuche
bb – bis bald
bbb – bis bald Baby
bda – bis dann
budinowa – bist du noch wach?
DaD – denke an Dich
FOF? – Freund oder Feind

✓ инфлективы (неизменяемые формы глагола)

jammer, ächz, singel,grinsel, guterschauspielersei, fotosehenwill, kopfschüttel, freu

Чаще всего инфлективы пишут таким образом: * freu*.

✓ эмотиконы (смайлики) – пиктограммы, то есть знаки, в схематическом виде отображающие

важнейшие узнаваемые черты объекта, предметов, явлений, изображающие эмоцию. В таблице 3 представлены наиболее популярные символы:

Таблица 3

Парень	Девушка
:-) =) :) улыбка, радость	:-) =) :) (^_^) улыбка, радость
:-(=(грусть, печаль	:-* поцелуй
:-D :D XD xD смех	:-P :-p показывать язык
o_O oO 8-O =-O удивление	:'(:*(слезы
;-) ;) подмигивание	O:-) ангел

Как и исследователи из компании МИТРЕ мы убедились в том, что речь девушек более эмоциональна. В их сообщениях чаще встречаются вопросительные и восклицательные знаки, написание слов с заглавной буквы, а то и вовсе одними заглавными буквами.

✓ язык ***leet*** (стиль употребления английского языка, отличия которого: замена латинских букв на похожие цифры и символы, имитация и пародия на ошибки, характерные для быстрого набора текста, имитация жаргона хакеров и геймеров, добавление окончания *z0r* к словам. Используется в основном в письменном виде.) встретился лишь в 6% сообщений исключительно мужской аудитории. [4] Самые популярные символы: *n00b* – новичок, *l4m3r* – ламер, *1337* – элита.

Невозможно провести четкую границу, разделяющую лексику, присущую мужчинам и лексику, свойственную женщинам. Ведь на словарный запас помимо пола влияет социальныя среда, профессия, круг общения, уровень образования. Но в языке четко прослеживается склонность женского пола к употреблению слов, передающих личное отношение, участие, эмоции. Мужчины же холодны, более резки в суждениях. Довольно часто мужчины стремятся обособиться, для чего умышленно употребляют слова, непонятные широкому кругу пользователей, например язык leet.

Однако, в процессе общения непреодолимых трудностей не возникает.

This article deals with the qualitative and quantitative content analysis of comments submitted by German-speaking users on the site StudiVZ within the framework of gender linguistic. The study revealed some specific features of language used by male and female users on the Internet: the usage of acronyms, emoticons, inflektivs.
The key words: *gender, acronym, inflektiv, emoticon, leet.*

Список литературы:

1. Демидова О. Кто-с-кем-знаком или Социальные сети в Германии и России //www.dw-world.de/dw/article//
2. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования //www.strana-oz.ru/?article//
3. Burger J.D., Henderson J., Kim G., Zarrella G. Discriminating Gender on Twitter //www.mitre.org/work/tech_papers //
4. Статья Leet //ru.wikipedia.org//
5. Burri G.(Bern) Spontanschreibung im Chat //www.linguistik-online.de/15_03/burri.pdf//
6. Hä? Jugendsprache unplugged. Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch-Italienisch. Berlin und München 2010 Langenscheidt KG. 168 S.
7. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache 2007. Deutsch – Englisch/ Französisch/ Spanisch. Barcelona-Belgrad-Budapest-Ljubljana-London-Posen-Prag-Sofia-Stuttgart-Zagreb Klett, 2006. 142 S.
8. Arschgeweih. Das wahre Lexikon der Gegenwart Kuhn O., Reinwarth A., Fröhlich A. Ullstein 2008. 237 S.
9. Die Sprachnudel. Das Wörtebuch der Jetztsprache Knaur Taschenbuch Verlag München 2008. 238 S.
10. Neuland E. Jugendsprache in der Diskussion: Meinungen, Ergebnisse, Folgerungen. Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? Thema Deutsch. Band 1 Mannheim 2000, S. 107-122

Об авторе

Покора В. Н.-аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, ungwo@mail.ru

УДК 811.112.2

НЕМЕЦКИЙ БУРШЕСКИЙ ЯЗЫК В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

М.Ю. Россихина

В статье рассматривается немецкий буршеский язык в лексикографическом аспекте. Исследование проводится на материале восьми словарей первой половины XIX столетия, дается сравнительный анализ этих словарей. Выявляются характерные черты представленной в них лексики. Особое внимание уделяется многозначности и синонимии.
Ключевые слова: *немецкий язык, словарь, исторический, жаргонная лексика, многозначность, синонимия, лексикографический источник.*

Первая половина XIX века в немецкой лексикографии ознаменовалась появлением целого ряда словарей буршеского языка. Термин *буршеский язык* (Burschensprache) употреблялся вплоть до середины XIX века как синоним к термину *студенческий язык* (Studentensprache), поскольку в то время студентов немецких университетов называли, как правило, *буршами* (Burschen). В нашем понимании *буршеский язык* – это жаргонная лексика студенчества. Однако термин *жаргон* не встретился нам ни в одной научной работе, ни в одном названии лексикографического источника того времени. В немецкой германистике все субстандарты традиционно назывались *специальными языками* (Sondersprachen), и даже воровское арго – это *Gaunersprache* [6].

Благодаря издателям шеститомной библиотеки исторического немецкого студенческого и школьного языка (Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache) нам удалось ознакомиться со всеми дошедшими до нашего времени лексикографическими источниками буршеского языка XIX века, которые содержатся в третьем томе. [8], поскольку до 1984 года не все из этих источников были представлены в библиотеках России.

Первым из словарей XIX столетия, датированным 1808 годом, является „Das Idiotikon der Burschensprache“ Г.Ф. Клосса [10]. Этот небольшой лексикон, состоящий из 187 пронумерованных автором жаргонизмов, отличается от всех предыдущих и последующих словарей (вплоть до конца XIX столетия) тем, что перед основным списком жаргонизмов, насчитывающим 187 единиц, дается лексика (353 единицы), распределенная по семи тематическим группам (Vom Kreditwesen, Von wissenschaftlichen Dingen, Vom Spielen, Von natürlichen Dingen и др.). Самой многочисленной (55 слов и выражений) является тематическая группа „Von des Liebes Nothdurf und Narung, Speiße und Trank“ (*kneipen* «посещать трактир», *Vim* «шнапс», *Schmollis trinken* «пить на брудершафт»), а связанная с учебой тема „Von wissenschaftlichen Dingen“ насчитывает всего 15 жаргонизмов (*schwänzen* «прогуливать занятия», *Schulfuchs* «учащийся гимназии» и др.). Это говорит о том, что учеба интересовала студенчество того времени гораздо меньше, чем вечеринки и выпивки. Подтверждением такого мнения является и анализ синонимических рядов, выделенных автором в составе тематических групп, самыми длинными из которых оказались ряды с «алкогольной» лексикой. Так, со значением «быть слегка выпивши» дается 5 синонимов (*bespitzt sein, illuminirt sein, bekniffen sein, einen Stick haben, etwas im Dach haben*), со значением «быть в стельку пьяным» 4 синонима (*beknüppelt sein, en canon, à tout, toll und voll sein*). «Алкогольная» тематика представлена здесь также многочисленными названиями сортов пива (Merseburger, Brühhahn, Hartenberger и др.).

Г.Ф. Клосс приводит жаргонные слова и выражения с кратким толкованием, чаще всего это эквиваленты жаргонизмов из стандартного языка. Например (Все примеры в данной статье приводятся в правописании оригинала):

Fidel – lustig, in guter Laune [10, S.40]
Venerisch – schlecht [10, S. 43]
Auf dem Husar sein – wenig Geld haben [10, S. 43]

Если характеризовать этот словарь с лексикографической точки зрения, то надо отметить, что в нем, как и во всех остальных лексиконах первой половины XIX века, не имеется ни грамматических, ни стилистических помет, все они отличаются непоследовательностью в подаче словарных единиц (например, существительные приводятся то с определенным, то с неопределенным артиклем, то вообще без него). Этим отличается не только словарь Г.Ф. Клосса, но и все словари исторического студенческого языка первой половины XIX века. Объясняется это тем, что все сборники студенческих слов и выражений были составлены не профессиональными лексикографами, а бывшими буршами для будущих поколений студентов, что нашло отражение в названии многих лексиконов.

От предыдущих и целого ряда последующих словарей лексикон Г.Ф. Клосса отличается наличием вульгарной лексики, снабженной особой пометой. Это, в основном, жаргонизмы со значением

«заниматься любовью» (*loslegen, fuchsen, ficken, knallen* и др.) Именно такой лексики избегает, чтобы не нарушать нормы приличия, Л. Валлис, автор лексикона „Der Göttinger Student“, о чем он сообщает в предисловии к этому лексикону: „der schmutzigen Ausdrücke gibt es nicht sehr viele in Göttingen. Es würde wieder den Anstand gewesen sein, diese im Wörterbuche mit aufzuführen“ [17, S. 56]. В этом же предисловии автор отмечает, что одни слова встречаются в каждом университете, а другие употребляются только в каком-либо одном. Речь идет, очевидно, о том, что мы в современном понятии называем региональной лексикой. Кроме того, здесь же отмечается, что появившуюся в студенческом кругу лексику перенимают и жители университетских городов („auch die nehmen sie leicht an“). Это свидетельствует о прозрачности границ буршеского жаргона и, как следствие, переход отдельных буршеских слов и выражений в разговорный язык.

Словарь Л. Валлиса издается в 1813 году и содержит, по мнению автора, «самые употребительные слова и выражения студентов» [17]. Он насчитывает 279 словарных статей, большинство из которых, в отличие от лексикона Г.Ф. Клосса, дают более подробное толкование жаргонных слов и выражений. Употребление многих лексем иллюстрируется примерами. Ср.:

Stürzen. Dieser Ausdruck lässt sich übersetzen, sondern nur erklären. Man stürzt Beleidigungen, d.h. man ertheilt sie. Bey Getränken stürzt man einen Gelehrten, einen Doktor, einen Papst. Im ersten Fall wird von beyden Theilen ein Glas, im anderen zwey, und im dritten Fall drey Gläser getrunken. [17, S. 90]

Wilde werden die jenigen Studenten genannt, die sich nicht zu ihren Landsleuten halten, sondern sich mit allerley unbekannten Burschen abgeben. Wo Landsmannschaften existieren, heißt jeder ein Wilder, welcher sich nicht unter solche aufnehmen lässt. [17 S. 94]

Подобные словарные статьи знакомят нас не только со студенческой лексикой, но и проливают свет на малоизвестные страницы буршеской жизни начала XIX века. Так, из объяснения жаргонизма *stürzen* мы узнаем о времяпрепровождении буршей, об их обычаях, а толкование жаргонизма *wild* свидетельствует о том, какое значение студенты придавали принадлежности к «своему» кругу, к «своей» корпорации. Ведь в то далекое время студенты представляли собой группу с высокой степенью организации и ярко выраженными общими социальными признаками (уровень образования, возраст, сфера деятельности). Большинство буршей объединялось в корпорации. Буршеский язык был как раз одним из важнейших средств такого объединения.

Если два выше упомянутых словаря связаны с Гёттингенским университетом, то неизвестный автор «Алфавитного списка самых употребительных буршеских выражений», опубликованного в 1822 году [1, S. 100-119], заявляет в предисловии о том, что в течение многих лет познавал суть студенческой жизни в различных университетах Германии, и поэтому его лексикон претендует на универсальность. Он приводит 122 лексические единицы, которые, по его мнению, непосредственно связаны с жизнью студентов. Вот некоторые примеры из этого списка:

Cartel, das freundschaftliche Verhältnis zweier Verbindungen zu einander [1, S. 111].

Finken, Benennung der Studenten, die eingezogen leben und sich um Burschenangelegenheit nicht bekümmern. [1, S. 112]

depreciren, einem die zugefügte Beleidigung abbitten [1, S. 112].

Не менее интересным представляется нам и „Studentikoses Conversationslexicon“ Шухардта, опубликованный в 1825 году [14]. В предисловии к этому лексикону автор объясняет богатство и разнообразие буршеской лексики тем, что в составе студенчества царит не встречающееся ни в одном другом сословии многообразие представителей: принцы и сыновья крестьян, миллионеры и те, кому едва хватает на хлеб. Здесь дается очень подробное толкование отдельных жаргонизмов, которое приподнимает завесу разгульной буршеской жизни с неприличными развлечениями. Ср. примеры:

Avantage. Sich in Avantage setzen = eine Beleidigung mit einer größern und gröbern erwiedern. So gehört sich auf einen dummen Jungen, als die höchste Verbalinjurie, Ohrfeigen, Stockprügel und der Hetzer. Zu einer gewissen Zeit war es sogar giltige und höchste Avantage, einem in das Gesicht, oder unter den Zopf zu spucken, oder ihm das Nachtgeschirr auf den Zopf zu gießen [14, S. 15].

knill = betrunken, Knillität = Zustand eines Betrunkenen [14, S. 47].

В словаре приводится и ряд многозначных жаргонизмов:

Suite = 1. Duell. 2. Commers. 3. Liebesabenteuer. 4. jede außerordentliche Fahrt [14, S. 69]

anscheißen 1. Bei Duellen = verwunden. 2. bei Biersuiten = sein Glas zuerst austrinken. 3. im gewöhnlichen Leben = anführen, betrügen [14, S. 14].

Многие из представленных в этом и предыдущих лексиконах жаргонизмов вошли в изданный в 1831 году словарь К.А. Раготского „Der flotte Bursch“ [13]. Знакомый с ранее вышедшими словарями автор в своем предисловии пишет, что он представляет самый полный лексикон всех буршеских выражений, нравов и обычаев: „Das ganze Werkchen soll indessen hauptsächlich nur ein ganz vollständiges Lexikon sämtlicher Burschenausdrücke, Sitten und Gebräuche, so wie es bis jetzt noch nicht erschienen, darstellen“ [13, S. 196].

Лексикон К.А. Раготского содержит около 700 словарных статей, из них 620 в самом словаре и 50

в приложении. В отличие от предыдущих авторов К.А. Раготский указывает на семантические различия в употреблении отдельных жаргонизмов, в частности, он различает полную и неполную синонимию. Ср.:

Knäul sein, ist ganz identisch mit knill sein [13, S. 247]

Klotzen, fast synonym mit zahlen, doch hat *klotzen* noch den Neubegriff: viel zahlen [13, S. 246]

Kniff, fast ganz synonym mit Kneipe, nur mit dem kleinen Unterschiede, dass in einem *Kniffe* eine anständigere Gesellschaft als in einer Kneipe zu verweilen pflegt [13, S. 247]

Abdämmern, synonym mit abziehen, abgehen [13, S. 197].

В словаре впервые указывается на энантиосемию жаргонизмов, явление, столь распространенное в современном немецком молодежном языке. Например:

Fliege. Ein sehr relativer und zweideutiger Ausdruck. Man versteht erstens einen muntern fidelen Kerl darunter, zweitens bedeutet es aber auch einen obscuren Studenten, der namentlich kein Freund von der Klinge ist [13, S. 231].

Из словарной статьи видно, что жаргонизм *Fliege* может употребляться и с положительной, и с отрицательной коннотацией.

Что касается путей пополнения словаря, то здесь наряду со словообразованием широко представлена метафоризация, особенно часто встречается перенос с животного на человека. Это явление Ф. Клуге позже назовет «буршеской зоологией» (burschikose Zoologie). Приведем примеры: *Heuschrecke* „Creditor“, *Hund* „heimtückischer Mensch“, *Hahn* „Bursch“, *Kameel* „jeder Bursch, der kein burschikoses Leben führt“, *Fuchs* „Student im ersten Semester“.

1841 годом датированы два словаря: „Studentikoses Idiotikon oder allgemeine deutsche Burschensprache“, изданный в Йене [15] и „Burschikoses Wörterbuch oder Studentensprache“, опубликованный в Бонне [3]. В обоих случаях автор не назван, только в заглавии указывается, что словари составлены „*von einem bemoosten Haupte*“ (замшелым буршем). В самих лексиконах *bemoostes Haupt* толкуется как «студент последнего семестра».

Г. Генне отмечает, что основу словаря, опубликованного в Йене, составляет лексика из лексикона К.Ф. Августина, а издание в Бонне только несколько расширяет его словарный состав [7, S. 41-42]. Сравнив все три упомянутых лексикона, мы не можем не согласиться с Г. Генне и также отмечаем, что в „Burschikoses Wörterbuch oder Studentensprache“ содержится целый ряд жаргонизмов, ранее не встречавшихся ни в одном из предыдущих словарей. Это, например, такие лексемы, как *Stange* „ein Glas welches ½ Quart Bier hält“, *Salue* „ein westphälischer Gruß, der auch von den Leuten am Rhein angekommen ist“, *Schmollis verwichsen* „jemand nach dem schmollieren wieder „Sie“ nennen“ и др. Очевидно, стараясь избежать полного совпадения, автор этого словаря предпринимает попытку незначительно изменять словарную статью. Сравним толкование жаргонизма, семантика которого содержит и положительную, и отрицательную коннотацию, в обоих словарях 1841 года:

Ochsig, stark, groß, viel, im Gegenteil auch gar nichts [15, S. 338].

Ochsig, gar nichts. Entgegengesetzt auch viel, stark, groß [3, S. 31].

Самым большим по количеству буршеской лексики в первой половине XIX века является «Burschicoses Wörterbuch» И. Фольмана, датированный 1846 годом [16]. И. Фольман, по утверждению более поздних исследователей, - псевдоним швейцарского исследователя И. Гресли [5, S. 4]. Приведем в переводе полное название этого словаря: «Буршеский словарь или: объяснение всех встречающихся в студенческой жизни слов, выражений, обычаев и законов, наряду с данными о студенческих организациях и питейных заведениях». Автор рекомендует его как незаменимый справочник для лицеистов, гимназистов, учащихся реальных училищ и студентов. Однако И. Фольман называет себя первым лексикографом буршеской литературы и утверждает, что никто до него не воспел лексикографически чудесную буршескую жизнь («Keiner hat das herrliche Burschenleben lexikographisch besungen»), с чем мы, конечно, не можем согласиться, изучив предыдущие лексикографические источники. Автор называет свой словарь универсальным, поскольку в нем объединяется язык студентов Берлина, Цюриха, Лейпцига и Мюнхена. [16, S. X-XI].

Буршескую лексику И. Фольман представляет в алфавитном порядке в 2-х томах на 520 страницах, словарные слова выделяет другим шрифтом. В качестве примера приведем несколько словарных статей:

Maus 1. die Jungfer; 2. der Besen; 3. das Lochthierchen; 4. die Bürste; 5. die Stichscheibe [16, S. 318].

Einschieben 1. hingehen; 2. sich an einen Ort verfügen; 3. Geschäfte machen; 4. in die Tasche thun; 5. Kappern; 6. stehlen [16, S. 156].

Для иноязычной лексики, которой изобилует данный словарь, указывается язык происхождения. Ср.:

Rapitecaptite (lat.) 1. raubt und fasst; 2. über Kopf und Hals; 3. mit Teufelsgewalt [16, S. 386]

Pouseur (franz.) 1. Liebhaber; 2. Cousmacher; 3. Galan [16, S. 338]

Nektar (griech.) 1. Göttergetränk; 2. trop. Lagerbier, Bock und Salvator; 3. Rheinwein, Boksbeutel; 4. Champagner [16, S. 338]

Medrasea (türk.) 1. die Allschule; 2. die Hochschule; 3. die Universität; 4. der Weisheitsfall [16, S. 319].

Здесь встречаются заимствования из французского, греческого, турецкого, испанского, итальянского, арабского и других языков, но абсолютное большинство из латинского. Это и понятно, ведь до 1700 года языком преподавания в Германии был латинский, и его влияние на немецкий студенческий язык сохраняется еще очень долго. За латинским по количеству следуют французский и греческий, остальные языки представлены не так многочисленно. В качестве подтверждения сказанного приведем данные нашего статистического подсчета: на букву А из 557 словарных единиц 94 латинских, 33 французских, 22 греческих, 4 итальянских, 2 арабских, 1 турецкое; на букву М из 224 слов 59 латинских, 39 французских, 18 греческих, 8 итальянских, 4 испанских, 2 английских, 1 персидское, 1 турецкое. Если посчитать общее процентное содержание иноязычной лексики – то это около 30% на А и более 50% на М. Видно, какую роль играли заимствования в пополнении лексического состава немецкого студенческого жаргона в XIX веке. Интересно отметить, что в анализируемом словаре встречаются также указания на то, что слово заимствовалось не из нормативного иностранного языка (латинского, французского, греческого), а из буршеского. Отсюда пометы bursch. lat. (буршеский латинский), bursch. griech. (буршеский греческий), bursch. franz. (буршеский французский). Например:

Cerevistempel (lat. bursch.) 1. ein dem Biergotte geweihter Hain; daher 2. eine Kneipe, ein Bräu, ein Bierkeller, eine Spelunke [16, S. 108].

Biercanaille (bursch. franz.) 1. die biertrinkende Bürgerklasse; 2. der Plebs cerevislacus; 3. die versoffene Welt [16, S. 71].

Этот факт свидетельствует о том, что даже два столетия назад, так же как и сейчас, студенческий жаргон был интернациональным явлением.

Пополняя свой жаргон лексикой из других языков, немецкие бурши часто произвольно изменяют ее форму или наполняют новым комичным содержанием, например, *fitriol* вместо *fidel, komet* вместо *kommers.*

Заимствованные лексемы активно включаются в немецкое словообразование, получая немецкие суффиксы (*aromatisch* (gr.deut.) «wohlriechend», «stinkend»), префиксы (*einfemmen* (deut.franz.) «sich eine Femme nehmen»), а также участвуя в образовании композитов (*Bierfama* (deut.lat.) «der Ruf als Kreipheld»). Распространены в буршеском языке и макаронические образования, представляющие собой смесь немецкого с латинским (*Freundus, Pfiffikus, Schwachmatikus, Grobian, Schlendrian, Schwulität, Knüllität, Kneipiade*) и греческим (*burschikos, studentikos*). Такие «монстры», как называли их лингвисты прошлого века, часто носили гротескно-шуточный характер [5, S. 9].

Кроме указания на язык заимствований, в словаре имеются пометы региональной принадлежности отдельных лексических единиц, например, bair. (баварский), norddeutsch (севернонемецкий), schweiz. (швейцарский) и т.д. Ср.:

Bräu (bair.) 1. das Brauhaus; 2. die Bierbrauerei; 3. die Bierhütte; 4. die Bierkneipe [16, S. 81]

Breihahn (sächs.) 1. ein grünlich-gelbes Waizenbier; 2. ein miserables Gesöpf; 3. Saubier [16, 81]

Lädern (schweiz.) 1. in Leder arbeiten; 2. solen; 3. schustern; 4. knallen, 5. buzen; 6. bürsten; 7. glätten; 8. läderlich sein [16, S. 279].

Большинство приведенных в данном словаре лексем многозначны, и количество значений доходит иногда до 100. Яркие тому примеры жаргонизм *Besen,* для которого И. Фольман указывает 24 значения: Fräulein, Jungfer; Kind; die Unterhaltung; das Hausklavier; die Mappe; die Flöte и др.[16, S. 48] и жаргонизм *Rausch,* к которому дается 100 значений: das Rauschen im Klopfe; der Zustand eines Betrunkenen; der Schluß; der Dampf; der Nimbus; der Stiefel; die Zungenschwere; der Abfall; die Kanone; der Haushälter; das Uebergewicht; der Alte; der Schuzgeist и др. [16, S. 387-388]. Вероятно, не все из приводимых здесь значений относились именно к буршескому языку, поскольку более поздние исследователи студенческого жаргона XIX века подвергали критике этот словарь, выдвигая одним из аргументов тот факт, что И.Фольман, основываясь только на собственном опыте, включил в свой словарь слова и выражения не только из буршеского, но и из разговорного языка. Его упрекали в том, что он не опирался на предыдущие исследования студенческого жаргона и материалы художественных произведений. Нужным, но бессистемным собранием всякой всячины (das nützliche, aber wüste Sammelsurium) называет труд И. Фольмана профессор Л. Гаухат, ректор Цюрихского университета в своем докладе «Studentensprache» в 1926 году [5, S. 5].

Несмотря на названные выше недостатки, словарь И. Фольмана является незаменимым лексикографическим источником для исследования студенческого жаргона и в наше время. Представленный в нем материал используется лексикографами как во второй половине XIX века (Ф. Клуге в 1895 году) [11], так и в XX веке (Г. Кюппером в 1970) [12].

Анализ восьми словарей буршеского языка первой половины XIX века показал, что судьба содержащихся в них жаргонизмов различна. Одни из них на протяжении полувека встречаются практиче-

ски во всех лексиконах. Это такие жаргонизмы, как *ankeilen, anscheißen, Besen, büffeln, burschikos, Comment, fidel, flott, Gang, Hund, Kneipe, kneipen, Kneipier, Kuchenprofessor, Manichäer, pumpen* и др. Из словаря в словарь повторяются также буршеские наименования студентов: *Fuchs* „Student im 1. Semester“, *Brandfuchs/Brander* „Student im 2. Semester“, *Jungbursch* „Student im 3. Semester“, *Altbursch* „Student im 4. Semester“, *bemooster Bursch/bemoostes Haupt* „Student im letzten Semester“. Другие жаргонизмы, зафиксированные в одном из упомянутых словарей, позже нигде больше не встречаются. Особенно много такой лексики в словаре И. Фольмана: *Krumm, Landdachs, Lämmerbrüste, Larve, mappiren, Nachtstuhlfeger, pacificiren, Philönus, traversiren, Trimester, versaufen, Zebu, Zofe* и др.

Изучение буршеской лексики XIX века интересно не только с лингвистической, но и с социолингвистической точки зрения, поскольку позволяет нам лучше представить себе картину студенческой жизни того времени, больше узнать об интересах, быте и культуре учащейся молодежи того времени.

The article touches upon German student language in terms of lexicography. The research is based on eight dictionaries of the first half of XIX century, comparative analysis of these dictionaries is given. The characteristic features of the vocabulary studied are singled out. Special attention is paid to polysemy and synonymy.
The key words: *the German language, dictionary, historic, jargon vocabulary, polysemy, synonymy, lexicographic source.*

Список литературы

1. Alphabetisches Verzeichnis der gebräuchlichsten burschikosen Ausdrücke. In: Das Leben auf Universitäten oder Darstellung aller Sitten und Gebräuche der Studenten. Sondershausen: Bernhardt Friedrich Voigt, 1822 // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen Studenten- und Schülersprache. Bd. 3. Berlin/ New York, 1984. S. 97-120.
2. Augustin Ch. F. Idiotikon der Burschensprache. In: Bemerkungen eines Akademikers über Halle und dessen Bewohner, in Briefen. Germanien Quedlinburg: Ernst, 1795. // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen Studenten- und Schülersprache. Bd. 2. Berlin/ New York, 1984. S. 315–443.
3. Burschikoses Wörterbuch oder Studentensprache. Bonn: J.M. Dunst, 1841. 45S.
4. Deutsches Universalwörterbuch. 7. Aufl. Mannheim/Zürich: Dudenverlag, 2011. 2112 S.
5. Gauchat L. Studentensprache. In: Rektoratsrede und Jahresbericht 1925/26 [Zürich, 1926] // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache. Bd. 6. Berlin/ New York: de Gruyter, 1984. S. 165–177.
6. Günther L., Train J.K. Die deutsche Gaunersprache. Wörterbuch der Gauner- und Diebessprache. Reprint von 1919. Erftstadt: Area Verlag, 2003. 351 S.
7. Henne H. Historische Studenten- und Schülersprache – heute // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen Studenten- und Schülersprache. Bd. 1. Berlin/ New York: de Gruyter, 1984, S. 1–32.
8. Op. cit. Bd. 3.
9. Kindleben Ch.W. Studenten-Lexicon. Tageslicht. Halle: Johann Christian Hendel 1781 // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen Studenten- und Schülersprache. Bd. 2. Berlin/ New York: de Gruyter, 1984, S. 27–313.
10. Kloß G.F. Das Idiotikon der Burschensprache (von 1808). Frankfurt a. M., 1931. 46S.
11. Kluge, F. Deutsche Studentensprache. Straßburg: Trübner, 1895. 136 S.
12. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. VI. Jugenddeutsch von A bis Z. Düsseldorf - Hamburg: Claassen Verlag, 1970. 438 S.
13. Ragotzky C.A. Der flotte Bursch oder Neueste durchaus vollständige Sammlung von sämtlichen jetzt gebräuchlichsten burschicosen Redensarten und Wörtern. Leipzig: Wilhelm Nauck 1831 // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen Studenten- und Schülersprache. Bd. 3. Berlin/ New York, 1984. S. 191-304.
14. Schuchardt. Studentikoses Conversationslexicon oder Leben, Sitten, Einrichtungen, Verhältnisse und Redensarten der Studenten, beschrieben, erklärt und alphabetisch geordnet. Leipzig: Paul Friedrich Vogel, 1825. 72S.
15. Studentikoses Idiotikon oder Allgemeine deutsche Burschensprache. Herausgegeben von einem bemoosten Haupte. Jena: C. Hochhausen, 1841 // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen Studenten- und Schülersprache. Bd. 3. Berlin/ New York, 1984. S. 305-352.
16. Vollmann J. Burschicoses Wörterbuch. Bd. 1-2. Ragaz: Unteregger, 1846. 520 S.
17. Wallis D. L. Gebräuchliste Ausdrücke und Redensarten der Studenten. In: Der Göttinger Student oder Bemerkungen, Ratschläge und Belehrungen über Göttingen und das Studentenleben auf der Georgia Augusta. Göttingen, 1813 // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen Studenten- und Schülersprache. Bd. 3. Berlin/ New York, 1984. 46-97.

Об авторе

Россихина М.Ю. – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

УДК 374.23

СОМАТИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ф.И. ТЮТЧЕВА И В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ФЕ)

Е.Н. Сычёва

В данной статье освещается вопрос о функционировании соматических объектов в составе тютчевской поэзии в целом и во фразеологических контекстах в качестве семантического ядра в частности. За основу типологии соматических компонентов взята классификация, предложенная Г.Е. Крейдлиным и С.И. Переверзевой. Рассмотрены некоторые фразеологические единицы (ФЕ) с соматическими объектами, обозначающими тело и его части.
Ключевые слова: *соматические объекты, соматизмы, части тела, части частей тела, поэтический текст Ф.И. Тютчева; фразеологический контекст; фразеологическая единица (ФЕ)*

Автономное использование в языке единиц номинативного типа, в основе которых лежит структурная сложность (наличие двух и более элементов), а также идиоматичность семантики, лишний раз убеждает исследователей в том, что фразеология как наука является прогрессирующей отраслью языкознания. На данный момент в отечественной лингвистике существует целый ряд вопросов, вызывающих определенные споры в среде филологов. К таким, например, относятся состав фразеологического массива языка, основные критерии определения фразеологических единиц (ФЕ). В связи с этим наблюдаются различия в фиксации фразеологизмов в лексикографических источниках [20]. Структурная и семантическая сложность ФЕ привлекает и заинтересовывает. О ней справедливо много пишут и говорят современные лингвисты, к примеру: Алефиренко Н.Ф. «Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка» [1, с. 176-180]; Гриднева Т.В. «Прагматический аспект коннотативного элемента семантической структуры фразеологических единиц» [5, с. 12-14]; Обдуллаева А.Р. «Фразеология: внутренняя форма единиц» [11, с. 56]; Телия В.Н. «Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении» [16, с. 32-33] и др. По мнению В.Н. Телии, «семантику слов, способных указывать на мир и в изолированном употреблении, можно рассматривать столь же автономно – как своего рода квинтессенцию всех тех функциональных и системно-кодовых параметров, которые заложены в слове вместе с его индивидуальным значением и обликом» [17, с. 6]. Авторская фразеология имеет свою филологическую ценность, поскольку является дополнительным источником обогащения языка. «Синхронно-диахронная диффузность» [9, с. 29], присущая как лексеме, так и фразеологизму, является дополнительным стимулом непрерывной динамики языка за счет внутренней формы языковых единиц и базирующейся на ней смысловой, оценочной, эмотивной и культурной мотивации. А «эмотивный компонент имеет самое существенное значение для прагматики фразеологических единиц, поскольку семантика этого компонента адекватна его прагматическому статусу» [6, с. 252].

К настоящему времени в научной литературе обострился интерес к исследованию роли номинаций частей тела в языковой картине мира (ЯКМ). Внимание лингвистов направлено на исследование не только употребления соматизмов в прямой номинации в художественных текстах, но также на их функционирование во фразеологическом контексте. В данном случае мы, поддерживая точку зрения Крейдлина и Переверзевой, говорим о фразеологических соматизмах, под которыми понимаются ФЕ, в структурно-семантическом составе которых обнаруживаются наименования телесного, или соматического, объекта [8, с. 46].

Несомненно, фразеология по своей сути уже интереснейший объект исследования, но ее ценность возрастает в несколько раз, когда речь идет о такой поэтической величине, как Тютчев, который является ярким представителем именно классического поэтического наследия, а «удивительный парадокс классической поэзии в том заключается, что она доступна всем достаточно грамотным людям, - и в то же время содержит некую тайну…» [12, с. 3].

Большой объем литературы по изучению творчества Тютчева в различных его аспектах довольно скромно представлен заявленной темой, а фразеология Тютчева исследуется, можно сказать, лишь попутно при решении более сложных задач. Непосредственно по теме нам известна лишь одна статья [4, с. 82-88], в которой рассматриваются особенности употребления ФЕ с некоторыми соматизмами: *голова – глава, глаз – очи, рот, нос, шея – выя, рука*. Автором А.Л. Голованевским представлена структурно-семантическая характеристика фразеологизмов с соматическими компонентами в качестве семантического ядра ФЕ в своем составе, выявлены парадигматические связи и отношения (в основном, синонимические), указаны частотность и датировка употребления лексических средств в поэтических контекстах, на основе идиоматического материала выделены некоторые семантические группы.

Интересен тот факт, что в произведениях Ф.И. Тютчева соматизм *«голова»* выступает в прямой номинации, в поэтических текстах с ним не зафиксировано фразеологических соматизмов. Возможно,

это связано с тем, что в большинстве случаев данная лексема в сфере своей синтагматики применительно к фразеологическому окружению приобретает негативные коннотации (*голова садовая; голова дырявая; голова идет [ходит] кругом; голову снять; на голову садиться и др.*) или относится к разговорной сфере с точки зрения функционально-стилистической принадлежности (*голова на плечах; голова [душа, сердце] горит; голова [котелок] варит; голова кружится (закружилась); выдать себя с головой; головой отвечать и проч.*) [14; 20]. По-другому ведет себя в тютчевских контекстах архаизм *«глава»*. Данная лексема имеет прочную поэтическую традицию, что способствует фразеологизации контекстов, в которых она используется: *«…Проходит он,* ***главу склонив****…» («Живым сочувствием привета…», с. 147); «…Потом* ***главой припал*** *он к изголовью…» (19-е февраля 1864, с. 212); «…В его* ***главе*** *– орлы парили, В его груди – змии вились» (Наполеон, с. 160)* (см. полное собрание стихотворений (ПСС) Тютчева [18]). В первом случае употребляется узуальная ФЕ [14, 15, 19, 20]. Последний пример представляет собой прецедентный текст, который можно рассматривать как фразеологический.

Соматизмы, а также подаваемые ими невербальные знаки, отражают коммуникативный аспект поведения тела в пространстве, а личности, которой присуща телесность, - в обиходно-бытовых ситуациях [7, с. 54-55].

При выполнении данной работы мы преследовали цель провести наблюдение над поэтической фразеологией Ф.И. Тютчева, определить место и роль соматических компонентов в качестве семантического ядра при конструировании устойчивых выражений слов.

В первую очередь посредством сплошной выборки мы вычленили из поэтических текстов полного собрания стихотворений (ПСС) Тютчева [18] и «Поэтического словаря Ф.И. Тютчева» А.Л. Голованевского (ПСТ) [3] фразеологический массив с соматизмами в своей структуре.

В результате проведенной работы был составлен полный перечень соматических компонентов (рассматривались только соматизмы человека) в поэзии Тютчева, представленный 56 лексемами, где русские и старославянские варианты представляются в качестве одной лексемы: *глава-голова, власволос, перст-палец и др.* Из 56 лексем-соматизмов 20 образуют ФЕ, в которых они выступают в качестве семантического компонента. Проиллюстрируем сказанное на частных примерах.

О выделении основных типов соматических объектов говорят Г.Е. Крейдлин и С.И. Переверзева. Они классифицируют все соматизмы от общего к частному [8]. Приведем статистические данные о номинации соматических объектов, вычлененных из поэтических текстов Тютчева, по данной типологии: *тело (2 соматизма), части тела (11), части частей тела (17), органы (5), кости (1), телесные жидкости (4), места (4), отверстия (2), волосяной покров (6), чужеродные образования на теле (2).* Рассмотрим ФЕ с соматическими компонентами данных групп в своем составе.

В дополнение к приведенной классификации соматизмов мы предлагаем выделить также *свойства* человеческого организма: ***глас*** *(17) –* ***голос*** *(20)* (*Весна, с. 58; Песнь радости, с. 65*); ***ум*** *(22)* (*«Умом Россию не понять,..», с. 229*).

Тело как соматический объект в поэзии Тютчева употребляется дважды. В его семантике подчеркивается, во-первых, функция тела: «Материальное вещество, придающее предметам определенную форму», (ПСТ, с. 798) (*Ту жизнь до дна – он иссушил, Что в дерево вливало душу, Давало* ***тело*** *бестелесным!* (А.Н. М<уравьеву>, с. 58)). Во-вторых, тело как материальное, приземленное противопоставляется возвышенному (*Брала знакомые листы И чудно так на них глядела – Как души смотрят с высоты На ими брошенное* ***тело****…* («Она сидела на полу…», с. 198). В тютчевской поэзии не зафиксировано фразеологических единиц с данным соматизмом. Синонимичный *телу* соматизм ***плоть***, четырежды зафиксированный в стихотворениях поэта, также не представлен в качестве соматического компонента в ФЕ *(«Британский леопард За что на нас сердит?», с. 274*).

В русском языке для обозначения ***частей тела*** человека существует общее название – ***члены***. У Тютчева в этом значении соматизм употребляется в двух контекстах: 1. Части тела мужского организма (*Возложишь не на одр растерзанные* ***члены****,.. (На Новый 1916 год, с. 46))*. 2. Части тела женского организма (*Неопытно-младые* ***члены*** *Как сладко ум тревожат мой! ((Из Гейне), с. 133))*. Эти соматические объекты в поэзии Тютчева малочастотны и не участвуют в образовании идиоматических единиц.

Охарактеризуем наименования частей тела в составе ФЕ из поэтических текстов Тютчева по месту расположения (верх-низ). О соматизме ***глава-голова*** было сказано выше. Один фразеологический контекст в оригинальной поэзии Тютчева образует соматизм ***выя***: *сгибать выю (…Умевший не* ***сгибая выи****, Царю быть другом до конца (На юбилей Н.М. Карамзина, с. 230))*. Это архаизм, имеющий современный аналог – *шея.* При образовании данной ФЕ в значении «унижаться» (ПСТ, с. 144) основополагающим фактором является функция скрепления данного соматизма. Этот фразеологизм, по неизвестным нам причинам, не фиксируется фразеологическими словарями [14, 15, 19, 20]. Дважды зафиксирован в поэтической фразеологии Тютчева соматизм ***плечо***: *пожать плечами, совлечь с*

плеч («Недаром ветхие одежды ты бодро с ***плеч*** *своих совлек» (Êîtreá l`apôtre (От русского, по прочтении отрывков из лекций г-на Мискиевича, с. 149))*. Первый фразеологический контекст размещен во фразеологических словарях, другой – нет [14, 15, 19, 20].

Соматизм ***рука***, а также устойчивые словосочетания и выражения с этим компонентом в составе семантического ядра, не обойдены вниманием исследователей. К примеру, ФЕ с соматизмом «рука» в тютчевском идиолекте представлены в указанной выше статье А.Л. Голованевского [4, с. 71-80]. Автор иллюстрирует функционирование данного соматического компонента в поэтической фразеологии Ф.И. Тютчева, выделяет тематические группы среди имеющихся устойчивых выражений.

Лексема ***нога*** как соматизм в авторских текстах изучена слабо. В тютчевской поэзии *нога (15)* употребляется в основном в прямом значении: «Одна из двух нижних конечностей человека» (ПСТ, с. 439). Но в нескольких фразеологических выражениях подчеркивается именно нижнее положение ног в сравнении с передними конечностями – руками. Именно на этом основании используются фразеологизмы: *у ног, в ногах, сбиться с ног, присмиреть у ног*. В последних трех случаях можно обнаружить антонимические отношения, своеобразную противопоставленность активного движения и пассивной бездвижности. Но словари отмечают только ФЕ *сбиться с ног* в значении «движение, изменение местоположения; тщетные усилия» [15], «разг. очень устать от беготни, хлопот» [14, с. 698]. Заметим, что выделенная Словарем А.Л. Голованевского ФЕ *у ног* вычленяется из более крупной устойчивой единицы *присмиреть у ног* и имеет право функционировать как самостоятельный фразеологический элемент ***(У ног*** *моих лежит прекрасный мир И, вечно вечереющий, смеется… (****В ногах*** *равнина вод, и небо над главою (Из «Фауста» Гете (4)), с. 116)). А нынче мир весь как распался: Все кверху дном, все* ***сбились с ног,****-.. ((Из Гейне), с. 74)*. Нижнее положение ног породило в языке и такие ФЕ, которые отражают социальную иерархию, вину и т.д. (*припасть к чьим-либо ногам*) или успокоение, смирение: ***присмиреть у ног*** – «стать покорным» *(И даже он – ваш дядя достославный, – Хоть всю Европу переспорить мог, Но уступил и он в борьбе неравной и* ***присмирел у*** *ваших* ***ног*** *(<Н.С. Акинфьевой>, с. 221))*.

Внутри группы ***части частей тела*** соматизмы, участвующие в образовании фразеологического контекста, вступают в гиперо-гипонимические отношения, обозначая части частей тела от общего к частному. Так, общим является ***лицо – лик*** *(сказать в лицо* (со значением общедоступной гласности сообщаемого)*, с лица земли (земного)* (в значении «исчезнуть»)*, лицом к лицу* (со значением «очень близко»)*, лики ангелов* (ангелы)*) (…Что вся славянская семья* ***В лицо*** *и недругу и другу Впервые* ***скажет****: “Это я!” (Славянам, с. 233))* по отношению к соматизмам: ***чело*** *(бить челом, не дать принизиться челу) (…Бери суму да* ***бей челом*** *(<Из Беранже>, с. 131))****; глаз-око*** *(пропасть из глаз, хохотать в глаза, верить глазам, в моих глазах, в ее глазах; отворить очи) (Рассветает над Варшавой, Киев* ***очи отворил****… (К Ганке, с. 147))****; нос*** *(нос приставить) (Неаполь* ***нос*** *ему* ***приставит****, а русский царь – роги («Австрийский царь привык забавить…», с. 281))*. ФЕ с соматизмами *лицо* (кроме *лики ангелов*)*, чело* (кроме *не дать принизиться челу*), а также ФЕ *верить глазам, в [моих, ее] глазах* зафиксированы лексикографически [14, 15, 19, 20]. Также общим является соматический объект ***нога*** (входящий в предыдущую группу, обозначая часть тела) по отношению к соматизмам: ***колено*** *(на колена!; пасть на колени, клонить колени) (И* ***пасть*** *готов был* ***на колени*** *(«Она сидела на полу…», с. 198))*, ***стопа*** *(под стопой) (И весь багрянородный сонм –* ***под*** *их* ***стопой****! (Из «Эрнани» (Гюго), с. 108))*, ***пята*** *(до пят) (В крови* ***до пят****, мы бьемся с мертвецами, Воскресшими для новых похорон («Ужасный сон отяготел над нами…», с. 209))*. В тютчевской фразеологии наблюдаются и узуальные, и окказиональные ФЕ с данными соматизмами, в некоторых случаях поэт использует модификации общеязыковых фразеологизмов. В словарях находим: *пасть на колени, клонить колени* [14, 15, 19, 20].

Следующей группой соматических объектов являются соматизмы, обозначающие ***органы***. Фразеологические образования в данном случае представлены следующими соматическими компонентами: ***мозг*** *(мозг в кости) (…Кулак был из свинца, И богатырский* ***мозг в кости*** *(Приветствие духа (Из Гете), с. 88))*; ***уста*** *(сорваться с уст (сорвавшись с уст) - смыкать уста (смыкает уста)) (Пощады нет, протесты нетерпимы, Их приговор* ***смыкает*** *всем* ***уста*** *(«Две силы есть – две роковые силы…», с. 243))*; ***сердце*** *(сердце истомилось, сердце ноет, сердце изнывает, сердце гложет, сердце жалить, проникнуть как в сердце друга, растерзать сердце, России сердце, Русские сердца, носить в сердце, иссохшее сердце, правда сердца, царь сердец) (Опять вздохнут о горестной утрате Все честные, все* ***русские*** *сердца (Памяти Е.П. Ковалевского, с. 240))*. Данный орган человека во многих ФЕ является образом-символом. Среди выделенных фразеологизмов большинство отражает в своей семантике душевные переживания, нравственные скитания человека. Другие же метафорически изображают Россию. ФЕ *царь сердец* употреблена для номинации исторического деятеля (Александр I). Из приведенных ФЕ в словарях представлены: *сердце ноет, сердце изнывает, растерзать сердце, носить в сердце* [14, 15, 19, 20].

Телесные жидкости в тютчевских стихотворениях представлены четырьмя соматическими компонентами, среди которых только соматизм *желчь* лишен фразеологического контекста. Большинство фразеологизмов образует соматизм ***кровь*** *(лить кровь (льется кровь), играет кровь, заструится кровь, стынет кровь, кипит кровь, скудеет кровь, вытекать кровью, служить кровью, исходить кровью, даться кровью, брат по крови, в крови до пят, купаться в крови, собственной кровью, сосать кровь из жилы, тундра крови) (И кто в избытке ощущений, Когда* ***кипит и стынет кровь****, Не ведал ваших искушений – Самоубийство и Любовь! (Близнецы, с. 174))*. ФЕ с компонентом *кровь* могут, с одной стороны, обозначать такие состояния человека, как энергичность, силу духа, сильные страсти. В таких случаях кровь играет струится, кипит. С другой стороны, посредством ФЕ с данным соматизмом изображается старение, утрата привычных молодости чувств и т.п. Потеря крови для человека – это его гибель. Отсюда и фразелогические единицы с такой семантикой. К общеязыковым фразеологизмам в поэзии Ф.И. Тютчева из данной группы относятся *лить кровь, льется кровь, играет кровь, стынет кровь, кипит кровь, даться кровью, купаться в крови, сосать кровь (из жилы)* [14, 15, 19, 20]. Фразеологическими контекстами также наделены следующие соматизмы данной группы: ***пот*** *(в поте и пыли) (А я здесь в* ***поте и в пыли****, Я, царь земли, прирос к земли! («С поляны коршун поднялся…», с. 130));* ***слеза*** *(глядеть сквозь слезы, расточать слезы, смочить слезами скорби, обливаться слезами, есть со слезами, лить слезы, в слезах, признательная слеза, юдоль слез) (Любовь осталась за тобой* ***В слезах****, с отчаяньем в груди («Из края в край, из града в град…», с. 133)).* Среди приведенных фразеологических контекстов меньшинство фиксируется лексикографически: *обливаться слезами, в слезах, юдоль слез* [14, 15, 19, 20].

Отверстия имеют в своем составе два соматизма (***морщина*** и ***рот)***. Первый не участвует в образовании фразеологизмов; другой – образует ФЕ узуального характера *(зажимать, зажать рот) (С какой отвагой благородной Громите речью вы свободной Всех тех, кому* ***зажали рот****! («Вы не родились поляком…», с. 241))* [14, 15, 19, 20].

Следующей группой соматических объектов по Крейдлину и Переверзевой является ***волосяной покров.*** Внутри нее содержится только один соматизм, образующий фразеологический контекст, а точнее производная при помощи словообразовательного форманта -ок- лексема ***волосок*** *(на тонком волоске висеть) (Там вечно будешь зреть секиру изощренну, На тонком* ***волоске*** *висящу над главой (На Новый 1816 год, с. 46)).* Данная ФЕ отражена в лексикографии, т.е. имеет общеязыковой характер [14, 15, 19, 20].

Чужеродными образованиями на теле являются соматизмы ***рана*** и ***язва*** в оригинальной поэзии Тютчева. Они не образуют ФЕ, но один из них имеет афористический контекст *(Дневные* ***раны*** *сном лечи («Не рассуждай, не хлопочи», с. 165)).* Об этом упомянуто неслучайно, ибо афористическая мудрость близка фразеологизации контекстов.

В тютчевской фразеологии можно столкнуться с контаминацией ФЕ, которая представляет собой объединение частей двух или более ФЕ, в результате может возникнуть новая ФЕ (например, *пожать плечами, кровь (ключом) кипит*) [10, с. 301].

Обратим внимание на то, что соматизмы в стихах Ф.И. Тютчева, вступая во взаимодействие с другими лексемами и приобретая различные коннотации, создают оригинальные фразеологические контексты, которые по этой причине часто не фиксируются фразеологическими словарями. Сложность на первый взгляд простых поэтических текстов Ф.И. Тютчева связана в том числе, по мнению Л.В. Пумпянского, с «соединением несоединимых: романтики и барокко» [13, с. 57]. В некоторых случаях эта творческая особенность лирика, наряду с другими характерными чертами, становится причиной фразеологизации контекстов.

The question of functioning of somatic objects in the structure of Tyutchev's poetry in whole and in phraseological contexts as a semantic nucleus in particular is taken up in this article. The classification offered by G.E.Krejdlinand S.I.Pereverzeva is taken as a basis of typology of somatic components. Some phraseological units with the somatic objects denotating a body and its parts are considered here.
The key words*: somatic objects, somatisms, parts of a body, parts of parts of a body, poetic text of F.I.Tyutchev; phraseological context; phraseological unit.*

Список литературы:

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка // Теоретические проблемы грамматики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982. С. 176-180.
2. Голованевский А.Л. Лексическая неоднозначность в языке поэзии Ф.И. Тютчева / Вопросы языкознания. 2006, №6. с. 82-88.
3. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.

4. Голованевский А.Л. Фразеология с соматическими компонентами в языке поэзии Ф.И. Тютчева как отражение русской языковой картины мира / Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии. Сборник научных статей. Брянск: «Издательство Курсив», 2011. 362 с.

5. Гриднева Т.В. Прагматический аспект коннотативного элемента семантической структуры фразеологических единиц // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. Волгоград, 1999. С.12-14.

6. Зимин В.И. Эмотивность идиом русского языка / Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 85-летию профессора А.Н. Кожина. М.: МГОУ, 2004. 486 с. (с. 252-257).

7. Козеренко А.Д., Крейдлин. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания / Российская академия наук. М.: «НАУКА», 2011. № 6 (с. 54-66).

8. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35).

9. Лыков А.Г. Современная русская лексикология. М., 1976.

10. Мелерович А.М. Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи / Словарь. М.: Русские словари, 2005. 864 с.

11. Обдуллаева А.Р. Фразеология: внутренняя форма едини. Ургенч, 1996. С.56.

12. Погорельцев В.Ф. 50 стихотворений Ф. Тютчева с комментариями: Хрестоматия для словесника. Брянск, Издательство БГПУ, 1995. 230 с.

13. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева / Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928 / Под редакцией Е.П. Казанович. Вступительная статься Л.В. Пумпянского. Л.: ПРИБОЙ, 1928.

14. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: «А ТЕПМ», 2004. 944 стр.

15. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева [и др.]; под редакцией А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта +, 2007. 1135, [1] с.

16. Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М., 1990. С. 32-33.

17. Телия В.Н. Что такое фразеология. М.: Издательство «Наука», 1966. 87 с.

18. Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. Вступительная статья Н.Я. Берковского; Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. Л.: Советский писатель, 1987. 448 с. (Весь иллюстративный материал приводится по данному изданию).

19. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О. и др.; под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с. (Библиотека словарей).

20. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.

Об авторе

Сычёва Е.Н. – аспирантка кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского; stchl@yandex.ru

УДК – 821.133.1-1.09

ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ О ДЕТСТВЕ И ДЛЯ ДЕТЕЙ: ВИКТОР ДЕ ЛАПРАД

М.П. Тихонова

В статье идет речь об одной из страниц истории французской поэзии для детей, связанной с именем Виктора де Лапрада – поэта-парнасца XIX в. Рассматривается сборник Лапрада «Le Livre d'un Père», который поэт посвятил своим детям. Анализируются тематика стихотворений и их язык, выявляются некоторые стилистические особенности поэтических текстов.

Ключевые слова: *Виктор де Лапрад, «Le Livre d'un Père», проблема детства, история французской поэзии для детей, тематика стихотворений, стилистические особенности.*

Темой нашего исследования является стиль современной французской детской поэзии. Но

настоящее невозможно без прошлого, именно поэтому нам показалось важным и даже необходимым оглянуться назад, в историю, чтобы увидеть, как и когда зарождалась во Франции поэзия для детей, с именами каких авторов связано ее становление и развитие.

Как известно, в общественной мысли долгое время отсутствовало само понятие детства. Этот важный период в жизни человека не рассматривался раньше как самоценная стадия духовного развития. На возникновение интереса к проблеме детства, зарождение концепции детства повлияла философская и педагогическая мысль в эпоху Просвещения и, прежде всего, новые принципы воспитания, заложенные в знаменитом педагогическом трактате Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», появившемся в 1762 г. [1]. Руссо признает за ребенком право быть ребенком, человеческим индивидуумом со своей особой, отличающейся от взрослого состояния детской природой, которую нельзя не учитывать в процессе воспитания.

Одним из важных этапов в развитии литературы для детей во Франции стало принятие в XIX в. двух законов об образовании: так называемого «закона Гизо» (la loi Guizot) в 1833 г. и закона Жюля Ферри в 1881 г. [2]. Оба закона названы по фамилиям тогдашних министров народного просвещения. Закон Ф. Гизо касался создания во Франции системы начального образования, а при Ж. Ферри была проведена реформа образования, провозгласившая светское, бесплатное и обязательное для всех начальное образование.

Серьезные изменения в жизни французского общества той эпохи, безусловно, заставили по-новому взглянуть на проблему детства, явились толчком для развития индустрии детской книги.

В XIX в. во Франции изданием литературы для детей занимался Пьер-Жюль Хетцель (Pierre-Jules Hetzel). Либерализация и разнообразие книжной продукции для детской аудитории стали возможными во многом благодаря именно его активной издательской деятельности. Хетцель был не только одним из крупнейших французских издателей, но и довольно известным писателем, выпускавшим свои произведения, в том числе и романы для детей, под псевдонимом П.-Ж. Шталь (P.-J. Stahl). В издательстве П.-Ж. Хетцеля детская литература выходила в специальной серии под названием Bibliothèque d'éducation et de récréation. Именно в этой серии в 1876 г. был опубликован сборник стихотворений поэта-парнасца Виктора де Лапрада «Le Livre d'un Père» [3], о котором мы и хотим рассказать в нашей статье.

Имя Виктора де Лапрада (Victor de Laprade, 1812–1883) сегодня вряд ли знакомо широкой аудитории. Тем не менее, во второй половине XIX в. и в начале XX в. его творчество было очень популярным, о чем говорят появившиеся в этот период книги и исследования (например, докторская диссертация Пьера Сешо [4]), посвященные поэту [5–10]. Значимость роли В. де Лапрада во французской литературе XIX в. подтверждает и тот факт, что в 1858 г. он был избран членом Французской Академии. Дважды, в 1849 и 1885 гг., Лапрад становился лауреатом Французской Академии.

В. де Лапрад был известен не только как поэт, но и как писатель и политический деятель. Его поэтическое наследие составляют, в числе прочего, вдохновленные Ламартином и Шатобрианом стихотворения на евангелические темы («Poèmes évangéliques», 1852), стихи о природе («Psyché», «Hermia», «Odes et Poèmes» и др.). Тема природы и места человека в природе доминирует в творчестве этого поэта.

Но, пожалуй, самой известной, самой популярной книгой В. де Лапрада стал сборник стихотворений «Le Livre d'un Père», который поэт посвятил своим детям. И хотя для языка некоторых произведений Лапрада характерны типичные для буржуазной литературы XIX в. условность и искусственность, иногда граничащие с банальной заурядностью, в этой книге читатели открыли для себя главное – теплоту, оптимистичный настрой, простые человеческие чувства, состояние счастья, которое приносят людям семейный покой, тихие и безыскусные семейные радости. И главный источник этих радостей – дети. После появления этой книги критики единодушно поздравляли поэта с тем, что ребенок у Лапрада изображен не как вызывающее всеобщее восхищение и любование произведение искусства (что, например, ярко проявилось в известном сборнике Виктора Гюго «L'Art d'être Grand-Père»), а как создание, составляющее семейную честь и гордость, приносящее окружающим его взрослым радость и надежду на будущее [11, p. 148].

Вот что писали современники Лапрада о «Le Livre d'un Père». Автор книги о творчестве Лапрада Ж. Кондамен цитирует слова известного поэта Франсуа Коппе: *«Никто из поэтов не писал для детей и о детях лучше, чем господин де Лапрад. <…> Это, как обозначено в названии, книга отца, отца, сердце которого переполнено любовью к детям, щедрого на ласку, но который в своем бесконечном обожании хочет отдать детям свою душу, запечатлеть на их лбах, вместе с самыми нежными поцелуями, самые доблестные и мужественные добродетели, полученные им от предков. <…> Эти стихи – не только чистое и совершенное произведение искусства, это еще и произведение высокого нравственного значения»* [6, p. 406–407] (Перевод мой – М.Т.).

П.-Ж. Хетцель, выпустивший сборник Лапрада, обращаясь к читателям в предисловии, подчеркивает: *«"Le Livre d'un Père" – первый поэтический сборник, о котором можно сказать, что он был задуман, прочувствован и написан целиком и полностью ДЛЯ ДЕТЕЙ»* [3, p. 1–2] (Перевод мой – М.Т.).

В сборник «Le Livre d'un Père» вошли 45 стихотворений. О чем же пишет Виктор де Лаприд? О сыновьях, дочерях и о своей безграничной отцовской любви; о разлуке с детьми, которую отец всегда с болью переживает и очень боится; о наставлениях, советах и пожеланиях детям на будущее; о своих предках, памятью которых поэт дорожит и хочет, чтобы дети продолжили славные семейные традиции; о природе и любви к родному краю, к родине; о любви к животным; о необходимости честно трудиться; о вере в Бога.

В. де Лаприд, ставший отцом уже в зрелом возрасте, воспевал те семейные ценности, которые были важны для него самого. Его отношение к детям – это отношение умудренного опытом человека, который чувствует свою родительскую ответственность и для которого самое главное в отцовском долге определяется любовью к детям. Во всех стихотворениях Лаприда, вошедших в «Le Livre d'un Père», поэт говорит о детях, обращается к своим детям с нежностью, переполняющей его отцовское сердце (*«Le petit ménage du père»*):

Un petit doigt frappe à ma porte;
J'en connais le son argentin:
«Entrez». Je sais que l'on m'apporte
Mon bonheur de chaque matin. <…>

Et, si noire que soit la brume,
À leur sourire familier,
Une vive clarté s'allume
Dans mon cœur, dans mon atelier. <…>

Поэт рисует проходящую перед его глазами каждое утро сцену, когда дети, проснувшись, прибегают поздороваться с отцом в его спальню. Безграничность отцовской любви поэт передает гиперболизированными метафорами и эпитетами: отец слышит не просто стук в дверь, а звук мелодичный, серебристый, звонкий (le son argentin); с входящими в его спальню дочерьми к поэту каждое утро приходит счастье (on m'apporte / Mon bonheur de chaque matin); появление детей неизменно зажигает в сердце отца яркий свет (Une vive clarté s'allume / Dans mon cœur, dans mon atelier).

Вслед за дочерьми в спальне отца появляется маленький Поль. Он все время что-то напевает, насвистывает, поэтому отец, обращаясь к сыну, ласково называет его птенчиком (Petit enfant, petit oiseau). Общение с детьми приносит отцу не только радость, но и облегчение (Tes baisers sont mes seules trêves). Он сразу забывает о своих страданиях, переживаниях, болезнях и всякий раз словно возрождается к жизни (Je me crois en plein renouveau), видя в детях продолжение себя, возможность осуществления своих детских мечтаний (*«Petit enfant, petit oiseau»*):

Petit enfant, petit oiseau!
Quand tu fredonnes dans ma chambre,
Je me crois en plein renouveau,
Fût-ce aux tristes jours de décembre. <…>

Je cesse un moment de souffrir;
Tes baisers sont mes seules trêves.
Dans tes yeux je vois se rouvrir
Le ciel clos de mes anciens rêves.

Почти во всех стихотворениях Лаприд напрямую обращается к детям, и эти обращения аффективны по своей природе. В большинстве из них мы встречаем повышенно эмоциональные прилагательные cher и chéri: chers petits; chers bien-aimés; mes chers petits, mes seuls amours; mes petits chéris; mes bien-aimés; mes chers petits bien-aimés; chers enfants; chères âmes dispersées. О младшем сыне Поле поэт говорит с нежностью, иногда с состраданием: mon cher petit; cher petit; cher compagnon venu trop tard; chéri; mon bon enfant; ami; petit enfant, petit oiseau; monsieur l'écolier sérieux; mon fils; mon enfant; pauvre enfant. Дружных неразлучных дочерей Лаприд сравнивает с цветами на одной ветке (deux fleurs sur une seule branche), называет их сестричками, ласковыми посетительницами, приходящими каждое утро в отцовскую спальню: les petites sœurs; mes douces visiteuses. Нередко обращения поэта к детям метафоричны, что позволяет выразить всю глубину любви к маленьким созданиям, составляющим смысл его жизни. Дети для Лаприда – это маленькие добрые ангелы; птенчики; выводок; молодые пчелки; бесценные сокровища; короли маленького королевства; предмет надежды и тревог; отцовская сила и радость; его музы: mes bons petits anges; les chers oiseaux; mes oiseaux joyeux; jeunes oiseaux; la couvée; jeunes abeilles; perles sans prix; les rois de ces petits royaumes; mes seuls objets d'espérance ou d'effroi; ma force, ma joie; les Muses.

Отцу, занимающемуся воспитанием детей, иногда приходится быть строгим, ругать и наказывать их за совершенные провинности. Но всякий раз эти наказания приносят ему огорчения, заставляют страдать, и он, наказав ребенка, тут же торопится попросить у него прощения (*«L'enfant grondé»*):

Je t'ai grondé!... trop fort peut-être!
Et je me sens tout soucieux
En voyant grossir dans tes yeux
Ces deux larmes que j'ai fait naître. <…>

Je t'aurai dit, dans mon émoi,
Quelque vive et dure parole…
Mon bon enfant que je désole,
Va! j'en souffre encor plus que toi. <…>

Такие свойственные В. де Лаприду резкие переходы от родительской строгости к всепрощающей доброте нередко становились причиной для упреков. Поэта не раз обвиняли в идеализации ребенка, в чрезмерном преклонении перед ним. Лаприд находил оправдание такого отношения к детям в собственном дет-

стве, в тех тягостных воспоминаниях, которые остались у него от учебы в коллеже. Он считал, что дети заслуживают того, чтобы их баловали родители, потому что в их жизни и так немало причин для огорчений.

Лапрад, так же как Сюлли-Прюдом, Гюго и многие другие их современники, главную причину детских горестей видит в школе. В то время дети из буржуазных семей обучались, как правило, в закрытых пансионах, школах-интернатах, в которых царили строгие правила и жесткая дисциплина. Для ребенка, вырванного из привычного окружения, отлученного от любящих родителей и родного дома, пребывание в интернате оказывалось нелегким испытанием. Неслучайно все эпитеты, которые Лапрад относит к миру школы, несут в себе явную негативную коннотацию: noir, méchants, mortels, bête. Школа в стихотворениях Лапрада метафорически представлена в виде черной пещеры, в которой томятся детские души, она либо оглупляет ребенка (и это не само страшное, что может с ним произойти), либо убивает его душу: *Cet antre noir, ces pions méchants, / Sont mortels à toute âme honnête; / On risque au moins d'en rester bête…/ C'est quand j'eus pris la clef des champs / Que le bon Dieu me fit poète.* Вырваться из этой пещеры для Лапрада – значит обрести свободу, получить возможность стать поэтом.

Лапрад часто обращается к прошлому, с теплотой вспоминает родителей, подаривших ему счастливое детство. Мы понимаем, что в этой семье дети из поколения в поколение росли в любви и доброте. Поэт благодарен своей бабушке, которая, по его словам, «установила новую систему воспитания» (commença le nouveau système). И теперь он, сам отец, продолжает эту семейную традицию, балуя своих детей, в чем открыто признается (*«Diane»*): *<…> Mais votre aïeule, en vérité, Je ne m'en plains pas, jusqu'ici;*

Commença le nouveau système;
Mon père était enfant gâté,
Je le fus, vous l'êtes de même.
Oh non, mes bien-aimés! J'espère
Que vous serez tous, Dieu merci,
Enfants gâtés... comme mon père. <…>

В творчестве В. де Лапрада отражается неустанная забота о воспитании и образовании детей, в которых он видел не просто свое продолжение, а продолжение жизни вообще. Обращаясь к детям со словами напутствия, с уроками нравственности, поэт нередко становится строгим моралистом (*«Inquiétudes»*):

<…> Ne me démentez pas!l'honneur est à ce prix.
Tâchez de valoir mieux que mes meilleurs écrits;
Et que l'on reconnaisse, en vous regardant vivre,
Que mon cœur sentait bien ce que disait mon livre; <…>

В этом обращении к детям амбиции Лапрада связаны не только и не столько с заботой о собственной репутации. Хотя он не раз говорит о том, что мечтает видеть своих детей хорошими людьми, не запятнавшими честь семьи, призывает их помнить о том добром имени, которое он оставляет им в наследство. Будущее детей – предмет особых тревог поэта. Это отражено и в названии стихотворения: множественное число абстрактного существительного inquiétude (волнение) передает тревожное состояние уже немолодого отца, который понимает, что входить в самостоятельную жизнь дети будут уже без него. В. де Лапрад хотел, чтобы дети выросли достойными наследниками и продолжателями семейных традиций. В мечтах поэта о счастливом будущем своих детей дети непременно должны были превзойти своего отца и обязательно стать лучше и счастливее, чем он: *J'aurai bien accompli mon devoir et ma loi, / Si vous êtes meilleurs et plus heureux que moi.* (*«Ambition»*).

Лапрад не перестает давать своим детям уроки морали, которые должны подготовить их к взрослой жизни. И если В. Гюго в «L'Art d'être Grand-Père» проповедует главным образом доброту, В. де Лапрад в своих строгих наставлениях не забывает о самых разных, в том числе и каждодневных, обязанностях, которые следует исполнять достойному человеку. Среди этих обязанностей, например, утренняя и вечерняя молитвы (*«Prière du matin»*):

À genoux! et pensons à notre Père, au Maître,
Qui fit vos petits cœurs et les remplit d'amour.
Son doux regard commence à luire à ma fenêtre;
Disons vite au bon Dieu, disons notre bonjour. <…>

У Лапрада мы читаем эмоциональные и патетические строки, посвященные любви к родине и необходимости ее защищать. На эти строки поэта вдохновила франко-прусская война 1870–1871 гг. (*«La France»*):

<…> Aimez, sans vous lasser jamais,
Sans perdre un seul jour l'espérance,
Aimez-la comme je l'aimais,
Aimez la France!
<…> Ne marchandez pas votre sang,
Afin de la rendre immortelle...
Au premier rang, au dernier rang,
Mourez pour elle.

Через все стихотворение, состоящее из четырех строф, сквозной линией проходит восходящая градация, которая, завершая каждую строфу, усиливает эмоциональный накал. Поэт взывает к патриотическим чувствам подрастающего поколения, призывая любить Францию, служит ей, страдать за нее и, наконец, отдать, если понадобится, за родину жизнь: Aimez la France! Servez la France! Souffrez pour elle! Mourez pour elle.

Есть у Лапрада стихотворения, в которых говорится о важной роли труда в жизни человека, труда не только умственного, но и физического. Безделье и бездеятельность для поэта – синоним смерти (*«Travaillons!»*):

Mes enfants, il faut qu'on travaille!
Il faut tous, dans le droit chemin,
Faire un métier, vaille que vaille,
Ou de l'esprit, ou de la main. <…>
Le moindre effort l'accroît sans cesse,
Surtout s'il a fallu souffrir…
Travaillez donc, et sans faiblesse.
Ne plus travailler, c'est mourir.

Лапрад призывает к действию. По словам поэта, пассивные мечтатели должны уступить место мужественным и активным людям, в которых он видит спасение. Именно такими В. де Лапрад хочет видеть и своих детей: *Il faut de plus mâles sauveurs / Dans l'affreux orage où nous sommes. / Nous avons eu trop de rêveurs… / Soyez des hommes.* (*«Soyez des hommes»*).

В формировании активного человека будущего, по мнению Лапрада, особое место занимает природа, в которой он видит не только красоту, но и источник, дающий жизненные силы. Поэт призывает детей отложить в сторону книги и выйти на природу. Однако, в отличие от Ламартина или Мюссе, он проповедует не мечтательное созерцание красот природы или пассивный отдых на лоне природы, а подвижные игры и занятия спортом, развивающие не только тело, но и душу (*«Les vacances»*):

<…> Venez donc et montons à travers les bruyères,
Aspirant l'air chargé de parfums et d'accords
Qui des flots et des fleurs porte en haut les prières.
Nous travaillons pour l'âme en exerçant le corps. <…>

Лапрад персонифицирует природу, в которой все уравновешено, все живет в согласии. Это состояние равновесия внешних и внутренних природных сил в стихотворении передается с помощью зевгмы: поэт говорит о чистом воздухе, напоенном ароматами и гармонией (l'air chargé de parfums et d'accords). К такому же состоянию гармонии, гармонии тела и души, должен, согласно поэту, стремиться и человек.

Сборник Виктора де Лапрада «Le Livre d'un Père», безусловно, испытал на себе влияние определенных литературных тенденций, общественных процессов и исторических событий, происходящих в XIX в. во Франции. Поэзия Лапрада, обращенная к детям, – пример буржуазной литературы с ярко выраженной дидактической направленностью, развивающейся в русле педагогического, нравственного и гражданского дидактизма. Однако, в отличие от многих типичных для того времени произведений для детей, поэзии В. де Лапрада была свойственна искренность и правдивость чувств, очень точно переданная проникновенная любовь отца к своим детям. Для Лапрада эта книга стала своего рода поэтическим завещанием. На склоне дней поэт очень страдал от мысли о предстоящей скорой разлуке с детьми, и созданные им стихотворения должны были по замыслу поэта помочь повзрослевшим детям лучше узнать и понять своего отца: *Cher compagnon, venu trop tard! / Mes pieds ne peuvent plus te suivre. / Tu n'as vu de moi qu'un vieillard; / Tu me connaîtras par mon livre.* (*«Le petit garde-malade»*).

The article deals with one of the chapters of the history of French poetry for children, associated with the name of Victor de Laprade, a Parnassian poet of the XIX century. It mainly focuses on Laprade's poetry collection «Le Livre d'un Père», dedicated to the poet's children. The author analyses the poems' themes and language and reveals some stylistic features of the poetic texts.
The key words: *Victor de Laprade, «Le Livre d'un Père», problem of childhood, history of French poetry for children, poetry themes, stylistic features.*

Список литературы

1. Rousseau J.-J. Émile ou de l'Éducation. Amsterdam: J. Néaulme, 1762.
2. Escarpit D. La littérature d'enfance et de jeunesse en Europe. Panorama historique. P.: Presses Universitaires de France, 1981.
3. Laprade V. de. Le Livre d'un Père. P.: J. Hetzel et Cie, 1876.
4. Séchaud P. Victor de Laprade: l'homme, son œuvre poétique. Thèse présentée pour le doctorat ès lettres à la Faculté des lettres de l'Université de Lyon. P.: A. Picard, 1934.
5. Biré E. Victor de Laprade: sa vie et ses œuvres. P.: Perrin, 1886.
6. Condamin J. La vie et les œuvres de V. de Laprade. Lyon: Vitte et Perrussel, 1886.
7. Dufieux A. M. Victor de Laprade. Lyon: impr. de A. Vingtrinier, 1855.
8. Heinrich G.-A. Notice sur Victor de Laprade. P., 1884.
9. Latreille C. Victor de Laprade, 1812–1882. Lyon: H. Lardanchet, 1912.
10. Manayre H. Victor de Laprade (1812–1883). P.: 8, rue François I-er, 1893.
11. Calvet J. L'enfant dans la littérature française. Des origines à 1870. T. 1. P.: F. Lanore, 1930.

Об авторе

Тихонова Марина Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французского языка Смоленского государственного университета, brick_67@bk.ru

УДК – 81'23

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА КАК БАЗА ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ)

С.А. Чугунова

Статья посвящена проблеме концептуализации времени. Обширное теоретическое исследование на материале различных языков, результаты проведенных экспериментов с носителями русского языка и их сопоставление с результатами экспериментов, проведенных с носителями других языков, прежде всего американского английского, позволили автору сделать вывод о том, что культурно-специфичные концепты времени обусловлены телесным опытом человека.
Ключевые слова: *концепт, метафора, время, пространство, движение, язык, тело.*

В настоящее время в когнитивной науке все больше утверждается «корпореальный поворот», «поворот к телу». Восстановление роли тела как базы для языковой коммуникации «в корне меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой “по уговору” системы значений как конечной области реализации процессов перевода знаков». «Такая система является лишь *медиатором* (промежуточным средством), обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который фиксируется в разностороннем и многомерном личном опыте, без чего никакой знак (не в “чистой” теории, а в заземленной практике) не может выполнить свои функции» [1, с. 50].

Особенность темпоральной лексики состоит в том, что зачастую она не является собственно темпоральной. Факты из разных языков демонстрируют, что выражение времени в терминах пространства и движения представляет языковую универсалию: Ср.: **рус. яз.**: *за короткое время, каникулы пролетели незаметно*; **англ. яз.**: *in the evening* ‘вечером’ (букв. *в вечер*), *time flies* ‘время летит’, *the moment has arrived* ‘подошел момент’; **нем. яз.**: *eine Woche lang* ‘в течение недели’, *die Zeit fliegt* ‘время летит’, *für alte Menschen vergeht die Zeit scheinbar schneller* ‘для стариков время проходит довольно быстро’; **фр. яз.**: *le temps file* ‘время бежит’, *le temps passe vite* ‘время быстро проходит’, *l'espace d'un matin* ‘в течение одного утра’ (букв. *пространство утра*), *d'ici en huit* ‘через неделю’ (букв. *отсюда через восемь*); **лат. яз.**: *ante diluvium* ‘перед потопом’; **итал. яз.**: *Partiremo per Pavia tra dieci mesi* ‘Мы поедем в Павию через (букв. *между*) десять месяцев’; **голланд. яз.**: *over twee uur* ‘через два часа’; **эстон. яз.** *aeg lendab* ‘время летит’, *aeg möödub* ‘время идет’; **бурят. яз.**: *эхи захагуй* ‘время тянется’, *углоо удэрынь болобо* ‘наступил следующий день’, *урданай саг* ‘в старину’ (букв. *в передние годы*), *хойто жэлдэ* ‘в следующем году’ (букв. *в заднем году*); **яз. чиндали** (банту): *liingá yaakwáana náyini* ‘когда подходит девятый месяц’; **лезгин. яз.**: *q'we wacra-laj* ‘через два месяца’; **турец. яз.**: *Zaman akıp gitti* (букв. *Время летело и шло*), *Zaman çok hızlı akıyor* ‘Время течет очень быстро’, *Gelecek elimden kaçıverdi* (букв. *Будущее выбежало вдруг из моих рук*); **кетс. яз.**: *kin'a baŋdiŋa* ‘до сегодняшнего времени’ (букв. *до этого места*), *en'* ‘сейчас’ (букв. *здесь, тут*), *qoqas'εŋ* ‘в будущем’ (букв. *впереди там*); **кит. яз. мандарин:** *shengdanjie kuai dao le* ‘Рождество почти здесь’ (букв. *Рождество быстро прибывать*), *jiang-lai* ‘будущее’ (букв. *немедленно прийти*), *wei-lai* ‘будущее’ (букв. *еще прийти*), *lai-ri* ‘будущий день’ (букв. *приходящий день*) (примеры взяты из следующих источников: [2; 3; 4; 5; 11; 12; 13; 14; 15; 16]).

Согласно теории когнитивной метафоры, мы можем думать и говорить о времени, которое прямо не воспринимается, благодаря концептуальной метафоре – механизму мышления, связывающему концепты из разных доменов (в нашем случае – времени и пространства, включающего движущиеся объекты) [17]. Время – это абстракция, продукт вторичной концептуализации пространственных, построенных на чувственном опыте, концептов. Приоритет пространства над временем, понимание первого в качестве конкретного источника второго, объясняется тем, что абстрактное понятие пространства как вместилища связывается с чувственно воспринимаемыми объектами, тогда как абстрактное понятие времени как вместилища предполагает события, которые сами по себе не воспринимаются [18, p. 20].

В первую очередь выделяют две темпоральные метафоры – ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ СУБЪЕКТА (*I'll be there in a minute* ‘Я буду здесь через минуту’.) и ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ ОБЪЕКТА (*The time for action has arrived* ‘Пришло время действия’). Обе метафоры являются базовыми (*primary*), поскольку построены на фундаментальном опыте движения и зрительного восприятия. Однако с позиций феноменологического подхода, оспаривающего некоторые принципиальные положения теории когнитивной метафоры, эти концептуальные структуры (когнитивные модели), являются комплексными, интегрирующими не только базовые концепты (*primary concepts*), в основе которых лежит универсальный биологический опыт движения и восприятия, но и вторичные концепты (*secondary concepts*) – продукты переработки специфического культурного опыта [19, p. 216–217]. Феноменологический подход к концептуализации времени опирается на изыскания в области физиологии

и нейронауки, подтверждающие, что темпоральный опыт – это реальный чувственный опыт и может быть прослежен до когнитивных процессов и структур. Темпоральные смыслы в когнитивных моделях темпоральности не рассматриваются как метафорический перенос структуры из домена пространства в домен времени: в основе темпоральных концептов лежит внутренний нейрокогнитивный опыт (нейронные ритмы – темпоральные моменты [20]); другое дело, что продукты внутреннего опыта (*response concepts*) практически не поддаются осознанию, поэтому они вынужденно прибегают к «услугам» продуктов внешнего сенсомоторного опыта (*imagery concepts*), имеющих прямую связь с концептуальной системой, а значит, с сознанием и языком.

Нами предполагается, что совместная переработка тех и других концептов обусловлена единым перцептуально-темпоральным механизмом, позволяющим выживать в полной неожиданностей и опасностей среде. Единство предполагает зависимость особенностей восприятия человека от нейронных ритмов, или темпоральных моментов. При этом темпоральный код у человека фундаментально предопределен архитектоникой его тела, его двигательной активностью. Если говорить о генезисе концептов пространства и времени, то концепты пространства возникают в концептуальной системе не раньше концептов времени. И те и другие – это стороны одной медали – корпореальной организации человека. В некотором смысле феноменологический подход оказывается близким теории концептуальной метонимии, согласно которой, практически все метафоры на более глубинном уровне мышления оказываются мотивированными концептуальной метонимией вследствие размытости концептуальных структур в индивидуальном сознании (см. [21, p. 214–216, 226–243]). У темпоральных метафор движения таким доменом может служить домен движущегося тела человека, если учесть фундаментально темпоральную природу восприятия, а также то, что сенсорно-темпоральный механизм у человека есть следствие специфики его телесной двигательной активности (см. [6; 7; 8]).

В структурировании концептуального домена времени и темпоральных концептов огромное значение приобретают пространственные (мы настаиваем – корпореальные) отношения по осям «впереди–позади» и «верх–низ», причем доминирующей в концептуализации времени, по-видимому, следует считать ось «впереди–позади». То, что зачастую это горизонтальная ось, обусловлено биологически – человек изначально передвигается вдоль горизонтальной оси вперед к своей цели, и, следовательно, будущее оказывается перед ним: *She has a bright future ahead of her* ‘Перед ней блестящее будущее’ [15; 19]. Тем не менее, есть языки, манифестирующие ассоциацию времени с вертикальным измерением: Ср.: **бурят. яз.**: *арбан наһа дээшэ ябаха* ‘старше на десять лет’ (букв. *быть выше на десять лет*); **кит. яз.**: *shànyuè* ‘прошлый месяц’ (букв. *верхний месяц*); **мандарин**: *shang-ban-tian* ‘утро’ (букв. *верхняя половина дня*); **япон. яз.**: *ima kara sanbyaku-nu sakanoboru, Edo-jidai dearu now Abl. 300-years ascend-back Conj. Edo-era be* ‘Эра Эдо была триста лет назад’ (букв. *Если подняться на триста лет от сейчас, то будет эра Эдо*) (примеры взяты из следующих источников: [3; 15; 19; 22; 23]).

Предполагается, что в основе такой концептуализации лежит визуальный опыт горных склонов. Когда мы находимся на возвышении, сила гравитации заставляет нас двигаться (катиться) вниз. Движение занимает определенный промежуток времени, в котором крайние временные точки находятся в соотношении «выше → раньше / ниже → позже» [19; 22; 24]. В английском языке, как и в большинстве индоевропейских языков, включая русский, превалирует именно «горизонтальная» временная семантика, однако и здесь встречаются отношения, построенные на оси «верх–низ»: Ср. *descendant* ‘потомок’ (букв. *тот, кто внизу*), *ascendant* ‘предок’ (букв. *тот, кто вверху*); или: *These stories have been passed down from generation to generation. This tradition has lasted down to the present day* [15, p. 228–229].

Что касается формы временной оси в образах носителей разных лингвокультур, то здесь можно выявить только два геометрических рисунка – прямую и окружность [Op. cit.]. В культуре ацтеков, майя, древних индусов время ассоциировалось с кругом и имело циклический характер, так как связывалось с движением небесных светил [9, с. 72–78]. Время как прямая линия – это влияние христианской доктрины, унаследованной от иудейских верований. Это путь, конечная цель которого спасение души [25]. На основании изучения языкового ассоциативного поведения носителей английского, русского и казахского языков С.В. Дмитрюк [10] делает вывод о цикличном восприятии времени в сознании казахов, линейном – в сознании англичан и циклично-линейном – в сознании русских. Однако представление о движущемуся по кругу времени проявляется и в английском языке: *Christmas has come around again* ‘Вновь пришло (букв. *сделав круг*) Рождество’ / *Guided tours are offered year-round* ‘Путешествия с гидом в продаже круглый год’ [15, p. 229; 19, p. 204;]. Отсюда напрашивается вывод о вариативности темпоральной картины в одной и той же лингвокультуре, что может свидетельствовать, с одной стороны, о «вынужденном отклике» специфического культурного опыта на опыт общечеловеческий, биологический, телесный, продуктом отображения которого в равной мере можно считать и время-линию и время-цикл; с другой стороны, редкий народ живет в вакууме, под-

вергаясь время от времени культурным «нашествиям» со стороны [6, с. 160].

Метафорическое представление временных событий как внешних объектов приводит к тому, что человек в качестве дейктического центра ассоциирует настоящее с собой и с тем, что рядом: Ср. перевод на английский язык китайских выражений, означающих «настоящее»: *on hand.existing* (букв. *на руке.существующий*), *just at.front* (букв. *как раз у.перед*), *eye.front* (букв. *глаз.перед*) [15, p. 230; 23, p. 95]. В основе концепта «здесь и сейчас» лежит сенсомоторный механизм проприоцепции – сенсорное вычленение собственного тела из среды. В концепт «прошлое» «встраивается» спина человека и все то, что оказывается за спиной (*That was way back in 1900* 'Это было в 1900 году' (букв. *назад в 1900 году*)' / *Тревоги остались позади*), а «будущее» – предвкушаемая цель, локализуется перед его взором (*I look forward to seeing you* 'Мне не терпится повидаться с тобой (букв. *смотрю вперед*)' / *Впереди нас ждет счастливое будущее*). Однако в ряде языков выявлено обратное расположение дейктических времен относительно предполагаемого наблюдателя – с будущим позади и прошлым впереди. Такая необычная для европейца концептуализация времени зафиксирована в языках индейцев аймара (см. [19, p. 194–196; 26]), тоба в Боливии [27], малагаси на о. Мадагаскар [28]: Ср. **яз. аймара**: *nayra timpi* 'прошлое время' (букв. *глаз время = время перед моими глазами*), *q'ipi uru* 'завтра' (букв. *спина день = день у моей спины*) [26]. В бурятском языке также обнаруживаются подобные примеры, хотя в нем имеется и привычная европейцу система отсчета: *урда жэлынь* 'в прошлом году' (букв. *впереди году*), *хойто жэлдэ* 'в следующем году' (букв. *в заднем году, стоящем после данного года*), *тиигэhэн хойно* 'затем, потом' (букв. *назад после того, как это произошло*) [3].

Такая концептуализация, как правило, объясняется тем, что прошлое человек видел и знает, а будущее – нет [15; 19; 29]. К тому же темпоральное мышление здесь не предусматривает движение, образ остается статичным. Пребывая в покое, субъект видит лишь половину пространства вокруг себя – только то, что находится впереди, и не видит того, что располагается за его спиной. Когда же он идет вперед, он не знает, что ждет его впереди. А то, что осталось позади, он уже видел и знает. Если бы эгоцентрический образ времени у аймара предусматривал движение, то он бы ничем не отличался от динамичного образа европейцев [26, p. 439–440].

В научной литературе можно найти массу свидетельств относительно метафоры времени, построенной на корпореальных отношениях «впереди–позади» (см. [30; 31]), чего нельзя сказать об отношениях «лево–право». Все же эти отношения должны репрезентироваться в семантической памяти, по крайней мере, грамотных представителей культур с традицией написания текста слева направо. Эксперимент с носителями испанского языка продемонстрировал автоматическую активизацию оси «лево–право» в когнитивном пространстве индивида в процессе переработки темпоральных концептов: ПРОШЛОЕ есть ЛЕВО, БУДУЩЕЕ есть ПРАВО [32]. Наш собственный эксперимент с носителями русского языка также продемонстрировал, что индивид опирается на корпореальную ось «лево–право» при понимании выражений с темпоральной семантикой, расставляя события относительно друг друга в своем сознании и, таким образом, наделяя их смыслом «раньше» и «позже». При этом событие «раньше» оказывается соотнесенной с левой стороной тела субъекта, а событие «позже» – с его правой стороной. Результаты нашего эксперимента (см. [6; 7; 8]) не согласуются с «неэгоцентрической» трактовкой темпоральной когнитивной модели «согласования времен» (*Monday comes before Tuesday* 'Понедельник предшествует вторнику'), в рамках которой темпоральные события или времена представляются движущимися относительно друг друга без участия наблюдателя [19; 26].

В качестве вывода хотим подчеркнуть, что осознание времени индивидом безусловно имеет корпореальную основу. Время для человека связано с жизнью, которую он проживает. Человек, его тело, всегда остается точкой отчета для любого события, которое не безразлично для его мышления, сознания, эмоционально-оценочного переживания. Темпоральный опыт неразрывно связан с опытом движения и прежде всего самодвижения, кинестезии, проприоцепции. Признаки темпоральности как продукты переработки культурно-специфичного опыта вторичны, они обусловлены универсальным биологическим опытом движения и восприятия.

The article is devoted to the problem of conceptualization of time. Thorough theoretical research on various languages and experimental results available from native speakers of Russian, as well as their comparison with those available from speakers of other languages, first of all American English, persuaded the author to conclude that culturally specific concepts of time are determined by the experience of the human body.
The key words: *concept, metaphor, time, space, motion, language, body.*

Список литературы

1. Залевская А. А. Некоторые особенности естественного семиозиса // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 3. С. 49–61.

2. Андреева О. А. Метафорические модели времени в кетском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Выпуск 4 (55). С. 181–185.

3. Бардамова Е. А. Время в бурятской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. Архангельск : Поморский государственный университет, 2007. Вып. 3. С. 113–119.

4. Гак В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время; под ред. Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко. М. : Изд-во «Индрик», 1997. С. 123–130.

5. РЭС – Русско-эстонский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://poliglos.info/dict/dfind.php (дата обращения: 12.08.2008).

6. Чугунова С. А. «Движение времени» у представителей разных культур: Монография. Брянск : РИО Брянского госуниверситета; «Ладомир», 2009. – 240 с.

7. Чугунова С. А. Концептуализация времени в разных культурах: Дис. … докт. филол. наук. Тверь, 2009. 393 с.

8. Чугунова С. А. Время в языке и сознании: Интегративный подход: Монография. LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 424 с.

9. Уитроу Дж. Естественная философия времени: Пер. с англ. М. : Едиториал УРСС, 2003. 402 с.

10. Дмитрюк С. В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2001. 22 с.

11. ABBYY Lingvo – Электронные словари ABBYY Lingvo. URL: http://www.lingvo.ru/ (дата обращения: 12.08.2008).

12. Ahrens K. & Huang Chu-Ren. Time passing is motion // Language and Linguistics. 2002. Vol. 3, № 3. Pp. 491–519.

13. Botne R. Cognitive schemas and motion verbs: Coming and going in Chindali (Eastern Bantu) // Cognitive Linguistics. 2005. Vol. 16, № 1. Pp. 43–80.

14. Haspelmath M. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. München; Newcastle : LINCOM EUROPA, 1997. 188 p.

15. Radden G. The metaphor «Time as Space» across languages [Электронный ресурс] // N. Baumgarten, C. Böttger, M. Motz & J. Probst, (Eds.), Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprach-vermittlung – das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag, Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht [Online]. Mei, 2003. Jahrgang 8, № 2/3. S. 226–239. URL: http://www.ualberta.ca/~german/ejournal/ Radden.pdf (дата обращения: 15.03.2008)

16. Özçalişkan Ş. Metaphor meets typology: Ways of moving metaphorically in English and Turkish // Cognitive Linguistics. 2005. Vol. 16, № 1. Pp. 207–246.

17. Lakoff G. & Johnson M. Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 2003 (1st ed. 1980). 276 p.

18. Tenbrink T. Space, time, and the use of language: an investigation of relationships. Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2007. 345 p.

19. Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Pub. Co., 2004. 286 p.

20. Pöppel E. Temporal mechanisms in perception // O. Sporns & G. Tononi (Eds.), Selectionism and the brain: International review of neurology. San Diego, CA : Academic Press. 1994. Vol. 37. Pp. 185–201.

21. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update // R. Dirven & R. Pörings (Eds.), Metaphor and metonymy in comparison and contrast. Berlin : Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 207–278.

22. Shinohara K. & Matsunaka Y. Spatial cognition and linguistic expression: Empirical research on frames of reference in Japanese // F. J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (Ed.), Annual Review of Cognitive Linguistics. 2004. Vol. 2. Pp. 261–283.

23. Yu N. The contemporary theory of metaphor: A perspective from Chinese. Amsterdam : John Benjamins, 1998. 278 p.

24. Moore K. E. Spatial experience and temporal metaphors in Wolof: Point of view, conceptual mapping and linguistic practice: Doctoral dissertation. U.C. Berkeley, 2000.

25. Barnett J. Time's pendulum. – New York: Plenum Trade, 1998. – 340 p.

26. Núñez R. & Sweetser E. With the future behind them: Convergent evidence from Aymara language and gesture in the crosslinguistic comparison of spatial construals of time // Cognitive Science. 2006. Vol. 30, № 3. Pp. 401–450.

27. Klein H. E. M. The future precedes the past: time in Toba // Word. 1987. Vol. 38. Pp. 173–185.

28. Dahl O. When the future comes from behind: Malagasy and other time concepts and some conse-

quences for communication // International Journal of Intercultural Relations. 1995. Vol. 19. Pp. 197–209.

29. Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. New York, NY : Basic Books, 1999. 624 p.

30. Boroditsky L. Metaphoric structuring: understanding time through spatial metaphors // Cognition. 2000. Vol. 75, № 1. Pp. 1–28.

31. McGlone M. S. & Harding J. L. Back (or forward?) to the future: The role of perspective in temporal language comprehension // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 1998. Vol. 24. Pp. 1211–1223.

32. Santiago J., Lupiáñez J., Pérez E. & Funes M.-J. Time (also) flies from left to right // Psychonomic Bulletin & Review. 2007. Vol. 14, № 3. Pp. 512–516.

Об авторе

Чугунова С.А. – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, chugunovasveta1@rambler.ru

УДК 413-3:43-3

СТРУКТУРА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «СТРАННИЧЕСТВО» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

А.Л. Шепетовская

Статья посвящена анализу языковых единиц, репрезентирующих микрополя, входящие в макрополе концепта «Странничество», что позволило выявить дополнительные когнитивные признаки базового концепта в русском и английском языках, определить их сходные черты и различия в двух языках.

Ключевые слова: *концепт, микрополе, когнитивные признаки, лексема, сема*

Являясь важным элементом русской и английской концептосфер, концепт «Странничество» имеет сложную структуру. Основываясь на лексикографических источниках и данных результатов исследования, можно выделить следующие микрополя в составе концептуального макрополя «странничество»:

1.Движение как способ изменения местонахождения; путешествие.

2. Любовь к постоянной перемене мест; скитальчество.

3. Особая форма отношения к жизни.

4. Образ жизни, связанный с исполнением религиозных обрядов; паломничество.

Поскольку «концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих» [1, с. 9], необходимо исследовать весь корпус языка, в котором вербализован концепт. Значительно расширит набор семантических признаков анализ синонимов ключевого слова концепта, который дает возможность «выявить целый ряд семантических компонентов, репрезентирующих когнитивные признаки данного концепта, выявляющиеся в сопоставлении лексем, принадлежащих к синонимическому ряду» [2, с. 125].

В словаре синонимов русского языка А.П. Евгеньевой приводится синонимическое гнездо с доминантой путник: *путник, странник, пилигрим*, где «*путник* – тот, кто едет, а чаще пешком направляется куда-л., *странник* – тот, кто странствует, долгое время находится в пути, слово употребляется чаще в речи возвышенного характера; *пилигрим* употребляется преимущ. в образно-поэтической речи (сохраняет некоторую связь с исходным значением – паломник, человек, странствующий по «святым» местам)» [3, с. 322].

Дополнительная информация о синонимическом гнезде лексемы *странник* дана в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю.Д.Апресяна: *странник, скиталец, кочевник, путник, паломник, пилигрим, путешественник, турист*. По мнению авторов словаря, синонимы *странник – скиталец* различаются по следующим смысловым признакам: 1) причина данного образа жизни (желание бродить по свету у *странника*, отсутствие дома у *скитальца*); 2) наличие цели (в отличие от *скитальца*, *странник* может иметь цель); 3) отношение человека к дому (*странник* может не любить дом, *скиталец* тоскует по дому); 4) внутреннее состояние человека (*странник* свободен, *скиталец* покоряется судьбе); 5) отношение говорящего к данному человеку (*скитание* предполагает сострадание, а для *странника* – это часть свободы) [4, с. 1108]. Необходимо отметить, что оба синонима могут употребляться, обозначая человека, не нашедшего своего места в жизни и не ощущающего себя полноценным ее участником. Лексема *странник* может иметь еще одну семему: *странник* – человек, который идет на богомолье, питаясь в дороге подаянием. Тогда, *паломник* и *пилигрим* имеют своей целью поход по святым местам, где слово *пилигрим* указывает на за-

падную, преимущественно католическую культуру, а *странник*, напротив, на русскую, православную культуру. Лексемы, входящие в это же синонимическое гнездо, *путешественник* и *турист*, имеют определенную цель; *путешественник* исследует неизвестные или малоизвестные земли, а *турист* просто хочет получить удовольствие от поездки или путешествия. Ближайшим аналогом синонимов этого ряда является слово *бродяга*, которое употребляется переносно, указывая на душевный склад человека: он не привязан к своему дому, который его обременяет, не любит жить на одном месте.

«Словарь синонимов» З.Е. Александровой дополняет синонимический ряд: перекати-поле (разг. неодобр.), Мельмот-скиталец (устар. книжн.), путешествователь (устар.), дорожный (устар. разг.), вояжер (устар., теперь ирон.), калика перехожий (устар. и народно-поэт.), странный человек (устар.).

В словаре также представлен синонимический ряд лексемы *странствовать*: скитаться, кочевать; жить на колесах (разг.); странничать (устар.)/ терпя лишения; мыкаться (или скитаться) по свету (разг.); таскаться (или мотаться) по свету (прост.), путешествовать [5, с. 486].

Синонимический словарь английского языка приводит следующие синонимы ядерной лексемы *wanderer*: drifter, gadabout, gypsy, knockabout, meanderer, rambler, roamer, rover, stroller, vagabond, wanderer, wayfarer; passenger, sightseer, traveler (or traveller); migrant, transient, vagrant; ambler, saunterer [6].

Рассмотрим микрополя, входящие в структуру концепта «Странничество» и синонимы ключевой лексемы, представленные в тексте повести Н.С.Лескова «Очарованный странник».

1.Движение как способ изменения местонахождения; путешествие

Лексема *Странник* в значении путешественник в тексте повести не встречается. Ядром микрополя служит глагол *to wander*, многочисленные глаголы движения и контекстуальные синонимы.

Данный контекст описывает корабельное путешествие и содержит сему «перемещение в пространстве». Репрезентантами данного микрополя являются лексемы, характеризующие путешествие: *путь (way), пристань (harbor), плыть (to sail), сойти на берег (to go ashore), продолжить путь (to resume the journey), отплыть (to sail off).*

«*Мы* ***плыли*** *по Ладожскому озеру от острова Коневца к Валааму* ***и на пути зашли*** *по корабельной надобности в* ***пристань*** *к Кореле. Здесь многие из нас полюбопытствовали* ***сойти на берег*** *<…>. Затем капитан изготовился* ***продолжать путь, и мы снова отплыли***» [7, с. 61]. – «***Leaving the island*** *of Konevets, we* ***sailed*** *on Lake Ladoga bound for the island of Valaam and* ***on the way*** *we* ***entered the harbor*** *of Korela, having stopped there on ship's business. Many of us were glad* ***to go ashore*** *<…>. On our return, our captain was ready* ***to resume the journey and we sailed off*** *again*» [8, p. 51].

«*А как день свадьбы пришел, я <…> и ушел с утра в лес, и* ***ходил****, сам не знаю чего, до самого вечера, все думал: не попаду ли где на ее тело убитое?*» [7, с. 188]. Глагол *ходить* обозначает повторяющееся передвижение, перемещение в пространстве, в разных направлениях или в разное время [9, с. 611]. Прошедшее время и несовершенный вид глагола также указывают на повторяемость действия в прошлом, из чего можно выделить семы «многократности действия», «бесцельного блуждания».

В английском варианте: «*And when the day of the marriage came, <…>, I took to the woods, where I* ***wandered*** *about till evening, not knowing myself for what purpose, hoping against hope to stumble upon her dead body*» [8, p. 183] глагол *to wander* имеет значение: «go from place to place without any special purpose or destination» [10, p. 460], т.е. бродить, странствовать. Таким образом, оба варианта содержат аналогичный семный состав. В английском переводе нет указания на повторяемость действия, т. к. Past Simple глагола to wander указывает лишь на то, что действие в прошлом происходило.

В другом примере вербализуется сема: странник - *сильный, отважный человек: «Он был в полном смысле слова* ***богатырь****, и притом* ***типический****, простодушный,* ***добрый русский богатырь****, напоминающий дедушку Илью Муромца в прекрасной картине Верещагина и в поэме графа А.К. Толстого»* [7, с. 63]. В русском фольклоре богатырь – воплощение народного идеала воина и доброго героя-заступника, обладающего невиданной силой. Сравнивая Флягина с Ильей Муромцем, автор наделяет его характерными чертами. Здесь *странник/богатырь* являются контекстуальными синонимами. *«He was in every sense of the word a* ***real giant*** *of a man, and, moreover, a* ***typical Russian giant****, simple – minded and good – natured, who reminded you of the legendary figure of Ilya Murometz in Vereshchagin's beautiful painting or in the poem of Count Alexey Tolstoy»* [8, p. 53]. В английском переводе контекстуальными синонимами являются *wanderer – giant* (человек необычайной силы).

Впечатление, которое Иван Флягин производит на попутчиков, дополняет характеристику странника. Это был человек, которого невозможно было не заметить, он «*был огромного роста, с смуглым* ***открытым лицом*** *и густыми волнистыми волосами свинцового цвета: так странно отливала его проседь*» [7, с. 62]. – «*He was a man of enormous size, swarthy and* ***open of countenance****, with thick, curly hair of the color of lead: very striking indeed his grizzled head appear!*» [8, p. 53]. *Открытое лицо (open of countenance)* характеризует искреннего, откровенного человека и отражает такой при-

знак странника как «честность». «Опытность» и «бывалость» конкретизируют образ странника.

«Но, при всем этом добром простодушии, не много надо было наблюдательности, чтобы видеть в нем ***человека много видевшего*** *и, что называется, «****бывалого****». Он держался смело, самоуверенно, хотя и без неприятной развязности, и заговорил приятным басом с повадкою»* [7, с. 63].

В английском переводе используется придаточное определительное предложение, а Past Perfect глагола *to see* передает завершенное к моменту в прошлом действие.

«But in spite of his undoubted good nature it did not require much observation to divine in him a ***man*** who ***had seen*** many things in his lifetime*, a man who, as the saying goes, «****had been around****». He bore himself bravely, with self-confidence though not with any objectionable bravado, and he spoke in a pleasant bass voice in the manner of a man who was in the habit of addressing audience»* [8, p. 53].

«*Ноги-то у меня, как я из них щетину спустил, подсохли, такие легкие стали, что как* ***разбежался****, всю степь* ***перебежал***» [7, с. 134]. Употребление глагольной приставки *раз-* в сочетании с частицей *–ся* соответствует эмоциональному состоянию героя, который долго ждал удобного случая, и, согласно словарю, имеет значение постепенного нарастания начатого действия и доведения его до высокой степени. Глагольный префикс *пере-* (перебежал) указывает на направленность движения через определенное пространство, в тексте – степь (обширная, безлесная, ровная территория). По данным словаря, ассоциатами на стимул *степь* являются: широкая, кругом, простор, бескрайняя, большая, раздольная, бесконечная, вольная, необъятная [11]. Данный контекст позволяет выявить концептуальный признак *странничества*: «обширное пространство». Местоименное прилагательное *весь*, употребленное атрибутивно, указывает на качественную составляющую совершенного действия: полностью, целиком. Чтобы вернуться в родное отечество, Флягин проделал пешком огромный путь, а это под силу не многим.

Использование параллельной конструкции в английском переводе позволяет детализировать, с одной стороны, длительность произведенного действия (run on – делать безостановочно), повторение предлога *on* делает эту длительность более выраженной, с другой стороны, уточняется безграничность степи, которую преодолел главный герой. «*My feet soon healed up after I had got rid of the bristles and were so light that once I started* ***to run I ran on and on*** *from one end of the steppe to the other*» [12, p. 42]. В американском варианте семный состав сохраняется, но акцент сделан на повторение однородных сказуемых. «*My feet, after I had got rid of the bristles, healed up completely and they were so light that, having started to run, I* ***ran and ran*** *till I* ***had run from one end of the steppe to the other***» [8, p. 127]. Англоязычный перевод также не лишен образности и экспрессивности.

Сема «обширное пространство» актуализируется в таком контексте: *«… подниму у своего шатра полочку и гляжу на степи … в одну сторону и в другую – все одинаково… Знойный вид, жестокий;* ***простор*** *– краю нет; травы, буйство; ковыль белый, пушистый, как серебряное море, волнуется, <…>, а солнце обливает, жжет,* ***и степи, словно жизни тягостной, нигде конца не предвидится,*** *и тут глубине тоски дна нет…*» [7, с. 120]. Иван Флягин провел в татарском плену десять лет, все это время он тосковал по родине и стремился вернуться в Россию. Жизнь в степи была суровой и непривычной для русского человека, ее обширная территория была лишена той завораживающей красоты русской природы, которой так восхищался главный герой. У любящего раздолье русских полей Ивана Флягина, степная ширь, ее скудная природа вызывала грусть. Лексема *простор* (свободное, безграничное пространство) в сочетании с эпитетом *краю нет* экспрессивно обозначают не просто величину степи (она отражена в семантике слова), а отражают глубину чувств и трудность степной жизни героя.

В английском варианте сема «обширное пространство» представлена лексемами *horizon* (the limit of one's view across the surface of the earth) [13, p. 504], глаголом *stretch* (to spread out in space – простираться, тянуться), осложненным обстоятельством *for miles and miles*, которое усиливает значение, выраженное глаголом.

«… I would raise the flap of my tent and look out onto the steppe … one way and the other… it was all the same. … A fiery furnace, pitiless… For miles and miles the horizon stretched without a break: grass everywhere, feather grass, white and tufted, waving like a silver sea, <…>, and wherever I looked there ***was no end to the steppe****, just as there's no end to life's sorrows, and as there was no bottom to my heartache*» [8, p. 112]. Как и в русскоязычном варианте, английские переводчики описывают степь как бесконечное пространство: «*no end of the steppe*».

Путешествуя, странник Иван Флягин получал не только богатый жизненный опыт, но и новые представления и ощущения. Во время скитаний по земле Флягин встречался с разными людьми и знал много жизненных историй, которыми поделился со своими попутчиками во время путешествия.

«***Повествуют*** *так, что пишет будто бы один благочинный высокопреосвященному владыке < – > этот попик ужасная пьяница, – пьет вино и в приходе не годится*» [7, с. 64]. Глагол *повествовать* (сообщать, рассказывать о каких-л. событиях, фактах) характеризует беседу и вербализует сему «впечатление».

В английском переводе выражение *the story goes* (to consist of a particular series of words, facts) – *говорят*, используют, чтобы ввести фразу или рассказ, переходящий из уст в уста: «***The story goes*** *that one day an archdeacon wrote to his Grace the archbishop to say that the village priest, <…>, was a terrible drunkard, drank vodka day and night, and was no good in his parish*» [8, p. 54].

«*Да, можно, и,* ***говорят, бывали*** *такие случаи; но только я уже стар: пятьдесят третий год живу…*» [7, с. 67]. В данном контексте глагол *говорить* употреблен в 3-м лице ед.ч. и имеет значение «ходят слухи, толкуют» [14, с. 323]. Глагол *бывать* использован в значении «случаться, происходить», в форме прошедшего времени, несовершенного вида и представляет прошлое действие не как результат, а как процесс, не связанный с настоящим. Глагольный суффикс –ва указывает на повторяемость, многократность действия. В этом случае акцентируется внимание не на смене действий, а на их воспроизведении, что делает повествование более живописным и свойственным крестьянскому языку того времени.

«*I daresay you're right, sir. I, too,* ***have heard*** *of such cases, but, you see, I'm a bit too old for the army, I'm fifty-third year…*» [8, p. 58]. В англоязычном варианте использована форма The Present Perfect Tense, которая употребляется для выражения действия, произошедшего в прошлом, но связанного с настоящим своим результатом.

Иван Северьяныч тонко чувствует красоту окружающего мира и откликается на любое ее проявление. Выросший на конюшне, он понимает «в лошади красоту» [7, с. 155]. «*Я как подобной красоты был* ***любитель****, то никак* ***глаз*** *от этой кобылицы* ***не отвлеку****. <…>. И чувствую, что рванулась моя душа к ней, к этой лошади, родной* ***страстию*** [7, с. 101]. Существительное *любитель* (имеющий склонность и пристрастие к чему-л.) точно называет природный дар Флягина, который отлично разбирался в лошадях, что не раз помогало ему в жизни. Фразеологизм *не оторвать глаз* (рассматривать кого-либо или что-либо с удовольствием, восхищением) имеет английский эквивалент *to tear one's eyes away* и подчеркивает эмоциональность и впечатлительность героя. Отношение Флягина к лошадям безошибочно передано существительным *страсть*: сильная увлечённость чем-л., отдача всех своих сил какому-л. делу, занятию; страстность, пыл [15], которое в сочетании с прилагательным *родной* в значении *близкий по духу,* употребленным атрибутивно, иллюстрирует, насколько близок странник к живой природе. В данном примере актуализируется сема «близость к природе».

Английский перевод достаточно точно передает идею автора и имеет одинаковый с русскоязычным вариантом семный состав.

«*I,* ***a lover*** *of such beauty, could not* ***tear my eyes away*** *from her. <…>. And I felt how my soul* ***yearned for*** *her, for that lovely horse, with* ***a great passion*** » [8, p. 93].

Рассмотренное микрополе семантически связано с микрополем 2, так как «Любовь к постоянной перемене мест; скитальчество» означает перемещение в пространстве, не всегда совершаемое по воле путешественника.

2. Любовь к постоянной перемене мест; скитальчество

Значение «вынужденного блуждания» по свету может проиллюстрировать такой пример: «*вышел за ворота и думаю: "Куда я теперь* ***пойду****?" И взаправду, сколько времени прошло с тех пор, как я от господ* ***бежал и бродяжу****, а все я нигде места под собой не согрею*» [7, с. 99]. Глагол движения *идти* (сов. *пойду*) означает «передвигаться, перемещаться в пространстве» [14, с. 631], оттенок необходимости действия передается глаголом *бежать*, в данном контексте: «*совершать (совершить) побег, самовольно, тайком уходить (уйти) откуда-л*» [14, , с.68]. Из контекста понятно, что главный герой устал от скитаний, и его слова «согреть под собой место» имеют ярко выраженный эмоциональный характер. На «бесцельность», «бесконечность» скитаний указывает глагол *бродяжить* «разг. Странствовать (обычно без определенной цели), путешествовать» [14, с. 116]. Сфера употребления глагола *бродяжить* – разговорный стиль, и его использование актуализирует признак *странничества* как «народного явления», так как странниками на Руси преимущественно становились бедные крестьяне.

В переводе используются английские глаголы *to go* и *to leave*, которые делают английский вариант нейтральным. Фразовый глагол *to settle down* имеет значение *поселиться, обосноваться* и не несет никакой стилистической коннотации.

«…as I went through the gates I stopped dead in my tracks, thinking, «Where shall I ***go*** *now?» And indeed I could not help reflecting that although a long time had passed since I* **left** *my masters, I could* ***find no place to settle down****»* [8, p. 91].

В предложениях: *«Никого я к нему не посылал, а все только* ***шел Христовым именем*** *без грошика медного.* ***Прихожу*** *в этот город на торжок, чтобы наниматься. Народу наемного самая малость вышла – <…> точно такие как я,* ***полубродяжки****»* [7, с. 88] сема «*перемещение в пространстве*» передается глаголами движения. Фразеологизм **идти Христовым именем** (прося милостыню, подаяние) соответствует английскому **in the name of Christ** и использован, чтобы сделать акцент на

трудности, которые необходимо преодолеть во время странствия. *Полубродяжка* выступает контекстуальным синонимом ключевого слова *странник* и отражает особенности авторского взгляда на своего героя, который прежде вел оседлый образ жизни, но под воздействием обстоятельств был вынужден отправиться в путь. В английском тексте значение тяжести пути передает глагол *to trudge* (идти с трудом, устало тащиться), а существительное *tramp* (a person who travels from place to place on foot in search of work or as a vagrant or beggar) уточняет еще и способ передвижения – пешком. *Tramp*, являясь контекстуальным синонимом *wanderer*, актуализирует сему «вынужденности путешествия»: *«I didn't send anyone to him, but just* ***trudged*** *along, begging for alms, in the name of Christ, not having a farthing to bless myself with. I arrived in that city and went to the market place to see if anyone would hire me. As it happened there were very few people <…> just* ***tramp****s like me»* [8, p. 80].

Другой контекст позволяет выявить дополнительный оттенок. Несмотря на то, что вести бродячий образ жизни тяжело и опасно, он имеет и привлекательную сторону: «*… я цыганов тогда смерть ненавидел через то, что от первых от них имел* ***соблазн бродить****, и впереди, вероятно, еще иное предчувствовал, как и оправдалось*» [7, с. 139] – «*And, besides, I developed a great hatred for gypsies at that time, seeing that it was a gypsy who first gave me* ***a taste for the life of a tramp****, and I must, I suppose, have also had a premonition of something else which indeed came to pass*» [8, p. 132]. Соответствующее существительному *соблазн* «то, что прельщает, влечет к себе; искушение» [9, с. 169.] английское словосочетание *taste for* «a liking for or interest in (something)» (склонность, пристрастие) содержит положительный оценочный компонент. В этом контексте наблюдается идея «добровольного выбора» скитальческого образа жизни.

Из контекста видно, что человеку, привыкшему проводить жизнь, путешествуя с места на место, трудно вести оседлый образ жизни. Глагол *пробегаться* помечен в словаре как разговорный и имеет значение: «совершить прогулку бегом, побегать, размяться в беге» [16, с. 462.], глагол *засидеться* «просидеть, пробыть чересчур долго» имеет отрицательную коннотацию. Реализация концепта построена на антонимичности значений *пробегаться – засидеться* на месте: долгое пребывание на одном месте может иметь пагубные последствия для героя.

«*Я, – говорит, – его не могу разобрать, что он такое: так просто добряк, или помешался, или взаправду предсказатель. <…> Прогоните, – говорит, – его куда-нибудь подальше* ***пробегаться****, может быть, он* ***засиделся на месте***» [7, с. 213].

В английском переводе реализации концепта служит словосочетание *to visit remote places* – посещать отдаленные места; необходимо отметить, что семантика прилагательного *отдаленный* предполагает необходимость путешествия. Present Perfect глагола *to be* указывает, что действие началось в прошлом и продолжается в настоящий период времени. «*I can't make out what's the matter with him. Is he just a harmless, good-natured soul, or is he a lunatic, or, maybe, really a prophet?* ***Let him go and visit remote places****, perhaps* ***he's been too long in one place***» [8, p. 210].

Человек, который всю жизнь проводит в скитаниях и нигде не остается подолгу, не связан с определенным местом имущественными или моральными ограничениями, что позволяет выделить сему «вольный человек».

«*Отрадно я себя тут почувствовал, через столько лет совершенно* ***свободным человеком****, с законною бумагою и пошел. Намерениев у меня никаких не было, но на мою долю Бог послал практику*» [7, с. 138]. – «*I felt very happy* ***to be a free man*** *at last after so many years and to be in possession of a legal paper, and so I went away. I had no definite plans for my future, but the Lord soon provided me with a job*» [8, p. 131].

3. Особая форма отношения к жизни

По мнению Ивана Флягина, его жизнь была предопределена с самого рождения, так как он у своей матери «молитвенный сын» и это обязательно должно было привести его в монастырь. Однако Флягин всю жизнь пытался избежать этого предназначения, но, как признался главный герой, «своего пути не обежишь» [7, с. 72]. Вся его жизнь – борьба с судьбой, благодаря которой развиваются его физические и нравственные качества.

«*Мне надо было бы этим случаем графской милости пользоваться да тогда же, как монах советовал, в монастырь проситься; а я, сам не знаю зачем, себе гармонию выпросил, и тем первое самое признание опроверг, и оттого пошел от одной* ***стражбы*** *к другой, все более и более* ***претерпевая****…*» [7, с. 82]. Глагол *стражду* (*страждешь*) пришел в русский язык из церковнославянского языка и принадлежал «высокому» стилю речи. *Стражду* – уцелевшее архаичное образование к глаголу *страдать*: «испытывать сильную физическую или нравственную боль, страдания; мучиться» [9, с. 280]. В словарях русского языка существительное *стражба* в значении *страдание* не встречается и является индивидуально – авторским неологизмом, экспрессивность которого позволяет осознать

всю тяжесть испытаний, пережитых главным героем. Глагол *претерпевать* помечен в словарях как устаревший, со значением: «перенести, пережить, испытать что-л. тяжелое, неприятное» [16, с. 386]. Таким образом, исходя из словарных значений анализируемых лексем, можно выделить семы «долготерпение», «толерантность», «стойкость».

В английском переводе используется словосочетание *to suffer a calamity* – страдать, переносить беды, неприятности; причастие I *undergoing* (подвергаясь чему-л. неприятному, болезненному) со сходным семантическим значением, существительное *trial* «a test of faith, patience, or stamina through subjection to suffering or temptation» [17]. Контекст содержит указание на «качество» испытаний, уровень которых, вследствие использования повторяющегося прилагательного *great* в сравнительной степени, возрастает. «*I should have made use of the occasion of his lordship's kindness to me and asked him, as the monk had advised, to let me enter a monastery; but instead I had, without knowing myself why, asked for an accordion and thereby renounced my first true calling, and was destined for that reason* ***to suffer one calamity after another***, ***undergoing*** *greater and still greater* ***trials****…*» [8, p. 73].

В другом примере для экспликации концепта служит индивидуально-авторская лексема *драмокомедия*, образованная путем словосложения двух антонимичных слов *драма – комедия*, что вызывает горькую иронию по отношению к главному герою.

«*Упрошенный слушателями, Иван Северьяныч Флягин рассказал нижеследующее об этом новом акте своей* ***житейской драмокомедии***» [7, с. 129]. – «*In compliance with the entreaties of the passengers, Ivan Severyanych Flyagin told the following story about this new act in the* ***tragicomedy*** *of his life*» [8, p. 121].

Не имея крыши над головой после увольнения с армейской службы, Иван Флягин пошел в монастырь, жизнь в котором напоминает ему военную службу: «и одет, и обут, и накормлен, и начальство смотрит и повиновения спрашивает» [7, с. 204]. Существительное *кров* имеет переносное значение: «дом, жилище, приют». Выражение *остаться без крова и пищи – no roof over one's head* (no place to live) актуализирует сему «бесприютность», «одиночество» странника.

«*Совсем* ***без крова и без пищи остался****, <…>, и я все думал-думал, как этого положения избавиться? <…>, так я взял и пошел в монастырь*» [7, с. 203]. – «*Well, for a while I* ***had nothing to eat and no roof over my head****, <…>, so I kept on racking my brains for a way to get out of this situation. <…>, so I decided to enter a monastery*» [8, p. 200].

«*Проговорив это,* ***очарованный странник*** *как бы вновь ощутил на себе наитие вещательного духа и впал в тихую сосредоточенность, которой никто из собеседников не позволил себе прервать ни одним новым вопросом*» [7, с. 214] – «*Having said that,* ***the enchanted wanderer*** *seemed again to feel the spirit of prophecy coming upon him and he fell into a quiet meditation which none of his fellow passengers dared to interrupt with any more questions*» [8, p. 211].

В данном контексте ядерная лексема *странник* содержит сему «отличающийся от других странностями», «делающий все на свой лад». Интересно отметить, что словарное значение лексемы *странник*: «тот, кто странствует, путешествует (обычно пешком).‖ Перен. О том, кто постоянно передвигается с места на место, нигде не остается подолгу» [18, с. 991] не полностью передает смысл странничества как духовного развития Ивана Флягина, который не только много скитался, но и, странничая по жизни, переживая испытания и искушения, посланные судьбой, прошел путь нравственного становления, что и превратило его в богатыря. Эпитет *очарованный* также имеет символическое значение. По данным словаря *очарованный*: «*в знач. прил. Устар. Находящийся, по суеверным представлениям, под действием чьих-л. чар; 2. в знач. прил. Выражающий восхищение*» [19, с. 731]. Иван Флягин находится во власти колдовских чар, которые ведут его сквозь все жизненные испытания, ведь он «многое не своею волею делал» [7, с. 73]. С другой стороны, Иван Северьяныч тонко чувствует красоту окружающего мира. Оба эти обстоятельства имеют большую власть над его душой.

4. Образ жизни, связанный с исполнением религиозных обрядов; паломничество

Существительное *паломник* является синонимом лексемы *странник* со значением: «богомолец, странствующий по так наз. «святым местам». || обычно мн. ч. (паломники, -ов) перен. Тот, кто путешествует с целью отдать дань, почтение кому-, чему-л.» [16, с. 14].

«В России паломничество в Святую Землю началось уже в ранние времена русского христианства, около середины 11 в. К 12 в. страсть к паломничеству до того распространилась, что церковная власть находила нужным сдерживать не в меру ревностных паломников, у которых составлялось представление, что паломничество необходимо для действительности душевного спасения.

Согласно православным энциклопедиям, с 15 в. число путешествий возрастает и они становятся разнообразнее. Тип рассказов остается еще прежний, но условия странствий изменились, и паломник по необходимости вдается в подробности о самом путешествии, которые в прежнее время чаще всего умалчивались» [20].

В тексте повести лексемы *паломник/паломничество–pilgrim/pilgrimage* не встречаются.

Явление паломничества в данном контексте представлено описательно. Согласно Словарю русского языка XVIII века, лексема *богомоление* (*богомолье*) означает: «отправление церковных служб, обрядов; приношение молитв богу. || Посещение церквей; паломничество» [21, с. 81] и является контекстуальным синонимом существительного *паломничество*. Глагол *пробираться* использован в значении «пройти куда-л., сквозь что-л., преодолевая препятствия на своем пути» [16, с. 465—466]; ***поклоняться*** имеет значение «1. Чтить кого-, что-л. как божество, как высшую силу. 2. Относиться с преданным восхищением, благоговением к кому-, чему-л.», что отражает такие признаки паломничества как «долгое трудное путешествие», «отказ от домашнего комфорта и удобства ради поиска духовного смысла». Таким образом, *богомолье, поклонение* являются репрезентантами микрополя «паломничество».

«*Вот меня и отпустили, и я теперь на* ***богомоление*** *в Соловки к Зосиме и Савватию благословился и* ***пробираюсь****. Везде был, а их не видал и хочу им перед смертью* ***поклониться***» [7, с.213].

В английском переводе репрезентантами микрополя «pilgrimage» являются: глагол *to pray* «to address God or a god with adoration, confession, supplication, or thanksgiving» [17]; глагол *to kneel*, означающий «to bend the knee: fall or rest on the knees» (преклонять колени) [17], что не совсем точно передает смысл русской лексемы *поклоняться*.

«*So they let me go and now I am on my way to the Solovky Monastery* ***to pray*** *at the tombs of St. Zossima and St. Sabbatai, for which I have obtained the blessing of the abbot, for I want* ***to kneel*** *to them before I die*» [8, p. 210].

В данном примере паломничество рассматривается не как путешествие ради духовного обновления, а как «целительный ритуал».

«*Но только через некоторое время* ***поехали*** *мы с графом и с графинею в Воронеж, –* ***к новоявленным мощам*** *маленькую графиньку косолапую на исцеление туда везли…*» [7, с. 79]. – «*A short time after that we* ***went*** *with the count and countess to Voronezh (to cure their little daughter of her deformed toes they* ***were taking her to the recently discovered relics of a saint****)…*» [8, p. 70].

Во время долгих скитаний Иван Флягин тосковал по Родине, кроме того, вера имела для него большое значение, потому он и мучился в татарском плену: «столько лет на духу не был, и живешь невенчанный, и умрешь неотпетый, и охватит тебя тоска, и … дождешься ночи, <…> и начнешь молиться… и молишься… так молишься, что даже снег инда под коленами протает, и где слезы падали – утром травку увидишь» [7, с. 122].

«…все им рассказал: откуда я и где и как пребывал. Всю ночь я им, у огня сидя, рассказывал <…>, и все мне так радостно было, что я опять на ***святой*** Руси» [7, с. 136]

«I became very talkative and told them everything. I went on talking to them throughout the night, sitting at the campfire <…> and feeling so happy because I was in ***Holy Russia*** again» [8, p. 129].

Эпитет *святой* в данном контексте имеет двойственное толкование и эмоционально отражает чувства главного героя, возвратившегося домой. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой дано такое определение: «высок. Глубоко чтимый, такой, в котором заключено самое дорогое и заветное, святая Русь (народно-поэт. и трад.-поэт.) – поэтическое название Руси, России» [9, с. 59 – 60], отсюда, *святая Русь* – «дорогое сердцу место», с другой стороны, это «возможность исполнения религиозных обрядов», любовь к святости Ивана Флягина. Английская лексема *holy* означает: «good in a moral and religious way» [22] и служит экспликации концепта «Pilgrimage».

Таким образом, анализ ядер микрополей, входящих в структуру концепта «Странничество», а также рассмотрение синонимических отношений ключевого слова позволил выделить дополнительные когнитивные признаки базового концепта в исследуемых языках, определить сходные черты и различия в двух языках.

The article deals with the analysis of the language units which represent microfields of the concept «*Wandering/Странничество*». It allows to describe additional cognitive features of the concept under study in the Russian and English languages and to reveal their common features and differences in both languages.
The key words: *concept, microfield, cognitive features, lexeme, seme*

Список литературы

1. Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В. Пименовой. Вып.4. Кемерово: 2004.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007.
3. Словарь синонимов русского языка: В 2 т.; под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1971. Т. II.
4. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Школа «Язы-

ки славянской культуры», 2003 г.

5. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2001.

6. Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: http://www.merriam-webster.com/thesaurus/wanderer

7. Лесков Н.С. Очарованный странник. М.: Астрель, 2006.

8. Leskov Nicolai. The Enchanted Wanderer; tr. By David Magarshak / Selected Tales. New York. Farrar, Straus and Giroux, 1987.

9. Словарь русского языка: В 4 т.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т.4.

10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, New York, 1998. Vol. II.

11. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tesaurus.ru/dict/dict.php

12. Leskov Nikolai. The Enchanted Wanderer; tr. by George H. Hanna from the compilation «The Enchanted Wanderer and Other Stories» [Electronic resource]. URL: http://home.freeuk.com/russica2

13. Словарь современного английского языка. Longman Dictionary of Contemporary English: В 2 т. М.: Русский язык, 1992. Т. 1.

14. Словарь русского языка: В 4 т.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т.1.

15. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. gramota.ru/slovari/dic/?all =x&word=% 25F1%25F2%25F0%25E0%25F1% 25F2% 25FC

16. Словарь русского языка: В 4 т.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т.3.

17. Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary/trial.

18. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР, Ин-т языкознания. Москва-Ленинград: АН СССР, 1948-1965. Т.14, 1963.

19. Словарь русского языка: В 4 т.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т.2.

20. Религия: Энциклопедия / сост. и общ. ред. А.А. Грицанов, Г.В. Синило. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги/Религия/Паломничество/

21. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984. Вып.2.

22. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: http://oald8. oxfordlearners-dictionaries.com/dictionary/holy

Об авторе

Шепетовская А. Л. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, ironis@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный.

Статьи представляются в редколлегии серий в печатном и электронном виде с использованием MicrosoftWordдля Windows . Поля страницы: левое - 2 см, правое -2 см, верхнее - 2 см, нижнее - 2 см. Текст - шрифтом TimesNewRoman, 12 pt, межстрочный интервал - одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются.

Объем статей, как правило, не должен превышать 12 страниц, включая список литературы. Список литературы формировать в порядке цитирования или в алфавитном порядке (в начале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках. Подписи к рисункам, таблицам - шрифт TimesNewRoman, 12 pt, межстрочный интервал - одинарный.

Перед названием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру.

Ниже через два интервала указать инициалы и фамилии авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через два интервала указать адрес места работы, e-mail автора (соавторов) - обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по центру.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правописания». П.7.4.2. (текстом.:http://protect.gost.rv/documeht.aspx?control=7&id=173511).

Аннотация статьи должна не превышать 1200 знаков (с пробелами) и располагаться ниже на два пробела от последнего адреса места работы авторов - обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по ширине. В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (5 - 7).

В конце статьи на английском языке приводятся название, инициалы и фамилии авторов, адреса мест работы авторов, аннотация и ключевые слова с теми же правилами оформления, что и на русском языке.

Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи.

К статьям, направляемым в редколлегии серий, должна быть приложена авторская справка: Фамилия, Имя, Отчество, научная степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail.

К статьям, выполненными аспирантами или соискателями научной степени кандидата наук, необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Редколлегии серий направляют полученные статьи на рецензирование.

Редколлегии серий оставляют за собой право вернуть статью на доработку.

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ/ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

/ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Подписано в печать 20.04.09. Формат 60x84/8.
Печать на ризографе.Бумага офсетная.
Усл. п. л. 38,9. Тираж 500 экз.

РИО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского.
241036, г.Брянск, Бежицкая, 14.

Отпечатано в типографии РИО БГУ